

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. Д. ГРЕКОВ

КРЕСТЬЯНЕ
НА РУСИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО XVII ВЕКА
КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1954

*Постановлением Совета Министров Союза ССР
академику Б. Д. Грекову за научный труд
«Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века»,
опубликованный в 1946 г.,
присуждена Сталинская премия первой степени*

Часть четвертая

РОСТ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА.
ИЗМЕНЕНИЯ
В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.
БАРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО,
КРЕСТЬЯНСКАЯ БАРЩИНА
И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

1. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вторая половина XV и первая половина XVI в. — это время крупнейших перемен в жизни всей Европы. Одни страны переживали переходный период от средневековья к новому времени, от феодализма к капитализму, перестраивали всю свою хозяйственную систему (Англия, Нидерланды, Италия, Кастилия, Португалия, в значительной степени Франция), другие (Русь, Австрия, Венгрия, Восточная Пруссия, Польша, Литва, Ливония) еще долго оставались феодальными и вынуждены были приспособлять новые требования жизни к феодальным общественным отношениям.

Исчезала феодальная замкнутость отдельных государств. Новые открытия в области географии, подсказанные переменами в хозяйственной жизни Европы, расширили возможности общения с далекими и богатыми странами. Золото наводило Европу. Антверпен с его портом и биржей стал центром международного торгового оборота.

Изменилась экономическая карта мира. От стран с преобладающей сельскохозяйственной отраслью производства потребовалось усиление добычи сельскохозяйственных продуктов как для удовлетворения нужд тех стран, которые сократили у себя обработку полей, так еще в большей степени для удовлетворения нужд растущего собственного внутреннего рынка.

Никто не станет отрицать, что и Новгородская земля, Псков и северо-восточная Русь были втянуты в общеевропейский водоворот. Москва прекрасно знает все, что делается в Европе, ей хорошо известен и Антверпен. Иван Грозный, заключая договор со Швецией в 1557 г., за право шведских торговцев ездить через Москву в Индию и Китай потребовал для

московских купцов права проезда через Швецию в Испанию, Францию, Англию, «Любок и Антроп»¹. Интересуется Москва и связями с Востоком. Тверской купец Афанасий Никитин в 1467 г., т. е. за 30 лет до знаменитого португальца Васко-де-Гама, совершил большое путешествие в Иран, Индию и Турцию. Он отправляется в далекие страны, мало известные тогда во всей Европе, на разведки с торговыми целями. Во время своего путешествия, длившегося несколько лет (в Индии он пробыл 3 года), Афанасий Никитин присматривается, наблюдает, записывает, в результате чего получился замечательный дневник. И. И. Срезневский ставит его дневник наряду с дневником Васко-де-Гама и отчетами Де-Конта². С арабским языком Афанасий Никитин настолько освоился, что в своем дневнике иногда пишет по-арабски.

В 1474 г. в Венецию едет посол Семен Талбузин искать мастеров. С этой же целью туда же посылаются посольства в 1493 и 1499 гг. В 1489 г. был послан Иваном III в Австрию Юрий Траханиот с поручением: «Добывать великому князю мастеров: рудника, который руду знает золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет от земли отделять золото и серебро...; добывать также мастера хитрого, который бы умел к городам приступать, да другого мастера, который бы умел из пушек стрелять, да каменщика добывать хитрого, который бы умел палаты ставить, да серебряного мастера хитрого, который бы умел большие сосуды делать и кубки, да чеканить бы умел и писать на сосудах». Просили также лекаря. У венгерского короля Матвея (Матиаса) Иван III просит также рудознатцев, архитекторов, серебряных дел мастеров, пушечных литейщиков. Венгерский король Матвей рекомендовал Ивану III Аристотеля Фиоравенти. В 1490 г. привезены были в Москву лекаря, мастера стенные, палатные, пушечные, серебряных дел и даже «арганый игрец». В 1494 и 1504 гг. прибыли вновь мастера из Италии³.

Из Москвы, Новгорода, Коломны, Твери отправляются купцы в Кафу, Царьград, Азов, Токату. Из Кафы русские купцы вывозили: шелк, шелковые и шерстяные материи, шелковую тесьму, ширинки кисейные, бумагу хлопчатую, кушаки, сафьян, сабли, сагадаки, гребни, ожерелья, дорогие камни, губки, ковры, жемчуг, ладан, мыло, грецкие орехи, инбирь, перец, миндаль, ремень, шафран, мускус, камфору, краски. Из Кафы приезжали в Москву армяне.

¹ Р. Ю. В и п е р. Иван Грозный, М.—Л., 1944, стр. 9.

² «Ученые записки второго отделения Академии Наук», 1856, кн. II, вып. 2, стр. 245 сл.

³ С. М. С о л о в ъ е в. История России, кн. I, стб. 1541—1542 и др.

Торговала Москва также с Литвой и с Казанью⁴.

По свидетельству венецианца Контарини (1474 г.), в Москву во время зимы съезжалось множество купцов из Германии и Польши для покупки главным образом мехов⁵.

«Московия, — по словам Альберта Кампензе, — весьма богата монетою, добываемою более через попечительство государей, нежели через посредство рудников, в которых, впрочем, нет недостатка, ибо ежегодно привозится туда со всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для москвитян почти никакой ценности, но стоящие весьма дорого в наших краях»⁶.

Изменилось в конце XV в. и международное положение России. Западноевропейские и восточные государства не могли не заметить новой политической силы, выросшей на равнине Восточной Европы. В Москву потянулись посольства различных государств. Москва отправляет своих послов к другим европейским дворам. Германский император предлагает московскому великому князю союз, непрочь связать его браком своих родственников с дочерьми Ивана Васильевича, готов возложить на его голову королевскую корону, что, впрочем, Иван III считает совершенно излишним, так как он и без того государь на своей земле изначально от первых своих прародителей, имеет, по его словам, поставление от самого бога, а иного поставления, твердо заявил он, «как наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим».

Взятие Константинополя турками, брак Ивана Васильевича с наследницей византийского престола, устроенный при посредстве римского папы, выдвинули московского великого князя как силу, без которой Западная Европа не могла и мечтать о борьбе с турками. Повсюду были живы отзвуки Куликовской битвы. Иван III не только следит за всем, что делается в Европе, но и весьма деятельно хлопочет о том, чтобы извлечь из европейских соглашений выгоды для своего государства.

Рост удельного международного веса русской державы прежде всего объясняется, конечно, ее мощью, ее большими успехами, не только в ратном деле, но и в экономике. Все источники, имеющиеся в нашем распоряжении, часть которых приведена уже выше, говорят о большом экономическом оживлении, в Русском государстве, бросающемся в глаза каждому наблюдателю.

Великокняжеская централизующая власть могла достигнуть своих больших успехов в борьбе за объединение страны и

---

⁴ Там же, стб. 1535—1536.

⁵ Библиотека иностранных писателей о России XV—XVI вв., т. I, стр. 111.

⁶ Там же. Письмо к папе Клименту VII (1523—1524).

за внешнюю ее безопасность только на определенной экономической и общественной базе, при поддержке общественных сил, заинтересованных в усилении единодержавного строя на Руси. Этими общественными силами прежде всего были городские массы и та часть дворянства, которая переходила на службу к московскому государю, становилась в ряды его войска и свое собственное благополучие связывала с успехами его борьбы против сепаратистских сил старинной феодальной знати.

2. РОСТ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА

После труда «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина, где специально изучен процесс образования внутреннего рынка, до этого, особенно в народнической литературе, игнорировавшегося, стало ясно значение проблемы товарного хозяйства, от правильного решения которой во многом зависит понимание общественно-экономического развития всей Европы и России в частности.

Обращение к внешнему рынку для объяснения эволюции общественно-экономических явлений данного времени неизбежно, естественно и понятно, но недостаточно. В нашем распоряжении действительно имеются некоторые факты, говорящие о спросе на русский хлеб за рубежом. Швеция покупала русский хлеб, на что косвенно указывают некоторые данные новгородских писцовых книг.

В писцовой книге Оболенской пятины 1582—1583 гг. в погостах, близко лежавших к шведской границе, упоминаются складочные места. До разорения, вызванного Ливонской войной, во Введенском погосте на Ояти, например, стояло 24 амбара, куда «кляли всякие товары», а в Вытегорском погосте в такие же амбары даже во время хозяйственной разрухи «сыплют хлеб и соль и всякий товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди»¹.

У нас нет точных сведений, для кого именно предназначался хлеб, свозимый к шведской границе в эти амбары крестьянами и приезжими торговыми людьми. Но самое естественное предположение, — что этот хлеб предназначался для Швеции, так как о спросе в Швеции на русский хлеб у нас имеются сведения. В 30-х годах XVII в. Швеция пытается закупить хлеб в Архангельске, ввиду предстоящей войны². В 1649 г. запрещен был вывоз хлеба в Швецию

¹ Писцовая книга Оболенской пятины 1582—1583 гг. К. Неволлин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. Прил. VI, стр. 149.

² Б. Ф. Поршнев. Густав Адольф и подготовка Смоленской войны. «Вопросы истории», 1947, № 1.

Имеются сведения и о голландском купце, который скупал хлеб в 1629 г. в Заонежских погостах, на что жаловались новгородские гости. Русские гости обвиняли и англичан в том, что они якобы «оголодали» русское царство³.

Михаил Федорович запретил вывоз хлеба за границу, вследствие тяжелых условий, в каких очутилась Россия в 20-х годах XVII в.

К сожалению, вопрос о хлебной торговле в XV—XVI вв. специально не исследован. Но можно с уверенностью сказать, что заграничная торговля хлебом в это время еще не играла сколько-нибудь значительной роли, способной повлиять на общее состояние сельского хозяйства в России.

Иное значение имел рост внутреннего рынка, обусловленный дальнейшим общественным разделением труда внутри страны, т. е. в конечном счете развитием производительных сил. Без учета внутреннего рынка нельзя понять тех больших перемен в организации феодального хозяйства, которые происходят в рассматриваемое время в тех странах, где земледелие было главной отраслью производства, и которые сравнительно мало были втянуты в международную торговлю. В этих странах и крестьянские хозяйства, и хозяйства самих феодалов начинают втягиваться в товарооборот. Это происходит под влиянием прежде всего внутреннего рынка, на рассмотрении которого мы должны специально остановиться, если хотим разобраться в сложных явлениях общественной жизни России того времени.

Общее впечатление от существующей по этому предмету литературы — это явная недооценка того большого сдвига в жизни северо-восточной Руси, которым обусловлено возникновение великой державы с центром в Москве. Бросается в глаза полное невнимание к периодизации истории русских городов, игнорирование внутренней связи в отдельных проявлениях экономического роста страны и, в частности, взаимоотношений города и деревни.

По С. М. Соловьеву, даже город XVI—XVII вв. продолжал быть огороженным селом: «Города здесь носят характер сел; горожане занимаются земледелием, и, таким образом, города московские XVII века напоминают города древлянские, о которых говорится в сказании о мести Ольгиной»⁴. Так представлял себе русские города XVI—XVII вв. знаменитый буржуазный историк России.

В. О. Ключевский делал исключение лишь для «очень немногих городов», которые «подходили сколько-нибудь под

---

³ Н. И. Костомаров. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях, Собр. соч., кн. 8, стр. 252, 253, 257.

⁴ С. М. Соловьев. История России, кн. III, стб. 659.

понятие города «в европейском смысле»; остальные (по его мнению) только тем отличались от окрестных селений, что были огорожены и имели большие размеры, но большинство населения их промышляло теми же занятиями, как окрестные сельские жители»⁵. Под городом в «европейском смысле» автор разумел «центр, в котором сосредоточивается торговое и промышленное население известного округа»⁶. Н. Хлебников вполне примыкает к этой характеристике состояния городов в Русском государстве: во «второй половине XVI в., — пишет он, — едва ли можно думать, что хотя в двух или трех городах были торговые городские жители»⁷.

П. Н. Милюков, резко противопоставляя историю России истории Западной Европы, говорит, что русский город «за единичными исключениями... возникал не из скопления в одном месте населения, занятого промыслами и торговлей. Промыслы и торговля в России могли обходиться и без развития городской жизни, потому что долго сливались с сельскими занятиями. Раньше, чем город стал нужен населению, он понадобился правительству». Город, «понадобившийся правительству», был военным укрепленным оборонительным пунктом. Но все же и П. Н. Милюков вынужден признать, что «настоящее... городское (т. е. торгово-промышленное) население жило вне «города», на «посаде», почему и называлось «посадскими» людьми... Вокруг посада появлялись «слободы», куда стекались промышленные люди и ремесленники»⁸.

Н. И. Костомаров значительно расходится с вышеприведенными мнениями. «Посадом, — говорит он, — называлось то, что теперь мы привыкли называть городом, и название посадский человек означало то же, что теперь мещанин. Посады были пунктами торговой и промышленной деятельности». Город в узком смысле слова Н. И. Костомаров считает крепостью и административным центром⁹.

К компромиссному решению вопроса пришел в своем специальном исследовании Н. Д. Чечулин. С одной стороны он признает, что «в области права... не было никаких сколько-нибудь важных различий между черными людьми — жителями городов и черными людьми деревень и сел», что «в юридическом отношении различие между городом и деревней или совершенно

---

⁵ В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве, М., 1908, стр. 251.

⁶ Там же.

⁷ Н. Хлебников. О влиянии общества на организацию государства, СПб., 1869, стр. 5, 69 и сл.

⁸ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 1, СПб., 1904, стр. 226.

⁹ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. 8, СПб., 1906, стр. 6—7.

не существовало, или было очень незначительно». С другой стороны он же подчеркивает: «если мы и находим в городах, как в селах, жителей с одними и теми же правами и обязанностями, а частью даже занимавшихся одинаково земледелием и ремеслами, так что только размеры поселений и большее или меньшее развитие того или другого рода занятий жителей отличало город от деревни, то, во всяком случае, и такая количественная разница была тут настолько значительна, что дает нам полное право рассматривать положение городов отдельно от изучения положения сел и деревень»¹⁰.

В 1917 г. появился новый специальный труд по истории городов Русского государства П. П. Смирнова. Автор сделал попытку классификации древнерусских городов и в то же время периодизации их истории. Три типа городов, по его мнению, существовало на Руси: 1) своеземческие города, 2) владельческие — холопы и 3) «новые» владельческие. «Своеземческий» город возникает из поселения свободных людей на им же принадлежащей территории; холопий — из поселения «несвободной челяди на территории несвободной, принадлежавшей владельцу или обращавшейся в таковую в силу поселения на ней рабов»; третий тип города образуется из «поселка свободного населения на несвободной владельческой земле». Это города-слободы, преемниками которых и являются московские города XVI—XVII вв.¹¹ Автору нельзя отказать в оригинальности, но едва ли можно признать обоснованность его классификации. Особенно возбуждают сомнения его «холопы» города.

С недавнего времени над проблемой происхождения русских городов много и успешно работают наши историки и археологи¹².

Исследования советских историков отличаются от старых иной постановкой вопроса в связи с иным пониманием сущности города. Какого бы происхождения городское поселение ни было — возникает ли он из бурга (укрепленного пункта), вотчины или из общины, город всегда есть результат общественного разделения труда и является поселением с преобладающим населением ремесленного и торгового характера. Рост городов как ремесленных и торговых центров всегда есть показатель роста прежде всего внутреннего, а затем и внешнего рынка.

¹⁰ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в., СПб., 1889, стр. 309—310.

¹¹ П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 1, Киев, 1917, стр. 1—8.

¹² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, Уч. записки МГУ, № 99; С. В. Бахрушин. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 25—64. См. также: С. В. Юшков. Очерки, стр. 20—24 и статью С. В. Бахрушина в Большой советской энциклопедии (изд. 1) под словом «Город».

Я не беру на себя задачи рассмотрения этого большого предмета в целом¹³. В данной связи для моих целей полезно будет на нескольких примерах констатировать многочисленные факты возникновения новых поселений городского типа и оживления старых городов во второй половине XV и первых трех четвертях XVI в.

Хочу обратить внимание на тот уголок русской земли, который орошается рекой Мстой. Останавливаюсь именно на этой территории потому, что ее легче всего изучать по данным Новгородских писцовых книг. Река Мста представляет интерес и в том отношении, что она связывает Московскую область с Новгородом, т. е. является одной из удобных дорог между двумя крупными городами и областями.

Во второй половине XV в. здесь наблюдаются яркие симптоматические показатели. Берега реки, даже ее острова усеиваются рыночными и ремесленными поселениями — рядками, возникающими на базе деревенских поселков. Связь населения рядков с сельским хозяйством на наших глазах медленно, но систематически порывается и, наконец, исчезает совсем.

Обычный тип рядка — это поселок с ремесленным и торговым населением, с лавками, гостинным двором, амбарами и складами зерна и муки, с жилыми дворами обитателей рядка, именуемых рядовичами, которых, конечно, необходимо отличать от рядовичей «Русской Правды»: кроме созвучия они решительно не имеют между собой ничего общего.

Иногда тут же устраивается и таможенный двор. В житницы сыпают п р и в о з н ы й хлеб, а в амбарах хранят всякий мелкий товар, в гостинных дворах «ставятца [приезжие. — Б. Г.] крестьяне с х л е б о м и со всяким товаром»¹⁴. Рядки энергично развиваются.

В рядке Млево, например, в конце XV в. было 225 лавок, а в первой половине XVI в. здесь уже 332 лавки. Стоит рядок на «помещицъей» земле. Лавки ставят помещицы крестьяне. В рядке Боровичском Бежецкой пятины (вторая половина современных Боровичей лежала на другой стороне Мсты, уже в Деревской пятине) в 1574 г. было 7 дворов нетяглых церковных, 7 пустых тяглых, 114 тяглых живущих. Так как 70-е годы были годами в хозяйственном смысле неблагополучными, о чем и говорят 7 заустевших дворов, мы вправе считать, что в первой

¹³ Работа в этом направлении идет. См. мой очерк «Предпосылки образования городов на Руси» (Киевская Русь, изд. 1949 г., стр. 92—106); М. Н. Т и х о м и р о в. Древнерусские города, а также археологические исследования древнерусских городов (Киева, Новгорода, Чернигова, Рязани, Смоленска, Ладоги и др.).

¹⁴ НПК, т. VI. Бежецкая пятина. Рядок Удомля. Т а м ж е. Рядок Млево.

половине XVI в. здесь не было пустоты, т. е. тяглых живущих дворов было 121.

По профессиям эти 114 дворов распределяются так: «пашенных» — 29 (25,5%), торговых людей — 17 (14,9%), кормщиков — 9 (7,9%), пирожников — 8 (7,1%), кузнецов — 6 (5,26%), хлебников и портных по 4 (по 3,5%), сапожников и извозчиков по 3 (по 2,63%), рыбников, мясников, судоплатов — по 2 (по 1,75%), перевозчиков, ржаников, швецов, коровьих пастухов, молодожников, биричей, соляников, профессии, которая обозначается описательно «ходит в посохе наймучись», и пивоваров — по 1 (по 0,87%), «ходящих наймучись и казак» — 5 (4,4%) не обозначено профессии — 7 (6,1%).

Наличие здесь «пашенных» людей требует некоторых разъяснений. Пашня у этих людей не обычная деревенская. На 29 дворов приходится всего $62\frac{1}{4}$ четвертей, т. е. на каждый двор в среднем — 2,14 четверти, между тем как в ближайших к рядку деревнях на крестьянский двор в то же время приходится от 8 до 11 четвертей¹⁵. Население рядка платит подати не с земли, а с дворов, лавок и амбаров. (Можно ли при этих условиях говорить об отсутствии или незначительности юридических отличий городского и деревенского населения?)¹⁶.

Аналогичную по существу картину мы наблюдаем и в других рядках. Например, в Богородицком погосте рядок Витча на Мсте имеет дворов рядовичей 38 и один бобыльский. Пашня здесь тоже есть, но что за пашня? Сеют только яровое. Самого главного и характерного для крестьянского хозяйства, озими, нет совсем («а двуполь у них нет»)¹⁷. В рядке Потерпелицы занимаются главным образом гончарным промыслом, для чего привозят глину из Боровичского погоста...¹⁸. «Пашенные» боровичские люди — это только напоминание о недавнем прошлом. Сейчас «пашенные» уже отбыли пашни. Впереди у них полный отрыв от земледелия и превращение в посадских людей, т. е. настоящих горожан.

«Торговые люди» в большинстве случаев такого же происхождения. Одни имеют свои мастерские, лавки и амбары, другие только лавки или только амбары, кто побогаче имеет по 2 лавки и по 2 амбара. Ремесленники, конечно, имеют свои мастерские, в то же время они и торгуют. Очень важно для моих целей заглянуть в эти лавки и ознакомиться с ассортиментом товаров.

В Боровичах больше всего лавок с хлебом и солью, за ними по нисходящей идут лавки с солью и сапогами, потом — с сапога-

¹⁵ НПК, т. VI, стр. 911—925 и 942—946.

¹⁶ Ср.: Н. Д. Ч е ч у л и н. Города Московского государства, стр. 309.

¹⁷ НПК, т. VI, стр. 863—864.

¹⁸ Т а м же, стр. 929.

ми и рукавицами, лавки с щепетным товаром. Есть одна лавка специально с железным товаром (лемехи и косы), одна — овощная.

Впечатление очень определенное: местное ремесло производит на сбыт предметы первой необходимости для массового потребителя и, конечно, не только для обслуживания нужд самого рядка, но и для близлежащих деревень. Очень важно отметить, что на первом месте среди товаров стоит хлеб, привозимый в амбары окрестными крестьянами. Хлеб на внутреннем рынке — очень показательный товар, указывающий на то, что идет заметный процесс отделения сельского хозяйства от ремесла.

Не менее важно подчеркнуть и другой факт — роль крестьянина в процессе возникновения и дальнейшего развития рядков. Не случайно, например, в Удомельском рядке 90,3%, а в Лошемле — все 100% лавок и амбаров принадлежат людям, продолжающим по традиции называть себя крестьянами. В Коломне и Можайске большинство владельцев лавок тоже недавние крестьяне¹⁹. Явление понятное, так как самый процесс образования этого типа поселений неразрывно связан с процессом расчленения деревни, что неизбежно подразумевает рост внутреннего рынка. Это две стороны одного и того же общественного явления, в основе которого в конечном счете лежит наблюдавшийся в то время рост производительных сил страны.

По хорошо сохранившимся архивным материалам Тихвинского Большого монастыря важно проследить процесс превращения сельского поселения в город с его посадским населением и весьма значительной таможней. Эта тема подробно разработана в большом исследовании К. Н. Сербиной, посвященном Тихвинскому посаду в XVI—XVIII вв.²⁰

То же можно наблюдать и в центре Русского государства. Симонов монастырь ведет борьбу с князем Прозоровским, на чьей земле быть рядку, и после долгих споров, наконец, устраивает его на своей земле по р. Мологе²¹.

С. Б. Веселовский тоже приходит к выводу о том, что торги и промыслы в Русском государстве растут именно во второй половине XV и первой половине XVI в. В митрополичьем селе Вятском Костромского уезда в 1502 г. были только двор митрополичий и 11 дворов крестьянских. Через 60 лет село изменилось мало, но зато против него за р. Вохтомой образовалась слободка беспашенных ремесленных и торговых людей в 17 дворов, в которой по четвергам происходили торжки

¹⁹ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства, стр. 192.

²⁰ Б. Д. Греков. Отчет об осмотре архива Тихвинского Большого монастыря, ЛЗАК, вып. 26, стр. 10—32; К. Н. С е р б и н а. Очерки из социально-экономической истории русского города (Тихвинский посад в XVI—XVIII вв.), М.—Л., 1951 г.

²¹ ААЭ, т. I, № 263.

«хлебом и солью и всяким мелким товаром». К XVI же веку относится появление торжка и в другом митрополичьем владении — в Карашской слободе Ростовского уезда. В 1501 г. здесь было несколько небольших сел с пашенными крестьянами. Скоро и здесь возник торжок.

К XV в. относится возникновение двух торгово-ремесленных монастырских центров — с. Медны в Торжке и с. Клементьево в Радонеже, возле Троицкого монастыря.

В первой четверти XV в. в с. Медне было большое земледельческое хозяйство. Находясь на одном из важнейших торговых путей того времени Тверь — Торжок — Великий Новгород, с. Медна очень рано было втянуто в торговый оборот. Село попало во владение Троицкого монастыря, который в 1539 г. жаловался Ивану Грозному на то, что в пригородной слободке тверского епископа и в нескольких боярских селах той же местности всякие люди торгуют беспошлинно и тем самым причиняют ущерб государственным таможенным доходам. Раньше-де этих торжков не было, а истари был торг только в с. Медне. Правительство пошло навстречу желаниям монастыря и распорядилось, чтобы «во всем Новоторжском уезде не торговал никто ничем опричь Торжка-посада и села Медны».

По описанию 1544 г. Медна была уже крупным торгово-промышленным селом. В нем было на 15 дворов «пашенных» 56 дворов непашенных людей разных ремесленных профессий: портных — 8, сапожников — 8, кузнецов — 4, хлебников — 4, калачников — 6, горшечников, овчинников, колпачников, плотников, смычников, скоморохов — по 1, итого 36; остальные 20 по профессии не обозначены.

Из описания 1588 г. видно, что в с. Медне было тогда 29 лавок, «а торгуют в них тутотшные меденцы и приезжаючи из деревень». В 1594 г. здесь 23 двора крестьянских пашенных и 76 дворов непашенных. Среди последних: хлебников и калачников — 7, мясников — 2, торговцев солью — 2, рыболовов — 2, портных мастеров — 5, сапожников — 4, солодовников, пивоваров, полстовалов, лапотников, овчинников, седельников, решетников, скоморохов и настухов — по 1, плотников — 7, кузнецов — 2. На медненский торг приезжали люди не только из соседних деревень и сел, но и из города Торжка.

Другое троицкое село Клементьево, лежавшее в полуверсте от монастыря по дороге в Москву, уже в середине XV в. знает ремесленников, обслуживающих идущих к Троице богомольцев (иконники, крестечники, резцы по дереву и металлу, токари и т. п.). В 1504 г. в селе уже 134 двора²².

---

²² С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 25, 93—94.

В Троицком архиве, как указывает С. Б. Веселовский, у кого я и беру эти сведения, сохранилась интересная купчая крестьянина Ивана Федорова 1546 г. И. Федоров «купил» (арендовал) у монастыря «до своего живота» лавку за 31 алтын; «а покаместа яз жив, — пишет он в договоре, — и мне в ней торговати, а бог по душу сошлет или из волости пойду, и та лавка монастырю».

В то же время мы можем наблюдать увеличение городского населения и в старых городах как центра, так и окраин, причем рост падает на ремесленников и мелких торговцев, недавних выходцев из сел и деревень.

Города — это центры не только ремесла, но и торговли. Здесь много денег. Им тут и быть подобает. Тут живут люди, «куцующие и продающие» и от своих прикупов богатеющие. Кто хочет получить деньги, может доставить в город свои продукты; они тут легко превращаются в серебро. Так рисует город писатель первой половины XVI в. Ермолай-Еразм²³.

К XVI в. Русское государство было усеяно городами, городками, слободами. Каждое из таких городского типа поселений было торговым и ремесленным центром; он поглощал выбрасываемых деревней оголодавших и разоренных крестьян и влек к себе разбогатевших, готовых переменить и образ жизни, и свою профессию. Шли сюда и находили себе работу и отпускаемые все чаще на волю из боярских дворов холопы.

Весь этот люд, живущий в городах и стремящийся в города, либо совсем, либо в значительной степени оторвался от земли и сельского хозяйства, но нуждаться в хлебе и других продуктах сельского хозяйства не перестал. Крупный боярин, по долгу службы живущий в столице или в другом каком-либо городе, конечно, держит связь со своей вотчиной, систематически получая оттуда и хлеб, и мясо, и птицу, и рыбу (иногда даже живую). Но таких обеспеченных деревенскими продуктами людей в городе немного. Основная масса городского населения — купцы, ремесленники, люди без специальности, живущие случайной работой, — хлеб и другие продукты покупает.

В город со своими продуктами сельского хозяйства стремятся все, кому нужны деньги, — и боярин, и помещик, и монастырь, и крестьянин. У нас нет недостатка в свидетельствах о наличии и росте хлебного внутреннего рынка.

В жалованной грамоте Кириллову монастырю 1471—1473 гг. говорится о монастырских людях, едущих летом на судах, а зимою на возах с монастырским житом и солью и с иною рухлядью. Причем тут различаются отправка хлеба и других вещей

²³ ЛЗАК, вып. 33, стр. 194.

самим монастырем для своих нужд (а в этом случае суда и возы освобождаются от пошлины) и транспорт «с перекупным товаром», подлежащий обложению торговой пошлиной²⁴.

Из более поздней грамоты тому же монастырю выясняется, что из Кириллова монастыря суда и возы в Дмитров (надо думать, и в другие соседние с Дмитровом города) ходили с солью, а обратно возвращались с хлебом²⁵.

Хлеб в качестве товара называется и в жалованной грамоте Белозерского князя Михаила Андреевича Череповецкому Воскресенскому монастырю 1473—1486 гг., по которой за монастырем утверждается торговая пошлина из Белозерской таможи. Из грамоты выясняются очень интересные подробности. Оказывается, в Белоозере была «из старины воскресенская пошлина, восьмичнее и померное», так как на Белоозеро ходят торговать лодьи; «троецкая лодья, симоновская, андрониковская, песношская, колязинская, пустынская, покровская, борисоглебская или иные лодьи». В этом перечне названы крупные монастыри, поддерживавшие торговые связи с Белоозером. Восьмичное взималось с товаров «с рубля по 4 деньги», а с *жита*... померного з дву бочек по дензе». Зимой, когда замерзали реки, торговля не прекращалась, а шла по санному пути («также и в зиме, кто приедет с возы на Белоозеро с каким товаром ни буди, или с *житом*...») ²⁶. Померное взималось зимой с воза по 2 деньги. Среди привозимых сюда товаров хлеб занимает видное место. Хорошо известная Белозерская уставная грамота 1488 г. ²⁷ решительно подтверждает эти наблюдения. В город на Белоозеро приезжают гости из Московской земли, из Тверской и Новгородской, с Устюга и с Вологды, из белозерских монастырей Кириллова и Ферапонтова и других. Всем этим приезжим купцам разрешается торговать на Белоозере «всяким товаром и *житом*». Для удобства собирания пошлин торговля сосредоточена именно здесь: «а за озеро им всем торговати не ездити; а по волостем им и по монастырем не торговати, ни *житом* ни всяким товаром». Исключение сделано для волости Углы, где торг уже существовал издавна. Посадские люди города Белоозера имеют право ездить и за озеро «по старине». И здесь мы видим значительную торговлю. Хлеб поставлен на первое место.

Крестьяне не только не отставали от монастырей, но иногда шли впереди их. Крестьяне Владимирского монастыря Кон-

²⁴ ААЭ, т. I, № 97.

²⁵ ААЭ, т. I, № 167. О том же говорит и грамота Дмитровского князя Юрия Ивановича 1521 г. (там же, № 170).

²⁶ АФЗХ, ч. I, № 281.

²⁷ ААЭ, т. I, № 123, стр. 92—94. То же повторяется и в Белозерской таможенной грамоте 1497 г. (там же, № 134, стр. 99—101).

стантина и Елены, как мы видели, опередили в этом отношении монастырь.

Крестьян, торгующих хлебом в довольно широком масштабе, и ухищрения их в уклонении от платежа торговых пошлин мы очень ясно видим в грамоте вел. кн. Ивана Васильевича 1493 г. Иван Васильевич разрешил Троицкому монастырю провозить монастырский хлеб из села Шухобалова в монастырь беспошлинно, но при условии, чтобы за монастырским обозом с хлебом не скрывался крестьянский хлеб, везомый на продажу в город Радонеж, где в 1491 г. Иван III учредил торг и таможню. «А хто поедет с ними (крестьянами-возчиками.—Б. Г.) их (монастырских.—Б. Г.) хрестьянин или иный хто с своим житом а учнут провадити за монастырское жито, и ты б (наместник.—Б. Г.) с тех мыт и все пошлины имал, да тогда бы... и с монастырского хлеба взял мыт, и они вперед не пролыгаются»²⁸.

Совершенно тот же мотив мы встречаем и в жалованной новгородской грамоте Троицкому монастырю 1477 г. об освобождении от пошлин монастырских людей и возов, отправляемых с товаром в Двинскую землю. Новгородское правительство также борется с контрабандой, как и московское: «А на лодью на жаловалну старцом чюжого товару не приимати, опроче монастырского товара сергиевского»²⁹. Государственная власть озабочена тем, чтобы к освобожденным от пошлин монастырским судам и возам не пристраивались ни крестьяне, ни кушцы-профессионалы: «А будут у них на судне [Троицкого Сергиева монастыря] *прибыльные люди*, и мытчики мои с тех людей мыт и пошлину емлют»³⁰. Торговые пошлины — большая статья государственного дохода.

О хлебе как товаре разбросаны сведения в различных грамотах. Вот, например, из грамоты вел. кн. Ивана Васильевича 1490 г. вологодским наместникам мы узнаем, что вел. князь тоже торговал хлебом. Из его хлебных складов в Вологде Кириллов монастырь *ежегодно* покупал 300 четвертей ржи (2400 пудов)³¹. Сколько покупали тут же другие монастыри, нам неизвестно. Можно только не сомневаться, что вел. князь продавал хлеб не одному Кириллову монастырю.

Углицкий князь Андрей Васильевич имел свои склады хлеба на Угличе. Ими заведывал его дворцовый ключник. Ежегодно на помин души своего отца кн. Андрей отпускал в Кириллов монастырь 150 четвертей ржи и 50 четвертей пшеницы³².

²⁸ АСЭИ, т. I, № 573. С. М. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1538.

²⁹ АСЭА, т. I, № 453.

³⁰ Там же, № 146 (1506 г.).

³¹ ААЭ, т. I, № 126.

³² Там же, № 127 (жалованная грамота 1491 г.).

Верейский князь, задолжавший 267 рублей (26 700 руб. на деньги 80-х годов XIX в.), в своем завещании просит вел. князя Ивана Васильевича заплатить этот его долг, а взамен взять его жито и соль в Белоозере («А что мое жито на Белоозере в житницах и селех...») ³³. Очевидно, запас жита был очень значителен. Предполагалось, что вел. князь его продаст для погашения расходов по ликвидации долга своего вассала.

И московское царское правительство направляет огромные количества хлеба в районы, особенно в нем нуждавшиеся. Так, Аника Строганов в 1566 г. по поручению правительства продает огромные количества хлеба: 15 сентября он должен был немедленно («часа того») отпустить 1016 четвертей с осминою ржи, 1435 четвертей овса и 87 четвертей ячменя, что составляет приблизительно 20 300 пудов. Для Астрахани Строгановы должны закупить и доставить овес, крупу, толокно, муку в количестве 2000 четвертей (16 000 пудов) ³⁴. Показательно, что Строганов имеет возможность немедленно производить столь значительные закупки.

Соловецкий монастырь в этом отношении сам проявляет большую инициативу ³⁵. Продавая чуть ли не на всю Россию свою соль, монастырь ежегодно закупает огромные количества хлеба. Только в одной Вологде монастырской соли было продано (быру на выдержку годы через каждые 10 лет):

в 1588 г. . . . . 81 321 пуд
 в 1598 г. . . . . 92 990 »
 в 1608 г. . . . . 123 137 »

За это же время монастырем куплено хлеба в Вологде и Устюге (в четвертях):

Годы	Ржи	Ячменя	Овса	Пшеницы
1588	4509	458	Нет сведений	150
1598	4900	471	796	95
1608	15416	1716	1040	437

³³ ДДГ, № 80, стр. 311.

³⁴ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924, стр. 91 и 99.

³⁵ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь, 1927, стр. 148, 155 и др. См. также: В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря, Опыты и исследования, т. I, стр. 31 и др.

При изучении вопроса о месте хлеба на внутреннем рынке Русского государства необходимо иметь в виду, что хотя Русь издревле была страной земледельческой, но не везде на ее огромных пространствах хлеб возделывался и родился одинаково. Северная приморская часть Новгородской области еще в первой половине XVI в. хлеба не производила. Здесь утвердилось земледелие только со второй половины XVI в. Население до этого времени платило здесь подати не с обжи и сохи, а с «лука», т. е. единица обложения определялась хозяйством охотника³⁶. Новгородская деревня могла прокормить себя, но не могла снабжать своим хлебом города, особенно такие большие, как Новгород, который уже в XII в. живет привозным хлебом из более плодородных частей Руси. В Сибири хлебопашество возникло в XVII в., но оно долго еще не могло удовлетворить потребностей населения. Юго-восток русской равнины не имел в достаточной степени своего хлеба даже в XVII в.

Если принять во внимание, что многие части Руси изобиловали солью, в которой нуждалось все население огромной страны, Волга и Каспийское море — прекрасной рыбой, которую ценили не только гастрономы на Руси, но и во всей Европе, что лен, нужда в котором была по всей Руси, возделывался не на всем пространстве Восточной Европы, что каждая из частей ее имела свою хозяйственную специфику, — нам станет понятным неизбежность внутреннего обмена и, в частности, большой спрос на хлеб и соль в тех местах, где этих продуктов не было совсем, либо было очень недостаточно. Все эти обстоятельства в связи с ростом городов, стало быть, в связи с увеличением числа людей, оставлявших занятие земледелием, создавали большой спрос на хлеб на внутреннем рынке.

На всех торгах мы можем встретить хлеб в качестве товара. Очень яркий пример заинтересованности крестьян в торговле дает таможенная откупная грамота крестьянину Спасского Ярославского монастыря Постнику Гурьеву 1588 г. Монастырь обратился к царю с просьбой утвердить в монастырском селе Еремейцево торг по субботам и сдать таможенный сбор на откуп крестьянину Гурьеву. Монастырь свою просьбу мотивирует так: село Еремейцево «от городов и от торгов далече, верст по 20 и по 30, и по 40, и крестьяном деи села торговати ездити далече». Монастырь уверяет, что торг здесь пойдет хорошо, «и наместничю доходу от того торгу недобору не будет никоторого».

Правительство удовлетворило ходатайство монастыря, дало «ново» (впервые) Постнику Гурьеву на откуп и снабдило село

---

³⁶ Б. Д. Греков. Что такое обжа?, Известия АН СССР, 1926, № 9 и 12—14.

таможенной откупной грамотой, из коей видно, что сюда ожидалась кушца «из станов и из волостей Московского государства». На торг предполагается привоз меда, воска, хмеля, рыбы, мягкого товара, бобров, куниц, белок, холстов, сукон, кож, овчин и др. (Допустим, что тут перечень сделан примерный, на всякий случай.) Предполагаются здесь продукты земледелия и, в частности, хлеб: пшеница, рожь, овес, ячмень, греча, солод, горох, конопля, толокно, заспа, пшено. Очень тщательно предусмотрен здесь сбор пошлин с хлебных товаров ³⁷.

Богатый торговец хлебом и солью Леонтий Дмитриев оставил свое завещание (начало XVI в.). У него имеются амбары с хлебом и солью, назначенными на продажу, в его распоряжении и речной транспорт ³⁸.

В грамоте Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. очень ярко изображены условия торговли хлебом, правда, в этом году принявшей уродливые формы вследствие голода. Из этого документа видно, что хлебом торгуют вообще «богатые люди»: архимандриты, игумены, епископы, дети боярские, Строгановы (о них говорит грамота, потому что речь идет тут о районе, где хозяйственное влияние Строгановых было очень сильно, — о Соли Вычегодской), их приказчики, посадские люди, монастырские и дворцовые крестьяне, и «многие приезжие прожиточные и папешные люди». Подчеркнута деятельность «многих скупщиков», которые «корыстуются хлебною продажею». Они рассылают по всей Вычегодской земле в станы, волости, села, слободы и погосты своих агентов, сами тоже ездят по тем же местам, скупают хлеб, раздают в «дешевую пору» задатки, а затем продают хлеб по «большой цене». Окрестные крестьяне тоже возят хлеб не только свой, но и «привозный» на торжки и ярмарки. По дороге их перехватывают скупщики, выезжающие специально для этого им навстречу, и закупают у крестьян хлеб ³⁹.

В этой картине, снятой с натуры, есть несомненная тенденция подчеркнуть обострившееся положение торговли хлебом в связи с голодом, но тут же мы видим и явные показатели того, что было частым явлением и в нормальное время. Скупщики ездили и скупали хлеб и в «дешевую пору», т. е. до наступления голода ⁴⁰, а голодом они только воспользовались, чтобы продать хлеб подороже. Спекулянты не хотят продавать хлеб

³⁷ ААЭ, т. I, № 342.

³⁸ АЮ, № 415.

³⁹ Историко-юридические акты XVI и XVII вв., собр. М. И. Семевским, СПб., 1892.

⁴⁰ Под «дешевой порой» можно понимать и время после снятия урожая.

небольшими дозами, а норовят отпускать его сразу большими партиями. На это тоже обращает внимание грамота, как на явление необычное: обыватель, очевидно, привык к тому, что хлеб продается свободно и в любом количестве.

Но главный спрос на хлеб на внутреннем рынке был, конечно, не в таких новоявленных торгах, а в больших городах, прежде всего в Москве, где хлеб скупался большими партиями на винокурение, и в частях государства, мало производивших свой хлеб ⁴¹. О спросе на хлеб в городах у нас есть достаточно сведений со второй половины XV в.

Венецианец Иосафат Барбаро сообщает, что в Москве было изобилие в хлебе и мясе, его удивлявшее. Это показание иностранца легко проверить данными Белозерской таможенной грамоты 1497 г. Белоозеро не чета Москве, но и белозерский рынок был заполнен привозными продуктами (жиры, мед, икра, рыба, соль, сельди, мясо, гуси, утки, баранина, говядина, зайцы, сыры, лен, лук, чеснок, орехи, яблоки, мак, лошади, коровы, зола, деготь и др.). Везли сюда свои товары «городские люди», «посажане», «окологородцы», люди «изо всех волостей Белозерских», «служилые люди», монастыри, крестьяне, «грамотники» великокняжеские, митрополичьи, княжеские, владычные, монастырские, боярские. Грамота заключает этот большой перечень выводом: надо брать торговые пошлины «со всех без оминки, чей бы кто ни был». Как уже указывалось выше, в город Белоозеро ездят торговать «из Московские земли, и из Тферьские, и из Новгородские земли» ⁴².

Вот какое впечатление Россия произвела на англичанина Ричарда Ченслора, познакомившегося с нею в 1553—1554 гг.: «Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся *хорошо засеяна хлебом*, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от 700 до 800 саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за 1000 миль; все их перевозки производятся на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу — так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных, в тех местностях количество хлеба невелико.

---

⁴¹ Н. И. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях, Собр. соч., кн. 8, стр. 362.

⁴² ААЭ, т. I, № 134.

Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями»⁴³.

Флетчер определяет число домов в Москве цифрой 41 500⁴⁴. О Новгороде Флетчер говорит, что этот город «по величине почти столько же обширный», как и Москва. Далее он выделяет города: Псков, Смоленск, Казань, Астрахань, Ярославль. Флетчер отмечает упадок городов в момент его пребывания в России (1588 г.), сравнивает с недавним цветущим прошлым и приписывает это разорение «теперешнему правлению». Осуждая «теперешнее правление», Флетчер предвидит и пресечение династии, и смерть царевича Дмитрия «от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя», и грядущий «переворот в Русском царстве», от которого Флетчер ожидает изменения правления в сторону большей «умеренности и благодушия», что, по его мнению, «послужит к благоденствию... народа, удрученного теперь невыносимым рабством»⁴⁵.

Флетчер в 1588 г. совершенно правильно говорит об упадке и в торговле, и в благосостоянии городов, потому что это было время огромного хозяйственного потрясения всей страны. Но тот же автор дает не раз понять, что не так было еще совсем недавно.

Наблюдательный англичанин наибольшее внимание обратил на Москву, которую знал лучше других русских городов. Но ведь разница между Москвой, как указывает сам Флетчер, и Новгородом в это время не столь велика. Другие русские города были, конечно, скромнее, но и они нуждались в привозном хлебе, и тем больше, чем заметнее в них росло ремесло.

Это все явные симптомы разрастания внутреннего рынка.

Рынок, конечно, определяет и цены на все товары, в том числе и на хлеб. Флетчер, заставший Русское государство в тяжелом экономическом состоянии, сообщает об изобилии хлеба и о высоких качествах хлебных продуктов. Он же указывает и на наличие внутреннего хлебного рынка. «Пермяки и другие народы, живущие на севере и в странах пустынных (значит, не производящих хлеба.— *Б. Г.*), получают хлеб из стран, лежащих к югу». «Если бывает дороговизна

⁴³ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», перевод с англ. Ю. В. Готье, стр. 56.

⁴⁴ Д. Флетчер. О государстве Русском, СПб., 1906, стр. 17.

⁴⁵ Р. Ю. Виппер очень хорошо объяснил тенденциозность политических мнений Флетчера, одного из «монархомахов» XVI в., и дал ключ к объективной оценке его выпадов против политического строя Русского государства XVI в. (Р. Ю. Виппер. Иван Грозный, стр. 152—154). С Флетчером очень охотно должны были солидаризироваться Андрей Курбский и его единомышленники, но отнюдь не те прогрессивные элементы русского общества того времени, которые в самодержавной власти видели силу, способную уничтожить произвол крупной феодальной знати.

(как в прошедшем 1588 году, когда пшеница и рожь продавались по 13 алтын или 5 шиллингов и 5 пенсов стерлинг *четверть*), то это меньше зависит от неурожаев, нежели от дворянства, которое по временам слишком возвышает цены на хлеб»⁴⁶. Флетчер указывает также и на царя, который тоже продает свой оброчный хлеб, стремясь иногда возвысить цену его. «Царь получает от оброчного хлеба и других припасов... около 200 000 рублей или марок в год»⁴⁷.

В перечне товаров, отпускаемых за границу, у Флетчера отсутствует хлеб, следовательно, сообщая о хлебной торговле, он имеет в виду внутренний рынок.

Здесь уместно еще раз напомнить и о соли. О том, что соль, добываемая главным образом на севере, расходилась по всей России и что спрос на нее был по всем русским городам и весям, говорить много не приходится. Строгановы, предприниматели и купцы, поставлявшие, между прочим, хлеб и соль по всей территории Русского государства, в XVI в. имели свои складочные места и пункты оптовой торговли в Коломне, Владимире, Переяславле Рязанском, Калуге, Устюге Великом, Вологде, Кап-городке, Елатье, Нижнем Новгороде, Муроме, Кашире, Казани и «в ряде других городов», прибавляет исследователь торгового дома Строгановых⁴⁸.

Колоссальные пространства России, разнообразие природных свойств ее частей, растущая экономическая связь между ними не могли не сказаться на темпе и размерах общественного разделения труда и развития внутреннего рынка.

О происшедших в XVI в. переменах во внутреннем рынке говорит и движение цен на сельскохозяйственные продукты.

Н. А. Рожков с полным основанием возражает В. О. Ключевскому, который на протяжении XVI в. не находил каких-либо заметных изменений в ценах на хлеб⁴⁹. «Существующее

---

⁴⁶ «Хлебные же растения суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо, которое почти одинакового вкуса с рисом. Все эти роды хлеба произрастают в весьма достаточном количестве, даже в избытке, так что пшеница продается иногда по 2 алтына или по 10 пенсов стерлинг *четверть*, которая равняется почти трем английским бушелям». (Д. Ф л е т ч е р. О государстве Русском, стр. 11).

⁴⁷ Д. Ф л е т ч е р. О государстве Русском, стр. 11. Тут же Флетчер дает очень ценные сообщения о торговле внутренней и внешней и другими товарами: мехам, воском, медом, салом, кожами, ворванью, икрой, пенькой, льном, солью, дегтем, рыбьим зубом, слюдой, селитрой, серой, железом, рыбой (там же, стр. 11—16).

⁴⁸ А. А. В е д е н с к и й. Строгановы в Казани XVI—XVII вв., Киевский гос. ун-в., Труды истор. факультета, т. I, 1939, стр. 71.

⁴⁹ «В продолжение столетия незаметно постепенного роста хлебных цен; зато видим повторявшиеся от времени до времени сильные их колебания». (В. О. К л ю ч е в с к и й. Русский рубль, Опыт и исследования, сб. 1, стр. 141).

мнение об устойчивости нормальных цен на хлеб в течение всего XVI века не может быть принято», — пишет Н. А. Рожков и продолжает: ...«не только дорогие, но и средние цены на хлеб во второй половине века значительно повысились». Н. А. Рожков дает тут же материал о движении цен на хлеб и в первой половине XVI в. Например, «в центре с 5 денег в 20-х годах XVI века цена четверти ржи поднялась в следующем десятилетии до 20 д., в 50-х и 60-х годах до 30, а в 80-х годах до 40 денег», «в самом начале столетия четверть овса стоила здесь $1\frac{1}{2}$ деньги, в 60-х годах цена ее дошла до 12 д., а в 80-х до 20—30 денег»⁵⁰.

Большое увеличение цен в 80-х годах, объясняющееся временным хозяйственным упадком, в данном случае нас интересует меньше, чем рост цен от конца XV до 60-х годов XVI в., когда на Руси наблюдается подъем производительных сил и успехи в хозяйстве.

В это время оживления экономической жизни деревни и города мы замечаем много интересного, много перемен и в организации хозяйства, во взаимных отношениях классов, в политике власти, наконец, в идеологической жизни общества.

Русский народ, освободившийся от татарского гнета, переживал в это время период своего возрождения. Сознание успешно восстанавливаемого единства Руси, естественно, обращало мысль к тому времени, когда Русь была единым государством с Киевом во главе. Заметно пробудился интерес к родной истории, к памятникам прошлого, связанным с эпохой независимости и целостности Руси⁵¹.

Все эти стороны жизни связаны между собой, взаимно обусловлены. Говорить сейчас обо всех этих переменах в книге, имеющей значительно более узкую задачу, конечно, нельзя. Но и не учитывать всей сложности данной эпохи даже при решении отдельных сторон процесса невозможно. Иначе исследователю грозит опасность потерять перспективу, т. е. лишиться себя возможности ориентироваться даже в узко специальных вопросах.

---

⁵⁰ Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., М., 1899, стр. 210. Вывод Н. А. Рожкова о непрерывном росте цен в XVI в. получил новое подтверждение в работе А. Г. Манькова «Движение и география хлебных цен в Русском государстве XVI в.», в которой на основе анализа большого фактического материала убедительно доказано, что «XVI век в истории Русского государства характеризуется непрерывно повышающейся конъюнктурой хлебных цен» и что «весьма заметную роль в общем подъеме хлебной цены к концу столетия сыграл жестокий сельскохозяйственный кризис конца 70—80-х годов». («Истор. записки», т. 28, стр. 150).

⁵¹ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, М.—Л., 1945, стр. 75.

Подъем в жизни деревни и города выражался в вполне конкретных проявлениях, часть которых нам и удалось изучить. Необходимо продолжить наши наблюдения.

3. СОКРАЩЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ РАБСКОГО ТРУДА. КРЕПОСТНОЙ И НАЕМНЫЙ ТРУД

Иван Калита в начале XIV в. передал своим детям всех своих холопов, записанных в «большом свертке»¹, но уже сыновья его начинают отпускать на волю своих людей — купленных, доставшихся за долг или охолопившихся благодаря браку с холопами. С течением времени это делается явлением все более частым и даже обычным. Князья или бояре перед смертью массами отпускают своих холопов с женами и детьми. То, что делалось перед смертью или проектировалось в момент размышления о бренности всего земного, объяснить одними религиозными побуждениями невозможно, во-первых, потому, что церковь, осмотрительно проповедуя гуманное обращение с рабами, отнюдь не настаивала на ликвидации института рабства; во-вторых, потому, что «благочестивые» настроения, как правило, никогда не простирались так далеко, чтобы лишать семью умирающего материальной базы существования². Тут нужно искать другое объяснение.

В XV в. княжеское и боярское холоповладение вне всяких сомнений сильно сокращается. Вел. кн. Василий Дмитриевич в 1423 г. дает дочерям из своих холопов только по 5 семей каждой³, всех остальных холопов с женами и детьми он отпустил на свободу. Княгиня Евпраксия *всех* своих людей, приданных и полных, а также доставшихся ей по муже полных: казначеев, тиунов, посельских, ключников и «кто в селах во всех полных людей или хто ся у них женил», отпустила с женами и детьми на свободу⁴. Вел. княгиня Софья *всех* холопов, «колько людей... ни есть и больших и меньших», *всех*

¹ СГГ и Д, т. I, № 21.

² Психологию жены, оставленной завещательным распоряжением мужа без средств к существованию, хорошо изображает предисловие к синодику XV в. Там представлена следующая типическая семейная сцена. Умирающий глава семейства завещает свое имущество церкви. Но жена-душеприказчица, схоронив мужа, начинает жаловаться на него детям: «Чада моя! Что се умысли без ума отец ваш, а мой муж? — повеле свои имения церквам и нищим раздати, а мене и вас оставляет убогими и сиротами. Воистину, безумен есть глагол сей мужа моего!» (А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, стр. 18—19).

³ ДДГ, № 22.

⁴ Там же, № 28 (1433 г.).

пожаловала, ослободила *всех* («по моем животе *еси* свободны»), (курсив мой.— *Б. Г.*). В селах, отданных снохе и внучатам, освобождаются *все* страдники; крестьяне передаются по завещанию «с половиной серебра издельного и з животиною, да и с хлебом с тем, который в земли, а другую половину издельного серебра велела есмь христианом серебрянником отдать...»⁵. Примеров, подобных этим, можно привести сколько угодно.

Холоп в хозяйстве, очевидно, продолжал терять свою ценность. Крестьянские повинности и право распоряжения ими становятся гораздо важнее права владения личностью холопа.

Одно из больших преимуществ такого ведения хозяйства перед старым заключалось именно в том, что феодальные хозяйства обходились без массы холопской челяди, унаследованной боярской вотчиной от времен давних, от тех времен, когда содержать ее было нетрудно. Сейчас эта челядь стала тягостной обузой, от которой хозяева стараются освободиться.

Очень яркую иллюстрацию новому положению вещей дает известный Сильвестр в своем «Послании и наказании от отца к сыну». «Работных (холопов.— *Б. Г.*) своих *всех*, — пишет он, — свободных и наделих, иных окуших из работы и на свободу попусках». Дальше Сильвестр рассказывает, куда пристроились отпущенные им холопы: «И все те работные наши евободны и добрыми домами живут, яко же видиши..., мнози во священническом и во дьяконовском чину и в дьяцех, и в подьячих, и во всяких чинах, кто чего дородился и в чем кому благоволил бог быти: овии рукодельничают всякими промыслами, а многие торгуют в лавках, мнози и гостьбы деют в различных землях всякими торговыми...». Не забудем, что Сильвестр сначала жил в Новгороде, потом в Москве, т. е. в крупных городах. И здесь, и там он жил на ширскую ногу и, как можно догадаться, вел коммерческие операции. И здесь, и там он предпочитал иметь дело не с рабским, а с наемным трудом. Ведь раба надо кормить, одевать, обувать, давать ему кров, независимо от того, оправдывает ли он эти расходы, или не оправдывает. Расчетливый ум Сильвестра и обстановка, в какой он жил, подсказали ему выход из положения.

Замечательно то, что все отпущенные Сильвестром на волю холопы нашли применение своим силам. Всех их поглотил город: кто попал на государеву службу (в дьяки и подьячие), кто пристроился в церкви (в дьяконы или священники), кто открыл ремесленную мастерскую или завел лавку, а некоторые даже вышли в большие кушцы. Стало быть, среди

⁵ Там же, № 57 (1451 г.).

«рабочих» у попа Сильвестра было много людей хорошо грамотных и даже больше, чем грамотных: ведь служба в дьяках требовала больше, чем простой грамотности.

Вместо «рабочих» Сильвестр стал пользоваться наемными людьми: «видел еси сам,— обращается он к сыну,— в рукодеях и во многих во всяких вещех *мастеров* всяких было много: иконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы, и плотники, и каменщики, и всякие, и кирпичики, и стенщики и всякие рукодельники. Деньги им даваны на рукоделье наперед по рублю и по 2 и по 3 и по 10 и больше; а многи были чмуты и бражники. И со всеми теми *мастера* в 40 лет бог разлезенося (так!) без оруды и без пристава..., все то мирено хлебом да солью, да пиьем да подачею и всякою добродетелью да своим терпением»⁶. Мастера самых разнообразных специальностей работали в доме попа Сильвестра в течение 40 лет, как он говорит сам. Денег он на них истратил немало. Если, по расчету В. О. Ключевского, рубль середины XVI в. равнялся 63—83 рублям конца XIX в., то на одни выдачи вперед мастерам выходили суммы в 80, 160, 240, 800 и больше рублей (по курсу конца XIX в.) каждому.

В течение 40 лет, конечно, могло много перебивать мастеров в доме Сильвестра для обслуживания самого этого дома (Сильвестр мог строить, скажем, себе дом, украшать его серебряной утварью, обзаводиться иконами и книгами). Но не исключена и другая возможность: Сильвестр мог книги и иконы продавать. Для меня в данном случае важно то, что поп Сильвестр в течение 40 лет, т. е. почти всю первую половину XVI в. и вероятно конец XV в., предпочитал холопскому труду труд наемный.

О преимуществе наемного труда появились и теоретические и моральные соображения. Знаменитый Башкин говорил об этом смело: «во Апостоле де написано: «весь закон в словеси скончается: возлюбиши искреннего своего яко сам себе, аще себе угрызаеи и снедаеи, блюдите, да не друг от друга снedenи будете», а мы де христовых рабов у себя держим. Христос всех братьею нарицает, а у нас де на иных и кабалы, на иных беглые, а на иных нарядные, а на иных полные; а я де благодарю бога моего, у меня де что было кабал полных, те де есми все изодрал, да держу де, государь, своих *добровольно*: добро де ему, и он живет, а не добро, и он куды хочет»⁷.

Иван Пересветов высказывает те же мысли, но не облакает их в церковно-моральную оболочку. Он имеет в виду практическую пользу от замены рабского труда свободным: «В котором

⁶ А. С. Орлов. Домострой, Чт. ОИДР, 1908, кн. 2 стр. 68.

⁷ ААЭ, т. I, № 238/IV, стр. 247, челобитная Симеона, 1554 г.

царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есмь холоп, иного мне имени не прибудет». Магмет-салтан, которого Пересветов выводит как образец государственной мудрости, якобы уничтожил в своем царстве рабство: «велел перед себя книги принести полные и докладные, да огнем велел пожещи». Этот царь Магмет «в своем царстве дал *вольню* (курсив мой.— Б. Г.) служити и у вельмож своих»⁸.

Разными путями люди конца XV и первой половины XVI в. приходили к одному и тому же выводу. Очевидно, сама жизнь давала к этому достаточно убедительные доказательства.

Параллельно с массовым отпуском на волю холопов можно указать также и факты, когда сами холопы выкупались на волю по своей инициативе. Само собой разумеется, что подобные факты не могли быть массовыми, так как холопу как таковому нелегко было приобрести деньги на выкуп, но тем не менее источники наши о таких выкупах говорят. В духовной, например, Александра Белеутова 1472 г. написано: «да благословил есмь свою жену... и свои дети... дал есмь им людей своих полных холопов (идет перечень)... да Родивона с женою и с детьми, а не всхочет Родивон быти у моее жены, и он даст с себя моей жене и моим детем 6 рублей да и пойдет прочь слободен с женою и со всеми детьми». Из акта вскрытия завещания, помещенного на его обороте, мы узнаем, что Родивон заплатил эти 6 рублей и ушел на свободу⁹. 6 рублей — это около 600 рублей на деньги конца XIX века — сумма немалая. Холоп Родивон, однако, сумел ее раздобыть и выкупить себя и свою семью.

От того же землевладельца выкупился и другой холоп, Войдан, со своей женою и дочерью. Но ему пришлось заплатить хозяину меньше: только 2 рубля (по расчету, принятому выше, — около 200 руб.)¹⁰.

Повидимому, выкуп на волю имеет в виду и Федор Акинфиев, когда в своей духовной поручал братьям своим «слобода собрати, и по души поправити и дети поделити»: собиране «слобод» в данном тексте легче всего понять, как сбор денег от выкупающихся на свободу¹¹.

Все эти факты, нашедшие себе отражение и в теории, — не что иное, как знамение времени.

В нашей старой исторической литературе можно встретить такого рода суждения, что-де в средневековой Руси

⁸ В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов, публицист XVI в., Чт. ОИДР, 1908, кн. I, отд. II, стр. 75 и др.

⁹ АЮ, № 410, стр. 436—437, 438.

¹⁰ Там же, стр. 438.

¹¹ Там же, № 414, стр. 442 (начало XVI в.).

русские люди были какие-то особенные, не дорожили своей свободой и очень легко продавали сами себя и друг друга в рабство.

Герберштейн, видевший на Руси много, но далеко не все понявший, даже приписал любовь к несвободе национальной черте русского народа. «Этот народ, — пишет он, — находит более удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ибо *перед смертью господа, в огромном большинстве случаев, отпускают известных рабов (certos servos) на волю, но эти последние тотчас за деньги отдают себя в рабство другим господам*»¹² (курсив мой. — Б. Г.).

Все эти рассуждения — сплошное недоразумение, результат полного и несомненно предвзятого непонимания самой сути общественных отношений на данном этапе развития феодальных отношений не только в России, но и во всякой другой феодальной стране. Ведь о тех же самых людях византийский военный писатель Маврикий конца VI в. говорил как раз совершенно противоположное: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе: их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению».

Можно с полной уверенностью на основании фактов всемирной истории утверждать, что нет и не было людей, предпочитающих рабское состояние свободному. А если мы видим большие периоды в истории человечества, когда рабство в той или иной форме и степени существует, что люди действительно вынуждены надевать на себя рабское ярмо, то это всегда происходит не по их воле: виды принуждения могут быть весьма разнообразны. Тут дело не в любви или не любви к свободе, а в характере общественных отношений, делавших зависимость человека от человека неизбежной. Формы этой зависимости на протяжении веков менялись, эксплуатация человека человеком оставалась. «Человеческий ум стоит в замешательстве перед своим собственным созданием»¹³. Такова действительная история человечества.

В. О. Ключевский сделал совершенно правильное наблюдение: массы обедневших свободных людей в конце XV и в первые три четверти XVI в. не шли в рабство.

Рабство, даже в том измененном по сравнению с временами Киевской Руси виде, продолжало систематически и заметно уступать место более прогрессивным формам труда — крепостному и наемному (хотя в последнем случае часто в замаскированном виде).

---

¹² Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах, СПб., 1908, стр. 74.

¹³ Л. Морган. Древнее общество, Л., 1934, стр. 329.

На это симптоматическое явление русской жизни XV в. обратил внимание С. В. Бахрушин еще в 1909 г. Изучая княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в., он отметил, что в конце XV в. «в крупных княжеских владениях пользование несвободным трудом (речь идет о рабском труде.— *Б. Г.*)... выходит из употребления»¹⁴. Его выводы, как мы могли убедиться, подтверждаются полностью.

К той же проблеме уже позднее, в 1922 г., с другой стороны подошел и С. Н. Валк. Его интересовала судьба актов, оформлявших в древности положение различных категорий эксплуатируемой массы населения. История «полной грамоты», т. е. договора о поступлении в полное холопство (рабство), очень характерна. На наших глазах эта разновидность акта начинает гаять, пока в конце XVI в. не прекращает своего существования совсем. «Конец существования полной, — пишет С. Н. Валк, — мы должны отнести к последним указным упоминаниям о ней, ко времени не позднее начала XVII в.»¹⁵. Последнее упоминание о «полных» в законодательных актах автор видит в указе 1597 г. В актовом материале «полные» в первой половине XVII в. уже не встречаются.

Этапы в истории полного холопства, насколько они отражены в законодательных памятниках, до нас дошедших, позволяют подтвердить окончательный вывод С. Н. Валка.

Тенденция Пространной «Русской Правды» ограничить источники полного холопства уже отмечалась выше. Там указывается на три источника полного холопства: продажа, брак, где одна сторона находилась в рабском состоянии, поступление на службу (в тиунство, или ключничество).

В данном случае меня особенно интересует этот последний по счету источник древнерусского холопства.

Вот этот текст «Правды»: «А се третее холопство — тиунство без ряду или привяжет к себе ключ без ряду»¹⁶.

В Судебнике 1497 г. по этому же предмету читаем: «По полной грамоте холоп, по тиунству и по ключу по сельскому холоп с докладом и без доклада и с женою и с детьми, которые у одного государя; а которые его дети у иного, или себе учнут жити, то не холопи; а по городскому ключу не холоп»¹⁷.

Самое понятие «ключа», повидимому, с течением времени изменилось (если мы правильно понимаем «ключ» «Русской Правды»). «Держать ключ», «с ключом ходить» — это,

¹⁴ С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. Сборник статей в честь В. О. Ключевского, стр. 597.

¹⁵ С. Н. Валк. Грамоты полные. «Сборник статей по русской истории», посвященный С. Ф. Платонову, П., 1922, стр. 118.

¹⁶ Пространная «Правда», ст. 110.

¹⁷ Судебник 1497 г., ст. 66; ср. Царский Судебник, ст. 76.

действительно, в древности обозначало отправлять должность ключника¹⁸. Но в Судебнике говорится о ключе в другом смысле. Ключ сельский и ключ городской — это то, что в больших хозяйствах называлось службой по какой-либо из специальностей, на которые распадалось крупное хозяйство. В этом смысле термин «ключ» упоминается и в Волоколамском монастыре в XVI в.

До нас дошла «Книга ключей» этого монастыря 1547—1559 гг. Содержание книги состоит в том, что в нее внесены имена монастырских слуг с указанием количества выплачиваемого им жалованья. Замечательно то, что в этой книге ключей записаны уже не холопы, а вольные слуги и ремесленники, получающие вознаграждение за свой труд. В каком отношении стоит эта практика к ст. 66 Судебника 1497 г. и ст. 76 Царского Судебника, сказать трудно: либо Волоколамский монастырь в середине XVI в. приравнивался к городу, либо все перечисленные в книге ключей слуги подходили под формулу: «а по сельскому ключу без докладных не холоп»¹⁹, т. е. они жили по найму, и монастырские власти совсем не стремились к тому, чтобы превратить их в холопов.

Стало быть, жить в «ключе» в XVI в. значило находиться в службе, работать на хозяина.

Судебник 1550 г. развивает мысль предшествующего ему Судебника дальше: «А по городскому ключу не холоп... А по тиунству без полные и без докладные не холоп, а по сельскому ключу без докладные не холоп».

Совершенно ясно, в каком направлении развивается процесс.

В городе

По «Русской Правде» — по тиунству и по ключу *холоп*
По Судебнику 1497 г. — по городскому ключу *не холоп*

В деревне

По «Русской Правде» и } *холоп*
По Судебнику 1497 г. }
По Судебнику 1550 г. — *не холоп* (холоп только с доклада)

---

¹⁸ «И прииде Амбал ключник, ясин родом. Тот бо ключ держашеть у всего дому княжа, и надо всеми волю ему дал (кн. Андрей) бяшеть» (Ипат. летопись, изд. 1871 г., стр. 401). «Что лучше бы мы есть в твоём дворе затыкою торчал, нежели бы у боярина домом владел с ключем ходити» (Н. Н. Зарубин. Слово Давиила Заточника, Л., 1932, стр. 92).

¹⁹ Судебник царский, ст. 76. М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в. — «Исторические записки», т. 3, стр. 149—150.

Закон 11 октября 1555 г. о добровольной службе запретил холопить наемных слуг²⁰, в 1556 г. устанавливается пожизненность холопства пленных²¹, в 1558 г. назначается смертная казнь и господину, и чиновнику, сострипавшим подложную крепость на вольного человека²², указ 15 октября 1560 г. запрещает должникам идти в холопы даже при их собственном желании²³.

О знаменитом апрельском указе 1597 г. уже давно сложилось мнение, что он берет под государственный контроль кабальное холопство вообще и, в частности, переход из кабального состояния в холопство полное²⁴. Последний по времени исследователь вопроса А. И. Яковлев тоже отмечает общую направленность указов о холопстве XVI в., в том числе и указа 1597 г. «По смыслу, хотя прямо и не выраженной, но несомненно подразумевавшейся презумпции указов XVI в.— особенно апрельского указа 1597 г.,— старинное неоформленное зарегистрированной кабальной записью холоповладение должно было бы исчезнуть, сменившись по всей линии холопством кабальным с его ограничениями и оговорками». Далее автор указывает на факты, задерживавшие процесс изживания полного холопства²⁵.

По «Русской Правде» закуп обращается в полного холопа, если господин его в случае учиненной закупом кражи платил за него, а по Судебнику 1550 г. (ст. 89) крестьянин, выданный его же господину на поруки за преступление, не только не превращался в холопа, но даже не лишался права выхода. В таком случае требовалась от отказчика (агента по вербовке крестьян, желающих переменить хозяина) лишь порука в том, что он представит «отказывающегося» (уходящего от своего хозяина по закону об «отказе») крестьянина в суд, если возникнет на крестьянина какое-либо новое дело.

Итак, едва ли может остаться какое-либо сомнение в том, что перед нами процесс окончательного изживания рабства, переключение организации хозяйств на более прогрессивные формы.

Не случайно также и то, что все эти богатые люди, часто, а иногда и массами отпускающие своих холопов на волю,

---

²⁰ В. Н. Татищев. Судебник, изд. 2, М., 1786, стр. 143.

²¹ Там же, стр. 156.

²² Там же, стр. 187.

²³ Указная книга ведомства казначеев. М. Ф. Владимирский - Буданов. Христоматия, в. III, изд. 4, СПб., Киев, 1908, стр. 22—23.

²⁴ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 384.

²⁵ А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I, М.—Л., 1943, стр. 85.

тщательно оберегают свою землю, живущих на ней крестьян и, конечно, всевозможные получаемые от них доходы.

Та же самая княгиня Евпраксия, которая не задумалась освободить всех своих холопов, в том же своем завещании подробно и любовно говорит о доходах со своих сел, населенных крестьянами: «А благословляю своего господина вел. князя Василья Васильевича по своем животе селом Коломенским з деревнями, что к нему потягло. А внука своего благословляю... селы Онутцкым, Вскходским, а в Луже селы Юрьевское з деревнями и з Деготьским, Осеньевским... (идет перечень еще 4 сел с деревнями). А сноху свою благословляю... селом... А что придет с тех сел...»²⁶, поступает в распоряжение наследников. «То, что придет с сел» — это, конечно, оброк. Крестьяне, сидящие на своих участках, ведущие свое самостоятельное хозяйство, и есть главная ценность, которой завещатель дорожит больше всего.

Эксплуатация угодий — сенокосов, бортей, сокольных седищ, бобровых гонов, рыбных ловель, — охота и связанные с нею обязанности поручаются сейчас обычно не холопам, а свободным людям, которые получают от землевладельца землю в свое обеспечение. «Княжеское рабовладение сильно сократилось; холопов страдников мы видим только в селах, но и тех обычно освобождают перед смертью (хозяев); промыслы эксплуатировались исключительно посредством свободных оброчников»²⁷.

Слуги, получающие обеспечение земель, по своей юридической природе очень похожи на тех военных слуг, которые с земли несли свою военную службу.

Можно подметить и другую тенденцию в хозяйственной политике землевладельцев. Это сажание холопов-рабов на пашню и фактическое превращение их в крепостных крестьян.

По духовному завещанию кн. Ивана Юрьевича Патрикеева, 8 холопских семейств князь передает своим детям по наследству «с землей», 3 холопские семьи он же отпускает на волю тоже «с землей». Эти посаженные на землю люди, очевидно, долго сидели на «своих» участках, обзавелись настоящим крестьянским хозяйством и успели настолько прочно прирасти к этой земле, что их хозяин, князь Патрикеев, уже и не пытался отделить их от нее и передал (частью отпустив на свободу) своим детям с землей. Эти холопы давно уже перестали быть холопами. Они настоящие крепостные крестьяне, крепкие земле и своему хозяину.

Сельские ключники, которых Судебник 1497 г. называет

²⁶ ДДГ, № 28.

²⁷ С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. Сборник статей в честь В. О. Ключевского, стр. 598.

холопами, в Новгородских писцовых книгах изображаются в такой хозяйственной обстановке, что позволяют нам счесть их тоже не холопами в узком смысле слова, а крепостными крестьянами.

В описании (1495 г.) Деревской пятины, смежной с Тверским краем, например, читаем: «Деревня Быславле. Во дворе ключник Якушко Ивашков, сын его Гридка, захребетник его Дениско, сеют ржи 7 коробей, а сена косят 40 копен, 3 обжы; дохода пол-2 гривны, пол-2 коробы ржи, пол-2 коробы овса, 4 сыры, 4 лопатки, 4 хлебов»²⁸.

Этот ключник сидит тут давно и имеет свое хозяйство. В хозяйстве ему помогает его захребетник. Ключник Якушко Ивашков фактически уже не холоп.

Ведь раб отличается от крестьянина тем, что у раба нет своих средств производства, у крестьянина есть свои орудия производства и свое частное хозяйство; раб сам является средством производства, это живой рабочий инвентарь, крестьянин же — самостоятельный мелкий хозяин, хотя в силу собственности феодала на землю и внеэкономического принуждения часто вынужден делиться продуктами своего хозяйства со стоящим над ним привилегированным вотчинником-сеньером.

Если принять во внимание эти фактические метаморфозы, часто происходящие с холопом (сажание его на землю и предоставление ему возможности вести свое собственное хозяйство), то нам придется пересмотреть историю самого термина «холоп».

Термин несомненно пережил свое старое содержание. Впрочем, для точности надо сказать, что и в «Русской Правде» не все холопы были рабами в тесном смысле слова. Настоящий раб — это только «обельный холоп». С течением времени с изменением хозяйственных условий под холопом начинают все чаще и чаще понимать то зависимого слугу, то крепостного человека.

Происходит совершенно то же, что и в Западной Европе с термином *servus*. *Servus* — это буквально значит раб. Но в течение средних веков этим термином обозначается уже не раб, а крепостной.

На Руси приблизительно в XV—XVI вв. создается особая характерная прослойка холопов — «добровольные холопы», под которыми разумеются слуги, работающие у своих хозяев без оформления через документ, т. е. вольные слуги, подобные тем, о которых говорил Башкин («...держу де... своих слуг *добровольно*: добро де ему, и он живет, а недобро, и он куды хочет»²⁹. (Курсив мой. — Б. Г.).

²⁸ НПК, т. I, стр. 7.

²⁹ ААЭ, т. I, № 238/IV, стр. 249.

11 октября 1555 г. вышел о добровольном холопстве даже особый указ: «Которые люди учнут у кого с воли служить без крепостей, а пойдут от них прочь с отказом, или без отказа, и те люди, у которых они служили, учнут на них искати сносом, на сколько ни буди, и тем людем, у которых служили, на тех людей суда не давати, потому что у него служили добровольно, и он его не хотя отпустить, да на нем ищет сноса. Что чего пропало, то у себя сам потерял, того для, что вольному человеку верил и у себя держал без крепости; и бояре велели сие в Судебник написати... велели о вольных людех судити по сему»³⁰.

Несмотря на то, что приведенный текст носит явные следы пересказа самого Татищева (это он делал при передаче текстов не один раз), у нас имеются все основания полагать, что Татищев не выдумал этого указа и не исказил его основного смысла³¹.

Речь идет о весьма распространенном в первой половине XVI и в конце XV в. явлении, когда хозяева не хотели брать людей в холопство, а предпочитали пользоваться вольным трудом на срок, конечно, по определенной устной договоренности. На этой почве иногда сталкивались старые привычные притязания людей, ищущих рабочих рук, с интересами предлагающих им свои услуги. Жизнь еще не успела выработать новых норм на этот предмет, а старые перестали удовлетворять обе договаривающиеся стороны. Закон 1555 г., во всяком случае в изложении Татищева, отвечает только на один, повидимому наиболее часто встречавшийся в практике, случай, когда хозяин хотел удержать у себя вольного работника, имеющего полное право уйти от хозяина. Единственное средство, остававшееся у хозяина, — это обвинить работника в краже. Закон считает применение этого средства недопустимым и запрещает давать суд по такого рода делам, мотивируя тем, что работник «служил добровольно» «без крепости»: хозяин-де верил работнику на слово, стало быть брал на себя и возможные последствия своего доверия.

Вопрос о найме рассматривают оба Судебника — великокняжеский и царский. Первый Судебник в ст. 54 говорит кратко, но ясно: «А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен»³². Второй Судебник развивает эту же мысль: «А наймит у государя не дослужит уроку своего,

³⁰ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 143.

³¹ О приемах передачи Татищевым документальных текстов см.: Б. Д. Греков. Происхождение крепостного права в России, Крепостная Россия, 1930, стр. 78—80.

³² Судебник 1497 г., ст. 54. Совершенно то же мы встречаем в Полицком статуте (ст. 93), но этот старый закон был заменен новым. См. Б. Д. Греков. Полица, М., 1951, стр. 279—280.

да пойдет прочь, и он найму лишен. А которой государь наймиту не захочет дати найму, и уличит его в том наймит, и на том доправити наем вдвое»³³. Закон предполагает, что дела о найме разбираются в суде, где наймиту предоставляется возможность «уличить» своего хозяина. Судебник царя Федора Ивановича знает ту же статью в еще более расширенном виде: «А наймит не доживет до срока у государя своего и пойдет прочь, а вины на государя не скажет,— и он найму лишен. А буде государь учнет его до срока отсылати, и ему дати наем по росчету; а кои государь не захочет найму дати наймиту, уличат его в том, и наймит уличит,— на том доправить наем втрое»³⁴. Псковская Судная Грамота еще подробнее разбирает случаи, возникающие в связи с наймом³⁵.

Вышеприведенный закон 11 октября 1555 г. имеет в виду норму Судебника и касается только одного казуса, связанного с общим положением наймитов. Применение их труда в хозяйстве мы можем наблюдать в подлинной жизни со второй половины XV и особенно в первой половине XVI в. довольно часто.

В городском дворе новгородского митрополита в первой половине XVI в. работают почти 100 наемных людей³⁶, они нанимаются на митрополичьи рыбные ловли, обрабатывают барское поле. Все они получают заработную плату частью деньгами, частью продовольствием и обмундированием. Работают они из материала хозяйского, орудия производства принадлежат тоже хозяину.

Софийский Дом в это же время очень часто производит заказы ремесленникам или приглашает ремесленников к себе на работу. Например, в расходной книге Софийского Дома 1548 г. отмечается: серебряных дел мастеру Ефиму «дано... на... оклад (образов) денег 45 алт., да на золото дано 9 алт., а *от дела* дано 5 алт.; да на 8 крестов на оклад дано 28 алт., а *от дела* дано 12 алт.» «Заплачено Ефиму серебрянику от трех ковшов от серебряных *от дела* 13 алт.»³⁷. Если мы ближе присмотримся ко всем десяти записям о выдаче денег этому

³³ Судебник 1550 г., ст. 83.

³⁴ Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г., М., 1900, ст. 148.

³⁵ Псковская Судная Грамота, ст. 40.

³⁶ Плотников — 6, «дружинников» (артель) — 10, поваров — 8, «поляков» — 7, хлебников — 6, погребных стряпчих — 7, сторожей — 3, сушеных подклучников — 2, конюхов — 8, звонарей — 5 (они звонят не целый день, и не все сразу, а обычно несут и другие чисто хозяйственные обязанности), мельников, мукомолов, пивоваров, водозовов, сушильных подъячих, часовиков, судомоев, кузнецов, стенщиков, казаков — по одному, работа 5 наемных человек точно не обозначена (Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома XVI—XVII вв., ЛЗАК, вып. 33, стр. 222).

³⁷ Изв. Арх. общ., т. III, СПб., 1861, стб. 34, 52.

серебрянику Ефиму, то заметим, что он получает от оклада иконы сообразно ее размерам от 4 до 5 алт., от креста — $1\frac{1}{2}$ алт., от ковша — $4\frac{1}{3}$ алт. Он работает на заказ из материала заказчика сдельно (постоянного жалованья не получает). Другой серебряник, Костя, в той же расходной книге назван «казенным мастером», но о его заработной постоянной плате не упоминается. Ему тоже отпускаются деньги на определенный предмет («дано казенному³⁸ мастеру Косте серебрянику на ковш 5 рублей в московское число»; сюда, очевидно, входят и заработная плата и расходы на материалы). Иванко скатертник тоже не получает постоянной заработной платы. Его труд оплачивается сдельно. На мыло отпускаются деньги из митрополичьей казны («На мыло рубль московской, мыть скатерти владычни на год»; может быть, под термин «на мыло» скрывается и заработная плата, во всяком случае его в ведомости на жалованье нет). Софийский Дом обращался к Юшке зеркальнику, которому заказывал «халдейские шапки»: дано мастеру за работу *«от дела»* 3 алт. (Курсив везде мой. — Б. Г.).

Держать в штате специалиста зеркальника с тем, чтобы он сделал несколько халдейских шапок, необходимых для церковно-театрального «действия», конечно, не было никакого расчета.

Софийский Дом повторяет то же, что мы видели и у пона Сильвестра, только, конечно, в несравненно более широком масштабе. Нам делается вполне понятным, почему Сильвестр предпочитал иметь дело со свободным наймом или с заказами ремесленникам-мастерам, чем с холопами.

Аналогичные факты из жизни монастырей этого же времени нам тоже известны. В Волоколамском монастыре жили за плату в 1579—1580 гг. больше 100 человек: детенышей — 37, истопников — 13, конюхов — 12, дворников — 9, мельников — 2, сторожей — 2, поваров — 4, бочарников — 3, плотников — 3, токарей — 2, кожевников — 2, портных мастеров — 6, сапожников — 4, кузнецов — 3, колесников, кочерыжников, чулочников, седельников, скатертников — по 1.

Все они получают годовичную заработную плату и добавку к ней («на рукавицы»). Работают они орудиями производства хозяйскими, питаются от хозяина. В монастырском Обиходнике указано, где кому сидеть за трапезой. За одним столом: сначала слуги, потом мастера швецы, сапожники, стрельцы, в конце — конюхи «дети» (детеныши); за другим: плотники большие, кузнецы, за ними «дети», сиречь «делавцы черные» (на полях объяснено — детеныши), истопники, ворот-

---

³⁸ «Казенный», — повидимому, изготовляющий ценные предметы, хранящиеся в «казне» (сокровищнице).

ники и сторожа. «А от водяных ворот сторож, да хлебной, да просфирной — те сидят за первую (трапезою) вместе с мусеями, со старцы в третьем столе».

Штатных работников иногда не хватало и здесь, и монастырю приходилось обращаться в отдельных случаях к разовому заказу или найму: заказывали делать из монастырской конопля масла, принимали плотников, давали заказы кузнецам и т. п.³⁹.

«Наем личных услуг, — говорит М. А. Дьяконов, — составлял отнюдь не редкое явление в строе хозяйства как монастырского, так и светских частных владельцев... Памятники говорят о наймиках страдных, наймиках для пашни, наймиках монастырских летних, работных наймиках, наемных казаках, наемных... ярыжках и др.»⁴⁰.

Но дело не в том, что подобные явления встречались задолго до начала XVI в., а в том, что именно теперь четко осознается преимущество труда наемных людей и зависимых крестьян перед трудом рабов. Это осознается даже теми, кто не особенно охотно вникал в детали организации своего хозяйства в уверенности, что все, что делали их деды и отцы, правильно и неизбежно, что нерушимость старины может гарантировать их от всяких осложнений, неприятностей и тем более разорения.

Церковные хозяйства, наиболее организованные и дальновидные, первые, как мы уже видели, усомнились в спасительности старины и энергично перестраивали свои хозяйства. Они первые отказались и от рабского труда.

С опозданием за ними потянулось боярство. Боярам нужны были деньги, и много денег. Жизнь в столице стала дорогой, служба, которую они несли на свой счет, требовала все больших расходов. Потребности возросли. Домашним способом их уже удовлетворить было нельзя: явиться ко двору в платье, спитом деревенским портным, стало уже неудобным, отправляться в дедовских доспехах в поход, где ожидалась встреча с неприятелем, вооружение которого делали искусные мастера, было небезопасно. Город соблазнял и обещал, но без денег не давал ничего.

Очень показательны в этом отношении детали в духовной волоцкого князя Ивана Борисовича 1504 г.

Князь Иван Борисович, племянник Ивана III, в своем завещании отчасти приоткрывает нам обстановку, в которой

³⁹ М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в., Истор. записки, т. 3, стр. 149—152.

⁴⁰ М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения, стр. 302. О монастырских детенышах см. специальную главу настоящей книги.

текла его жизнь. Он берет деньги взаймы под заклад не только своего имущества, но и драгоценностей своей племянницы. Он покупает и делает заказы мастерам-ремесленникам. Несомненно, он платил им за выполнение заказов. В завещании, однако, не место записям этих платежей. Тут мы встречаем только невыплаченные мастерам суммы: князь не заплатил 44 рублей броннику, 10 рублей Филе седельнику, 50 рублей — кузнецу Лагуте ⁴¹. Брал он в долг платье и сукно: у Головы Володимирова взял «опашен обьяринен голуб», у Вепря — «опашен камчат дик венецицкой», «червчату япончу бурскую» и сукно, у Ивана Михайлова «ковер намазной», у Петра Есипова — однорядку шубу для своей жены «горлатну». Большое количество коней разнообразных мастей и свойств покупал князь у своей же братьи князей, но главным образом у барышников. Очень многим он не заплатил.

Деньги ему были очень нужны. А откуда их брать? Единственный источник — это его вотчины, в составе которых, правда, находился город Руза и половина Ржева.

Понятно, почему землевладельцы стараются переложить натуральные повинности крестьян на деньги, почему воевода, едущий на место своей службы, хочет получать с населения не кур и бараньи лопатки, а настоящие деньги. Их требуют от крестьян и государство, и частный владелец.

Очень показательны в этом отношении перемены в содержании уставных грамот. В Белозерской уставной грамоте 1488 г., например, отмечается рядом недавняя старина и новые требования жизни: великокняжеские наместники по уставу должны получать с населения «с сохи за полоть мяса — 2 алт., за 10 хлебов — 10 денег, за бочку овса — 10 ден., за воз сена — 2 алт..., за боран — 8 ден.» и т. д. и т. д. ⁴². Крестьяне Артемовского стана Переяславского уезда по новой уставной грамоте 1506 г. должны давать волостелям «за полоть мяса — 10 ден., за боран — 1 алт., за мех овса — 1 алт., за воз сена — 1 алт., за хлеб по 1 д.» ⁴³. Переяславские рыболовы, давно уже потерявшие связь с земледелием, само собой разумеется, платят свои подати деньгами ⁴⁴. Бобровники Каменского стана платят «за полоть мяса — 2 алт., за боран — 2 алт., за мех овса — 10 ден., за хлеб — 1 ден., за воз сена 2 алт.»; онежане — «за полоть [мяса] 8 ден., за боран —

---

⁴¹ Рубль конца XV и начала XVI в. по расчету В. О. Ключевского равнялся 60—74 руб. 80-х годов XIX в. (В. О. Ключевский. Опыты и исследования, сб. 1, Пгр., 1919, стр. 157).

⁴² ААЭ, т. I, № 123, стр. 92.

⁴³ Там же, № 144.

⁴⁴ Там же, № 143.

6 ден., за хлеб — 1 ден., за коробью овса — 6 ден., за воз сена 8 ден.»⁴⁵. Необходимость в составлении новых уставных грамот во второй половине XV и первой половине XVI в. была в значительной мере вызвана именно необходимостью замены натуральных взносов денежными. Условия, диктуемые новыми рыночными отношениями, сказались повсюду.

Натуральная повинность крестьянина «повоз» (доставка изделий сельского хозяйства на барский двор или по его распоряжению в поход или на рынок) переводится на деньги все чаще и чаще. Многие новгородские помещики перевели «повоз» на деньги уже в конце XV в. Так, помещик Васюк Чеков «взял впервые лета 7004-го с 20 обеж за повоз с обжи по 4 д.»⁴⁶, помещик Есюков берет свои доходы вообще, в том числе и за повоз, деньгами⁴⁷; помещики Шипмарев и Пиковский тоже перевели повоз на деньги⁴⁸. Факты перевода «повоза» на деньги, правда, взяты мною из новгородских писцовых книг, но они такого характера, что могут иллюстрировать не только новгородские общественные отношения.

Судебник 1550 г., имея в виду все Русское государство, куда в это время входила уже и Новгородская земля, повоз тоже перевел на деньги («а за повоз имати с двора по 2 алтына») ⁴⁹. Правда, это постановление имеет в виду не повоз вообще, а только повоз в тех случаях, когда крестьянин вследствие «отказа» уходит от своего хозяина. Напомню, что Псковская Судная Грамота требовала от уходящего изорника выполнения этого обязательства натурой. («А старому изорнику вози вести на государя») ⁵⁰.

Перевод натуральных повинностей на деньги сделался явлением очень обычным. Землевладельцы либо частично, либо целиком (что, впрочем, бывало реже) переводят крестьянские оброки на деньги. Новгородский епископ, как мы это видели, одну из своих крупных вотчин полностью перевел на деньги.

В Москве и других городах, особенно среди купечества, появляется много богачей в полном смысле этого слова. Они ведут большую торговлю, делают крупные денежные операции. В духовных завещаниях знати в качестве кредиторов упоминаются люди, которых называют хотя и без «вича», но по отцу, стало быть, люди, занимающие в обществе видное

⁴⁵ Там же, № 181.

⁴⁶ НПК, т. I, стр. 55.

⁴⁷ НПК, т. IV, стр. 200—202.

⁴⁸ НПК, т. V, стр. 178—179, 269 и др.

⁴⁹ Царский Судебник, ст. 88.

⁵⁰ В понимании этого текста много разногласий. М. Ф. Владимирский-Буданов считает «старого изорника» «непохожим» человеком, вступившим в обязательства более строгие, чем крестьянин, вновь пришедший к землевладельцу (Христоматия, вып. 1, стр. 175—176, прим. 155).

место: купец Федор Васильев сын Вебрь, Бахтеяр Федоров сын Дубовый Нос; рядом с ними называются богачи, вероятно, рангом пониже — Григорий Бобыня, Владимир Григорьев и др.

Вебрь был купец-суконник, у него в долг покупал сукна, между прочим, князь волоцкий, Иван Борисович, так и не успевший при жизни расплатиться с долгами.

В нашем распоряжении духовная торговца хлебом и солью, в то же время и судовладельца Леонтия Дмитриева начала XVI в. В духовной упоминаются (конечно, случайно) его «судно большое», очень вместительное, поскольку оно оценено в 30 рублей; Дмитриев пожертвовал его в Ферапонтов монастырь. Так же мимоходом здесь говорится о его амбарах, где он держит скупленные им и предназначенные на продажу хлеб и соль. Амбары у него помещены в разных местах. Один из них, упомянутый в завещании, находился в Крохине на острове. Кстати, этот амбар Дмитриев арендует у некоего Ивана Матюнина. Одна из партий соли лежала в его собственном амбаре «на Коротком». Он покупал, продавал, давал займы, сам занимал. В момент составления духовной, по которой он оставляет своим детям кабалы (векселя), склады с хлебом и солью, ценные вещи, он должен был получить со своих должников 1725 рублей (около 15—17 тыс. на деньги конца XIX в.)⁵¹.

Среди людей, обладающих большими деньгами, мы встречаем не раз и духовных особ.

Но тут же важно подчеркнуть, что никто из этих владельцев больших капиталов не попытался овладеть производством: дальше торговли и ростовщических операций они еще не идут. Ни один из них не организовал мануфактуры. Старый способ производства оставался в силе. Этот факт для характеристики эпохи имеет решающее значение. Капитал шел не по революционизирующему производственному пути, а в направлении консервации феодального способа производства.

Тем не менее деньги действительно стали играть в общественных отношениях гораздо большую роль, чем раньше. С большим беспокойством к этой стороне жизни относится крупнейший публицист первой половины XVI в. Ермолай-Еразм. Он зовет к борьбе против зла и предлагает с крестьян не брать денег совсем, а вернуться назад, к прежней выплате оброков натурой, т. е. прежде всего хлебом. Беспокойство Ермолая-Еразма вызвано конкретной обстановкой, сложившейся в Русском государстве в конце XV и в первой половине XVI в.

---

⁵¹ АЮ, № 415.

II. ФЕОДАЛЫ-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ В КОНЦЕ XV И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

1. РОСТ БАРСКОЙ ЗАПАШКИ

С конца XV в. хлеб, необходимый жизненный продукт, начинает превращаться в заметный товар на внутреннем рынке. Чем энергичнее рос внутренний рынок, чем сильнее он предъявлял свои требования, тем настойчивее ставился вопрос о реорганизации хозяйства феодалов.

Мы видели, как оно было организовано в XIV и значительной части XV в. Для многих землевладельцев становилось ясно, что по старине уже жить нельзя. Деньги все крепче входили в обиход, без них не мог жить даже мелкий хозяин-крестьянин, так как и он уже связался с городом и с него и государство и его хозяин стали требовать денег.

Товарность хлеба быстро росла. Понятно, почему и крестьянин и феодал-земледелец начали увеличивать производство хлеба.

Знакомый уже нам монастырек Константина и Елены в конце XV или в начале XVI в. обеспокоен тем, что у монастыря невелика собственная запашка. Имею в виду известную грамоту митрополита Симона (1495—1511) Юрию Масленицкому¹.

В данном случае для нас самое интересное в грамоте — это желание монастыря увеличить крестьянскую барщину по обработке на монастырь земли.

Архимандрит Константиновского монастыря затеял серьезную реформу и обратился со своим проектом к митрополиту. В своем проекте он указывал, что «монастырские крестьяне... пахут пашни на себя много, а монастырские-де пашни пахут мало». Митрополит предписал землемеру Юрию Масленицкому отправиться в монастырскую вотчину и «перемерить пашню во всех трех полях», предоставив крестьянам по 5 десятин, а шестую десятину указал пахать им на монастырь. Далее грамота разъясняет: «А будет земли обильно, а кому будет земли надобно боле того, и он бы потому ж пахал и монастырскую пашню шестой жеребей. А кому не будет силы пахати 5 десятин, и он бы потому пахал и монастырскую пашню

---

¹ АФЗХ, ч. 1, № 205. Грамота подвергалась обсуждению не раз. В самое последнее время о ней высказывались С. Б. Веселовский (Село и деревня, стр. 53—54) и Л. В. Черепнин (Из истории древнерусск. феод. отя., «Истор. записки», т. 9, стр. 36—37). Главное внимание обращается в литературе на вопрос о формах крестьянского землепользования.

и всякое дело делал по своей пашне»². Крестьянин должен был пахать 20% от размера своего участка на монастырь. Как эта реформа осуществлялась технически, у нас данных нет.

Совершенно ясно и конкретно о монастырской пашне и барщинных повинностях крестьян в Константиновском и Благовещенском Нижегородском (тоже митрополичьем-патриаршем) монастырях говорит жалованная грамота патриарха Иова 1590 г.

Много времени утекло с тех пор, как по земле Константиновского монастыря ездили архимандрит Матвей с землемером Юрием Масленицким. За прошедшие 100 лет вся Русская земля, и монастырь в том числе, пережили много крупных событий, радостных и тяжелых. Московское великое княжество превратилось в царство; Русская земля снова заняла видное место в международных отношениях; в 80-е годы XVI в. Россия пережила грозное хозяйственное потрясение, принесшее почти полное разорение и Константиновскому монастырю. Воля к восстановлению разрушенного и труд крестьянина и горожанина к 90-м годам XVI в. принесли свои плоды. Страна значительно восстановила свое хозяйство. Возродился и Константиновский монастырь.

Как раз в момент, когда возобновлялась хозяйственная жизнь монастыря, архимандрит Иосиф обращается к патриарху за утверждением нового положения о вотчинных крестьянах. Он бил челом патриарху «о указе, как их монастырским крестьяном изделья делати, и пашня пахати, и сена косити, и навоз на монастырскую пашню возити, и почему с них на год оброку имати: масла и сыров, яиц и овчин, и поярков и хлебного оброку». Патриарх Иов указ свой учинил: «тех монастырей Благовещенские и царя Константиновские вотчины со крестьян имати по сей нашей жаловальной грамоте архимандриту Иосифу с братьею: оброку хлебного на год с выти по осьмине пшеницы, да по осьмине конопель, по 4 гривенки масла коровья, по 100 яиц, по 2 сыров кислых, по овчине, по 2 поярка, по сажени дров; а пашня им монастырская пахати на выть по полуторе десятине ржи и овса, а сеяти семена монастырскими, а жати, и класти, и молотити, и в житницы сыпати, и навоз на пашню возити с монастырских с конюшенных и животных дворов: а сена косити на выть

---

² Л. В. Черепнин эту грамоту сопоставляет с другой того же митрополита, но касающейся Сновецкого митрополичьего монастыря. Митрополит Симон защищает землю этого монастыря от покушений соседних крестьян и заботится о регулярном взимании с крестьян ростов по их долгам. (Л. И в а н о в. Описание гос. архива старых дел, М., 1850, стр. 214—215; Л. В. Ч е р е п н и н. Из истории древнерусских феодальных отношений — «Истор. записки», т. 9, стр. 36).

по 20 копен». Тут же сделана очень характерная и интересная прибавка: «А как крестьяне монастырскую пашню пашут и изделие всякое монастырские делают, и крестьяном свой хлеб ести»³. (Курсив везде мой.— *Б. Г.*).

И монастырская пашня, и крестьянская барщина здесь показаны с большой точностью. Следует обратить внимание, что говорится тут сразу о двух патриарших монастырских вотчинах: одной — Владимирской, другой — Нижегородской. Режим для обеих вотчин установлен одинаковый. Общность хозяйственных мероприятий, как мы дальше увидим, простирается не только на два названных монастыря. Это несомненно знамение времени.

В конце XVI и начале XVII в. вся Русь переживает новое потрясение, еще более острое, чем в 80-х годах XVI в. Крестьяне во многих местах царства выступили против господ и взялись за оружие. Землевладельцам и государству пришлось сделать много уступок крестьянским требованиям. От этого периода до нас дошла еще одна грамота тому же Константиновскому монастырю.

Архимандрит монастыря Рафаил с братьею снова обратились с челобитьем к тому же патриарху Иову. Пришлось поставить много вопросов, возникших в связи с общегосударственным потрясением. Крестьяне недовольны и тем, что на них сыплются «напрасные поклепы», и тем, что их тягают в суд «в деловую пору и в пашенное время», отчего им «чинятся убытки и продажи великие», и тем, что патриаршие приказчики и дети боярские ездят к ним «незванно», и что монастырские слуги и патриарший владимирский наместник к ним «въезжают» и судят; крестьяне обнаружили недовольство и по поводу тяжести барщины и оброков. Жалоб было много. Патриарху пришлось кое-что пересмотреть, кое-что устранить, заменив новым, для крестьян более приемлемым.

Так родилась новая грамота от 26 августа 1602 г. Шел уже второй год после того, как правительство Бориса Годунова, «видя в народе волнение велие», вынуждено было пойти на компромисс и предоставить крестьянам «от налог и продаж» выход, т. е. временную отмену заповедных лет.

Грамота установила новую норму барщины на монастырской пашне, меньшую, чем норма 1590 г.: вместо $1\frac{1}{2}$ десятины крестьянин с выти должен был пахать только 1 десятину: «А пашню крестьяном на монастырь пахати на выть по десятине... и с тех десятин крестьяном хлеб жати и в монастырское гумно возити и скласти и молотить и в житницы сыпати; а навоз возити крестьяном на монастырскую пашню

³ П. И в а н о в. Описание гос. архива старых дел, стр. 237.

с конюшенного и с коровья и с гостина двора на выть по 80 телег; а сено косити крестьяном на монастырской обиход по 20 копен волоковых на выть и грести и метати то сено им же. А оброку им в монастырскую казну за сыры, и за масла, и за яйца, и за пшеницу, и за конопли, и за овчины имати по полтине с выти, а крупы и толокно делати крестьяном в монастырском хлебе по 4 четверти на выть овса и гречи... А лес им для монастырского строенья ронити и в монастырь возити, где архимарит Рафаило лесом промыслит, и тем лесом монастырь городити и кельи ставити, и конюшенной и коровой и гостин двор делати, и огороды и гумна монастырские городити, а дров возить крестьяном по сажени на выть». «Да приказчику ж имати со крестьян в осень по куряти да по поярку с дымю. А что которой приказщик доходу себе сберет и то велети писать в книги, и те книги отдавати в монастырскую казну, чтоб архимариту и братье было известно»⁴.

Трудно сказать, в какой мере реально было облегчено положение крестьян, так как уменьшение нормы пашни, может быть, было компенсировано увеличением других повинностей. Но ясно одно: патриарх должен был учесть жалобы крестьян, уточнить в форме детальной фиксации все повинности и взять под контроль деятельность своей низшей администрации. Заведена была письменная отчетность о всех доходах, собираемых с крестьян приказчиками в свою пользу. Оброк почти весь переведен был на деньги, что тоже, конечно, являлось при данных условиях облегчением, так как избавляло крестьян от необходимости все мелочи доставлять самим на барский двор.

Может быть, тут сказалось и действие того указа Бориса Годунова, содержание которого сообщает Шиле. Материалы Кирилло-Белозерского монастыря как будто подтверждают правдивость сообщения этого иностранца. Согласно этому сообщению, Борис Годунов установил точные размеры крестьянских повинностей и тем самым ограничил произвол землевладельцев⁵.

Интересно отметить, что в монастыре появился «гостин двор», очевидно, постоянный двор для приезжающих в город Владимир купцов и торгующих крестьян. Сказались перемены в общей обстановке, сложившейся к этому времени во всем Русском государстве, и, как мы легко можем убедиться, не только в нем одном, а и во всей Европе.

Я позволил себе выйти за хронологические рамки данной главы для того, чтобы не разбивать дошедший до нас цен-

⁴ АЮБ, т. I, № 43.

⁵ Чт. ОИДР, 1875, кн. II, отд. IV, стр. 17.

ный материал о хозяйственной жизни очень небольшого монастыря.

Перед нами прошло несколько показательных этапов, характеризующих общее направление в развитии хозяйства и взаимоотношений между землевладельцем и земледельцем.

Мы можем быть уверены в том, что отмеченные нами на очень ограниченном материале одного монастыря перемены были не индивидуальным явлением, а совершенно точно отражали общий процесс. Чтобы не оставлять тут никакого места для сомнений, укажу на практику крупнейшего монастыря Троице-Сергиева, где тот же процесс выразился так же ясно, но в значительно большем масштабе.

Уставная грамота этого монастыря 1590 г. дает нам понять, что монастырь не вводит общего порядка для всех своих владений: в одних он оставляет мелкие натуральные повинности крестьян, в других — заменяет их полностью барщиной на монастырской пашне. Так, например, кишкинских крестьян «сельских и деревенских» монастырские власти пожаловали: «что к ним дворцовым старпом не въезжати, оброков на них монастырских денежных: и дымного, и масленого, и овчин, и холстов не имати, и камени и извести в монастырь не возити, и дров в монастыре не сечи ни возити опрично государева дела; и приказщиком нашим на крестьянах, куда поедет в город для крестьянского дела, подвод на них не имати, ездити им на своих лошадах». Вместо всего этого «пашни есмя велели вам (крестьянам.— *Б. Г.*) пахати на монастырь на выть по 5 десятин за всякие монастырские доходы... а хлеб монастырской отпущати в монастырь или где мы велим, по грамотам, ино отпущати старцом замолотчиком»⁶.

Очевидно, в Кишкине была заведена большая монастырская пашня. Все крестьяне «сельские и деревенские» заняты целиком на пашне. Тут же и склады хлеба, которыми заведуют замолотчики, стало быть, под строгим контролем монастырских властей.

Те же явления мы можем проследить и на жизни вотчины новгородского архиепископа.

Исследователями давно уже был подмечен факт, что ни в XV в., ни в некоторой части XVI в. собственной запашки у крупных и средних землевладельцев Новгородской области еще нет⁷. Если и встречается в Новгородских писцовых книгах XV в. барская запашка, то в столь скромных

⁶ ААЭ, т. I, № 348, стр. 421.

⁷ А. И. Никитский. История экономич. быта Великого Новгорода, стр. 51; Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 153.

размерах, что считать ее сколько-нибудь характерным явлением для данного времени решительно невозможно.

Форма эксплуатации зависимого сельского населения — это оброк, главным образом натуральный, с некоторой тенденцией замены натурой деньгами.

Новгородский Софийский Дом, который мне приходилось изучать довольно внимательно, в этом отношении не представлял исключения. Софийский Дом для взимания своих оброков пользовался тремя способами: либо он посылал в свои владения специальных людей для сбора оброка, либо объявлял самим крестьян доставлять оброки в город или в другие места, указанные владыкой, либо, наконец, сам архиепископ со свитой ездил по своим владениям и получал часть причитавшихся ему доходов обычно деньгами и хлебом. Эти «подъезды» были периодическими: владычные волости знали наперед о «подъезжих» и «неподъезжих» годах. Этот последний способ по мере развития аппарата Софийского Дома сокращался.

В течение XV в. в писцовых книгах нет ни одного указания на организацию собственного софийского хозяйства в волостях.

Очень важно подчеркнуть отсутствие каких-либо намеков на барскую запашку в тех софийских деревнях, где она возникла несколько позднее. Имею в виду подгородные софийские деревни Водской пятины Кречневского и Пидебского погостов и Шелонской пятины — Заверьяжье.

В Водской пятине со своих владений в 70-х годах XV в. Софийский Дом получал в год деньгами 63 руб., хлебом на сумму в 75 рублей (конечно, приблизительно)⁸, другие продукты (лен, сено, репа, бараны, мясо, куры, овчины, белки, сыры, масло, пиво, сиги, яйца, печеный хлеб) остаются не подсчитанными.

Но и это соотношение хлеба и денег все-таки показывает, что крестьянин мог раздобыть деньги, чтобы заплатить свой оброк.

Повторяю, никаких следов барской запашки на землях Софийского Дома в это время еще нет. Между тем через 100 лет мы видим ее в полном осуществлении.

Когда же она возникла и где?

На последнюю часть вопроса ответить нетрудно. В середине XVI в. и позднее собственное софийское барское хозяйство было в подгородной деревне Марково, в Старой и Новой Мельницах, в Полянах и частично в других местах.

---

⁸ Расчет я делаю из более или менее устойчивых цен (за коробью пшеницы — 14, ржи — 10, ячменя — 7, овса — 5 денег. (ЛЗАК, вып. 34, стр. 104).

В 1500 г. в деревне Марково Кречневского погоста Водской пятины софийской запашки еще нет. В писцовой книге эта деревня описана так: «Дер. Марково над Волховом противу монастыря Деревяницы: во дворе в большом во владычне владычен человек Михал; во дв. владычен конюх Митя Гридин; а крестьян: во дв. Поминик Легонов, сын его Стешко. Сеют ржи 10 коробей, а сена косят 20 копен. Полтретьи обжы. А доход владыце с Пуминика с обжы 20 яиц, а из хлеба треть; а ключнику сельскому полдевяты деньги, а городцкому ключнику полторы деньги. А $1\frac{1}{2}$ обжы папсут владычни люди на себя. Да под тою же деревнею косят сена на владыку 700 копен»⁹. Из дальнейшего видно, что эти 700 копен скашиваются на архиепископа «всеми деревнями» Кречневской Софийской волости.

Эта деревня, лежащая в 4 километрах от города, несколько необычного типа. Очевидно, тут расположены софийские конюшни. Лица, причастные к ним, ведут тут свои личные небольшие хозяйства. Живет здесь и одно крестьянское семейство.

Следующий период жизни этой деревни, известной нам по источникам, это 1547—1548 гг. Это отрывок расходной книги софийского казначея, где упомянута и дер. Марково: «Того ж дни дано Марковской дружине жалованье: Митьке, Харьке, Матюшке, Стешу, Иванку, Офромейку. Дано им на человека по 5 гривен в новгородское число, да коровнику Панфилку 19 алт. без 2 денег в московское число, да сыну его Гришке дано 12 алт. без 2 денег; Никитке кирпичнику дано полтина в московское число; и всего им денег дано 5 рублей 27 алт. и 2 ден. в московское число»¹⁰.

В дер. Марково произошли большие перемены. Нас особенно интересует «марковская дружина». Что она здесь делает? Из той же расходной книги видно, что из казны были отпущены деньги на покупку 6 сошников и 2 топоров, которые и отданы были в дер. Марково и на Мельницу. Очевидно, дружинники, а не коровник и кирпичник, нуждались в сошниках. Не случайно все дружинники получают одинаковую заработную плату. Земледельческий труд, очевидно, уравнивал их в этом отношении. Барскую софийскую пашню в дер. Марково обрабатывает наемная артель. Барская запашка возникла здесь между 1500 и 1547 гг.

В той же расходной книге софийского казначея 1547 г. упоминается и деревня Мельница. Таких Мельниц в Софийском Доме две — Старая и Новая. Ни одной из них не знает писцовая книга 1500 г.; очевидно, их тогда и не было совсем.

⁹ НПК, т. III, стр. 9.

¹⁰ Изв. Арх. общ., т. III, стб. 43.

Зато расходная книга 1547 г. знает дер. Мельницу. Туда посылаются топоры и сошники и выплачивается жалованье «мельницкой дружине»: «Того же дни дано Мельнитцкой дружине жалованье: Матюшке, Климю, Мосейку, мельнику Игнату, коровнику Еуфиму Харламову, Ондрюшке, Федьке, Ивану Острову. Дано дружинникам на человека по 5 гривен по новгородскую. А коровнику дано 4 гривны новгородскую, да сыну его Иванку дано 10 алтын, да конюху Степанку дано полтина московская»¹¹. Та же знакомая нам уже картина: мельницкие дружинники получают ту же ставку, что и марковские. Это наемные земледельческие работники.

Итак, барская запашка возникла в Софийском Доме в первой половине XVI в.; она обрабатывается трудом наемных людей софийскими орудиями производства. Совершенно понятно, что в мероприятиях Софийского Дома сказались новые условия хозяйственной жизни всей страны.

Конечно, можно сомневаться в том, что в этом направлении хозяйство Софийского Дома могло развиваться и дальше: хозяйственная жизнь всей Руси, как и всех феодальных стран Европы (нам это хорошо известно), пошла по пути эксплуатации крепостного, а не «свободного» труда. Но все же факты из жизни Софийской вотчины очень показательны. Следует, конечно, учесть, что на хозяйственном положении Софийского Дома, как и всей страны, не могли не сказаться Ливонская война, внутреннее перенапряжение народных сил, обострение классовой борьбы, которые привели к тяжелым последствиям.

Прибывший в 1592 г. на Новгородскую митрополию новый митрополит Варлаам в своем письме к царю Федору Ивановичу так изображал состояние хозяйства в Софийском Доме: «...В казне денег и казны некоторые нет... А вотчины софийской осталось после немецкой войны две сохи с третью... А которая софийская вотчина осталась, и та лучшая земля за детьми боярскими за софийскими и за дьяки и за подьячими..., а которая земля выпашь, и хлеб не родитна, и тою землю пашут на софийской обиход на дворовой. А всего сеют на Софийской Дом 104 чети ржи». Царь ответил митрополиту советом перебрать своих детей боярских, и «лутчие места, которые ныне в поместьях розданы, поимать на себя и *устроить села и пашни на себя*»¹². (Курсив мой.— Б. Г.).

Об увеличении софийской пашни позаботилась софийская администрация и до прибытия митрополита Варлаама. Так возникло собственное софийское хозяйство на Новой Мельнице на берегу р. Саковой при впадении ее в р. Веряжу.

¹¹ Б. Д. Греков. Феодальная деревня, стр. 42; Изв. Арх. общ., т. III, стб. 41.

¹² Б. Д. Греков. Феодальная деревня, стр. 76—77.

В 1592 г. здесь уже была софийская барская запашка¹³. В расходной книге софийского казначея 1600 г. под 10 ноября записано: «По митрополичью приказу дано на Новой Мельнице 7 дружинников з женами 2 алт. 2 д. да 9-ти бобылем и з женами 3 алт., коровнику с коровницею 2 д., мельнику з женою 2 д., плотнику Трошу с сыном 2 д. Всем мужиком и жонкам дано по деньге»¹⁴. На Новой Мельнице было 7 «дружинников» и 9 бобылей и еще 5 человек, всего 21 человек, не считая жен.

«Дружинников» мы уже видели и раньше. Бобыли на Новой Мельнице появились вновь. Появились они не только в Новой Мельнице. Мы их видим и в дер. Марково: до 1582 г. в Маркове было 7 бобыльских дворов, в связи с общей разрухой тут заустало 5 бобыльских дворов, осталось только 2. Сократилась и софийская запашка: из прежних 25 четвертей обрабатывалось в 1582 г. только 10. Через 10 лет деревня Марково восстановила свое хозяйство даже с превышением: софийская запашка выросла до 35 четвертей, во всех 7 дворах поселены снова бобыли (это уже не наемный труд). Марково из деревни превратилось в «сельцо». Софийский Дом, по совету самого царя, отобрал соседнюю с Марковым землю у софийского боярина Фуника Клементьева в размере 40 четвертей пашни в одном поле. Согласно тому же совету царя, предпринят был общий пересмотр владений софийских помещиков, и старец Левкей, специально командированный для выполнения этой задачи, выполнил свое дело очень энергично. На митрополита было отобрано много земли, и тут же заводилась софийская пашня. Вот примеры: в Тененчгах в пустоши Иванково, что была до разорения деревня, «третье поле пашут на митрополита»¹⁵, в погосте Дмитриевском Соцком «полтретьи обжы пашут на митрополита»¹⁶, тут же в другой деревне на митрополита запахали $\frac{1}{3}$ обжы¹⁷, в Михайловском Ладожском погосте в волости Заболотье «на митрополита сеяно на получети обжы рожь»¹⁸, в том же погосте на р. Елощне засеяно на митрополита 9 четвертей без четверика¹⁹.

Софийская пашня часто разбрасывалась разной величины островками среди крестьянских полей. Старец Левкей выполнял данное ему поручение усердно и не пропускал случая увеличить софийскую пашню.

---

¹³ Архив Инст. истории АН СССР, Акт. книга Новг. Соф. Дома, № 37, л. 189 об.

¹⁴ Там же, № 36, л. 20 об.

¹⁵ Там же, № 37, л. 115.

¹⁶ Там же, л. 143.

¹⁷ Там же, л. 143 об.

¹⁸ Там же, л. 155 об.

¹⁹ Там же, л. 157 об.

Хорошо организованное собственное софийское хозяйство мы можем видеть в Полянской волости Тесовского Климецкого погоста.

Старая Софийская Полянская волость у Софийского Дома была отнята и снова возвращена в 1552 г. Когда именно тут было организовано большое хозяйство, у нас сведений нет. В 1599 г. оно в полном разгаре. Царь Борис Федорович освободил здесь 20 обож (200 четвертей по официальному счету) софийской пашни от всяких податей. Пашню на митрополита обрабатывают половники, бобыли, крестьяне. Незамаскированный наемный труд применялся лишь в экстренных случаях (на уборку хлеба однажды было нанято 20 жонкобобыли)²⁰.

Совершенно то же мы знаем и относительно Кирилло-Белозерского монастыря. 19 мая 1577 г. царь Иван Васильевич, несомненно по просьбе монастыря, дал ему жалованную грамоту, которой он обелил часть монастырской земли (три монастырских «ключа»: Колдомский, Кнутовский и Зарецкий). Какими побуждениями руководствовался монастырь, обращаясь с челобитьем к царю, видно из следующих слов жалованной грамоты: «...обелил, подати свои государские отдал для монастырского изделья». Как использовали полученную льготу монахи, выясняется тут же: «за то им (крестьянам.— Б. Г.) в монастыре по вся лета монастырское дело делати: пашня им пахати, на выть сеяти по 2 четв. ржи, а яровое жито по тому же сеяти, как в людех по той же десятине и навоз возити, а изойдетца в котором поле за десятинами пашня, и им то бога ради спяхати згоном и пожни косити по прежнему те же закосы, которые преж всего косили, а дрова хлебенные и угольные и овинные сечи и возити. Да на всякую осень сечи и возити по трицати бревен мостовых на выть, а бревна ронити трех сажен с локтем, а в отрубе пядь, да по пяти бревен на выть ронити по пяти сажен с локтем. И пашня спяхать и хлеб измолотить и в житницы свозити и сено с своих закосов в монастырь свозити и около пашни изгорода самим городити, где хто пашет. А позовут к которому делу на *Звоз лоды побымати и хлеба носити* и под реку лесу сечь, и им все то делати по старому»²¹. Звоз — это место на р. Шексне, где «лоды подымали и хлеб носили», очевидно, на суда для отправки.

---

²⁰ Акт. кн. Новг. Соф. Дома, № 36, л. 7 об. ЦГАДА, Разряд, вязка № 1, л. 2, Замолотные и засевные книги.

²¹ Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Собр. б. СПб. Духовн. академии, Архив Кирилло-Белозерского монастыря, № А.1. 16, лл. 47—48.

Мы можем не сомневаться, что перед нами факты, свидетельствующие о переломе в сельском хозяйстве на Руси, переломе в совершенно определенном направлении.

Итак, мы смело можем утверждать, что резкое увеличение собственного барского хозяйства падает главным образом на XVI в. и в этом отношении Русь ничем не отличается от всех других европейских государств, расположенных на восток от Лабы (Эльбы).

Как в западноевропейских государствах, переживавших подъем и реорганизацию сельского хозяйства под натиском требований внутреннего и внешнего рынка, так и на Руси не все категории землевладельцев одинаково и своевременно поспевали за темпами экономического ее развития.

Крестьяне рано повезли свой хлеб на рынок, побуждаемые необходимостью раздобыть деньги для уплаты государственных податей и частновладельческих оброков. Они же рано почувствовали и необходимость увеличить добычу хлеба и делали это, где могли и как умели.

Боярская масса далеко не была столь чутка к новым требованиям жизни. Богатые, привыкшие к беспрепятственному и легкому удовлетворению не только своих нужд, но и капризов, уверенные в прочности порядка, который до сих пор исправно их обеспечивал, бояре далеко не всегда чувствовали на себе те, иногда действительно нелегко уловимые, перемены, которые, несомненно, угрожали нарушить их спокойствие.

А между тем жизнь текла. Старое уходило, нарождалось новое и несло с собой осложнения, очень опасные для тех, кто до сих пор не умел или не хотел думать о завтрашнем дне.

2. РАЗОРЕНИЕ БОЯРСТВА

Теоретически, конечно, совсем не обязательно разорение боярства в качестве следствия роста товарно-денежных отношений. Казалось бы, должно быть как раз обратное: бояре, как и вообще крупные землевладельцы, со всеми их возможностями скорее и более успешно могли бы приспособиться к новым общественным условиям. Мы действительно встречаем таких богатых вотчинников, которые поняли требования времени и сумели использовать их в своих выгодах. Монастыри тут стоят на первом месте, встречаются единицы и из боярского сословия. Но в массе боярство сильно отставало от охватившего страну движения, не сумело перестроить свои хозяйства в связи с требованиями жизни, подобно своим далеким потомкам, русским дворянам второй половины XIX в.

Конечно, обстановка в России середины XIX в. была совсем иной, по сравнению с рассматриваемым в этой главе временем, но все же и в XV—XVI вв. создавались условия, заставлявшие землевладельцев задуматься над происходящим и наметить пути своего хозяйственного поведения.

Положение московских бояр во второй половине XV в. делалось все более и более критическим. Старый феодал-боярин, гордый своим богатством и политическим значением, слишком был уверен в незыблемости своей материальной базы и мало, а может быть, и совсем не заглядывал в надвигавшееся будущее. Его отсталое по своей организации хозяйство, отсталое хотя бы по сравнению с монастырским, уже не было в состоянии удовлетворить возросшие его потребности, которых часто он не мог уже сократить, поскольку они вызывались службой придворной и военной, поскольку весь тон жизни в аристократических кругах московского общества налагал известные требования на тех, кто не хотел или не мог выйти из этой среды.

В нашей исторической литературе давно уже отмечался факт большой, а иногда просто безнадежной задолженности князей, перешедших на службу в Москву в связи с ликвидацией уделов, и бояр, т. е. знати, часто попадавшей в сети, расставленные ростовщиками.

Наличие этих последних и огромные суммы денег, которыми они располагали для своих операций, — тоже весьма показательная сторона этого процесса. Даже случайные дошедшие до нас сведения, дающие лишь минимальные показатели, очень красноречивы.

Верейский князь Михаил Андреевич был должен не вообще в течение своей жизни, а лишь в момент составления духовного завещания 267 рублей (26 700)¹, из коих одному Кириллову монастырю — 216 р. (21 600). Завещатель просит вел. князя Ивана Васильевича заплатить за него эти долги, а взамен взять его жито и соль на Белоозере: «А что мое жито на Белоозере в житницах и в селех и что куплено на мене соли, то все моему государю великому князю». Верейский князь, стало быть, не был состоятельным должником. Составление духовного завещания (1486 г.) застало его в разгаре его хозяйственной деятельности. Он скупал соль, копил жито, конечно, не на собственную потребу. Михаил Андреевич, очевидно, не стоял

---

¹ Применительно к таблице В. О. Ключевского о курсе денег XVI—XVIII вв. позволяю себе для округления цифр считать 1 рубль конца XV в. = 100 рублям 80-х годов XIX в. В таблице 1 рубль 1500 г. = 100 рублям. В 80-х годах XV в., вероятно, он ходил по более высокому курсу (В. О. К л ю ч е в с к и й. Русский рубль XVI—XVIII вв., «Опыты и исследования», сб. 1, стр. 183).

в стороне от требований жизни² и тем не менее попал в тяжелое материальное положение.

Князь Иван Борисович Волоцкий (племянник Ивана III) должен был 640 (64 000) руб., из них Иосифову Волоколамскому монастырю 75 (7 500), Селижарову — 42 (4 200) руб. Брат Ивана III Юрий Васильевич должен был 31 500 (3 150 000) руб., из них великому князю 300 (30 000) руб., некоему Владимиру Григорьевичу больше 380 (38 000) руб. Кн. Федор Борисович Волоцкий задолжал около 900 (90 000) руб. Федор Борисович занимал у богатых купцов, у городских людей волочан и ржевичей, у монастырей. Часто в заклад он оставлял свои сокровища³. Его брат Иван Борисович действовал так же⁴. Отец Ивана III, великий князь Василий Васильевич тоже брал займы крупные суммы у московских гостей и у суконников. Имен своих кредиторов он в договорной грамоте с кн. Юрием Дмитриевичем Галицким не назвал, но обещал

² ДДГ, № 80, стр. 311; С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство, стр. 600.

³ «Дати ми Вепрю Федору Васильеву сыну 300 рублей; а в тех еси деньгах *заложил заклад* у Вепря ковш золот, а весу в нем гривенка без дву золотников; да кубок с полкою серебрян золочен, а весу полпеты гривенки и восемь золотников; кубок чеканен с финифтом серебрян жо золочен, а весу четыре гривенки без десяти золотников; да суденко сводное золочено, да ковш велик серебрян, а весу в суденку и в ковше пять гривенок без четверти безменных; да пояс золот на тесме на червчетой, а весу полтретьи гривенки и полшеста золотника и с тесьмою; да шуба русская отлас червьчат венединской з золотом на соболех, да шуба бархат лазорев з золотом на рысех русская ж, да шуба отлас синь з золотом на рысех русская ж, да шуба бархат черн з золотом на горностаях тотарская. Дати ми Олексею да Митрию 100 рублей; а в тех деньгах заложено у них чепь золота, а в чепи весу четыре гривенки з четвертью скаловых. Дати ми Бахтеяру Федорову сыну Дубового Носу 60 рублей; а в тех еси деньгах *заложил* шубу, бархат червьчат з золотом на соболех, круги великие, да шубу бархат черн с серебром на соболех; а обе шубы татарские. Дати ми игумену Иосифу с братьею 100 рублей. Дати ми Офаносу Елчанинову 100 рублей. Дати ми Возмицкому архимандриту з братьею 12 рублей. Дати ми *городцким людем волочанам* 20 рублей. Дати ми Оладьи дьяку 10 рублей. Дати ми Тимофею Телперокину 2 рубля. Дати ми *городцким людем росвицким* 30 рублей и рубля без четверти. Дати ми архимандриту ж Возмицкому з братьею за два ковша серебряных 6 рублей; да архимандриту ж ми дати Возмицкому за шубу бархат черн на черевех на белых 6 рублей. Дати ми в Левкеев монастырь игумену з братьею 10 рублей заемная...» (ДДГ, № 98. Духовная князя Федора Борисовича Волоцкого, 1506 г.).

⁴ Одному Вепрю он должен был в момент составления завещания 158 (15 800) рублей: «Дати ми Вепрю 100 рублей, а заложил еси у него в тех деньгах манисто, да пояс, да три обручи, а манисто и обручи сестричны моей. Дати ми Вепрю ж 40 рублей да полтретья рубля. Дати ми Вепрю ж 12 рублей за две камки... Дати ми Вепрю ж 3 рубли да 4 алт. за четыре сукна». Ему же за опасень. Не заплатил князь тому же Вепрю 3 рубля за два сукна, не заплатил также и за червчатку япончу бурскую». С Бахтеяром Дубовым Носом он тоже имел дела: брал у него под залог займы (ДДГ, № 88).

назвать с тем, чтобы сам Юрий Дмитриевич «ведался» с ними. Это тот самый дядя Василия, Юрий, который поднял против московского великого князя удельных князей и выступил с притязаниями на великое княжение. Василий тогда был малолетним. Его интересы отстаивали его сторонники — москвичи. От имени своего князя они и долги делали, хотя заемные документы подписывал сам князь Василий. Эти документы на сумму в 600 (60 000) рублей он и предъявил Юрию Дмитриевичу.

Среди кредиторов московской знати мы встречаем любопытную фигуру Благовещенского протопопа Василия. В своем духовном завещании он называет своими должниками: кн. Михаила Васильевича Вислого (180 руб.), кн. Ивана Даниловича Пенкова (1200 р.), кн. Ивана Михайловича Кубенского (50 р.), кн. Ивана Шапку и Семена Мезецких (70 р.), кн. Михаила Бабича (70 р.), кн. Ивана Михайловича Воротынского (20 р.), кн. Ивана Ивановича Барабашина (40 р.), кн. Федора Васильевича Лопату (50 р.), кн. Ивана Мезецкого (200 р.).

Кн. Иван Мезецкий был женат на дочери этого протопопа. Своего зятя протопоп вспоминает в своем завещании: «А зять мой, князь Иван, жил у меня во дворе 13 лет, ел-пил мое, а служил зять мой государю все моею подмогою». Жена протопопа в своем завещании прибавляет некоторые интересные подробности. Оказывается, протопоп, очевидно пользуясь тем, что князья Мезецкие нуждались в деньгах, купил у них землю, дав за нее 500 руб. «А что есмь, — прибавляет завещательница, — давали зятю моему приданного и в ссуду деньги и платья и кони, и то зять наш прослужил на царской службе»⁵. Кн. Иван Мезецкий прожил приданое своей жены, деньги от продажи своих земель и еще наделал много долгов.

Ростовщический капитал по отношению к разоряющейся знати сыграл роковую роль.

Стоит заглянуть в духовные князей верейских и волоцких, чтобы убедиться, с каким трудом они сколачивали суммы для расплаты с кредиторами. Кн. Иван Борисович Волоцкий в течение 5 лет не мог заплатить процентов по одному из своих долгов, не сумел в течение своей жизни выплатить долга своей матери, истратил своей племянницы «приданое: платье и суды и иную ее рухлядь», много своего добра прожил и готовился перейти в вечность в долгу, как в шелку, возлагая лишь надежду на своего дядю великого князя Ивана Васильевича, которому он оставляет «служилую рухлядь, доспехи и кони», вотчину Рузу и половину Ржевы; он и просит Ивана Васильевича выплатить его долги. На него работали мастера-ремеслен-

---

⁵ Акты Троицкого монастыря, собр. С. Б. Веселовского. Все цифры — подлинного документа XVI в.

ники, ему верили, отпуская свой товар в долг, купцы. Жил он, повидимому, очень широко и беспечно.

Если ближайшие родственники великого князя, его братья и племянники, так много наделали долгов, то менее знатные люди, тянувшиеся за требованиями московского великокняжеского двора, делали их не меньше.

Под влиянием развившейся иностранной торговли вырос при дворе Ивана III спрос на иноземные товары, конечно, прежде всего на предметы роскоши, именно на те предметы, которые не производились на Руси. Иван III покупает на востоке драгоценные камни и ковры. Он поручил, например, своему послу, боярину Семену Борисовичу, отправляемому в Крым, не забыть сказать некоему Хозе Асану, что если у него будут лалы, яхонты дорогие и жемчуг добрый, то чтобы он непременно приехал в Москву и привез их с собою. Узнав, что жена Менгли-Гирея владеет жемчужиной Тохтамыша, Иван III не успокоился, пока не получил ее. Не удивительно, что своим наследникам он оставил много драгоценных камней⁶.

Хочется отметить, что Иван III, как, конечно, и все его окружение, в вещах ценит не только драгоценный металл и камни, а и художественную работу. Недаром в духовном завещании Ивана Васильевича обозначено имя мастера, искусного ювелира («а сына своего Дмитрея благословляю крест золот Парамшина дела»)⁷.

Все эти примеры очень показательны. Они свидетельствуют о заметном изменении жизни, о росте потребностей, о повышении требований, предъявляемых к искусству, и в конечном счете о значительных переменах в хозяйственной жизни России.

За носителем верховной власти, как это и бывало всегда и везде, тянулась придворная знать. В духовных грамотах бывших удельных князей мы встречаем предметы восточного происхождения: «сабли гирейские булатные, ковры, колпаки ордынские, шубы татарские, серьги и ожерелья с лалами, зернами гурмыскими (жемчугом), однорядки и шубы, саженные жемчугом», и т. д. Наряду с товарами, шедшими с востока, упоминаются предметы новгородской торговли: жемчуг новгородский и немецкие товары, преимущественно ткани: постав ирского сукна, платье из камки бурской и венецицкой или из атласа венецицкого, голубы ипские и лунские⁸.

Новые потребности, к тому же непрерывно росшие, требовали для своего удовлетворения денег, денег и денег. Их нужно было гораздо больше, чем могли дать боярские села. Отсюда

⁶ С. М. Соловьев. История России, кн. 1, стб. 1504—1505; ДДГ, № 89, стр. 363. (завещание Ивана III).

⁷ ДДГ, № 87, стр. 362.

⁸ С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство, стр. 601.

бесконечные и безнадежные займы, заклад имущества и в конечном счете разорение.

Княгиня Евпраксия, жена кн. Владимира Андреевича, в духовном завещании (около 1433 г.) рассказывает историю своей вотчины Лужи. Княгиня заняла 500 руб., чтобы уплатить, очевидно, за заложенную свою вотчину (и за вотчину внука своего еще 280 руб.). Великий князь Василий Васильевич взял вотчину на себя, обещал заплатить княгинины долги и передал вотчину внуку княгини кн. Василию Ярославичу. Ни внук, однако, ни великий князь всех долгов, лежавших на вотчине, не уплатили полностью; осталось доплатить 400 руб. Завещательница просит, чтобы вел. князь Василий Васильевич взыскал этот долг с внука Василия Ярославича и деньги поделил между ее снохами⁹.

Один из ярких образцов обеднения знати мы можем видеть на примере кн. Горбатого. Царь Иван Васильевич сосватал дочь известного воеводы кн. Александра Борисовича Горбатого за кн. Ивана Федоровича Мстиславского. Извещая об этом мать невесты и приглашая ее на свадьбу, царь писал: «да сказывал нам брат твой Фома, что кн. Александр, идучи на нашу службу, заложил платье твое все, и мы бы велели платье твое выкупить; и брат твой Фома не ведает, у кого кн. Александр то платье заложил; и мы тебя пожаловали послали тебе от себя платье, в чем тебе ехать, а даст бог приедешь к Москве и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велим выкупить»¹⁰.

Служба в царском войске и особенно при дворе обходилась русской знати очень недешево.

Ричарду Ченслору бросилось это в глаза. Во-первых, он признал, что роскошь русского двора превосходит все виденные им дворы. «Сам великий князь,— читаем у Ченслора,— снаряжается свыше всякой меры богато; его шатер покрыт золотой или серебряной парчей и так украшен камнями, что удивительно смотреть. Я видал шатры королевского величества Англии и французского короля, которые великолепны, но все же не так, как шатер московского великого князя»¹¹. «Знать и дворяне» не отстают от царя. «Я слышал,— пишет Ченслор,— что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить». «Я никогда не слышал и не видал столь пышно убранных коней»¹². Ченслор прибавляет, что вся эта роскошь знати и дворян достигается их собственными средствами, так как царь «не пла-

⁹ ДДГ, № 28.

¹⁰ СГГ и Д, т. I, № 82.

¹¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, стр. 59.

¹² Там же, стр. 60.

тит жалованья никому, кроме иностранцев». Ченслор описывает царский обед, на который он был приглашен. Гостей было около 200 человек, вся посуда и кубки были золотые¹³.

Все это говорит о дорогом стоящей и растущей роскоши. Понятно, почему на такую жизнь не хватало доходов, поступавших с боярских имений. Кто из бояр не умел во-время перестроить свое хозяйство, обрекался на разорение.

Однако из фактов разорения и обеднения боярства нельзя делать вслед за С. В. Рождественским вывода об «экономическом кризисе», который якобы «переживался страной»¹⁴. Кризис переживала только та часть землевладельцев, которая не сумела приспособиться к новым условиям жизни. Рост городов, богатейшие купцы и монастыри говорят не о кризисе, а о перестройке, которая несла новые возможности и в конечном счете подготавливала к новому и последнему этапу в истории феодальных отношений.

Владения Троице-Сергиева монастыря, можно сказать, росли на боярских костях. Сколько боярских вотчин оказалось в руках троицкой братии! Вот один очень характерный пример. Вотчина Якова Вороны, довольно крупного землевладельца, во второй половине XIV в. состояла приблизительно из 2500 десятин земли в Кинельском стане Переяславского уезда. В течение XV в. она распадается и переходит целиком в Троицкий монастырь. При этом происходит совершенно явная деградация рода Якова Вороны. Его сыновья пищутся еще с «вичем», внуки уже без «вичи», правнуки обозначаются одними именами и прозвищами. Один из представителей рода, Иван, в начале XV в. «дался в холопы при отце при своем до мору княгине Офросинье, а держал от нее волость Куней»: его брат Алексей Бобоша «после мору постригся в монастыре» и был в нем келарем. У Ивана было две жены и от них 4 сына. Двое из них оказались тоже в «холопах», один «в полах». Судьба четвертого тоже не очень завидна; он вынужден был влачить свою жизнь в приживальщиках: его «вскормил Федор Лысой в монастыре»; да и тот, который попал в попы, тоже сделал свою карьеру иждивением Ивана Харламова («а вскормил его Иван Харламов») ¹⁵.

---

¹³ Там же, стр. 58. Когда царь принимал Антония Дженкинсона (был в Москве в 1557—1558 гг.), за обеденными столами сидело 600 человек. Вся посуда и кубки были золотые и серебряные. «Кубки из золота, украшенные камнями, ценою не менее 400 фунтов стерлингов каждый» (там же, стр. 77).

¹⁴ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века, СПб., 1897 (в дальнейшем цит. «Служилое землевладение»), стр. 83.

¹⁵ АСЭИ, т. I, № 391.

Об истории роста троицких владений С. Б. Веселовским написано несколько интересных этюдов; некоторыми из них я и собираюсь воспользоваться.

Вот судьба владений Головкиных. В начале XV в. им принадлежало в Бежецком уезде не менее 5000 десятин земли, по соседству с селом Троицкого монастыря Присеками¹⁶, полученными в 1440 г. от Дмитрия Шемяки. В течение XV и первой половины XVI в. Головкины полностью разорились. Все их земли достались Троицкому монастырю, за исключением двух небольших владений, которые по женским линиям перешли к другим фамилиям. Замечательно, что из девяти известных нам отчуждений в пользу монастыря только два были дарениями; семь были продажами.

Соседство владений Головкиных с Присеками оказалось для Головкиных роковым. Головкины были вовлечены в орбиту влияния этой крупной монастырской вотчины. В монастыре они находили кредит, закладывали и продавали свои земли; разоряясь, они поступали в монастырские слуги или входили в состав монастырской братии. Присецкие владения монастыря систематически росли за счет своего неудачливого соседа¹⁷.

Не менее энергичным приобретателем боярских земель был и Кирилло-Белозерский монастырь. Мы имеем интересную историю поглощения этим монастырем земель князей Ухтомских путем закладов и скупки их, вызванных, конечно, денежными затруднениями княжеской семьи.

В 1559 г. игумен Феоктист купил у кн. Петра Александровича Ухтомского в Романовском уезде на Ухтоме село Никитино с 19 деревнями и 1 почином за 600 руб., а у кн. Григория Ивановича Ухтомского — село Ескино с 9 деревнями и 1 почином; в следующем году в том же Романовском уезде на Ухтоме у кн. Даниила Даниловича Ухтомского — 3 деревни и один починок; в 1566 г. у кн. Петра Александровича Ухтомского — село Семеновское с 10 деревнями, 1 почином и 1 пустошью за 500 руб. Это собственно было оформление более старой сделки: село Семеновское было в закладе под проценты у монастыря; князь выкупить его не смог и решил ликвидировать свой долг путем продажи земли. Так в течение 4—5 лет князья Ухтомские лишились в пользу монастыря 3 сел, 41 деревни, 4 починок и 1 пустоши¹⁸.

¹⁶ То самое, старожильцев которого вел. князь Василий Темный «из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому» (АИ, т. I, № 59).

¹⁷ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, М.—Л., 1947, стр. 176.

¹⁸ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, в. 2, стр. XI—XIII.

Не менее показательна и история огромных белозерских вотчин бояр Монастыревых. Дмитрий Александрович Монастырев служил Дмитрию Донскому. Он разбил татар на р. Воже, где и сложил свою голову. Его братья и племянники служили белозерским князьям. Одному из них, Федору Константиновичу, управлявшему вотчиной кн. Михаила Андреевича на Волоке Словинском, была адресована известная грамота по жалобе Ферапонтова монастыря, ограничивающая свободу перезывания серебряников ¹⁹.

Монастыревы в течение XV в. служили удельным Верейско-Белозерским князьям. Когда в 1397 г. на Белоозеро пришел Кирилл и положил основание своему монастырю, а через год соподвижник Кирилла Ферапонт основал по соседству свой монастырь, Монастыревы оказались в близком соседстве обоих монастырей. Пока Верейско-Белозерский удел был самостоятельной политической единицей, Монастыревы держались довольно прочно в своих владениях. Когда же в 1485 г. удел был ликвидирован, Монастыревы перешли на службу к великому князю, а потом и к царю Московскому кто в думных дьяках, кто в постельничих, а кто и пониже. Некоторые из них служили новгородскому владыке. Разложение белозерских вотчин Монастыревых началось с конца XV в. Путем закладов, продаж и вкладов эти владения таяли и переходили по большей части в руки Кириллова и Ферапонтова монастырей ²⁰.

Очень открыто, правда, значительно позднее (в 1651 г.), рассказывал игумен Троицкого Гledenского монастыря Иона о способах приобретения монастырской земли. Монастырь землю у соседа скупал, «как на Устуге и у Соли искони вечно повелось при прежних государех... и при... царе и в князе Михаиле Федоровиче; а торговали те деревнишка у продавцов по *договору и по любви*; а продавцы те свои деревни *продавали волюю от изнеможения и от недостатков* (курсив мой.— Б. Г.), что им наших (царских.— Б. Г.) податей платить нечем...». Из резолюции на это челобитье видно, что монастырь приобретал землю и по закладным ²¹.

И разорение боярства, и обогащение монастырей, и укрепление купеческих домов так же закономерно для рассматриваемого периода в истории Русского государства, как, имущественное расслоение в крестьянской среде.

Мы видели богатых крестьян, променявших рало на купеческий прилавок, но нельзя забывать, что на другом полюсе находилась масса крестьянства, которая жила под угрозой

¹⁹ ААЭ, т. I, № 48.

²⁰ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, стр. 178—187.

²¹ РИБ, т. XII, стб. 262, 265.

разорения, металась в поисках лучшей жизни и породила массу лишенных средств производства людей, вынужденных искать себе заработка на стороне, — явление, которое отметил в свое время В. О. Ключевский²². Это другая сторона той же закономерности.

Но перемены в судьбе крестьян нельзя рассматривать изолированно от жизни всей страны, потому что крестьянство есть самая большая часть народа, который совершал все великие и малые деяния, в совокупности и создающие его историю.

Появление большого числа свободных людей, не имевших возможности вести свое самостоятельное хозяйство, нетрудно объяснить теми процессами, которые мы наблюдали в связи с расстройством деревни и образованием внутреннего рынка.

Но те пути, которые вели эту обедневшую массу в различные условия зависимости, могут быть поняты только при условии учета перемен, происходивших параллельно в среде землевладельцев. Мы не имеем права игнорировать ни внутриклассовых отношений в этой среде, ни отношения государственной власти к этому классу, ни его роли в разрешении задач, поставленных на очередь перед быстро растущим Русским государством, другими словами, роли надстройки по отношению к базису.

3. ВОПРОС О ЗЕМЛЕ И НОВЫХ КАДРАХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

Время, которое нас в данный момент интересует, есть время ликвидации самостоятельных феодальных княжеств и слияния их в создающееся единое Русское государство, время полного освобождения от Золотой Орды, торжества русского оружия и русской дипломатии в столкновениях с государствами, боявшимися возвышения Москвы и охотно объединявшимися для совместных против нее выступлений.

Русское государство почувствовало в себе достаточно силы, чтобы совершенно открыто заявить о своей программе объединения всей Руси, где бы она ни находилась.

Два слова, прибавленные к титулу Московского великого князя — «всёя Руси», должны были произвести и действительно произвели сильное впечатление в Европе и прежде всего в Литве и Польше, под власть которых в период временной слабости Руси подпала значительная территория Древнерусского государства. Это был вызов Литве и Польше и в то же время призыв, обращенный к той Руси, которая жила под Польшей и Литвой.

²² В. О. К л ю ч е в с к и й. Опыты и исследования, сб. 1, стр. 199.

Очень ярко об этом пишет польский историк Колянковский: «Решительная победа Москвы на поле Куликовском была не только серьезным ударом для внутренней политики Ягеллы, но могла стать настоящей катастрофой для авторитета литовской власти над Русью. Ведь русский православный князь, разгромив одним ударом все татарские орды, разрушил могущество грозного до этого дня властелина всей Руси, отодвинув в тень все усилия в этом направлении литовских князей... В Москве сидит потомок Владимира св. и Мономаха, властитель, который теперь в первый раз начинает пользоваться титулом освободителя Руси, «великого князя всея Руси»¹.

И Европа и Азия очутились перед совершившимся событием и поставлены были перед необходимостью серьезно считаться с новым фактом мирового значения.

Эти успехи Руси пришли не сами собой. Политическая дальнорзорность, настойчивость в достижении цели, готовность жертвовать собой за общее дело, умение отличать великое от малого, удивительная инициативность и труд, труд и труд, — помогли русскому народу вновь занять в мире то место, которое он, казалось, начал было терять под ударами монгольских полчищ.

Если мы не учтем всех этих сторон в жизни народа и государства, мы ничего не поймем и в деталях, являющихся лишь частью общего.

Для уразумения перемен, происходивших в положении страны, прежде всего необходимо иметь в виду создание новой армии централизованного государства. Вести борьбу с феодальной раздробленностью и укреплять великокняжескую власть, т. е. создавать Русское государство, можно было только при помощи организованного по новому принципу войска. Новое войско, в отличие от старых феодальных полков, во главе которых стояли крупные феодалы-вотчинники, еще в недавнее время договаривавшиеся о совместных действиях, знало одну для него обязательную власть, власть великого князя.

В Шелонской битве 1471 г., когда столкнулись два войска (одно — старого типа, другое — новое), победа осталась за последним, несмотря на численное превосходство первого. Тут разыгрался характерный инцидент. Архиепископ в самый решительный момент «не велел» своему полку сражаться с войском московским. Новгородцы проиграли битву. Победила новая военная организация.

Армия Московского великого князя во второй половине XV в. уже сильно отличалась от старого феодального войска. Это была армия служилых людей, заинтересованных в даль-

¹ L. K o l a n k o w s k i. Dzieje W. Ks. Litewskiego, 1935, str. 20.

нейших успехах централизующейся власти, которую смело можно было противопоставить не желавшим сдавать своих позиций княжатам и боярству. Дальнейший рост внутренней и внешней силы Русского государства был связан с историей именно этой помещичьей прослойки класса феодалов. Понятно, что и судьба крестьян оказалась в тех же руках.

Жить на государственное денежное жалованье, как мечтал Иван Пересветов, помещик — служилый человек в это время еще не мог. Единственный способ обеспечить службу служилого человека было наделение его землей с правом пользоваться трудом крестьянина. Землю эту правительство должно было найти, оно же должно было облечь новые кадры землевладельцев соответствующими правами. Эти обеспечивающие службу земли-поместья были не велики, но их было много, очень много, а требовалось еще больше. Вопрос о земле приобретал все большую остроту, так как он затрагивал интересы тех, кто давно уже успел завладеть лучшими землями.

Старая землевладельческая знать — князья, бояре, а также церковь в лице митрополита, епископов, монастырей — была давно уже обеспечена землей. Им принадлежало к XV в. $\frac{2}{3}$ всей удобной для сельского хозяйства земли². Теми или иными способами они удерживали у себя и крестьянские рабочие руки. Они были достаточно сильны и политически, чтобы отстаивать свои права. Но в то же время бывшие удельные князья и старое боярство не могли не замечать серьезных перемен в общественной и политической жизни страны, несомненно угрожавших их интересам.

Уже в конце XV в. старое боярство могло видеть совершенно ясные доказательства тому, что его роль в государстве падает, что приходит конец правам сеньеров, что на смену ему идут другие люди с иными, ему враждебными, интересами. Это новая помещичья среда.

О поместьях много писали. Искали главным образом разгадки вопроса о происхождении поместной системы, «откуда явилась идея поместья, выращена ли она на туземной почве своеобразными общественными и поземельными отношениями древней Руси или принесена одним из иноземных культурных влияний»³.

---

² Из них половина принадлежала духовенству. Англичанин Адам Климент (1553 г.) пишет: «his (монастырям) magni sunt agrorum reditus — nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi». Горсей, тоже современник Грозного, вкладывает в речь царя следующие слова, обращенные к духовенству: вы «захватили себе в собственность *третью часть*... городов, посадов и деревень нашего государства» (А. П а в л о в, Истор. очерк секуляризации, стр. 23, 146).

³ С. В. Р о ж д е с т в е н с к и й. Служилое землевладение, СПб., 1897, стр. 3.

Сейчас мы можем с полной ответственностью сказать, что иноземные культурные влияния тут совершенно ни при чем и что «идея» поместья очень стара на Руси. Еще киевские князья давали своим слугам землю. Давали ее великие и удельные князья в различных частях Руси. Для XV в. вопрос не в этом, а в том, почему эта система приняла столь значительные размеры именно в данное время. Ответить на этот вопрос нетрудно. Серьезные изменения в базисе не могли не внести серьезных изменений в надстройке. Великий князь Московский для достижения новых политических задач должен был иметь силу, которой мог бы располагать, и эта сила — армия, которую он и создает при помощи раздачи земли. Опыт оказался удачным, потому что помещики сами были заинтересованы в успехах того дела, для служения которому они и были призваны.

Власть не могла не видеть, что без послушной ей армии она бессильна. Перед ней стояла задача держать народную массу в повиновении, а также защищать и расширять границы своего государства. Не могли не поддерживать армию и те слои русского общества, которые тяготились произволом феодальной знати, для которых чересполосица государственной территории, постоянные феодальные войны, перегородки между отдельными княжениями, таможенные пошлины на каждом шагу были помехой в их деятельности. Внешняя опасность настойчиво ставила проблему обороны страны и ускоряла процесс укрепления централизованного государства.

Против нее возражали лишь те, кому дорога была феодальная старина. Удельный князь, крупный боярин, окопавшийся в своей сеньерии, и им подобные «государи» не могли примириться с тем, что они стали ненужными. Методы их самообороны поставили их в положение тормоза, подлежащего устранению. Иван Пересветов высказал эту мысль совершенно четко.

Он целиком на стороне помещиков — служилых людей, военной службой добывавших себе хлеб насущный и честь. Кадры служилых людей в массе пополнялись людьми небогатыми и незнатными. Недаром Судебник Ивана IV запрещал поступать в частную службу по кабале людям, годным в армию: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопы не приймаи никому, опричь тех, которых государь от службы отставит»⁴.

Правительство берегло годные для военной службы кадры. Но, конечно, одних запрещений поступать на частную службу

---

⁴ Царский судбник, ст. 81. Татищев даже для своего времени считал возможным и полезным дозволить отставным дворянам обращаться в холопство (В. Н. Татищев. Судбник, стр. 101—102).

было недостаточно. Надо было создать условия, обеспечивающие армию материальными средствами, т. е. землей и деньгами.

Иван Пересветов мечтал о том, чтобы содержание армии целиком перевести на государственный счет, на деньги⁵. Но это были пока только мечты; денег у государства для этого еще не хватало.

Земли, казалось, было много, но это так только казалось. Требовалась не просто земля, а земля, удобная для хозяйства, хорошая по качеству и лежащая в тех местах, где по соображениям стратегическим и политическим должен был жить служилый человек, и, самое главное, — земля, населенная крестьянами. Вот такой земли решительно не хватало. Как правило, государственная власть, определяя годность служилого человека, назначала ему оклад, т. е. определенные размеры поместной земли. Но это было только право служилого человека, а фактически (в виде так называемой «дачи») он получал гораздо меньше, обычно только половину. Вторую половину он должен уже приискивать сам. Иногда давалась половина населенной земли, а другая половина отводилась в «диком поле», т. е. требовала заселения и разработки. Да и первая половина далеко не всегда удовлетворяла всем хозяйственным требованиям. Например, первому казанскому воеводе кн. П. А. Булгакову полагалось на половину оклада 500 четей, но нашлось доброй земли только 301 четь, остальная земля — перелог (60 четей), и заросли и дубровы (115 десятин). Дали ему оброчную мельницу «за пашенную землю за 60 четей». Итого отвели ему 651 четь всякой земли, что было приравнено к 500 четям доброй земли⁶. А ведь П. А. Булгаков — большой в феодальном мире человек. Что же говорить о людях маленьких. «Недостаток свободных земель, — пишет С. В. Рождественский, — при испомещении... служилых людей, заставлял не только сокращать поместные дачи вдвое, втрое или вчетверо против окладов, но и ограничиться выделом небольших участков, «на усадища», а некоторым служилым людям и совсем отказывать в испомещении до приискания свободных земель. Например, в 1577 году оказалось, что из 168 детей боярских путивльцев и рылян совсем не получили поместий 99 человек; остальные были «испомещены по окладам не сполна, иные впоны, а иные в третьей и в четвертой жеребей, а иным дано на усадища не помногу»⁷. Получив часть причитавшейся ему по окладу земли, служилый человек начинал поиски земли, и иногда ему это и уда-

⁵ В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов, публицист XVI в.. Чт. ОИДР, 1908, кн. 1, отд. II, стр. 62.

⁶ С. В. Р о ж д е с т в е н с к и й. Служилое землевладение, стр. 304.

⁷ Там же, стр. 306.

валось. Правительство зорко следило за тем, чтобы помещик не прихватил лишнего.

В каком печальном положении оказывались иногда служилые люди, можно судить по «Отписке в. кн. Симеона Бекулатовича о посылке им по государеву указу детей боярских тверитян и новоторжцев на службу в В. Новгород» 1585 г. К отписке приложен и список мобилизованных детей боярских, составленный по рангам. В конце перечня служилых людей тверичей имеется такая категория: «Дети боярские тверичи ж, которые государевы службы не служат, а поместья их пусты, и хором нет, а они ходят по дворам». Идет далее перечень 15 детей боярских. Про одного из них, Ивана Дурносопова, написано: «ограбил его подъячий Ратман Детков и поместье опустошил, и хором нет». Далее идет категория детей боярских тверичей, «которые изо Твери сбежали, а поместья запустошив». Таких оказалось 5. Все они служат в других местах, кто в Новодевичьем монастыре, кто в Можайском уезде «на приказе в дворцовых селех», кто у Троицы в Сергиеве, или у архиепископа Казанского. Среди новоторжских детей боярских такая же приблизительно картина⁸. Правда, надо иметь в виду, что речь идет о 1585 г., когда хозяйственная разруха была еще в силе.

Но и в более нормальной обстановке подобные случаи бывали нередко. Среднему и особенно мелкому служилому человеку приходилось испытывать подчас серьезную нужду. А между тем государство, нуждаясь в военных кадрах, предъявляло к ним суровые требования.

За занятые издревле земли крепко держались бояре, еще крепче церковь. Перед государством, таким образом, стояла задача во что бы то ни стало найти столь нужную ему землю. Оно и старалось находить ее разными путями. После присоединения Новгорода и вывода новгородского боярства, на их землях были водворены служилые люди Московского великого князя, точно так же было поступлено и в Пскове. Когда московские войска заняли Полоцкую землю, служилые люди получили землю и здесь, но и этой земли не хватило, чтобы сравнять оклады с дачами.

В Новгороде Иван III Васильевич прибег даже к рискованной по тому времени мере. Он решил отобрать часть земли у церкви, т. е. пойти против правила вселенских соборов⁹, предававшего отлучению всех, покушавшихся на церковное имущество. Из этого затруднения Ивана Васильевича вывела историческая справка о том, что когда-то эти земли принадле-

⁸ Акты Московского государства, т. I, стр. 52—56.

⁹ Апостольское правило 38, VII Вселенского собора.

жали князьям, а церковь овладела ими, так сказать, незаконно¹⁰. Справка точная. Мы знаем, что в связи с событиями 1136 г. в Новгороде княжеские вотчины были взяты Новгородским государством на себя и значительная часть их была передана св. Софии.

Действия Ивана III в Новгороде вызвали в некоторых кругах новгородских протест. Новгородский архиепископ Феофил, несомненно, обиженный на Ивана III за конфискацию церковных земель, примкнул к той политической группировке, которая предполагала присоединить Новгород к Литве, где у панов, державших в своих руках власть, архиепископ надеялся найти признание неприкосновенности церковных имуществ. Феофила Иван Васильевич выслал из Новгорода.

Тот же Иван Васильевич не прочь был проделать такую же операцию и во всем своем государстве, но здесь история помочь ему уже не могла. Она была использована против него. Началось крупное движение по вопросу о секуляризации церковных земель, выразившееся, между прочим, и в оживленной литературной полемике.

Обнаружились две исключаящие друг друга точки зрения: «нестяжателей», сторонников секуляризации, с которыми солидаризировалось боярство, и «осифлян» — защитников неприкосновенности церковной земли.

Большой боярин князь Курбский не скрывал своего отношения к церковным вотчинам. Он обвиняет монахов в том, что они, внушая умирающим не оставлять своих имений родственникам, хотя бы и бедным, а отказывать все в монастыри, «воинский чин» сделали хуже нищих.

Если в Новгороде Иван III действовал, как победитель, к тому же и с благословения московского митрополита, и имел за себя оправдание в истории, то совсем в другом положении он очутился в Москве на местном церковном соборе в 1503 г., когда вопрос о монастырских землях был поставлен главой нестяжателей Нилом Сорским. Он «нача... глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черныцы по пустыням и кормили бы ся рукоделием». Против Нила выступил Иосиф Волоцкий: «если у монастырей не будет сел,— между прочим, говорил он,— то как постричься почетному и благородному человеку? А если не будет почетных и благородных старцев, то откуда взять людей в митрополиты, архиепископы и на другие церковные власти? И так, если не будет почетных и благородных старцев,— делал вывод Иосиф,— то и сама вера поколеблется». Иосиф Волоцкий высказывал и другие

¹⁰ «Зане теи волости исконоу великих князей, а захватили (владыки и монастыри) сами» (В. Н. Т а т и щ е в. История Российская, кн. V, стр. 65; ПСРЛ, т. VIII, стр. 204).

более опасные для государственной власти мысли о том, что цари, идущие против интересов церкви, — не цари, а слуги дьявола; православным людям не следует таким царям подчиняться.

Иван Васильевич понял, что дело принимает оборот более серьезный, чем он предполагал, и перестал настаивать на выполнении своих намерений.

Вопрос о монастырской земле долго еще обсуждался и позднее. Споры не прекратились и после того, как мысль о несоответствии богатства церкви с духом христианского учения была признана официальной церковью еретической.

При сыне Ивана III Василии нужда в земельном фонде для испомещения армии стала еще больше. При нем было издано Уложение, в котором запрещалось жителям некоторых городов и некоторым северо-восточным князьям давать вотчины в монастыри без доклада и без ведома великого князя¹¹. 11 мая 1551 г. это правило получило силу общего закона, и за нарушение его постановлено «та вотчина у монастыря *безденежно* имати на государя». Земли, отнятые церковными учреждениями у детей боярских и крестьян за долги, и земли, розданные во время боярского правления в малолетство Грозного, велено было вернуть прежним владельцам¹².

Указ 1562 г. разрешил заменять земельные вклады деньгами¹³. В 1572 г. действие этого закона было распространено на все родовые княжеские и боярские вотчины. Разрешалось жертвовать землю лишь бедным монастырям, но всякий раз только с доклада государю¹⁴. Церковные соборы 1580 и 1584 гг., созванные в тяжелое время хозяйственной разрухи для выработки мер по ее ликвидации, постановили «от сего дня впредь... вотчинникам вотчин своих по душам не давать», а давать за них деньги; вотчины, купленные и взятые в заклад церковными учреждениями у служилых людей до 1580 г., отобрать на государя¹⁵.

Правда, эти меры не прекратили притока земель в церковные учреждения, но, несомненно, несколько затруднили дальнейшее расширение монастырских земельных владений.

---

¹¹ «А что из старины, по уложению вел. кн. Василья Ивановича всея Руси, во Тфери, в Микулине, в Торжку, в Оболенску, на Белесзере, на Рязани, мимо тех городов людей иных городов людем вотчин не продавали и по душам в монастыри без доклада не давали; а Суздальские князи да Ярославские да Стародубские князи, без вел. князя ведома вотчин своих мимо вотчин не продавали никому же и в монастыри по душам не давали» (ААЭ, т. I, № 227, стр. 219).

¹² ААЭ, т. I, № 227, стр. 219.

¹³ АИ, т. I, № 154/XVIII.

¹⁴ Там же, № 154/XIX.

¹⁵ СГГ и Д, т. I, № 200 и 202.

В полемике, развернувшейся по вопросу о церковной земле, обнаружилась одна интересная сторона. Против монастырского землевладения и за секуляризацию высказывались многие представители церкви, вышедшие из рядов боярства. Не лишена вероятности догадка, что эти противники церковного землевладения отводили таким способом надвигающуюся опасность от боярских земель. Этим выходцам из боярского сословия было совершенно ясно крайне затруднительное положение государства, из которого оно искало выхода, и в конечном счете, как они правильно рассуждали, должно было найти. Если не считать возможности использования в этом направлении земель чернососных крестьян (мало или совсем не удовлетворявших требованиям, поскольку они лежали в местах, отдаленных от центра и угрожаемых государственными границ), то наиболее реальных выходов было только два: отобрать землю либо у церкви, либо у бояр. Мы знаем из дальнейшего развития этого дела, что церковь сумела себя защитить (в общем она потерпела немного), боярские же земли в очень большом размере были при Иване III и Иване IV конфискованы и пошли в раздачу служилым людям.

Итак, растущее централизованное государство проявило максимум стараний к тому, чтобы расширить свои военные кадры и обеспечить армию землей. Созданы были новые тысячи землевладельцев, далеко не всегда имевших возможность удовлетворить свои растущие потребности.

Читая многочисленные жалобы служилых людей на свою бедность, начинаешь понимать, что в них много правды. Помещики обеспокоены, ищут и далеко не всегда находят, просят и не всегда получают, начинают сами проявлять свою инициативу в поисках обещанной им земли и крестьянских рабочих рук.

Монастыри ведут свое хозяйство аккуратно, стараются расширить свои владения, надеясь не только на пожертвования, с чем начинает бороться государство, но на свою собственную хозяйственную инициативу. Они энергично распахивают нови.

Со своей стороны они тоже заинтересованы в крестьянских рабочих руках.

Вот эта обстановка и делает нам понятной обострение вопроса о крестьянах. Перед землевладельцем весьма настойчиво возникал вопрос не только о том, как удержать за собой старые кадры рабочей силы, но и как привлечь к себе новые.

Много обедневших людей стало бродить по Русской земле в поисках заработка, но много появилось и охотников принять их к себе. Как землевладелец решал стоявшие перед ним очередные задачи, мы увидим в нижеследующих главах.

III. ФЕОДАЛЬНО ЗАВИСИМОЕ СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В XV — XVI вв.

1. Предварительные замечания

Мы не раз могли убедиться в том, что до середины XV в. на Руси (и не только на Руси) господствовала оброчная система эксплуатации зависимого крестьянина. Землевладельцы, как правило, не заводили тогда своего собственного сколько-нибудь значительного хозяйства. В нем нет еще потребности, нет у землевладельца и необходимых для этого возможностей, так как для сбыта хлеба не было еще благоприятных перспектив. Между тем самым обычным явлением было наличие в домах богатых людей большого количества народа, военного, ремесленного и просто прислуги. Нужные и производительные люди в таких случаях разбавлялись здесь всегда большой примесью людей, с хозяйственной точки зрения бесполезных, увеличивавших, однако, число барского окружения, по какому признаку обычно и судили о знатности сеньера. Зависимое от хозяина население сеньерии этого периода, как мы уже видели, состоит из двух неравноценных групп: одна — это люди дворовые (чаще всего холопы), живущие около своего хозяина, в значительной своей части мало производительные, другая — живущая за двором по селам и деревням, занятая сельским производительным трудом, назначение ее — кормить и содержать не только себя и хозяина, но и весь его двор.

Правовое положение крестьянской массы этого времени неоднократно обсуждалось в нашей ученой литературе. Достаточно точно оно не определено и сейчас из-за отсутствия сколько-нибудь ясных данных по этому предмету в источниках. Старая историография, тенденциозно подходя к вопросу, намеренно упрощала его.

Н. М. Карамзин смело писал: «Мы знаем, что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой: свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу, с условием обрабатывать часть земли для себя, другую для господина, или платить ему оброк. Правитель видел невыгодность сего перехода, который часто обманывал надежду земледельцев сыскать господина лучшего, не давал им обживать, привыкать к месту и к людям для успехов хозяйства, для духа общественного, — умножая число бродяг и бедность: пустели села и деревни, оставляемые *кочевыми* (курсив Карамзина. — Б. Г.) жителями... Правитель..., без сомнения желая добра не только владельцам, но и работникам сельским, желая утвердить между ими союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном... в 1592 или

в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян... и навеки укрепил их за господами»¹.

Привожу эту длинную цитату потому, что мысли, в ней выраженные, повторялись в буржуазной науке в сущности до самого недавнего времени.

С. М. Соловьев твердил о «волнующемся жидком состоянии» общества древней Руси. Земли было много, она не имела ценности; ничто не привязывало русского человека к месту, так как везде он находил одно и то же, «везде Русью пахло», иначе бедностью людей, суровостью и однообразием природы, которая «не могла живительно действовать на дух человека», «приводить в праздничное настроение». «Брести розно было (русскому человеку) ни почем». Только правительственная власть связывала людей. Отсюда привычка у русского человека к бродяжничеству, а у правительства стремление «ловить, усаживать и прикреплять»².

Б. Н. Чичерин тоже представляет себе всю Русь кочевой: «Дружина... была кочевая; бояре и слуги переезжали с места на место. То же самое делали и крестьяне; это было всеобщее бродяжение по всей Русской земле»³.

Не далек от этого представления о русских крестьянах и В. О. Ключевский, считавший крестьянина «тяглым съемщиком чужой земли», который «работал и уходил, был не политической единицей в составе местного общества, а экономической случайностью в княжестве»⁴.

У Милюкова крестьяне тоже «бродят по Русской земле и садятся на землю, большею частью на положении временных поселенцев на условиях частного найма»⁵.

Несмотря на то, что Н. П. Павлов-Сильванский еще в 1907 г. выступил с очень убедительными возражениями против такого представления о крестьянстве древней Руси⁶, М. Н. Покровский продолжал говорить о бродяжничестве населения⁷.

Надо было отвлечься от конкретных общественно-политических условий жизни или, вернее, ничего в них не понимать, чтобы защищать подобное мнение о крестьянстве, т. е. основной

¹ Н. М. Карамзин. Ист. гос. Росс., т. X, стр. 120.

² С. М. Соловьев. История России, кн. III, стб. 644, 664.

³ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 175.

⁴ В. О. Ключевский. Курс, ч. 1, 1937, стр. 372.

⁵ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, изд. 5, стр. 143—144.

⁶ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси, стр. 63—67.

⁷ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, изд. 4, стр. 29 («Очень редко ввук крестьянина умирал на том месте, где родился дед. И даже в течение своей жизни крестьянину приходилось переменить несколько, может быть, даже не один десяток пашен»).

массе народа, на труде которой строилась вся общественная и политическая жизнь страны. Б. Н. Чичерин, по крайней мере, был последователен, когда отрицал наличие на Руси до XVI в. государства, невозможного при всеобщей бродячести населения⁸.

Я несколько не ошибусь, если скажу, что во второй половине XIX и в первой четверти XX в. в русской историографии самым распространенным мнением о крестьянстве было мнение Ключевского: крестьянин — свободный, кочующий съемщик чужой земли.

Крупнейший исследователь истории крестьян М. А. Дьяконов во всяком случае шел в этом отношении за Ключевским. Он тоже считал всех крестьян арендаторами чужой земли. В его представлении обезземеленные смерды вынуждались арендовать чужую землю. «...Процесс обезземеления мелких собственников смердов привел к тому, — пишет он, — что в московское время масса сельского населения не имела собственных участков и проживала на чужой земле в качестве арендаторов»⁹.

А между тем и в старой литературе, даже до Н. П. Павлова-Сильванского, раздавались иногда трезвые голоса людей, понимавших, что бродячестъ населения на Руси это нелепость, что при бродячести населения не могло быть ни городов, ни сел, ни податей, ни ответственности крестьянских общин за своих членов, ни государства. Это прекрасно понял Д. Я. Самоквасов. В этом направлении он и высказался, но облек свои мысли в такую форму, пользовался такой своеобразной терминологией, что много надо затратить предварительных усилий, чтобы понять подлинную сущность мыслей автора.

«В завоевательных государствах (автор причисляет к ним и Россию. — Б. Г.) земельные общины прикреплялись к тяглой земле не законами о прикреплении, а обложением завоеванных общин определенной данью от сохи (рала, плуга) и двора (дыма) в пользу завоевателя. Уплата дани, установленной завоевателем, обязательна для покоренных общин, а следовательно, обязательно и пользование членами таких общин теми сохами и дворами, с которых они должны были платить дань, установленную завоевателем; иначе сказать, со времени завоевания покоренное народонаселение является прикрепленным к земле завоевателя, к сохам и дворам, составляющим его собственность наравне с тяглыми людьми — владельцами таких сох и дворов»¹⁰.

Если отбросить «завоевание» и попытаться найти иное происхождение податей и государства, то в приведенном мнении Д. Я. Самоквасова можно найти немало ценного: если налицо государ-

⁸ Б. Н. Чичерин. *Опыты*, стр. 175.

⁹ М. А. Дьяконов. *Очерки обществ. и госуд. строя*, стр. 324.

¹⁰ Д. Я. Самоквасов. *Архивный материал*, т. II, стр. 15.

ственная власть, неразрывно связанная с обложением населения, то ни о каком кочевании основной массы плательщиков податей не может быть и речи. Автор тут совершенно прав. Случайно или не случайно, но у него имеется и другое еще более интересное замечание о наличии в этот период истории Руси едва ли не феодальной собственности на землю, хотя феодализма на Руси автор совсем не подозревал. Сохи и дворы, т. е. земля и усадебная оседлость земледельца, по определению автора, находятся в собственности государя, представителя верховной власти («завоевателя» по терминологии автора) и в то же время и во владении тяглого человека — крестьянина.

После работ Д. Я. Самоквасова появилось несколько интересных статей, уже навеванных новыми течениями в нашей историографии, с признанием феодализма на Руси (хотя и в узко юридическом смысле), а следовательно, и с иной уже трактовкой судеб русского крестьянства. Имею в виду прежде всего статью П. И. Беляева: «Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение». Тут уже нет речи о бродяжничестве сельского населения, а подчеркивается наличие на Руси «с древнейших времен» крупных частных владений князей, бояр, духовенства и земель государственных, населенных привязанными к земле и ее владельцам людьми.

Зависимость различных категорий сельского населения сеньерии в изображении автора не одинакова, однако есть ряд общих признаков этой зависимости, которые позволяют автору сказать: «Возможность арестовать, самоуправно вернуть к себе ушедшего человека, судить его и обложить данью, распорядиться им с землей — объясняют, почему современникам вступление в сеньериальную зависимость представлялось порабощением»¹¹. П. И. Беляев в древнейший период истории Руси правильно подметил суровый характер зависимости крестьянина от господина, приближающийся к зависимости рабской. «Последняя, — по выражению того же автора, — представляла «готовый шаблон», к которому можно было свести положение плохо обеспеченного экономически свободного человека»¹².

Признание зависимости сельского населения от своих господ-землевладельцев и далеко не безразличное отношение государства к сельскому населению, рассмотренные в работе П. И. Беляева, — большой шаг вперед по сравнению со старой литературой, для которой исконная свобода крестьян была краеугольным камнем всего построения. Но и при этом, несомненно, более тонком подходе к решению проблемы, автору

¹¹ П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, ЖМЮ, 1916, сентябрь, стр. 149.

¹² Там же, стр. 151.

все же не удалось ее разрешить с достаточной полнотой, прежде всего потому, что автор, признавая наличие в России феодализма, не понимает его сущности. Отсюда он неверно трактует и правовое положение отдельных прослоек зависимого крестьянства. Не учитывая в данный период истории феодальных отношений в России тех перемен в положении отдельных разновидностей сельского зависимого населения, которые происходили на протяжении их существования, П. И. Беляев и не ставит вопроса о происхождении этих разновидностей.

Автор совершенно правильно отмечает две основные категории крестьянства: 1) «старожильцы», иначе «искони вечные», иначе «пошлые»¹³ и 2) «добровольные жильцы», под которыми он разумеет «вольных людей» (отпущенные на волю холопы, крестьяне, «отказавшиеся» от сеньера, бежавшие крестьяне, на которых сеньер пропустил срок иска, своеземцы)¹⁴, которые, по мнению автора, могли селиться на земле сеньера на условиях, не стеснявших их свободы. Они якобы могли жить без оформления своих отношений к хозяину какими-либо крепостями.

Признание наличия двух основных категорий крестьянства само по себе очень ценно. Оно наносит удар старой традиции, разрывает со многими предрассудками старой историографии, мешавшими понять подлинный ход истории русского крестьянства.

Но необходимо также указать и на то, что в суждении автора имеются и неполнота, и неточность. Правда ли, что вторая категория крестьян («добровольные жильцы»), живущих без всяких крепостей, исчерпывает все содержание этой категории, противопоставляемой старожильцам? Куда, например, девать серебряников, половников, рядовых, юрьевских, сельских кабальных и других упоминаемых в источниках зависимых людей?¹⁵ Ведь это и не старожильцы, и не

¹³ В жалованной грамоте Нижегородского кн. Александра Ивановича Благовещенскому монастырю (1410—1417 гг.) старожильцы называются людьми «пошлыми» (ААЭ, т. I, № 17).

¹⁴ П. И. Беляев. Указ. соч., ЖМЮ, 1916, октябрь, стр. 173.

¹⁵ Автор не забыл о существовании этой категории зависимого свободного населения, но ограничился лишь беглыми и далеко не исчерпывающими предмета замечаниями. Серебряников он считает «полусвободными». Они иногда называются половниками и «по многим чертам сближаются с крестьянами и этим объединяют последних с зависимым населением сеньерии в одну общую массу». Характер зависимости серебряников автор определяет так: «Аграрная зависимость, возникшая вследствие уступки за деньги своей рабочей силы, отданной не для всякой работы, а только для земледельческой работы». Деньги они получали вперед, брали ссуду. «До уплаты долга работой или возвращением взятого они, как и кабальные холопы, не могли уйти с его (сеньера. — Б. Г.) территории» (П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия, ЖМЮ, 1916, ноябрь, стр. 150—151).

«вольные» (в понимании П. И. Беляева) люди. Они берут на себя так или иначе связывающие их свободу обязательства. Надо объяснить их появление, надо найти им соответствующее их юридической и экономической природе место.

Не говорю уже об основаниях, по которым автор зачисляет в категорию людей независимых довольно значительную группу людей. Ведь отпущенный на волю холоп, «отказавшийся» или бежавший крестьянин не могут мыслиться отвлеченно: в действительности крестьянин «отказывался» и бежал обычно с тем, чтобы пристроиться к другому землевладельцу. В подавляющем большинстве случаев он не делался вольным, а только менял хозяина. Что же касается серебренников, половников, рядовых и прочих, то они решительно не уместятся в рамки второй категории, установленной автором. Для них следует создать третью, как и вообще пересмотреть весь вопрос с других теоретических позиций.

* * *

Нам придется вести речь обо всех наиболее отмечаемых нашими источниками прослойках сельского трудового населения. Целесообразнее всего начать наш обзор с той категории непосредственных производителей в вотчине-сеньерии, которая издавна и крепко сидела на своих старых местах, без крайней нужды по Русской земле не бродила и ни у кого земли не арендовала, потому что владела своей землей. Другими словами, мы начнем обзор с той части крестьянства, которая являлась опорой государства в его финансовой политике и своим трудом кормила не только себя, но и тех, кто в ходе исторической жизни стал над крестьянином и его землей.

Имею в виду крестьян-старожильцев.

Приступая к изучению отдельных прослоек сельского трудового населения, считаю необходимым заранее сделать одну оговорку. Мне кажется более удобным делать исторические обзоры судеб каждой из этих прослоек, не дробя этих обзоров на части по хронологическим признакам.

Читатель прекрасно разберется в изменениях, происходящих с той или иной социальной группой в течение известных отрезков времени, а имея перед собой общий очерк, выигрывает в целостности представления об исторической судьбе каждой из них.

2. Крестьяне-старожильцы

О старожильцах, кроме отдельных замечаний, рассыпанных на страницах общих трудов по истории крестьянства, имеются и специальные исследования.

М. А. Дьяконов уделил этому вопросу много внимания и высказался достаточно определенно¹. Исходный пункт его рассуждений заключается в признании уничтожения древнерусского класса мелких собственников-смердов за счет «повсеместного процесса сосредоточения недвижимой собственности в руках крупных землевладельцев»². Обезземеленный смерд, по мнению автора, превратился в арендатора чужой земли.

«Процесс обезземеления мелких собственников — смердов привел к тому, что в московское время масса сельского населения не имела собственных участков и проживала на чужой земле в качестве арендаторов». «Крестьяне... все оказались съемщиками участков чужой земли, будь то в черных или оброчных волостях, в дворцовых имениях или в монастырских и частных вотчинах и, наконец, в поместьях». Только в податном отношении сохранилась черта, объединяющая старого смерда с позднейшим крестьянином: «Как прежде смерды являлись главными плательщиками дани, так и в рассматриваемое время (XIV—XV вв.— *Б. Г.*) крестьяне составляли главную массу тяглых земледельцев». «По памятникам XIV и XV вв. все эти земледельцы вполне свободные люди, пользующиеся свободой перехода и сначала без всяких ограничений»³

Несколько грамот XV в., упоминающих старожильцев, заставляют автора поставить о них специальный вопрос, кто они. Перед автором, считавшим крестьянина арендатором чужой земли, неизбежно вставал и вопрос, сколько времени этот арендатор должен был просидеть на чужой земле, чтобы стать старожильцем. Прямого ответа на эти вопросы автор не дал и дать не мог, поскольку в источниках старожильцы рисуются не так, как мыслил М. А. Дьяконов. Совершенно естественно, почему М. А. Дьяконову, как и всем другим исследователям, приходится обращаться к предположениям и натяжкам. В основе их гипотетических выводов неизбежно лежат более или менее произвольные предпосылки, определяющие выводы.

Если признать, что землевладельцы занимали только пустую землю и называли к себе бродячих земледельцев,— то решение задачи о старожильцах будет одно; если же при

¹ М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения, Очерк 1 «Крестьяне старожильцы или старинные»; П. Е. Михайлов. К вопросу о происхождении земельного старожильства, ЖМНП, 1910, № 6; его же. Институт старожильства и крепостное право, ЖМНП, 1912, № 1. Вопросы о старожильцах касались почти все специалисты как по истории русского права, так и по истории России вообще.

² М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 104.

³ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 79—80.

знать старую русскую знать менее щепетильной и более расчётливой, освоившей населенную и давно окультуренную землю, и при этом не забывать, что государственная власть, содействуя укреплению знати на земле, раздавала ей не столько пустую, сколько населенную землю, — то вывод получится иной. М. А. Дьяконов не мог не заметить, что «памятники противопологают старожильцев крестьянам, перезванным из иных княжений, вновь порядившимся на папшию «новикам», или «новоприходцам»⁴. Но это наблюдение мало помогло ему в разрешении вопроса, так как он заранее связывал себя недоказанной и недоказуемой предпосылкой о том, что все крестьяне в Русском государстве — арендаторы господской или черной земли, образовавшиеся из обезземеленных смердов.

Действительно, создается безвыходное положение: если и старожилец, и новоприходец — арендаторы, если юридической разницы между ними нет, то почему же старожильцам затрудняется и даже запрещается, по мнению автора, «выход», а на это же право новопорядчика никто якобы не покушается?

Разрешение загадки автор находит в задолженности старожильца. «Задолжавшие крестьяне были затруднены в переходах, хотя бы только фактически. Долговая зависимость вынуждала их оставаться на арендованных у землевладельцев-кредиторов участках земли, если землевладельцы соглашались терпеть у себя неаккуратных должников в положении крестьян. Со стороны господ это было милостью, по праву же они могли требовать отдачи себе должников для отработки долга тем или иным способом. Наиболее милостивые и щедрые господа по завещаниям даже прощали долги крестьянам полностью, до половины или условно, — как распорядилась, например, великая княгиня Софья Витовтовна⁵. Полагаем, однако, что это было вовсе не общим обычаем. Судебник царский, в отмену правил о крестьянском переходе, разрешил крестьянам продаваться с папши в холопы бессрочно и без уплаты пожилого. Это было, конечно, в интересах менее щедрых и менее милостивых землевладельцев... Между этими двумя крайностями — прощением долга и обращением должника в рабство временное или вечное — оставался средний

⁴ М. А. Дьяконов: Очерки из истории сельск. насел., стр. 19.

⁵ Ссылка на распоряжение Софии Витовтовны не может считаться удачной, потому что Софья Витовтовна имела в виду не крестьян-старожильцев, а серебряников. «Кто будет от тех издельников охудел, а и половины того издельного серебра заплатити не взможет, и сын мой велик князь тому велит отдати и все издельное серебро: а которой будет *издельный серебрянник* (курсив мой. — Б. Г.) изможен в животе, а не охудел, возможет заплатити все серебро, и на том сын мой велит все издельное серебро взяти» (ДДГ, № 57, 1451 г.).

путь: эксплуатация должника в качестве земледельца наложением на него новых барщинных повинностей или увеличением размера старых... Повторение же этого явления в повседневной жизни, освященное более или менее продолжительным временем, могло дать начало обычаю, в силу которого крестьяне, лишенные возможности воспользоваться правом перехода, стали рассматриваться, как утратившие это право в силу давности или старины». Таков, по мнению М. А. Дьяконова, путь возникновения обычного правила о прикреплении старожильцев, которых он и считает «первыми нашими крепостными крестьянами»⁶.

С возражением М. А. Дьяконова выступил П. Е. Михайлов. Последний не верит ни в «терпение», ни в «милость» землевладельцев. Он не склонен считать вотчину-сеньерию благотворительным учреждением и настаивает на том, что крестьяне-старожильцы есть наиболее зажиточная часть сельского населения вотчины, которой особенно дорожили землевладельцы⁷.

Если можно полностью согласиться с этой частью рассуждения автора, то нельзя признать удачной его попытку изобразить происхождение старожильства. Решение этого вопроса автор затруднил себе тем, что и он признал весьма распространенное в его время мнение о крестьянине Русского государства, как об арендаторе.

П. Е. Михайлову дело рисуется так: корни института старожильства восходят «к тому древнему времени, когда вообще возникло крестьянское *договорное* пользование чужими землями. Следовательно, оно возникло во всяком случае не позднее XIII—XIV в.»⁸. Однако некоторые следы этого явления он видит уже в Русской Правде, когда «существовала какая-то неясная *«полуарендная»* форма крестьянского землепользования»; тогда, по его мнению, уже было положено «начало сниманию земель в *наем*, начало жительства на *чужой владельческой земле*». (Курсив везде мой.—Б. Г.). На эти

⁶ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 350.

⁷ Понимание старожильца как вполне исправного крестьянина, противоположаемое вновь устраивающемуся новоходцу, сохранилось и в XVII в. Приказчик села Бурцова вотчины боярина Б. И. Морозова в мае 1660 г. писал своему хозяину о том, что наложенная на бурцовских крестьян повинность заготавливать дрова и жечь золу для производства поташа вызвала среди крестьян смятение: «Крестьяне... от того гораздо ужаснулись». Приказчик объясняет причину этого недовольства: «Многие... крестьяне скудны и безлошадны: старинных-де крестьян немного, все-де схожие крестьяня» (Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., вып. 1, Л., 1933, стр. 101).

⁸ П. Е. Михайлов. К вопросу о происхождении земельного старожильства, ЖМНП, 1910, кн. 6, стр. 350.

мысли наводят автора «ролейные» закупы». Далее автор переходит к Псковской Судной Грамоте, где он, вопреки собственному столь энергично высказанному требованию различать крестьян от серебряников, зачисляет по признаку «аренды» в разряд крестьян и изорников, и кочетников, и огородников, и половников. «Старых изорников» он считает старожильцами (без всяких доказательств)⁹.

Не случайно П. Е. Михайлов адресует к ролейным закупам и обходит решительным молчанием смердов-общинников. Если бы он начал историю старожильства со смердов, не обезземеленных смердов, а смердов — мелких землевладельцев — крестьян-общинников, ему неизбежно пришлось бы отказаться от своего тезиса: «старожильство возникло на почве института аренды».

Он идет иным путем. «В русской исторической литературе, — пишет он, — давно установлен тот факт, что в древней Руси существовало широкое обилие земель и, напротив, было мало рабочих рук, способных возделывать эти земли»¹⁰. Вместо того, чтобы сделать отсюда самый простой вывод о заинтересованности власть имущих в уже окультуренной и населенной земле, П. Е. Михайлов принимает предположение М. А. Дьяконова и других его предшественников, что власть имущие занимали пустую землю и потом уже приглашали к себе арендаторов, т. е. обезземеленных смердов.

Из объяснения происхождения старожильства Дьяконовым и Михайловым, несмотря на их разногласия, вытекает, что якобы Русь в процессе созидания привилегированной земельной собственности шла иными, иногда прямо противоположными по сравнению с другими феодализировавшимися странами путями, и русская знать вместо того, чтобы подчинить себе неразоренных смердов-земледельцев и использовать именно их хозяйственную полноценность, предварительно сочла нужным их разорить или ждала их разорения.

Но для того, чтобы ответить на эти вопросы признанием, что об общем обезземелении смердов не может быть и речи, что сильные мира сего путем внеэкономического принуждения ставили в зависимость от себя массу хозяйственно полноценных земледельцев, надо признать и наличие крестьянской общины, и внутренние процессы, протекавшие внутри нее, и наступление на общину поддерживаемых государством высших классов. Надо полностью признать тот процесс, который мы называем процессом феодализации общества, что было чуждо обоим авторам, посвятившим специальные труды вопросу о старожильцах.

⁹ П. Е. Михайлов. Указ. соч., стр. 351.

¹⁰ Там же, стр. 354.

В процессе феодализации крепнувшему в своих позициях и достаточно политически сильному феодалу, для того чтобы освоить землю и подчинить себе сидящего на ней земледельца, не требовалось полного обезземеления смердов и превращения их в арендаторов. Скорее наоборот, в расчет боярина входило сохранить сидящих на земле смердов и использовать их хозяйственную в своих интересах, завладеть их землей и ими самими. Для боярина это самый простой и в то же время эффективный способ увеличить свое богатство. Для того периода в истории Руси, когда укреплялась и расширялась экономическая и политическая мощь знати, светской и духовной, включение новых кадров крестьянства под ее власть шло и могло идти прежде всего именно таким путем.

Этим своим замечанием я отнюдь не собираюсь отрицать ни фактов обезземеления смердов, ни фактов эксплуатации обезземеленных людей в хозяйстве феодалов. Об этих предметах речь шла уже выше. К ним придется возвращаться и в дальнейшем. Сейчас я веду речь о том, что учет одной этой последней категории людей не может решить вопроса о старожильцах.

Вопрос о старожильцах сложнее и тесно связан с общим ходом развития хозяйства и общественных отношений на Руси. Отчасти это признает и П. И. Беляев, который под старожильцами подразумевает крестьян, живущих в сеньериальной зависимости, подданных помещика, а мнение многих историков права о том, что зависимые люди были арендаторами землевладельца, считает неверным¹¹. Источники подтверждают именно такое понимание процесса.

Выше были приведены доказательства тому, что привилегированные землевладельцы получали землю вместе с крестьянами. Некоторые из грамот даже называют этих крестьян старожильцами. Это грамоты волоцкого князя Федора Борисовича Симонову монастырю 1499 г. («...да и те есмь люди дал им старожильцев, которые живут на той земле»)¹² и кн. Андрея Васильевича, который променял Сторожевскому монастырю старожильцев («...а старожильцов, коих яз променил...»)¹³.

Эти пожалования земель с крестьянами-старожильцами, конечно, не исключают параллельного расширения хозяйства и иными путями, нисколько не отвергают и займки пустых пространств и привлечения новых людей, которые садятся на новых для себя местах по договору со своим хозяином.

¹¹ П. И. Беляев. Указ. соч., ЖМЮ, 1916, октябрь, стр. 174—175, 156.

¹² АИ, т. 1, № 108.

¹³ Грамота Колинской экономии по Звенигородск. у. № 2/4676; М. А. Дьяконов. Счерки из истории сельск. насел., стр. 147, прим. 2.

Но это будет уже иная категория людей. Часть их обычно сливается впоследствии с массой старожильцев. Но в конкретной жизни вотчины мы в XIV—XV вв. всегда видим две основные категории зависимых людей: старожильцев и вновь прибывших, поселившихся на господской земле на договорных началах.

Насколько крепко в сознании людей сидела эта привычка отличать старожильцев от нестарожильцев, видно из того, что даже ушедший со старого места старожилец еще долго продолжает называться старожильцем. Его ждут на старом его месте. Есть основания думать, что старожильцы без особых, очень веских причин не покидали своих насиженных гнезд и что землевладельцы не так легко расставались со своими крестьянами-старожильцами.

В грамоте 1438 г. Благовещенскому нижегородскому монастырю, из вотчины которого разошлись старожильцы, написано: «И кого архимарит тех людей *старожильцев* перевовет опять в то село и в деревню жити, и тем людем *пришлым старожильцам* на 5 лет не надобе никоторая моя дань»¹⁴. В грамоте 1446 г. читаем то же самое: «Что их люди монастырские *старожильцы* разошлись жити по иным местом, а приедут к нему в деревни монастырские опять жити на свои места или во дворы под монастырем...»¹⁵ В жалованной грамоте вел. кн. Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю 1447 года очень ярко говорится о старожильцах: «... которые люди у них в тех сельцех и в деревнях нынеча живут *старожильцы*, или кого к себе в то сельцо и в деревни призовут жити людей *старожильцов*, которые праж сего тута жывали, или призовут кого к себе людей из *ыных княженей*, а не из людей вотчины великого княжения, ино тутошним их людем старожильцов (так!), которые нынеча у них живут, и тем их людем не надобе моя дань на 5 лет, а *пришлым людем старожильцом*, а тем не надобе моя дань на 7 лет, а призванным людем из *ыных княжений* и тем не надобе моя дань на 10 лет»¹⁶. В грамоте вел. кн. Василия Васильевича тому же монастырю 1453 г. говорится о том же: «...И кого к себе призовут людей жити на те земли старожильцов, которые будут и праж того на них жывали, ино им на 10 лет ненадобе моя дань; а кого к себе призовут людей жити на те пустоши из *ыных княжений*, а не из моей вотчины из великокняжения, и тем людем ненадобе

¹⁴ Текст взят у М. А. Дьяконова. Очерки из истории сельск. насел., стр. 19—20 (курсив мой. — Б. Г.).

¹⁵ Там же, стр. 20.

¹⁶ М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. II, Юрьев, 1897, № 1.

моя дань на 15 лет»¹⁷. В грамоте 1471 г. Белозерскому монастырю старожильцы упоминаются в той же связи: «...и кого на тех пустошах *посадят* жити своих людей монастыр[ских] серебрянников или кого *призовут* на те земли на пустые жити людей старожильцев, [ко]торые будут преж сего живали на тех землях, а *придут* к ним опять на свои места...»¹⁸. В грамоте 1461 г. вел. кн. Василия Васильевича митрополиту Ионе: «...и ныне деи те села церковные опустели от татар да от потугов не по силе, люди деи из них *розошлись* по иным местом, а живущих деи людей осталось мало. И яз князь великий пожаловал его, что которые люди ныне остались в тех селех или которые будут *старожильцы* из них *розошлись* по иным местом, а приедут в те села церковные жити опять на свои места, ино тем людем, которые ныне в тех селех живут, да и тем *пришлым старожильцем* не надобе моя ни которая дань на 3 годы, а кого в те села церковные призовут жити людей из иных княжений, а не из моее отчины из великого княженья, и тем людем пришлым на 10 лет не надобе моя дань; также и старожильцем и пришлым людем всем до их урочных лет не надобе ям ни подвода...»¹⁹.

М. А. Дьяконов на основании этих документов делает заключение: «Значит были старожильцы местные и старожильцы пришлые»²⁰. Заключение едва ли точное. Тут речь идет о старожильцах, в данный момент живущих в старожильстве, об ушедших и вновь возвращающихся и, наконец, о вновь «пришлых людях старожильцах», т. е. имеется в виду не две и не три, а одна категория сельского населения, находящаяся только фактически не в одинаковом положении, но имеющая какие-то общие правовые черты.

Такой вывод полностью подтверждается недавно опубликованными И. И. Смирновым материалами. И. И. Смирнову удалось найти в расходной книге Волоколамского монастыря за 1592 г. интересные факты: «месяца майя в 1 день по приказу старца Мисаила Безнина дано Никитке Масленикову на подмогу 17 алт. 4 д., что он *сел на пашне в старожильцах*, а был в детенышах. Того ж дни по приказу старца Мисаила Безнина дано Якимку Окцину, пасынку Чеклевского, на подмогу 21 алт., что он *сел на пашне в старожильцах*, а был в детенышах»²¹. В расходной книге того же монастыря 1619 г. записано: «месяца марта в 5 день дано волоченишу

¹⁷ ААЭ, т. I, № 51.

¹⁸ АЮБ, т. I, № 31/XIX.

¹⁹ АФЭХ, ч. 1, № 145.

²⁰ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 20.

²¹ ЦГАДА. Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря 1592—1593 гг., л. 73.

Михаилу Братцову за то, что отпустил он своего крестьянина из села Порохова Истомку Шелаева за Осифов монастырь *жити в старожильцы*»²². И. И. Смирнов отсюда делает совершенно правильный вывод, что «в монастырского старожильца крестьянина превращает не количество лет, прожитых данным крестьянином в монастырской вотчине, а самый характер тех отношений, которые устанавливаются между данным крестьянином и монастырем»²³.

Считаю необходимым обратить внимание на то, что старожильцы в вышеприведенных грамотах не бегут, а расходятся, не нарушают права, а пользуются своим правом, что их не силой возвращают на старые места, а призывают обратно, давая при этом даже некоторые льготы.

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что массы расходились старожильцы под влиянием только больших общенародных бедствий. В 1420 г., например, мор опустошил едва ли не всю северо-восточную Русь: Кострому, Ярославль, Юрьев, Владимир, Суздаль, Переяславль, Галич, Плесо, Ростов. Некому было жать хлеб. Мор перекинулся в Новгород и Псков. В 1423 г. был мор «с железом» и кровохарканием в Новгороде, Кореле и по всей Русской земле; в 1427 г. был мор в Галиче, а с Троицына дня — в Москве и по другим областям; мор продолжался в следующие годы. В 1441 г. начался сильный мор «железом» в Пскове и продолжался все лето 1442 г., а по пригородам и волостям — до января 1443 г. Сведения о моровых поветриях прекращаются на 1448 г., когда был мор не только на людей, но и на скот. С. М. Соловьев, у которого я беру эти сведения, прибавляет, что со второй половины XIV до середины XV в. мор повторялся приблизительно через каждые 5 лет²⁴. Эпидемия обычно является спутником голода, а неурожай и голодовки на Руси были явлениями довольно частыми. В 1373 г., например, при сильном зное не выпало ни капли дождя, в 1407 г. — саранча, в 1409 г. — голод и сильная смертность, в 1418 и 1421 гг. — новый голод. Много людей поумирало от голода, другие спасались в Литву, в Псков и другие места. В 1429 г. снова голод, в 1436 г. мороз побил хлеб в жатвенную пору, в 1442 г. необычайный мороз причинил много зла людям, в 1443 г. произошло то же. Новгородский летописец говорил, что в 1446 г. во всем крае был большой голод, скорь, плач и ры-

²² ЦГАДА. Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря за 1619 г., л. 42.

²³ И. И. Смирнов. К вопросу о старожильцах. Вопросы истории, 1946, № 8—9.

²⁴ С. М. Соловьев. История России, т. 1, стб. 1223—1224.

дания. Падали люди от голода, многие разошлись в Литву, к немцам и в другие места ²⁵.

Если к этому прибавить, что не прекращались внутренние феодальные и внешние войны, дорого обходившиеся населению, будет вполне понятно, почему в грамотах так часто говорится о массовом уходе старожильцев и о надеждах землевладельцев видеть их вернувшимися на старые места. Если бы уход старожильцев в данных случаях был протестом против жестокостей или несправедливостей хозяина, едва ли бы пришлось говорить о добровольном возвращении ушедших. Недовольства против землевладельцев, несомненно, были, и мы их уже имели случаи видеть, когда крестьяне Константиновского монастыря подали жалобу на своего игумена. Уместно вспомнить и то, о чем так ярко говорит Вассиан Патрикеев: «Мы обидим и грабим, предаваем христиан, братья наших, и бичом их истязуем без милости, аки звери дивии на телеса их наскакающе» ²⁶. Но в данном случае мне важно подчеркнуть не эти черты в отношениях антагонистических классов, а правовое положение старожильца. Он имел право выхода.

Но сказать только это — значит сказать недостаточно. Правом выхода крестьяне пользовались и в Польше, но мы уже видели, какими условиями это право было обставлено. Некоторым исследователям даже казалось, что этого права у крестьян и не было совсем (мнение Владимирского-Буданова о польских крестьянах, живущих на немецком праве). Литовско-русская знать скоро лишила своих старожильцев права выхода и начала, как мы могли это видеть, борьбу за людей «похожих», т. е. новопорядчиков. Литовско-русская знать в своих тенденциях весьма показательна. Неукоснительно требую в своих договорах с Новгородом и Псковом от новгородского и псковского правительств выдачи беглых смердов, Литва сама обязывалась к тому же. Московский боярин тоже не занимался благотворительностью, а вел себя так, как подсказывали ему его собственные хозяйственные интересы. Ясно, что и русские землевладельцы очень заинтересованы в том, чтобы старожильцы сидели на своих местах. В этом заинтересовано и государство, прежде всего по мотивам фискальным.

Можно не сомневаться, что у крупных землевладельцев, сильных своим богатством и властью, было много средств удерживать у себя рабочие руки. Удельные князья между собой договариваются об этом, но каждая жалованная княжеская грамота, однако, кивает на соседа и указывает на «иные

²⁵ Там же, стб. 1220—1221.

²⁶ «Православный собеседник», 1863, сентябрь, стр. 109.

княжения», откуда получающему грамоту не только не возбраняется, а даже рекомендуется называть к себе людей, с неукоснительной прибавкой о том, чтобы из его, жалователя, вотчин людей никто не сманивал.

До нас дошла грамота Троице-Сергиеву монастырю о запрещении выхода крестьянам-старожильцам. Грамота эта есть ответ на просьбу монастыря, обращенную к верховной власти. Сам монастырь, очевидно, не мог решиться на меру, которую приняла литовско-русская знать. Тут сказалась особенность русского политического строя.

Вел. кн. Василий Васильевич пожаловал игумена Троицкого Васьяна: «котово их крестьянина ис того села (Присеки.— Б. Г.) и из деревень кто к себе откажет, а их старожильца, и яз князь велики тех крестьян ис Присек и из деревень не велел выпущати ни х кому»²⁷. Монастырь получил просимое. Нет ничего невероятного в том, что с подобными просьбами обращались к вел. князю и другие монастыри и не монастыри. Крестьяне Моревской слободы тоже были прикреплены, никто не имел права их перезывать под страхом большого штрафа. Перезванный незаконно крестьянин-старожилец подлежал возврату на старое свое место²⁸.

К сожалению, до нас дошло очень мало подобных источников этого времени. Троицкая грамота во всяком случае вскрывает перед нами тенденции землевладельцев. Они и не могли быть иными: остаться без крестьян или остаться с небольшим количеством крестьян — опасность, пугавшая каждого землевладельца.

Права землевладельца, если судить по иммунитетным грамотам, достаточно широки, чтобы гарантировать известный уровень хозяйственной устойчивости крупного имения.

Крестьяне Константинова монастыря, по распоряжению власти, обязаны «игумена слушать, а дело монастырское делать», а игумену той же властью предписано своих крестьян «держать».

Нижегородский Благовещенский монастырь тоже получил подтверждение своих прав (около 1418 г.), в том числе и над своими старожильцами. Нижегородский князь пожаловал: «что люди монастырские *пошлые*», т. е. старинные, старожильцы «в городе и в селах, коли придет моя дань и игумен за них заплатит по силе». От других податей и повинностей князь монастырь освободил. Судит своих крестьян сам игумен или его уполномоченный²⁹.

²⁷ АСЭИ, т. I, № 264.

²⁸ ААЭ, т. I, № 17.

²⁹ АФЭХ, ч. 1, № 234.

Было бы совершенно нелепо предполагать, что игумен платил за своих старожильцев подать, а старожильцы имели право от него уходить без его ведома и согласия. Судебная власть игумена — это тоже не миф, а сила, которою игумен всегда имеет возможность воспользоваться.

Старожильцы находятся под юрисдикцией своих землевладельцев. В грамоте 1461 г. вел. кн. Василия Темного Ларе Хотетовскому прямо сказано: «а намесницы мои вяземские и их тиунии... не судят (перезванных из соседнего княжества.— *Б. Г.*), как и старожильцев... судит своих тех пришлых Ларя по тому ж, как и старожильцов»³⁰, т. е. положение о старожильцах распространяется и на пришлых.

В грамоте тому же монастырю вел. кн. Василия Васильевича 1420 г. имеется любопытное добавление. Великий князь получил сообщение от архимандрита Малахея, что он, архимандрит, «перенял» великокняжеских крестьян Чернцовых детей Вешняка да Палку да Якова. Эти крестьяне «пошли» из вотчины вел. князя, а архимандрит «их у себя осадил». Архимандрит нарушил правило о неприеме крестьян из вотчины великого князя («а кого к себе перезовет людей из иных княжений, а не из моего отчины из великого княжения» — грамота Благовещенскому монастырю 1423 г.) и счел необходимым доложить об этом самому вел. князю. Последний, очевидно, согласился с не дошедшими до нас доводами архимандрита и, не возражая против случившегося, распорядился: «и тех людей ведает и судит архимандрит сам по пошлине, а дает с них дань мою по силам» (ср. грамоту нижегородского князя Александра Ивановича около 1418 г.: «коли придет моя дань, и игумен за них [монастырских крестьян] заплатит по силе») ³¹.

Перезывание людей у соседа расценивается как акт некоторой по отношению к нему враждебности. Трудно иначе понять, например, жалованную грамоту тверского князя Михаила Борисовича 1483 г. Калязину монастырю, где князь, совершенно вопреки обычной в подобных случаях оговорке о неприеме к себе людей из его собственного княжения и обычному предложению приглашать людей «из иных княжений» разрешает монастырю «звати людей из зарубежья и *из-за бояр здешних*, а не з выти мое великого князя»³². Тверской князь здесь защищает только непосредственный свой домен и прямо ставит под удар боярские владения. Вероятно, в данном случае тверской князь реагировал на отношение к себе своих бояр,

³⁰ Акты А. Юшкова, № 15. См. Н. Н. Дебольский. Гражданская дееспособность, № 88, стр. 176, и очень много других актов.

³¹ АФЗХ, т. I, № 234.

³² Архив Калязина монастыря, кн. 2, № 29 (собрание С. Б. Веселовского).

которые накануне присоединения Твери к Москве массами стали покидать своего князя и переходить на службу в Москву³³.

Из всего этого явствует, что перебивание старожильцев, как, впрочем, и других категорий крестьян, совсем не безобидный акт. Он выгоден для перебивающих и причиняет несомненное зло тем, от кого перебивают.

Не может быть сомнений и в том, что тот, кто ожидал этой опасности, принимал свои меры к ее избежанию. Несмотря на то, что до нас дошло мало указаний на меры самозащиты землевладельцев, мы можем допустить, что для ухода старожильца со своего участка и от своего хозяина недостаточно было только одного его желания. Требовалась договоренность с землевладельцем, т. е. принцип отказа, узаконенный в Судебнике, был, повидимому, принципом, знакомым в разных местах Руси и до Судебника, хотя бы и в различных вариантах.

Не приходится удивляться тому, что если имеются старожильцы на частновладельческих землях, то они могут быть и на землях, не освоенных частным землевладением. Как будто о них, правда не совсем ясно, говорится в цитированной уже грамоте нижегородского князя Даниила Борисовича Благовещенскому монастырю 1410—1417 гг. Князь по каким-то мотивам разрешает, очевидно в виде исключения, перебивать к себе «людей и *тутошних старожильцев*»³⁴. В 1423 г. эту грамоту переписал на свое имя великий князь Московский Василий Дмитриевич, до этого овладевший Нижегородским княжеством, и повторил эту фразу без всяких изменений. Тот же князь Василий Дмитриевич в 1424 г. жалует Ивана Кафтырева, разрешает ему перебивать на свои земли в Костромском уезде людей «*тутошних старожильцев*» и из «иных княжений», только бы не из вотчины вел. князя. Первым вел. князь дает льготу на 3 года, вторым — на 10 лет. Земли Кафтырева «опустели мором и межвиною вымерли, а иные разошлись»³⁵. Кто эти «тутошные старожильцы»? Вероятно, это тяглые люди, не попавшие в частную зависимость. Может быть, это те же самые, что подразумеваются под термином «тутошные люди становые» в грамоте тому же Благовещенскому монастырю нижегородского князя Александра Ивановича³⁶. Напомню некоторые тексты договорных

³³ А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, стр. 445.

³⁴ АФЗХ, ч. 1, № 233.

³⁵ Акты А. Юшкова, № 4.

³⁶ «А тутошних людей становых игумен в монастырь не примаает» (АФЗХ, ч. 1, № 234). В грамоте Даниила Борисовича разрешается перебивать «тутошних старожильцев» (там же, № 233). Во время политической агонии Нижегородского княжества подобные взаимно противоположные рас-

грамот, которые разъясняют вопрос. В договорной грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича с двоюродным братом его Владимиром Андреевичем сказано: «черные люди к становщику»³⁷, т. е. становщики ведают черных людей.

Поскольку в двух вышеприведенных нижегородских грамотах речь идет об одной и той же Нижегородской территории, сопоставление и отождествление терминов «тутошние старожильцы» и «тутошние люди становые» делается вполне допустимым³⁸. Стало быть, черные люди и становые это одно и то же. В жалованной грамоте вел. кн. Василия Дмитриевича митрополиту Фотию 1420—1421 гг. названы «тутошние волостные люди»³⁹.

Может быть, эти люди иначе назывались «великого князя свободными»⁴⁰. Очень похоже на то, что это те же старожильцы, о которых говорит грамота волоцкого князя Федора Борисовича, пожаловавшего Симонову монастырю землю и старожильцев, «которые живут на той земле»⁴¹.

Во всяком случае эти «тутошние» старожильцы отличаются от тех старожильцев, при которых стоит обычно притяжательное местоимение или же обозначается по имени землевладелец, имеющий право называть их своими («их... монастырские старожильцы», «у них... в селех и в деревнях... живут старожильцы»).

Если попробовать сделать общее заключение об этих двух разновидностях старожильства, то можно будет сказать, что *старожилец есть крестьянин-тягалец, т. е. крестьянин, живущий на определенном участке земли, государственной или частновладельческой, и обязанный повинностями в пользу государства, если он живет на государственной земле, и государства и владельца, если он живет на земле частновладельческой.*

поряжения различных князей не должны вызывать у нас удивления (см. А. Е. Пресняков, Образование великорусского государства, стр. 281—282).

³⁷ ДДГ, № 11.

³⁸ «Становые люди» часто встречаются в источниках XV в.: городские и становые, горожане, становые и волостные. «Памятники соц.-экон. истории Моск. госуд. XIV—XV вв.», ч. 1, стр. 15, 26, 75, 101, 158. «Станом называлось место, двор, где становился судья или доводчик, а поэтому и самый округ, находившийся в его ведомстве. Так как и волостели жили в станах, то иногда волость называлась станом; оба названия смешивались» (Б. Н. Чичерин. Областные учреждения России в XVII в., М., 1856, стр. 63).

³⁹ АФЗХ, ч. 1, № 226.

⁴⁰ «И кто у них на монастырских землях имеет жити людей князя великого свободных» (Амвросий. История российской иерархии, ч. III, М., 1814, стр. 71, № 1).

⁴¹ АИ, т. I, № 108.

В этом нас убеждают некоторые места грамот, упоминающих о черных людях: «А отсидят свои уроки, и они (пришлые люди.— *Б. Г.*) потянут з боярскими сиротами к *черным людям* в дань мою по силе». А так как очень часто в грамотах говорится, что пришлые люди по истечении льготного срока должны тянуть со старожильцами, то у нас имеется полное основание считать, что старожильцы в данном случае соответствуют черным крестьянам-тяглецам.

Продолжительность пребывания на своем участке здесь, конечно, может играть роль только в судьбе новоприходцев. Но сколько лет новоприходцу надо сидеть на одном месте, чтобы стать старожильцем, для определения правовой природы старожильства не важно. Этот срок обычно определяется пунктом договора о льготе. Некоторые из старожильцев — это люди пришлые, но отсидевшие свои льготные годы и вошедшие в среду старожильцев. Есть категория старожильцев, совсем недавно поселившихся и даже получивших льготу, но, очевидно, договорившихся со своим хозяином о том, что они берут на себя все обязанности старожильцев. Грамоты, так сказать, авансом тоже называют их старожильцами: «и хто имет жити людей в той деревни и на тех пустошах или кого к себе призовут из иных княжений... или кого окупив посадят, и тем людем монастырским старожильцом и пришлым и окупленным не надобе моа дань...»⁴². Под словами «хто имет жити» тут совершенно определенно названы старожильцы. А в конце грамоты прибавлено: «А отсидят старожильцы три года, а пришлые 10 лет, и они дают в казну оброк князю...»⁴³. Наконец, как мы видели, есть новопорядчики, сразу же садящиеся в старожильцы.

Но основная масса старожильцев — это люди «искони вечные», «пошлые», сидящие на земле своих дедов, прадедов и прапрадедов. Если этот основной вывод о старожильцах мы можем считать обоснованным, то справедливость требует сказать, что проследить эволюцию правового положения старожильцев на протяжении веков нам далеко не удастся. Источники об этой стороне жизни старожильцев часто говорят только не совсем ясными намеками: люди XIV—XV вв. не считали нужным разъяснять то, что им было ясно и без всяких разъяснений.

---

⁴² Грамота Белозерского князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю 1451 г. (Н. Н. Дебольский. Гражд. дееспособность, стр. 396, № 128). Совершенно в таком же смысле термин старожилец употреблен и в жалованной грамоте Андрея Васильевича Кириллову монастырю, помещенной у Дебольского под № 139, стр. 402—403: «Пришлые, окупленные и старожильцы» (там же, № 98, стр. 381).

⁴³ Там же, № 12, стр. 3968.

Между тем, наша современная наука предъявляет свои требования, и мы не имеем права пройти мимо них, не удовлетворив их хотя бы частично.

Первый очередной вопрос, был ли на самом деле старожилец в XIV—XV вв. в такой мере свободен, как стараются уверить нас историки юридической школы.

Трудно поверить в то, что договоры князей периода феодальной раздробленности рассчитывали только на силу «международных» соглашений и сами по отношению к своим тяглым крестьянам ничего не предпринимали.

Не подлежит сомнению, что старое правило о неприеме вытнх, тяглых людей, неоднократно повторяемое в между-княжеских договорах и в жалованных княжеских грамотах, касалось прежде всего старожильцев. М. А. Дьяконов имел все основания подчеркнуть, что льготные жалованные грамоты «не содержат отмены указанного запрещения принимать тяглых людей»⁴⁴.

Как понимать термин «не принимать»? Теоретически, конечно, можно допустить, что это запрещение относится и к людям, имеющим право выхода (так и думали очень многие исследователи), и к людям, не имеющим этого права. Но совершенно ясно, что условие о неприеме говорит о нежелании расстаться с теми, кого презывают. Когда Иван Калита в 1338—1340 гг. обращался к Юрьеву монастырю и писал архимандриту: «тяглых людей волоцких не примати, такоже и из отчизны князя великого из Москвы людей не примати»⁴⁵, или когда кашинский князь Василий Михайлович со своими многочисленными родственниками обращался в 1361—1365 гг. к архимандриту Отроча монастыря, разрешая презывать людей только «из зарубежья»⁴⁶, то само собой разумеется, что князья совсем недвусмысленно оберегали свое сельское население от покушений всякого землевладельца, в том числе и своих же монастырей. Тот же Иван Данилович Калита очень выразительно рекомендовал некоему Меркурию: «и ты, Меркурий, по моей грамоте, блюди их (печерских сокольников.— Б. Г.), а в обиду их не выдавай никому: занеже ми люди те надобны»⁴⁷.

Так, конечно, рассуждали князья и в XV в. с той разницей, что в XV в., особенно во второй его половине, оберегание надобных им людей сделалось задачей более острой, чем в веке XIV.

⁴⁴ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и государств. строя, стр. 327

⁴⁵ ААЭ, т. I, № 4.

⁴⁶ Там же, № 5.

⁴⁷ СГГ и Д, т. I, № 127, 128, стб. 324 и 329 (1496 г.).

Князя действительно «блюдут» своих людей, прежде всего тяглых, письменных. Князь Владимир Андреевич в духовном завещании 1410 г. распоряжается: «а бояром и слугам, кто будет не под дворским, вольным воля... А кто будет под дворским слуг, тех дети мои промежи себя не примают ни от сотников»⁴⁸. В других аналогичных текстах есть важное пояснение: «А которые слуги потягли к дворьскому, а черные люди к сотником, тых в службу не приимати», «а которые слуги к дворскому, а черные люди к становщику, тых в службу не приимати». Черные люди — это тяглые крестьяне. Они сидят на государственной или доменальной земле.

Старожильцами дорожат и государство, и владетель домена — князь, и крупный землевладелец, светский и церковный. Каждый из них по своему «блюдет» своих тяглецов-старожильцев и принимает свои меры самозащиты, хотя старое право выхода и не было отменено.

Б. Н. Чичерин в доказательство полной свободы всех крестьян ссылается на договоры рязанских князей, где якобы прямо сказано: «а христьяном меж нас вольным воля». В договорах написано не совсем то. Вот точный и полный текст: «А бояром и детем боярским и слугам и христьяном меж нас вольным воля»⁴⁹. Вольными тут называются не одни крестьяне, а и слуги, между которыми, как нам хорошо известно, было очень много слуг несвободных. Среди крестьян тоже могли находиться и прикрепленные (ср. грамоту Троицкому монастырю о прикреплении старожильцев села Присек или Уставную грамоту крестьянам Моревской слободы 1530 г., где не только запрещается крестьянам выход, но и налагается штраф за прием незаконно вышедшего крестьянина)⁵⁰.

Необходимо обратить внимание на то, что в жалованных грамотах иногда прямо называются, а иногда просто подразумеваются, три разряда сельского населения: 1) старожильцы, 2) пришлые и 3) окупленные. Белозерский князь Михаил Андреевич пожаловал игумена Кириллова монастыря Касьяна: «...и хто имет жити людей в той деревни и на тех пустошах или кого к себе призовут из ыных княжений, а не из нашеа вотчины, из великого княжения, или кого окупив посадят, и тем людем монастырским старожильцом и пришлым и окупленным не надобе им моа дань... А отсидят старожильцы три года, а при-

⁴⁸ СГГ и Д, т. I, № 40, стр. 77.

⁴⁹ Там же, № 127 и 128, стр. 324 и 329; Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 177.

⁵⁰ «...тяглой чрез сию мою грамоту, а слободчики его примут к Соли жити, и мне того велети опять назад отвезти к той Соли, от которой к ним придет, а на слободчикех мне велети взяти заповеди 10 рублей московскую» (ДАИ, т. I, № 26).

шлые десять лет, и они дают в казну оброк князю на год по десяти бел»⁵¹.

Третья грамота из здесь названных для меня в данном случае особенно интересна. «Окупленные», «откупленные», «искупленные» это те, за которых перекупевающая сторона заплатила известную сумму денег. Князь Белозерский Иван Андреевич дал грамоту Ферапонтову монастырю (1435 г.), в которой призывать людей разрешает только «из инога княжения», а «искупать» позволяет в своей вотчине («или кого искупит в моей вотчине да посадит») ⁵². Конечно, хозяин, выкупивший себе человека, считает его своим в большей степени, чем других людей, живущих у него в вотчине. По отношению к этим окупленным первые две категории крестьян условно могут считаться «вольными».

Поэтому Б. Н. Чичерин не прав, называя всех крестьян вольными.

Наконец, и воля этих «вольных» относительна. Право отказа не есть признак полной свободы крестьянина. Ведь тут мыслится обязательным и срок отказа и предварительное перед отказом соглашение с землевладельцем, как это было в других частях Руси и в Польше.

Б. Н. Чичерин совершенно правильно отметил факт большой нестроты пожалований относительно крестьян: «иногда льготы давались одним старожильцам, или одним купленным, или одним перекупеваемым из других княжеств, иногда же тем и другим вместе — старожильцам и перекупеваемым, купленным и перекупеваемым, или старожильцам, купленным и перекупеваемым. На это закона не было, ибо все зависело от благорасположения князя... Поэтому и права были чрезвычайно разнообразны: одни получали освобождение от некоторых податей, другие от всех, одни на один срок, другие на другой, а третьи на бессрочное время... Это было дело совершенно случайное, в котором правительственных видов и распоряжений никаких не было» ⁵³.

Трудно только согласиться с автором, что тут все было случайно, что у правительства не было никаких видов и что оно не делало никаких распоряжений. Ведь все эти грамоты исходят от правительств и в основных своих тенденциях удивительно устойчивы, что, конечно, говорит о «видах» власти. Основная мысль грамот — уберечь рабочие руки княжеских доменов от покушений со стороны соседей и сберечь своих крестьян,

⁵¹ Н. Н. Дебольский. Гражд. дееспособность, стр. 396.

⁵² АЮ, № 5, стр. 9: «...или кого людей искупив посадят»; ААЭ, т. I, № 31, Грамота белоз. кн. Михаила Андреевича 1437 г., ААЭ, № 53, 1453; «или кого откуня посадят».

⁵³ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 179—181.

несущих государственное тягло, — повторяется неукоснительно. Весь вопрос не в «видах» и распоряжениях правительств, а в том, что правительств было много, что каждое из них заботилось только о себе в ущерб соседу, что правительства эти были недостаточно сильны, чтобы не считаться с могущественным боярством, издавна создавшим в своих вотчинах свой особый местный режим. Вот почему и сроки крестьянских выходов (Юрьев день весенний, Юрьев день осенний, Николин день, Филиппов день, Рождество Христово, Спасов день, Дмитров день, Святая неделя, Семенов день, Покров и др.) в разных местах не одинаковы, не одинаковы, вероятно и условия выхода (об этом, впрочем, судить трудно за отсутствием показаний источников).

Но одно несомненно ясно: каждое из правительств, каждый землевладелец старался обереечь свои рабочие руки.

Чем сильнее землевладелец, тем с большим успехом он справлялся с этой задачей. У богатого и могущественного боярина или монастыря, несомненно, имеется свой аппарат, наблюдающий, стерегущий, привлекающий к суду и судящий, имеется агентура для перезывания людей «из иных княжений» (ведь дело это очень сложное). Больные слуги этих крупных магнатов, сами обычно небольшого масштаба землевладельцы на правах бенефиция или даже феода, тоже опираются на могущество своего сюзерена и им пользуются.

Если мы признаем, что каждый землевладелец старался прежде всего оберегать наиболее для него ценную часть зависимого от него населения, ту часть, за которую он отвечал и перед государством, если мы согласимся, что эта наиболее ценная часть населения и есть старожильцы, то нам придется сделать и другой вывод, что старожильство — явление очень старое, ровесник Русскому государству, которое без сильного экономически класса землевладельцев, способного взять в руки власть, без податей и стало быть, тягловцев существовать не могло.

Почему же термин «старожилец» появляется довольно поздно, только с конца XIV в.?

На этот вполне законный вопрос, мне кажется, можно ответить так: термин сделался нужным тогда, когда появилась необходимость отмежевать данное явление от другого ему близкого, но с ним не тождественного, когда крестьяне «новоприходцы» сделались явлением массовым. Вот этот «перелом» и вызвал необходимость в новом термине. Надо было показать разницу между теми крестьянами, которые никогда не теряли своей крестьянской сущности, без особой нужды не сходили со своей земли, и теми, которых нужда и превратности судьбы загнали на господскую землю и принудили войти с хозяином в договор-

ные отношения. Термин родился в особых условиях, требовавших отмежевания массы исторического сельского населения от нахлынувшего нового люда. Старожилец — это не кабальный, не серебряник, не половник, не изорник, не новопорядчик. Термин об этом говорит ясно, а другого ничего от него, может быть, и не требовалось.

Итоги:

1. Вопрос о происхождении старожильцев не может быть отделен от вопроса о происхождении основной массы зависимого тяглого населения вотчины-сеньерии.

2. Зависимое тяглое население в вотчине появилось вместе с рождением класса крупных землевладельцев и есть результат прежде всего присвоения феодалами общинных крестьянских земель и превращения их в феодальную собственность.

3. Поскольку источники знают старожильцев: 1) давно живущих в данной вотчине, 2) ставших таковыми после отсидения новопорядчиком льготных годов и 3) непосредственно порядившихся в старожильцы, — вопрос о необходимом сроке пребывания в данной вотчине для превращения в старожильца отпадает.

4. Старожильство определяется не сроком прожитых за землевладельцем лет, а характером отношений между старожильцем и землевладельцем, либо старожильцем и государством.

5. Старожилец — это феодально зависимый тяглый крестьянин. За выполнение им тягла отвечает землевладелец.

6. Термин «старожилец» появился тогда, когда возникла нужда отмежевать категорию старых зависимых от землевладельца тяглецов от увеличившейся массы новоприходцев.

7. Правовое положение старожильцев меняется в процессе развития отношений между крестьянином и землевладельцем.

8. В XV в. — это зависимые люди, как правило, пользующиеся правом перехода.

9. Заметна тенденция землевладельцев сохранить за собой кадры старожильцев.

Во второй половине XV в. происходили в северо-восточной Руси очень большие перемены: заметно рос внутренний рынок, усиливалась связь с рынком отдельных хозяйств, обозначилась потребность в объединении отдельных частей раздробленного государства, вливавшихся в Московское великое княжество, систематически исчезают уделы, политическое значение боярства терпит серьезный ущерб, выходят на сцену их недавние слуги, освобождаемые властью Московского великого князя от подчинения их старым господам и превращаемые в великокняжеских военных слуг-помещиков централизованного государства. Это новые и весьма надежные кадры,

включаемые в ряды войска московского государя. У них в прошлом — служба в боярской вотчине, впереди — широкий простор возможностей, обусловленных талантом и усердием на службе нового более могущественного господина, от которого идут всякие блага, в том числе и земля.

Исчезли старые границы «иных княжений», сузились возможности старых «перезываний», каждый крупный землевладелец вынужден был обострить свою бдительность, так как нового типа землевладельцы — помещики не стеснялись заявлять о своем праве на более обеспеченное состояние. Помещикам очень часто самим приходилось заботиться о себе: называть людей, приискивать землю соответственно определенному правительством окладу, как правило, почти никогда не равному «даче», т. е. земле, фактически предоставленной в оклад. Освященный старинной жизненный уклад дал трещину, которую нельзя было заделать. Всякий, кто мало-мальски давал себе отчет в происходящих переменах, энергично перестраивал свое хозяйство на новый лад. Кто этого по близорукости и беспечности не делал, погибал. Русское государство переживало по-своему огромные сдвиги, происходившие во всем европейском хозяйстве. Кроме того, перед страной стояли большие внутриполитические и внешнеполитические задачи, успешное разрешение которых находилось в прямой связи с усилением власти московского государя, с расширением и укреплением государственных военных сил, столь необходимых для защиты государства, с ликвидацией сепаратистских тенденций удельных князей и сокращением политического произвола знати.

Появляется единый закон для всего государства — Судебник 1497 г. Трудно было внедрить его в жизнь. Слишком много было сил, противодействовавших стремлению власти внести единый принцип закона в среду, где в каждом месте еще совсем недавно был свой собственный закон, где каждый богатый вотчинник готов был считать себя в своих владениях законодателем.

Судебник 1497 г. во всяком случае говорит о весьма определенной программе правительства. Позволяю себе высказать мнение, что Судебник 1497 г., неприемлемый для сторонников старых порядков, действовал недолго. Наступивший со смертью Василия III разлад в правительстве дал возможность оппозиционно настроенному боярству не считаться с законом Ивана III. И только при Иване Васильевиче Грозном второй Судебник, повторивший первый и его расширявший, был внедрен в жизнь энергичными мероприятиями нового правительства

Статья 57 Судебника 1497 г. «О христианском отказе»

хорошо всем известна: «А христианом отказыватися из волости (в волость), из села в село один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платят в полах за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за кем год да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит»⁵⁴.

О каких крестьянах идет здесь речь? Если взять вторую половину статьи, начиная от слов: «А которой христианин поживет за кем год...», то совершенно очевидно, что речь идет о новоприходцах, поряжающихся на разные сроки. Но первая половина статьи говорит о старожильцах.

(Всякий крестьянин-старожилец, сколько бы лет он ни жил за своим землевладельцем, при уходе должен заплатить «в полах» рубль, а «в лесех» полтину.) Составив эту часть статьи, законодатель не мог не вспомнить и другую, в это время уже очень значительную группу крестьян-новопорядчиков, для которых эта общая мера не подходила. Закон и разъясняет, как быть в таком случае. Сделана была попытка определить положение всех категорий крестьян в отношении их права выхода. Прежней пестроте сроков выхода и других сопровождающих отказ условий положен был, по крайней мере принципиально, конец.

(Для небогатого помещика, который вынужден был сам отыскивать для себя землю, государством ему определенную (оклад), но за недостаточностью свободного земельного фонда фактически ему полностью не отведенную, который вынужден был сам заботиться и о привлечении в свое поместье рабочих рук, такой порядок был в данный момент вполне приемлемым и даже весьма желательным.

Иначе к этому закону мог отнестись знатный боярин или удельный князь, привыкший чувствовать себя в своих владениях полным хозяином и не желавший сдавать своих позиций. В этом законе он несомненно мог заметить покушение на его старые права. Он едва ли мог сочувствовать мероприятию правительства и ждал удобного случая, чтобы высказать свой протест. Такой случай не замедлил появиться, когда призрак старого готов был, как им казалось, возродиться вновь.

Землевладелец для привлечения на свою землю рабочих рук пользовался различными средствами. Самыми распространенными из них были: 1) поиски через специальных

⁵⁴ АИ, т. I, № 105.

«отказчиков» крестьян, желающих переменить хозяина, — средство, доступное только сравнительно богатым землевладельцам; 2) выдача «серебра», т. е. денег, которые обязывали «вольного» человека работать на своего хозяина на известных условиях; 3) предоставление «вольному» человеку участка земли и инвентаря, тоже на специально оговариваемых условиях («порядная запись»).

Два последние средства могли применяться только при наличии «вольных» людей, под которыми разумеются люди, лишившиеся своего хозяйства и вынужденные искать себе пристанища, с одной стороны, и потребности в рабочих руках как в деревне, так и в городе — с другой.

Как давно уже отмечено в нашей литературе, именно со второй половины XV в. особенно заметно стало увеличиваться число «вольных» людей. Росла и нужда в рабочих руках, повышались одновременно и требования на их качество. В жизни Русского государства происходили уже известные нам крупные изменения.

3. «Серебро» и серебряники

Много путей вело обедневшего или же совсем разорившегося крестьянина, гулящего человека или вольноотпущенника в феодальную и полуфеодальную кабалу.

Термин «серебряник» объединял значительную и довольно разнообразную группу людей, попавших через «серебро» в те или иные отношения к кредитору или работодателю, иногда объединявшимся в одном лице.

«Серебро» в этом смысле упоминается довольно рано: в 1253 г. вдова кн. Суздальского Дмитрия Константиновича дает Васильевскому монастырю село Мининское «с серебром и с животом»¹. В конце XIV в. белозерский князь Андрей Дмитриевич дает в дом св. Богородицы игумену Кириллу село Великое на Волочку и «что в нем серебро»². Приблизительно тогда же кн. Елена, вдова вел. кн. Дмитрия Донского дает в Спасо-Евфимьев монастырь три села «и с серебром»³. В духовной 1433 г. кн. Василий Васильевич Галицкий распоряжается: «а что ми дал Олександр за чепь 15 рублей, и то серебро Иван, мой брат, сберет серебро дельное с людей ис того села из Озерецкого и из деревень да даст моей жене за ту чепь; а что того серебра не достанет, и мой брат моим животом испромыслит да даст моей жене»⁴. В 1436—1445 гг. Захарий Иванович дает Троице-

¹ АЮБ, т. I, № 63/I.

² АИ, т. I, № 163, стр. 300.

³ АЮБ, т. I, № 63/III.

⁴ АСЭИ, т. I, № 108.

Сергиеву монастырю село Нерехотское «и с серебром и с хлебом и с животиною»⁵.

Что именно в этих документах надо разуть под серебром, неясно. С середины XV в. известия о «серебре» начинают встречаться более часто и делаются более вразумительными.

Для операции с серебром богатые землевладельцы-феодалы раздают часто деньги своим ключникам или приказчикам. За каждым из них числится обычно подотчетная сумма. Приказчики ссужают этими деньгами живущих в вотчине людей или привлекают новые рабочие руки.

В духовной кн. Ивана Юрьевича Патрикеева в 1498 г. отчетливо различаются два вида серебра: «А што в моих селех у моих ключников моего серебра на руках: у Головки в Маковце 65 руб., а у Гриди у Панова в Протасовском 18 руб., а у Шубы у трубника в Нижней Слободе 43 руб., а у Офонасья в Моденове 6 $\frac{1}{2}$ руб., а на Беспуте на Иванкове у Гриди у Страхова 12 руб., а в Пимогине да в Сидоровском у Андрейка у Страхова 10 руб. И те мои ключники то серебро *из людей выбрав*, да отдадут моей жене да моим детям, а сами те мои ключники на слободу и с женами и с детьми». А дальше говорится уже как будто о другом серебре: «А што моих денег во всех моих селех за крестьяны, и жена моя Овдотья и дети мои Василей да Иван половину тех денег крестьяном отдадут, а другую половину на них возьмут, да тем поделятся. А што моего хлеба во всех моих селех в житницах и стоячего, опрочь московских сел, и тем хлебом жена моя и дети мои... поделятся»⁶.

Как будто мы имеем право думать, что речь идет о двух категориях населения и о двух видах серебра. Первое — на «людях», за него ответственные ключники; они его раздавали, они и должны его «из людей выбрать». Второе — «за крестьяны». Половину его завещатель прощает, другую половину крестьяне должны внести жене и детям завещателя.

Можно предполагать, что в первом случае мы имеем дело с тем серебром, при помощи которого феодалы привлекали себе в хозяйство рабочие руки; это серебро, ведущее в состоянии служилой кабальной зависимости, предусмотренное ст. 78 Царского Судебника («А которые люди вольные учнут бити челом князем и бояром и детям боярским и всяким людем, а станут на себя давати кабалы за рост служити...»). Во втором случае мы имеем дело либо с деньгами, выданными крестьянам в долг, либо с денежным крестьянским оброком.

⁵ ЛЗАК, вып. 7, отд. 1, стр. 148, 164.

⁶ СГГ и Д, т. I, № 130, стр. 337.

Если мы в данном случае правильно усмотрели различие в этих двух видах серебра, то все же этим не исчерпали всех разновидностей «серебра».

Духовная старца Симонова монастыря Андриана Ярлыка тоже указывает на два вида «серебра» и каждому из них дает особое наименование: «...и што в тех сельцех и в деревнях на людех мое серебро *дельное* и *ростовое*, и яз то дал все Пречистой на Симаново»⁷.

Источники, упоминающие серебро в различных его разновидностях, дают нам основание подметить три типа явлений, по своей природе не одинаковых, но связанных с «серебром»: 1) издельное и дельное (отсюда «издельники», «изделье», «дело», может быть, сюда же следует отнести и «серебро в пашне»; под «крестьянином-издельником» можно разуметь также крестьянина, обложенного денежным оброком)⁸; 2) серебро «кабальное», или головное, и 3) серебро «ростовое», или «в ростех», по заемной кабале (отсюда серебро «летнее», т. е. погашаемое по «летам», в рассрочку)⁹.

Стало быть, когда источники выражаются глухо о селах «с серебром», то под серебром можно разуметь несколько видов серебра.

Меньше всего возбуждает вопросов серебро ростовое. Это деньги, отданные в ссуду под проценты. Сущность этой сделки совершенно ясна.

Не так дело обстоит с серебром издельным, кабальным (головным) и денежной рентой. Этот вопрос в исторической литературе рассматривался мало.

Б. Н. Чичерин коснулся его мимоходом. «Серебряником, — пишет он в своих «Опытах по истории русского права», — назывался крестьянин, занявший серебро или деньги у землевладельца. Это делалось весьма часто при поселении, ибо крестьянин нуждался обыкновенно в денгах, чтобы обзавестись новым хозяйством, или расплатиться с прежним помещиком». В другом месте той же книги он говорит о серебряниках то же, но с очень существенным для понимания его точки зрения разъяснением: «...монастыри давали крестьянам в ссуду, за которые последние должны были исправлять барские

⁷ АЮБ, т. I, стр. 554; духовная раньше 1460 г.

⁸ «А даю те свои села к тем божим церквам со всем со своим, как было за мною за в. княгинею, и с хлебом со всем и с животиною, да с половиною издельного серебра, что на людех, а половину издельного серебра велела есмь христианом серебряником...» (ДДГ, № 57; духовная в. кн. Софии Витовтовны 1451 г.).

⁹ «А что мои деньги в моих селех в ростех и пашни и на ком ни буди, и государь бы мой князь велики после моего живота тех денег не велел взяти... чтобы мои люди после моего живота не заплакали» (там же, № 80, стр. 311; духовная верейского князя Михаила Андреевича 1486 г.).

работы, с тем, однакоже, чтобы возратить их при отказе. От этого они получали название серебряников. Это наем, соединенный с займом: крестьянин, взявши ссуду, обязывался «за рост пахати» по древнему выражению... Ссуда, которая давалась в виду будущей работы, называлась *серебром издельным*, и сами крестьяне назывались издельниками. Но кроме того, крестьяне брали деньги и за проценты, и это называлось *серебром ростовым*»¹⁰.

Это смешение у Б. Н. Чичерина различных прослоек крестьянства объясняется пониманием крестьянина как арендатора: он убежден, что «каждый (курсив мой.— Б. Г.) крестьянин договаривался с помещиком особо и селился на свой собственный участок...»¹¹.

Другого мнения К. А. Неволин: «Нанимавшимся в особенности для сельских работ и бравшим при этом в заем деньги усваилось по преимуществу название серебряников». В пользу наемника предоставлялись или известная доля произведений, им добытых, или, что могло быть особенно в случае найма для полевых работ, известное количество мер хлебных зерен независимо от урожая... Исполнение договора состояло в том, что наемник жил в условленном месте, исполнял обязанности, которые он на себя принял, получая условленную плату, или следовавшее ему вознаграждение зачиталось в платеж занятого долга. Но князья и частные лица духовными завещаниями весьма часто своим слугам и работникам прощали при смерти своей долги и таким образом возвращали им права «свободного состояния». Далее автор говорит о найме «свободном», что еще резче подчеркивает его мысль, что серебряник ограничен в своих правах»¹².

И. Д. Беляев тоже склонен причислять серебряников к категории наймитов. Крестьянин, садившийся на господской земле и получавший ссуду, «делался должником, обязанным платить и капитал, и проценты, и цену за пользование землею. Таковые крестьяне по грамотам назывались серебряниками и жили, кажется, на том же положении, как и кабальные люди, и, не выплатив ссуды, не могли оставить господина ни в какой срок и при переводе другим землевладельцем сей последний не иначе мог взять их, как давши за них господину откуп»¹³.

В. О. Ключевский издельное серебро считает «долгом, с которого рост оплачивался работой крестьянина, издельем».

¹⁰ Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 183, 201.

¹¹ Там же, стр. 198.

¹² К. А. Неволин. История рос. гражд. законов, т. III, 1851, стр. 194—195.

¹³ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 38.

«Серебро» ростовое брали (*крестьяне*. — *Б. Г.*) и у своих землевладельцев и на стороне; издельное давали только своим крестьянам: это была арендная ссуда в собственном смысле. Отсюда автор делает очень ответственный вывод: «барщина имела долговое происхождение, была накладной повинностью за беспроцентную ссуду, составлявшую прибавку к оброку за снятую землю». А дальше В. О. Ключевский развивает свою основную мысль о том, что беспроцентный долг, после того как выработалась «идея кабального холопства», поставил должника в личную зависимость и в конечном счете создал крепостное состояние ¹⁴.

В. И. Сергеевич смотрит на дело иначе. Прежде всего он говорит о том, что источники, различая серебро ростовое и издельное, о последнем «не дают достаточно данных, на основании которых можно было бы составить точное понятие об этом серебре». «Из памятников ясно, — продолжает он, — только, что это серебро есть долг крестьянина господину; но как он возник, это весьма неясно». В виде гипотезы автор предлагает понимать серебро в пашне, как крестьянский денежный оброк, который обратился в долг, потому что не был уплачен в срок. «„Издельное“ серебро — это тот же денежный оброк. Он одинаково может быть назван и пашенным серебром и издельным. Владельцы сдают свои земли из дохода. Доход этот получается с пашен, снимаемых крестьянами, отсюда — пашенное серебро; он извлекается через посредство крестьянского труда, изделья, отсюда — издельное серебро. В одной духовной (СГГ и Д, I, № 83, 1453 г.) плательщики издельного серебра названы издельниками. Это совершенно понятно, так как крестьяне, доставлявшие доход, суть вместе с тем и издельники, в силу порядной» ¹⁵.

В предположениях В. И. Сергеевича, несомненно, есть много интересного, но в то же время немало и недоказуемого. Почему, например, издельник есть плательщик издельного серебра? Не проще ли считать издельника сельским работником, обязанным пахать пашню, делать «сделье»? Ведь «сделье» — это работа, а не деньги. Издельник сажался на землю с назначением ее обрабатывать и не на себя, а на хозяина. Тогда издельник будет очень похож на сельского кабального человека, который принимался совсем не с тем, чтобы платить хозяину деньги, а чтобы на него работать.

А. С. Лаппо-Данилевский понимает под издельным и ростовым серебром деньги, занятые под проценты. Разница

---

¹⁴ В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России. Опыты и исследования; сб. 1, стр. 229.

¹⁵ В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 217.

между тем и другим, по его мнению, состоит в том, что «серебро, проценты с которого уплачивались работою должника, называлось издельным»¹⁶. Если продолжить мысль автора, то придется сказать, что в выдаче этой ссуды (издельного серебра) феодал видит средство привлечь к себе сельскохозяйственного работника.

М. А. Дьяконов, в главных своих положениях по вопросу о возникновении крепостных отношений стоящий на позициях В. О. Ключевского, тоже подчеркивает именно это целевое назначение серебра. От второй половины XV в. и начала XVI сохранился ряд любопытных указаний, что «на серебро» делают какое-либо дело. Так, выпедших из-за монастыря половников-серебреников князь обязал «дело доделывать на то серебро». Крестьяне Борисоглебского монастыря «на серебро монастырское пожни косили». По духовным завещаниям упоминаются «денежки на людех в деле». Еще гораздо чаще в завещаниях князей и княгинь и крупных частных собственников упоминается за крестьянами серебро, причем иногда это серебро различается: одно называется «ростовым», другое «издельным». Автор не показывает, в чем тут разница, а в заключение повторяет только несколько осторожнее мысль Ключевского: «Крестьянское изделие, значит, возникало или же увеличивалось на почве крестьянской задолженности»¹⁷.

П. И. Беляев отказался от старых точек зрения историко-юридической школы и говорит о серебре и серебрениках уже по-иному. Он сближает серебреника с кабальным человеком. Серебреники, как и кабальные холопы, пишет он, были связаны «договором о работе на господина за взятое серебро и должны были земледельческой работою заживать взятое серебро, косили на серебро, дело доделывали на то серебро. До уплаты долга работою или возвращения взятого они, как и кабальные холопы, не могли уйти с его территории... Это аграрная зависимость, возникшая вследствие уступки за деньги своей рабочей силы, отданной не для всякой работы, а только для земледельческой работы»¹⁸.

Уступка за деньги своей рабочей силы — это ведь и есть наем, но в данном случае наем на определенных условиях, с определенными последствиями, не похожими на наем капиталистического общества.

---

¹⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России, сб. «Крестьянский строй», стр. 52.

¹⁷ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 345—346.

¹⁸ П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, ЖМЮ, 1916, ноябрь, стр. 150—151.

Из этого неполного обзора мнений о «серебре» мы можем сделать общий вывод, что вопрос разрешался в связи с общими представлениями о юридической природе крестьянина в XV в. и его дальнейшей судьбе в XVI—XVII вв.

В. И. Ленин еще в 1907 г. высказал свое отношение к этой проблеме. «И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!»¹⁹ В. И. Ленин не ссуду имеет в виду, а эксплуатацию работника, вынужденного идти к землевладельцу на работу. Так было в XI в., так было и позднее. Между рядовичем-закупом и серебряником или кабальным человеком есть связь по существу.

Дело, конечно, не в ссуде. «Там, где — как при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он занимает деньги, то для своих личных нужд, как, напр., в ссудной кассе. Но там, где рабочий является собственником — действительным или номинальным — условий своего труда и своего продукта, он как производитель находится в определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противостоящему ему в качестве ростовщического капитала»²⁰.

Стало быть, крестьянин или ремесленник в период, предшествующий капиталистическому способу производства, обращается к ссуде для того, чтобы либо поддержать свое пошатнувшееся хозяйство, либо расширить свое дело. В этом случае землевладелец или купец, дающий ссуду, выступают в роли ростовщиков. Они дают свои деньги в рост. Это и будет «ростовое серебро».)

Вольный человек, не имеющий своего хозяйства, лишенный в той или иной мере условий труда, вынужден брать не ссуду, а просто поступать на работу, причем делает это либо в форме прямого найма или, что в период господства феодальных отношений бывает гораздо чаще, — в осложненной феодальной обстановкой форме, в форме серебряничества.

Считаю необходимым во избежание недоразумений подчеркнуть, что речь идет о второй половине XV и первой половине XVI вв. В конце того же XVI в. условия настолько изменились, что положение серебряника сделалось в значительной мере иным.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 237.

²⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 608.

Надо ближе присмотреться к источникам.

Очень содержательна по этому предмету духовная княгиня Софии Витовтовны 1453 г.: «А даю те свои села к тем Божиим церквам со всем с своим, как было за мною за вел. княгиню, и с хлебом со всем и с животиною, да с половиною издельного серебра, что на людех; а половину издельного серебра велела есмь христианом серебряником отдавати оприсно и страдников, страдники пойдут на слободу. А что есмь которыи села свои подавала своему сыну великому князю и своей сносе вел. кн. Марье и своим внучатом, и яз им те села подавала по тому ж с половиною издельного серебра и с животиною, да с хлебом с тем, который в земли; а другую половину издельного серебра велела есмь христианом серебряником отдавати, да оприсно и страдников, страдники пойдут на слободу ж. А о всем положила есмь на своем господине, на своем сыну на вел. князи, о том своем серебре приказала есмь ему то учинити по обыску: кто будет от тех издельников охудел, а и половины того издельного серебра заплатити не взможет, и сын мой вел. князь тому велит отдати за мою душу все издельное серебро; а который будет издельный серебряник изможен в животе, а не охудел, взможет заплатити и все серебро, и на том сын мой вел. князь велит все издельное серебро взяти... А что будет в тех моих селех во всех хлеба стоячего на поли ржи и яри, оприсно семен ярных, и сын мой вел. князь... тот хлеб стоячий весь велит пропродати, да серебро роздать по моей души»²¹.

Отсюда можно получить ряд довольно точных выводов: княгиня передает церкви свою землю со всем инвентарем, со всеми доходами и вложением, «как было за нею», т. е. хлеб, животины и издельное серебро, «что на людех». Серебра, впрочем, она дает церкви половину, вторую половину велела с крестьян-серебряников не взыскивать. Сыновней долей она распорядилась несколько иначе: с состоятельных издельников сын может взять все серебро, бедные освобождаются от платы совершенно.

Кто такие эти издельники? Тут совершенно ясно говорится, что это крестьяне, живущие на княгининой земле. У них есть собственное хозяйство, но разной мощности. Княгине было известно, что часть этих крестьян безнадежно «охудела» и заплатить серебра «не взможет».

Кроме крестьян-издельников, в ее хозяйстве имеются «страдники». Это «холопы», которых она отпускает на свободу, но «холопы», посаженные на пашню, номинальные владельцы орудий производства, не имеющие права без отпускной

²¹ ДДГ, № 57.

уйти от своего хозяина. Это одна из категорий крепостных. Их экономическое положение настолько близко к издельным серебряникам, что духовная княгиня дважды находит нужным подчеркнуть разницу между ними («оприсно страдников»).

Сделанных, как мне кажется, правдоподобных выводов, однако, недостаточно. Остается нерешенным самый сложный вопрос о природе серебра, которым распоряжается княгиня. Серебром она распоряжается так же, как и хлебом. Само собой разумеется, что право распоряжения предметами вытекает из права собственности на объекты распоряжения. Хлеб, который княгиня велит продать, не крестьянский, а полученный ею от крестьян в виде оброка или же поступивший к ней с барской пашни, т. е. в рассматриваемый момент княгинин; то же необходимо сказать и о серебре.

Для того чтобы облегчить решение задачи, полезно заглянуть в другую духовную 1481 г., кн. Андрея Васильевича. Здесь мы читаем: «А что в моих селех на Вологде и в Торусе на христианех мое серебро издельное и ростовое, и мое жито на них заемное и оброчное, и которые мои села и деревни за моими детьми боярскими с моим серебром, и яз то свое серебро и жито все отдал христианом. А что моих людей полных и кабальных и приказных людей, которые от меня прибитки мои ведали, те все на слободу»²². Здесь мы тоже имеем распоряжение и серебром и житом. По воле завещателя и серебро и рожь, причитающиеся с крестьян в его пользу, прощаются. Оба предмета трактуются параллельно: 1) серебро издельное и ростовое, 2) жито оброчное и заемное. Очень возможно, что тут однозначная по содержанию терминология меняется по форме применительно к объекту приложения. Серебру издельному соответствует жито оброчное, серебру ростовому — жито заемное. Что касается второго параллельного ряда, то сомнения в правильности нашего заключения быть не может. Весьма вероятно, что и о первом ряде следует сказать то же. «И яз то свое серебро и жито (т. е. жито заемное и оброчное и серебро ростовое и издельное.— Б. Г.) все отдал христианом». Это не значит, что завещатель раз навсегда отказался от оброчного жита и навек освободил своих крестьян от оброка. То же относится, надо думать, и к деньгам издельным. Он отказался только от того, что ему причиталось получить с крестьян в данный момент, а в будущем дело должно идти по-старому.

В подтверждение высказанного предположения ссылаюсь на духовную Ивана Ивановича Салтыка 1483 г. Идучи на службу великого князя на вогуличи, он писал между прочим:

---

²² ДДГ, № 74.

«А что мое село на Москве, Шерепово, и то село прикащики мои чем *обложат*, и брат мой Михайло Шарап *серебро* даст, а прикащики мои тем *серебром* долг мой оплатят, а село Шерепово Михайлу и с деревнями»²³. Если сопоставить эту фразу с ей предшествующей в тексте той же духовной: «а что в моем селе *серебро* на Водозе в Спаском да и в деревнях, и то *серебро* прикащики сберут да дадут жене моей», то окажется, что речь идет о том же серебре, которое взимается с крестьян, облагаемых приказчиками, т. е. здесь *серебро* есть не что иное, как денежная рента. Издельным это *серебро* не названо.

Сложнее дело обстоит с другими приведенными документами. Там природа упоминаемого *серебра* еще менее ясна. Думаю, что мы не много возьмем на себя, если допустим и наличие денежной ренты, входящей некоторым ингредиентом в слишком широкий, как мы могли видеть, термин «*серебро*». Тогда издельное *серебро* наших источников удобнее всего связывать с крестьянским «издельем», или «делом», и под издельным *серебром* легче всего будет понимать как денежную ренту, так и ту ссуду, которую землевладелец выдавал неимущим людям для привлечения их в число своих феодальных подданных, одновременно превращая их таким путем в потенциальных плательщиков оброка, иногда именуемого «*серебром*».

Если это так, тогда вышеприведенный текст духовной Софии Витовтовны нужно понимать в том смысле, что княгиня отдает церкви и сыну, кроме хлеба и животины, еще и половину денежной ренты и розданных сумм, причитающихся ей с крестьян ее сел.

Осложняет нашу задачу то, что под слишком широким термином «*серебро*» наши источники часто подразумевают разные его виды. Нам, например, известны факты, когда крестьянские денежные оброки (рента) и долги (ростовое *серебро*) собираются феодалом с крестьян без всякого различия, просто сливаются в общей сумме землевладельческих доходов. «А как имал старец Мисайла за *раздачные деньги* и за *старые оброки монастырские* с выти по рублю на год, и тех денег приходило в монастырскую казну на год по 600 рублей»²⁴.

В таком же смысле *серебро* естественнее всего понять и в духовной Юрия Васильевича, брата Ивана III, 1472 г. Он передает 14 сел с деревнями различным монастырям, остальные свои владения завещает братьям и матери. Относительно каждого села с деревнями в отдельности и в итогах обо всех селах и деревнях он стереотипно выражается так:

²³ АЮ, № 413.

²⁴ «Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря» 1593—1594 г., Архив Института истории АН СССР.

«а что в том селе и в деревнях серебро на людех, ино того серебра половину (такому-то монастырю), а другая половина тем христианом, на коих то серебро», или: «которые есмь села подавал братии своей младшей, и мати моя... возьмет из тех сел изо всех половину серебра да роздаст по моей души, а другую половину серебра отдаст тем христианом, на коих то серебро»²⁵. Села эти передаются с хлебом, что в земле, и с животиною. «Хлеб заемный в людех», как и «стоячей в тех селех», выделен особо.

Трудно допустить, чтобы в каждом селе и в деревнях велось барское хозяйство. Естественно предположить, что мы имеем дело с тем хлебом, который с деревень и с сел шел феодалу в виде оброка. С серебром, повидимому, дело обстоит так же — это денежная рента, «старые оброки», но не исключается, конечно, наличность в этом же серебре и крестьянских долгов, т. е. под термином «серебро» здесь можно разуметь и ростовое и издельное вместе²⁶.

Ермолай-Еразм, однако, в своем памфлете против серебра разумел не крестьянские долги, а самую подлинную денежную ренту, которую он проектировал заменить натуральной определенного размера. В этом не может быть никакого сомнения. Иначе совсем нельзя понять его ссылку на образцовый, по его мнению, и достойный подражания пример Иосифа Прекрасного, который взимал с подданных налоги продуктами.

Остается объяснить еще одну деталь. Завещатели, распоряжаясь этой денежной рентой в своих духовных, передавая ее в монастыри или указывая другое назначение этим деньгам, повидимому, имеют в виду либо не выплаченную к сроку ренту, недоимки, как думал Сергеевич, либо завещают ренту этого года, предполагая, что в дальнейшем этим серебром, как и оброчным хлебом, будут пользоваться те, кто получает по завещанию всю землю с сидящим на ней населением.

Конечно, это только предположение, но совершенно очевидно, что Еразм, несомненно, имел в виду тяжесть и, по его мнению, несправедливость именно денежной ренты; из его сообщения вполне вытекает неизбежность и крестьянских недоимок. Делается совершенно понятным, почему он так энер-

---

²⁵ ДДГ, № 68.

²⁶ От 1510 г. мы имеем духовную Дмитрия Тимофеевича Синего, где говорится: «А что мои люди полные и докладные и кабальные, и те мои люди все на свободу с женами и детьми. А поплет бог по душу мою, а которые деньги останутца в людех, и прикащики мои тех денег из людей не емлют, а кабалы подерут; за кем те деньги останутца, тому и есть. А что мой живот мелкой, и прикащики тем поделят людей моих деловых». Здесь под деньгами в людях ясно разумеется серебро ростовое (Архив Троице-Сергиева монастыря, № 518, лл. 397—400; собрание С. В. Веселовского).

тично вооружался против серебра, взыскиваемого с крестьян. Оно, несомненно, способствовало «охуданию» тех, кто не мог при создавшихся условиях справиться со своим хозяйством. Ясно также и то, что были и такие крестьяне, кому заплатить все серебро не представляло больших затруднений. Это подтверждается цитированными выше документами. Денежная рента в хозяйствах XV в. уже отмечалась выше.

Итак, серебро издельное или дельное, насколько позволяют судить наши источники, можно рассматривать как категорию, в которую ингредиентом входит и денежная рента с крестьян, становящаяся явлением очень распространенным уже в конце XV в.

Несомненно, что издельное серебро может обозначать и нечто другое. Посаженный на землю работник с обязательством пахать на своего хозяина и взявший у него деньги тоже назывался издельником потому, что он по договору садился на изделье. Но это был уже не крестьянин, самостоятельно ведущий свое сельское хозяйство и вынужденный платить своему хозяину оброк, часть которого переведена на деньги, а работник, обрабатывающий барское поле, привлеченный хозяином при помощи серебра, которое в середине XV в. уже стало прикреплять его к хозяину (до выплаты этого серебра).]

Имею здесь в виду знаменитые и всем известные белозерские грамоты середины XV в., которыми наши исследователи обычно по недоразумению пользовались для решения крестьянской проблемы в целом.

На самом деле эти действительно замечательные грамоты говорят не обо всех крестьянах, а только об одной их разновидности, — о крестьянах-серебрениках или о крестьянах новопорядных. Старожильцев они не касаются вовсе. Первая из них — грамота белозерского князя Михаила Андреевича сыну боярскому Федору Константиновичу²⁷. Грамота появилась вследствие челобитья игумена Ферапонтова монастыря Екима. Он жаловался на то, что староста дворцовой княжеской волости принимает к себе в волость монастырских «половников в серебре» без соблюдения каких бы то ни было сроков и без предварительной выплаты этими половниками монастырского серебра, а предоставляя им для этого рассрочку на два года и освобождая от процентов, согласно княжеской специальной «полетной» (о сроках выплаты денег) грамоте. Князь такую «полетную» действительно в свое время дал. Сейчас, по просьбе монастыря, он ее отменил и дал другую грамоту, более удобную для монастыря, где устанавливается Юрьев день осенний в

²⁷ Сын боярский князя Михаила Андреевича (Н. Н. Дебольский). Гражд. дееспособность, стр. 411—412).

качестве единственного дозволенного срока приема серебряников и вводится требование уплаты серебра перед уходом серебряника из монастыря. Новый закон получили в некотором отношении даже обратную силу: те серебряники, которые успели выйти из монастыря до этого закона, должны были «дело доделывать на то серебро», т. е. продолжать свою работу на монастырь еще некоторое время (до осени). Под «делом», конечно, надо разуметь сдель, для которого серебряник и принимался в монастырь. Дворцовый староста для этого, очевидно, должен был отпустить серебряников снова в монастырь, отдав их на поруку. «А осень придет, и они бы и серебро заплатили». Очевидно предполагается, что осенью по окончании полевых работ у серебряника появится возможность выплатить долг, или же за него уплатит его новый хозяин.

О каком серебре здесь идет речь?

В. И. Сергеевич полагает, что о ростовом. Серебряник, стало быть, по его мнению, это не что иное, как задолжавший крестьянин. В. И. Сергеевич так и пишет: «На крестьянах... лежала обязанность платить %, а не дело делать за серебро»²⁸. Н. П. Павлов-Сильванский в «деле», которое надо было доделывать, видит изделье, барщинную работу²⁹. М. А. Дьяконов тоже считает серебряников задолжавшими крестьянами: «задолжавшие монастырю крестьяне — «серебряники» — должны были при выходе возратить монастырю серебро, т. е. уплатить числившийся за ними долг»³⁰. И. Д. Беляев различает, правда, не очень четко, три разновидности крестьян: 1) крестьянин, селившийся на пустой господской земле и обрабатывавший ее своими средствами; это «чистый наемщик», т. е. арендатор; 2) крестьянин, селившийся на уже раньше обработанной земле, но хозяйничающий своими средствами; и этот крестьянин «не теряет характера наемщика»; и 3) крестьянин садится на господской земле и работает средствами хозяйскими, получая ссуду; это крестьяне должники — серебряники³¹.

Я не собираюсь сейчас критически разбирать приведенные мнения старых исследователей и хочу остановиться на тех серебряниках, которых имеет в виду вышеприведенная грамота Ферапонтову монастырю. Она в своем роде не единственная. До нас дошло еще несколько одновременных с нею грамот такого же содержания. Соседний Ферапонтову Кириллов монастырь в то же самое время обращался с подобной

²⁸ В. И. Сергеевич. Рус. юрид. древн., т. I, стр. 240.

²⁹ Н. П. Павлов-Сильванский. Люди кабальные и докладные. ЖМНП, 1895, январь, стр. 231—232.

³⁰ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 328.

³¹ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 38.

же просьбой к тому же белозерскому князю Михаилу Андреевичу и к вел. князю московскому Василию Васильевичу, на территории которого тоже были владения монастыря. Просьба монастыря этими князьями была удовлетворена.

И Троицкий монастырь в то же время тоже обращался к вел. князю с таким же челобитьем. Мы смело можем думать, что с подобными просьбами к власти обращались не только эти монастыри и не только одни монастыри. Едва ли ошибемся, если, учтя всю обстановку, сложившуюся к середине XV в., скажем, что эти жалобы и просьбы есть следствие погони землевладельцев-феодалов за рабочими руками, следствие оживления сельского хозяйства. В дошедших до нас грамотах звучит, собственно говоря, один главный мотив: у монастырей соседние землевладельцы «отказывают» людей не считаясь ни с какими условиями: ни со сроками, ни с «серебром». Особенно энергичны управляющие княжескими имениями: и в Вологде и в Волочке Словинском и Федосьине городке, на Ирдме и Вогнеме, на Угле, в Череповце и на Белоозере³²—сманивают они монастырских работников.

При изучении этих грамот необходимо самым внимательным образом присмотреться, о каких именно работниках идет речь, и отнюдь не довольствоваться общими соображениями о том, что мы тут имеем дело с крестьянами вообще. Кроме недоразумений, от такого «общего» решения задачи ничего не получалось до сих пор и получиться не может.

Кого, собственно, сманивают одни и кого защищают другие?

Игумен Еким Ферапонтова монастыря указал в челобитьи только на половников-серебренников, но совершенно ясно, что он разумел и другие категории серебренников. Игумен соседнего Кириллова монастыря Касьян, очутившийся в таком же положении, оказался более обстоятельным: в своем аналогичном челобитьи тому же князю он называет «серебренников и половников и рядовых людей и юрьевских». В ответной княжеской грамоте этот перечень несколько сокращен, конечно, без всякого покушения на сужение его содержания: там названы «серебренники и половники и слободные люди». Тот же монастырь в совершенно аналогичных и одновременных челобитных московскому и вологодскому князьям называет «людей монастырских и серебренников», великий князь в ответ на челобитье говорит «о людех монастырских всех и серебренниках». Старцы Кириллова монастыря Гаврило и Галасей называют «людей монастырских и серебренников с дворца и из деревень», которые обобщены в княжеской грамоте под

---

³² ААЭ, т. I, № 73.

термином «крестьяне» (в серебре «виноватые» и «невиноватые») ³³. В одной из Кирилло-Белозерских грамот первой половины XV в. упоминается «серебро, что на половники» ³⁴.

Несмотря, однако, на различие в терминологии, речь идет об одном и том же предмете, т. е. о людях, через серебро попавших на работу к хозяевам и теряющих право свободно их покидать.

Не очень легко разобраться и в этих терминах: как будто все же ясно, что рядовые — это люди, заключившие «ряд», юрьевские — те же рядовые, но заключившие договор на срок от Юрьева до Юрьева дня. Повидимому эти обе группы в сокращенном перечне (в ответе на челобитье) названы «слободными людьми» ³⁵. Самым лаконичным оказался все же игумен Ферапонтова монастыря Еким: он всех этих людей назвал половниками-серебрениками.

В духовной кн. Семена Кемского 1551 г. мы встречаем опять знакомый нам перечень: «А кабальным моим людям и юрьевским людям всем кабалы отдати безденежно» ³⁶. Если бы тут разумелась ростовая кабала, то незачем было бы говорить о кабальных людях, так как нам хорошо известно, что кабальный человек не просто должник.

Тут речь идет о серебрениках, т. е. людях, связанных со своими хозяевами определенными договорными обязательствами и полученными при заключении уговора деньгами.

Совершенно ясно различаются формы эксплуатации земли и основные группы сельского населения, зависящего от землевладельца в «Уставной и наказной грамоте об общежитии монастырском», около 1500 г. Грамота особенно интересна тем, что она имеет характер широкого обобщения. Она адресована не какому-либо одному монастырю, а всем монастырям в качестве общего устава, в который при посылке его в любой монастырь предполагалось вставлять название монастыря и имя игумена. Это формуляр.

Тут мы читаем: «А что идет им (братии.— Б. Г.) хлеб из сел монастырских, что на них *хрестияне пашут, или на серебро монастырское пашут*, и они (братия.— Б. Г.) то делят межю собою, как по иным монастырем... А что которых монастырских земель не испахивают, ни пожен не искапивают, а дают в наймы, и теми наймы так же делятся» ³⁷. Итак, мона-

³³ Грамота вел. кн. Ивана Васильевича на Белоозеро Кириллову монастырю (после 1462 г.), ААЭ, т. I, № 73.

³⁴ Н. Н. Дебольский. Гражд. дееспособность, стр. 343.

³⁵ В челобитьи названы: серебреники, половники, рядовые и юрьевские. В постановлении сократили перечень: серебреники, половники, слободные люди. ААЭ, т. I, № 48—49.

³⁶ Н. Н. Дебольский. Гражд. дееспособность, стр. 356.

³⁷ ААЭ, т. I, № 381, стр. 484.

стыри к началу XVI в. используют свою землю в трех направлениях: одну часть пахут крестьяне (как нам хорошо известно по многочисленным источникам, в это время обычно сидящие на оброке), вторую — серебряники, третью сдают в аренду. Тут крестьяне отделены от серебряников и крестьянская пахня отделена от пашни «на серебро».

Больше чем вероятно (хотя у нас и нет абсолютно точных данных), что пахня «на серебро» — это пахня, не положенная в тягло, и что серебряник, подобно половнику, — не тянет обычного крестьянского тягла. Хозяину поэтому особенно выгодно иметь дело с серебряниками.

Итак, мы могли убедиться, что понятия «серебро» и «серебряник» достаточно широки и требуют специального изучения в своих разновидностях.

4. Кабальные люди

В изучении серебряничества перед нами раскрывается одна из важных сторон жизни зависимого сельского населения. В серебряниках мы имеем категорию, включающую несколько разновидностей. Судебник Ивана IV к числу серебряников относит и кабальных людей: «А которые люди вольные учнут бити челом князем и бояром, и детем боярским, и всяким людем, а станут на себя давати кабалы за рост служить, и более 15 рублев на серебряника кабалы не имати...»¹. В Судебнике Федора Ивановича повторен тот же текст, с той же терминологией, только вместо «всяким людем» написано «всем людем»².

Эта терминология Судебников вполне закономерна, так как кабальный человек поступал к своему хозяину тоже через серебро.

В великокняжеском Судебнике нет ни серебряников, ни кабальных людей. Он говорит, однако, о наймитах: «А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен»³. К этой статье Царский Судебник сделал существенное дополнение: «А которой государь наймиту не захочет дати найму, и уличит его в том наймит, и на том доправити наем вдвое»⁴.

У нас нет никаких сомнений в том, что кабальные люди существовали и в то время, когда составлялся Судебник 1497 г. Однако законодатель не счел необходимым остановиться на этом предмете. Судебник Царский говорит о нем очень подробно и ставит заключение подобных сделок под

¹ Царский судебник, ст. 78.

² Судебник царя Федора Иоанновича, ст. 141.

³ Судебник 1497 г., ст. 54.

⁴ Царский Судебник, ст. 83.

контроль государства: «...те кабалы приносить к бояром, и бояром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дьяком подписывати; а вперед кто ту кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду»⁵.

Нельзя не учитывать того, в какой обстановке составлялся Судебник 1550 г. Время от смерти вел. князя Василия до венчания на царство его сына есть время напряженной классовой борьбы. С одной стороны, подготавливалась полная победа над боярством, с другой стороны, боярство усиленно пытается использовать малолетство Грозного в своих интересах. Венчание на царство — большой удар по боярству и в то же время торжество служилого человека и посада.

Неприятный боярству великокняжеский Судебник правительством Грозного не только восстанавливает, но и расширяет. В подготовке нового Судебника принимают участие близкие царю люди. Среди них не мог не быть и Сильвестр, взгляды которого на рабский труд нам известны. Царский Судебник не случайно ни разу не называет кабального человека холопом. В одном из указов Шуйского от 9 марта 1608 г. раскрывается смысл статьи Царского Судебника о кабальных людях: «По Судебнику на вольных людей таких записей, что им служити до своего живота у всяких людей, имати не велено и в записные книги в Холопьем приказе в холопьи крепости записывати не велено ж..., а имати записи на вольных людей всяким людям на урочные лета по прежнему уложению». Мысль совершенно ясная. *Кабальный человек по царскому Судебнику это вольный человек, взявший на себя обязательство работать на своего хозяина определенный договором срок.* Он остается юридически вольным и после заключения договора. Закон не закрепляет кабального человека за его хозяином навсегда, а дает право и ему самому освободиться через уплату серебра и не закрывает возможности для ищущих рабочих рук получить их на доступных условиях («боле 15 рублей на серебряника кабалы не имати»). Это последнее условие было очень важно для тех, кто либо обзаводился новым хозяйством, либо стремился расширить свое старое. Имелись в виду люди среднего достатка, главным образом служилые люди. Именно эти люди были заинтересованы в возможности «окупить» себе работника, т. е. заплатить за него серебро и перевести его к себе. Вопрос шел не только о деревенских работниках, а и о городских, и, пожалуй, о городских больше, чем о деревенских, поскольку город очень нуждался в рабочей силе и, не располагая крестьянским трудом, имел более ограниченный людской контингент, из которого он мог черпать себе работников.

⁵ Царский Судебник, ст. 78.

Решение вопроса о кабальных людях имеет серьезнейшее значение в изучении проблемы эволюции хозяйства и общественных отношений того периода в истории Русской земли, когда в ней происходили большие перемены, приведшие в конечном счете к новому этапу в истории сельского населения.

Вопросом о кабальных людях дореволюционные русские ученые занимались много. Но их обычно интересовала юридическая природа кабального человека, а не его место в истории производственных отношений на Руси.

К. А. Неволин определяет кабальную запись как наем «для постоянных домашних услуг и работ со взятием денег в заем и с обязанностью служить за рост». Кабального человека он называет «наемником», но утверждает, что «от издания Судебника до Уложения» им «усвоилось наименование «кабальных холопов»⁶, что, как мы уже видели, совершенно неверно, так как Судебник кабального человека холопом никогда не называет и вообще такого термина не знает.

И. Д. Беляев глухо говорит, что «из вольных... людей в настоящем периоде (разумеется период 1497—1649 гг.— *Б. Г.*) образовались *кабальные холопы* (от слова «кабала» — заемное письмо), которые были прикреплены не к земле, как крестьяне, а к лицу». В другом месте того же труда несколько подробнее: «Служилыми холопами назывались те, в кабале которых прямо прописывалось, что они взяли у заимодавца столько-то денег, с обязательством служить ему за проценты; они по уплате долга становились свободными»⁷, т. е. И. Д. Беляев считает кабальных людей временными холопами. Если под «холопом» разуметь зависимого от хозяина слугу, то Беляеву возразить что-либо трудно. Но вообще надо иметь в виду, что Судебник о «холопстве» кабального человека молчит.

В. И. Сергеевич совершенно недвусмысленно заявляет, что «кабальные в это время (до 1597 г.— *Б. Г.*) не холопы. Они люди свободные». «Юридически такая зависимость легко уничтожается. Для этого надо только уплатить долг. Но фактически она ведет к полной утрате свободы, так как нет средств к уплате долга». Выражение частноправовых документов «дать волю кабальным» В. И. Сергеевич считает «не точным выражением, красноречиво, впрочем, свидетельствующим о том, что безвыходное положение кабальных хорошо создавалось их кредиторами»⁸.

⁶ К. А. Неволин. История рос. гражд. законов, т. III, стр. 194.

⁷ И. Д. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, стр. 397, 427.

⁸ В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 154—155.

В. О. Ключевский уделяет вопросу о кабальных людях много внимания. Он говорит об источниках, происхождении и развитии «кабального холопства». Источником «кабального холопства» автор считает «заем с заменой роста личным услужением должника». Происхождение его он связывает с политическим «переворотом», происшедшим на Руси в связи с ликвидацией уделов. Удельные князья превратились в слуг московского государя, но для людей, находившихся у них «в частной личной и условной зависимости», они оставались «государями». Они, эти князья, «внесли в гражданские отношения новую юридическую мысль, что и у частных лиц слуги, привязанные к хозяевам кабалой, личным и временным обязательством, принадлежат им на том же праве, как и холопы полные, только принадлежат лично и временно». Короче говоря, В. О. Ключевский считает кабальных людей в самый момент их появления холопами, но только личными и временными.

Развитие института он ставит в связь с «переломом, совершившимся в народном хозяйстве», с переломом, точный характер которого автор отказывается определить, но основным признаком которого считает чрезвычайное увеличение количества свободных людей, не желавших продаваться в полное холопство и не могущих поддерживать свое хозяйство без помощи чужого капитала⁹.

М. А. Дьяконов рассматривает институт «кабального холопства» в главе о «несвободном населении» рядом с обельным холопством. «Самым важным явлением в истории холопства в московском периоде, — пишет он, — надо признать возникновение нового типа несвободы под именем кабального холопства». «...Кабальные люди должники своих господ, живут во дворах этих господ и отпускаются «на слободу» в том смысле, что им прощались долги и выдавались безденежно «кабалы». «...Отношение должника к кредитору устанавливалось особым документом, так наз. «служилой кабалой». По Дьяконову, кабальный человек — должник, но живущий у своего кредитора. Но ведь это как раз и запрещается ст. 82 Судебника. («А кто займет сколько денег в рост, и тем людем у них не служити ни у кого, жити им о себе, а на деньги им рост давати...»). Конечно, Дьяконов это прекрасно знает. «Обыкновенно, — продолжает он, — должники на занятые деньги платили резы или рост, т. е. проценты. Но наряду с этим установился обычай вместо уплаты роста кредитору работать на него в его дворе»¹⁰. Как же так? Закон ясно

⁹ В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России. «Опыты и исследования», сб. 1, стр. 199, 201.

¹⁰ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 386—387.

различает заем от служилой кабалы, потому что, несомненно, и в жизни существовало это различие. Каким же образом установился обычай смешивать заем с наймом? Каким образом из прямого нарушения совершенно ясного закона о запрещении должнику жить у кредитора мог возникнуть обычай жить у своего кредитора? Мне кажется понимание происхождения служилой кабалы М. А. Дьяконовым не убедительным.

Мнение М. Ф. Владимирского-Буданова по этому предмету, на мой взгляд, более аргументировано.

Он устанавливает связь кабального холопа с закупом. Он совершенно четко отделяет договор займа от договора о служилой кабале. Последний он рассматривает как «сделку о поступлении во временное холопство». Но в то же время он настаивает на законности и для первой половины XVI в. термина «кабальный *холоп*», потому что-де этот термин встречается в частноправовых документах. Он думает даже, что «уже с XV в. состояние кабалы приближается к полному холопству, т. е. допускаются права распоряжения на кабальных холопов (по актам раздельным, приданому, по духовным завещаниям, *но не по купчим и не закладным*)» (курсив мой. — Б. Г.) ¹¹.

Относительно терминологии частных актов необходимо иметь в виду ее неустойчивость и произвольность. В частноправовых документах выражались так, как говорили в быту. Под холопом часто разумели в известное время не раба, а слугу, поэтому и писали «кабальный холоп», вместо кабальный слуга. В данном случае, конечно, терминология Судебника заслуживает полного предпочтения. А в Судебнике кабальный человек холопом не называется.

Относительно права распоряжения кабальными людьми, о чем говорит Владимирский-Буданов, надо обратить самое серьезное внимание на то, что совсем не случайно господа не имели права ни продавать, ни закладывать кабальных людей. Стало быть, право распоряжения кабальными людьми по закону очень относительно. Терминологию актов надо понимать не буквально: если, например, по духовным завещаниям или по рядным записям (о приданом) передаются кабальные люди, то это потому, что с них надлежит взysкать деньги или держать их до отработки полученных от хозяина денег. Отпуск кабальных людей «на свободу» — это прощение им долга и ничего больше. Никаких признаков приближения состояния кабалы к полному холопству в XV и значительной части XVI вв. нет. Иное положение для кабального человека

---

¹¹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 665, 669, 673.

несут 80-е годы XVI в. Но это уже другое время. О нем речь впереди.

Совершенно прав Н. П. Павлов-Сильванский, когда настаивает на том, что «в истории кабального холопства необходимо строго различать два периода: первоначальный и после указа 1597 года (точнее — после 1586 г.— *Б. Г.*). Сначала кабальные люди *не были холопами* (курсив мой.— *Б. Г.*). До 1597 г. кабальные люди — это свободные должники, обязавшиеся взамен уплаты процентов служить во дворе господина бессрочно, до уплаты долга («за рост служить по вся дни во дворе»). В заемных расписках-кабалах они называют себя не иначе как *заемщиками*. Правительство в XVI веке строго держалось этого формального взгляда на служилую кабалу»¹². Стало быть, Н. П. Павлов-Сильванский в своем понимании кабалы примыкает к М. А. Дьяконову.

Относительно возникновения этого вида слуг автор, возражая В. О. Ключевскому на его мысль о появлении массы свободных, но обедневших людей, потерявших возможность вести свое хозяйство, выдвигает другое соображение о недостатке у хозяев рабочих рук вследствие отлива населения на окраины, что заставило-де хозяев «вместо более выгодной для них покупки человека «в полницу» брать на него менее прочную служилую кабалу»¹³.

Появление массы обедневших людей и увеличение спроса на рабочие руки (этим и объясняется их «недостаток») друг другу нисколько не противоречат; что же касается преимущества полного холопа перед временным работником, то, как мы в этом могли убедиться, жизнь показала как раз обратное: во второй половине XV в. полные холопы делаются обузой для господ, и от них господа стараются освободиться, предпочитая иметь дело с кабальными людьми. Поэтому мне кажется неудачным утверждение Н. П. Павлова-Сильванского, что «только крайняя необходимость (какая же именно?) могла заставить господ согласиться на замену полных людей кабальными. Право выкупа на волю аналогично праву крестьянского перехода, с которым в XVI веке так боролись господа». Ведь и с правом перехода боролись не всегда и не все господа: многим из них в рассматриваемое нами время оно было выгодным, именно тем, кто еще только устраивался в своем хозяйстве, например, вновь испомещаемым служилым людям, заинтересованным в возможности перезывать к себе крестьян. Борьба против права перехода

---

¹² Н. П. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные, СПб., 1909, стр. 313.

¹³ Там же, стр. 311.

достигла значительного напряжения только в конце XVI в. и вызвана была вполне конкретными причинами.

Попробуем, однако, ближе присмотреться к фактам.

Если обращать внимание на сущность явления, а не на его словесное обозначение, то мы уже в XIII в. найдем отношения, очень похожие на кабальные (в смысле служилой кабалы). В жалованной грамоте печерским сокольникам 1328—1340 гг. Ивана Даниловича Калиты называются *«третники и наймиты, кто стражит на готовых конех, а в кунах»*. Наймит в кунах, работающий на барской пашне чужим инвентарем, несомненно весьма близок к закупу, с одной стороны, и кабальному человеку — с другой. Сюда же нужно отнести и факт, отмечаемый летописью под 1262 г.: *«кокаянные бусурманы работающе резы и многы души христианские разво ведоша, работающе люди христианские в резех»*. Этот текст Никоновский свод передает: *«богатые откупщики татарские «корыстовахуся сами и мнози люди убозии в ростех работаху»*. Это, несомненно, явление того же типа, что и служилая кабала.

Первое упоминание термина «кабальный» встречается среди напечатанных документов в духовной грамоте кн. Андрея Васильевича Меньшого, брата Ивана III, 1481 г.: *«А что моих людей полных и кабальных и приказных людей... те все на слободу»*¹⁴. Второе, хронологически близкое к нему, — в духовной кн. Дмитрия Ивановича, брата вел. кн. Василия Ивановича, от 1521 г., где сказано: *«А што мои люди приказные и полные и кабальные, и князь бы велики пожаловал, те люди отпустил на слободу»*¹⁵.

А вот первая, имеющаяся в нашем распоряжении служилая кабала от 1510 г.: *«Список великие княгини Огрофены с докладной. Долож великие княгини Огрофены (Аграфена Васильевна, вдова вел. кн. рязанского Ивана Васильевича.— Б. Г.) з докладной Федора Ивановича Сунбула. Се яз, Оксинья Михайлова жена дяконова¹⁶, заняла есми, господине, у Ивана у Олтуфьева сына Кончеева 3 рубли денег от Рожества Ивана Предтечи на год и те есми деньги дала мужу своему Михайлу, дякону, Борису сыну. А за рост мне у Ивана... работать; а не похочю у него работать до сроку, и мне ему деньги его дать все и с ростом по росчету, как дают на пять шестой. А полягут деньги по сроце, и мне у него за рост работать по тому ж, а не отниматися мне у него от сея кабалы ни полетною, ни изустною. А на докладе были*

¹⁴ ДДГ, № 74.

¹⁵ Там же, № 99.

¹⁶ Издатель этого документа А. Юшков пишет это слово с большой буквы «Дьяконова», полагая, что это фамилия. Между тем тут речь идет о жене дякона.

Панкрат Михайлов сын Катов да Семен Тимофеев сын Денижников, Лета 7018. А подписал великие княгини дьяк Федор Матвеев.

У подлинной печать на черном воску»¹⁷.

Кабала интересна во многих отношениях. Во-первых, она «докладная», т. е. доложенная правительственному лицу, скреплена подписью и печатью, т. е. утверждена и зарегистрирована государственной властью так, как требовал этого Царский Судебник 40 лет спустя. Стало быть, договор о служилой кабале контролировался государством задолго до царского Судебника. Государство считало своей обязанностью следить за этого рода сделками.

Во-вторых, дает на себя кабалу жена дьякона. Она не собирается поступать в холопство, а хочет заработать деньги, нужные ей не лично для себя, а для своей семьи: она отдает их дьякону, своему мужу. А дальше в кабале сказано все, как и во всех служилых кабалах обычно говорилось: «а за рост мне... (у такого-то) работать; а не похочю у него работать до сроку, и мне ему деньги его дать все и с ростом по росчету, как идет: на пять шестой». Какой же это холоп, даже приближающийся, как думал М. Ф. Владимирский-Будапов, к полному, если он в любой момент *имеет право* (я не говорю о возможности) уйти от своего хозяина? Ведь правовое содержание документа определяет его сущность. С юридической точки зрения в договоре о служилой кабале нет ни одного элемента, напоминающего о рабской зависимости.

Даже если случится какое-либо осложнение в хозяйстве дьякона, и он не сможет выкупить свою жену, если «полягут деньги по сроце», и тогда дьяконица не делается рабыней. Она проработает до того времени, когда дьякон соберет 3 рубля и внесет их Ивану Кончееву.

В данном случае едва ли можно сомневаться, что деньги будут внесены, потому что дьякон, конечно, постарается раздобыть так или иначе необходимые 3 рубля.

Вот, например, положение Юрия Подивникова по кабале 1515 г. гораздо хуже, можно сказать, безнадежно скверное. Он тоже дал на себя служилую кабалу в 2 рубля некоему Алексею Коже. Но эти 2 рубля он «платил старому своему государю Назарью Нечаю Михайлову сыну Минину». И Юрий Подивников тоже пишет: «а не похочю у него (Кожи) работать, и мне ему дать деньги его все и с ростом по росчету»¹⁸. Тут уже можно не строить никаких иллюзий: денег Юрий Подивников для уплаты своему хозяину едва ли найдет, по-

¹⁷ Акты А. Юшкова, № 78; см. также № 93, 98, 102, 106—108.

¹⁸ Там же, № 93. Докладная грамота рязанскому вел. кн. 1515 г.

сколько он будет целиком работать на хозяина. Единственная надежда — на третье лицо, которое его, «окушив», переведет к себе, т. е. повторит историю, только что с Юрием происшедшую и приведшую его к новому хозяину, или же сам хозяин простит ему долг.

Мне кажется, что для доказательства этого положения можно воспользоваться материалом о «добровольной» службе или, как иногда выражаются источники, о «добровольных послужильцах», или еще иначе — «вольных холопах». Добровольная служба — это служба без оформления документом. Она иногда являлась преддверием к кабальной служилой зависимости.

Вышеприведенный закон 1555 г. имел в виду тех людей, которые «учнут у кого *служити добровольно, без крепостей*». Они могут уходить от хозяина «с отказом или без отказу». Задерживать их нельзя, даже если хозяин начнет обвинять их в «сносе». Такому обвинению закон велит не верить, так как считает его только незаконным предлогом удержать за собой работника. Здесь ясно обнаруживается тенденция крепить за собой всяких своих слуг, с которой закон делает попытку бороться.

Закон 1597 г., а весьма возможно и не дошедший до нас закон 1586 г., разрешает служить без крепостей только 6 месяцев, по истечении которых человек должен перестать быть добровольным слугой. Его вынуждают дать на себя служилую кабалу. Закон 1597 г., надевая на него кабальный хомут, действительно превращал слугу в пожизненного холопа (или до смерти господина). Это новость. А до этого закона служилая кабала только оформляла добровольность слуги и холопомработом его не делала. В Судебнике Федора Ивановича к добровольному послужильцу, кандидату в кабальные люди, приравнивается казак, т. е. свободный наемный человек: «А кто казаку даст денег взаймы в рост да того человека станет держать у себя сильно, а будет до него недобр, и казак тот, не мога терпети, от него покрадчи збежит,— и что у него снесет, то пропало, а по кабале денег лишен»¹⁹.

Кабальный человек — это серебреник, одна из его разновидностей.

Сущность служилой кабалы заключалась в том, что человек, вынужденный искать денег или работы, «продавал» свою рабочую силу на очень невыгодных для себя условиях: он получал вперед несколько денег (обычно 3—5 руб.) и обязывался уплатить их через год, в течение какого срока должен был работать у хозяина за рост. В случае неуплаты «долга» в указанный

¹⁹ Судебник царя Федора Иоанновича, ст. 147.

срок он обязывался жить у своего хозяина «по вся дни во дворе» до уплаты долга и работать за проценты. Хозяин его одевал, обувал и кормил. Очень часто дело обходилось еще проще: кандидат в кабалу никаких денег не получал, а садился во дворе хозяина на работу только за прокорм и одежду, рассчитывая, что это временное его состояние переменится скоро к лучшему. Обманутый в своих надеждах, он так и продолжал жить у своего хозяина, пока не находил случая от него уйти, что, повидимому, было довольно редко. Гораздо чаще ему приходилось рассчитывать на усмотрение своего хозяина, который иногда в духовном завещании отпускал кабальных на свободу, т. е. «прощал» фактически давно уже отработанный ими долг, конечно, если он был сделан на самом деле. По этому предмету мы имеем совершенно определенное разъяснение, например, в духовном завещании кн. Ногтева 1534 г. Там написано: «что мое люди по кабалам серебреники и по полным грамотам и докладным грамотам холопи и те все люди с женами и з детьми по моей душе на свободу, люди вольные великого князя... а прикачики мои по сей моей духовной тем моим людям полным и докладным отпускные грамоты подают, а кабальным людям кабалы выдадут»²⁰.

Служилую кабалу мог дать на себя только человек вольный, что видно из вышеприведенной 78 статьи Царского Судебника. Там еще раз говорится о старых кабалах, «которые иманы на вольных людей», и дальше еще яснее говорится о том, что закон разрешает «имати... кабалы [только] на вольных людех...» Стало быть, количественный рост кабальных действительно связан с увеличением контингента *вольных* людей, которых определенные причины заставляли идти в этого рода зависимость, как это совершенно правильно отметил В. О. Ключевский. Это увеличение числа обедневших свободных людей легко понять, если мы согласимся с тем, что вторая половина XV в. и первая половина XVI в. были временем заметного роста внутреннего рынка, усиления феодального нажима и разорения части крестьян. Кабальная зависимость есть только одна из возможностей, представлявшихся вольному человеку, чаще всего, как это мы увидим ниже, не имевшему никакого своего хозяйства.

При сравнительной слабости и примитивности городской промышленности люди, вынужденные искать себе работы, в этом случае попадали в новую, более тяжелую, чем прежде, зависимость. Откровенный закон 1597 г. считает, что полугодовой срок, в который вольный человек работал у хозяина только за прокорм, обувь и платье, достаточен для того, чтобы

---

²⁰ Сборник Хилкова, № 57.

и впредь этот вольный человек уже принудительно до смерти своего хозяина оставался в том же положении.

Где применялся труд кабальных? Очень большая часть, если не большинство, кабальных людей находили себе работу в городах или же во дворах бояр, помещиков, духовенства и высших чинов приказных людей. В указе 1597 г. имеется перечень лиц, которым разрешается иметь кабальных людей, — это бояре, князья, думные и приказные люди, дети боярские, всякие служилые люди, гости и всякие торговые люди²¹. Уложение Алексея Михайловича разъяснило, что только городское духовенство может владеть кабальными людьми²². Правда, это свидетельства поздние, но и для более раннего времени эти факты весьма вероятны, так как кабальный чаще всего договаривается жить во дворе, т. е. не на пашне. В одной из поздних кабал имеем очень характерное условие: кабальный обязуется «всякая домовая работа работать по его хозяйскому велению без ослушания. А будет он, хозяин, похочет меня... в лавке посадить за своими товарами или похочет послать для своего промысла в иные города с товары же, и мне... в лавке за товары сидеть и в иные города с товары ж ездить и в том его хозяйском промыслу во всем радеть неоплошно и отчет во всем давать вправду»²³. Больше чем вероятно, что в таком же положении бывал кабальный человек и в первой половине XVI в., когда он давал обязательства жить у своего хозяина «по вся дни во дворе».

Мы можем видеть сотни этих «добровольцев» в изданных кабальных книгах 1591—1600 гг.²⁴ Правда, в это время с ними уже произошла крупная метаморфоза, но мы будем пользоваться этим материалом только для того, чтобы определить контингент лиц, идущих на службу «по доброй воле». Из 174 человек, записанных в первую книгу, — 46 детей от полугода до 16 лет, 18 человек — от 16 до 20 лет. Все они служили своим господам без всяких крепостей до момента, когда закон заставил их дать на себя крепость. Трое дали на себя кабалу внове. 34 (из них 2 — полоняника) были уже и раньше в разной зависимости, документы на которую утерялись. В другой книге — из 123 человек больше $\frac{2}{3}$ принадлежало к числу вольноотпущенников и послужильцев. Совершенно вольных людей — 65 человек (53%). Все это люди, ничего не имеющие, если не считать нескольких человек среди этой голи, у которых можно

²¹ Указная книга Приказа холопьяго суда (М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Христоматия, вып. III, стр. 75).

²² Трудно иначе понять ст. 104 гл. XX Уложения.

²³ АЮБ, т. II, стр. 35.

²⁴ РИБ, т. XV. Новгородские кабалы. Изд. под редакцией А. И. Яковлева.

предполагать жалкое имущество: сапожник и трое портных, из которых двое жили «ходя по наймам», третий — старик 70 лет, раньше уже служивший по кабале; двое дьячков, жившие когда-то в монастырях. Остальные из 123 — люди, осиротевшие, с малолетства и с детства ходившие по чужим людям в наймах и гулявшие в поле в казаках, нищие, бродяги... Обычной чертой биографий кабальных людей является указание на то, что они вольные, что и до сих пор «жили в наймах, кормились работою», «ходили по наймам в казаках» или «жили в наймах походя во дворе, в холопах ни у кого не служили и в крестьянах и в бобылях ни за кем не живали», служили «добровольно», т. е. не давая на себя крепостей, «приставали» у кого-либо в качестве бобылей и т. п. Эти вольные люди всегда себя противопоставляют крестьянам, бобылям и холопам. Немного странно после этого перечня читать замечание Ключевского о том, что в кабалу шли люди, не могшие поддержать своего хозяйства без помощи чужого капитала. Где же это хозяйство? Может быть, у кого-нибудь из этих людей оно осталось только в воспоминаниях. Обычно у них нет никакого хозяйства.

Кабальная книга дьяка Алябьева 1597 г. рисует нам кабальных главным образом либо городских, либо поступающих «во двory» землевладельцев, т. е. в качестве домовых людей, но мы имеем указания и на наличность кабальных деревенских.

Характер изучаемого общественного явления побуждает исследователя заглянуть несколько вперед исключительно с целью установить перспективу в истории значительной группы обедневшего населения, вынужденного идти в кабальную зависимость, — перспективу, без правильного установления которой трудно понять как эволюцию самого явления, так и период в жизни русского общества, сделавший это явление распространенным и показательным. О тех крупных переменах, которые произошли в русском сельском хозяйстве и в положении сельского населения в 80-х годах XVI в., придется говорить особо.

Сейчас необходимо указать на некоторые недавние достижения в нашей науке, касающиеся деревенских кабальных людей.

До этого времени мы только догадывались о наличии деревенских служилых кабал. Сейчас мы располагаем подлинным интересным материалом, позволяющим нам расширить и уточнить наши наблюдения. Имею в виду служилые деревенские кабалы, напечатанные В. Г. Гейманом в 1924 г.²⁵ После их напечатания в Ленинградском архиве Института истории Академии Наук найдено еще значительное число таких же кабал, ждущих своего опубликования.

²⁵ «Сборник Росс. Публ. Библ.», т. II, вып. 1, стр. 285—286.

Правда, и напечатанные деревенские кабалы относятся к 50—60-м и более поздним годам XVI в., но на основании их мы можем судить и о более раннем времени, если только практика городских и дворовых кабальных записей не стала применяться именно с середины XVI в. в барском сельском хозяйстве в связи с организацией собственной барской записки, о чем речь идет ниже.

Вот текст одной из кабал этого рода 1554—1555 гг.: «Се яз Евтихий Незнай Яковлев сын Забойникова [с] своим сыном з Григорьем да с Васильем да с Онтومانом, да яз Обросим Истома Мартьянов сын заняли есмя у Спасского у Прилуцкого келаря у Ивана 2 рубля монастырских денег казенных от Юрьева дни осеннего да до Юрьева дни осеннего. А за рост нам, Незнаю з детьми, жити в их починке на Васильеве на Великой реки, пашня роспахать и огород разгородить и всякое дело пашенное делать. А кой нас в лицах, на том пашня или деньги. А на то послуси...»²⁶.

Основное содержание кабал этого типа заключается в том, что вольный человек обязуется за рост служить у землевладельца в деревне, пахать на него пашню и нести другие повинности в его пользу. Государева тягла он не тянет. С возвратом заемных денег он делается свободным от своих обязательств, о чем ясно говорят пометы на оборотах самих документов.

Из 24 деревенских кабал, напечатанных В. Г. Гейманом, имеются пометки о частичной уплате долга только на двух: Мосий Нифантов сын с детьми успел уплатить 40% своего долга и умер²⁷. Сын Евтихия Забойникова, кабалу которого я только что привел, только через 13 лет после заключения договора, уже после смерти своего отца, выплатил 60% долга. На 9 кабалах имеются пометки о смерти кабальных людей без уплаты долга.

Отсюда, конечно, легко сделать вывод о трудности, доходящей порою до невозможности, для кабального человека погашения долга. Но совершенно ясно и то, что права выплаты долга кабальных людей в это время еще никто не лишал. С холопом и у деревенского кабального человека XV и первых трех четвертей XVI вв. нет ничего общего. Это полная аналогия псковским изорникам.

Очень характерны две кабалы, говорящие о том, что займщик обязуется жить в «детех», т. е. в монастырских детенышах, а зачислять их в холопы-рабы решительно нет никаких оснований²⁸.

²⁶ Там же, стр. 285.

²⁷ Там же, стр. 285, № 1.

²⁸ Там же, стр. 289, № 12 и 13.

Детеныш, хотя его и отделяет довольно тонкая нить от деревенского кабального человека, не кабальный человек. Детеныш, как будет показано ниже, очень похож на батрака, кабальный деревенский человек — скорее на крестьянина-новопорядчика, не несущего государственного тягла. Это оторванный от условий производства земледелец, севший на чужую землю при поддержке руки, решительно не склонной выпускать свою жертву. Землевладелец, действительно, давал ему и землю, и деньги с целью сделать его рентабельным в своих хозяйских интересах.

Кабалы, опубликованные В. Г. Гейманом, иногда применяют по отношению к серебру, выдаваемому деревенским кабальным людям, термин «головное». На оборотах 9 кабал (из 24) есть пометы: «кабала головная на Лодыгине Липови», «головная с Никитина из Сергеева», «головная сельская» и т. п. На других помечается: «половничья», «кабала дворцовая» и др.

Последние термины разъясняются очень просто: кабальный человек обязуется работать «во дворце» (то же, что «во дворе»). Две из них прибавляют: «во дворце в детех». Половничья — потому, что человек поряжается в половники.

Термин «головное серебро» встречается и в других документах. В меновой тройцкого старца Геронтия с Василием Федоровичем Кузнецовым (1428—1432 гг.) читаем: «А те земли выменил есмь у него монастырю впрок, а те земли монастырские на Волоце ему и его детем впрок. А променил ему есмь те земли монастырские без серебра головного»²⁹.

Душеприказчики Ивана Михайловича Крюкова около 1430 г. дают в Сергиев монастырь село «с серебром и с животиной и з деревнями и со всем тем, что к тому селу потягло». Тут же сказано, что «серебра головного» числилось в этом селе 54 рубля новгородских³⁰.

Два крестьянина Спасо-Прилуцкого монастыря в 1595 г. заняли у «старца Дорофея монастырских казенных денег головных» и сели на полувыти монастырской земли³¹.

О том, что следует разуметь под термином кабала «головная», В. Г. Гейман высказал следующую догадку: «Очевидно, этим термином монастырские власти, весьма, впрочем, лаконически, обозначали приобретение или, точнее, «закабаление» для своего хозяйства «головой» нового работника, кабального человека, отмечая вместе с тем, что кабалы этого рода обеспе-

²⁹ Архив Троице-Сергиева монастыря (собрание С. В. Веселовского).

³⁰ Там же.

³¹ «Сборник Росс. Публ. Библ.», т. II, вып. 1, стр. 294.

чиваются лишь головами займщиков, а не каким-либо более ценным имуществом»³².

Очень ценно другое наблюдение автора. Указывая на близость фактического положения сельского кабального человека и новопорядчика-крестьянина, В. Г. Гейман подчеркивает юридическое различие этих двух явлений: «Остается разнствующим, — пишет он, — одно лишь формальное условие, но условие чрезвычайно важное: заемщик по порядной записи (т. е. крестьянин-новопорядчик. — В. Г.) платит государевы подати..., заемщик по кабале выходит из государева тягла, становится кабальным человеком, переходит, если не в состояние холопа, то, во всяком случае, в состояние зависимое, полусвободное»³³. Здесь автору можно сделать одно возражение: человек, дающий на себя служилую кабалу, из тягла не выходит, потому что он и не входил в него. Ведь служилую кабалу на себя могли давать по закону только люди «вольные», под каковыми разумелись люди нетяглые, кормящиеся случайной работой, не дававшие на себя никаких крепостей.

Итак, кабальное (по служилой кабале) серебро есть один из способов привлечения рабочих рук, в основе которого ясно просматривается принцип экономического принуждения. Вопрос об оценке этого явления упирается в нашу квалификацию общего состояния производительных сил и производственных отношений в данное время. Едва ли может быть сомнение в том, что и в конце XV в. и в первой половине XVI в. перед нами значительный рост общественного разделения труда, наличие элементов товарного хозяйства — зачаточные формы товарного производства и денежных отношений. Кабальные люди выросли именно в связи с этим процессом.

Очень интересна деловая братьев Строгановых Семена и Максима 1583 г. Хотя она относится уже к концу XVI в. и, таким образом, выходит за хронологические рамки настоящей главы, но своим содержанием может значительно подкрепить наши наблюдения над положением различных категорий работающих на хозяев людей.

Перед нами четыре деловых. Первая, от 29 сентября, касается дележа земли, варниц, рыбных ловель и другого недвижимого, а также и движимого имущества. В ней упоминаются, но не перечисляются и «жилыцы, кои пашут», и «казаки должные». Вторая, от 22 сентября, касается исключительно «людей дворовых». Третья, от 25 сентября, «дворовых кабальных людей» и четвертая, от того же числа, «должных жилыцов». Поскольку «жилыцы, кои пашут» и «казаки должные» в этих

³² Там же, стр. 280.

³³ Там же, стр. 284

документах только глухо упомянуты, а все остальные люди перечисляются поименно и распределяются по деловым между двумя братьями Строгановыми, мы вынуждены считаться только с этими последними. Тут три категории людей: 1) дворовые, 2) кабальные, 3) «должные».

Люди дворовые — это холопы. Об одном из них в деловой так и написано: «Гриша Немчин Максимовы купли». Их в общем немного: Семену по дележу досталось 10 человек, Максиму — 8. Из всех 18 холопов только у пяти не обозначены их специальности. Все остальные названы по специальностям: серебряник, 4 дьяка (один из них «дьяк малый»), рыболов, седельник, повар, 2 рудовщика, кожевник, иконник, мельник. Очевидно, из дворовых холопов Строгановы удержали за собой тех, которые были им повседневно нужны и окупали своим трудом свое содержание³⁴.

Кабальных людей досталось Семену 75, Максиму — 79, не считая жен, детей и других их родственников.

«Должных жильцов» досталось Семену 112, Максиму — точно неизвестно, так как документ с большими дефектами: в рукописи сохранилось максимовых жильцов только 29 имен; все это без жен и детей. Среди кабальных людей по специальностям у двух братьев обозначено 25 (кожевник, дьяк, 4 цыренника, 2 варничных приказчика, конюх, 2 дьячка, серебряник, 2 кузнеца, 5 плотников, 4 сапожника, плужник, портной мастер). Остальные по специальностям не обозначены.

Из «должных жильцов» по специальностям обозначено 17 (кожевник, тележник, гусельник, трубник, жерновник, 3 кузнеца, цыренник, 2 плотника, калачник, пищальник, кирпичик, езовщик, конюх, мельник).

Обо всех их в заключительных словах деловой сказано: «И кабалы есмя [должных] жильцов поделили меж себя: которые жильцы Семену достались, на тех жильцов Семену и кабальные записи и порядные старые [и новые] достались, а которые жильцы [Максиму достались], тому и кабалы старые и записи порядные старые и новые [достались]. А которые жильцы прибылые [Максимова поезде] и лета 7 тысяч... дни по Филипово заговене ле... И тех жильцов прибылых наш[их] Семенову человеку Казарину... [Максимова] человеку Ивану кожев[нику]... дслити по половинам и Каза[рину]... ных всех разделить надвое ж... [жиль]цом [ра]здавано в долг в [70]91-го

³⁴ Совершенно то же мы можем наблюдать и у других владельцев. В 1513—1514 гг. Оксинья Федорова жена Ондревича Плещеева княж Иванова дочь Олександровича дала в приданое за своей дочерью 13 холопов: слугу, повара, няню, швею, «девку к ларцу», дьячка, «детинку к постеле», хамовника, конюха, бралью скатертницу, тонкопрядицу, убрусную девку бралью и еще одну «девку» без обозначения специальности (М. А. Дьяков. Акты тяглого населения, вып. II, № 2).

и в лета 7092... ренье в дрова и в р[огожи]... промы... на жильцах выбирати свопча... ашим»³⁵.

Этот с большими дефектами конец деловой все же можно понять, особенно если сопоставить с некоторыми местами первой деловой, хорошо сохранившейся.

В этой деловой говорится: «Да мне Семену достались жильцы, кои живут на Сосовой³⁶ на посаде и на Сылве, кои живут на моей стороне на всей, и на тех жильцов порядные и долги их старые мне ж». «Да мне же Максиму достались жильцы, кои папуг на Кальине лугу и в Лотьбарех и на Сесюинине горе и на селищах и в Виляжанинове деревне, и все жильцы, кои на моей стороне папуг, и косвенские жильцы и обвинские и инвенские и яйвинские все жильцы. И на тех жильцов порядные и долги их старые мне ж; а кои долги вново даваны на Чюсовой и на Яйве и на Косве и на Сылве в дрова и в рогожи в 91 году и в 92 году, и те мне долги на жильцах выбирати свопча, а после того нам (братьям.— *Б. Г.*) долгами жилецкими не считаются в жилецких долгах в старых, и дела никому ни до ково нет, хотя кому в жильцах старово долгу и боле достанетца; а жильцов нам друг у друга не перезывати и не принимати и в долги в какой промысел мне Семену Максимовичу жильцом не давати и не ссужати да и не судити; а мне Максиму по тому ж Семеновым жильцом в долг ни в какой промысел не давати и не ссужати да и не судити; а судит кои же нас сам своего жильца». «А кои казаки должные на Чюсовой и на Сылве и на Яйве, и тех нам казаков розделити надвое, верстати казак против казака». «А как живот розделят, ино моим Максимовым людям из острога вытти на посад и жити на посаде до весны. А кои жильцы достались мне Максиму, у коих жильцов на посаде дворы есть, ино тем жильцом жити на Чюсовой на посаде и до лета 7093-го до Рожества Христова. А которые мои Максимовы жильцы захотят дворы свои перевести с Чюсовы с посаду на Усолку, и моим жильцом дворы свои перевозити. А во государском жалованье в слободах на Чюсовой и на Яйве и на Сылве соль и лодьи и хлеб всякой и сено и живот всякой и оружие боевое рушницы и затинные и зелье и свинец и доспехи и лошади и скот всякой делити пополам...»³⁷.

³⁵ Рукопись в конце сильно пострадала. Многоточиями обозначены пропуски, которые мне не удалось восстановить. Слова в квадратных скобках восстановлены мною по догадке.

³⁶ Так в рукописи вместо Чусовой.

³⁷ Архив Института истории АН СССР. Деловая Строгановых на 24 листах. Рукопись плохой сохранности. Последние 2 листа полуизорваны. В тексте попадаются ошибки и описки писца. Впервые была напечатана в моей книге «Очерки по истории феодализма в России». (Изв. ГАИМК, № 72, стр. 147—154).

Трудно, почти невозможно разобраться в том, кто по каким записям жил. Не всегда ясно, и о каких кабалах говорят деловые. Ясно только одно, что кабальные люди жили по служилым кабалам. На них мне и хотелось бы остановиться.

Кабальных людей у двух братьев — 154 без жен, детей и родственников. Собран народ со всех концов необъятной Русской земли. Тут вологжане и белозерцы, новгородцы и олончане, вычегодцы и ярославцы, кореляне, устюжане, бежичане, каргопольцы, турчасовцы, важане, калужане, холмогорцы, вятчане, тихвинцы, заонежане, угличане, поморяне, вогулы, немчины и др.

С особым вниманием прописывается происхождение кабальных людей, конечно, потому, что все они должны быть зарегистрированы у властей, где у них спрашивали, кто они и откуда родом. Ответы получались довольно точные: «из Заонежья Егорьевского погоста деревни Сафроновки», «Ильинского погоста Сердобольской волости», «олончанин Пречистенского погоста из дер. Нувилицы», «новгородец из Розважи улицы» и т. п.

Очень важно подчеркнуть то, что подчеркнуто и в деловых. Строгановы здесь рисуются не ростовщиками, помещающими под проценты свои капиталы, а людьми, приобретающими рабочую силу, которую они приобретают при помощи серебра. «А жильцов нам друг у друга не перезывать и не принимать, — оговаривают оба брата совсем как в недавнее время удельные князя между собою, — и в долг ни в какой промысел мне Семену (точно так же пишет со своей стороны и Максим. — *Б. Г.*) Максимовым жильцам не давати и не ссужати».

Деловая вспоминает и тех жильцов, которых недавно нантербовал Максим: «А которые жильцы прибылые Максимова поезде 1582—83 гг.». Тут мы встречаем и случайно уцелевшие слова «Филипово заговейно», т. е. срок всяких порядов, принятых в Пскове и, конечно, не только в Пскове.

Само собой разумеется, что Строгановы не отказываются от взыскания с этих людей долгов, но долги эти решительно не имеют самодовлеющего значения: это средство, а не цель.

Дело организовано солидно. Тут необходимы были сложные расчеты. Вот для чего у Строгановых 4 больших дьяка и один «малый», причем 4 дьяка состоят в постоянном штате — «дворовые люди» — холопы. Ими хозяин дорожит как обученными своему делу специалистами.

Не следует смущаться тем, что Строгановы делают людей юридически свободных. Ведь они делают прежде всего их долги: «и те мне (Семену. — *Б. Г.*) долги на жильцах выбирать своича, а после того (раздела. — *Б. Г.*) нам долгами жилецкими не считатися в жилецких долгах в старых, и дела никому ни до

кого нет, хотя кому в жильцах старого долгу и боле достанетца, а жильцов нам друг у друга не перезывати и не принимати...» Эти юридически свободные люди — безусловно не холопы, но свобода их стеснена условием служилой кабалы: «а полягут деньги по сроце, и мне... жити по вся дни» до уплаты серебра.

Не следует скрывать того, что многие хозяева имели тенденцию и даже просто привычку рассматривать кабальных людей наряду со своими полными холопами и, не будучи особенно щепетильными в юридической терминологии, часто трактовали их как своих холопов, писали в своих завещаниях об отпуске их на волю вместе с холопами полными. Только немногие из завещателей писали правильно о выдаче своим кабальным людям их кабал.

Особенно винить их в злоупотреблении терминологией трудно, так как кабальный человек, не способный выплатить свой долг, действительно ждал прощения долга как освобождения. В конце 80-х годов XVI в. положение кабальных изменилось: они стали кабальными холопами, о чем речь впереди.

Попробуем подвести итоги.

1. Под термином «серебренник» скрывается несколько категорий феодально-зависимых людей, зависимость которых устанавливалась через «серебро», т. е. деньги, выдаваемые ищущему работу лицу вперед под условием уплаты их с процентами (серебро ростовое) или же работы за проценты (серебро издельное).

2. В понятие «издельного серебра» иногда входит и денежная рента с крестьян.

3. Главная масса крестьян-издельников — это люди, привлеченные за серебро землевладельцами к обработке их полей.

4. Деньги, полученные при этом работником, с середины XV в. начинают прикреплять серебренника к личности хозяина.

5. Серебренник-издельник несколько похож на зависимого крестьянина, но отличается от него прежде всего тем, что не тянет крестьянского тягла.

6. К разряду серебренников относятся и люди, работающие на своих хозяев по служилой кабале.

7. Зависимость, возникающая из серебра, явление старое, известное и в Киевской Руси.

8. В конце XV и в первой половине XVI вв. оно приняло значительные размеры в связи с ростом внутреннего рынка, имущественным расслоением деревни, увеличением спроса на рабочие руки.

9. Этот спрос на рабочие руки и распространенность службы по служилой кабале заставляют правительство принимать меры к охранению кадров, необходимых для службы в армии.

10. В указанное время зависимость по служилой кабале не может быть названа холопской-рабской. Эта зависимость очень близка к «добровольной» службе, т. е. к найму.

11. Фактическое положение кабального человека (большие трудности в уплате долга) очень часто делало его зависимым до конца жизни, что и дало повод в быту рассматривать его как холопа.

12. Деревенская служилая кабала имеет много общих черт с крестьянской ссудной порядной записью, с той большой, однако, разницей, что новопорядчик-крестьянин либо непосредственно после порядка, либо по истечении льготных лет включается в крестьянское тягло, а работник по служилой кабале тягла не тянет.

5. Половники

Нам уже приходилось встречаться с половниками новгородскими и псковскими. В Псковской Судной Грамоте экономическая и юридическая природа псковского половника обрисована довольно четко.

Чем отличается от псковского половника половник московский и отличается ли он от него, с исчерпывающей убедительностью сказать трудно, так как источники о половниках Русского государства, во-первых, главным образом говорят о северной части государства, где общественные отношения имели некоторое своеобразие по сравнению с центром, и, во-вторых, источники, которыми мы располагаем, в большей своей части сравнительно поздние: половник изображается в достаточной полноте только в документах XVII в. или самого конца XVI в.

Документы более ранние тоже знают половников, но не дают достаточного материала для суждения о них.

В известной грамоте белозерского князя Михаила Андреевича середины XV в. по жалобе Кириллова монастыря имеется подробный перечень людей, которых игумен получил право не отпускать до Юрьева дня осеннего, а при отпуске взysкивать с них серебро. Все эти люди подведены под общий титул серебряников. Среди них названы и половники. Московские вел. князья Василий Васильевич Темный и его сын Иван Васильевич твердо держались того же правила ¹. Последнего полностью придерживался и вологодский князь Андрей Васильевич ².

Конечно, не случайно попали половники в эту категорию. Это все обедневшие люди, вынужденные экономической необходимостью искать себе прибежища у различных хозяев, нуждающихся в рабочих руках.

¹ ААЭ, т. I, № 48, 49, 73.

² ДАИ, т. I, № 198.

В отводной грамоте землям Кирилло-Белозерского монастыря 1482 г. мы можем видеть нескольких половников, выступавших в качестве свидетелей и рассказывавших о себе интересные для нас подробности. «И Васько так рек: мне, господине, от роду лет с полосьмидесят (75), а отец мой, господине, жил у Есипа (Пикина. — *Б. Г.*) в той деревне на Колкаче да *половничал на Есипа*, а яз, господине, жил у Есипа со отцом своим да после отца своего жил да *половничал на Есипа*, а Есип, господине, сам завсе³ во дворе жил у князя у Андрея Дмитриевича и у князя Михаила Андреевича, а ту, господине, деревню Колкач велел расставить надвое да посадил, господине, деда моего Васька Телибанова. И дед мой, господине, *на Есипа половничал*. Потому, господине, зовут другим Колкачем, а была та, господине, одна деревня Колкач. А Сущево, господине, да Таилигу Есип розделал на лесе своими людьми *да посаждал половников*»⁴.

Сообщение действительно любопытное. Дед, отец и внук половничают у одного и того же землевладельца Есипа Пикина. Последний — несомненно деятельный хозяин. Мелкий, но энергичный землевладелец, один из очень и очень многих, конечно, не шел ни в какое сравнение с монастырем или боярином. Это средней руки служилый человек белозерского князя.

Охваченный общим подъемом сельскохозяйственной деятельности, он делит деревню надвое, расчищает лес под пашню. У него есть «свои люди», но их, очевидно, недостаточно. Он ищет работников для выполнения своих хозяйственных планов и, находя их, сажает на положение половников.

Старик Васько рассказывает подробно только о себе, своем отце и деде, но упоминает и о других половниках, которых Пикин «посажал» на новых из-под леса рощистях. Очевидно, эта форма эксплуатации вполне удовлетворяла Пикина, раз он к другой и не прибегал.

Можно, конечно, высказать догадку о причинах предпочтения именно этой формы, но чего-либо вполне определенного о правовом положении половников этого периода сказать до сих пор никому не удавалось, несмотря на ряд попыток в этом направлении, и, может быть, именно потому, что под половничеством скрывается несколько разновидностей более или менее близких между собою категорий вступающих во временную зависимость людей.

А. Я. Ефименко в своей книге «Исследования народной жизни» касается вопроса о половниках XVI в. Она считает их свободными людьми, не имевшими своей земли и поэтому сажавшимися на чужую. Далее она высказывает мысль, что

³ Завсе (ср. польск. *zawsze*) — постоянно.

⁴ Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв., М., 1883, стр. 111.

богатые и сильные землевладельцы, если бы захотели, всегда нашли бы средства закрепить их за собой. Но они этого не делали, как думает А. Я. Ефименко, потому, что «прикрепить половника к земле значило признать за ним право на землю, равное праву других крестьян, т. е. поступиться... бесспорной и неотъемлемой частью своих собственных прав». Это значило, прибавлю от себя, лишиться преимуществ иметь у себя человека, вынужденного соглашаться на тяжелые условия жизни и работы, к тому же человека, с которым очень легко было в случае желания или хозяйственного расчета и расстаться, что не так легко было сделать с крестьянином, стоявшим на государственном фискальном учете. «Половник, или третник, обыкновенно не тяглец. Если это положение и не было законом, не допускавшим исключений, то во всяком случае оно было общим правилом». Половник садится «всегда... на время по договору»⁵

Вот половничьи условия в главных чертах, как изображает их А. Я. Ефименко: «Труд и орудия целикина половника: семена или все половника, или только половина, другая половина — владельца. Хлеб делится мерою на гумне пополам: половина порядчику (половнику. — Б. Г.), «на семена и на работу», половина владельцу «на землю и на разрубь». Так же пополам делится кучами и сено. Для дележа хлеба и сена половник обязан приглашать владельца, который имеет право выбирать лучшую половину. До зимнего пути половник обязан беречь владельческий хлеб и сено; по зимнему пути он должен вымолоченный и провеванный в присутствии владельца или его приказчика хлеб и сено отвезти к владельцу. Солома и мякина — половнику»⁶

А. Я. Ефименко имеет в виду половников севера, где положение крестьян различных категорий и даже эти категории имели некоторое, хотя и не очень значительное своеобразие. Однако тип половника, изображенный ею по северным материалам, может послужить разъяснением положения половника и в центре Русского государства.

А. Я. Ефименко, исследуя северные документы, не могла не заметить, что между половником в узком смысле термина и крестьянином-порядчиком разница не всегда бросается в глаза. Поэтому она стала трактовать их вместе и тем самым в сущности отошла от решения специальной задачи.

А. А. Спицын в своей работе «Оброчные земли на Вятке в XVII в.» дает ценные наблюдения над жизнью половников XVII в. Время достаточно позднее, чтобы с фактами этого пе-

⁵ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, стр. 271, 278, 279, 289.

⁶ Там же, стр. 289.

риода считаться в настоящей главе. Но если принять во внимание известные нам изменения в судьбе половников, то с оговорками можно воспользоваться и этим поздним материалом. Главное изменение произошло в том, что половников в XVII в. стали все чаще включать в тягло и тем самым готовить их слияние с общей массой крепостного крестьянства. Однако это слияние могло произойти только при условии обзаведения половника своим хозяйством. Но А. А. Спицын имел все основания считать и в XVII в. их безземельными. Он указывает на очень большую распространенность половничества уже в самом начале XVII в. «В 1615 г. почти все деревни Успенского монастыря обрабатываются половниками; среди 140 дворов Хлыновских монастырских вотчин этого года крестьян не половников упоминается очень мало... В 1615 г. в деревнях и починках Березовского стана, принадлежащих протопопиче, дьякону, городовому приказчику и подьячему, живут исключительно половники...» Автор, приведя несколько подобных примеров, делает заключение о том, что половники — самый распространенный тип безземельного крестьянства⁷. Автор не делает никакой оговорки по поводу внутренней противоречивости этого определения. Строго говоря, он не останавливается на определении половничества.

М. А. Дьяконов в своей книге «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве» посвятил специальную большую главу половникам поморских уездов. В русской домарксистской литературе это наиболее обстоятельная попытка решения вопроса. Но и М. А. Дьяконов главное внимание обращает не на происхождение половничества, не на место половника в производственных отношениях, а на распространение на них крепостного права, возникновение которого, идя за В. О. Ключевским, М. А. Дьяконов объясняет задолженностью.

М. А. Дьяконову о половниках удалось найти не мало ярких и новых источников. Среди приказных дел б. Московского архива Мин. иностр. дел он нашел, например, челобитную о беглых крестьянах гостя Кирилла Босова, где он изображает, между прочим, и роль половников в больших хозяйствах XVII в. Кирилл Босов тут пишет: «А в наших, государь, местах живут у нас в деревнишках наших крестьяне твои государевы *вольностью на урочные лета*, кто на сколько лет уговоритца жить, иные на 2 и на 3 годы, как кому в которых местах поживетца. А как, государь, им урочные годы отойдут, и оный, государь, переходят в иные деревни к иным хозяевам; а кому, государь, не поживетца, и они и до урочных лет отходят. А сильно,

---

⁷ А. А. Спицын. Оброчные земли на Вятке в XVII в., Казань, 1892, стр. 34—35.

государь, у нас никою не держат; а живут, что наймиты. А хлеб, государь, пахут на своих конях исполу: нам половина, а им другая. А твои государевы всякие подати во всякие поборы с тех своих деревень платим мы, холопи твои, своими деньгами с черными крестьяны вместе»⁸. Этот и другие не менее яркие и недвусмысленные документы, конечно, позволяют автору сделать совершенно точный вывод о том, что половники — люди «недостаточные» (иначе они бы не шли на работу к хозяевам), что они живут по срочному договору, что они имеют право уходить и до срока, конечно, с соблюдением некоторых условий, что они работают у хозяев исполу, частично своим инвентарем, что они, наконец, не тянут тягла.

М. А. Дьяконов и делает эти выводы. Но затем у него по вопросу о свободе половников от тягла начинаются колебания. Он находит несколько указаний относительно тягла половников, с чем, конечно, не считаться нельзя, и приходит к компромиссному заключению. «Быть может,— пишет он,— такой порядок (т. е. свобода от тягла.— Б. Г.) был господствующим, но все же этот факт отнюдь, по нашему мнению, не подтверждает мнения, что половники не входят в состав тяглого населения поморских уездов»⁹.

Необходимо иметь в виду, что М. А. Дьяконов изучал половников именно поморских уездов и что в других местах условия половничьего договора могли быть несколько иными¹⁰.

К. А. Неволин половничество рассматривает как разновидность найма имущества. «Наем земель и угодий крестьянами в древние времена,— пишет он,— имел несколько видов: 1) наем половнический; 2) содержание из платежа определенного оброка; 3) производство сельских работ с правом на известную часть произведений земли; 4) то же, но с предварительным при том еще займом денег и хлебных зерен, который обеспечивался свободою работника»¹¹.

Если смотреть на половника с правовой точки зрения, то половник как будто похож на арендатора чужого участка земли, платящего за право пользования землею частью урожая. Однако это прежде всего не капиталистический арендатор, возможный лишь при условии капиталистического сельского хозяйства, когда арендатор становится эксплуататором прибавочного труда наемных рабочих.

⁸ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел. в Московском государстве, стр. 152—153. Ссылка на Моск. архив Мин. ин. дел, Приказные дела № 52, 1646 г.

⁹ Там же, стр. 163.

¹⁰ Там же, стр. 191.

¹¹ К. А. Неволин. История рос. гражд. законов, т. III, стр. 113, прим. 427.

Половник наших памятников XV и первой половины XVI вв. в этом отношении ничего общего с капиталистическим арендатором не имеет. Это либо обедневший крестьянин, вследствие бедности не могущий справиться со всеми крестьянскими обязанностями, либо «вольный», т. е. лишенный средств производства человек. Объединяет их то, что они вынуждены идти на пелегкие условия, предлагаемые им землевладельцем, нуждающимся в рабочих руках. Некоторые источники так и называют половника «наемным» человеком. Крестьянин в большинстве случаев становится половником тогда, когда у него ничего уже не было или было совсем недостаточно для поддержания собственного хозяйства. Этот обедневший человек шел к землевладельцу не с тем, чтобы эксплуатировать чужую землю в своих интересах и получать с нее прибыль, а для того, чтобы прокормиться. Он был нужен землевладельцу не потому, что землевладелец собирался получать с него земельную капиталистическую ренту, а в качестве рабочей силы для обработки его земли.

Развитие половничества идет рука об руку с увеличением мобилизации недвижимости. В местах, где землевладение крестьян устойчиво, нет половников; наоборот, там, где главное основание крестьянского владения — купчие крепости, т. е. там, где идет значительная мобилизация крестьянской земли, половников очень много¹². Государевых податей они, как правило, не платят, потому что платить не могут. Если их иногда привлекают к этим обязанностям, то чаще всего как вспомогательную тяглую силу к основной крестьянской, и в размерах, значительно уменьшенных. В известной новгородской грамоте на «черный бор» первой половины XV в., где мы имеем таксу податных тягот разных категорий тяглового населения, между прочим, значится: «в соху два коня да третье припряжь... Плуг за две сохи... четыре пешцы за соху... а кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи»¹³, т. е. тягловая мощность половника по отношению к обыкновенному крестьянскому тяглу хозяйству и к более интенсивному, где работает плуг, находится в пропорции 1 : 2 : 4¹⁴. В жалованной грамоте тверского князя Бориса Александровича (1437—1461 гг.) Отрочу монастырю по этому предмету мы имеем еще более яркое замечание: «придет к нам коли из Орды посол силен, а немочно будет его оправдати, ино тогда архимандрит с тех сирот

¹² П. Иванов. Древности. Изд. Археогр. ком. Моск. арх. общ., т. I, стр. 435—437.

¹³ ААЭ, т. I, № 32.

¹⁴ Не следует, однако, забывать, что вел. кн. Василий Васильевич по грамоте на «черный бор» получил, повидимому, право на повышенное обложение новгородского населения. Это было одним из средств умаления суверенитета Новгородской республики.

пособит в ту тяготу, с половника даст по десятку тверскими кунами»¹⁵. Только в крайнем, стало быть, случае прибегают к тягловой помощи половника. Значит, за ним утвердилась прочная репутация человека маломочного и к тяглу не всегда способного.

Если мы примем во внимание условия, породившие этого рода социальное явление, то нам будет вполне понятна экономическая несостоятельность половника. Это несомненный продукт разорения и обезземеления крестьянства. Достаточно указать на пример Никиты Строганова, поотнимавшего у крестьян половину земли, отчего они вынуждены были «за великую нужу... в тех вотчинах (у Строгановых же.— *Б. Г.*) половничать»¹⁶. Землевладелец-феодал в этом случае не терял ничего, скорее выигрывал, так как настоящий крестьянин половины урожая своему хозяину не давал — это раз, и, во-вторых, за половника хозяину обычно не приходилось платить податей. Некоторые землевладельцы, доведя крестьян до тяжелого положения, говорили им прямо: «будет де вам жить во крестьянех невозможно, и вы де подайте челобитную..., чтоб быть в половине, а не во крестьянех». Из крестьянских семейств дети, братья, племянники часто уходят в половники для заработка. Их родственники объясняют эти отходы тем, что «живучи им в одном месте, до остатка оскудать, и для того де они и отходят в половники...» Половничество, по крайней мере на севере, настолько распространилось, что в середине XVII в. Архангельский монастырь, например, вел свое сельское хозяйство исключительно посредством половников. «У нас..., — говорили монахи, — в монастырской вотчине данных и вотчинных крестьян нет, пашут половники, рядятца погодно»¹⁷. Монастыри Гледенский, Телегов и Прилуцкий заявляли в 1537 г., что «пашут у них... монастырские земли исполу по уговору половники и наемные люди, а монастырских крестьян и бобылей нет»¹⁸.

Обезземеленный крестьянин шел в половники иногда на свой же старый участок¹⁹, и это бывало чаще всего тогда, когда крестьянин терял свою землю по невыкупленной закладной. Братья Давыдовы заняли у Федора Пыхова 100 рублей по закладной своей земли и при условии пахать эту землю из половины урожая. Не будучи в состоянии уплатить долг, они потеряли землю и продолжали оставаться на ней на положении половников, пока их не выгнал хозяин совсем и на их место не порядил новых половников.

¹⁵ ААЭ, т. I, № 34.

¹⁶ АИ, т. III, № 286.

¹⁷ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения, стр. 177, 178.

¹⁸ РИБ, т. XII, стб. 201.

¹⁹ Там же, стб. 181.

Чрезвычайно яркую картину рисует нам документ сравнительно поздний (1676 г.), но не лишенный значения и для объяснения фактов более ранних. Устюжские крестьяне жалуются на посадских людей: «крестьяне у посадских людей во всем порабощены», посадские земские старосты крестьян «гордо стию своею» «теснят и вменяют себе вместо рабов своих», «мочью своею и великими пожитками у нашей братья у скудных крестьян покупали себе лучшие деревни в уезде». Новые землевладельцы продолжали утеснять крестьян и принудили их «последние деревнишки им позакладывать на малые сроки, а в закладные писать от скудости двойные и тройные цены», отчего крестьянам пришлось идти к ним же в половники, а некоторых из них новые хозяева и в половине у себя не держат, и они «от таких налог врознь разбрелись безвестно»²⁰.

Появление новых землевладельцев из среды посадских и крестьянства — дело обычное в XVI—XVII вв. на севере, где еще продолжался процесс присвоения феодалами крестьянской земли, в значительной мере законченный в центре. В итоге бывший недавний крестьянин должен был искать новых форм существования, и половничество являлось одной из их разновидностей. Этот факт хорошо отмечен М. А. Дьяконовым: «Обезземеление крестьян всюду следовало за проникновением и распространением владельческих элементов в крае»²¹. «Большинство... более или менее крупных хозяйств сложилось постепенно путем медленного сосредоточения в одних руках мелких крестьянских участков»²².

Не случайно половники нашими документами иногда называются наймитами, потому что половник действительно больше походил на наймита, чем на арендатора, даже в том ограниченном смысле слова, о котором говорилось выше. Мы уже видели, как гость Кирилл Босой изображает положение половников в своих владениях: «сильно... у нас никово не держат. А живут, что наймиты».

Очень интересные разъяснения делает игумен Троицкого Гledenского монастыря²³ Иона. Желая добиться возвращения конфискованной у монастыря земли, игумен пишет царю Алексею Михайловичу: «данных земель и крестьян за нами нет ничего, как по иным монастырем данные земли и крестьяне есть, никаких торгов (тут игумен, несомненно, преувеличил.— Б. Р.) и промыслов и рыбных ловель и соляных варниц нет же».

²⁰ С. М. Соловьев. История России, кн. III, стр. 728.

²¹ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения, стр. 188.

²² Там же, стр. 180.

²³ При слиянии рр. Сухоны и Юга, основан в XII в.

Монастырь-де лишь скупал землю у тех, кто вынужден был ее продавать («продавцы те свои деревни продавали волею от неизможения и от недостатков, что им наших (государевых.— *Б. Г.*) податей платить нечем»). Из царской резолюции на это челобитье видно, что монастырь приобретал землю и по закладным («...с их купленных и закладных деревень велел им платить...»). Резолюция говорит и о крестьянах («...и всякие наши службы половником их и крестьяном служить с волосными крестьяны вряд...»). Далее монастырь указывает на полную свою исправность в платеже всех государственных податей и в выполнении государственных повинностей. Если же и есть где-либо в их владениях «пустота», то монастырь-де в ней неповинен: эти пустые деревни от монастыря «удалели верст по 100 и по 200», так что монастырю и неизвестно, что там делается. Во всяком случае пустота эта происходит не от монастырского насилия: «от них (монастыря.— *Б. Г.*) пустоте быть неотчего: никакого утеснения и обиды и налоги тем волостем от них нет, и те их деревни сошлись с ними не смежно подалеку, и ни по что в те их волости не въезжают и никого от себя ни по что не посылают и из тех пустых деревень за ними крестьян нет». Стало быть, как старается убедить царя игумен, пустота образовалась во всяком случае не в результате вывода оттуда крестьян на другие монастырские земли. У монастыря, как утверждает игумен Иона, вообще никаких крестьян нет. «А пашут те их черные покупные деревни наемные люди, договораяся на год и на два и на три, недостаточные люди, а хлеб всякой и сена делят с нами: себе емлют за работу половину, а другую дают им (монастырю.— *Б. Г.*). А опроче того хлеба иного ничего с них к ним не идет. А что де от *половников* им хлеба достанетца, и с того хлеба продав, платили они всякие наши подати, да тем же строилось наше богомолье..., а достальным хлебом питались сами и с монастырскими вкладчики и с работники и одежду и обувь на себя на немощных братью и на вкладчиков клали»²⁴.

Гледенский монастырь и оправдывается, и жалуется, и просит. Но интересна его аргументация: у него нет вложенных в монастырь земель, есть только купленные, нет крестьян, есть только половники. Эти аргументы оказались убедительными, и правительство вернуло монастырю отобранные у него земли. Стало быть, землевладелец, у которого земли населены крестьянами, считался обеспеченным более устойчиво (речь идет о XVII в., когда крестьяне были уже признаны крепкими), чем землевладелец, который вынужден был искать рабочие руки и привлекать к себе людей «недостаточных». Стало быть, феодальный способ производства был еще достаточно крепок,

²⁴ РИБ, т. XII, стб. 262—263.

несмотря на то, что в его недрах стали проявляться признаки разложения. Половник в данном документе представлен с большой отчетливостью. Недостаточность принуждает его садиться на чужую землю, идти «в наем» на определенный срок.

Несколько половничьих северных порядных, правда, более поздних, позволяют нам ближе всмотреться в положение северного половника.

Одна из наиболее ранних опубликованных половничьих порядных относится к 9 мая 1574 г. Иван Федоров сын Межников с сыном порядились в половники сроком на 5 лет в Кириллов Белозерский монастырь. По порядной он обязался «пахати, орати и сеяти силою своею и лошадьми своими ж..., а семена класть в ту 5 лет ржаные, житные и овсяные Кириллова монастыря... и огороды нам на той деревне в ту 5 лет на исполовь живучи старые починивати, а вново, где надобет, ино ставити и деревни не заустошить». Когда хлеб созреет, «жати и молотити тот хлеб своею ж силою и семена з гумна отдавати нам Кириллова монастыре слуге... ежегод, а приполон за семена всякого обилья что бог пошлет, и нам делити пополам и сено и солома и мекину делити пополам же, а дань и оброк и всякие подати государские платити с тое деревни с обжи без полчетверти *пополам же* в ту 5 лет». Далее говорится о праве покинуть деревню по истечении пятилетнего срока ²⁵.

Вот порядная запись от 29 октября 1599 г.: «Се яз Родион Иванов сын Бошарин, Вондокурского стану *крестьянин*, поредился есмь с сыном своим с Михайлом... у протопопа Костянтина... на половину деревни Кошкина в Вондокурском стану... А пахати нам та половина деревни половником на конех на своих, и снасть всякая деревяная наша половничья; а семена ржаные и еровые и всякие ватаманские, сколько земля подоймет. А за семена, что бог пошлет приполону, и мне половину с сыном делити с ватаманом приполонной хлеб пополам, а гуменной корм половнику весь на себя. А сена, что есть у тое полудеревни Кошкина, и то сено половнику все на себя. А порядился есмь яз половник с сыном на 3 годы, ряд и выряд Юрьев день осенней... А пойду из деревни яз половник с сыном, отжив урочные лета, и до ржи и паров мне половнику с сыном дела нет. А дань и оброк и всякие государевы разметы ватаманские платити протопопу... *мимо половника* (курсив мой. — Б. Г.). А хлеб всякой приполонной возити мне половнику с сыном на Устюг к протопопу с братьею или где они повелят, а мимо Устюг нигде не возити. А мельница у тое полудеревни... и что бог пошлет у тое мельницы денег от молотья, и те деньги делити

²⁵ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, в. 2, стр. 100.

половнику с ватаманом пополам; а что попортится у мельницы, и починивать та мельница половнику своими деньгами»²⁶.

Некий Ждан Алексеев сын Окулов с сыном Семеном 10 января 1622 г. поряжаются в Гledenский монастырь «пахати деревню Заболотье на своих конях, на двух лошадях: всякая снасть деревенская, — пишет Ждан, — моя половничья, а семена ржаные и яровые всякие троецкие... а за семена, что бог пошлет приполону, делити пополам». В конце порядной имеется важное пояснение: «гобины не стравити, стравленное мое половничье, а троецкое цело». «А порядилися есми на 3 года... А подмогу есми взяли половники 2 руб. денег да 6 мер ржи, да 8 мер овса. Да поставить нам, половникам, прияду: по 200 жердей на всякий год вывести и в огород поставить жерди... да высечи... куст полста сажен, в гроды сметати да и выжечи (идет перечень других работ)... А не зделаем мы половники того прияду, ино дати деньгами за прияд 3 рубля». На обороте: «Да мне же половнику у ключника коровы доити, да корм ключнику на двор возити без ослушания и ключника слушати...»²⁷. Подмога — 2 руб. деньгами, 8 мер овса и 6 мер ржи были возвращены половниками в рассрочку. Последний взнос был сделан 30 ноября 1625 г. Надо думать, что либо срок порядка продлился на лишний год до момента уплаты долга, либо же половнику, что вероятнее, была предоставлена рассрочка на год.

«Крестьяне» Ферапонт Волхин с сыновьями 27 ноября 1648 г. порядилися половничать к протопопу на пустую деревню на 5 лет «на своих лошадех» и на своей «снасти» железной и деревянной. Волхин взял «не в отдачу 4 рубли денег» да подмоги 8 руб. и обязался выполнить очень большую работу²⁸.

«Крестьяне» Гаврило да Дмитрий порядилися половничать к соборному протопопу на две трети деревни Шустовой сроком на 4 года, взяв на себя большие обязанности по устройению двора и земледельческому хозяйству. «Да нам же половникам, — приписано на обороте, — на всякое зверье ходить, как хозяева повелят, не ослушаться». О деньгах, взятых вперед, ничего не сказано²⁹.

«Крестьянин» Спиридон Евстафьев сын Леухиных Ахренской волости порядился в Троицкий Гledenский монастырь на 3 года на четверть деревни Пожарище, на ту самую землю, на которой он и будучи крестьянином сидел («что преж сего я ж пахал»). В качестве половника он обязуется работать на монастырских лошадях, ральники, хомуты и сани — тоже

²⁶ РИБ, т. XII, стр. 140—141.

²⁷ РИБ, т. XIV, стб. 877—878.

²⁸ РИБ, т. XII, стб. 249—252.

²⁹ РИБ, т. XIV, стб. 980—982.

монастырские, а его, половника, только соха, борова, косы и серпы. Очевидно, это обедневший крестьянин, вынужденный переходить из крестьянства на положение половника.

В его порядной в половники имеется важная деталь. После перечня предметов, взятых им в подмогу (деньгами полтина, ржи 4 меры, овса 5 мер и хлеба, не указанное количество) написано: «а те подможные деньги и хлеб переведены из старые порядные в сию порядную»³⁰. Его первая порядная, надо полагать, была не половничья, а крестьянская (потому он и называет себя крестьянином). Не справившись с крестьянскими обязанностями, он решил перейти в половники.

В чем же он выиграл при переходе из одного состояния в другое?

Общее мнение было таково, что в крестьянстве жить сложнее и труднее, чем в половниках, но, с другой стороны, для крестьянина это несомненная деградация. Поскольку возможно было, крестьянин держался за свое крестьянство. Только «за великую нужу» крестьянин переходил в половники.

Весьма показательное в этом отношении дело разбиралось в судном приказе вологодского епископа в 1672 г. Епископские крестьяне обвиняли приказчика в вымогательстве и других преступлениях. Они называют себя «достальными последними и разоренными крестьянишками» (довел-де их до такого состояния приказчик). Заставив трех крестьян дать на себя вымученные кабалы на сумму около 20 рублей, он тем самым поставил крестьян в очень тяжелое положение. Они в своем челобитьи просят епископа об этих вымученных кабалах указ свой учинить, «чтоб нам, сиротам твоим, от тех их намученных кабал в конец не погибнуть и от твоей святительской отчины от крестьянства не отбыть и в конец не погнуть». Крестьяне боятся «отбыть крестьянства». А приказчик, виновник их бедствий, дает им совет: «будет-де вам жить во крестьянех не возможно, и выде подайте челобитную такову ж, какову подал Иван Петров, что быть в половине, а не во крестьянех»³¹. Крестьяне расценивали этот совет, как явное издевательство.

Облегчение при переходе из крестьянства в половничество могло быть и было прежде всего в избавлении от государственных податей. Деградация состояла в том, что крестьянин, попадая в половники, терял свою хозяйственную самостоятельность и превращался в работника, работавшего главным образом на хозяина.

Вот одна из половничьих порядных, подробно изображающая обязанности половника по отношению к хозяину.

³⁰ РИБ, т. XIV, стб. 968.

³¹ РИБ, т. XIV, стб. 980.

Тороп Лукоянов сын Виравчев с детьми и Артемий Фомин сын Юрилов в 1634 г. порядились в Гледенский монастырь в половники. Тороп с детьми на своих трех лошадях и Артемий на одной должны: 1) сеять, орать и пр. пашню, огородить ее, возить удобрение, словом, «всякое дело делать деревенское»; 2) коноплиник и огороды и капустник сделать; 3) сено косить и впрок заготовлять. Все это надо делать аккуратно: погбшее от небреженья идет в счет половничьей части продуктов (ср. «целое — троюдкое, а стравленное — наше половничье»); 4) кусты «причищать» под рецу; 5) рубить в лесу бревна для строения избы; 6) бревна из лесу вывозить; 7) избы поставить, покрыть драгницами и снаружи и внутри отделать ее тцательно; 8) поставить сарай; 9) подготовить из-под леса землю к новой пашне; 10) делать крупу; 11) сечь жерди и вывозить из лесу и делать изгороди; 12) ключнику доставлять дрова и лучину («без дров и без лучины ключника не держать, точно тако же и без сена»); 13) доить коров ключниковых; 14) мыть платье на старцев и на бельцев; 15) хлеб на них печь; 16) два раза в год ездить на своих лошадях, куда монастырь распорядится; 17) хлеб возить к речным судам и грузить; 18) ходить на монастырское сделье «без ослушания, как позовут ключники». Все эти работы половники делают на своих харчах. По отсиденьи срока (в данном случае 4 лет) половники должны вернуть подможные деньги и хлеб, кроме того, что они ежегодно обязаны отдавать половину урожая хозяину. На порядной есть помета, что по истечении 4 лет Артемий заплатил и отработал все, что ему полагалось, а Тороп не смог этого сделать и переписал свой долг в новую порядную уже на другую деревню того же монастыря³².

Положение половника, конечно, было нелегким. Хозяин старался выжать из него как можно больше и при составлении порядной стремился оговорить буквально каждую мелочь.

Порядная Ивана Ярофиева сына Исаковых была уже составлена, написана и подписана. Обозначено было, что «порядную писал монастырский дьячек Иванко Шаров сын Пеунов лета 1742, марта в 8 день». Монастырский порядчик, в данном случае представитель монастыря, вспомнил, что не вписал еще кой-чего, и уже в конце акта появилась приписка: «Да пролубь нам (половникам. — Б. Г.) на скот делати на монастырской на всякой день»³³.

То же мы видим и в другой порядной 1622 г. Документ был написан. В конце акта, как всегда, подписался и монастырский

³² РИБ, т. XIV, стб. 948—955. Пометки о выплате денег, взятых при порядке, встречаются не раз. См. РИБ, т. XIV, стб. 878 и др.

³³ РИБ, т. XIV, стб. 946.

дьячек, составитель документа, проставлена была и дата. А затем уже на обороте порядной еще прибавлено: «Да мне же, половнику, у ключника коровы доить, да корм ключнику на двор возити без ослушания и ключника слушати, ни в чем не отретца. Да мне ж, половнику, возле поля закрайки сечи, а сеяти мне половнику по тем закрайкам на себя»³⁴.

Какой же вывод мы можем сделать на основании рассмотрения порядных?

Половник поряжается всегда на определенный срок, часто обязуется работать на своих лошадях. На обзаведение дается ему ссуда с условием ее погашения. Хозяин, кроме сделав, получает половину урожая, причем оговора о том, что стравленное — половничье, а целое — хозяйское, обнаруживает тенденцию хозяина получить половину не подлинного урожая, а того урожая, который должен получиться при наиболее благоприятных для хозяина условиях, т. е. речь идет не столько об урожае, сколько о вспашке половины участка на хозяина под условием предоставления второй половины работнику (всякая потрава падает на половину работника). Эта половина поля, предоставляемая половнику, есть не что иное, как «заработная плата» за весь его разнообразный и тяжелый труд. Если с первого взгляда может показаться, что половник — «арендатор», то по ближайшем рассмотрении он оказывается очень близким к наемному на известный срок работнику, вынужденному наниматься на очень тяжелых для себя условиях. И это положение роднит его не с крестьянином, а с кабальным деревенским человеком, относимым нашими источниками к категории «серебреников».

Не удивительно поэтому, что землевладельцы стараются привлекать на свою землю половников разными способами, и в том числе выдачей им ссуд. По этому предмету М. А. Дьяконов решительно утверждает, что «большинство половничьих порядных... заключены с выдачей порядчикам подмоги хлебом и деньгами в размере от полтины до 20 рублей»³⁵. Возможность уплаты долга определяет часто и срок пребывания в половниках. «И впредь нам, — пишут половники, — на него исполу пахать по тому ж против сей записи по кех мест те ссудные деньги за нами, исполщиками, побудут»³⁶. Стало быть, половник часто бывал в положении кабального деревенского человека — серебреника. Половники в серебре очень хорошо известны в грамотах белозерского князя Михаила Андреевича

³⁴ РИБ, т. XIV, стб. 878.

³⁵ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения, стр. 198.

³⁶ АИ, т. III, стр. 240.

и вел. кн. Василия Васильевича XV в. и др.³⁷ В одной духовной начала XVI в. некий Федор Акинфиев в перечне своих должников обозначил между прочим: «взяти ми на Июдке половничих кун рубль...; взяти ми на Федьке половничьих кун рубль; взяти ми на Коне рубль половничьих кун; взяти ми на Ефиме на брата на его на Макаре 30 алт. без гривны половничьих кун...»³⁸. Феодал-земледелец, давая ссуду половнику, тем самым превращал его в работника, способного вести сельское хозяйство и исполнять ряд других работ, с ним так или иначе связанных, на условиях более тяжелых, чем обычное положение крестьянина.

В XVI в. половники либо разделяют обычную судьбу новопорядчиков, превращаясь в старожильцев, либо продолжают оставаться на положении временно зависимых людей. Часть их, наиболее бедная, переходила на иждивение хозяина и за свою работу получала от него «хлеб помесечно»³⁹, т. е. приближалась к положению наемных рабочих.

В заключение этого очерка считаю необходимым еще раз оговорить, что большая часть наличных источников о половниках падает на XVII в., т. е. на время, настоящим очерком не предусмотренное. Это невольное отступление от плана книги вызвано, с одной стороны, необходимостью, так как за XV—XVI вв. источников, позволяющих определить сущность половничества, слишком мало, а с другой стороны — и некоторой уверенностью, что природа половника отличается некоторой устойчивостью, что половник XVI в. ничем принципиально не отличается от половника XVII в.

Нас интересует не только экономическая и правовая сущность половничества, но и степень его распространения.

С конца XV в. появляются в общественной жизни Руси условия, увеличивающие как спрос, так и предложение рабочих рук «вольных людей». Этот спрос удовлетворялся в феодальной форме, в которую облекался наемный труд.

Попробуем резюмировать общие выводы о половниках.

1. Половничество — явление старое, но оно заметно стало расти со второй половины XV в. в связи с ростом товарно-денежных отношений и имущественным расслоением деревни.

2. В половники идут либо вольные люди, лишенные средств производства, либо обедневшие крестьяне, не могущие справ-

³⁷ ААЭ, т. I, № 48.

³⁸ АЮ, № 414, стр. 441.

³⁹ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 203. Автор приводит очень интересную выписку из доклада сыщика Микулина, который отмечает большую «скудость» половников. Иногда у них нет своего хлеба: «дают де им хлеб помесечно хозяева, у кого они в половниках живут» (Моск. Архив Мин. ин. дел, Приказные дела, № 52, 1646—1647 гг.).

ляться с крестьянскими повинностями, но не окончательно разоренные. Обычно они обязуются пахать исполу хозяйскую землю на своих лошадях.

3. Как правило, половник тягла не тянет, но в отдельных случаях его заставляют платить государству подать в уменьшенном размере.

4. Землевладельцы принимают к себе половников, находя такую форму эксплуатации их труда выгодной.

5. Выдача ссуды половнику не есть помещение капитала под проценты; это один из способов привлечения к себе рабочей силы и облегчения половнику наладить необходимую для землевладельца работу.

6. Некоторые землевладельцы, особенно северные монастыри, пользуются исключительно половниками как рабочей силой.

7. Половник всегда указывает в договоре срок своего пребывания у хозяина, по окончании которого половник имеет право уйти, погасив хозяину свою задолженность.

8. Пометы на половничьих порядных, дошедших до нас, говорят, что половники либо погашали свои долги, либо переписывали их в новые порядные.

6. Монастырские детеныши

Вопрос о монастырских детенышах, как видно из самого термина «*монастырский детеныш*», с первого взгляда имеет узкое содержание, касаясь только монастырей и только одной разновидности сельского трудового населения. Это несомненно так. Но тем не менее, если ближе всмотреться в это явление, оно предстанет перед нами в другом, несравненно более значительном смысле. Оно очень симптоматично. О монастырских детенышах заговорили документы тогда, когда детеныши стали играть в монастырском хозяйстве очень заметную роль. Увеличение числа детенышей связано с ростом монастырской собственной запашки, что, в свою очередь, вызывалось теми крупными изменениями в сельском хозяйстве во всей Европе, о которых приходилось говорить выше.

Хотя в нашем распоряжении источники, упоминающие детенышей главным образом во второй половине XVI в., тем не менее нет оснований отрицать наличие детенышей и в первой половине века.

В материалах Волоколамского монастыря «детеныши» упоминаются уже в 1547 г. (более ранних книг не сохранилось).

Расходные книги Ипатьевского монастыря о детенышах говорят в середине XVI в.¹

¹ Н. П. Лихачев. Стрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря. Сборник Археол. института, т. VI, стр. 127—137.

Конечно, детеныши возникли не в 1547 г. Они были и до этого года.

О детенышах литература не очень велика. Кроме исследования М. А. Дьяконова, других специальных работ по этому вопросу нет. Имеются замечания иеромонаха Арсения, А. А. Спицына, А. П. Доброклонского, Н. А. Рожкова. Из советских ученых работали в этой области В. А. Петров и М. Н. Тихомиров.

Иеромонах Арсений в своей специальной статье о слугах Троице-Сергиева монастыря мимоходом касается и вопроса о детенышах. «Что касается детенышей,— пишет он,— то это, кажется, были круглые сироты, монастырских крестьян дети», попадавшие в монастырь во время «несчастливых годин»². Определение, далеко не исчерпывающее вопроса.

Впрочем, автор и не задавался целью разрешить его полностью.

А. А. Спицын считает детенышей бобылями³. По мнению А. П. Доброклонского, детеныши — это люди, живущие на монастырских работах, отличающиеся по своему положению и от монастырских слуг и крестьян: «детенышей,— пишет он,— встречаем на разных работах в монастыре и в монастырских селах — один на стороже, другие бегауля, третьи живут во дворах и пахут на монастырь землю... Может быть, это были безродные сироты, приемыши, воспитанные монастырем. Различаясь на первых порах, они, вероятно, с течением времени (при известном возрасте, семейном и экономическом положении) верстались по желанию в рядовые крестьяне или сливались с монастырскими слугами, с которыми сами сходились и по положению... Кажется, иногда они сохраняли свое прежнее прозвание детеныша и тогда, когда достигали зрелого возраста и имели взрослых детей и зачислялись в крестьянскую общину»⁴.

Нельзя сказать, что автор разобрался в сущности этого общественного явления. Детеныши у него то отличаются от монастырских слуг, то «сходятся» с ними по своему положению; часть детенышей — только по имени детеныши, а на самом деле тяглые крестьяне.

Н. А. Рожков, не занимаясь специально вопросом о детенышах и ссылаясь на исследование М. А. Дьяконова, отмечает: «Холопам светских лиц соответствовали в монастырских име-

---

² Арсений. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря о служках. Чт. ОИДР, 1867, кн. III, стр. 8, прим. 21.

³ А. А. Спицын. Земля и люди на Вятке, стр. 18; его же. Оброчные земли на Вятке, стр. 36.

⁴ А. П. Доброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII веке, Чт. ОИДР, 1888, кн. 1, стр. 33—34.

ниях слуги и детеныши»⁵. Как Н. А. Рожков понимает это «соответствовали», видно из другой его, более поздней работы «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. и его влияние на социально-политический строй того времени», где он прямо говорит: «землевладельческая барская пахня разрабатывалась или трудом холопов, которым в монастырских имениях соответствовали так называемые детеныши — те же несвободные земельные рабочие — или барщинной работой крестьян»⁶.

Слуг Н. А. Рожков отсюда выделяет: «монастырские слуги, — пишет он, — впрочем представляли из себя нередко состояние, приближающееся по значению к помещикам на царских и митрополичьих землях. Что касается детенышей, то надо заметить, что они никогда не были арендаторами, никогда не пахали землю на себя, а всегда обрабатывали монастырскую пахню» (ссылка на М. А. Дьяконова, указ. соч., стр. 306—307).

К сожалению, Н. А. Рожков, ссылаясь на М. А. Дьяконова, разошелся с ним очень серьезно, но не дал себе труда ни разобрать мнение М. А. Дьяконова, ни обосновать свое.

Между тем М. А. Дьяконов приводит неопровержимые доказательства тому, что детеныши — не холопы даже и тогда, когда они не наемные работники на срок. Он признает одну прослойку детенышей, которых называет крепостными, но и крепость эту он объясняет не состоянием детеныша, как такового, а тем, что это дети крестьян и бобылей и «крепки по своему крестьянству или бобыльству, т. е. по тем же основаниям, на которых создавалась крестьянская крепость»⁷. «По общему правилу, — совершенно справедливо замечает М. А. Дьяконов, — церкви и монастыри в московское время рабами не владеют»⁸.

Свое положение Н. А. Рожков не доказал, и доказать его невозможно. Что касается монастырских слуг, то и сам Н. А. Рожков высказывается за то, что они похожи на помещиков. Как мы уже видели, они сами владеют холопами и крестьянами.

«Соответствие» Н. А. Рожкова надо понимать не так, как понимает он, а в том смысле, что в монастырских хозяйствах детеныши заменили собою труд холопский, который шел на убыль и в светских вотчинах и энергично заменялся более производительным трудом крестьян и временных работников, поступавших к своим хозяевам не на рабских условиях.

---

⁵ Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 141.

⁶ Н. А. Рожков. Исторические и социологические очерки, 1906, стр. 56.

⁷ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 303—304.

⁸ Там же, стр. 307.

Ввиду необходимости различать хозяйства более отсталые в своей организации от лучше приспособленных к требованиям жизни, каковыми и были хозяйства монастырские, нельзя суммарно и огульно говорить о вотчинах вообще. Между тем у Н. А. Рожкова этот грех, несомненно, имеется. Обращаясь к писцовым книгам по Троицко-Сергиевым вотчинам 1592—1594 гг., автор пишет: «Сохранившиеся писцовые книги Троицких вотчин 1592—1594 гг. дают почти для каждого уезда известное число дворов служилых, холопских и детенышевых: в Переяславле-Залесском считалось 9 слуг и 10 холопов, в Московском 7 дворов детенышей и 6 холопских...»⁹ Эти цифры, собственно говоря, ничего не дают, так как они слишком общи, как и ссылки автора на данный источник.

Если же подойти к писцовым книгам внимательнее, то не трудно разглядеть в них более интересные вещи. Людские дворы, если под ними понимать дворы холопские, имеются не непосредственно у монастырей, а лишь у монастырских слуг, собственно говоря, монастырских помещиков, или же в вотчинах богатых монахов или монахинь, постригшихся по тем или иным мотивам, но не порвавших связей с миром и прежде всего со своей землей. Вот, например, «дер. Васильево Посниково за старицею за княгинею за Федорою за Одоевскою, а в ней дв. людцкой»; или «дер. Ощеркино... за старицею за Маремьяною за Заболоткою, а в ней 2 дв. людцких, да место дворовое; пашни паханые 9] четьи, да перелогу 7 четьи...». «В этой же в Кинельской волости — деревни, а в них живут Троецкие Сергиева монастыря слуги... Дер. Неверцова, Сворцово тож, а в ней дв. монастырского слуги Федора Тороканова, да 2 дв. людцких, да 8 мест дворовых .. Дер. Ларино... за слугою монастырским за Иваном за Торокановым, а в ней дв. Иванов да двор людцкой да 14 мест дворовых» (большая пустота — следы недавнего разорения)¹⁰.

Монастырскую пашню пахут всегда либо крестьяне, либо детеныши, которых холопами считать никак нельзя.

М. Н. Тихомиров остановился на вопросе о происхождении и правовом положении детенышей. О происхождении детенышей автор мимоходом высказал предположение, что они вербовались из «вольных гулящих людей». На этот вывод навело автора упоминание в документах Волоколамского монастыря «детеныша-казака»¹¹.

⁹ Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 142.

¹⁰ Писцовые книги XVI в., изд. Геогр. общ., отд. 1, ч. I, стр. 816, 825 и др.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в., Истор. записки, т. III, стр. 149.

На вопросе о правовом положении детенышей автор останавливается довольно подробно. Он приводит материалы, говорящие о «прихожих» детенышах, которым платятся деньги за работу: «дано двум детенышам прихожим наугородцам... по 10 алтын, делали пять недель в монастыре» (20 июня 1579 г.); «дано прихожему детенку Иванку Иванову сыну наугородцу 5 алтын, жити ему до Покрова в детех» (1 августа 1579 г.). Здесь слово «дети» или «детеныш», замечает автор, порою так же мало обозначало людей юного возраста, как и утвердившийся термин «дети боярские»¹².

Для решения вопроса о детенышах очень большой и важный материал дает «Книга ключей и оброков Иосифова Волоцкого монастыря» 1547—1560 гг., отысканная М. Н. Тихомировым в 1928 г. в Волоцком монастыре¹³.

В книге с исчерпывающей полнотой, как нигде из доселе известных документов, приводится из года в год перечень всего обслуживающего монастырь персонала, в том числе и детенышей. Тут же попутно разбросаны интересные замечания, часть которых уже была использована М. Н. Тихомировым в его статье «Монастырь-вотчинник».

В этой статье, согласно ее плану, вопрос о детенышах занимает небольшое место. Мне же хочется взять из «Книги ключей» все, что может, на мой взгляд, если не разрешить вопрос окончательно, то, несомненно, приблизить его к окончательному разрешению. Несколько раз в «Книге ключей» упоминается «детин дворец» или «детина изба»¹⁴. Под 1 июля 1554 г. в книге записано: «дано Быку, который за детьми ходит за 10 месяцев за прошлую от Покрова лета 7062 10 алтын и вперед от июля первого числа до Покрова лета 7062 гривна». Бык — это начальник детинной избы¹⁵. Отсюда вывод — «дети» живут в особом помещении под наблюдением специально для этого поставленного лица.

Та же «Книга ключей» дает нам возможность понять, кто именно живет в этом «детинном дворце» и на каких условиях живут эти «дети» в монастыре, и в конечном счете, кто они сами. Каждый год «детям» выплачивают заработную плату. Обычно они получают годовичную плату. Но среди «детей» попадаются и более кратковременные обитатели «детинного дворца». Например: на Покров 1559 г. казначей, как обычно, раздавал «оброк» (так называлось в монастыре заработная плата) «детем

¹² Там же.

¹³ Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века, М.—Л., 1948.

¹⁴ Там же упоминаются избы: гостинная, конюшенная, портная, сапожная, кузничный дворец и т. п. (лл. 5 об., 9, 38 и др.).

¹⁵ Книга ключей, л. 111.

и плотником и истопником и дворником». Тут перечислено поименно 36 «детей»¹⁶. О некоторых сказано, что они живут в «детях» не полный год: «Левке Гаврилову сыну от Троицына дни до Покрова пол — 4 алтына; порука плотник Козел Ермолин сын» или: «дано детенку Ковняшке Митину сыну 4 алт. 2 ден. на 4 месяца, от июня 1 числа до Покрова св. Богородицы, а порука по нем слуга Нестер»¹⁷.

В перечне получавших заработную плату детенышей 1548 г. назван детеныш Медведь Карпов: «Медведю Карпову 4 алт. 2 д., а порука по нем отец его Карп; до Покрова»¹⁸. Ему дана значительно меньшая сумма, чем его соседям по списку (10—10¹/₂ алт.), потому что он работал не весь год, а гораздо меньше: поступал он на работу только до Покрова. Мы имеем возможность убедиться в том, что, получив свою заработную плату, он на следующий сезон не остался: в списке 1549—1550 гг. его уже нет.

В записи 1547 г. читаем: «Андрюшке Ияковлеву сыну, Харьке Микифорову сыну... дали им от Ильина дни до Покрова по 2 алтына»¹⁹; «Куземке Переходу... от Филипповых заговен»²⁰; «Иванку Горохову... от Филипповых заговен»²¹. Таких отметок о пребывании в детенышах на срок меньший года имеется несколько.

«Книга ключей» позволяет произвести наблюдения и более широкого масштаба. Благодаря тому, что она из года в год дает полный перечень детенышей, мы можем составить себе представление не только о количестве детенышей в монастыре, но и о степени устойчивости кадров этой категории монастырских работников. Помещенная ниже таблица, составленная на основании данных «Книги ключей», достаточно в этом отношении показательна²².

В списке детенышей 1559 г. попадают люди, бывшие в более старых списках 1547, 1549, 1550, 1553, 1557, 1558 гг., больше всего — последних двух-трех лет. Некоторые из детенышей попадают в списках 1547, 1549 гг., исчезают в 1557 г. и снова появляются в 1559 г.

¹⁶ По подсчету казначая — несколько больше. Возможно, что имена некоторых «детей» не внесены в книгу. Я считаю только записанных поименно.

¹⁷ Книга ключей, л. 174.

¹⁸ Там же, л. 17 об.

¹⁹ Там же, л. 3 об.

²⁰ Там же, л. 3.

²¹ Там же, л. 2 об.

²² Таблица требует значительных уточнений. Соотношение между новым и старым составом детенышей в данной таблице приблизительное, так как в число старых я включал тех, кто хотя бы один раз был раньше в детенышах.

Детеныши по размеру заработной платы делятся на несколько категорий: по 4 гривны (наиболее многочисленная группа) в год получает высший разряд, дальше идут меньшие расценки— 13, 12, 11¹/₂, 11, 10, 9 и 6 алтын.

Год	Общее число детенышей	Из них	
		старых	новых
1547	50	—	—
1548	38	20	18
1549	53	27	26
1552	26 (не все известны)	18	8
1553	52	25	27
1555	64	32	32
1556	48	22	26
1557	42	21	21
1559	36	23	13

Подвижность состава детенышей, разные сроки их пребывания в монастыре ясно говорят о том, что мы имеем дело не с постоянной, а достаточно текучей массой монастырских работников.

По заведенному в монастыре обычаю каждый поступающий на работу должен был дать на себя поручителя: все детеныши имеют поручителей, кто — отца, кто — дядю, кто — знакомых. А те, кому трудно было найти поручителя, брались на поруки самим дворецким, очевидно для того, чтобы не упустить работника. Гришу Наседку и Юру Гридина на поруки «взял Фома дворецкой»²³. Другого способа удержать за собой наемного работника, очевидно, у монастыря в это время не было. И это было средством достаточно сильным: в приходной книге того же монастыря казначей 1573 года под 9 мая отмечено: «взято на детеныше на Трешке оброку (т. е. взыскана заработная плата.— Б. Г.) 12 алт. 3 д., а платил деньги поруччик его Васька Захаров сын, стрелец, потому что Трешка пошел прочь, а полугоду не дожил»²⁴.

М. Н. Тихомиров уже отметил в своей работе, что детеныши — самая многочисленная группа монастырских работников. Они составляют больше 30% всех работников в монастыре. Но это не самая квалифицированная часть работников. Заработная плата им идет ниже, чем, например, плотникам или

²³ Книга ключей, л. 173.

²⁴ Истор. архив, т. II, стр. 68.

бочарникам. Если максимальная плата детенышу выражается в 4 гривнах (80 денег), то плотники и бочарники получают по полтине (100 денег). Правда, есть категории работников с оплатой более низкой, чем получает главная масса детенышей: сторожа лесные получают по полполтине (50 денег), даже по 40 денег²⁵. За трапезой им отводится одно из последних мест: сперва идут плотники большие, потом кузнецы, затем уже «дети, сиречь делавцы черные» (на полях рукописи разъяснение «детеныши»), и лишь за ними — истопники, воротники и сторожа.

М. Н. Тихомиров на основании своих наблюдений приходит к заключению, что «большинство детенышей и других ремесленников, несомненно, принадлежало к зависимым монастырским людям», «которые однако, — как явствует из дальнейшего рассуждения автора, — были вольны уйти из детенышей до срока, уплатив полученные деньги». В чем именно заключается эта зависимость, автор не разъясняет: выводит он ее из факта получения детенышами платы за свой труд (по терминологии «Книги ключей» — «оброк»).

Но получение платы за свой труд еще не создает зависимости. Требование поручителей за каждого детеныша, конечно, продиктовано желанием стеснить свободу детеныша, но это требование в то же время свидетельствует, что другого средства удержать за собой детеныша на определенный срок в распоряжении монастыря не было.

По выполнении срочного обязательства «зависимость» прекращается. Нам известно, что детеныш уходил и до срока, но тогда он или его поручитель должны были выплатить монастырю известную сумму денег. Возможно, что детенышу иногда выдавалась некоторая часть заработной платы вперед. На это как будто намекает вышеститированная запись в Приходной книге 1573 г. о взыскании с поручника стрельца Васьки Захарова денег за неисправного детеныша Трешку («потому что Трешка пошел прочь, а полугоду не дожил»)²⁶.

Трешка не «бежал», а «пошел». А за него расплатился его поручитель. Вот это обязательное поручительство при поступлении в детеныши действительно создавало некоторую степень зависимости, которая в феодальном обществе обычно требовалась при поступлении на работу. Но зависимость эта, надо сознаться, очень относительная.

М. А. Дьяконов, которому в дореволюционной литературе принадлежит наиболее обстоятельный труд о детенышах, опреде-

²⁵ Книга ключей, лл. 174 об.— 176.

²⁶ Н. Тимофеев. Крестьянские выходы конца XVI века. Истор. архив, т. II, стр. 68.

ленно говорит о найме детенышей, ссылаясь при этом на память 1618 г. архиепископа вологодского и великопермского Макария своему сыну боярскому Бебехову. В памяти написано: «а пахати ему то село и *наймовати детенышев* в лето человек трех или четырех, смотря или сметь по семяном и по пашне; а *наймовати* ему в лето детенышев, свестясь вместе с Василием Кобылиным (приказчиком)». Тут же автор приводит и отписку 1618 г. приказчика села Стефановского тому же архиепископу, свидетельствующую о том, что архиепископ вологодский давал свои распоряжения о найме детенышей и по другим своим селам. «Да велел ты, государь, мне, холопу своему, *приговаривати людей в детеныши* 6 человек; и яз, холоп твой, приговорил трех человек: старого коровника Оську, да брата его Гришку, да бобыля твоего, государь, Семку с нынешнего числа (5 марта) да по Дмитриев день Селунского 126 году; а иных, государь, припытываю ж; а *договор* оне со мною чинили в *наймеж*, как в иных, государь, твоих селах в Ивановском, деньги и хлеб; и оне, государь, просят денег половины ныне, а хлеб, государь, яз сулил им месешной, по твоему государеву приказу; и у меня, государь, здесь казенных денег нет, что им давати; а приговариваю, государь, ныне с сего числа потому, *чтобы инде оне не ульнули*»²⁷. (Курсив везде мой. — Б. Г.).

Следовательно, как правило, заработная плата детенышу выдается после выполнения работы, а не вперед. В данной ситуации приказчик нарушил правило, чтобы не упустить нужных ему работников.

М. А. Дьяконов, отметив как очевидный вытекающий отсюда факт, что детенышей нанимают, делает замечание: «Столь *странный* (курсив мой. — Б. Г.) на первый взгляд факт отнюдь не является, однако, исключительным или только местным. В расходных книгах Костромского Ипатьевского монастыря половины XVI в. отмечены выдачи наемной платы монастырским детенышам за целый год». («От збора до збора на год детенышу Гаврилку Федорову дано найму 7 алтын... от Евдокеина дни до Евдокеина дни на год детенышку Первушке Иванову дано на год найму 7¹/₂ алт.»)²⁸. О найме детенышей говорят и документы Казанского Илантова монастыря²⁹.

Первоначальное удивление М. А. Дьяконова по мере привлечения новых материалов начинается проходить, и он делает уже без всяких колебаний свой вывод: «Итак, несомненно, что детеныши

²⁷ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 301.

²⁸ Н. П. Лихачев. Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря. Сборник Археол. института, т. VI, стр. 7.

²⁹ Г. Перетяжкович. Поволжье в XVII в., стр. 93 и 117; А. И., т. I, № 19 (1574 г.).

или наймиты составляли довольно распространенное явление хозяйственной монастырской жизни»³⁰.

Но тут же возникает и другой вопрос: почему одна из многочисленных категорий наемных людей выделена и обозначена особым именем детенышей. «Памятники, — пишет М. А. Дьяконов, — говорят о наймитах страдных, наймитах для пашни, наймитах монастырских летних, работных наймитах, наемных казаках, наемных ярыжных или ярыжках и проч.». Отвечает на этот вполне законный вопрос он так: «детенышами назывались только такие наймиты, которых нанимали или специально для подмоги наличному контингенту детенышей в собственном смысле, или для выполнения тех работ, какие в обычном порядке исполнялись этими последними». Иначе говоря, автор признает две категории детенышей: 1) детеныши в собственном смысле и 2) детеныши, нанятые им в помощь. Если вторая категория — люди наемные, то первая — крепостные. Разъясняя далее свою мысль, автор говорит, что в состав крепостных детенышей входили: 1) осиротевшие крестьянские и бобыльские дети, 2) обедневшие крестьяне и бобыли. Наемные детеныши вербовались из вольных людей и из крепостных крестьян и бобылей (своих и чужих)³¹.

В этой классификации детенышей, на мой взгляд, не все благополучно, поскольку в ее основу положен не один принцип разделения. В самом деле, неужели крестьянские или бобыльские дети не могли наниматься на ту или иную временную работу? А если могли, то все они на тот период времени, на какой они нанялись, и будут наемными людьми. Что же касается их основного социального положения, то это другой вопрос.

М. А. Дьяконов приводит несколько фактов, правда, более позднего времени, о найме в детеныши детей крестьянских. В переписных Арзамасских книгах 1676 г. за Спасским монастырем показаны «работники в розных службах (32 человека). А те работники и на конюшенном дворе детеныши того ж монастыря крестьянские и бобыльские дети»³². По переписным Белозерским книгам 1678—1679 гг., за Череповецким Воскресенским монастырем «живут монастырские детеныши... крестьянские дети»³³. Среди этих детенышей есть люди, попавшие в монастырские работники разными путями: частью это сироты, попавшие в монастырь «после отцов и матерей в малых летех», есть и привлеченные на работу люди. Конечно, мало-мальски зажиточный крестьянин не отдаст своих детей внаймы: в работники

³⁰ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 302.

³¹ Там же, стр. 302—303.

³² Е. Е. Замысловский. Извлечения из переписных книг, стр. 8, прим. 21.

³³ Там же, стр. 232, прим. 1.

дети попадали «за скудостью»³⁴ своих отцов. Но все же детеныши, от каких бы отцов они ни происходили, пока они в наймах — детеныши, а окончится их срок, они перестают быть детенышами и возвращаются в свое прежнее состояние.

М. А. Дьяконов сам говорит о крепостных детенышах, что они «были крепки по своему крестьянству или бобыльству, т. е. по тем же основаниям, на которых создавалась крестьянская крепость». Они заносились в переписные книги со ссылкой на их происхождение. «Но в тех же книгах упоминаются еще детеныши иного рода, — продолжает М. А. Дьяконов, — для доказательства прав на них писцы требовали представления крепостей».

А раз это так, — делает вывод автор, — то существовала еще одна разновидность детенышей, это — «детеныши — порядчики в отличие от детенышей старинных и наймитов»³⁵.

Мне кажется, что нет оснований создавать так много разновидностей детенышей. Если дети крепостных крестьян и бобылей закреплены за владельцами, которым крепки их отцы, тут их временное пребывание в детенышах создает иные временные отношения, подобные тем, в какие входили отпущенные помещиком на оброк в город его крестьяне, которые нанимались, где находили для себя полезным и возможным. Детеныш-порядчик — это человек, поступивший на работу через формальный договор. Устное ли произошло соглашение или заключен письменный договор, от этого юридическая природа детеныша не меняется. Вопрос не в форме, а в содержании договора.

Наконец, сам М. А. Дьяконов приходит к выводу, в значительной степени уничтожающему его сложную классификацию. «Эти группы детенышей, — пишет он, — *...различаются между собой лишь по способу зачисления их в состав монастырских детенышей*»³⁶. Но если можно возражать против устанавливаемых М. А. Дьяконовым многочисленных видов детенышей и сделать попытку несколько упростить вопрос, то все же нельзя не согласиться с М. А. Дьяконовым в том, что есть детеныши, живущие в монастырях действительно с детства, по многу лет, и есть детеныши, нанятые на определенную работу недавно. Между первыми и вторыми несомненно была бытовая разница. Первых монастыри склонны были рассматривать как своих старинных детенышей, во вторых видели временную рабочую силу. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, позволяющих установить правовое различие между этими двумя бытовыми группами детенышей.

³⁴ Арсений. Указ. соч., Чт. ОИДР, 1867, кн. III, стр. 8.

³⁵ М. А. Дьяконов. Указ. соч., стр. 303—305.

³⁶ Там же.

Место и роль детеныша в монастырском хозяйстве М. А. Дьяконов изобразил очень ярко. Они прежде всего и чаще всего пахут монастырскую пашню («а в нем [починке Борок] живут монастырские детеныши для монастырские пашни»). На себя они никогда не пахут. Но есть детеныши беспашенные. Это ремесленники: епанечники, кожевники, конюхи, батраки, мельники, поваренные детеныши, застольные детеныши и, наконец, просто работники, которыми монастыри пользуются для всяких поручений. Все они кормятся за счет хозяина и кроме того получают за свой труд деньги.

Несомненно, при большом разнообразии хозяйственных задач монастыря не может быть и речи о каком-либо однообразии в хозяйственном назначении детенышей. Их нанимают для выполнения тех или иных работ, считаясь с их выучкой, если она у них была, а чаще всего на полевые работы.

В писцовой книге по Московскому уезду времени царя Федора Ивановича, можно сказать, нет монастырской вотчины, где бы не упоминались детеныши, всегда с обозначением, что они пахут *монастырскую* пашню, которая систематически противопоставляется пашне крестьянской. Например: «Сельцо Никоново, а Никольское тожа, на речке на Выходне Федоровские вотчины Иванова сына Хобарова; а в сельце *монастырском* пашни *монастырские* добрые земли 6 четьи, *пахут монастырские детеныши*, да крестьянские пашни 4 четьи, да лесом поросло 48 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 150 копен».

Иногда детеныши пахут наездом: «Пустошь, что было сельцо Назаровское на речке на Выходне; пашни паханые наездом *на монастырь детеныши пахали* средние земли 7 четьи, да лесом поросло 47 четьи в поле, а в дву потому ж, сена по р. по Выходне 100 копен»³⁷. (Курсив везде мой.— Б. Г.).

Обычно монастырская земля так и распределялась: 1) «пашня паханая, что пахут детеныши на монастырь»; 2) крестьянская пашня; 3) пашня наезжая, которую иногда пахут «из найму» (сданная в аренду).

Детеныши называются иногда «воловиками»³⁸: «Да под Троицким под Сергиевым монастырем монастырские пашни

³⁷ Писцовые книги XVI в., изд. Геогр. общ., отд. I, ч. 1, стр. 60. Ср. стр. 68, 82 и др.

³⁸ Воловики упоминаются также на стр. 286, примечание. Тут же помещена цитата «дв. воловика, 3 дв. детенышей», из чего как будто вытекает вывод, что воловик с детенышем не смешиваются. Но из вышеприведенного текста явствует другое. Воловиков встретил В. А. Петров в Кирилло-Белозерском монастыре (перепись людей 1697 г.). В. А. Петров приводит из разборной книги текст, разъясняющий значение термина: воловики «работают всякую монастырскую работу на вслах; возят на них, что доведетца» (л. 18). (В. П е т р о в. Монастырская голышия, «Дела и дни», 1922, кн. III, стр. 145, прим. 13).

паханные средние земли, пахут воловики монастырские, 350 четьи...» Тут же еще два раза употреблен тот же термин. А при подведении общих итогов они же названы детенышами: «А по старому письму... пашни паханы средние земли, что пахут на монастырь детеныши — 390 четьи... а монастырские пашни, что пахут детеныши на монастырь средние земли убыло 40 четьи». Стало быть, 350 четей, которые пахали воловики, это те самые, которые обозначены в этих же итогах детенышами³⁹.

В писцовой книге 1592—1593 гг. по Переяславлю Залесскому называются детеныши Троице-Сергиева монастыря, которые на монастырь косят сено⁴⁰. Но что бы детеныши ни делали, они всегда работают не на себя, а на монастырь.

Труд детенышей применяется в монастырях во всем Русском государстве.

Возникают совершенно естественные и неизбежные вопросы: почему детеныши встречаются только в монастырях, почему их нет в светских вотчинах, почему они являются как работники на монастырской пашне довольно поздно?

На все эти вопросы едва ли можно дать точный ответ. Приходится ограничиться гипотезами.

В монастырях издавна скоплялось значительное количество народа, либо не находившего себе применения в других местах, либо связанного с монастырем как с учреждением специфическим. Мы могли наблюдать это явление еще в Киевской Руси. В Уставе вел. кн. Всеволода «о церковных судех и о людех и мирилех торговых» 1125—1136 гг. мы уже видели довольно значительный перечень людей церковных: игумен, игуменья, поп, диакон и дети их; попадя, чернец, черница, проскурница, паломник (в др. варианте — пришлец), свещегас, сторонник, слепец, хромец, вдовица, пущенник, задушный человек, изгой⁴¹. Прибавим на самом законном основании: «и дети их» (конечно тех, кто имел право иметь детей). В более поздних источниках неоднократно встречаем при описании монастырей многочисленные кельи, в которых живут «нищие» «и питаются от церкви божией»⁴².

Но мы хорошо знаем, что весь этот приютившийся в монастыре, или, вернее, около монастыря, люд жил в монастыре не даром. Владимирский собор 1274 г. имел в виду совершенно конкретные факты, когда вынес постановление о запрещении слишком сильно эксплуатировать нищих («от нищих насилие

³⁹ Писцовые книги XVI в., стр. 82—83.

⁴⁰ Там же, стр. 842.

⁴¹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 245.

⁴² Писцовые книги XVI в., изд. Геогр. общ., отд. I, ч. 1, стр. 76, 279, 611 и др.

деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая»).

В одном из докладов 1651 г. имеется очень интересное указание: «Да после Московского разоренья прислано в Троицкой монастырь с Москвы на корм бедных разоренных детей боярских и недорослей, а иных свезли из Троицких вотчин, у которых отцы и матери посечены, остались сиротами и тех было человек с 600, и кормили их за столом. И как учинились в возрасте, и те ныне в Троицком монастыре в слугах и в служебниках»⁴³. В расходной книге Солотчинского монастыря упоминаются «кноушенного двора безродные сироты..., которые посылаются во всяких посылках и в вотчины и за лошадьми...». За Чудовым монастырем жили детеныши, взятые «после отцов и матерей в малых летех». В Вознесенском девичьем монастыре жили работники, взятые «за сиротством и за скудостью из крестьян для монастырской скотины»⁴⁴. В Соловецком монастыре, согласно жития Зосимы и Савватия и новгородских грамот XV в., встречаются «корельские дети». В грамоте Соловецкому монастырю 1636 г. читаем: «И которые де трудники в молодых летех на монастырских огородах тружаются, а тех кормят и зиме держат в монастыре; а за монастырем кельи особые им устроены...»; «А которые трудники в Соловецком монастыре в молодых летех тружаются на монастырских огородах и в иных службах, и тем бы трудником келью велели устроить и кормить их за монастырем особо»⁴⁵. (Курсив везде мой. — Б. Г.). Трудники были в Соловецком монастыре и в XX в.

В Кирилло-Белозерском монастыре дело призрения малолетних сирот было хорошо организовано. Тут существовал детский приют под именем «голышни». Голышняя находилась под присмотром специально приставленного к ней старца. Монастырь сирот кормил и одевал. По мере подрастания их приспособляли к различным работам («Малые ребята, которые работают в поварне, рыбу чистят»). Подросших переводили на более ответственные работы. «Ивашко Кема Меньшей, крестьянский сын, взят из голышни в работники, жалуется в повара», «Мишка Семеновской Кобыляк из села Семеновского, крестьянский сын, взят в голышню за сиротство, работает всякие работы, жалуется нарядами», «Мишка Дуров, подмонастырской деревни Добрилова, крестьянский сын, взят за сиротство в голышню и из голышни взят в воловики»⁴⁶.

⁴³ Арсений. Доклады, грамоты и другие акты о службах Троицкого Сергиева монастыря, Чт. ОИДР, 1867, кн. III, стр. 3—4.

⁴⁴ М. А. Дьяков. Очерки из истории сельск. насел., стр. 299.

⁴⁵ Досифей, архимандрит. Описание Соловецк. монастыря, 1853, ч. 1, стр. 267.

⁴⁶ В. А. Петров. Указ. соч., стр. 145.

Монастырские дети, или детеныши, таким образом, действительно являются спецификой монастыря. Светские вотчинники не располагали такими кадрами. Вот почему источники знают только монастырских детенышей. Светские вотчинники тоже пользовались наемным трудом, но своих наемных работников они не имели никаких оснований называть детенышами, так как это терминология чисто монастырская⁴⁷.

На вопрос, почему писцовые книги заговорили о монастырских детенышах довольно поздно, несмотря на то, что самое явление весьма немолодое, можно ответить так: заговорили потому, что в жизни монастырей с определенного времени детеныши стали играть очень заметную роль, более заметную, чем раньше. И это обстоятельство находит себе объяснение в изменениях, какие переживало сельское хозяйство в России и в других странах Европы. Оно явилось вместе с появлением и ростом удельного веса собственной монастырской пашни.

Тут может быть использовано замечание Н. А. Рожкова. Когда землевладельцы светские и духовные почувствовали необходимость увеличить производство хлеба, они оказались не в равных условиях: в распоряжении монастырей имелось больше рабочих рук для обработки монастырских полей, и монастыри использовали этот ресурс, заставив «детей» пахать монастырскую пашню. А затем и вновь привлеченные на эту работу люди, попавшие в среду детенышей, стали называться детенышами. Монастыри использовали не только рабочую силу, но и термин, родившийся в монастырской обстановке.

Привлекая детенышей на свою пашню, монастырь имел еще одну выгоду. Он мог смело и точно утверждать, что для обработки своей земли не отвлекает плательщиков государевых податей — крестьян, а свою землю на себя, на собственный обход, «пашет собою». Правительство резко различало эти два способа обработки собственной монастырской пашни. Крестьян оно облагает податями, а детенышей не облагает.

В 1586 г., по челобитью Печерского Псковского монастыря, царь Федор Иванович освободил монастырскую пашню от тягла на том основании, что она обрабатывается не крестьянами, а пашут ее «собою». Тому же монастырю удалось освободить и другую свою пустошь на том же основании. Троицкий монастырь находился в таком же положении. В приправочных книгах 1594 г. сказано: «а платити им государевы подати

---

⁴⁷ В светских вотчинах детенышам, быть может, соответствуют «вскормленники» и «найденыши», которых светские землевладельцы склонны были считать своими крепостными. Порядная 8 дек. 1640, Рукоспись Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, выш. 1, № 25 и 46; Г. Обручева-Анциферова. Жилые записи, ЖМНП, 1917, № 2, отд. 2, стр. 257 (прим.).

с живущего с 11 четв. опричь того, что пашут детеныши». В 1598 г. царь Борис Федорович пожаловал Троице-Сергиев монастырь: «велел государь тое монастырскую пашню живущую и с тем, что пашут детеныши на монастырь в Московском уезде и в иных городех обелить и из сошного письма выложить..., а крестьянские пашни и служни со всею, которою пашню крестьяне и служки пашут на себя, посошные люди и денежные доходы и всякие мелкие разметы по сошному разводу велел государь имати по прежнему». «Пахать на монастырь пашня своими детеныши, а крестьян на той на обельной земле не сажать»⁴⁸.

Согласно этому постановлению последовало распоряжение о точном разделении монастырской земли на две категории: на 1) пашню крестьянскую и 2) пашню на монастырь, «что пашут детеныши»⁴⁹.

При решении вопроса о соотношении различных видов эксплуатации монастырской земли необходимо иметь в виду общий план монастырского хозяйства. Крупные монастыри, владевшие огромными пространствами земли, разбросанной во многих и часто друг от друга далеко отстоящих местах, заводили собственную пашню в тех или иных размерах по соображениям, нам неизвестным. Вероятно, тут принимались во внимание и качество земли и удобства путей сообщения и многое другое. Поскольку нам эти мотивы неизвестны, мы не можем и объяснить столь различное соотношение различных видов эксплуатации монастырской земли.

Для примера привожу таблицу, составленную выборочным путем по землям Троице-Сергиева монастыря⁵⁰.

Годы описания	Место	Количество частей пашни		% детены- шевой пашни
		детены- шевой	крестьян- ской	
1576—1578	с. Черкизово	50	215	18,9
	с. Боровково	34	96	26,2
1578	с. Муромцово	34	1299	2,6
	Под монастырем	350	985	26,2
1592—1593	с. Дубешня Коломенск. у . . .	50	9	84,7
	с. Слободка Тумолмина Переясл.-Залесск. у	192	26	88,1
	сельцо Кипрей	36	21	63,2
	сельцо Холино	44	30	59,5

⁴⁸ И. А. Шляпки н. Описание рукописей Псковск. архивн. комиссии, стр. 11.

⁴⁹ М. А. Дьяконов. Указ. соч., стр. 311.

⁵⁰ Писцовые книги XVI в. Изд. Геогр. общ., отд. I, ч. 1, стр. 68, 73, 76, 82, 611, 842, 844, 848.

М. А. Дьяконов приводит сотную выпись на село Кобелево Ондрияновской пустыни Углицкого уезда 1586 г., где сказано: «а крестьянских дворов в селе нет: живут монастырские детеныши»⁵¹.

В конце XVII в. детеныши вместе с другими до сих пор не платившими податей категориями земледельческого населения были положены в тягло. Петр I завершил до него начатое дело.

Общий вывод относительно детенышей напрашивается сам собой:

1. В монастырских хозяйствах в момент возникновения и расширения собственной заштаци были использованы люди, с детства попадавшие в монастырь. Отсюда появление термина «монастырский детеныш».

2. Монастырскими детенышами стала называться и часть работников, привлеченных по найму, поставленных в соответствующие условия.

3. Функциями сельскохозяйственных работников обязанности детенышей не исчерпывались. Среди детенышей есть и ремесленники и слуги, выполняющие различные поручения монастырской администрации.

4. Монастырским детенышам соответствуют в светских вотчинах категории работников, привлекаемые на работу либо в виде прямого найма, либо в замаскированной форме серебряничества⁵².

7. Крестьяне-новопорядчики

Едва ли я ошибусь, если скажу, что вопрос о крестьянах-новопорядчиках привлекал в нашей литературе о крестьянах наибольшее внимание, никогда не снимался с очереди, всегда вызывал много разноречивых соображений и до сих пор продолжает приковывать внимание исследователей.

Для историков, считавших бродячее состояние крестьянства исконным и долго непрекращающимся, вопрос о крестьянском порядке не мог не быть центральным, так как, по их мнению, только порядок делал на тот или иной срок крестьянина оседлым, сообщая бесформенной кочующей массе юридические признаки.

Б. Н. Чичерин, пытаясь доказать «всеобщее брожение по всей Русской земле», изображал крестьян временными жильцами в той или иной вотчине. «Понятно, что вотчинник, — пишет он, —... старался удержать у себя поселенных

---

⁵¹ Грам. Колл. экон. по Углицкому у., № 42/12535. М. А. Дьяконов приводит тут же в ссылках еще несколько подобных фактов.

на его земле хлебопашцев и перезвать к себе новых поселенцев... Но при бродячем духе народонаселения удержать их было невозможно... Князья были собственно владельцами земли, а подданных у них не было»¹. Крестьянская порядная есть договор «найма земли поселенцем».

В. О. Ключевский в своих рассуждениях о крестьянстве очень последователен. Если он утверждает, что крестьянин «исстари» селился на чужой земле, то это его утверждение покоится на своеобразном понимании возникновения частного землевладения. Автор представляет дело так: дружинник занимал ненаселенную землю и по собственной инициативе заселял ее рабами². Первоначальным рабочим населением боярских вотчин была челядь, руками которой землевладельцы эксплуатировали свои земли. Но чем более развивалось боярское землевладение, тем больше привлекали бояре на свои земли хлебопашцев из свободного населения. Эти хлебопашцы получают от землевладельцев ссуду на обзаведение и земельные участки в пользование, которые обрабатывали барским скотом и барскими орудиями, за что работали на землевладельца. Смерд, по определению В. О. Ключевского, есть «вольный хлебопашец, живший на княжеской земле»³. Смерды — это население государственной земли, закупы и рабы — частновладельческой⁴.

Таково логически стройное, но не обоснованное фактами, построение В. О. Ключевского. Он не допускает мысли, что боярин стал боярином потому, что овладел населенной землей и заставил работать на себя сидевшего на этой земле смерда, которого склонен был трактовать так же, как и своего раба. Он не считается с наличием в «Русской Правде» смерда, зависящего от землевладельца — не князя. Владельческими крестьянами он считает только закупов.

Отсюда вытекает и понимание владельческого северо-восточного крестьянина как привлеченного на частновладельческую землю свободного арендатора. Здесь крестьяне черные и дворцовые живут на государевой земле. «Крестьяне крепостные» — это «поселившиеся на землях частных владельцев обыкновенно со ссудой на сельскохозяйственное обзаведение и состоявшие в личной крепостной зависимости от них, но не прикрепленные ни к своим земельным участкам, ни к сельским обществам»⁵.

¹ Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 175—176, 199 и др.

² В. О. Ключевский. История сословий в России, стр. 42.

³ Там же, стр. 49—50.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 96.

«Крестьянин был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем». Подразумевается — договор аренды. «Условия этого арендного договора излагались в порядных грамотах или записях». После рассмотрения содержания порядных автор приходит к следующему окончательному выводу. «Итак, крестьяне XVI в. по отношениям своим к землевладельцам были вольными и *перехожими* арендаторами чужой земли, государевой, церковной или служилой» (курсив мой.— Б. Г.).

(В XVI в. крестьянство еще не было сословием. «Оно было тогда *временным вольным состоянием* (курсив мой.— Б. Г.), точнее, положением». «Существенную его особенность составляло *занятие* (курсив автора.— Б. Г.): вольный человек становился крестьянином с той минуты, как «наставлял соху» на тяглом участке, и переставал быть крестьянином, как скоро бросал хлебопашество и принимался за другое занятие». «В XVI в. поземельное тягло падало не на крестьянина по тяглой земле, а на самую тяглую землю, кто бы ею ни владел и кто бы ее ни обрабатывал»⁶).

За Ключевским шли многие исследователи. Между ними и Г. Ф. Блюменфельд — автор, поставивший себе специальную задачу изучить формы землевладения в древней Руси. И он повторяет ту же мысль: «закупень превратился в крестьянина, сидевшего на владельческих землях»⁷. Он признает, что частная собственность на землю возникла очень рано; по его мнению, она возникла «путем свободной заимки». Эту занятую пустую землю заимщик окультуривал при помощи «наемного труда»⁸.

Сам Г. Ф. Блюменфельд приходит в недоумение от своего собственного вывода. «Но откуда взялись, — спрашивает автор, — в ту отдаленную эпоху лица, соглашавшиеся работать на другого, в то время, когда земли было такое обилие, и каждый из них мог сделаться самостоятельным хозяином?» Отвечает он на этот вопрос так: бояре-де и дружинники занимали пустую землю и имели скот и земледельческие орудия, а бедные люди имели только рабочие руки: «естественно, — продолжает он, — между ними (этими двумя категориями людей.— Б. Г.) должно было установиться известное отношение. Бедняки, не имевшие скота, поряжались работать на богача, расчищать ему землю за известную долю произведений (копа) или за известное количество скота (отарница), получая при этом подмогу деньгами, скотом

⁶ В. О. Ключевский. Курс русской истории, 1906, ч. II, стр. 369—370, 372—374.

⁷ Г. Ф. Блюменфельд. О формах землевладения в древней Руси, 1884, стр. 103.

⁸ Там же, стр. 100.

и сельскохозяйственными орудиями». «Земледелец был съемщиком скота, который сдавал боярин»⁹.

Нельзя отрицать, что в рассуждениях автора есть доля истины. Мы не можем отрицать ни наличия в известное время бедняков, нуждавшихся в заработке, ни богачей, владеющих, между прочим, и скотом, богачей, нуждающихся в рабочих руках. Но суть вопроса все же не в этом. Блюменфельд не объясняет, каким путем появились бояре, в чем заключалось их основное богатство. Наличие у них скота не разрешает вопроса. Он никак не хочет допустить, чтобы кто-либо из окружавшей князей знати и сами князья могли покуситься на общинную землю, издревле обрабатываемую смердами, и на самих смердов-земледельцев.

Довольно близко к В. О. Ключевскому примыкает и М. А. Дьяконов. Он уверен в том, что крестьянин северо-восточной Руси происходит от разоренных и обезземеленных смердов, вынужденных садиться на чужую землю. «...Процесс обезземеления мелких собственников, смердов, привел к тому, что в московское время масса сельского населения не имела собственных участков и проживала на чужой земле в качестве арендаторов»¹⁰. Для определения условий крестьянской аренды в распоряжении историка имеются порядные записи. «Сущность крестьянского порядка состояла в том, что порядчик нанимал хозяйственный (преимущественно пашенный) участок и за то принимал на себя ряд обязательств в отношении хозяина или волости»¹¹.

Даже Н. П. Павлов-Сильванский, лучше своих современников решавший проблему о смердах, признававший наличие двух категорий смердов (зависимых от землевладельцев и независимых), считавший зависимого смерда полусвободным, т. е. крепостным, настаивавший на процессе обояривания общины и на существовании общин и под властью боярина, — касаясь вопроса о появлении и расширении крупного землевладения, на первом месте ставит заимку крупными землевладельцами пустопорожней земли: «крупные землевладельцы захватывают *пустующие невозделанные земли* (курсив мой. — Б. Г.), обрабатывают их частью силами своих холопов, частью силами крестьян, которых привлекают на свои земли денежными ссудами и льготами в уплате налогов». Правда, тут же Павлов-Сильванский указывает и на другие способы образования и расширения боярщины: 1) крупные землевладельцы «скупают участки возделанных земель от членов свободных волостных общин»;

⁹ Г. Ф. Блюменфельд. Указ. соч., стр. 101.

¹⁰ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 324.

¹¹ Там же, стр. 338.

2) захватывают такие участки силой; 3) получают от власти в виде пожалования. «Князья с течением времени упрочивают свою высшую власть над территориями общин, которая первоначально была вполне номинальной, и распоряжаются общинными землями, отдавая их во владение своим слугам, боярам и монастырям. Они раздают общинные земли целыми волостями и отдельными селами... Некоторые общины и отдельные крестьяне добровольно отдавались во владение боярам...»¹².

Когда именно князья «упрочили» свою власть, мы точно сказать не можем, но мы прекрасно знаем, что известные нам киевские князья обладают достаточно крепкой властью и распоряжаются населенной землей так же, как и ненаселенной.

Но ведь государство Киевское и докиевские государственные образования могли возникнуть только при наличии знати, которая при условии господства земледелия в стране не могла быть иной, как только землевладельческой. Здесь разумеется, конечно, владение землей населенной, землевладелец — владелец земли и людей, ее обрабатывающих. Неизбежное наличие у крупных владельцев и пустопорожних пространств сути дела не меняет.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что Русь развивалась так же, как и другие европейские страны, что Русь знала тот же процесс феодализации и те же феодальные отношения. А могущество феодала всех стран основывалось всегда на освоенной им земле и на его «подданных», основную массу которых всегда и везде составляли крестьяне.

Следует отметить, что и в старой нашей литературе вопрос разрешался не всегда так, как его решали В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов и их последователи.

В. И. Сергеевич не высказывается по этому предмету до конца, поскольку и вопрос перед ним стоял в другой плоскости, но самый подход к его разрешению у него несколько иной. В. И. Сергеевич начинает свое исследование о крестьянах с определения содержания этого термина. Термин «крестьянин», по его мнению, обозначает «земледельца, занимающего определенный участок земли и живущего своим домом, своим хозяйством». «С какого времени со словом крестьянин стало соединяться такое понятие, этого за недостатком источников мы определить не можем, но во всех дошедших до нас памятниках старины (с XIV в.— Б. Г.) слово это употребляется именно в этом смысле». В. И. Сергеевич не высказывает своего отношения к вопросу, в каких отношениях находятся крестьяне

---

¹² Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 247.

к смердам. Но по его определению понятия «смерд» видно, что принципиальной разницы между смердом и крестьянином он не видит. Смерды — это «сельское население, занимавшееся возделыванием земли». Смерды в Пскове, по его мнению, сидят на землях землевладельцев.

А так как «бояре,— по определению того же автора,— суть поземельные собственники»¹³, то можно думать, что В. И. Сергеевич представляет смердов-крестьян земледельцами, живущими на землях бояр и других земельных собственников, в том числе и князей. Как они очутились на частновладельческой земле, куда девалась та земля, на которой они сидели до возникновения боярского землевладения, В. И. Сергеевич не говорит, прикрываясь, очевидно, недостатком источников. Но ведь есть вещи, которые и при отсутствии источников могут быть известны при помощи теории, построенной на основании сравнительного материала.

Ведь никто не будет изображать дело так, что история сельского хозяйства началась с освоения земли боярством. Смерд начал пахать землю за много столетий до появления боярства, пахал на себя и на своих родных, не зная над собой никого, кому бы он был обязан принудительно отдавать часть своего труда или продукта. Сидел он на земле, которую в той или иной степени считал своей. Как же случилось, что он ее потерял и превратился в «арендатора»? Это вопросы, настоятельно требующие освещения. Без их решения мы ничего не поймем в истории ни крестьянства, ни боярства.

В досоветской исторической литературе имеются мнения специалистов, которые довольно близко подходят к правильному решению вопроса. Они совсем не по Ключевскому представляют себе историю крестьян вообще и историю крестьян-новопорядчиков в частности.

М. Ф. Владимирский-Буданов, например, решительно заявляет: «все... частные имущества (боярские села.— *Б. Г.*) развиваются главным образом на счет свободных волостных земель». Волостные земли — это земли общинные, позднее ставшие государственными. Светские вотчинники, как выражается автор, вторгались в середину черных волостей и постепенно разрушали их. Великокняжеские, княжеские, монастырские вотчины «иногда... по происхождению своему были не что иное, как черные волости, обращенные в частную собственность». Но автор не решается из своего совершенно правильного мнения сделать вывод, что сельское население этих освоенных общин есть исконное свободное крестьянство, которое и составляет основ-

---

¹³ В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 181, 205, 338.

ную массу населения, попадающего в зависимость от князей, бояр, церкви и других привилегированных землевладельцев при освоении этих волостных земель феодалами. Вместо этого он настаивает лишь на другой категории населения вотчин, игнорировать которую, конечно, тоже нельзя. Это — «пришлое население», иначе «перехожие поселенцы», правовое положение которых определяется «рядными записями»¹⁴.

Значительно более четкую и, как мне думается, более правильную позицию в данном вопросе занял К. А. Неволин. «Первоначальное происхождение поземельной собственности в России, — пишет он, — принадлежит временам той отдаленной древности, в которую не проникает свет истории». Частная собственность на землю у нас существовала уже до «пришествия варягов».

Вотчинниками в это время были «постоянные оседлые жители княжества». Служилое и церковное землевладение возникло позднее. «Частные лица в самые древнейшие времена, несомненно, обладали у нас поземельной собственностью, и нет никакой причины принимать, чтобы вся эта поземельная собственность или даже большая часть ее была приобретена ими от князя». «Право обладать поземельной собственностью не принадлежало исключительно или преимущественно некоторым разрядам свободных состояний»¹⁵.

К сожалению, рамки специального труда К. А. Неволлина не позволили ему более обстоятельно высказаться по предмету, в данный момент нас интересующему. Во всяком случае признание права земельной собственности с древнейших времен за всеми классами общества неизбежно ведет к признанию этого права прежде всего за теми, кто непосредственно сидел на земле и ее обрабатывал, т. е. за земледельцем-крестьянином. К. А. Неволин пишет, что освоение земли отдельными лицами наиболее соответствовало положению народа, который получал свое пропитание главным образом от земледелия и звероловства¹⁶.

Освоение земли княжеской дружиной и церковью автор считает явлением более поздним.

Но и К. А. Неволин, когда подходит вплотную к проблеме найма имуществ, говорит о крестьянах в таких выражениях, что и этого автора приходится зачислить в категорию тех, кто крестьянина считает съемщиком чужой земли. «Наем земель и угодий крестьянами, — пишет он, — в древние времена имел

---

¹⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 138—139.

¹⁵ К. А. Неволин. История рос. гражд. законов, т. II, стр. 126—133.

¹⁶ Там же, стр. 127.

несколько видов: 1) наем половнический; 2) содержание из платежей определенного оброка; 3) производство сельских работ с правом на известную часть произведений земли; 4) то же, но с предварительным при том еще займом денег и хлебных зерен, который обеспечивался свободой работника».

Не трудно догадаться, что под вторым видом «найма земли» автор подразумевает наем земли по порядной крестьянской записи. Однако из вышеприведенных рассуждений автора видно, что он не склонен всех крестьян считать сьемщиками чужой земли.

Из этого далеко не полного обзора литературы вопроса совершенно ясно видно, что большинство буржуазных исследователей считало зависимых крестьян Русского государства арендаторами чужой земли, в свое время пришедшими к землевладельцам со стороны и вступившими с ними в договорные отношения (подразумевался тот же договор аренды).

Понятно, почему и вопрос о крестьянах-новопорядчиках принял такой острый характер. «Условия крестьянской аренды», по мысли тех, кто считал крестьянина арендатором, должны были разрешить и качество отношений между землевладельцем и земледельцем, приведшее в конечном счете к закреплению крестьян. Так, М. А. Дьяконов и пишет: «Для выяснения той почвы, которая подготовила появление указа 1597 г., необходимо ближе познакомиться с условиями крестьянской аренды»¹⁷. А так как М. А. Дьяконов вслед за В. О. Ключевским верил в то, что крестьян закрепили их задолженность, то, естественно, он, как и все его последователи, основное внимание уделял вопросу о подмоге или ссуде, которую крестьянин часто брал у землевладельца при порядке.

Сторонникам крестьянской задолженности как основания крестьянского закрепления важно было показать, что задолженность весьма распространена и что выплата долга для крестьян представляет непреодолимые затруднения. Но М. А. Дьяконов всегда очень точен, и факты заставляют его признать, что степень распространенности крестьянской задолженности остается все же неизвестной¹⁸. «Но скорее надо предполагать, — спешит прибавить автор, — что она составляла довольно обычное явление».

Я и не собираюсь возражать М. А. Дьяконову. Действительно, задолженность крестьянина — явление обычное. Но мне хочется отметить, каким путем М. А. Дьяконов доказывает этот тезис. «Это подтверждают, — пишет он, — подробные правила Псковской грамоты о взыскании покрупы. На то же указывают нередкие упоминания московских памятников о кре-

¹⁷ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 338.

¹⁸ «Как широко распространена была эта задолженность, с точностью сказать, конечно, нельзя». (Там же, стр. 346).

стьянских долгах и крестьянах-серебренниках¹⁹, т. е. автор берет для доказательства своего тезиса не факты *крестьянской* задолженности, а условия порядка серебренников, одной из специфических прослоек сельского и городского населения, которое поступало в зависимость именно через серебро.

Предполагая, что таким аргументом тезис доказан, автор старается показать последствия этой задолженности для крестьян. «Невозможность... расплатиться с долгами заставляла таких должников и против воли оставаться за землевладельцами-кредиторами, если те соглашались терпеть у себя неаккуратных должников в положении крестьян. Последние за эту милость принимали на себя новые обязательства в форме новых или увеличенных барщинных повинностей»²⁰. Отсюда фактическая невозможность для крестьянина пользоваться своим правом «выхода» и превращение факта в право. Так объясняет М. А. Дьяконов появление и судьбу «старожильцев». «Именно таким путем крестьяне *старинные* или *старожильцы* образовали первую группу владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины. Это *первые наши крепостные крестьяне*»²¹.

В главе о крестьянах-старожильцах мы уже имели случай видеть несостоятельность такого понимания как правовой природы, так и происхождения старожильцев. Возвращаться снова к этому предмету незачем. Но напомнить эту теорию, столь распространенную еще в недавнее время, необходимо именно здесь, в главе о крестьянах-новопорядчиках.

Крестьян-новопорядчиков как явление массовое необходимо рассматривать не в качестве основных кадров сельского зависимого населения боярщин, а в той же плоскости, в какой мы изучали все виды серебренничества. Это разновидность используемых в феодальном хозяйстве обедневших людей, и безоговорочно смешивать их с массой тяглого полноценного крестьянства, этой основы хозяйственной и политической жизни всей страны, нет оснований. Несомненно, что часть новопорядчиков по отсидении своих льготных годов вливается в состав тяглых крестьян. Но это обстоятельство не позволяет нам забывать того, что в каждый данный момент в Русском государстве так же, как и в Литве (конечно, в известное время и в других странах), существуют две основные категории сельского зависимого населения: крестьяне непохожие (старожильцы) и крестьяне похожие (новопорядчики).

Юридическую природу крестьянина-новопорядчика действительно можно изучить по порядным записям. Мы это и должны

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 348.

²¹ Там же, стр. 350.

сделать, но только с совершенно четкой оговоркой о том, что условия порядка определяют положение только одной разновидности зависимого сельского населения. Необходимо помнить, что состояние новопорядчика временное. По истечении льготных лет он может стать крестьянином, по своему положению равным крестьянину-старожильцу. Его может писец внести в писцовую или переписную книгу и тем самым зачислить в категорию крестьян-старожильцев. До этого момента он от крестьянина-старожильца отличается.

Самая ранняя порядная, на которую ссылается и М. А. Дьяконов, помещена в судном деле по жалобе Николаевского Корельского монастыря на крестьян Першу Трубина и Онисима Васильева, занявших монастырскую землю. В этом интересном деле 1571 г. фигурировало в виде доказательств несколько грамот; среди них и порядная отца Перши Трубина, Елизария Федорова сына Трубина 1544 г.

Истец настаивал на том, что, когда Елизарий Трубин поряжался, у него не было *своей* земли. Ответчик настаивал на том, что и его отец и он сам сидели и сидят на *«своей земле»* (курсив мой. — Б. Г.). Судьи велели прочесть порядную. В ней написано: «Се яз Елизарей Федоров сын Трубин, лисеостровец, порядился есми Тимофею и Барсану, Селиверстровым детем, в Карзину курью великого князя, а своего ж владенья: от Елизара шло 5 вервей, а другая 5 вервей шла от Онтона и от Ивана, от их же сродчев. И яз Елизар порядился на всю 10 вервей. А сеяти мне на них 6 пудов жита урком. А приедут писци великого князя, и мне Елизару и моим детем на той земли не описыватися. А на то послуси (идет перечень). Лета 7052 генваря в 28 день». Судьи спросили Першу Елизарова сына, давал ли эту порядную на себя его отец. Сын ответил утвердительно, и тут же снова прибавил: «да и тогда, государь, у отца моего земля была ж *своя*, и яз, государь, *своею землею* и владею, а тою, государь, яз землю не владею, которая земля в порядной писана». Тимофей и Барсан Селиверстровы дети — это небольшие северного типа крестьяне-землевладельцы, в пользу которых отказал часть своей земли отец ответчика Перши, в доказательство чего он привел «отступную запись» 1537 г.²²

²² «Се яз Елизарей Федоров сын да яз Павел Онкиндинов сын отступился есмя Тимофею да Гаврилу Барсану, Селиверстровым детем, великого князя земли, а своего владенья половины своего жеребья. Да и тое яз Елизарей половины отступился земли, что мне отступилися братия дети Анкиндиновы... в Карзине курьи половину, во дворех, и в дворнцех, и в ораных землях, и в пожнях, и в притеребах, и в рыбных ловищех, и в угодьях, что изстарь потягло от века к той земли. А не измогли есмя великого князя службы служити и дани давати и всяких розрубов земских, и мы взяли себе на послить у Тимофея да у Гаврила 8 рублей денег в московское число. А служба великого князя служити и дань давати и всякие

Абсолютно нет никаких сомнений в том, что Елизарий Трубин не подходит под тот обычный тип обедневших людей, которые вынуждены садиться на чужую землю, брать у хозяина ссуду и льготы. Это человек, не столько потерявший возможность исполнять лежащие на его земле государственные повинности, сколько не желавший их выполнять, почему и решил «отступиться» от половины своих владений, во всяком случае человек достаточно обеспеченный, чтобы вести свое собственное хозяйство. Можно сказать больше: «отступившись» от части тяглого своего участка, он берет землю на стороне, т. е. не сокращает своего хозяйства.

Елизар Трубин предъявил на суде и «дельную» 1531 г., из которой видно, что он действительно владел значительным имуществом, в том числе и землей, внесенной в писцовую книгу Ивана Петровича²³. Среди имущества тут названы: скот, прены, суда, рыбные ловли. Это человек, во всяком случае, не бедный. Берет он по порядной землю не от бедности, он не поступает на работу к хозяину, а поряжается пахать чужую землю на известных условиях, очевидно выгодных для него самого. Чтобы его не смешали с обычного типа крестьянином-новопорядчиком, он вносит в порядную совершенно ясную оговорку, никогда в крестьянских порядных не встречающуюся: «а приедут писцы великого князя, и мне Елизару и моим детям на той земли не описыватися»²⁴. В этой оговорке он видит гарантию от включения его в крестьянское тягло.

Перед нами действительно договор аренды, где арендная плата заменена частью продукта. М. А. Дьяконов, считающий каждого крестьянина арендатором, решил и эту порядную 1544 г. отнести к числу *крестьянских* порядных. Мы этого сде-

---

розрубу нам Елизарыс да Павлу. Лета 7046. На то послуси..., лета 7045» (АЮ, № 23, стр. 54).

²³ «Се яз Назарья Офонасьев сын, да яз Есип, да яз Григорей, да яз Валфромей Филиповы дети, да яз Елизар Федоров сын, да яз Василей, да яз Павел, да яз Иван Онкундиновы дети, да яз Омос, да яз Онтон, да яз Иван Стефановы дети, да яз Ларион Стефанов сын, разделили есмя живыты отцов своих, кони и коровы и овцы, хлеб и деньги, котлы и сковороды, и суды и седла и весь живот без вывета, и земля в Карзине курьи свое владенье, и серебряное. Все земли есмя разделили в Карзине курьи по трем, двory и дворища (идет перечень)...» Елизару досталось с Онкундиновыми детьми четверть прена и с росолом... «Да и платье есмя разделили. Не в делу у нас вобчего живота осталось: на луды двор да лодья с якорем, да шейма и вся снасть, да парус, да мерли: да в Ислохом конце деревня, Омосова купля, да в Похтокурьи полтони Назарыина купля, да на Ширшемской кошки полтони, Онтонова купля; да два оловяника, да два креста, оба серебром обложены, один позолочен, да шесть вставок, да лодья дома и с парусом, да два якори. Да кабалы волчии не делены» (АЮ, № 23, стр. 54—55).

²⁴ Подобная же оговорка имеется и в арендном договоре 1589 г., приложенном к Актам тяглого населения М. А. Дьяконова, в. 1, стр. 77.

лать не можем, так как мы в крестьянине-новопорядчике видим прежде всего человека, вынужденного искать пристанища, «крестьянские пристани», как выражается одна псковская крестьянская, порядная²⁵, у состоятельного хозяина, с своей стороны заинтересованного в доходности своей земли. Часть крестьян-новопорядчиков по истечении льготных лет превращалась в старожильцев, часть, просидев некоторое время «во крестьянех», уходила прочь искать нового счастья у другого хозяина. Ведь закон Судебников говорил о праве крестьянина-новопорядчика совершенно ясно: «А который христианин поживет за кем год да пойдет прочь... а два года поживет да пойдет прочь... а три годы поживет, а пойдет прочь...»²⁶.

В нашем распоряжении достаточно материалов для того, чтобы убедиться, что крестьяне-новопорядчики, «походячие» по терминологии западно-русского права, пользуются своим правом временного пребывания в крестьянстве.

Кандидаты в кабальное холопство рассказывают свои биографии и довольно часто упоминают о том, что они успевали иногда побыть и в крестьянах. Вот, например, Антонида Федотьева дочь Назарьевская жена «в роспросе сказала: не служивала (по служилой кабале, подразумевается) ни у кого, жила во крестьянех»²⁷. Никифор Иванов сын «в роспросе сказал: не служивал ни у кого, жил в крестьянех за Федором за Кур...ным»²⁸. Григорий Федоров сын Иванов «в роспросе сказал: жил, господине, преж сего во Ржеве у Григорья у Мольянинова во крестьянех»²⁹. То же самое говорили о себе и Ондриуша Кузьмин сын: он «не служивал ни у кого, жил во крестьянех в Прибужском погосте за Ортемьем за Опалевым»³⁰. «Не служивал ни у кого, жил во крестьянех в Вотцкой пятине за Лобаном за Лучменевым в Бутковском погосте», — сказал о себе Кузьма Никитин сын³¹. Таких фактов можно привести и больше. Все они говорят о том, что в биографиях определенного круга людей пребывание «во крестьянстве» — явление временное и довольно частое. Это люди все бедные: кто из них до поступления в кабальную службу «ходил по казаком, коровы пас»³², кто жил в наймах «добровольно» («холопство добровольное») ³³,

²⁵ М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, т. I, стр. 43.

²⁶ Судебник 1497 г., ст. 57.

²⁷ Кабальная книга по Шелонской пятине 111 года. Новг. записн. кабальные книги 100—104 и 111 годов, под ред. А. И. Яковлева, ч. II, стр. 302.

²⁸ Там же, стр. 303.

²⁹ Там же, стр. 304.

³⁰ Там же, стр. 316.

³¹ Там же, стр. 334.

³² Там же, стр. 321.

³³ Там же, стр. 319, 320, 321, 322, 324 и др.

кто «под окны хлеба прошал»³⁴, кто «жил походя наймом»³⁵, кто «приставал в бобылках»³⁶.

В приходной книге Волоколамского монастыря 1579 г. не раз отмечаются факты пребывания крестьянина в крестьянстве в течение одного года. Какой-то Васыка «жил один год», Федор тоже «жил один год». Для случаев такого кратковременного пребывания даже выработался тут особый термин, обозначающий «пожилое» Судебников, — «перебылое»³⁷.

Вот этот поистине бродячий элемент русского общества тем, кто нуждался в рабочих руках, надо было ловить и создавать условия для удержания на месте. В тот период истории Русского государства, который интересует нас сейчас, положение создавалось довольно сложное: запретить крестьянам свободу выхода и передвижений значило сильно затруднить служилому человеку, обзаводящемуся своим хозяйством, возможность привлекать к себе крестьян; сохранить старый закон Судебников о крестьянском отказе в силе, — это значило поддерживать неустойчивость рабочей силы в хозяйстве того же служилого человека. Не секрет, что «пожилое», т. е. обязанность крестьянина выплачивать в случае выхода некоторую сумму денег, мало стесняло крестьянские переходы, так как тут заинтересован был не столько сам крестьянин, сколько нуждающийся в крестьянине землевладелец, для которого, если он был мало-мальски человеком состоятельным, выплата пожилого не представляла больших затруднений. Нечего говорить о землевладельцах богатых, у которых для этого рода операций выделялись особые суммы, выдаваемые приказчикам, и даже имелись особые специалисты, «отказчики». Новгородский архиепископ выдавал своим «отказчикам» особые суммы для вербовки крестьян в свои вотчины³⁸, Волоколамский монастырь делал то же самое. Перед 26 ноября старого стиля монастырь проявляет кипучую деятельность. Начиная с 10 ноября (1573 г.) идет рассылка денег приказчикам «крестьяном давати на выходы». В осень 1573 г. было роздано приказчикам для этих целей около 30 рублей. Иногда в записях даже указывается, у кого именно предполагается вывести крестьянина: 19 ноября дано приказчику Андрею Мохову «рубль денег крестьянину на выход, что ему отказывать из-за Бориса из-за Сукина»³⁹. Эти выдачи имеют место в монастыре и в другие годы⁴⁰ до 1581 г. В 1581 г. в связи

³⁴ Там же, стр. 195.

³⁵ Там же, стр. 184, 187, 191, 192, 193 и др.

³⁶ Там же, стр. 323, 324 и др.

³⁷ Истор. архив., т. II, стр. 77—78 и др.

³⁸ Б. Д. Греков. Юрьев день и заповедные годы, Известия АН СССР, 1926, № 1—2.

³⁹ Истор. архив, т. II, стр. 72.

⁴⁰ Там же, стр. 76, 83.

с введением «заповедных годов», практика выходов прекращается совсем.

С полной отчетливостью мы можем видеть крестьян, переведенных на землю монастыря из других мест. Эти крестьяне имеют здесь особое наименование. Они называются «нововходцами». Они поселяются на новых местах, обзаводятся хозяйством, и монастырь старается путем ссуд дать им все необходимое для создания условий, при которых только и может крестьянин быть доходной статьей для своего хозяина. В феврале 1574 г., например, было взято «з Балашковских же деревень з Деденева да с Никитина да с Благинина с выти по полтине оброку. Итого с осми вытей 4 рубли, а з девятой выти взято 10 алтын без 2 денег. *Отдано им за то, что они новые вхотцы*». «Того же месяца в 30 день заплатил с села Турова прикащик Посник Васильев с 16 вытей без чети, с выти по чети рубля, итого 5 рублей без дву алтын с полушкою, *да с новых вхотцов взято с выти вполы оброку пол-5 алтына*»⁴¹ (курсив везде мой.— Б. Г.). 24 сентября 1579 г. «нововходцу Иванку Самойлову дано на клеть 4 гривны»⁴². 9 января 1580 г. «новому входцу Афремку» дана полтина на избу и сверх того займы 15 алтын⁴³, 22 января того же года дано «крестьянину нововходцу Гришке на клеть 15 алтын»⁴⁴. 16 марта того же года дана «по игуменскому приказу... крестьяном нововходцам Ивану Черныге да Истома на лес полтина денег»⁴⁵. Имеются указания на то, что некоторые крестьяне-нововходцы живут на льготе. Крестьянин Юра «жил год на льготе»⁴⁶. Само собой разумеется, что монастырь делает все это не для того, чтобы крестьянин-нововходец покинул свой участок; монастырь старается удержать крестьянина хотя бы на определенный срок, для чего и требовал по нововходцам поручителей.

Иногда нововходцы вводили своих поручителей в убыток. Священник Пафнутий, например, должен был заплатить полтину денег «за то, что он имался порукою по Олешке по Карлове, и тот Олешка збежал за его порукою, а году не зжил»⁴⁷. Тут, впрочем, неясно, в качестве кого этот Олешка порядился жить за монастырем в течение года.

Возникает вопрос, все ли нововходцы заключали с землевладельцем письменные соглашения, порядные записи? Вполне возможно, что не все. От тех, кто не давал на себя записи,

⁴¹ Истор. архив, т. II, стр. 74.

⁴² Там же, стр. 83.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 84.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 70.

⁴⁷ Там же, стр. 71.

очевидно требовались поручители подобно тому, как это практиковалось по отношению к детенышам.

В настоящей главе мы имели дело с крестьянами-новопоярничиками, именно с теми, кто давал на себя порядную запись, где и указывались условия, на каких они поряжались. К сожалению, порядные крестьянские записи именно Волоколамского монастыря до нас не дошли. Но нам хорошо известен тип этого документа. По собранным М. А. Дьяконовым, Археографической комиссией и другим порядным записям мы твердо можем установить составные элементы этого документа. Тут обозначается: 1) кто поряжается, 2) кому, 3) куда именно, 4) срок и условия выхода по истечении срока, 5) подмога и ссуда, 6) трудовые обязательства порядчика и взносы в пользу землевладельца, 7) податные обязательства, 8) льготы, 9) санкция, 10) часть удостоверительная.

Не во всех порядных находятся налицо все перечисленные элементы: иногда отсутствует упоминание о сроке, часто не бывает указания относительно подмоги и ссуды, очень разнообразны условия и льготы в отношении повинностей как государственных, так и частновладельческих.

Вот одна из типичных порядных — порядная крестьянина Никифора Яковлева и Софонтия Афанасьева с Вяжицким монастырем 23 ноября 1576 г.:

«Се яз Микифор Яковлев сын да яз Софонтей Афанасьев сын, Васильевы крестьяне Басланова из деревни из Замотья, дали есмя на себя запись Вежицкому слуги Тимохы Павлову сыну в том, что порядилися есмя за Николу Чюдотворца в Завержский погост на деревню, в Липовец, на штину обжы. А взяли есмя *подмоге* 2 рубля московскую да *льготы* на 2 годы в монастырь дани не давати и не ходити на дело, от лета 7085 да до лета 87.

А живучи нам на той деревни *тягло государское* всякое тянути с волостью вместе, как соху наставим.

А *за ту подмогу нам и за льготу* деревня роспахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити, два хлева да мыльня.

И как пройдут те льготные два годы, и нам давати в монастырь Николы Чюдотворцу оброку по рублю по московскому на год, и на дело на монастырское ходити, как иные крестьяне ходят.

А не отживем мы тех льготных дву годов, и деревни не рощистив и поль не огородив и хором старых не починив и новых не поставив, да пойдём вон, и нам та подмога монастырская 2 рубля московская по сей записи отдати слуге Тимофею Павлову.

А на то послуши: Еремей Семенов да Юпан Никитин.

А запись писал Матфеец Федоров сын Вежыцкой слуга лета 7085 ноября в 23 день»⁴⁸ (курсив везде мой.— Б. Г.).

Хочу обратить внимание на дату заключения договора— 23 ноября, т. е. за три дня до Юрьева дня осеннего, и на то, что крестьяне Никифор Яковлев и Софонтий Афанасьев поряжаются в Вяжицкий монастырь не с воли, а от прежнего своего хозяина Василия Басланова, т. е. переходят от одного землевладельца к другому по правилам Судебника. Несомненно, «отказчик» Вяжицкого монастыря оформил выход или вернее вывоз этих крестьян по всем требованиям закона, попросту переманил их к себе, очевидно предоставив им лучшие условия, чем те, на каких они жили за Баслановым. К сожалению, мы не знаем ни условий, ни продолжительности пребывания этих крестьян у прежнего своего хозяина. Мы только видим, что закон о Юрьевом дне действует, отнюдь не являясь «эфемерным». Для чего же понадобились Вяжицкому монастырю новые крестьяне? Конечно, для того, чтобы они работали на монастырь. В порядной так и сказано: они должны «деревня роспахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити». Это в первые два льготные года, по истечении которых, когда новопорядчики успеют «наставить соху», эти крестьяне должны будут включиться в государственное тягло и в монастырский оброк (по рублю в год), а также и в монастырскую барщину наравне с иными монастырскими крестьянами.

Для обезвреживания в течение двух льготных лет монастырь гарантирует новоприходцам свободу от всяких платежей и дает подмогу в 2 рубля. «За ту подмогу... и за льготу» крестьяне и обязуются выполнить вышеперечисленные работы. Само собой разумеется, что этой работой они погашают подмогу.

Монастырь, привлекая к себе новопорядчиков, не обольщает себя надеждой, что они останутся за монастырем навсегда. Он прекрасно знает, что по истечении двух лет (не исключается и более ранний срок) может появиться отказчик соседнего землевладельца и может переманить к себе монастырских новоприходцев. В порядной сделана только одна оговорка — относительно двух льготных лет, в течение которых крестьяне-новопорядчики обязуются отработать подмогу. Но и тут сказано, что если они уйдут раньше срока и не отработав подмоги, они должны вернуть ее монастырю. Разница со служилой деревенской кабалой тут лишь в том, что по служилой кабале работник обязуется «за рост пашня пахати и двор ставити»⁴⁹ и не собирается включаться в крестьянское тягло.

⁴⁸ АЮ, № 178.

⁴⁹ В. Г. Гейман. Несколько новых документов. Сборник Росс. публ. библ., т. II, вып. 1, стр. 286, № 4.

Крестьянин-новопорядчик таким образом представляет прямой интерес не только для землевладельца, но и для государства. Это возможный тяглец. Нет никаких сомнений, что значительная часть новопорядчиков и оправдывала надежды государства, превращаясь по истечении льготных годов в полноценных тягльцов. Но мы бы сделали большую ошибку, если бы тут же не отметили, что немалая часть новопорядчиков на самом законном основании уходила от старых своих хозяев к новым. Документы Волоколамского монастыря и расспросы кандидатов в кабальные люди в новгородских кабальных книгах в этом нас наглядно убеждают.

М. А. Дьяконов останавливается на вопросе о сроках пребывания крестьянства за хозяином (на вопрос «о сроке аренды», как оценивает акт поряда автор). Он совершенно справедливо отмечает, что в порядных XVI в. обозначается чаще всего срок начала «аренды» и вовсе не указывается ее продолжительность.

Мне кажется, что это совершенно понятно и даже неизбежно при наличии закона о Юрьеве дне. Что же касается замечания М. А. Дьяконова о том, что «во всех северных порядных (Двинск. у.), а таких большинство, точно указан срок аренды, продолжительность которого колеблется от 1 года до 10 лет»⁵⁰, то согласиться с ним необходимо, но только с очень существенной оговоркой, что эти северные порядные не порядные во крестьяне, а настоящий договор аренды. Для М. А. Дьяконова, который порядную во крестьяне тоже считает договором аренды, это смешение двух документов, хотя и близких друг к другу, вполне естественно и понятно. Для тех же, кто порядную во крестьяне не склонны рассматривать как договор аренды, такое смешение недопустимо.

Возьмем для примера документ, который М. А. Дьяконов считает порядной во крестьяне:

«Се яз Зеновей Павлов сын, да яз Кондратей-Богдан Андреев сын, оба мы Великокурские волости, взяли есмя у Спасского церковного приказчика у Ивана у Михайлова сына у Дудорова *на празгу* (курсив мой.— Б. Г.) Спасскую церковную землю в Курской волости половину Войбута острова. И та нам земля орати и сеяти и сено косити один год лета 7000 восмдесятого. А празги есмя порекли от тое земли 2 гривны денег. И та нам празга дати на Семен день Летопроводца, лета 7000 восмдесят первого. А дань и оброки и всякие земские розметы годовые платити с тое земли с волостными людьми мне Зеновью да мне Богдану. А как мы хлеб и сено сойдем, и нас с тое земли огородов не свозити.

⁵⁰ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 341.

На то послуши Деонисей Антипов сын да Третьяк Алексеев сын Поленов. Запись писал Спаской дьяк Алексеев Исаков сын. Лета 7000 восьмдесятого июня в 10 день. *На обороте*: Послух Третьяк Алексеев руку приложил. *Помета*: По сей записи Зинов да Богдан празги 2 гривны заплатили»⁵¹.

Документ очень незатейливого содержания. Два постоянных жильца Великокурской волости, совершенно не собирающиеся покидать своего насиженного места и своей земли (об их земле в документе не говорится ничего, но они волостные люди и тем самым — владельцы своих участков) решили принавать церковную землю сроком на год за плату («празга» — плата за наем). Прошел год, празга уплачена. Весь инцидент исчерпан. Тут перед нами совершенно ясный договор найма имущества.

Ясно выступает договор аренды, например, и в оброчной памяти 1589 г., помещенной М. А. Дьяконовым в приложении к выпуску 1 его «Актów тяглогo населения», которую сам М. А. Дьяконов не считает порядной во крестьяне и помещает только «для сравнения с порядными». Тут дьяк Тимофей Петров берет «на льготу на 6 лет» землю Троице-Сергиева монастыря. Он обязуется в «те льготные лета пашня роспахивать и двор устроить». По истечении льготных лет он обязуется платить монастырю «оброк» по 1 рублю в год и «государева дань и посоха и всякие государевы подати... платити с троецкими крестьяны повытно». Этой земли он не имеет права ни продать, ни заложить «и в писцовые книги за собою не написати». Если понадобится эта земля монастырю, Тимофей обязуется вернуть ее «со всем... и с хоромы»⁵². Такого же смысла и другая запись, помещенная М. А. Дьяконовым в приложении⁵³.

Но совсем не о том говорят порядные во крестьяне. Тут вопрос гораздо сложнее, и совсем не правы многочисленные авторы, сводящие крестьянскую порядную запись к договору аренды.

В 1916 г. против такого решения вопроса энергично выступил П. И. Беляев. По его мнению, «порядная... есть договор о вступлении в подданство с поселением на определенной территории землевладельца». «Как и подданный государства, крестьянин принимает на себя в порядной обязательство подчиняться праву сеньера облагать его денежными и натуральными повинностями по усмотрению». «Как подданный сеньерии, крестьянин обязывается и подчиняться юрисдикции землевладельца»⁵⁴.

⁵¹ РИБ, т. XIV, стб. 90—91.

⁵² М. А. Дьяконов. Акты тяглогo населения, вып. 1, стр. 77.

⁵³ Там же, стр. 78.

⁵⁴ П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, ЖМЮ, 1916, октябрь, стр. 164—165.

Возражая против трактовки крестьянской порядной как договора аренды, автор выставляет следующие соображения: многие порядные не говорят: 1) об объекте договора (не упоминают об участке, который снимается крестьянином); 2) о плате за этот участок; 3) о сроке договора⁵⁵.

Несмотря на то, что наблюдения П. И. Беляева не совсем точны (он не различает бобыльских и крестьянских порядных, не учитывает изменений в юридическом положении крестьян на протяжении XVI—XVII вв.), тем не менее во многом он прав. Прав прежде всего в том, что крестьянская порядная не есть договор аренды. Нельзя не сочувствовать его борьбе с укоренившимся предрассудком, будто русские крестьяне XVI—XVII вв. есть арендаторы.

Марксистская историческая наука отмечает все эти соображения, мешающие объективному разрешению вопроса.

Поступление в крестьянство, конечно, не может быть простым арендным обязательством. Понятие крестьянина феодального общества решительно не исчерпывается понятием арендатора даже тогда, когда он приходит вновь и садится на землю феодала. Нечего говорить о старожильцах, большая часть которых живет наследственно из поколения в поколение на земле отцов и дедов. Они с арендаторами не имеют ни малейшего сходства.

А поскольку вновь поряжающийся новоприходец заявляет о своем желании стать крестьянином, т. е. после истечения льготных годов включиться в крестьянскую среду, не похожую на арендаторов, мы не имеем никаких оснований и новоприходца считать арендатором, несмотря на то, что некоторые элементы аренды в порядной и имеются. Новопоряжающийся обычно имеет перед собой довольно большой выбор состояний. Он может дать на себя служилую кабалу, может стать бобылем, может «служить добровольно» или стать половником, наконец, детенышем (если собирается поряжаться в монастырь). Если же он твердо заявляет о желании стать крестьянином и дает на себя порядную именно в крестьяне, то он, несомненно, имеет в перспективе и государственные повинности, и частновладельческие обязательства, и зависимость от землевладельца судебную и административную, т. е. характерный для феодальных отношений довольно сложный переплет условий, далеко выходящий за рамки арендного договора.

Другой вопрос, как долго новопорядчик проживет у своего хозяина. Закон давал ему право по соглашению со своим хозяином уходить в Юрьев день. Но эта сторона дела не меняет правовой природы крестьянина вообще. Льгота, при посредстве которой приманивает землевладелец потенциального

⁵⁵ Там же, стр. 166.

крестьянина, лишь отодвигает на¹ определенное время полное включение новопорядчика в среду тяглого крестьянства, освобождает его на время чаще всего только от одной стороны крестьянских обязанностей — государственного тягла, реже и от платежей и повинностей частновладельческих, но всегда с обозначением, что по истечении льготных годов новоприходец обязуется делать и то, и другое.

Итак, мы, с одной стороны, не имеем права закрывать глаза на то, какие конечные цели ставит себе порядная крестьянская запись, с другой стороны, не можем не отметить в каждый данный момент наличия в любой вотчине двух категорий крестьян: полноценных крестьян-старожильцев и крестьян, пребывающих в переходном состоянии, живущих на льготе.

Если крестьянин феодальной сеньерии представляет собой вполне законченный тип общественного состояния, то и крестьянин-льготчик в период своего сидения на льготе заслуживает быть отмеченным как тип со своим особым правовым обликом, хотя и не поддающимся точному определению в рамках римского или капиталистического права.

Если основная масса крестьян-старожильцев — это потомки мелких землевладельцев, подпавших под власть феодалов в связи с захватом и освоением феодалами земли, то крестьянин-новоприходец — это следствие экономического принуждения. При примитивности в условиях феодального строя техники сельского хозяйства, привлечение новых крестьян на еще нераспаханные или по тем или иным причинам опустевшие участки земли, увеличение количества мелких крестьянских хозяйств, способных давать землевладельцу докапиталистическую земельную ренту, — было единственным способом удовлетворить растущую нужду землевладельца в деньгах, обострившуюся, как мы уже могли видеть, со второй половины XV в. Количество новопорядчиков росло вместе со стремлением землевладельцев увеличить доходность своей земли. До нас дошло множество жалованных грамот XV—XVI вв., особенно монастырям, где разрешалось и даже рекомендовалось землевладельцам называть на свои земли новых крестьян. Государственная власть, несомненно, видела здесь и свой большой интерес. Во имя этого интереса эта же власть ограничивала аппетиты землевладельцев условием не принимать к себе тех крестьян, которые уже тянули государственное тягло и сидели на княжеской земле.

Для иллюстрации приведу выписку из жалованной грамоты Углицкого князя Андрея Васильевича Покровскому монастырю 1476 г.: «Се яз князь Андрей Васильевич пожаловал есми Покровского игумена Паисею с братиею... слободу собирати на сей стороне Волги... и кого к себе в ту слободу пере-

зовут жити из иных княжений, а не из моей вотчины княжения Андреевы Васильевича, и тем их людем слобожаном ненадобеть моя дань на 20 лет; а кого к себе перезовут жити из моей вотчины безвытных людей или себе откупив посадят, и тем их людем ненадобеть моя дань на 10 лет... а тяглых моих людей письменных и вытнх в ту слободку им не принимати»⁵⁶.

Тут указывается два возможных источника для пополнения монастырских крестьянских кадров: 1) из иных княжений; 2) из Углицкого княжения, но только людей безвытных или серебряников. Первых князь особенно рекомендует и для вяпщей приманки дает льготу от податей на 20 лет; вторых рекомендует, но уже не так рьяно. И, наконец, решительно запрещает принимать подлинных крестьян-старожильцев. Это обычный и совершенно понятный прием государственной власти каждого из княжений. Факты, подтверждающие это положение, весьма обильны.

После ликвидации отдельных княжений и слияния их в единое Русское государство с центром в Москве, эгоистическая политика удельных князей должна была прекратиться. Москва, учитывая внутриклассовую борьбу в среде феодалов и нарастающее недовольство крестьян, начинает регламентировать крестьянский вопрос в интересах помещиков. Появился первый после «Русской Правды» общерусский законодательный сборник — Судебник 1497 г.

Но пережитки старой практики сохранились и в XVI в. Строгановым — этим нового типа крупным феодалом, в особых жалованных грамотах повторено было старое правило: «А из Перми, ни из иных городов нашего государства, Григорью (в другой аналогичной грамоте — Якову) тяглых людей и письменных к себе не называти и не принимати... а придет кто к Григорью (Якову) из иных городов нашего государства, или из волостей, тяглые люди с женами и с детьми... и Григорью (Якову) тех людей тяглых с женами и с детьми от себя отсылати опять в те ж города... а у себя ему тех людей и не держати и не принимати... А которые люди пойдут из Перми жити, и тех людей Григорью (Якову) имати с отказом, неписьменных и нетяглых»⁵⁷.

Такое же разрешение дается и ваянам, шенкурцам и Вельскому стапу: «А на пустые им места дворовые в Шенкурске и в Вельску на посаде и в станех и в волостех в пустые деревни и на пустоши и на старые селища хрестьян называть и старых им своих тяглецов хрестьян из-за монастырей выводить назад

⁵⁶ ААЭ, т. I, № 102.

⁵⁷ ДАИ, т. I, № 117 и 119.

бессрочно и беспошлинно и сажати их по старым деревням, где кто в которой деревни жил прежде того»⁵⁸.

Из этих документов с полной очевидностью вытекает, что: 1) контингент лиц, годных к поселению в крестьяне, имеется достаточный, хотя московскому правительству уже не приходилось указывать на «иные княжения» как на источник безнаказанного переманивания рабочих рук; 2) потребность в осаживании новых крестьян на земли феодалов не исчезла; 3) правила Судебников о крестьянском отказе еще в силе.

Само собой разумеется, что каждый землевладелец был заинтересован в том, чтобы крестьяне, обжившиеся за льготные годы на его земле, продолжали у него жить и впредь, и принимал с этой целью соответствующие меры. Некоторые из землевладельцев (например, Троицкий монастырь, как мы уже видели) добились еще до издания общего закона об отмене Юрьева дня запрещения перехода с их земель крестьян-старожильцев. В конце XV и в первых трех четвертях XVI в. общих мер о запрещении крестьянских выходов государство еще не принимало, так как далеко не всем землевладельцам такая мера в это время была выгодной. Она была невыгодна для основных кадров растущей армии московского великого князя, а потом царя, так называемых помещиков, детей боярских, энергичной и верной опоры власти централизующегося государства.

Надо было подождать, когда дети боярские крепче осядут в своих поместьях и обзаведутся своим хозяйством.

Но и после решительных мер, неоднократно принимавшихся государством, начиная с 80-х годов XVI в. и в течение всего XVII в., новопорядчики не исчезли. Изменилось только их правовое положение: начиная с 80-х годов XVI в., они стали поряжаться «до государевых выходных лет». Так продолжалось до середины XVII в.

Весьма вероятно, что оставалась еще категория так называемых «новоприходцев», которые жили за порукой, как это видно из приходо-расходных книг Волоколамского монастыря, и порядных записей на себя не давали. На таких «новоприходцев» действие заповедных годов не распространялось.

Наконец, во второй половине XVII в. в толще феодальных общественных отношений стали прорываться новые явления. Имею в виду категорию наймитов, живших по так называемым «жилым записям».

Итак, новопорядчики — особая категория сельского населения, которую нельзя смешивать с массой крестьян-старожильцев.

⁵⁸ Имеются в виду крестьяне, разошедшиеся «в монастыри бессрочно и без отказу» (ААЭ. т. I, № 234, стр. 231 и 238; Уставная Важская грамота 1552 г.).

1. Новопорядчики — это обедневшие люди, которые не могут справиться с крестьянским тяглом, не имеют средств начать самостоятельное крестьянское хозяйство, но надеются со временем через подмогу или ссуду от землевладельца стать в ряды крестьян-старожильцев.

2. Количество таких обедневших людей растет с конца XV в. в связи с ростом внутреннего рынка.

3. Землевладельцы, особенно же те, у которых хозяйство еще мало устроено, заинтересованы в приеме к себе новопорядчиков.

4. Государство до 80-х годов XVI в. поддерживает их право перехода. После издания закона о заповедных годах сами землевладельцы стараются в порядную запись вставлять условие о неотказе новопорядчиков.

5. Договор, определяющий отношения между землевладельцем и новопорядчиком, не может быть точно определен ни в терминах римского, ни в терминах капиталистического права. Это договор средневекового феодального права о вступлении вольного человека в сеньериальную зависимость.

6. Со второй половины XVII в. в практике появляется «жилая запись» — договор найма, почти целиком освобожденный от феодальной оболочки.

8. Деревенские бобыли

Бобыльство как общественное явление родилось в той же бурной обстановке второй половины XV и первой половины XVI в., в которой, в результате имущественного расслоения деревни, роста внутреннего рынка и усиления податных требований государственной власти выросли и некоторые другие слои сельского и городского населения, о которых шла речь выше.

Первое известное нам упоминание о бобылях имеется в Псковской летописи под 1500 г., где речь идет о подготовке псковичей к походу против Литвы. Распределение воинских обязанностей шло так: «з 10 сох конь, а з 40 рублей конь и человек в доспехе, а бобыли пеши люди»¹. С сох несут повинность крестьяне, посадские люди «с животов и промыслов», т. е. с доходов. Бобыли, очевидно, не организованы, несут повинность лично за себя и в качестве пехоты, так как на коня у них нет средств. Это первое упоминание бобылей, конечно, не означает, что только в начале XVI в. появилось бобыльство, но оно, несомненно, говорит о сравнительно недавнем его возникновении, так как ни в Киевской Руси, ни в отдельных княжествах периода феодальной раздробленности мы бобылей не встречаем.

¹ Псковская I летопись, изд. 1941 г., стр. 84.

Историческая наука давно заинтересовалась вопросом о бобылях. В нашем распоряжении значительная специальная литература. Мнения ученых необычайно пестры, что само по себе говорит о том, что вопрос в достаточной мере сложен. Одни из ученых считают, что «вопрос о бобылях — один из самых темных вопросов в истории русского права»². Другие убеждены в том, что вопрос о бобылях «не столько сложен, сколько осложнен в литературе множеством гипотез, замечаний и соображений», что вопрос «совсем небольшой и неважный»³.

Не менее показательны также и то, что два крупных буржуазных специалиста — В. И. Сергеевич⁴ и С. А. Шумаков⁵ отказались давать какое-либо определение сущности бобыльства и настойчиво рекомендуют ограничиться лишь описанием отдельных его видов. С. Б. Веселовский не находит в бобылях юридических признаков, считая их просто бедными людьми, которых писцы *иногда* (курсив автора) называли бобылями⁶. Однако большинство исследователей не отказывалось от попытки дать бобыльству общее определение, но в своих мнениях сильно разошлось.

И. Д. Беляев, отметив, что «до XVI века бобылей мы не встречали и, вероятно, их тогда не было», что «бобыли в XVI веке были новым явлением..., выработанным необходимостью дробить тягла, для многих крестьян уже неподручные по тяжести податей и повинностей», определяет бобыля как тяглеца, сидящего на половинном тягле⁷.

С. М. Соловьев решал вопрос слишком упрощенно. Он видел в сельском населении три разряда: «крестьянина, бобыля и захребетника, отличающихся друг от друга величиною своих хозяйственных средств»⁸. Приблизительно так же смотрел на бобылей и А. С. Лаппо-Данилевский. Среди тяглецов он различал «собственно крестьян (в узком смысле) и бобылей. Разница между теми и другими состояла, главным образом, в размерах и характере их хозяйств. Бобыли имели обыкновенно недостаточное количество земли или вовсе ее не имели и нередко занимались черною работой и мелкими промыслами. ... Правительство считало бобылей, обыкновенно, вдвое менее состоятельными, чем крестьян». «Различие крестьянского и бобыльского хозяйства вело и к различию положений крестьянина

² С. А. Шумаков. Темные пункты в истории русского права, ЖМНП, 1904, апрель стр. 206.

³ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 516.

⁴ «Исследователь может только описать все эти виды (бобыльства. — Б. Г.), но должен отказаться от одного общего определения» (В. И. Сергеевич. Древности русск. права, т. III, 1903, стр. 467).

⁵ С. А. Шумаков. Темные пункты, стр. 208.

⁶ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 517—518.

⁷ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 75—76.

⁸ С. М. Соловьев. История России, кн. 3, стб. 727.

и бобыля в податном отношении». Но автор, сделав это замечание, не мог проследить, в чем собственно состояла эта разница. Ему не трудно было ее отметить между непашенным бобылем и пашенным крестьянином. Первые платили оброк и не тянули тягла, вторые были настоящими тяглецами. Что же касается «пашенных бобылей», то А. С. Лаппо-Данилевский вынужден сказать, что между ними и крестьянами «особенно резких различий в податном отношении не было»⁹.

М. Ф. Владимирский-Буданов считает бобылей людьми, «занимающими дворы, но не пахотные участки». Это «типичные» бобыли. Но Владимирский-Буданов признает и другие нетипичные разновидности бобыльства, в их числе и бобылей, занимающихся «полевой работою». «Их личные права не ограничены ничем и, повидимому, превосходят права вытных людей; именно они могут переходить на частновладельческие вотчины; но фактическое их положение как лиц неимущих ставило их в тесную зависимость от хозяина»¹⁰. Бобыли до Уложения Алексея Михайловича это—«вольные люди» «в положении равном с подчиненными членами семьи»¹¹.

Вопрос об отношении бобыля к земле, вопрос о бобыльской пашне вызвал в литературе оживленные прения и большую разногласицу. С. А. Шумаков допускает возможность пашни у бобыля не в виде исключения или уклонения от «типа», а как явление нормального порядка¹². В. И. Сергеевич говорит, что у бобылей встречается «собственная запашка на арендуемой земле»¹³. М. М. Богословский считает с наличием пашенных бобылей, но признает это настолько же редким, как факт беспашенности крестьянина¹⁴. М. А. Дьяконов считает пашенного бобыля не типичным, бобыль рисуется у него «дворовым», т. е. владеющим двором, сидящим во дворе¹⁵.

О бедности бобылей говорят почти все исследователи, указывая на бедность, как на один из существенных признаков бобыльства и как на причину, порождающую самое явление. А. С. Лаппо-Данилевский, тоже признавая бобыльскую бедность явлением обычным, указывает на случаи их зажиточности, даже значительной¹⁶.

⁹ А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, стр. 103—104; отчет о 41-м присуждении наград гр. Уварова, стр. 91.

¹⁰ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 136.

¹¹ Там же, стр. 308.

¹² С. А. Шумаков. Темные пункты, стр. 208.

¹³ В. И. Сергеевич. Древности русск. права, т. III, 1903, стр. 467.

¹⁴ М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере, стр. 136—138.

¹⁵ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 218.

¹⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Отчет о 41-м присуждении наград гр. Уварова, стр. 93.

Рассматривать всю буржуазную литературу вопроса я не собираюсь. Очень обстоятельный обзор исторической литературы по этому предмету сделан Е. Сташевским¹⁷. Считаю необходимым остановиться на двух работах, где вопрос о бобылях рассмотрен наиболее внимательно. Это «Древности русского права» В. И. Сергеевича и «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве» М. А. Дьяконова.

В. И. Сергеевич отмечает два вида бобылей: бобыли московские и бобыли новгородские. По его мнению, «юридически это два совершенно разных состояния». Собственно в Новгороде бобылей не было совсем. Это московские писцы называли бобылями беспашенную часть новгородского населения, нанмававшую у землевладельцев дворы и платившую за наем дворов «шозем».

Это заключение В. И. Сергеевича тем удивительнее, что, по его же собственному мнению, московский бобыль совсем не похож на новгородского «арендатора». Московский бобыль — это бессрочный слуга, находящийся в худшем положении, чем кабальный человек. Порядная в бобыли тоже-де явление исключительно московское. Это договор, по которому поряжающийся в бобыльство поступает в услужение да еще с обязательством платить оброк бессрочно. «Все обязанности на стороне бобыля, а на стороне господина только права... бобыль ничего не получает, зато обязывается служить и оброк платить, и все это бессрочно, но господин не обязывается его держать, стало быть, может прогнать, когда захочет»¹⁸.

Под бобыльским оброком автор понимает тоже нечто совсем неожиданное. Это-де неустойка, которую бобыль должен платить, если уйдет со двора господина и перестанет на него работать¹⁹. От одного обязательства (платежа оброка), стало быть, В. И. Сергеевич бобыля освободил. Но бобыль, «поступая на службу частного господина, не освобождался от платы государственных податей», бобыльство спасает только от «служб»: бобыля уже «не пошлют ни в рогаточные сторожа, ни в кабацкие целовальники, ни в таможни, ни в проводники с подводами и т. д., потому что он живет в бобылях в господском дворе». «Надо полагать, в этом бобыльстве скрывается запрещенный институт закладничества»²⁰.

На протяжении своего исследования о бобылях В. И. Сергеевич не перестает удивляться, удивление его достигает иногда превосходной степени: порядная в бобыли «удивительнейший»

¹⁷ Е. Сташевский. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. 1, Киев, 1913, стр. 47—49.

¹⁸ В. И. Сергеевич. Древности русск. права, т. III, стр. 135—136.

¹⁹ Там же, стр. 137.

²⁰ Там же; стр. 138—139.

документ ²¹, отношения между господином и бобылем «удивительные» ²². Невольно закрадывается подозрение в происхождении этого удивления.

Институт бобыльства держится два-три столетия, регулируется государственной властью, меняется его правовое положение в связи с изменениями в общественных отношениях, т. е. живет вполне нормальной жизнью. Может быть, следует удивляться не самому институту, а пониманию его самим Сергеевичем, известным историком русского права.

Безнадежность позиций автора делается еще яснее, когда он заявляет, что «бобыли не составляют одного класса людей со своими особыми признаками» и что исследователю остается только описывать отдельные виды бобыльства ²³.

С. А. Шумаков последовал совету В. И. Сергеевича и нашел еще одну разновидность бобыля — бобыль-изгой ²⁴.

М. А. Дьяконов пошел по другому пути. Ему, собственно говоря, принадлежит наиболее полное исследование вопроса. На стр. 221 своего известного труда он дает такое определение бобыльства: «типичной и господствующей формой бобыльства... мы считаем бобылей непашенных и нетяглых, имевших собственную усадебную оседлость». Но несколько ниже он уже значительно отклоняется от этого определения. На стр. 235 у него говорится, что у бобылей нет ни своего двора, ни своего усадебного места, все это он получает на праве пользования от хозяина, за что он платит своему хозяину оброк. «Бобыли непашенный человек не в силу того, что он земледелию предпочел какой-либо промысел, находя его более выгодным, а что он непашенный только потому, что вследствие бедности покинул земледелие, отбыл пашни... или по неимению средств не мог нигде пристроиться на пашню, порядиться во крестьяне» ²⁵.

Вполне понятно, почему М. А. Дьяконов одобряет и мнение М. И. Горчакова о том, что бобыли имели только усадебную оседлость ²⁶.

Из дальнейшего будет видно, что этому определению бобыльства противоречат факты. Не соответствует фактам и трактовка данного предмета В. И. Сергеевичем.

В. И. Сергеевич пытается доказать, как мы уже видели, принципиальную разницу между бобылем новгородским и бобылем московским. Для доказательства положения, что

---

²¹ Там же, стр. 135 и 139.

²² Там же, стр. 135.

²³ Там же, стр. 467.

²⁴ С. А. Шумаков. Темные пункты, стр. 208—209.

²⁵ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 802.

²⁶ Там же, стр. 209; М. И. Горчаков. О земельных владениях всеросс. митрополитов, стр. 207.

новгородский бобыль — поземщик-арендатор, В. И. Сергеевич рассуждает так: в Новгороде были исстари беспашенные люди, платившие позем, арендную плату. В XVI в. в писцовых книгах, составленных московскими писцами, «наряду с поземщиками» начинают упоминаться бобыли, которые тоже платят позем. Следовательно, поземщик и есть бобыль.

Не трудно, однако, заметить тут крупное недоразумение. Во-первых, едва ли писец в одной и той же книге называл одно и то же явление разными именами, во-вторых, почему невозможно допустить, что «позем», т. е. аренду, могли платить самые разнообразные категории населения: ведь не всякий же арендатор непременно бобыль, хотя бобыль вполне мог быть и арендатором.

В новгородских писцовых книгах мы не раз встречаем «поземные двory». Их действительно очень часто снимают бобыли: «Во Млеве, например, на погосте двory поземные, их всех 12 двory. А позему дают з двора по 7 денег по ноугородцкую. Все — бобыли беспашенные. И всего дают 28 алтын». Во Млеве оказалось бобылей больше, чем могли вместить 12 поземных двory, и часть бобылей разместилась иначе: «да у крестьянских двory у деревень двory бобыльские беспашенные 5 двory»²⁷. Эти двory «у деревень» не специально созданы были для бобылей. Совсем не обязательно, чтобы поземный двор непременно отдавался бобылю. В волости Кириллова монастыря, например, мы встречаем два «поземных двора», которые «стали ново после писцов» в 1531 г. и дают позему «игумену с братьею в дом на год по 7 денег по ноугородцкую з двора да посельнику по 3 московки з двора на год»²⁸. Здесь совсем не сказано, кто именно живет в этих дворах, может быть, и не бобыли. Нам известны случаи, когда бобыль платит позем совсем не своему господину, а тому, у кого он арендует двор. Здесь бобыльство отделяется от позема²⁹. В «Приходной книге новгородских архиепископских волостей оброчных» 1577 г., в составлении которой московские писцы совсем не повинны, так как она велась софиянами, встречаются и бобыли. Они платят и оброк и позем особо, имеются тут и съемщики двory, которые бобылями не называются³⁰.

В нашем распоряжении интересный документ: «В Старой Русе позем з двory и с огородов 85 года». Это запись прихода казначая Софийского Новгородского Дома. Среди поземщиков

²⁷ НПК, т. VI, стр. 824 (1551 г.).

²⁸ НПК, т. VI, стр. 822.

²⁹ Архив Института истории АН СССР, Акты Новг. каз. пал., т. VI, № 371.

³⁰ Рукопись б. СПб. духовной академии, № 1548 (хранится в Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

не обозначено ни одного бобыля. Зато обозначены — священник, купцы, проскурница, ремесленники, пономарь, извозчик³¹. Если среди них и были бобыли, о чем записи молчат, то во всяком случае немного. В одной порядной 1659 г. Степашко Тимофеев с отцом своим при порядке в крестьянство заявляли, что жили они до этого у крестьянина Иверского монастыря «в приворотной его и позему на год платили ему по полтине, а за Иверским монастырем и ни за кем на крестьянском участке не живали и ни за ково во крестьяне и в бобыли не поряжались и крепостей на себя не давали»³².

Желание видеть во всяком поземщике бобыля приводит В. И. Сергеевича к явным недоразумениям. В сотной выписи из писцовой книги Вологодского уезда 1592 г. В. И. Сергеевич нашел любопытное соединение крестьянства и бобыльства в одном лице. В этой сотной написано: «В селе Туруптаеве дворы крестьянские пашенные... во дв. Олешка Терентьев...» А затем следует перечень «дворов и мест дворовых и огородов оброчных...: во дв. Куземка Ларивонов, да место дворовое за Олешою Терентьевым; во дв. Куземка Иванов, место огородное за Олешою Терентьевым»³³. Этого Олешку Терентьева Сергеевич считает крестьянином, потому что его так называет писцовая книга, а в бобыли его произвел сам Сергеевич на том основании, что Олешка Терентьев снимает место дворовое, что, по мнению Сергеевича, является признаком бобыльства. Но таких крестьян, которые снимают дворовые места, можно указать немало³⁴. Наконец, документ, на который ссылается Сергеевич, сам говорит в итогах: «И всего... 41 дворов крестьянских пашенных, да 18 дворов крестьянских же не пашенных оброчных». Оброчные дворы названы в сотной «крестьянскими». Один факт оброка-позема сам по себе не дает основания считать платящих оброк-позем бобылями ни в Новгороде, ни в Москве.

Отождествлять поземщика с бобылем, как это делают, кроме В. И. Сергеевича, Н. А. Рожков³⁵ и М. А. Гневушев³⁶, нельзя. Но что бобыли часто бывали поземщиками, в этом сомневаться не приходится.

М. А. Дьяконов тоже не принял разновидностей бобыльства по территориальному признаку и рассматривает московских и новгородских бобылей вместе.

³¹ Архив Института истории АН СССР, Актовые книги Новг. Соф. Дома.

³² Акты Новг. каз. пал., т. VI, № 371.

³³ Волог. губ. ведомости, 1898, № 23.

³⁴ См.: В. Д. Греков. Новгородский Дом св. Софии, стр. 407.

³⁵ См. его рецензию на книгу М. А. Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве», ЖМНП, 1899, янв., стр. 241.

³⁶ М. А. Гневушев. Сельск. насел. Новг. обл., стр. 161—176.

Главный признак бобыля, по мнению М. А. Дьяконова, — его беспашенность и нетяглость. Беспашенность он понимает не в смысле отсутствия у бобыля пашни, записанной в писцовую книгу и положенной в тягло, а буквально: по его мнению, бобыль не обрабатывает земли. М. А. Дьяконов так понимает и вышеприведенный текст Псковской летописи: бобыли идут в войско пешими, «потому что у них нет ни земли, ни денежных доходов». Так же прямолинейно он понимает и технические выражения новгородских писцовых книг: «во дворе... бобыль без пашни»³⁷. Многие специалисты уже высказывали свои возражения по поводу «беспашенности» бобыля в понимании М. А. Дьяконова³⁸.

В нашем распоряжении много фактов, говорящих о том, что у бобыля пашня бывает и очень часто, что, стало быть, беспашенность не может служить признаком бобыльства. В «Приходной книге архиепископских волостей оброчных» 1577 г. отмечается не раз бобыльская пашня: «А нынеча пашня дана на оброк пахати бобылем Грузинским. Оброку взяти 2 гривны»³⁹. Из писцовой книги Шелонской пятины 1584 г. видно, что бобыли Опоцкого монастыря пахут пашню⁴⁰. В писцовой книге Новгородского митрополичьего дома 1592 г. тоже значится: «дер. Токарево..., а в ней во дв. бобыль Глабан Якуш Мокеев, во дв. Якуш Ондреев. Пашни в поле 8 чети, а в дву по тому ж. Сена 9 копен, 2 обжи. И тое пашню те бобыли сеяли ярью Кусецкие волости из снопа». Тут же в итоге: «И всего в Никольском погосте на Сяси на Кусеге митрополичих дворцовых деревня, да 5 пустошей. А в деревне 2 двора, а в них 2 бобыля, а в деревне и на пустошах нынешнего 100-го году пахали из снопа митрополичи бобыли да поп... да крестьяне...»⁴¹. В дозорной книге Обонежской пятины времен Михаила Федоровича имеются указания на то, что «помещики... пахут пашню на себя людьми своими и бобыли»⁴², причем бобыли называются «непашенными».

³⁷ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. населения, стр. 209—210. М. А. Дьяконов не мог, конечно, не заметить в источниках упоминания бобылей, пахущих землю, но он отводит эти факты как нетипичные. «По нашему мнению, — пишет он, — ни бобыли-захребетники, ни пашенные бобыли вовсе не типичные представители бобыльства... Типичною и господствующею формой бобыльства... мы считаем бобылей непашенных и нетяглых, имевших собственную усадебную оседлость» (там же, стр. 221).

³⁸ А. С. Лапко-Данилевский. Отчет о 41-м присуждении наград гр. Уварова, стр. 95—96; М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 308; С. А. Шумаков. Темные пункты истории русского права; С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 519 и др.

³⁹ Рукоп. б. СПб. духовной академии, № 1548.

⁴⁰ К. А. Неволлин. О пятинах и погостах, прил., стр. 116.

⁴¹ Архив Института истории АН СССР, Актов. книга Новгор. Соф. Дома, № 37.

⁴² ЦГАДА. Писц. кн. Обон. пятины, № 978.

Противоречия тут никакого нет. Бобыль называется непашенным не потому, что он не обрабатывает землю, а потому, что у него с точки зрения финансового ведомства нет пашни, т. е. нет пашни, обложенной тяглом. У бобыля есть либо своя бобыльская пашня, либо же пашня господская, которую он возделывает. В бобыльской порядной 1663 г. прямо и говорится: «И землю бобыльскую пахать, где прищу, где мне любо»⁴³. Вольный человек Терентий Леонтьев сын в бобыльской порядной пишет о том, что он собирается вести сельское хозяйство, «где прищу землю пахати»⁴⁴.

То же встречаем и в более поздней бобыльской порядной 1685 г. Поряжающиеся в бобыли просят дать им «земли под пашни». В том же документе имеется и очень важное разъяснение. Колмов монастырь, поряжающий этих бобылей, обещает «а иному тое земли, что им будет отведена, не отдавать нам игумену и братии, *крестьяном в тягло и бобылям с наддачи*»⁴⁵. Стало быть, и крестьянин и бобыль нуждаются в земле, но получают ее не на одинаковых условиях: крестьянин берет в тягло, бобыль — из бобыльского оброка.

Очень красочна и содержательна челобитная бобыля новгородскому митрополиту Питириму (1664—1672). Он рассказывает, что заболел, обеднел и поэтому не сеял хлеба в течение 2 лет⁴⁶. Итак, у бобылей (конечно, не у всех, о чем речь ниже) пашня есть, но это пашня, не положенная в тягло. «Беспашенный» бобыль — выражение, которое надо понимать не буквально. Бобыли папшут либо оброчные земли, не положенные в тягло, либо собственную пашню землевладельца, либо же им предоставляется право подыскивать себе землю, конечно, тоже не положенную в тягло, — где прищут, где любо.

Записи относительно бобылей в писцовой книге Шелонской пятины 1539 г. действительно носят очень стереотипный характер: во дворе такой-то называемый по имени бобыль «без пашни», или «дворы бобыльские беспашенные». Несомненно, что среди бобылей есть люди, которые, живя в деревне, земле-

⁴³ Б. Д. Греков. Новгородские бобыльские порядные, стр. 12.

⁴⁴ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладниках, стр. 124 (ЛЗАК, вып. XXII).

⁴⁵ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 34—35. Относительно бобыльской пашни в бобыльских порядных имеется еще несколько совершенно ясных указаний: бобыль Овдокимко Иванов обязуется «поля распахати и по своей выти огородити поля... и пашня пахати на своем участке... и пашни не запереложити». Порядная 1628 г. (там же, стр. 9). Другой бобыль Иван Михайлов сын Воронов берет ссуду «на хлеб и на семена». Порядная 1679 г. (там же, стр. 32). Бобыль Луппа Демидов просит «земли под пашни». Порядная 1685 г. (там же, стр. 33) и т. д.

⁴⁶ Акты Новг. Соф. Дома, т. II, № 84.

делием не занимаются. Например, бобыль Микифорко кузнец⁴⁷ или бобыли Микифорик Гридин и Степанко Власов «скоморохи»⁴⁸. Относительно других бобылей, о которых сказано, что они «без пашни», надо воздержаться от категорического заключения об отсутствии у них обрабатываемой ими земли. Надо дать ясный отчет в том, что именно разумели писцы под этим штампом «без пашни». Вот, например, «дер. Витчи на реке на Липне: двор большой, во дв. сам князь (Белосельский.— *Б. Г.*). А службых дворов *без пашни*: во дв. Степашко, во дв. Олексейко, во дв. Михалко. Пашни боярские в одном поле 20 коробей, а в дву по тому же, сена 200 копен, пол-3 обжы». Мы имеем право предполагать, что эти-то слуги, о которых сказано, что они «без пашни», и обрабатывали «боярскую пашню»⁴⁹. Точно в такой же роли мы встречаем в той же книге и бобылей. «Дер. Кошелево: во дв. сам Васюк Колосов (помещик.— *Б. Г.*) с детьми, во дв. бобыль Иванко, во дв. Федотко Хобарь. Пашни в одном поле 6 коробей, а в дву по тому же, сена 30 копен, обжа»⁵⁰. Нет ничего невероятного, что бобыль Иванко принимает участие в обработке помещичьей пашни.

В таком же положении, не исключая возможности пашни, встречаются и другие бобыли. «Деревня Китово на острове: во дв. Самсонко Якушев, во дв. Микулка Тимофеев. Пашни в одном поле 5 коробей, а в дву по тому ж, сена 60 коп. Да на той же земле по конец поля во дв. Онтипко бобыль без-пашни»⁵¹. «Дер. Дроздово: во дв. Филипко Гридин сын, во дв. Якуш Федосеев сын, во дв. Демидко Максимов, во дв. Микитка Наумов, во дв. бобыль Иванко Яковлев сын. Пашни в одном поле 6 коробей, а в дву по тому ж, сена 35 копен, 2 обжи»⁵².

То же встречаем и в московских писцовых книгах.

В писцовой книге 1592—1593 гг. землям Троице-Сергиева монастыря попадают и бобыли. Иногда книга говорит о них так кратко, что трудно понять, в каком правовом и хозяйственном положении живет бобыль. В редких случаях есть возможность, хотя бы частично, разобраться в этом вопросе. Вот, например, в Дмитровском уезде, в Ижевском стане «сельцо Степанчиково на речке на Нудольце, а в нем двор монастырской, во дворе дворник, да крестьянских 6 дворов, а людей в них 9 человек, да 2 двора бобыльских (в другом варианте той же книги прибавлено: «оброку на год с двора по гривне»), а людей в них то ж. Пашни паханные худые земли, что пахут на мона-

⁴⁷ НПК, т. IV, стр. 509.

⁴⁸ Там же, стр. 512.

⁴⁹ Там же, стр. 432.

⁵⁰ Там же, стр. 347.

⁵¹ Там же, стр. 255.

⁵² Там же, стр. 379.

стырь, 10 чети, да крестьянские пашни паханые 35 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен. А вытей в живущем 3 выти с полувытью, а впусе выть. А пашут крестьяне теми живущими вытьми на монастырь на выть по 3 чети в поле, да мелких доходов идет в монастырь 19 алт. 1 $\frac{1}{2}$ д., с выти по 5 алт. по 3 д., да посопного хлеба по чети ржи да по чети овса с выти, да с непашенных дворов оброку 6 алт. и 4 деньги»⁵³. В сельце Степанчикове живут крестьяне и бобыли. Крестьяне пашут свою пашню и монастырскую (барщина); два бобыльских двора, из коих каждый платит оброка по гривне, т. е. по 3 алт. и 2 деньги, что в сумме и составляет 6 алт. 4 деньги, каковая сумма и обозначена в итоге описания сельца, но тут бобыльские дворы названы непашенными. Поскольку нам известны бобыльские порядные в деревню, мы можем предположить, что и эти два бобыля сельца Степанчикова пашут свою бобыльскую землю, не положенную в тягло.

То же видим и в стане Троицком того же Дмитровского уезда. Крестьяне и бобыли живут в селе Поречье с деревнями (75 дворов крестьянских и 8 дворов бобыльских). Крестьяне работают на себя и несут барщину. О бобылях сказано только, что они платят свой оброк по гривне с двора⁵⁴.

В писцовой книге земель вел. кн. Семена Бекбулатовича 1580 г. бобыли встречаются не раз. М. А. Дьяконов полагает, что в этой книге бобыли «выделены из состава земледельческого населения». Можно было бы согласиться с этим мнением, если бы автор прибавил одно слово: «из состава *тягло* земледельческого населения». Но мы знаем, что автор крепко стоит за свое понимание бобыля как человека, земли не обрабатывающего.

Возьмем из этой книги несколько примеров.

«Сел. Погост на р. на Жидохове, а в нем дворы пашенные, живут в них бобыли, всего бобылей 4 двора, а людей в них 4 человека: а жили безоброчно, а на пашню не порядились. И писцы Петр Матвеевич Свечин, да Тимофей Олександрович Козин да дьяк Богдан Забродов те дворы пооброчили, докуды в те дворы жильцы будут на пашню, а оброку на них положили 4 гривны в год, с двора по гривне... а как в те дворы жильцы будут на пашню, и с тех дворов оброку не имати»⁵⁵.

Такая же запись, только более ясная, имеется и в другом месте той же писцовой книги: «Село Новое... а дворов в нем пашенных, а живут в них бобыли, два двора; и те бобыли на пашню не порядились...»⁵⁶.

---

⁵³ Н. В. К а л а ч е в. Писц. кн. XVI в., отд. 1, стр. 773.

⁵⁴ Т а м ж е, стр. 764.

⁵⁵ Т а м ж е, отд. II, стр. 349.

⁵⁶ Т а м ж е, стр. 354.

Очевидно бобыли тут землю пахали, но не официальную тяглую пашню, т. е. во крестьяне рядиться не захотели. Что бобыли могут порядиться на пашню, это не исключается. И мы прекрасно знаем, что они действительно часто поряжаются на пашню (конечно, не тяглую), не переставая быть бобылями.

М. А. Дьяконов приводит один такой интересный факт, хотя и старается истолковать его в другом смысле. В порядной 16 июля 1629 г. порядчик о себе говорит, что он «живет за Рождеством Христовым из Довмантовой стены седьмой год в бобылях» и сейчас «поряжается на повыток, где жил крестьянин»⁵⁷.

Совершенно правильно «беспашенность» повял В. О. Ключевский: бобыли «непашенные», — пишет он, — это те, «которые не брали тяглых участков и не платили податей (он разумеет тут крестьянское тягло.— Б. Г.), хотя иногда получали от владельцев за оброк нетяглую пашню»⁵⁸.

М. А. Дьяконов настолько сильно увлечен своей мыслью, что некоторые документы, даже идущие вразрез с его мнением, приводит в доказательство своего положения. Так, приводя показания порядчиков в бобыли о том, что они жили в бобылях «не на пашне», М. А. Дьяконов отсюда делает вывод: «бобыльство прямо противопоставляется поселению на пашне»⁵⁹. А не проще ли понимать подобные заявления иначе: если бы бобыль не сказал, что он жил «не на пашне», то всякий бы подумал, что он жил, как это обычно и бывало, на пашне. Тут подчеркивается исключение из правила, а не формулируется правило.

То же видим и в другом случае. В жалованной грамоте Звадскому Спасскому монастырю 1619 г. написано: «а падут они тое пашню (монастырскую.— Б. Г.) собою сами, а крестьян [на] тех на двух обжах пашенных нет ни одного человека, а живут на них бобыли»⁶⁰. Больше чем вероятно, что именно бобыли и обрабатывают монастырские поля и что монахи, говоря о пашне «собою», имели в виду не личный труд монахов, а труд бобылей. Такое понимание текста тем более вероятно, что мы имеем образцы обработки барской пашни бобылями и в других местах.

---

⁵⁷ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 229, прим. 1. Этот пример М. А. Дьяконов толкует так: «Повидимому, здесь мы имеем один из случаев перехода в крестьяне». Но тогда бобыль и поряжался бы в крестьяне.

⁵⁸ В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России, Опыт и исследования, сб. 1, стр. 252. Хочу только сделать оговорку о том, что под «оброком», когда речь идет о бобылях, разумеется чаще всего бобыльский специальный оброк, выплачиваемый бобылем своему хозяину не за землю.

⁵⁹ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 229.

⁶⁰ Там же, стр. 215.

В Новгородском Софийском Доме мы встречаем такие же случаи, но более ясно обозначенные. В писцовой книге Софийского старца Левкея 1592 г. об этом говорится совершенно точно: «...все Паозерские митрополичьи и Пискупицкие и Завальские и Моринские и Ковлинские крестьяне и бобыли на митрополита сено косят на Мсте на реке пожноу Стержова, а рожь и ярь жнут на Старой Мельнице»⁶¹. В Софийской деревне Маркове, где была заведена барская пашня, обрабатывают ее живущие здесь же бобыли. До разорения 70-х годов тут было 7 дворов бобыльских, в разорение заустело 5, к 1592 г. снова все старые бобыльские дворы заполнились жильцами. Они и работают на владычных полях, а в страдную пору убирать хлеб им помогают «бобылицы» («20 жонок») из соседнего села Владычна⁶². В Софийской Полянкой волости, где было хорошо организовано софийское собственное хозяйство, бобыли пахнут на себя только яровой хлеб, но землю они все-таки пахнут⁶³.

А вот бобыль, который решительно разрушает представление о бобылях М. А. Дьяконова. «Дер. Кованицы, а в ней двор большой, а жил в нем бобыль Палицын, а похал ее бобыль на себя, пашни в одном поле 20 коробей, а в дву по тому ж, сена 500 копен, пол-6 обжи». М. А. Дьяконов согласен, что Палицын пахал пашню, но считает необходимым прибавить: «об этом случае книга рассказывает как о факте, некогда существовавшем и более не существующем. Быть может, Палицын потому и стал бобылем, что отбыл пашни»⁶⁴. Рассуждение мало убедительное, потому что Палицын именно, будучи бобылем, пахал пашню. А что с ним сделалось потом, когда прекратилась его деятельность в дер. Кованицах, мы не знаем. Может быть, он умер, может быть, пострится, может быть, куда-нибудь уехал, но пока он тут жил, он был бобылем и вел большое хозяйство: 5¹/₂ обж — ведь это норма 5 крестьянских семейств!

Конечно, это бобыль не обычного типа. Он похож на другого известного нам бобыля Ксенофонтьевской пустыни Володьку Дмитриева. О нем мы узнаем из дела, возникшего между Хутынским монастырем и Ксенофонтьевской пустыней. Бобыль Володька Дмитриев — настоящий исправный бобыль. Он аккуратно выплачивает свой бобыльский оброк. Но Хутынский монастырь подметил кое-что и другое и стал обвинять этого бобыля в том, что он пустыню желает «попрежнему владеть и

⁶¹ Акт. книга Новг. Соф. Дома, № 37, л. 189 об.

⁶² Там же, лл. 182—182 об.

⁶³ ЦГАДА. Разряд, вязка 1, д. 2, Засевные кн. 113 года.

⁶⁴ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 210.

богатеть», пользуясь тем, что отца его был старцем этой пустыни⁶⁵. Пусть даже в этом обвинении кое-что и преувеличено, но факт наличия богатого бобыля ни в ком не вызвал сомнений.

А. С. Лаппо-Данилевский тоже встречал состоятельных бобылей, успешно занимавшихся ремеслом и торговлей⁶⁶.

Прав В. И. Сергеевич, когда говорит о том, что в бобыльстве *скрывается* запрещенный институт закладничества, но только здесь необходима поправка: не «скрывается», а «может скрываться»; кроме того, замечание В. И. Сергеевича надо отнести ко всем бобылям, а не только к московским, как это делает В. И. Сергеевич. Наконец, как мы уже видели, не всякое закладничество запрещалось; запрещалось закладывание только тем, кто таким путем избывал тягла.

Под видом бобыля действительно иногда скрывались люди, не желавшие тянуть тягла, но московский Приказ сыскных дел умел отличать настоящего бобыля от закладчика, принявшего вид бобыля. Об этом свидетельствуют напечатанные Н. П. Павловым-Сильванским акты о посадских людях-закладниках⁶⁷.

К числу бобылей, фактически работавших на земле, но не бравших на свое имя тягло участка, надо отнести и довольно значительную категорию бобылей-захребетников, т. е. бобылей, которые включались в чужое крестьянское хозяйство, помогая крестьянину справиться с его обязанностями. Как, например, надо понимать хотя бы такую запись в передельной и отказной книге 1638 г. по Белозерскому уезду: «Деревня Тиминская... а в ней крестьян: во дв. Архипка Горемыкин с детьми с Митькою да с Гришкою, да в том же дворе бобыль племянник его Софронко Карпов (далее описано еще 3 крестьянских двора). Пашни паханные средние земли 5 четвертей». Племянник Горемыкина живет в его дворе, числится бобылем, и, что наиболее вероятно, участвует в хозяйственной жизни своего дяди⁶⁸.

⁶⁵ Архив Института истории АН СССР, Акты Новг. каз. пал., XII, № 625.

⁶⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Отчет о 41-м присуждении наград гр. Уварова, стр. 93.

⁶⁷ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладниках, ЛЗАК, вып. XXII, стр. 124—129.

⁶⁸ АЮБ, т. II, стр. 172. Подобных фактов пребывания в крестьянских дворах бобылей очень много. См.: Н. В. Калачев. Писц. кн. XVI в., ч. I, отд. 1, стр. 893—908. В сноске Н. В. Калачев приводит эти факты. К сожалению, Калачев издавал свой ценный материал не полностью, допуская пропуски, которые он возмещал глухими примечаниями. Например, «дер. Уржунова, а в ней крестьян 3 двора. Пашни паханные...» В примечании — важное дополнение к расшифровке этих 3 дворов: «В том числе в одном дворе 2 человека, из которых один бобыль» (стр. 908). Таких ценных примечаний здесь много.

Что вольные люди видели для себя³ привлекательного в бобыльстве? Почему многие из них предпочитали именно эту форму зависимости от своего хозяина? Бобыльские порядные отвечают на этот вопрос достаточно убедительно.

Вот порядная в бобыли Терентия Леонтьева сына в Софийский Новгородский Дом от 18 марта 1633 г. Он плотник, родом каргополец, в Новгород пришел тому назад 10 лет, жил по монастырским подворьям, кормился плотничеством по деревням⁶⁹. Эти дополнительные сведения о нем мы имеем по справке Приказа сыскных дел, заподозрившего Терентия Леонтьева сына в незаконном закладе за новгородского митрополита. Выяснилось, однако, что Терентий никакого правонарушения не учинил (может быть, помог ему и здесь Софийский Дом), и его оставили пребывать в Софийском Доме. Терентий в Софийском Доме получает землю и льготу на год: «в тот мне льготный год, — пишет он в порядной, — никаких софийских податей не давати». «А как мне льгота пройдет, и мне в Софейскую казну за всякие подати и за зделье платити денежным оброком на год по 4 гриввы московских ежегод на срок на Филипово заговено»⁷⁰. Это третье преимущество. Бобыль от всех работ и повинностей откупается довольно дешево (по сравнению с крестьянином).

Другой вольный человек Тимофей Семенов сын — ивангородец, «котельной мастер». Биография его заслуживает внимания. Он уроженец Ивангорода. По мирному договору 1617 г. в с. Столбове, по которому Ивангород оставался за Швецией, Тимофей Семенов вышел на русскую сторону. О себе он рассказывал, что «в Новгороде с посадскими людьми в тягле не бывал, и двора своего и лавки нет, живет на монастырском на Соловецком подворье, промышляет котельным промыслом; а за митрополита заложился тому пятый год». Новгородский гость Андрей Харламов «с товарищи» Тимофея Семенова потребовали из-за митрополита в посадское тягло, во-первых, «по промыслу», во-вторых, и на том основании, что «которые Ивана города торговые люди вышли в мирный договор в Великий Новгород, все в тягло положены, а он-де Тимофея был во льготе; и ныне-де хотели его положить в тягло, а он от тягла заложился за митрополита». Навели справки в Новгородской чети и в канцелярии Новгородского Софийского Дома. Новгородская четь сообщила выписку из писцовой книги 1623 г.: «место пустое тяглое, старые пустоты, Тимохи Семенова». На второй запрос четь прибавила: «а коль давно запустело, того в писцовых книгах не написано»⁷¹. Софийский Дом прислал копию порядной,

⁶⁹ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты, стр. 117.

⁷⁰ Там же, стр. 124, № 4.

⁷¹ Там же, стр. 110—111.

которая и сейчас имеется в нашем распоряжении. Тимофей действительно порядился в бобыли в Софийский Дом (30 марта 1633 г.) и получил льготу на 4 года. «А как те льготные годы отойдут,— оговаривает он в порядной,— и мне Тимофею давати в Софийскую казну оброк денежный на год по рублю, а улицкие службы никакие не служити и Софейсково никакова дела, поденщины и поведельщины с ыными с софейскими крестьяны и з бобыли не делати»⁷².

Этот котельный мастер, таким образом, сел уже на вторую льготу. Обязался он жить в Новгороде на Бережном острове⁷³, населенном софийскими слугами. Он тут, стало быть, получает квартиру и мастерскую, избавляется от городского тягла за сильной спиной новгородского митрополита и за все это обязуется жить в софийских бобылях и платить ежегодно значительную сумму оброка, в 4 раза превышающую оброк Тимофея Семенова.

А вот «работный человек» Иван Власьев. Он тоже решил закончить свою жизнь в бобылях Софийского Дома. Уроженец он краснохолмский, по специальности плотник, был в казенных плотниках, но «посек руку и для того отставлен» («Как испортил руку, и боярин и воевода князь Юрья Еншеевич Сулешов с товарищи ис плотников ево отставил») ⁷⁴. В посадском тягле не бывал. Стало быть, дав на себя порядную бобыльскую запись, он распорядился своей судьбой на самом законном основании. Новгородскому митрополиту он обязуется платить в год по полтине: «А жити мне,— пишет он в порядной,— в Софейской вотчине, где мне полюбитца, в бобылках. А зделья мне с Софейскими бобыли никакова не делати, и в Софейской двор сильно меня не взяти, и службы мне с крестьяны и з бобыли никакие не служити, кроме погодного своего оброку, ни тягла и никаких софейских податей мне не тянути»⁷⁵. Этот работный человек покупает за свою полтину, кроме квартиры, еще и полную свободу от всяких работ и повинностей. Жить он будет в Софийской вотчине, где ему понравится. Очевидно, и работать будет там, где работу найдет. Он верит в то, что сможет заработать на свою жизнь и на выплату ежегодного бобыльского оброка.

Давыдко Федоров, уроженец Новгородского уезда, крестьянин Скуйского погоста. Как он вышел из крестьянства, неизвестно. Прибыл в Новгород и тут научился «промыслу» и стал

⁷² Н. П. Павлов-Сильванский. Акты, стр. 124, № 5.

⁷³ Бережный остров — часть берега, против стены Детинца на Софийской стороне (И. К р а с о в. О местоположении древнего Новгорода, стр. 21, 124).

⁷⁴ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты, стр. 115—116.

⁷⁵ Там же, стр. 127.

«промышлять становным промыслом». Сам себя он называет «самопальным мастером». Он заложился за митрополита, дал на себя порядную запись в бобыли. Обязался платить в первый год своего пребывания в бобылях полполтины, а в последующие— по 10 алтын («А кроме оброку никаково Софейского зделья не делати и никаких податей не давати»). Жить он будет «в Софейский вотчине»⁷⁶. Он и будет продолжать делать самопалы и, конечно, заработает на жизнь своей семьи и с оброком справится. А владыка защитит его от всяких покушений на него со стороны.

Кто идет в бобыли? На этот вопрос можно ответить легко: идут люди бедные. Но этот ответ требует некоторых оговорок.

В 1675 г. Ивашко Михайлов бил челом новгородскому митрополиту Корнилику: «ныне я, сирота, в возрасте и пристаю в Великом Новгороде кое-где, а крепкой пристани себе не имею... вели меня в Софийский Дом принять в бобылки и жить за тобою, великим святителем, в бобылках из денежного оброку, а оброком, по чему ты, великий святитель, пожалуешь на меня, сироту, положишь»⁷⁷. В том же году вольный человек Васька Тимофеев бил челом в бобыли тоже в Софийский Новгородский Дом. Он «с женишкою и с детишками волочится меж двор», просит принять в бобыли, чтобы «в конец не погибнуть»⁷⁸.

Для хозяина бобыль представлял некоторые преимущества по сравнению с крестьянами. Крестьянин, даже зависимый от частного владельца, все-таки был на виду у государства. Он записывался в писцовую книгу, облагался определенным государственным тяглом.

Бобыль, если он был земледельцем, брал нетяглый участок, не внесенный в писцовые книги, обычно еще не распаханый. Иногда бобыль-земледелец пристраивали на работу на барской пашне. Бобыль-земледелец обходился своему хозяину дешевле крестьянина. Ведь крестьянин должен был работать на хозяина, на себя и на государство. Бобыль работал на себя, иногда и на хозяина, а государству платил только очень скромный оброк.

Что землевладелец предпочитал иметь дело с бобылями, видно, между прочим, из откровенной записи дозорщиков, составивших дозорную книгу в 1620 г.: «дворяне и дети боярские и монастыри крестьян своих у дозорщиков во 128 году утаили, а которых и не утаили, и оне крестьян своих писали для тягла бобылями»⁷⁹.

---

⁷⁶ Там же, стр. 129, № 11.

⁷⁷ Акты Новг. каз. пал., т. V, № 327.

⁷⁸ Там же, № 320.

⁷⁹ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 216.

Не обрабатывая зарегистрированной государством пашины, бобыль-земледелец носил официальное название «беспашенного», что иногда и вводило в заблуждение исследователей.

Нельзя забывать и еще одного немаловажного обстоятельства. Положение «вольного» человека не только было зыбким, но и затруднительным, так как скопление большого числа вольных людей в одном месте вызывало опасения и в среде местного населения, и в администрации данного места. Некто Семен Михайлов, например, вышел из-за Польского рубежа в Русскую сторону, поселился в Торопце у русского тяглого посадского человека и даже женился на его дочери. Жили они с женой в течение 5 лет у родителей жены до смерти этих последних. А затем началась для них пора всевозможных скитаний. Они даже пробовали вернуться в Польшу, а оттуда «от разорения польских людей» снова пришли «в русские города кормиться». На короткое время они приставали в Луцком уезде у вдовы на ее пустоши, жили здесь «добровольно» («а кабалы... и никаких крепостей вдове не давали»). Прожив тут около года, они от разорения литовских людей отошли и пришли в Осташков, откуда их выслали, дав возможность только перезимовать, мотивируя тем, «что-де бобылей умножило: стало не прокормиться». Отсюда они направились в Торжок и прожили лето, потом нанялись в Воскресенский девич монастырь на коровий двор, где жили 4 года. Закончили их странствия тем, что они порядились в этом же монастыре в крестьяне. Только устроившись прочно за монастырем, они нашли свою «пристань»⁸⁰.

Уже из приведенных здесь фактов, взятых на выборку, ясно, что бобыли по своим занятиям, выучке, профессии действительно представляют значительную пестроту. Тут и земледельцы, и разных специальностей ремесленники, и люди без всякой специальности. Иногда встречаются бобыли, занимающиеся торговлей. Мало того. Здесь мы встречаем людей бедных, которым деваться некуда, встречаем и людей, вполне способных жить независимо, иногда со специальностью, обеспечивающей возможность жить без вступления в зависимость от богатых и сильных. Тем не менее они стремятся включиться в состав зависимого от крупных землевладельцев населения. Вступая таким путем в число людей, зависимых от землевладельцев-феодалов, бобыли, как мы могли видеть, получали гарантию от притязаний на них государства, посада или крестьянского тяглого общества, приобретали также и некоторую бытовую устойчивость. Бобыль поэтому ищет себе господина побогаче и повлиятельнее, такого, который мог бы его защи-

⁸⁰ Акты Новг. Ссф. Дома, т. V, № 218.

тить. Во всяком случае жизнь за сильным лицом вольному человеку представлялась более безопасной, чем его «воля».

Поятно, почему М. М. Богословский, изучая жизнь крестьянского севера, отмечает там небольшое количество бобылей: они поряжаются главным образом в церкви; волостных бобылей очень немного.

Бобыли, живущие в одном месте (деревня, село), связанные договором с одним господином, подчинялись приказчику данного селения или волости и составляли некоторого рода организацию, во главе которой стоял бобыльский староста. Один раз новгородский митрополит потребовал к себе всех бобылей своего села Высока. Они явились вместе со своим старостой. Приказчик этого села по этому случаю писал митрополиту Киприану: «по твоему, государь, святительскому приказу велено мне, холопу твоему, Софейские вотчины села Высока бобылей выслать в Великий Новгород к тебе, святителю; и я, холоп твой, по твоему святительскому приказу, бобылей села Высока выслал в Великий Новгород к тебе, государю святителю, нынешнего 138 году, марта во 2 день. А роспись имянную бобыльскую послал к тебе, святителю, с бобыльским старостой Стефаном Кривоногом»⁸¹.

Важно подчеркнуть одну деталь. Бобыль всегда платил свой оброк деньгами. Это, очевидно, удобно и ему самому, и его хозяину. В то же время это обстоятельство является штрихом, характеризующим и общественные отношения изучаемого нами времени. Бобыль не сомневается в возможности раздобыть именно деньги, тогда как крестьянин часто затруднялся в этом отношении. Во всяком случае в публицистике этого времени раздавались весьма определенные голоса о том, что крестьянину деньги раздобывать трудно, и публицист первой половины XVI в. Ермолай-Еразм даже советовал совсем отказаться от системы денежного обложения крестьян, рекомендуя полностью перейти на обложение хлебом.

Несколько примеров можно взять из приходной книги Софийского казначея за 1653 г. «Тое ж Черницкие волости взято по отписке и по росписи Федора Маркова с бобылей оброчных денег: на Никитке Григорьеве 8 алт. 2 д., Онисиме Никитине 6 алт. 4 д.». Дальше идут такие суммы: 5 алт. (с одиннадцати бобылей), 6 алт. 4 д. (с семи), 8 алт. 2 д. (с одного). Всего в Чернецах 23 бобыля, в Кречне — 10, из них один платит 25 алт., в Высоккой волости — 25 бобылей, один из них платит 16 алт. 4 д., другой 13 алт. 2 д., третий 10 алт.,

---

⁸¹ Архив Института истории АН СССР. Акты Новг. Соф. Дома, т. XII, № 720. То же наблюдается и в начале XVIII в. (Акты Новг. дух. консистории, 1722 г., XI).

остальные от 3 алт. 2 д. до 8 алт. 2 д. Есть бобыли, платящие 20 алт.⁸²

Мы видели, чего достигает бобыль, давая на себя бобыльскую порядную запись. Что же побуждает землевладельца принимать к себе бобыля?

Бобыль интересен землевладельцу в двух отношениях: либо как работник и плательщик оброка, либо только как плательщик оброка.

Мы уже могли видеть в бобыльских порядных, что бобыли берут у землевладельцев участки земли и их обрабатывают. Некоторые из бобылей обязуются и «бобыльской дворец» построить и «около двора городьбу». А пройдут льготные годы, и бобыль часто обязуется «бобыльские подати... тянуть и зделье делати з бобылями вместе»⁸³. Иногда бобыли обрабатывают барскую пашню.

Если бобыль имел в руках ремесло, он им и промышлял, но жил у своего господина, за что и вносил ему ежегодную определенную договором сумму денег. Хозяин и от этого только выигрывал.

Между государством и бобылем стоял посредник в лице землевладельца (боярина, монастыря, епископской кафедры и др.), который, привлекая к себе бобылей, лишал государство потенциального дохода. Не могли не замечать этого и крестьянские миры, обложенные государственным тяглом и часто очень тяжелым.

Так как землевладелец отвечал перед государством за правильность поступления податей, то вполне естественно, он иногда вынужден был обращаться и к бобылям, частично включая и их в крестьянское тягло, в помощь крестьянам.

Землевладелец во всяком случае вел учет и крестьян и бобылей. Волотовский монастырь, например, в челобитной пишет о себе: «маловотчинное убогое место: крестьян и бобылей 4 двора». В списке детей боярских новгородского владыки, составленном софийским стряпчим, бобыльские и крестьянские дворы подсчитаны вместе: «За Тимофеем Сназиным 3 двора крестьянских и бобыльских», «двор задворного человека». «За Ивановом Волковым 11 дворов крестьянских и бобыльских». «За Клементьем Саблиным 7 дворов крестьянских и бобыльских», «2 двора задворных людей, двор вдовей» и др.⁸⁴. Для землевладельца и крестьяне, и бобыли — это все зависимые от него люди, работающие на него, полезные ему, причем бобыль, как мы могли убедиться, порой даже больше, чем крестьянин. Отсюда понят-

⁸² Актов. книги Новг. Соф. Дома, № 36, записи за октябрь и ноябрь 1653 г. (Архив Института истории АН СССР).

⁸³ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты, стр. 129, № 10.

⁸⁴ Акты Новг. Соф. Дома, т. X, № 577.

но, что землевладелец иногда делал попытки сблизить эти группы и в отношении их повинностей. То же пытались делать иногда и крестьянские миры.

На этой почве не раз возникали крупные осложнения. Бобыли Новгородского Софийского Дома, например, подали в 1680 г. уже не первое челобитье о том, что крестьяне «накидают на них всякие подати не в силу» и просят митрополита вмешаться в это несправедливое с их точки зрения дело, чтобы им «по миру не разбрести и в конец не разоритца»⁸⁵.

Но не так смотрело на бобылей государство. Для него бобыль — человек нетяглый, т. е. с фискальной точки зрения мало полезный, в некоторых случаях даже подозрительный, так как это соблазнительная лазейка для тех, кто хотел избить тягла. Мы уже видели, как правительство действовало в таких случаях, как оно нередко находило под бобыльской личной людей, бежавших от своих государственных обязанностей. В архиве Оружейной палаты по этому предмету имеется большой материал, частично опубликованный Павловым-Сильванским⁸⁶.

На основании всех имеющихся по вопросу о бобылях материалов, несмотря на большое разнообразие в занятиях и материальном положении бобылей, заставлявшее некоторых ученых отказываться от определения бобыльства, как общественного явления, мы можем сделать попытку такого определения, не отказываясь от различения бобылей на частновладельческих землях и бобылей в черных волостях.

У всех бобылей, живших на частновладельческих землях, есть общие черты, позволяющие выделить их из других категорий населения. Бобыльство — это одно из состояний феодальной зависимости. Бобыль — зависимый от своего господина человек, по договору получающий право «жить за» господином и тем самым освобождающийся от тягла на обоюдных с господином условиях: со стороны господина — включить бобыля в число своих подданных, предоставить ему жилище, иногда и участок нетяглой земли, со стороны бобыля — оставаться в зависимости сначала на время, в XVII в. навсегда, платить оброк и исполнять ряд повинностей, обычно оговариваемых в договоре.

Бобыли, живущие на черных землях, естественно, не подпадают под это определение уже по одному тому, что у них нет господина. Они зависят от крестьянского мира, за исключением тех бобылей, которые поряжаются на церковную землю и, следовательно, поступают в зависимость от церкви.

---

⁸⁵ По этому поводу очень большое дело возникло в 1680 г. См.: Б. Д. Греков. Новгородский Дом св. Софии. стр. 427—433.

⁸⁶ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты, стр. III. «Предварительная заметка» А. Лаппо-Данилевского.

Черносопный крестьянин отличается от бобыля, сидящего на черной земле, тем, что крестьянин тянет тягло, бобыль тягла не тянет ⁸⁷.

Если бобыль, живущий на частновладельческой земле,— человек зависимый, и характер его зависимости определяется договором, то, стало быть, это категория людей, отличающаяся от других признаками юридическими ⁸⁸.

К сожалению, источники не позволяют проследить эволюцию правового положения бобылей на всем протяжении их существования. Однако совершенно ясно бросаются в глаза две крупные перемены в судьбе бобылей, происшедшие в 80-х годах XVI в. и в 20—30-х годах XVII в. Это: 1) усиление зависимости бобылей от хозяев, лишение права выхода и 2) включение бобылей в крестьянское тягло.

Закономерность дальнейшей эволюции бобыльства именно в указанном направлении совершенно понятна: общность судьбы крестьян и бобылей объясняется влиянием одних и тех же причин. Бобыли, точно так же, как и крестьяне, в порядных известном времени начинают давать обязательства о невыходе, о пребывании у хозяина безвыходно ⁸⁹. К сожалению, в нашем распоряжении нет ранних бобыльских порядных, в которых обозначалась бы срочность бобыльского порядка, но поскольку до 80-х годов XVI в. Русь не знала бессрочных порядных вообще, а крестьянин-новопорядчик и кабальный человек-серебренник имели право выхода с соблюдением известных правил, у нас не может быть сомнения в этом смысле и относительно

---

⁸⁷ С. Б. Веселовский приводит очень интересные факты из жизни черносопного крестьянства. Оно заинтересовано в том, чтобы тяглицы были полноценными, могли бы справляться со своими обязанностями и потому исключает из своей среды людей, ненадежных в этом отношении, переводя их в категорию бобылей вопреки желанию этих последних. Так, крестьянин Калакинской волости Иван Иванов жаловался на то, что «мирские люди» его, сироту, «писали в роспись именную в бобыли по насердию». Оказалось, что челобитчик «головой скорбен и ухом не дослышит». Крестьянин Вещезерской волости Л. Михайлов жаловался, что мир написал его бобылем «напрасно по насердию», «потому что, — объясняет он, — я, сирота, летнею порою прибегаю в Печенскую волость для своих недостатков и хлебные скудости в наймах живу». Мир, конечно, был в своем решении прав: какой же это крестьянин, если в летнюю пору покидает свое хозяйство? (Сопное письмо, т. II, стр. 665).

⁸⁸ Сам С. Б. Веселовский, резко отрицающий правовые признаки бобыля, в конечном счете не выдерживает своего мнения до конца и вынужден все-таки говорить об «изменении юридического положения частновладельческих бобылей» (Сопное письмо, т. II, стр. 520).

⁸⁹ «И из-за Софейского дому мне ни за кого во крестьяне и в бобыли вон не выйти, жити мне в Софейской вотчине безвыходно» (Н. П. Павлов-Сильванский. Акты, стр. 127, № 8). То же и в других порядных, напечатанных в этом же издании (Б. Д. Греков. Новгородские бобыльские порядные, № 3, 4 и др.).

бобылей. В своих порядных о невыходе бобыли еще раз подчеркивают близость своего положения с крестьянами. «Во крестьяне и в бобыли не рядитца» — эта стереотипная фраза повторяется не случайно. Если мы возьмем Уложение Алексея Михайловича, то встретим там подтверждение этой близости. Идет ли речь о сборе на выкуп пленных⁹⁰, о бегстве от своих господ⁹¹, о выходе замуж беглой девки⁹², о вольных людях, желающих дать на себя порядную запись⁹³, о несводе с поместных земель на вотчинные⁹⁴, о найме на временную работу⁹⁵, о тяжбах по поводу крестьян и бобылей⁹⁶, об отпуске на волю⁹⁷, о дворниках в загородных дворах⁹⁸, о бесчестье⁹⁹ — всегда упоминаются крестьяне и бобыли вместе. Штраф за «лживые обыски» положен на них одинаковый («с крестьян из бобылей по рублю с человека»)¹⁰⁰.

Все это, несомненно, говорит о том, что у крестьянина и деревенского бобыля есть общие черты: их роднит прежде всего причастность к земледелию. С. Б. Веселовский прав, когда не делает в этом отношении принципиальной разницы между крестьянами и деревенскими бобылями. Это — земледельцы. Одни побогаче, другие победнее, одни могут справиться с крестьянским тяглом, другие не могут и кладутся не в тягло, а в более легкий бобыльский оброк¹⁰¹. Общность заметна и в другом: частновладельческий крестьянин и бобыль находятся в зависимости от своих господ; очень тонкая линия отделяет качества зависимости крестьянской и бобыльской. Иначе закон не мог бы так систематически трактовать эти оба предмета вместе.

В этой же связи делается понятие и то мероприятие правительства, которое включило бобылей в тягло. Мероприятие это в нашей науке носит название указов о живущей четверти, это указы 1620—1632 гг.¹⁰²

По смыслу этих указов значительная часть территории Русского государства (они черных земель не касались) была

⁹⁰ Уложение VIII, 1.

⁹¹ Уложение XI, 9, 15, 17.

⁹² Уложение XI, 12.

⁹³ Уложение XI, 20, 21.

⁹⁴ Уложение XI, 30.

⁹⁵ Уложение XI, 32.

⁹⁶ Уложение XV, 2.

⁹⁷ Уложение XV, 3.

⁹⁸ Уложение XIX, 14.

⁹⁹ Уложение X, 94.

¹⁰⁰ Уложение X, 162.

¹⁰¹ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 513 и др.

¹⁰² Они напечатаны у В. Н. Сторожева. Указная книга поместного приказа, стр. 100—103, в некоторых извлечениях у А. С. Лаппо-Давилевского. Организация прямого обложения, стр. 530—532 и у С. Б. Веселовского (тоже в извлечениях). Сошное письмо, т. II, стр. 660—661.

распределена по поясам, каждому из которых определена особая тягловая нагрузка, выражаемая в количестве дворов крестьянских и бобыльских на определенную единицу обложения — «живущую четверть». Соотношение бобыльских и крестьянских дворов на живущую четверть не всегда и не везде одинаковое: 2 : 2, 2 : 3, 4 : 2, 4 : 3, 5 : 3, 8 : 4, 12 : 8. Как правило, бобыльских дворов кладется в «живущую четверть» больше, чем крестьянских, в монастырских землях тяжелее, чем в помещичьих. Об этом мероприятии правительства высказывался уже ряд исследователей¹⁰³.

Основная мысль этих указов состоит в том, что бобыли привлекаются к тягловым обязанностям вместе с крестьянами, хотя и неравномерно с этими последними, поскольку бобыли всегда, как правило, считались беднее крестьян.

Мне кажется, что С. Б. Веселовский совершенно прав, выступая против А. С. Лаппо-Данилевского, М. А. Дьяконова и Ю. В. Готье, понимавших эти указы как реформу обложения в смысле перехода от пососного обложения к подворному. С. Б. Веселовский настаивает на том, что сошная система не была отменена и что введена была только новая норма оклада по старой сошной системе; причем и здесь «новшество» относительное, так как и раньше практиковались уже такие случаи¹⁰⁴. Для меня важно подчеркнуть здесь факты, с которыми считаются все исследователи, — введение бобыльских дворов в сошное обложение в известной пропорции с крестьянскими, что является подтверждением мысли о том, что частновладельческий крестьянин и бобыль близки друг другу по своей хозяйственной природе и по своему отношению к хозяину.

В своей книге «Новгородский Дом св. Софии» я довольно подробно привожу дело 1680 г. о сермакских бобылях, у которых возникла распря с крестьянами, требовавшими от бобылей участия в несении тягла. В результате расследования дела обнаружилось имущественное положение сермакских бобылей. Их оказалось там 25. Из них 98% владеет скотом вообще, 42% имеет, кроме обычного домашнего скота, и лошадей, 84% — имеет коров¹⁰⁵.

Само собой разумеется, что кормить лошадей бобыль мог только тогда, если лошадь приносила ему доход, т. е. если у него была пашня (едва ли тут можно подразумевать извоз).

¹⁰³ А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, стр. 249 и др.; И. Н. Миклашевский. К истории хозяйств. быта Московск. государства, стр. 41 и дальше; С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 481—487, 660—661; М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 226—228; Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в., 1937, стр. 77.

¹⁰⁴ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 486.

¹⁰⁵ Б. Д. Греков. Новгородский Дом св. Софии, стр. 427—434.

Держать коров, быков, овец и другой скот — это тоже значит вести сельское хозяйство, т. е. пахать, косить, возить хлеб и сено, сберегать запасы их впрок и пр. и пр. Не признать за сермакскими бобылями наличности сельского хозяйства невозможно.

Хозяйственная близость бобыля и крестьянина делается понятной.

И в Сермаксе есть бобыли совсем бедные, бездворные. Их 7 человек. Но не они тут делают погоду. Некоторые из них живут в крестьянских дворах, в подсоседниках, т. е. помогают отдельным крестьянам в их сельском хозяйстве.

Заключительный момент в истории бобылей тоже весьма характерен. Указом о подворной подати 1679 г. бобыли были окончательно сравнены в податном отношении с крестьянами, что и подготовило включение частновладельческих бобылей в одну с крестьянами крепостную массу. Этого не могло бы произойти, если бы бобыли резко отличались от крестьян по своим хозяйственным признакам.

Поставив задачу рассмотреть бобыльство, как одну из разновидностей сельского населения (бобылей посадских по этой причине я и не касался), мне казалось необходимым найти признаки, отличающие эту разновидность от других, ей близких.

Для этого приходилось не раз нарушать хронологический план главы, имеющей целью показать сельское зависимое население Русского государства в XVI в., точнее в первые три четверти этого века, когда увеличивалось число людей, отрывавшихся от крестьянства и вынужденных искать заработка как в городах, так и в имениях вотчинников и помещиков, когда эти последние под влиянием общеевропейских перемен в области экономики приступали к перестройке своих хозяйств.

Ценой нарушения намеченных хронологических граней я получил возможность в дальнейшем уже не возвращаться к характеристике бобыльства, как социального явления, и трактовать бобылей совместно с крестьянами, поскольку так поступала с известного времени и сама государственная власть.

IV. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI в.¹

Рассмотренные нами отдельные стороны жизни сельского населения Русского государства XV—XVI вв. с совершенной очевидностью раскрывают перед нами картину очень сложных и обостренных общественных отношений.

---

¹ За помощь в разыскании материалов для этой главы приношу глубокую благодарность И. У. Будовницу.

Прекратили свое существование отдельные княжения, победена притязательная знать, вышла на политический простор служилая масса — дворянство, в это время еще сравнительно скромное, но уже сильное своей военной организацией и поддержкой растущей самодержавной власти.

Деревня, по условиям тогдашней экономической обстановки, единственная кормилица войска и всех непродувающих классов, втянутая в водоворот товарных (простых) отношений, переживала очень серьезные внутренние изменения; вместе с тем она подвергалась и внешнему воздействию со стороны власти, заботившейся о том, чтобы не оскудела государева казна, чтобы войско могло справляться со своими сложными и ответственными задачами, чтобы сохранялся строй, на котором базировалось государство. Подвергалось сельское население воздействию и своих непосредственных хозяев, старых и вновь созданных, поддерживаемых государственной властью.

Предъявлял свои требования и город.

Русское государство, став большой могущественной державой, переживало очень беспокойное время, когда одни из общественных явлений, еще недавно казавшиеся вполне жизнеспособными, стали явно отмирать, другие неожиданно для многих возникали вновь, и люди не всегда могли себе ясно дать отчет, что надо хоронить, и рождение чего следует приветствовать.

Неизбежное желание осмыслить происходящее поднимало пульс общественной мысли. Созрело новое поколение, выросшее в обстановке конца XV в. и к началу XVI в. давшее энергичных людей в различных областях жизни России. С большим темпераментом и широкой постановкой проблем выступила целая плеяда публицистов, поставивших своей задачей осветить наиболее остро поставленные самой жизнью вопросы. Однако в настоящей главе нет нужды приводить разнообразные и интересные мысли этих публицистов полностью. Автор ставит перед собой более узкую задачу — привести отклики публицистов XVI в. только по одному предмету — по вопросу крестьянскому.

Крестьянский вопрос в публицистике не мог не занять видного места, так как ни у кого из публицистов не было сомнения, что от того или иного его решения зависит судьба всей земледельческой страны.

Едва ли не наиболее прямо и четко ставит вопрос о крестьянстве Ермолай-Еразм, писатель первой половины XVI в.

Этому замечательному мыслителю до недавнего времени мало уделяли внимания. Но после работ И. А. Шляпкина²,

---

² И. А. Шляпкин. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, СПб., 1911, стр. 545—568.

Н. К. Никольского³, А. Попова⁴, В. Ф. Ржиги⁵ и И. У. Будовница⁶ общественно-политическое и литературное лицо Ермолая-Еразма стало значительно яснее.

В. Ф. Ржига, подводя итоги литературной деятельности Ермолая-Еразма, приходит к такому заключению: «Произведения Ермолая... носят главным образом духовный характер. Но известно, что Ермолай интересовался и мирскими вопросами»⁷. Я бы внес сюда поправку. Несомненно, Ермолай-Еразм духовное лицо и интересуется религиозными вопросами. Но дело в том, что и углубляясь в богословские проблемы, он остается публицистом. Его интересует не богословская проблема сама по себе, а ее отношение к современной ему жизни.

Возьмем к примеру «Слово о рассуждении любви и правде и о побеждении вражде и лже».

В основе трактата лежит богословская мысль о божестве, как источнике любви. В доказательство тезиса приводятся тексты священного писания. Но этот исходный пункт рассуждений автора играет служебную роль. Автору отсюда хочется вывести заключение о необходимости внедрения в жизнь социальной справедливости. Он хочет показать, что русские «вельможи» не выполняют божественной заповеди о любви. Бог требует от вельмож смирения, «еже убогих не унижать, ни возноситься тленного ради и насилием собранного богатства, но любить тако богосозданного человека». Много раз в различных своих писаниях автор возвращается к мысли, что богатства составляются неправедными путями: «вельможа ничтоже имеюще от своего труда, но изыдающе и одяния носяще людская труды». Обильно угостить своих друзей — это не проявление любви, потому что для роскошного угощения нужно «оскорбить» многих «недостаточествующих». «Несть бо се любовь, но многим оскорбление».

Для иллюстрации положения, как мало соответствует современная Ермолаю жизнь идеалу любви, он приводит купца, перепродающего вещь по цене, слишком превышающей им самим заплаченную, ростовщика, отдающего серебро в лихву.

³ Н. К. Никольский. Еще об Ермолае Прегрешном. Библиогр. летопись, т. I.

⁴ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым, т. VIII (здесь напечатан трактат Ермолая о святой Троице).

⁵ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗАК, вып. 33, стр. 103—200.

⁶ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, М.—Л., 1947, стр. 221—229.

⁷ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗАК, вып. 33, стр. 157.

В «Послании» к Ивану Грозному Ермолай не скрывает перед царем, что он не только думает о делах общественных и государственных, но и кое-что о них пишет. Но это темы опасные, и автор держит свой труд в секрете («скровен глагол»), но готов с разрешения царя представить ему плоды своих размышлений: «Аще же и о мирьских вещех повелит твоя держава написати ми к благоугодию земли и ко умалению насильства, имам скровен глагол удобен явити твоей царской державе»⁸. Очевидно, царь заинтересовался темой и получил от Ермолая его произведение.

В. Ф. Ржига убедительно доказал, что этим трудом Ермолай был «Благохотящим царем правительница и землемерие».

Писал ли Ермолай в 40-х годах или в 50-х, от этого значимость его произведения, как исторического источника, не меняется. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что тут, как, впрочем, и в других его трудах, Ермолай оперирует подлинными фактами, ему современными.

В «Правительнице» мы найдем основные политические мысли автора, высказанные иногда даже в тех же выражениях, что и в работах предшествующих. Ермолай собрал здесь воедино то, что было доселе разбросано в разных местах его трудов, прибавил ряд новых соображений, придал своим рассуждениям стройность и целостность. И здесь он остался при прежних своих взглядах, враждебных вельможам и сочувственных «низшим слоям» общества. Конечно, он знал, что его взгляды могут найти некоторый сочувственный отклик у царя (иначе едва ли бы он рискнул показать Грозному свое произведение), но он не мог также не знать, что никакого сочувствия не встретит в рядах знати. Он сам писал царю, что его творения для некоторой части общества (несомненно боярства) будут «яко огненное оружие», что эта часть общества будет его «ненавидеть и ругать». Он знает также, что царя уже предостерегали против него, изображая его опасным и даже бесноватым. «Веси, господине превеликий царю,— писал Ермолай Ивану Васильевичу Грозному,— якоже в прежняя дни ркоша ти о мне, яко тебе непотребен есмь, раб твой, и не достоин никакого же смысла, иногда же пред тобою и позорна наркоша мя и бесна своея ради зависти»⁹.

Все это так понятно! Молодой царь, окруженный по социально-политическому признаку подобранными людьми, необходимыми для укрепления его царской власти и для проведения в жизнь намеченных реформ, в обстановке крайнего раздражения общественных слоев, против которых и направлена была

⁸ В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 158—159.

⁹ Там же, стр. 192.

подготавливаемая реформа, охотно выслушивал мнения и проекты, шедшие навстречу его собственным планам и предположениям.

Произведение Ермолая, как он выразился о нем сам, направлено «ко благоугодию земли и ко умалению насильства», и весьма характерно, что первым и главным вопросом, который решил Ермолай поставить во главу угла, был вопрос крестьянский. Это не могло быть случайностью. О положении крестьян не могли не думать и в верхах, и в низах общественных, и в кругах правительственных.

Когда пересматривались устои общества, переоценивались ценности, когда готовились к перестройке и начали перестраивать устаревшие формы жизни, нельзя было не задумываться над вопросом о месте отдельных классов в общественной и политической жизни страны как в недавнем и уже в принципе самой властью осужденном прошлом, так и в проектируемом ближайшем будущем.

Нельзя пещись только о вельможах, надо думать обо всем обществе в целом вплоть до людей «последних». Конечно, вельможи потребны, пишет Еразм, но они не от своих трудов живы бывают. В этом отношении «вначале... всего потребнее суть ратаеве, от их бо трудов есть хлеб от сего же всех благих главизна»; «вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема». Но не эту в сущности банальную мысль собираются пропагандировать Ермолай-Еразм. Аксиомой, хорошо всем известной и неопровержимой, он решил воспользоваться как предпосылкой, необходимой ему для большей убедительности дальнейших своих рассуждений. Он хочет обратить внимание на явную общественную несправедливость: несмотря на бесспорную и наибольшую полезность крестьянства, оно «всегда в волнениях скорбных пребывает» и изнуряется непосильными тяготами, падающими на него как от землевладельцев-феодалов, так и от государства.

Ермолай перечисляет эти тяготы: 1) денежные оброки (феодалная рента), 2) ямские и другие государственные сборы деньгами, 3) деньги на содержание кормленщиков, 4) обязанность кормить командированных в деревни государственных агентов, которые к тому же берут с крестьян серебро в свою пользу сверх предусмотренных государством крестьянских обязанностей. Среди этих государственных агентов Ермолай выделяет землемеров, «отделяющих царевым воинам землю». Ездят эти «царские землемерительные писарие» со своим нехитрым измерительным инструментом («юж»), работают очень медленно, «а брашна у ратаев изъядают много».

Но все это частности. Корень зла лежит в возрастающей роли денег: с крестьян оброки требуют серебром, государственные подати взимаются тоже серебром. Одним словом, «ратаеве...

мучими сребра ради». Ермолай в явном раздражении против денег напоминает по аналогии, что и Иосиф был продан в Египет за 30 серебряников и Иисус Христос тоже был продан за серебро.

Ермолай — враг серебра. Правда, он не идет так далеко, как его современник Томас Мюнцер, он не собирался отменять деньги вообще и не рекомендовал натурального обмена, как это делали руководители Мюнстерской коммуны. Он гораздо консервативнее. Но он болеет теми же вопросами, которыми страдала и современная ему Западная Европа.

Он прекрасно понимает, что изгнать деньги из жизни невозможно. Но он хочет ограничить их, по его убеждению, пагубную роль. Он считает, что 1) нельзя брать денег с крестьян, 2) незачем раздавать деньги вельможам и воинам из царской казны, так как вельможи и воины обеспечены землей и кормятся от труда *«своих»* крестьян. Деньги для вельмож и воинов, имеющих *«своих ратаев»*, являются не необходимостью, а только роскошью (серебро им дается «на богатство, а не нужда ради»). Он считает допустимым имущественную разницу между обыкновенным воином и вельможей, не превышающей восьмикратного размера, отнюдь не больше: «неудобь же есть ему (вельможе. — *Б. Г.*) предо иными воины яко государем быти».

Его недовольство увеличившейся ролью денег мы можем объяснить тем, что Ермолай, как и, очевидно, многие другие, еще не успели привыкнуть к новой обстановке; в их памяти еще свежо старое время, когда русские люди не гонялись за деньгами, а довольствовались тем, что дает им земля.

Ермолай и не скрывает своего предпочтения старому и подыскивает своим симпатиям теоретические обоснования в истории. Он прочел историю многих государств («... многа убо царства прочтохом») и нашел подтверждение своим взглядам прежде всего в Египте, когда Иосиф обложил египетских земледельцев натуральной податью, «пятой частью жит» и таким образом спас во время голода свою страну. Ермолай уверен, что и «во всех языцех кийждо человек своему царви или властели воздает урок от приплод своая земля». Вот это и есть идеальный порядок, вполне удовлетворяющий автора. Его не смущает то, что Иосиф свои распоряжения о взимании подати хлебом сделал по специальным мотивам, что и во многих царствах, о которых если он и не читал, то мог бы при желании прочесть, дело обстояло не совсем так, как он думает. Ведь это был XVI в., когда Западная Европа переживала денежную горячку в гораздо более ошутимой степени, чем Россия. Такова сила ослепления автора своей идеей. Он глубоко верит, что там, «где ражается злато и сребро, ту и воздают (подданные своим властям. — *Б. Г.*) злато и сребро, идеже плодятся множество великих

скот, ту и воздают скоти, а идеже плодятся зверие, ту и воздают зверие». А поскольку «в Русийстей земли ни злато ни серебро не ражается, ни величьи скоти, но благословением божиим всего дражайши ражаются жита на прокормление человеком», то в России «достойт убо и дань у ратаев царем и вельможам всем имати от жит» и именно пятую часть урожая, «яко же Иосиф в Египте учреди».

Как же мыслит себе Ермолай отношения между крестьянством и землевладельцами? Он признает необходимость зависимости крестьян от землевладельцев. Это один из китов, на котором стоит государство. Вельможи, бояре и воины необходимы, но лишь ограниченные в своих материальных притязаниях мерой исполняемых ими служебных обязанностей. Следовательно, по его мнению, необходимо, чтобы крестьяне кормили вельмож и воинов в определенной мере, отнюдь ее не превышая. Только этими соображениями он оправдывает систему господства и подчинения. «Нужда бо ради кийждо от вельмож *своя ратая* имут и сими довольны будут, пятую часть у коегождо ратая приемлюще и цареви от сего служаще». Еще яснее та же мысль высказана им в другом месте «Правительницы»: «Приемляй же землю боярин или воевода или воин имать *своих ратаев*», от которых они должны брать пятую часть урожая. «Не достойт бо никому же бояром и воеводам и воином, *своя ратая и муща*, то инех же серебро имати». Что касается крестьян «ратаев», то Ермолай предполагает у них земельную норму, «полный жребий по 12 четвертей с осьминою (18 га) в поле, кроме сена и лесу».

Итак, он допускает только феодальную натуральную ренту и то в ограниченных государством размерах. Все остальные доходы вельмож, бояр и воинов незаконны, недопустимы и вредны.

Ермолай далек от мысли уравнивать всех землевладельцев: «аще кто предь теми воины и велик есть, то по достоянию его больши стяжает своего вдвое, а иного втрое, инех же в семеро и осьмеро». Это максимум. «Сей (т. е. в 8 раз имеющий больше земли.— Б. Г.) тако велик есть, аще и воеводствовати или боярствовати удобен». Совершенно ясно, что Ермолай воеводство и боярство считает службой государству и только ею оправдывает сравнительно большие размеры материального достатка воевод и бояр¹⁰. Воеводы, бояре, воины — это постоянные военные кадры. Они обеспечены земельными дачами от государства.

---

¹⁰ Когда Ермолай рекомендует отмерять землю поприщами, его расчеты точно соответствуют его рассуждениям: максимальный размер земельного владения — 1000 четв. в поле, минимальный — 125, т. е. 8 : 1.

Но для больших походов этого мало. Ермолай предполагает, что каждые 10 крестьян со своих «полных жеребов» должны выставлять одного воина.

Для удобства сбора войска служилые люди должны жить не в своих имениях, а в городах, куда их крестьяне и должны доставлять им «хлеб и сено и дрова». Ермолай согласен с тем, что в распоряжении государства должны быть деньги. Но для этого «сам царь во всех своих градах елико восхопет себе поприщ своя ради потребы прияти», хотя бы 2 000 500 четвертей (расчеты чисто примерные). Царь будет тоже получать пятую часть от населения, от земли хлеб, с лесов «зверие и мед», с рек — рыбу и бобров. Царь может продавать продукты и получать необходимые ему деньги. «Есть бо что из сего и продати на собрание сребра, а ни един ратай не будет слезен и мучен в недостатках».

Во всех своих проектах Еразм исходит из неудовлетворенности настоящим и прежде всего из факта приниженного и бедственного положения крестьян.

О городах и купцах Ермолай говорит особо. Он считает нормальным торговлю и торговую прибыль. Он считает справедливым отмену всяких торговых пошлин, но зато города должны взять на себя ямскую повинность целиком. Если кому-либо понадобятся деньги, то он всегда может их получить путем продажи «излишнего» хлеба в городе. Привезенный хлеб в город — это уже деньги. Характерно, что Ермолай-Еразм, прекрасно зная, что хлеб не единственный эквивалент денег, все же оперирует с хлебом.

Разработав большую, хотя и утопическую, программу перестройки всего общества в целях установления, как он полагал, справедливости на земле, Ермолай по-своему ответил на запросы жизни, которые волновали тогда не одну Россию. Не в одной России ставился так остро крестьянский вопрос.

Новые условия хозяйственной и политической жизни Европы заставляли землевладельцев этих стран много думать над конкретными мероприятиями. Не случайно вся Европа в это время много размышляет и пишет именно по этим вопросам¹¹.

Несомненно, что из трудного положения заинтересованные люди выходили по-разному. Одни смело бросались вперед, дру-

---

¹¹ Англия, естественно, обратила внимание на этот предмет раньше других стран. Уже в XIII в. там появился специальный труд «Fleta», и печатанный в 1863 г. в Лондоне в т. III «Traité sur les coutumes anglo-normandes». В Италии в XIII в. появился труд Кресценция «Liber ruralium consuetudinum», переведенный в XVI в. на языки французский, немецкий, польский. Наибольшее оживление по этим вопросам в Европе падает на XV—XVI вв. Во Франции, Испании, Англии, Германии, Польше переводят римских авторов, делают компиляции и пишут оригинальные труды I g n a c y B a r a n o w s k i. Wiesz i folwark, Warszawa, 1914, стр. 12—20).

гие пытались держаться за старое. Не долго пришлось ждать ответа на вопрос, кто из них делал более правильный выбор своего пути, но едва ли можно сомневаться в том, что беспокойство охватывало и тех, и других. В этой обстановке мысль работала приподнято.

Из всего, что написал Ермолай-Еразм, вытекает, что он весьма близок к вопросам общественным и моральным, что он, подобно Эразму Роттердамскому, рассуждает о моральном принципе,долженствующем лечь в основу перестройки общества.

Не мог не знать Ермолай-Еразм и о том большом церковно-политическом движении, за которым тогда следил весь христианский мир. Вполне допускаю, что человек с безусловно широким умственным кругозором, с темпераментом публициста, знающий нужды своей родины, учитывая намерения царя и его окружения, высказал свои мысли относительно перестройки общества, имея представление о том, что происходило тогда в Западной Европе и в частности в Германии (реформация и крестьянская война). Но Ермолай даже тогда, когда он высказывает, несомненно, утопические соображения, никогда не покидает русской почвы, всегда конкретен в своих рецептах, всегда исходит из того, что видит; и в этом, главным образом, историко-познавательная ценность его произведений.

А видит он очень много. Его беспокоит неудержимое стремление землевладельцев к наживе, их явная тенденция увеличить тяготы зависимого от них, лишенного средств самозащиты крестьянина, непомерно растущий аппетит землевладельцев к деньгам. Ему делается страшно от того, что денег стало слишком много, что богачи хотят иметь их еще больше, что деньги в конечном счете берут в свой серебряный плен и знать и бедняков. Надо остановить этот мощный и пагубный процесс: иначе он перевернет все те общественные устои, которыми жила до сих пор Русь!

Интересно отметить, что в утопическом проекте Ермолая-Еразма совершенно исключена барщина, которой он даже не упоминает. Можно думать, что эту форму эксплуатации крестьянина Еразм считал недопустимой, как нежелательной считал он и денежную ренту. Его полностью удовлетворяет старая система использования крестьянина — натуральный оброк.

Почему же Еразм больше всего обрушивается на денежную ренту и ничего не говорит о крестьянской барщине, сыгравшей в конечном итоге решающую в судьбах крестьян роль?

На этот вопрос ответить с недостаточным количеством фактов в руках трудно. Остается путь правдоподобных догадок. Возможно, что Еразм в барщине не видел опасности, потому что она в его время еще не успела стать столь грозной и

заметной. Когда писал Еразм, барщина, во-первых, не успела стать очень распространенным явлением, во-вторых, она не казалась еще чреватой теми последствиями, какие она в себе несомненно таила, и, в-третьих, многие землевладельцы, если и заводили у себя собственную запашку, пользовались для этого не барщинным трудом крестьян, а либо наймом в самом открытом его виде (наем для выполнения определенной срочной работы, «добровольное холопство» и др.), либо в замаскированном (кабальные люди, серебряники, рядовые, юрьевские). Не забудем, что Еразм писал именно тогда, когда Русское государство переживало подъем своих производительных сил, когда и в городе, и в деревне этот подъем проявлялся бурными темпами, неся с собой одним удачу, другим разорение и необходимость искать заработка у более счастливых и богатых. Это было время, когда далеко не всем было ясно, по какому пути пойдет дальнейшее развитие сельского хозяйства: Еразм не догадывался, что вслед за надвигающимся ростом барщины идет торжество крепостной зависимости. Откликаясь на новые требования жизни, люди не знают и не задумываются над тем, к каким последствиям приведет то или иное новшество.

Чей же идеолог был Ермолай-Еразм? На этот вопрос ответить не легко: с одной стороны, он как будто стремился к облегчению положения крестьян, с другой, — он полностью признает право феодала на эксплуатацию крестьянина. В его проекте наибольший удар падает на боярство, что было в интересах дворян-помещиков и что роднит Ермолая-Еразма с другим публицистом, его современником Иваном Пересветовым. Последний сам именуется «выезжим из Литвы Ивашкой Семеновым сыном Пересветовым». Это, несомненно, идеолог служилой помещичьей массы, стало быть, враг боярства и сторонник крепкой центральной власти.

После многочисленных исследований сейчас мы как будто можем допустить, что это не псевдоним, а подлинное имя сына боярского Ивана Семенова сына Пересветова, выходца из русских земель Литвы, написавшего некоторые из своих произведений после одиннадцати лет пребывания на службе у московского государя.

Это скромный по своему положению человек, не имеющий права писать с «вичем», но человек, окрыленный надеждами за свою усердную службу получить от царя повышение.

О знакомстве его с передовыми людьми этого времени (Ермолаем-Еразмом и его единомышленниками) мы можем догадываться. Бросается в глаза факт, что все эти люди, а равно как и инакомыслящие (автор «Беседы валаамских чудотворцев», кн. Андрей Курбский) размышляют, хотя и по-разному, в сущности об одних и тех же злободневных во-

просах. Их волнует состояние общества и государства, подготавливающееся к перестройке и перестраиваемое.

В некоторых случаях поражает единство взглядов на отдельные предметы Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова и Максима Грека и «еретиков», Матвея Башкина и др. «Вельможа ничтоже имеюще от своего труда, но изыдающе и одеяния носяща людская труды», богатства составляются от «властельского и насильственного притяжания» (Ермолай). «Вельможи от слез и от крови роду христианского богатеют нечистым собранием» (И. Пересветов). Власть имущие богачи разжигаются «неистовством несытного сребролюбия», «обидят, лихоимствуют, хитят имения и стяжания вдовиц и сирот» (Максим Грек).

Едва ли здесь какой-либо сговор. Это знамение времени. Это голос растущего нового общественного слоя, борющегося за свое место на земле¹² и видящего в вельможах-боярах, т. е. старой знати, своих противников, тормоз дальнейшего развития страны.

В литературе того времени мы видим авторов и иных взглядов на существующий строй России. Тут и защитник феодальных привилегий знати Курбский, и сторонник независимости и богатой материальной базы церкви Иосиф Волоцкий.

Но в лагере противников феодальной знати, стоявших за сильную центральную власть, понятно некоторое единство взглядов. Все они недовольны существующим, стремятся к новому, в царском самодержавии видят силу, способную изменить к лучшему условия жизни.

И в крестьянском вопросе мы видим если не единство мнений названных публицистов, то во всяком случае отмечаем отсутствие каких-либо резких разногласий.

Иван Пересветов крестьянского вопроса, как такового, в сущности не касается. Он доволен царским пожалованием: «...меня, холопа своего, — пишет он царю, — ...велел еси, государь, гораздо пожаловати. И по приказу твоему государеву яз, холоп твой, гораздо пожалован». Пересветов получил поместье, правда, «скоро запустевшее», в чем Пересветов обвиняет «сильных людей». Поместье до запустения, конечно, кормило Пересветова. Стало быть, крестьянский труд на помещика Пересветов воспринимает практически и, как увидим сейчас, оправдывает теоретически, считая его необходимым и справедливым. Отношение к этому предмету Ермолая-Еразма принципиально ничем не отличается. Он тоже признает неизбежным

---

¹² Мы можем слышать и голос защитников богатых и знатных в выступлениях Иосифа Волоцкого, в писаниях Курбского.

и вполне допустимым, чтобы у служилых людей были «свои ратаи».

Иван Пересветов выступает против тех, кто «записывает людей в *работу во веки*», т. е. против рабства и, само собой разумеется, грядущей формы крепостного права, возникшей позднее после отмены Юрьева дня. Когда писал Иван Пересветов, Юрьев день не только существовал, но и подтверждался новым Судебником, кабальный человек еще не терял права ухода от своего хозяина, закон защищал права «добровольного холопа», т. е. нанявшегося на работу без крепости человека. Другими словами, Пересветов в своем отрицании права человека поработать себе подобного — крепостнических отношений в форме, в какой они возникли позднее, в виду иметь не мог. «Бог сотворил человека самовластна (свободного распоряжаться самим собой.— *Б. Г.*) и самому о себе повелел быть владыкой, а не рабом».

Это рассуждение, конечно, касается не какой-либо формы рабства, а всех видов порабощения, близких к рабству. Из дальнейших его рассуждений видно, что самое главное условие процветания всякой страны Пересветов видит в возможности для каждого человека через свободное проявление своих способностей и полезной государству деятельности продвигаться вперед и получать блага по своим заслугам. Стеснение в этом отношении пагубно для государства. Лишение возможности свободно стремиться и достигать Пересветов в широком смысле и называет «порабощением». «Которая земля *порабощена*, в той земле все зло сотворяется и татьба, и разбой, и обида, и всему царству оскужение великое»¹³. И в другом месте: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есмь холоп, иного мне имени не прибудет. А в царстве в Костянтинове при царе Костянтине (Константин, как и Магмет-салтап, — вымышленные имена, которыми Пересветов пользуется в публицистических целях. — *Б. Г.*) у вельмож его лутчие люди порабощены были в неволю и против недруга крепко не стояли. .. И то царь уразумев, да дал им волю и взял их к себе в полк, и они стали у царя храбры, лутчие люди, которые у вельмож царевых в неволи были. И как учили быти в воли в цареви имени, всякий стал против недруга стояти и полки недругов розрывать, смертною игрою играти и чести себе добывати. И царь рек: волю божию сотворил есмь...»¹⁴.

¹³ В. Ф. Ржигала. И. С. Пересветов — публицист XVI в. Чт. ОИДР, 1908, кн. 1, стр. 69.

¹⁴ Там же, стр. 75.

Магмет-салтан уничтожил рабство, «велел перед себя книги принести полные и докладные, да огнем велел пожещи». Пленных в его царстве можно было держать только 7—9 лет, после чего они выходили на свободу. Если же кто-нибудь держал пленника больше 9 лет, то по жалобе на него пленника «на такового царская опала и казнь смертная».

Терминология Пересветова относительно рабства довольно разнообразна и несколько расплывчата. Это свидетельствует о том, что Пересветов имел в виду не какой-либо определенный вид холопской или крестьянской зависимости, а, очевидно, все виды неволи. Он, несомненно, прежде всего говорил о настоящих рабах-холопах, исполняющих на хозяина все необходимые в хозяйстве работы, но удареение делает не на эту категорию «невольных» людей. Его больше интересуют зависимые от вельмож военные слуги. Находясь у вельмож в приниженном и зависимом состоянии, они «против недруга крепко не стояли», а когда царь их освободил от власти вельмож, перевел на службу в свое царское войско, они стали храбро «против недруга стояти». Это политика ослабления военной мощи бояр и усиления государственных военных сил, политика, которую в широком масштабе уже осуществлял Иван III и продолжали его преемники.

Если принять во внимание, что Пересветов сам входил в состав царского воинства, что он прекрасно знал настроения и мечтания своих товарищей по службе, то мы хорошо поймем и круг его писательских интересов. Он сторонник сильной центральной власти, он понимает, кто мешает этому и в чьих интересах поддержать царское самодержавие и сокрушить его врагов. Вот то основное, что проповедует Пересветов, если не считать его пропаганды активной внешней политики, вытекающей из основных пересветовских предпосылок. Правда, которую Пересветов считает выше веры и которую, по его убеждению, необходимо ввести в жизнь, заключается в лучшей организации государственного аппарата (войско, суд, честные, состоящие на жалованьи чиновники и т. п.). Он, может быть, не заглядывает так глубоко в корень вещей, как это делает Ермолай-Еразм. Естественно, что мы не найдем у него специальных рассуждений о значении каждого класса или внутриклассовых прослоек общества и, в частности, крестьянства.

Но все же необходимо подчеркнуть, что он враг закрепощения крестьян «во веки» и допускает ту форму зависимости, которая при нем была господствующей, положение крестьян по Судебникам его удовлетворяет вполне.

На иной, гораздо более радикальной точке зрения стояли «еретики» Матвей Башкин и Феодосий Косой, выразители идеологии угнетенных общественных «низов». В Апостоле писано,

говорил Башкин, что сущность всего закона заключается в словах: «возлюби ближнего, как самого себя», а мы у себя христиан рабами держим. Христос всех называл братиею, «а у нас... на иных и *кабалы*, на иных *беглые*, а на иных *нарядные*, а на иных *полные*. А я... благодарю бога моего, у меня... что было кабал и полных, то... есмь все изодрал, да держу..., государь, своих добровольно; добро де ему, и он живет, а не добро, а он куда хочет...»¹⁵.

Башкин и Косой зачислены были в еретики именно потому, что они по вопросам общественно-политическим и церковно-догматическим разошлись с узаконенными государством и церковью точками зрения.

Мы, к сожалению, не знаем всего мирозерцания Башкина. Крупицы его мыслей, дошедших до нас, не позволяют воссоздать его образ мыслей сколько-нибудь полно. Несомненно, его обличающие соображения и поведение по отношению к подневольному труду зависимых людей связаны со всей системой его мировоззрения.

Феодосий Косой — еще более радикальный мыслитель. Он близок к отрицанию всяких властей («не подобает же в христианах влаstem быти и воевати»), в церковном учении близок к протестантизму. Поскольку он был привлечен к суду вместе с Башкиным, можно думать, что и в вопросах общественно-политических он не расходился с Башкиным. Следовательно, весьма возможно, что он был с ним солидарен и в вопросах о крестьянской зависимости. Более того, поскольку Феодосий Косой ратовал за общество равных друг другу людей, свободных от всяких «даней», он тем самым выражал чаяния современного ему крестьянства, требовавшего равного распределения земель и протестовавшего против непрерывно увеличивавшихся крестьянских повинностей («даней»)¹⁶.

Иное отношение к злободневным вопросам мы встречаем в лагере защитников феодальной старины. У идеолога господствующих классов Зиновия Отенского, у которого мы черпаем и некоторые сведения о суждениях Феодосия Косого, нет ясно выявленного отношения к положению крестьян, но имеется рассуждение, не лишённое интереса, о правовом различии между свободным работником и рабом: «Неть же убо едино работа свободного и работа рабская... Ино раб и ино наемник. Наемник свободен есть и ему же хощет рабо-

¹⁵ Московские соборы на еретиков XVI века. Жалобница благовещенского попа Симеона (Чт. ОИДР, 1847, кн. III, отд. II, стр. 22; ААЭ, т. I, № 238/IV).

¹⁶ См. Р. Г. Л а п ш и н а. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI века. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 248.

тает по найму и иже кто хошет, наимает его; раб же не может работати, ему же хошет; ниже кто хошет, поемлет его работати себе, понеже раб имеет господина и раб есть своему господину, а не всем есть раб; и елико еще он работает господину своему, мзды не имать и найма не возьмет. Егда бо не всхошет творити работы господина своего, томление и раны приемлет раб. И посему раб не имать свое ничтоже, но вся, еже имать у себе, господина его суть, и самую срачицу и вся купно, иже раб притяжет, от году же аще будет, господину своему, а не себе приживает»¹⁷.

Эти рассуждения Зиновия Отенского не столь академичны, как может показаться с первого взгляда. Он защищает неволю. Стремление раба к освобождению Зиновий считает преступлением: «писание наказует величество злобы рабия, от нее же земля трясется, внегда рабу во свободе быти»¹⁸.

И, конечно, не за критику различных наиболее часто практикуемых способов укрепления за господами людей еретики подверглись преследованию. Ведь их принципиальный враг Иосиф Волоцкий в этом пункте с ним был согласен. Одному вельможе Иосиф Волоцкий писал: «Слух ми, господине, приходит про твое благородство, что будто деи немилосердие твое и нежалование велико к твоим рабом и сиротам домашним, теснота и скудость велика им телесных потреб, пищей и одежею не токмо доволни, но и гладом тают и наготово стражут: и сего ради аз грешный дерзнул тебе воспоманути, моему господину, помянув твою веру к пречистой богородици, а к нам нищим великое жалование твое и любовь о Христе... И ты, господине, зри о сем, како божественное писание страшно претит и глаголет: есть беда велика и страшна и мучение бесконечное, аще не пекутся, ни имеют печали о домашних своих сиротах, но токмо делом насилующе и ранами казняще, одеания же и пища не дающе и гладом моряще, а душами их не пекущися еже о спасении, но гордяшися и желающе суетного тщетного жития, прелести света сего, и не имея промышления сиевого»¹⁹. Не согласен он был с еретиками и в вопросе об отношении церкви к государству, о монастырском землевладении и др.

Знаменитый Сильвестр, автор «Домостроя», высказывал по этому предмету те же мысли, не имея никаких оснований считать их ни еретическими, ни с политической стороны недопустимыми.

---

¹⁷ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении, Казань, 1863, стр. 30.

¹⁸ Там же, стр. 25; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг., Л., 1949, стр. 34—35.

¹⁹ ДАИ, т. I, № 213.

Сильвестр в «Домострое» неоднократно возвращается к вопросу об отношениях господ и зависимых от них людей.

«А государи бы и государыни,— пишет он в одном месте,— людей своих: мужей и жен и робят и всяких слуг жаловали, и кормили и поили и одевали, и в тепле бы жили и в благоденстве всегда». «А если кто людей держит у себя не по силе и не по состоянию и не удовольствует их пищею, питьем и одеждою, то они поневоле начнут предаваться порокам. И тому безумному государю от бога грех, а от людей посмеяние, и сам он оскудеет за скудость ума». Хорошего слугу хозяин должен «пожаловати и добрым словом привечати и ести и пити подати и нужда его всякая исполнити, а чево бесхитростно или недогадкою или неразумием не гораздо сделал или испортил што,— и в том словом наказати перед всеми — все бы того береглися — и вины отдати. А в другие и в третьи проступит, или леница, и ино по вине и по делу смотря по рассуждению наказати и побити: доброму бы была честь, а худому наказание, и всеми тому наук».

Правда, тут мы не видим теоретической постановки вопроса. Перед нами человек практический, дающий советы, как наиболее выгодным для хозяина способом держать в повиновении нужных ему людей. Но эти советы, проверенные собственным опытом автора, для нас имеют большую ценность.

Сильвестр не требует изменения в положении зависимых людей в сторону усиления господской власти. Он, повидимому, тоже удовлетворен правилами Судебника.

Если мы захотим продлить наши наблюдения, то увидим, что Сильвестр готов распрощаться с холопством совсем (тоже по соображениям практическим). Его идеал — эксплуатация наймитов. Совершенно недвусмысленно он об этом и говорит в своем знаменитом «Послании и наказании от отца к сыну», о чем уже шла речь выше.

Эта практичность Сильвестра, его личный опыт и вытекающие отсюда советы как нельзя лучше подчеркивают, что теоретическая мысль современных Сильвестру публицистов не была надуманной и отвлеченной, что она вытекала из объективных фактов, бросавшихся им в глаза и наводивших на размышления. А не думать над этими вопросами решительно было невозможно.

В 1518 г. прибыл в Москву по просьбе русского правительства образованнейший инок Афонского монастыря Максим, получивший в России прозвище Грека. Максим скоро овладел русской речью, стал свободно писать по-русски, сблизился с русскими людьми и энергично включился в обсуждение волновавших русскую общественную мысль вопросов.

Публицистическая деятельность Максима Грека была самым тесным образом связана с развернувшейся в то время борьбой

«нестяжателей» и «осифлян». Одним из центральных вопросов этой борьбы был вопрос о монастырском землевладении. Встав на сторону «нестяжателей», Максим Грек весь свой публицистический талант посвятил борьбе против «осифлян» и защите тезиса о недопустимости монастырского землевладения. Свои взгляды по этому вопросу он, как писатель-моралист, облек в форму нравучений инокам.

Иноки обязаны, по его мнению, «жить нестяжательно..., приобретая потребное от своих трудов...»²⁰. «Не уподобляйся пагубным трутням,— учит Максим,— чужими трудами всегда наполняя свое чрево; ревнуй же похвальному деланию премудрой пчелы, питаешь всегда от своих праведных трудов»²¹. Самое большое зло, одолевшее иноков, это «гордость, злонаравие и лесть, ложь, зависть и разные тщеславные пожелания и источник всякого зла — сребролюбие»²². «Ничто так не делает нас (иноков.— Б. Г.) зверскими, как владение, по примеру господ, именьями... Ибо где желание приобретать именья, там всячески и непомерное любление золота, и сладострастие, и попечения, и ссоры»²³. «Чем же и отличимся от мирских, если мы (иноки.— Б. Г.) опять окружили себя молвами житейскими и множеством имений и стяжаний, как и в прежней (светской.— Б. Г.) нашей жизни, и бедных, подвластных нам убогих постоянно морим всякими своими работами и требованием обременительнейших ростов?»²⁴. Положение монастырских крестьян Максим Грек рисует в мрачных красках. Монастырские власти «без милосердия истязуют их (крестьян.— Б. Г.) бичами за большие процентные долги, которые они не в состоянии уплатить, или же они лишают их свободы и записывают себе *навсегда в рабство*; или, лишив их имущества, с пустыми руками изгоняют бедных из своих мест». Они не заботятся о крестьянах, но «как купленных рабов, постоянно морят их всякими тяжелыми трудами: если же они в чем провинятся, тотчас с страшным гневом заковывают им ноги в железные кандалы»²⁵.

В диалоге Филоктимона (любостяжателя) и Актимона (нестяжателя) автор заставляет Актимона выступить очень резко против лихоимства и жестокого обращения с крестьянами. Если тут автору для большей яркости и ясности мысли приходится сгущать краски, то во всяком случае он ничего не выдумывает, а исходит из вполне конкретной обстановки, ему

²⁰ Максим Грек. Соч. в русск. переводе, ч. 1, изд. Троицкой Лавры, 1910, стр. 94.

²¹ Там же, стр. 20.

²² Там же, стр. 97.

²³ Там же, стр. 43—44.

²⁴ Там же, стр. 66—67.

²⁵ Там же, стр. 22—23.

хорошо известной. Акимон подчеркивает, что в священном писании запрещается брать проценты и взыскивать с несостоятельных должников долги, «как это ныне осмеливаемся делать мы с бедными сельчанами, обременяя их большими процентами и разоряя их, если не могут отдать взятое». «И это, — продолжает Акимон, — поступаем мы так с теми, которые непрестанно трудятся и страдают в наших селах и во всех наших потребах внутри и вне монастыря»²⁶.

Ту же мысль, но с большей детальностью, повторяет автор в своем «Слове о покаянии». Крайнее бесчеловечие видит он в приобретении монастырями земли и в пользовании материальными благами «за счет потового труда подручных... поселян». «Находясь в непрестанных трудах и будучи томимы в добывании для нас (иноков.— Б. Г.) житейских потреб», они «пребывают в скудости и нищете, не имея даже чистого ржаного хлеба, и тот часто ядят без соли, по причине крайней нищеты». Тяжелое положение крестьян усугубляется тем, что монастырские власти требуют с них «обременительнейших ростов за взятое ими... взаем серебро». В случае невозможности уплатить долг, власти выгоняют крестьян из сел с пустыми руками. Если крестьянин хочет «переселиться куда-нибудь в другое место, то мы, — пишет Максим, — не отпускаем его, если не внесет установленного выкупа, за то, что он столько-то лет прожил в... селе, предавая крайне бесчеловечно забвению его бесчисленные труды и поты и страдания, какие он понес, служа нашим потребностям во время жительства в наших селах»²⁷. Не может быть и малейшего сомнения в том, что Максим пересказывает здесь ст. 57 Судебника 1497 г. и делает ее оценку. Он считает «пожилое» несправедливым, потому что крестьянин, сидя в селе хозяина, своим «трудом и потом» уже оплатил хозяйские на него расходы, если они были вообще, это раз, во-вторых, «пожилое» не только несправедливо само по себе, но и дает в руки землевладельца опасное для крестьянина средство его насильственного удержания, что явно противоречит смыслу закона.

Эти замечания Максима очень интересны. Они дают нам возможность ознакомиться с оценкой закона о крестьянском отъезде одним из крупных мыслителей-современников.

Мне хотелось бы остановиться еще на одном замечании Максима Грека, где он в литературной форме сообщает о конкретных казусах, повторяемых в повседневной жизни. С крестьян хозяева стараются строго взыскивать долги. Неуплата долга влечет либо лишение свободы и превращение в рабство, либо отобрание крестьянского имущества и изгна-

²⁶ Максим Грек. Соч. в русск. переводе, ч. 1, стр. 56—60.

²⁷ Там же, стр. 82—83.

ние с земли, либо истязания («... истязуют... бичами за большие проценты... или... лишают... свободы и записывают навсегда в рабство, или лишив... имущества... изгоняют...»²⁸). Под истязанием бичами автор, несомненно, подразумевает пражез, изгнание с земли лишеного за долги имущества крестьянина — прием, очевидно, широко практиковавшийся. Требуется комментарий лишь превращение крестьянина за долги в «раба». Как надо понимать это «записывание навсегда в рабство»? Наиболее правдоподобное объяснение этого текста, как мне кажется, может лежать в практике «добровольно» выданных на себя, а иногда «вымученных» служилых кабал. Но тут с правовой точки зрения никакого рабства не было. Служилая кабала давалась по закону непременно вольным человеком, обычно на годичный срок, который мог быть кабальным человеком и нарушен при соблюдении предусмотренных законом условий, и отнюдь не превращала кабального человека в раба. Правда, в служилой кабале была чреватая последствиями оговорка о том, что, в случае просрочки уплаты взятых у хозяина денег, кабальный остается у хозяина до уплаты денег «по вся дни». Но права уйти от своего хозяина эта оговорка кабального человека не лишала, если он уплачивал свой долг.

Мы действительно имеем основание утверждать, что фактически кабальный человек далеко не всегда получал возможность расплатиться со своим хозяином, и стало быть, хозяин мог трактовать в быту своего кабального как холопа. Может быть, Максим Грек имел в виду и «выдачу головою до искупа».

Но ни в первом, ни во втором случае, рассуждая юридически, никакого рабства не было. Очевидно, Максим Грек, желая крепче подчеркнуть свою мысль о тяжелой участи несостоятельного должника-крестьянина, прибег к неточной с правовой точки зрения, но близкой в бытовом понимании сущности явления формулировке.

Что такое предположение правдоподобно, я вижу в помещенных тут же словах Максима о несправедливом и жестоким обращении господ со своими крестьянами. Господа своих крестьян морят непосильными трудами «как купленных рабов», т. е. как подлинных холопов. Записывались же свободные люди не в рабство, а в кабальное состояние, которое сильно приблизилось к рабскому только в 80-х годах XVI в. и то не став настоящим рабством.

Подводя итоги соображениям Максима Грека по крестьянскому вопросу, мы вправе сказать, что у него нет продуманной по этому предмету программы. Критика действий монахов-стяжателей в отношении монастырских крестьян, конечно,

²⁸ Там же, стр. 22—23.

не делает Максима Грека идеологом угнетенных классов. Эта критика служит ему лишь средством для того, чтобы показать «антиморальный» характер поведения своих противников из лагеря «осифлян». Он мирится с существующей системой взаимоотношений между землевладельцем и крестьянином. Единственное улучшение в правовом положении крестьянина, которое мы можем усмотреть в его писаниях, это отмена «пожилого». Все остальные его требования относятся к области морали. Он хочет, чтобы землевладельцы относились к своим крестьянам мягче и справедливее, не утесняли бы их выжиманием процентов, не сгоняли бы с земли безнадежно задолжавших крестьян, не обращались бы как с рабами.

По крестьянскому вопросу Максим Грек интересен нам как современник, многое видевший собственными глазами, как многом слышавший, интересен как эмоциональный бытописатель-моралист, в писаниях которого ясно проглядывает неподдельное возмущение крайностями феодальной эксплуатации, но который совершенно лишен черт волевого реформатора, готовящегося что-либо в жизни изменить.

В этом отношении он стоит гораздо ниже многих своих русских единомышленников.

На «Стоглавом соборе» развернулись прения по «вопросам», поставленным самим царем. Тут столкнулись различные точки зрения и, хотя едва ли на соборе можно было говорить вполне свободно, тем не менее существо тех или иных положений выявилось во время обсуждения «вопросов» достаточно ясно.

Вот почему и голоса, раздававшиеся на соборе, мы имеем право причислить к тем звукам, по которым мы улавливаем состояние общественного мнения середины XVI в. Конечно, и здесь одно из первых мест занял вопрос о церковных имуществвах, наболевший, не терявший своей остроты. Пришлось выслушать и мнения о монастырском сребролюбии, о выкачивании денег из должников, о нажиме на зависимых крестьян.

Собор вынужден был согласиться с тем, что положение монастырских крестьян незавидное и требует облегчения в интересах самих же монастырей. Решено было рекомендовать «святителем и всем монастырем деньги давати по своим селом своим христианом без росту и хлеб без насцу того для, *чтобы за ними христиане жили, и села бы их были не пусты*»²⁹, т. е. ссуда крестьянам деньгами или хлебом должна служить исключительно средством обеспечения церковной земли рабочими руками, отнюдь не принимая ростовщического характера. Поскольку собор, естественно, исходил из конкретной обстановки в монастырских селах, а, стало быть, и селах светских зем-

²⁹ Стоглав, изд. 3-е, Казань, 1911, стр. 161 (курсив мой. — Б. Г.).

левладельцев (хотя к ним это запрещение прямо и не относилось), мы еще раз имеем возможность проверить точность наблюдений Максима Грека, Ермолая-Еразма и др. И Собор не мог не заметить, что положение крестьянина требует улучшения, что обедневшее и задолжавшее крестьянство ищет выхода из своего трудного положения и находит его в бегстве. Монастырским селам грозит опасность запустения, если не будут приняты решительные меры.

Запрещает «Стоглав» монастырским властям частые поездки по селам, длительное засиживание в селам на крестьянских хлебах. Конечно, необходимо время от времени наезжать в села «дозирати и управляти», но этой необходимостью не следует злоупотреблять. Монастырские власти из этих поездок должны возвращаться в монастыри «вскоре», никаких длительных путешествий по своим владениям с целью сбора продуктов и денег сверх оброчной нормы Стоглавый собор не разрешает: («а в объезды по селам никогда же не ездят и пиров и даров крестьяном творити на себя не повелевают») ³⁰.

Подтвердил факт тяжелого положения крестьянства и бывший митрополит Иоасаф Скрипицын, живший во время заседаний Собора в Троице-Сергиевом монастыре и на Соборе не присутствовавший. Известный Сильвестр, однако, счел нужным послать Иоасафу постановления Собора. Иоасаф, примыкавший к нестяжателям, высказал свой протест против распространения на крестьян налога на выкуп пленных. Он полагал, что полоняничные деньги должны платить церкви и монастыри, а не крестьяне, поскольку они и так переобременены налогами: «а христианом, государь царь, и так твоей много тягли в своих податех» ³¹.

Итак, в конце XV и в первой половине XVI в. русская общественная мысль занята также и вопросом о положении сельского населения, которое мыслится как зависимое от своих господ и испытывающее гнет не только от них, но и от государства.

Крестьянский вопрос обсуждается в рамках вполне конкретных практических возможностей. Никаких бросающихся в глаза утопизмов мы здесь не видим, если не считать утопией советы Ермолая-Еразма отказаться от денежной ренты и перейти к натуральной, т. е. повернуть экономический процесс вспять.

Размышления по крестьянскому вопросу построены на точных наблюдениях над фактами. Это последнее обстоятельство особенно ценно, так как дает нам возможность глубже понять имеющийся в нашем распоряжении многочисленный актовый материал и лаконический язык писцовых книг.

³⁰ Стоглав, изд. 3-е, Казань, 1911, стр. 110.

³¹ Там же, стр. 199.

В итоге ознакомления с представителями различных направлений общественной мысли по крестьянскому вопросу мы приходим к следующим выводам:

1. Все, касавшиеся вопроса о положении крестьян, признают это положение требующим улучшения. Главным образом при этом подчеркивается чрезмерное отягощение крестьян государственными податями, тяжелыми условиями ссуды и жестокостью взыскания долгов.

2. Очень характерно, что крестьянин мыслится обложенным оброком в пользу своего господина и что о барщине прямо никогда не говорится.

3. Оброк сам по себе представляется всем публицистам (кроме еретиков) явлением обычным, нормальным, требующим только уменьшения или качественного изменения (требование Еразма отказаться от денежного оброка и возвращения к натуральному).

4. Всюду отмечается растущая роль денег и ненасытное стремление привилегированных классов к обогащению.

5. Одни из писателей-публицистов косвенно, другие прямо высказывают требование обуздания этих appetitов, приведение в соответствие степени служебной полезности и размеров материального обеспечения.

6. Как на средства обогащения этих классов обычно указывается на: 1) увеличение оброков, 2) ростовщичество.

7. Проектов об основной перестройке системы ведения хозяйства нет.

8. Что касается правового положения крестьян, то ни один из публицистов не высказывался против норм Судебника (только Максим Грек высказался против «пожилого»). Право крестьянского отказа удовлетворяло всех, писавших по крестьянскому вопросу.

9. Средство удержания крестьян на местах в целях сохранения доходности имений все публицисты видят только в более гуманном отношении к крестьянам.

10. Достаточно отмечается протест крестьян против феодального гнета. В качестве средства избавиться от своего тяжелого положения, как отмечают все публицисты, крестьяне пользуются либо законным правом перехода от одних землевладельцев к другим, либо бегут, т. е. нарушают закон.

11. Заметно беспокойство, возбуждаемое усиливающимся стремлением крестьян к перемене своих хозяев и мест, ведущим к запустению имений.

12. Город, нашедший себе отражение в рассуждениях Ермаля-Еразма и в практических советах и действиях Сильвестра, показан достаточно ярко. В городе несомненна тенденция к пользованию наемным свободным трудом.

V. КРЕСТЬЯНСКАЯ БАРЩИНА И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

Если крепостное право в широком смысле термина есть право землевладельца на принудительный труд крестьянина, т. е. обычная в средние века форма эксплуатации человека человеком, то в более тесном смысле этого термина разумеется самая тяжелая форма зависимости крестьянина от господина, приближающаяся к состоянию рабства.

Эта самая суровая форма зависимости стала в XVI—XVIII вв. наиболее распространенной в тех странах Европы, которые не изжили к этому времени феодальных общественных отношений, но рядом с этой формой существовали и другие формы эксплуатации человека человеком, одни в виде пережитков прошлого, другие как симптомы будущего.

Задача историка, поставившего себе целью изучение истории крестьян на протяжении средневековья, и заключается в том, чтобы проследить все, по крайней мере наиболее заметные проявления классовой борьбы крестьян против феодалов, изменения, происходившие как в самом крестьянстве, так и в среде землевладельцев, во взаимных отношениях этих двух классов-антагонистов в связи с общим ходом экономической и политической жизни страны.

Вопрос о возникновении и развитии крепостнических отношений сводится к раскрытию тех условий, при которых мог появиться и развиваться общественный строй, позволивший одной части общества сконцентрировать в своих руках большие пространства удобной для обработки и населенной земли, а другую часть общества поставить в зависимость от крупных землевладельцев, заставить работать на них и закрепить за ними это право принуждения.

В этом направлении и велась настоящая работа. Сейчас на очереди завершающий момент в истории крестьянской зависимости.

Несмотря на то, что процесс усиления зависимости крестьян шел параллельно во всех странах Европы на восток от Лабы (Эльбы) и пришел к одним и тем же результатам, в каждой из этих стран были свои индивидуальные особенности, о которых частично шла речь уже выше.

На Руси этот процесс протекал в обстановке, осложняемой крупными внутренними и внешними событиями. Для тех, кто хочет изучить этот процесс в конкретности, необходимо учитывать по крайней мере главнейшие из условий, сопровождавших и так или иначе воздействовавших на развитие отношений между землевладельцем, земледельцем и феодальным государ-

ством и приведших в конечном счете к слиянию различных категорий непосредственных производителей в одну крепостную массу.

Мы могли убедиться в том, как разнообразны были эти прослойки. Особую настороженность вызывали у нас категории населения, работавшие на своих хозяев по прямому найму или же по найму замаскированному.

Это вполне понятно, потому что наемный труд — это основа новой общественно-экономической формации. И в недрах феодализма наемный труд, конечно, существовал, но в XVI—XVII вв. не было еще условий для того, чтобы он стал основой производства.

«Наемным трудом» (понимая под этим термином все разновидности найма, которые существовали в условиях феодализма) русский землевладелец пользовался тогда, когда у него было мало крестьян. Это вполне понятно. Не раз в наших источниках попадаются жалобы монастырей на то, что «они место убогое», крестьян у них нет, и им поневоле приходится прибегать к наемной силе. Совершенно ясно, на что рассчитаны подобные жалобы. Таким монастырям, конечно, хотелось бы получить в свое распоряжение крестьян.

Но тут есть и другая сторона дела: крестьянина, до сих пор сидевшего на оброке, не так просто было перевести на барщину, к этому времени начинавшую завоевывать главенствующее место и, наконец, восторжествовавшую!

Барщинная система хозяйства сделала применение наемного труда (либо в феодально-замаскированной, либо в открытой форме) уже не столь необходимой, даже излишней, потому что именно крестьянин непосредственно стал работать на хозяина. Землевладелец, конечно, давал крестьянину возможность своим трудом кормить себя самого, но значительная часть прибавочного времени, а иногда и все прибавочное время крестьянина шло на землевладельца.

Экономическое положение крестьянина не могло при этих условиях не ухудшиться и весьма серьезно. А так как на эту перемену в своем положении крестьянин не только не соглашался добровольно, но, несомненно, против нее протестовал, то в интересах землевладельца был усилен правовой нажим на крестьянина: крепостническое государство полностью поддержало помещика, принеся ему в жертву крестьянина. Проблема удержания за помещиком рабочей силы решалась в обстановке обостренной классовой борьбы.

Вождедения землевладельцев, особенно мелких и средней руки, осуществились в 80-х годах XVI в., и с этого же времени начался и процесс слияния различных групп зависимого населения в однородную крепостную массу.

Законодательные мероприятия помещичьего государства избавили мелкого и среднего землевладельца от больших забот и хлопот. Землевладельцу больше не нужно было изобретать способы привлечения и удержания за собой рабочей силы в такой мере, как это было раньше. С этого момента помещик и небогатый монастырь могли считать себя удовлетворенными: им оставалось только не допускать своих крестьян до бегства, разыскивать их в случае их бегства и привлекать к себе новопорядчиков, т. е. кандидатов в крепостные крестьяне.

Крупные землевладельцы эту же проблему и раньше решали для себя успешно: у них была более широкая возможность и привлекать и удерживать у себя рабочую силу.

Правильно понять историю крестьян можно только с учетом, по крайней мере, главнейших сторон весьма сложной жизни народа и государства в целом.

И в этой связи историк крестьян не может игнорировать ни времени блестящего княжения Ивана III, ни бурного и дорого обошедшегося русскому народу со всеми крупными своими достижениями времени Грозного.

Войны Грозного на востоке и война за Балтийское море заставили Россию в надежде на успех напрячь все свои силы. Перенапряжение сил сказалось сразу же после окончания Ливонской войны.

Россия стала перед неотложной задачей спасти страну от покушений извне, сохранить свой международный престиж и залечить раны, нанесенные двадцатипятилетней войной. В этой обстановке не мог не обостриться старый, большой и сложный крестьянский вопрос.

1. РАЗОРЕНИЕ 70—80-х ГОДОВ XVI в.

Факт запустения в 70—80-х годах Русского государства, так ярко отмечаемый рядом наблюдателей-современников, конечно, не мог не обратиться на себя внимания русских исследователей. Но размеры этого бедствия на Руси, его причины и дальнейшие связанные с ним события понимались по-разному.

Тут можно отметить два основных направления: одно, видящее в хозяйственном потрясении страны следствие органических и систематически действующих причин; самому явлению при этом придается характер длительный: начавшийся давно отлив населения из центра лишь усилился во второй половине XVI в. и продолжался едва ли не до первой четверти XVII в.; второе, — считающее хозяйственное потрясение явлением, порожденным временными причинами, не общего органического, а частного характера, и длящимся сравнительно недолго.

По первому пути шли, как правило, исследователи старые, не имевшие в своих руках писцовых книг или знавшие их в очень ограниченном размере. К ним по мало понятным причинам примкнула и часть исследователей, которые могли пользоваться данными писцовых книг в полном объеме.

По второму пути пошли те, кто сумел освободиться от гипноза старых авторитетов, и заново подвергли пересмотру имеющиеся источники.

Немаловажную роль в этих разногласиях играли и общие представления о ходе русской жизни, особенно в XV—XVI вв.

В конечном счете определяющим препятствием для решения вопроса этими исследователями было отсутствие правильных методологических предпосылок.

С. М. Соловьев объясняет разорение 70—80-х годов склонностью русского народа к бродяжничеству, которому способствовал рост и без того обширной русской территории, и непрерывной колонизацией пустых земель: «пространство земель, требовавших населения, увеличивалось все более и более, колонии вытягивались и на юг в степи, и на северо-восток, за Уральские горы, в бесконечную Сибирь», отсюда и объяснение, почему «к концу XVI века пустынных пространств было уже очень много в Московском государстве»¹. А. П. Шапов был того же мнения: «Огромное равнинное пространство,— писал он,— и обилие земель простором своим невольно вызывало массы к свободному, привольному разгулу по земле, к постоянным переходам с места на место, приучало к полукочевому земледелию, к полукочевой, полуномадной колонизации»².

Бродит русский крестьянин и у П. Н. Милюкова³. А. С. Лаппо-Данилевский даже в великокняжеском хозяйстве XII—XIV вв. видит следы «полукочевых быта»⁴.

И. Д. Беляев выдвинул другую причину переселений крестьян — это истощение почвы. По его мнению, при первобытном хозяйстве выжигание леса и поднимание новины представляло более выгоды, чем удобрение земли, истощенной много-

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. 2, стб. 650—651.

² А. П. Шапов. Историко-географическое распределение русского народонаселения, «Русское слово», 1864, № 9, стр. 107.

³ «Служивый класс закрепил под собою крестьянство, давно уже лишенное в процессе колонизации своих племенных связей, продолжавшее еще бродить по русской земле и садившееся на землю, большей частью, на положении временных поселенцев на условиях частного найма» (П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, изд. 5, т. I, стр. 144).

⁴ «Древнее великокняжеское хозяйство (в XII—XIV вв.) еще отзывалось следами полукочевых быта, ибо основным его элементом были, повидимому, звериная и рыбная ловля, скотоводство и отчасти земледелие» (А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Моск. гос., стр. 1).

кратными посевами. Но И. Д. Беляев в то же время очень далек от мысли считать русского крестьянина бродячим. Он решительно протестует против объяснения «запустения» свободным переходом крестьян. «Сами памятники, — пишет он, — везде жалуются и приписывают запустение не свободному переходу, а другим причинам: голоду, повальным болезням, войне, плохому хозяйству землевладельцев и тяжести податей и повинностей». Автор старается убедить читателя, что от сносных условий ни один крестьянин уходить не станет, что крестьянин «по самой природе его промысла» не склонен к переменам мест, и упрекает сторонников теории бродяжничества в том, что они «напрасно обвиняют русских крестьян XVI века в бродячести и неусидчивости», для какого утверждения Беляев не видит в источниках никаких оснований.

И. Д. Беляев, писавший накануне крестьянской реформы 1861 г. и сочувствовавший отмене крепостного права, знал, что одним из аргументов крепостников было приписывание крестьянам склонности к перемене мест, якобы грозившей помещикам остаться без устойчивых рабочих кадров ⁵.

Через 20 лет И. Д. Беляев нашел поддержку своим взглядам на прочную оседлость крестьян у экономиста-историка П. А. Соколовского.

П. А. Соколовский — враг теории бродяжничества. «Это стремление, — говорит он, — понятно в туристе, но совершенно не естественно в земледельце, принужденном для обеспечения своего существования соблюдать возможно большую экономию в затрате своих трудовых сил. Не имел он основания приходить на новое место с целью облегчить труд, как полагает г. Соловьев, потому что гораздо легче изменить систему полеводства, чем снова обзаводиться всем нужным для хозяйства». Ему кажется неубедительным и мотив «истощения почвы». Сам П. А. Соколовский видит причину бегства крестьян с насиженных мест в условиях общественных. Он ссылается при том на жалобы самих крестьян, заявлявших, что «многие деревни запустели от прежних... наместников, и от тиунов, и от доводчиков, и от обыскных грамот, и от лихих людей, и от татей, и от разбойников» (АА, т. I, № 234, 344; АИ, т. I, № 200, ДАИ, т. I, № 298). Иногда крестьяне объясняют запустение «от государевых податей» и от подвод, «от опричного правезу», «от свейских немец», казаков, татар. Иногда ссылаются на мор. «Очевидно, — заключает автор, — что никакая почва, никакой климат, никакие усовершенствованные системы хозяйства

---

⁵ И. Д. Беляев. Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние, Архив историч. и практич. сведений, т. II; его же. Крестьяне на Руси, стр. 92—93.

не могли парализовать разрушительного влияния таких общественных условий и, чтобы бежать от них, вовсе не нужно было иметь романтической склонности к «брожению».

Не соглашаясь с объяснением причин запустения многих сел и деревень, А. П. Соколовский, однако, признает самый факт бегства крестьян. Для прекращения этих побегов правительство пошло по «пути насильственного прикрепления крестьян к земле»⁶.

В. О. Ключевский тоже верит в «разброд населения», покидавшего свои родные места для колонизации окраин государства. «С малолетства Грозного, — пишет он, — приблизительно с 1540-х годов, становится заметен отлив населения из центральных областей государства. Здесь во второй половине XVI в. путешественник на обширных пространствах, даже по бойким торговым дорогам, встречал уже только свежие следы прежней населенности края, обширные, но безлюдные села и деревни, жители которых ушли куда-то. Везде народ разбежался, и пустыни не только деревни, но и города. Разные случайные обстоятельства, татарские набеги, многолетние неурожаи в 1550-х годах усиливали этот отлив»⁷. «Так ход сельского хозяйства в Московской Руси XVI века представлял, можно сказать, геометрическую прогрессию запустения». «Кажется, еще бы по одной сильной волне колонизации из центра к окраинам на юг и на север, — и Москве предстала бы опасность, уже испытанная ее предшественником Киевом, опасность превратиться в столицу пустыни, окруженную, по техническому выражению вотчинных книг XVII века, «пометной (брошенной) землей тяглых жеребьев впусте». Тут В. О. Ключевский делает ссылку на труды С. Ф. Платонова «Очерки по истории смуты» и Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси», которые подтверждают его собственные выводы «новыми наблюдениями»⁸.

Ссылка на С. Ф. Платонова очень понятна, потому что С. Ф. Платонов, в свою очередь, по данному поводу ссылается на В. О. Ключевского. Оба историка в объяснении интересующего нас события очень близки друг другу.

У С. Ф. Платонова мы можем прочесть: «В то самое время, когда крестьянский труд стали полагать в основание имуще-

⁶ П. А. Соколовский. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом, стр. 172—173. Против теории «бродяжничества» решительно возражали многие (В. И. Сергеевич. Древности русского землевладения, ЖМНП, 1900, № 9—10; Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси, 1907, стр. 63—67; Н. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, ч. II, стр. 66).

⁷ В. О. Ключевский. Боярская Дума, стр. 306—307.

⁸ Там же, стр. 308—309.

ственного обеспечения вновь образованного служилого класса, крестьянство пыталось вернуть своему труду свободу — через «переселение». Однако С. Ф. Платонов вводит в объяснение «переселения» и новый, но едва ли очень убедительный мотив. Он считает причиной переселения крестьян увеличение служилого землевладения и переход крестьян в частную зависимость. «Вот в чем, — заключает автор, — мы видим главную причину усиления во второй половине XVI века крестьянского выхода из местностей, занятых служилым землевладением»⁹.

В одной из своих самых поздних статей С. Ф. Платонов возвращается к старой своей мысли в связи с вопросом о возникновении крепостного права в России. «История крестьянского прикрепления может быть правильно изображена, — пишет он, — только тогда, когда исследователь свяжет ее с изображением громадной катастрофы, пережитой московским обществом во второй половине XVI века, с массовым выселением трудового народа из Московского центра и с гибелью хозяйственной культуры в наиболее культурных областях страны». В книге «Борис Годунов» автор еще подробнее касается причин разрухи: к причинам, здесь изложенным, он прибавляет политику власти: «Само правительство звало этих «верховых сходцев» для заселения новых городов и пограничной укрепленной черты... Власти одними мерами как бы выталкивали народ из внутренних областей государства, а другими — привлекали его на окраины, обаятельные для поселенцев и безо всяких казенных приглашений»¹⁰.

Естественно, здесь возникает ряд вопросов. Почему то же самое обеспечение частных владений крестьянским трудом в течение многих веков не вызывало кризиса, подобного потрясению 70—80-х годов XVI в.? Почему Россия в течение более чем 100 лет шла к своему хозяйственному расцвету и при наличии поместного землевладения? Погибла ли на самом деле хозяйственная культура в наиболее культурных областях страны?

На все эти вопросы не дают ответа ни В. О. Ключевский, ни С. Ф. Платонов. Последний очень хорошо знает, что «писцовые книги и летописи того времени объясняли сильное запустение центральных и южных областей государства, главным

---

⁹ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., СПб., 1901, стр. 127.

¹⁰ С. Ф. Платонов. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси, Архив истории труда в России, кн. III, стр. 22. В книге «Борис Годунов» (1921 г.) автор объясняет разруху, происшедшую, по его мнению, от бегства крестьян, террором Грозного, который разбил не только родовую знать, но «и весь вообще общественный строй центральных московских областей... Сдвинута была вся народная масса, имевшая связи с землевладельческим классом княжеской и боярской опальной знати» (стр. 67—69).

образом, татарским набегом 1571 года, когда хан дошел до самой Москвы, а отчасти «морovým поветрием» и «хлебным недородом». Но почему-то С. Ф. Платонов не хочет принять этих причин, а настаивает на том, что «это были второстепенные и позднейшие причины: главная причина заключалась в «потере земли»¹¹.

Опять у нас возникают недоуменные вопросы: почему причины, выставленные современниками, переживавшими грозные события 70—80-х годов XVI в., Платонов считал «позднейшими»? И, наконец, о какой «потере земли» говорит он? Кто ее потерял? Служилый человек, согласно признанию автора, ее получил, а если крестьянин ее покидал, то с тем, чтобы променять на другую в другом месте. Стало быть, ни крестьянин, ни помещик без земли не оставались. Тут Платонов ссылается на ту же самую XV главу «Боярской Думы» Ключевского, где мы видели ссылку на Платонова.

Оба автора, поддерживая друг друга, твердят о развитии крестьянского передвижения, чему якобы способствовали громадные земельные приобретения Москвы и поощрение правительством колонизации. Откуда-де для прекращения передвижения крестьян и необходимость крестьянского прикрепления.

Ссылка Ключевского на Рожкова тоже понятна: Рожков подтверждает факт запустения страны в 70—80-х годах XVI в. и вместе с Ключевским готов признать значение колонизации, как фактора, действовавшего на протяжении всего XVI в. Но у Рожкова своя точка зрения на причины запустения Русского государства в 70—80-х годах XVI в. Он, как и С. Ф. Платонов, не придает значения объяснениям современников, переживавших бедствие. Он критикует мнение датского посланника Ульфельда и иезуита Антония Поссевина; первый ссылался на опричников, второй — на поход Батория, шведов и крымского хана.

Совершенно справедливо автор соглашается с замечанием А. Ильинского о том, что ни иноземное нашествие, ни поход Грозного на Новгород не могли «надолго» (курсив мой. — Б. Г.) лишить Новгородскую землю населения. В доказательство Н. А. Рожков ссылается на новгородские писцовые книги, где ясно видно, что по миновании временной опасности большая часть деревень снова наполнилась населением¹².

Казалось бы, тут надо было признать показания писцовых книг решающими вопрос, а разруху — явлением, в конце XVI в.

¹¹ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты, стр. 127.

¹² Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, стр. 367.

изживаемым. Но Н. А. Рожков этого не делает. Уже из заголовка отдела, где у него об этом идет речь, видно, что он, вопреки показаниям писцовых книг, считает запустение продолжающимся до самого конца века («Отлив населения из Центральной области в последнем тридцатилетии XVI в.»)¹³.

Объяснение нежеланию Н. А. Рожкова согласиться с показаниями современников и данными писцовых книг заключается в его убеждении, что причина колонизационного движения, или, иначе, отлива населения из центра, лежит не во временных и скоропреходящих обстоятельствах, а в целой системе землевладения и хозяйства, действующей на протяжении длительного времени.

Он видит источник всенародного бедствия в развитии поместного и монастырского землевладения, в юридической природе поместья, не позволявшей помещику распоряжаться землей и вызывавшей крайнюю подвижность поместий. Помещик смотрел на поместье как на владение временное и поэтому нерасчетливо старался извлечь из него возможно больше пользы для себя, «не заботясь о том, как это отразится на дальнейшей производительности почвы». «Поместная система приучала служилых людей к кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала технический уровень сельскохозяйственного производства. А хищничество помещиков заставляло крестьян целыми массами уходить в места, где поместное землевладение было развито еще сравнительно мало или же его не было совсем. Условное владение на монастырских и архиерейских землях приводило к тем же результатам»¹⁴.

В эти рассуждения Н. А. Рожкова, в значительной мере соглашаясь с ним, внес свою поправку Н. Огановский. По его мнению, не юридическая природа поместья повинна в разорении страны, а количество поместий, не хищническое отношение помещика к земле, а к крестьянам, которые непосредственно служили объектом помещичьей эксплуатации. Главную причину разорения Н. Огановский видит «в размножении непродуцируемых классов — служилого дворянства и духовенства»¹⁵.

Относительно хозяйственных потрясений описываемого времени мимоходом (в 1912 г.) высказался П. Е. Михайлов. Отказавшись от более глубокого изучения этого вопроса, он все же счел возможным утверждать, что «со второй половины XV века и через весь XVI век охватывает Московское государ-

---

¹³ Там же, стр. 511.

¹⁴ Там же, стр. 456—461.

¹⁵ Н. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, ч. II. Очерки по истории земельных отношений в России, стр. 137, 140—141.

ство хозяйственный кризис», а первые его признаки стали, по его мнению, сказываться «еще раньше, как это всегда имеет место в подобных случаях»¹⁶.

Какие «случаи» имеет в виду автор, остается неясным. Совершенно ничем не обоснованным остается и его мнение о «случае» в Русском государстве. Для чего понадобилось автору именно такое понимание хозяйственной жизни Руси, мы увидим в следующей главе.

В 1915 г. вышла специальная работа Н. Ф. Яницкого: «Экономический кризис в Новгородской области XVI века», написанная на основании изучения новгородских писцовых книг. Автор констатирует на конкретном материале бесспорный факт «громдного, ужасного по своим размерам бедствия», разразившегося «над коренными землями Руси во второй половине XVI в.». Это бедствие «разорило целый ряд земледельческих хозяйств, согнало население с насиженных мест. Старейшие области русской земли оказались заброшенными, запустевшими, население их исчезло». Это «болезнь, от которой земледельческие хозяйства пострадали сильно и на продолжительный срок»¹⁷. Причиной упадка хозяйственной деятельности Новгородского края автор посвящает целую главу своего исследования. Она заполнена главным образом критическим разбором мнений его предшественников, часто вполне убедительным. Отвергая мнение о колонизации, как причине запустения, и соображения Н. А. Рожкова и Н. Огановского о поместной системе, якобы вызвавшей кризис (ведь запустели не только поместья, а все виды хозяйств), Н. Ф. Яницкий считает необходимым искать более глубокую и общую причину и в конечном счете приходит к заключению, что причина эта есть «реальное повышение крестьянского оброка землевладельцу, перевод натурального оброка на денежный — и то и другое в связи с общими неблагоприятными условиями жизни Новгородского края — с потерей им торгового транзитного пути в Европу и зарождающейся сменой натурального хозяйства денежным»¹⁸.

Нужно отдать автору справедливость. Он действительно дошел до высокой степени обобщений. Но дело-то в том, что все указываемые автором причины начали действовать уже со второй половины XV в. (только беломорская торговля началась в середине XVI в., но сама по себе она никому ничем не угрожала) и, однако, не только не принесли никакого ущерба хо-

---

¹⁶ П. Е. М и х а й л о в. Обычный институт старожильства в процессе образования крепостного права, ЖМНП, 1912, январь, отд. 2, стр. 102.

¹⁷ Н. Ф. Я н и ц к и й. Экономический кризис в Новгородской области XVI века, стр. 1.

¹⁸ Т а м ж е, стр. 131.

зяйству, а способствовали его заметному подъему, продолжавшемуся до 70-х годов XVI в., что легко проследить по материалам тех же писцовых книг.

Книга Н. Ф. Яницкого дала много ценных наблюдений, но не разрешила вопроса о причинах хозяйственного потрясения 70—80-х годов.

Все эти попытки различных авторов, с которыми мы успели познакомиться, объяснить хозяйственную разруху 70—80-х годов XVI в. сводятся, таким образом, к общим причинам, действовавшим на протяжении всего века и даже до него и после него, и тем самым ничего не объясняют, так как одни и те же причины, оказывается, то вызывали подъем хозяйственной жизни, то крайний упадок.

В самом деле, почему поместная система или перевод натуральных оброков на деньги до 70-х годов XVI в. не давали пагубных результатов? Почему те же явления общественной жизни в конце века не мешали хозяйственному возрождению?

На эти неизбежные вопросы в приведенной выше литературе ответа мы не находим.

Иначе (и на мой взгляд совершенно конкретно и более убедительно) подошел к решению вопроса Ю. В. Готье. В истории XVI в. он выделяет 70—80-е годы, как «разгар» хозяйственного упадка. Ю. В. Готье затем, хотя и осторожно, отмечает, что в «Замосковном крае были... некоторые местности, где с 80-х годов замечается довольно значительный экономический подъем. В Коломенских вотчинах Троицкого монастыря, в селах Кисматове и Сабурове, где в 1576 г. было $593\frac{3}{4}$ чети в поле пашни паханой, — в 1593 г. ее уже было 634. В Старицких Троицких вотчинах в 1586 г. было 363 чети пашни паханой и 769 четей перелога; в 1593 г. — 792 чети пашни и 464 чети перелога...». Ю. В. Готье приводит далее достаточное количество фактов, которые позволяют ему прийти к выводу о временности бедственного состояния Руси. Данные письма Троицких вотчин 1592—1594 гг. позволяют ему говорить о «высшей степени интересном явлении начинавшегося исцеления от кризиса XVI века, резко затем прекращенного позднейшими событиями». Автор имеет в виду «Смуту»¹⁹.

Мои собственные наблюдения над жизнью Новгородского края, в частности над жизнью Новгородского Софийского Дома, дают мне все основания признать точку зрения Ю. В. Готье наиболее правильной.

Документы о хозяйственной жизни Двора новгородского архиепископа в городе Новгороде позволили мне совершенно

¹⁹ Ю. В. Г о т ь е. Замосковский край в XVII веке, 1906, стр. 234—236.

конкретно показать, что в первой половине XVI в. двор находился в цветущем хозяйственном состоянии. В 80-х годах XVI в. он переживает очень тяжелое время: из огромного количества слуг во дворе осталось только 26%, расходы свелись к приобретению пищевых продуктов. Дом уже не может позволить себе прежней роскоши. В 1593 г. процент слуг уже увеличился до 38, ожило несколько замерших было учреждений. Софийский Дом за 12-летний промежуток времени, несомненно, успел сделать значительные успехи в деле восстановления разрушенного хозяйства. Конец века решительно непохож на 70—80-е годы²⁰.

Те же явления я наблюдал и относительно собственного сельского хозяйства новгородского архиепископа. Появившаяся в 30—40-х годах XVI в. собственная софийская запашка сильно сократилась в 70—80-х годах. В 90-х годах она даже переросла свои прежние размеры. Появился весьма энергичный проект, поддержанный царем, о дальнейшем развитии собственного владичного сельского хозяйства, проект, начавший тогда же и осуществляться²¹.

Этого предмета на основании материалов Волоколамского монастыря касался и И. И. Смирнов, который тоже пришел к заключению, «что 90-е годы характеризуются экономическим подъемом, признаками которого было восстановление хозяйства, увеличение вспашки, распашка запустевших земель, рост торговли и т. д.»²². Вывод И. И. Смирнова был опротестован М. Н. Тихомировым, не согласившимся с основным утверждением И. И. Смирнова об изживании в 90-х годах хозяйственной разрухи. М. Н. Тихомиров требует проверки этих выводов на более широком материале²³. Нельзя против этого требования ничего возразить. Проверка на более широком материале всегда полезна, и я в настоящей главе, не превышая, однако, ее пропорционального отношения ко всей книге, постараюсь это сделать.

Попробуем окунуться в фактическую сторону дела с тем, чтобы разобраться в тех значительных противоречиях, которые вскрыл перед нами обзор литературы вопроса.

²⁰ Б. Д. Греков. Очерки по ист. хоз. Новг. Соф. Дома XVI—XVII вв., Софийский двор в гор. Новгороде, ЛЗАК, вып. XXXIII, стр. 263—264 и др.

²¹ Б. Д. Греков. Очерки по ист. хоз. Новг. Соф. Дома XVI—XVII вв., Собственное сельское хозяйство. ЛЗАК, вып. XXXIV, стр. 111 и др.

²² И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в., «Проблемы истории матер. культуры», 1933, № 5—6, стр. 68—69.

²³ М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник в XVI веке, «Истор. записки», т. 3, стр. 159—160.

«Писцовые книги Шелонской пятины за 1571 и 1576 гг. походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди. Не только отдельные деревни и поместья, — целые погосты стоят пусты. Земля поросла лесом, хоромы развалились»²⁴. Такое впечатление на одного из исследователей произвело описание Шелонской пятины, сделанное в 70-х годах XVI в. Наблюдения автора совершенно точны. Мы можем от себя прибавить: 1) запустение коснулось не одной Шелонской пятины, не только всех пяти пятин Новгородских, а всего Русского государства, за исключением далеких окраин; 2) к началу 80-х годов оно усилилось.

Если Шелонская пятина в 1571 г. запустела на 56,01%, а в 1576 г. — на 66,36% то, по данным переписи 1582—1583 гг., пустота в той же пятине равна 83,58% (по Водской пятине — 64,72%, по Деревской — 54,73%, по Бежецкой — 79,08%, по Оболенской — 26,8%)²⁵. Соотношение живущего и пустого, т. е. признак тяглоспособности населения, еще более показательно: по Шелонской пятине пустого — 91,09%, по Водской — 75,92%, по Деревской — 96,66%, по Бежецкой — 87,7% и по Оболенской — 39,02%²⁶. Наиболее отсталая Оболенская пятина разорилась меньше других, в хозяйственном отношении более развитых.

Писцовые книги, на основании которых мы получаем возможность делать наши наблюдения, сообщают нам довольно часто и сведения о причинах запустения отдельных дворов, целых деревень и поместий. Книги пестрят такими указаниями: такой-то крестьянин обнищал и покинул свое хозяйство, такого-то немцы побили и животы его пограбили, такой-то пострадал от опричников, такой-то был вывезен в другое место.

Н. Ф. Яницкий попробовал свести эти показания в таблицы. Из этих таблиц видно, что главные причины, заставлявшие крестьян покидать свои хозяйства, — тяжесть государственных налогов, голод и мор. Очень много крестьян никуда и не бегут, а умирают массами на месте. Крестьяне говорят и о войне, но не так часто, как о тягости налогов, голоде и море. Но тут мы сами должны внести соотношение между этими причинами, о которых говорят крестьяне. И мы должны будем сказать, что налоги непомерно увеличились, потому что шла тяжелая война, что уменьшение запашки — вследствие обеднения и разброда населения — вызвало голод, а за ним с последовательной неизбежностью пошла моровое поветрие и смерть.

²⁴ В. Ф. Загорский. Землевладение Шелонской пятины, ЖМЮ, 1909, декабрь, стр. 194.

²⁵ Н. Ф. Яницкий. Экопомический кризис в Новгородской области XVI века, стр. 52.

²⁶ Там же, стр. 53.

Бежали от голодной смерти не только крестьяне. Н. Ф. Яницкий в приложении к своей книге приводит очень интересные выдержки из еще не напечатанных писмовых книг Бежецкой пятины 1588 г. «Помещик Федор Денисьев сын Титов... поместье пусто, крестьян нет, а Федор Титов постригся в чернецы». Брат Федора Иван еще в худшем положении: «Обнищал, кормитца меж дворы». «Помещик Алексей Ильин сын Измайлов... поместье пусто, крестьян нет, а Алексей Ильин сын да Степан Васильев сын Измайловы збежали в Московские города в Переславль». Помещики Данил и Ждан Жуковы дети Образцовы «сошли кормитца меж дворы», у помещицы Афросиньи Селяниновой жены Нарбенкова поместье пусто. Сама помещица пошла замуж, «а дочери ее волочатца промеж дворы». В выдержках приведены известия о 41 поместье. Все пусты. Из 41 помещика — 18 «бродят меж дворы»²⁷.

Не считаю необходимым увеличивать количество показаний источников, говорящих о совершенно бесспорном факте большого потрясения всего Русского государства в 70—80-х годах XVI в. Считаю лишь необходимым подчеркнуть, что речь может идти только о строго определенном отрезке времени, когда свирепствовала разруха, что, как мы видели, иногда забывают исследователи.

Хочу взять под защиту показания современников, которым я не имею никаких оснований не доверять, и присоединить к вышеуказанным свидетельствам Поссевина и Ульфельда мнение Флетчера.

Д. Флетчер, посетивший Россию в 1588 г., когда хозяйственное потрясение страны уже изживалось, все же застал громадную разницу между тем, что он видел, и тем, что было на Руси до разорения. Флетчер приводит ряд ценнейших фактов: «Воска в чужие края отправлялось до 50 тысяч пудов, а теперь вывозят ежегодно только до 10 тысяч». «Несколько лет тому назад сала вывозилось ежегодно до 100 тысяч пудов, теперь — не более 30 тысяч или около того». «Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100 тысяч кож, теперь количество это уменьшилось до 30 тысяч или около того». «Льном и пенькой ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, теперь не более 5». «Несколько лет тому назад, как слышал я от торговцев, — пишет Флетчер, — купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на 400 или на 500 тысяч рублей. Судя по аналогичным сообщениям о других товарах, и меховая торговля значительно упала»²⁸.

²⁷ Н. Ф. Яницкий. Указ. соч., стр. 231—235.

²⁸ Д. Флетчер. О государстве Русском, СПб., 1905, стр. 12—14.

Очень интересны соображения Флетчера о причинах этого упадка торговли. «Причиной упадка и уменьшения требований на эти и на другие произведения, которые прежде отправляемы были за границу гораздо в большем количестве, полагают закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, который находится теперь в руках и во владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк по случаю войн с Польшею, отчего промышленники запасают и приготавливают всех товаров менее и не могут продавать их столько, сколько продавали прежде. Такой упадок в торговле отчасти зависит и от того, что купцы и мужики (так называется простой народ) с недавнего времени (курсив мой. — Б. Г.) обременены большими и невыносимыми налогами. Не будучи обеспечены в собственности, они поэтому мало заботятся о бережливости и ничем не запасаются, зная, что нередко подвержены опасности лишиться не только имущества, но и жизни»²⁹.

Флетчер не скупится на краски при изображении упадка хозяйственной жизни Руси. Но он далек от мысли считать положение русского народа безнадежным.

Флетчер верит в неизбежность и спасительность для Руси политического переворота. «Если правление, — пишет он, — вследствие такого переворота сделается хотя несколько умереннее и благодуще, то это послужит к благоденствию несчастного народа, удрученного теперь невыносимым рабством»³⁰.

Итак, факт большого разорения страны в 70—80-е годы XVI в. очевиден. Причины его, мне кажется, уже вскрыты показаниями писцовых книг, летописей, замечаниями современников, в том числе иностранных.

Это, прежде всего, длительные и дорогостоящие войны Ивана Грозного: Казанский поход и связанное с его успехом продвижение по Волге и на Северный Кавказ, опустошительное нашествие крымских татар, дошедших до Москвы и опустошивших все, лежавшее на их пути, наконец, тяжелая, крупнейшая из всех войн, какие вела Россия в XVI в., Ливонская война, тянувшаяся с 1558 по 1583 год. Если к этому прибавить внутренние затруднения, выливавшиеся часто в события, потрясавшие народное хозяйство не меньше, чем война (борьба опричнины с земщиной), то станет понятно, в каких условиях заметно истощилась «великая и страшная мощь московита»³¹.

Это действительно была серьезная болезнь, но, как показало ближайшее будущее, болезнь не к смерти, а к жизни. Право

²⁹ Там же, стр. 14.

³⁰ Там же, стр. 21.

³¹ Донесение представителя Ливонии германскому императору Карлу V 1551 г. (Р. Ю. В и п е р. Иван Грозный, 1944, стр. 43).

считаться великим имеет не тот народ, который не знает в своей истории несчастий, а тот, который находит в себе творческие силы для преодоления самых тяжелых ударов. Русский народ, сумевший отстоять себя в борьбе с бесчисленными и грозными ордами кочевников, нашедший в себе силу преодолеть иго монголов, подчинивших себе половину Азии и больше половины Европы, не растерялся и сейчас.

«Обессиленный гигант, перед которым Европа трепетала в продолжение трех десятилетий», и в момент своих военных неудач ведет себя с большим достоинством не только в дипломатических сношениях с Западом. Государственная машина, несмотря на тяжесть длительной войны и перемену военного счастья, несмотря на внутренние тяжелые потрясения, работает исправно и энергично. Народ при всех тяжелых испытаниях продолжает проявлять удивительную волю к жизни. Еще не замолк гром пушек, еще не произнесено слово мир, враг лишь только отошел к своим границам не без мысли снова залить кровью Русскую землю, а крестьянин уже спешит на свое старое пепелище, начинает пахать вытопанную неприятелем ниву, наново строит себе жилище. Его топор бодро стучит там, где еще не успела совсем смолкнуть другая музыка³².

Правительство принимает не менее энергичные меры.

Уже в ходе войны в целях обеспечения хлебом армии власть вводит так называемую десятинную пашню. Эта мера заключалась в том, что каждый крестьянин дворцовых государевых волостей обязывался вспахать на государя по 4 десятины земли. Это обязательная для государевых дворцовых крестьян барщина. Удивлять она нас не должна, так как мы могли видеть в это время рост барщины и в частновладельческих землях. Государство пошло по пути, уже проложенному частной инициативой. Мероприятие дало удовлетворительные результаты. Прежде чем закончить военные действия и начать переговоры о мире, правительство стремится узнать правду об экономическом состоянии государства. Начиная с 1580 г. предпринимается систематическое описание города земли. В 1581—1582 гг. составляется описание города Новгорода. В этой траурной книге, где запечатлены все ужасы разорения цветущего большого города, потерявшего 80% своего прежнего населения, уже звучат бодрые нотки: кипит созидательная работа как по устройству жизни обывателя, так и по приведению города в боевую годность, так как возобновление войны не казалось делом невозможным³³.

---

³² Факты, иллюстрирующие это положение, см. в писцовых книгах по г. Новгороду 1581—1582 гг., ЛЗАК, вып. 29.

³³ См. там же.

В то же время производилось и описание Новгородской земли³⁴. Описания продолжались и при преемнике Грозного. В 1592—1593 гг. произведено было общее описание земель Русского государства для приведения в известность ресурсов страны, материальных и людских. Эта работа была первоочередной.

Нельзя, однако, забывать, что описание земель — это не просто статистическая экспедиция. Ведь писцовая книга по своему назначению не статистический сборник, а очень ответственный документ, на несколько лет вперед определяющий права землевладельцев на землю и сидящих на ней людей, а также размеры тягла. Писцы 80-х годов XVI в. выполняли именно эти функции и, стараясь уловить наибольшее количество плательщиков, в то же время вынуждены были считаться с тяглотой населения. Непосильность обложения грозила углублением хозяйственной разрухи. Здесь требовалось много такта, осторожности и бдительности.

Очень показательные в этом отношении заметки имеются в Отрывках из расходных книг Ипатьевского Костромского монастыря, изданные Н. П. Лихачевым. «Был в монастыре Климент подьячий сам-четверт, описывал сельцо Кузьминское по цареве в. кв. грамоте; жил два дни. Куплено на него рыбы и колачей и икры на полполтины, да ему же ударено челом и с людьми 40 алт., чтоб пожаловал описал прямо»³⁵.

Но писцы иногда сбавляли тягло не потому, что их угощали заинтересованные люди, а по совершенно объективным признакам: опытному глазу писца было видно, что крестьянин не может платить того, что платил до недавнего времени.

Возьмем для примера писцовую книгу 1583 г. по Обонежской пятине, погост Михайловский Тервинский. Деревня Максимово у часовни платила до разорения с 1 обжи, сейчас платит с $\frac{1}{8}$ обжи. Дер. Ондриевская, Полосова то ж, до разорения платила с $\frac{1}{4}$ обжи, сейчас платит с $\frac{1}{12}$. Большинство деревень превратилось в пустоши и не платят ничего³⁶.

³⁴ Самсон Дмитриев описывал Водскую пятину в 1582 г., Андрей Плещеев — Обонежскую пятину в 1583 г., он же в 1583 г. описывал Тихвинский уезд, Федор Ласкирев — Бежецкую пятину в 1583 г. Пусторжевские земли в 1583 г. описывал Игнатий Зубов. Московский уезд в 1586 г. описывал Тимофей Хлопов (К. А. Неволлин. Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II, Полн. собр. соч., т. VI, СПб., 1859, стр. 459—461 и др.).

³⁵ Н. П. Лихачев. Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря (около 1553 г.), Сборник Археогр. института т. VI, 1895, стр. 11.

³⁶ Архив Института истории АН СССР, № 48, Писц. кн. Обонежск. пятинь 7091 г., л. 3 и др.

Параллельно правительство принимает ряд мер для поднятия хозяйства всей земли и для восстановления материального положения военных кадров.

Многое из деятельности власти от нас скрыто вследствие гибели источников. Приходится дорожить косвенными их указаниями. Одним из таких косвенных, но весьма важных для историка крестьянства показаний служит сообщение соборного приговора 1580 г. о том, что в связи с хозяйственным потрясением страны царь Иван Васильевич Грозный «со всем своим синклитом сотвори якоже довлеет его царской власти»³⁷. Тут не сказано, что именно предпринял царь, но об этом можно догадаться. Прежде всего ясно, что мероприятие царя касалось тех же предметов, обсудить которые призван был и церковный собор. А это был вопрос о служилых людях, которые оскудели не только от военных расходов (службу ведь они несли на свой счет), но главным образом от того, что из их поместий и вотчин разошлись крестьяне, соблазненные льготами, которые могли им предложить монастыри и другие церковные учреждения.

В «Актах Археографической экспедиции», где напечатан этот приговор церковного собора, имеется небольшое предисловие, для нас небезынтересное. «Лета 7089 генваря в 15 день государь царь и в. к. Иван Васильевич... и со всеми бояры приговорили о землях, которые за монастыри вотчины куплены и вклады даваны и грамоты по тому приговору написаны и по той грамоте и по уложению в Поместной избе дьяком и делати»³⁸.

Составлено было, стало быть, Боярской Думой и утверждено какое-то уложение и дано соответственное распоряжение Поместному приказу.

Повидимому, на это уложение ссылался в 1584 г. Тимофей Шиловский в своей тяжбе с дьяком Андреем Шерефединовым. Истец Тимофей Шиловский на суде, между прочим, заявлял: «Тот Андрей нашей вотчиной селом Шиловым владеет и землю пашет и прикашики его живут... и крестьян насильством твоих государевых дворцовых сел и из-за детей боярских возит *мимо отца твоего, а нашего государя, уложения* в то село Шилово возит»³⁹.

Несомненно, что уложение это запрещало вывозить крестьян из-за детей боярских. Уложение это до нас не дошло, хотя нет ничего невероятного в том, что оно будет разыскано в Центральном Государственном архиве древних актов. Пока о нем можно только сказать с уверенностью, что оно было и

³⁷ СГГД, т. I, № 200, стр. 584.

³⁸ ААЭ, т. I, № 308.

³⁹ Акты А. Юшкова, стр. 206; Н. П. Лихачев. Сборник актов, т. I, стр. 249.

касалось крестьянского вопроса, запрещая крестьянские выходы. Навсегда или на время, всех ли крестьян оно касалось или не всех, на эти вопросы никакого ответа мы из приведенных документов получить не можем. Но для наших целей достаточно и этого. Правительство, для обеспечения военной службы, шло навстречу желаниям разорившихся служилых людей и старалось удержать за ними рабочие руки.

Очень показательна в том же направлении и другая мера власти. По инициативе Ивана Грозного, 15 января 1580 г. был созван церковный собор; он должен был выполнить ту часть намеченной царем программы, которую царь без церковного собора разрешать не хотел. Он помнил постановление вселенских соборов о неприкосновенности церковных имуществ и нарушать это правило не считал для себя возможным.

Церковный собор собрался после первого похода Стефана Батория, когда ему удалось взять Полоцк, и до осады Пскова, стало быть, в завершающий период войны, в момент, когда Иван Грозный и Баторий обменивались послами и начинали переговоры о мире, которого явно не желал Баторий.

Собор заседал в трудное время, когда враждебная России Западная Европа, Турция, ногайские татары и крымский хан, мечтавший о завоевании России, объединились против нее.

В соборном постановлении об этой международной обстановке сказано совершенно точно. Тут названы: турки, крымцы, ногаи, Литва, Польша, угры, немцы лифляндские и свейские, «совокупившиеся» для борьбы с Русским царством.

Главный предмет, подлежавший решению собора, не потерял своей остроты и после смерти Ивана Грозного. Его преемник и сын Федор Иванович 20 июля 1584 г. собрал новый собор, который, собственно говоря, подтвердил соборное постановление 1580 г., дополнив несколькими для нас ценными деталями. И этот последний собор в своих решениях исходил из факта огромного хозяйственного потрясения всей Русской земли, требовавшего энергичных мер для его ликвидации. Крестьянский вопрос, неизбежно переплетающийся с проблемой поддержки оскудевшего воинского чина, не мог не быть в центре внимания собора.

Духовенство под нажимом обстоятельств и царя принуждено было «уложить» то, чего требовали от них царь и текущий момент: для того, чтобы «воинский чин на брань против врагов креста Христова мог ополчиться крепко», собор счел необходимым с 15 января 1580 г. отказаться от приема земель в церковь. Собор 1584 г. разъяснил, что церковные земли находятся в «тарханех», а потому с них не идут никакие царские дани и земские разметы, «а воинство, служилые люди, те их земли

оплачивают; и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы, а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людям прииде»⁴⁰.

Церковь, таким образом, приглашалась принести материальные жертвы в пользу государства. Дело было поставлено так, что церковный собор не мог отказаться выполнить царскую волю.

С 1 сентября 1584 г. тарханы отменялись на неопределенное время «до государева... указа», «покаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением». С этого момента церковь обязывалась платить всякие царские подати и земские разметы «со всеми людьми ровно». Все земли, заложенные в монастыри и другие церковные учреждения, отбирались на государя. Казна, таким образом, получила очень значительный фонд земель, которые могли быть розданы в поместья служилым людям. Совершенно ясно, что власть удовлетворяет интересы служилого человека-помещика. Да и могло ли быть иначе, если помещик — служилый человек уже давно стал опорой растущего самодержавия? В сущности и постановление церковного собора о тарханах не представляло собою чего-либо нового. Это один из этапов в истории ограничения церковных привилегий в пользу служилых людей.

Ведь уже Судебник 1550 г. вел борьбу с привилегиями знати и монастырей. Он не только постановляет, чтобы «тарханных грамот впредь не давати никому», но дает закону и обратную силу — «старые поимати у всех»⁴¹. В. Н. Татищев по этому поводу сделал интересное примечание о том, что Грозный «сие яко весьма вредное отставил»⁴². «Весьма вредное», конечно, для централизованной монархии, за утверждение которой так энергично боролся Грозный и нарождающееся новое дворянство.

На Стоглавом соборе были отменены церковные несудные тарханные грамоты⁴³. Перед нами идет процесс борьбы с феодальными привилегиями и укрепление центральной власти, что являлось следствием усиления позиции служилых людей — помещиков, т. е. командного состава царской армии. Тарханы стали «вредными» именно тогда, когда власть стала переходить от бояр в руки другой группы феодалов, являвшейся не оппозицией новому политическому строю, а его опорой. Без учета этих крупных перемен в хозяйстве и общественных отношениях Руси XVI в. не могут быть поняты и судьбы сельского населения.

⁴⁰ СГГД, т. I, № 202, стр. 594.

⁴¹ Судебник 1550 г., ст. 43.

⁴² В. Н. Татищев. Судебник, стр. 26.

⁴³ Стоглав, гл. 67.

Все эти мероприятия 80-х годов XVI в. привели к определенным результатам. Страна стала явно оправляться от разорения. Для иллюстрации этого положения приведу несколько примеров. Вот несколько деревень из владения новгородского архиепископа в Воскресенском Важенском погосте в Каковичах и Шаменичах.

Названия деревень	Количество дворов в них				
	1566 г.	после 1566 г.	1582—1583 гг.	до 1614 г.	1620 г.
Онаньинская	3	4	1	4	2
Алжоевская	1	5	2	5	2
Павловская	1	6	1	6	1
Сысоева	4	2	0	1	0
На волоке	4	4	1	4	1
Мельгачевская	2	4	1	4	0
Кухоревская	2	11	2	6	1
Печевская	3	8	2	2	0
Есиповская	1	4	1	4	1
Итого	21	48	11	36	8

Деревни взяты в том порядке, в каком они помещены в писцовых книгах. Бросается в глаза преуспевание деревни в первой половине XVI в. После описания 1566 г. и приблизительно до начала 70-х годов рост дворов идет бурно: их количество более чем удвоилось. С 70-х годов мы видим резкое падение: к 1582—1583 гг. Каковичи и Шаменичи разорились почти в 5 раз по сравнению с временем наибольшего подъема. После прекращения Ливонской войны на рубеже XVI и XVII вв. ясно виден новый подъем, который был прерван событиями начала XVII в.

Изменения в размерах крестьянской пашни производят то же самое впечатление. Беру всю Софийскую волость в данном погосте.

Годы	1566 г.	После 1566 г.	1582—1583 гг.	До 1613—1614 гг.	1620 г.
Количество деревень и починков	61	62 ⁴⁴	24	61	6
Дворов в них	93	126	39	93	7
Четей паханой пашни	86 ^{1/4}	332	52 ^{13/48}	302 ^{3/24}	4 ^{5/64}

⁴⁴ В том числе одно сельцо.

Количество населенных мест от 1566 г. до 70-х годов остается то же, но значительно увеличивается количество дворов в них, что говорит о росте населения. Очень сильно вырастает пашня. С 70-х годов идет очень заметный упадок, успешно ликвидируемый к концу XVI и началу XVII в. События начала XVII в. наносят удар еще более сильный, чем разорение 70-х годов⁴⁵.

Военных действий на указанной территории не было: она лежит к югу от р. Свири. Перемены в хозяйственном состоянии края объясняются исключительно общими процессами, протекавшими во всей стране.

Что эти таблицы говорят не о случайном и единичном, а для данного момента об общем и закономерном, можно убедиться на фактах из любого новгородского погоста. В Михайловском погосте на Волхове, например, мы можем видеть такую же точно картину.

Названия деревень	1582—1583 г.				1592 г.	
	обжи		пашня в четвертях		обжи	пашня
	живуц.	пустое	паханая	перелог		
Мыслино	1/2	1	5	10	1 1/2	5
Бор	1/2	1	5	10	1 1/2	6
Средняя Верховина . .	1	2	10	20	3	12
Другая Верховина . . .	1/2	1	5	10	1 1/2	6

Эти несколько деревень взяты из писцовых книг на выдержку⁴⁶.

⁴⁵ Все расчеты сделаны мною по данным Новгородских писцовых книг 1566, 1582—1583, 1620 гг.

При подсчетах приходилось преодолевать некоторые затруднения. Книга 1566 г. исчисляет пашню коробьями, книга 1582—1583 гг. — четвертями. При переводе коробей в четверти я клал на четверть пашни 1/3 коробьи ржи, согласно расчетам, приведенным у Н. А. Рожкова (Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 497. Заметки о мерах в Московской Руси XVI в.).

⁴⁶ Писцовая книга А. Плещеева 1582—1583 г.: и Софийского старца Ллевка, 1592 г.

Возьмем другой пример из жизни Софийской волости Черницы Андреевского Грузинского погоста.

Количество	1582—1583 гг.		1592 г.	
	всего	пустого	всего	пустого
Населенных мест	5	2	7	2
Дворов	99	79	109	3
Людей	19	—	119	—
Обож	20 ¹ / ₂	17 ¹ / ₂	18 ⁹ / ₁₆	1 ¹ / ₃

И здесь совершенно то же. Примеров больше приводить не буду. Хочу только сказать, что во всех изученных мною 21 погостах, где находились владения Новгородского Софийского Дома, картина повторяется с неизменной точностью. До 60—70-х годов идет быстрыми темпами хозяйственный подъем, а середины 70-х годов и до 1582—1583 гг. наступает время разорения, после чего хозяйство оправляется снова. «Смута» наносит новый удар.

Наблюдения Н. Огановского сходятся с моими. К сожалению, автор мало ими пользуется для основных своих выводов. До первой половины XVI в. он отмечает быстрый прирост населения, затем «население начинает разбегаться. Замосковье пустеет. Запустение сразу усиливается во время «Смуты» и в ближайший момент после смуты. 1610-е годы — точка максимального запустения. Однако это последнее было недолговечным»⁴⁷. Тут автор ссылается на Ю. В. Готье, который замечает, что кризис «Смутного времени» не столько уничтожил, сколько распугал население.

Через несколько страниц книги Н. Огановского мы узнаем, что и первый «кризис» был тоже недолговечным. «Но вот нагрянула Смута. Незадолго до Смуты после смерти Ивана Грозного появились легкие признаки улучшения. Так, в Московском и Старичком уездах в одних и тех же вотчинах было:

	% пашни	% перелога
1584—1586 гг.	9,9	90,1
1593 г.	34,8	65,2» ⁴⁸

Однако после этих как будто совершенно ясных и убедительных соображений автор, не замечая противоречий с самим

⁴⁷ Н. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, ч. II, стр. 112.

⁴⁸ Там же, стр. 117.

собой, говорит о «глубоком сельскохозяйственном кризисе, тянувшемся около 60 лет — с 60-х годов XVI века по 1610-е годы»⁴⁹. Мы уже имели возможность убедиться, что это не так.

К этому можно прибавить еще несколько аргументов: Исаак Масса, итальянец, выселившийся в Голландию и по торговым делам в 1600 г. посланный в Россию, где он пробыл 8 лет, рисуя отчетливую картину ликвидации последствий хозяйственного потрясения, писал: «Между тем страна стала *заметно процветать*, и население *весьма возросло*, ибо до того была почти совершенно опустошена и разорена. Теперь же только благодаря добросердию и кротости князя Федора, а также великому уменью Бориса *снова начала управляться и богатеть*»⁵⁰ (курсив мой. — Б. Г.).

То же отмечает и летопись: «все православное христианство начаша от скорби бывшие утешаться и безмятежно жить».

Итак, все, что мы до сих пор видели, не оставляет у нас сомнений, что большое хозяйственное потрясение падает на 70—80-е годы XVI в. и что оно к концу века начинает изживать-ся. Это так ясно, что если бы в литературе по этому вопросу не было разногласий, то на этом предмете можно бы долго и не останавливаться. Однако, поскольку и сейчас еще предъявляются требования вернуться к вопросу в целом, труд, потраченный на пересмотр проблемы, не может считаться лишним.

Выводы, которые можно сделать из привлеченных материалов, сводятся к положениям, значительно расходящимся с большинством мнений, высказанных ранее.

1. Ни о какой бродячести сельского населения на Руси говорить не приходится. Не отрицая факта широкой колонизации, мы должны признать, что масса сельского тяглого населения прочно сидит на своих местах и никакой склонности к бродяжничеству не обнаруживает. Уходят те, кто потерял связь со своим хозяйством или не сумел его приобрести. Это те, кто шел в кабалу, в изорники, новопорядчики, работал «добровольно» и т. д.

2. Хозяйственная разруха есть явление чисто временное, вызванное причинами не общего, а частного характера. С устранением этих причин изжита была и разруха. Сельское население, вынужденное временно покидать свои старые гнезда, вернулось на свои прежние, давно насиженные места; соблазн казанским черноземом, причерноморскими степями или Сибирью не играл той роли, какую ему иногда приписывают.

Этим я не хочу отрицать того, что русские люди действительно уходили и в новые места. Моя мысль заключается в том,

⁴⁹ Н. Огановский. Указ. соч., ч. II, стр. 121.

⁵⁰ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в., М., 1937, стр. 36.

что этот естественный отлив населения на окраины не отразился пагубно на состоянии страны, не являлся причиной разорения 70—80-х годов.

3. Хозяйственное потрясение не изменило ни техники, ни системы сельского хозяйства, как думал Н. А. Рожков. Оно лишь на некоторое время сократило крестьянскую и частновладельческую запашку, потому что сократилось количество рабочих рук, способных ее обрабатывать. Иногда и сам помещик вынужден был бросать свое поместье. Но это был только ураган, пронесшийся над Русской землей, причинивший ей много бед, но не изменивший лица земли. Опыт пройденного уже русским хозяйством пути не был забыт. Задачи и цели русского сельского хозяйства, определявшиеся ходом хозяйственной жизни всей Европы, замедлились в своем осуществлении, но остались прежними. И лишь только появилась к тому физическая возможность, сельское хозяйство потекло по намеченному уже с конца XV в. руслу.

4. Но потрясение 70—80-х годов поистине было огромным. Этого никак отряпать нельзя.

Тут возникает вопрос, как оно отразилось на эволюции общественных отношений на Руси вообще и в частности на судьбе сельского населения.

Несомненно, перенапряжение народных сил и разорение значительной части страны неприятелем поставило перед властью неотложную цель ликвидации хозяйственной разрухи и прежде всего поддержания в боевой годности армии. В этом плане с особой остротой ставился вопрос о рабочих руках, способных обеспечить помещику его служебную годность.

Вопрос о рабочих руках в обстановке разорения страны решался наспех, неуверенно, принимались решения временного характера, «покаместа земля поустроится». Очевидно, «кризис» застал власть неподготовленной к продуманному до конца решению столь сложных вопросов. Правительство выполняет то, что подсказывают ему нужды текущего дня. Но самые эти нужды всплывали с закономерной последовательностью. Если централизованное государство могло возникнуть в противовес феодальной раздробленности, как форма государства, удовлетворяющая интересы помещиков и купцов, то вполне естественно, что нужды этих слоев и удовлетворялись в первую очередь. А помещику прежде всего нужна была уверенность в прочности его дохода с земли. Острота положения увеличилась в связи с хозяйственным потрясением, угрожавшим лишить служилого человека его материальной базы.

Если боярин или крупный церковный собственник земли могли для себя разрешить проблему рабочих рук своими средствами, то помещик, чаще всего совсем не крупный земле-

владелец, для этого не имел никаких возможностей и рассчитывал лишь на содействие государственной власти. Как мы увидим дальше, временные меры, принятые властью, оказались именно теми, какие на данном этапе истории России удовлетворяли требованиям укреплявшегося в своих позициях дворянства.

2. «ЮРЬЕВ ДЕНЬ» И «ЗАПОВЕДНЫЕ ГОДЫ»

Сейчас мы подходим к вопросу, причинившему много беспокойств историкам, вызвавшему большую и содержательную полемику, тянущуюся едва ли не 200 лет.

Первый, кто поднял вопрос о Юрьеве дне, был В. Н. Татищев. Найдя Судебник 1550 г., он обратил внимание на ст. 88 о крестьянском отказе, где говорится о праве крестьянина отказываться «один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего». В дополнениях к Судебнику Татищев нашел и знаменитый указ 24 ноября 1597 г., где написано: «которые крестьяне... из-за всяких людей из поместей и из вотчин... выбежали до нынешнего 106 (1597) году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге... давати суд... и по суду... тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил. А которые крестьяне выбежали до нынешнего 106 году лет за шесть и за семь и за десять ли больше, а те помещики и вотчинники, из-за кого они выбежали... до нынешнего 106 году лет за шесть и за семь и за десять и больше... не бивали челом... на тех беглых крестьян в их побеге... суда не давати и назад их где кто жил не вывозити»¹.

Между правилом Судебника, дававшим право выхода в Юрьев день, и между указом 1597 г., трактующим о беглом крестьянине, нельзя было не заметить принципиального расхождения. Пятилетняя давность исков о возвращении беглых крестьян тоже заставляла задуматься.

Для Татищева, так же как и для последующих историков, становилось ясным, что на протяжении 40 с лишком лет в судьбе крестьян произошла какая-то серьезная перемена.

Самый простой вывод, какой напрашивался, это признание, что за 5 лет до 1597 г., т. е. в 1592 г., был издан закон о прекращении крестьян к земле; т. е. отменен Юрьев день.

В распоряжении Татищева было еще несколько документов, над которыми он тоже размышлял не мало, особенно над указом Василия Шуйского 1607 г. Об этом указе речь будет ниже.

Сейчас мне хочется указать на основные мысли Татищева, как первого русского ученого, который поставил перед собой цель разъяснить проблему Юрьева дня.

¹ АИ, т. I, № 221.

Соображения Татищева целиком принял Н. М. Карамзин. Из ст. 88 Судебника Карамзин делает следующий вывод: «Мы знаем, что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой: свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу с условием обрабатывать часть земли для себя, другую для господина, или платить ему оброк»². А приводя в примечании указ 1597 г., в том месте указа, где говорится о крестьянах, выбежавших «до нынешнего 106 года за 5 лет», Карамзин вставляет от себя: «Следственно тогда, в 1592 или 1593 г. был запрещен переход крестьян»³. В тексте исследования та же мысль повторяется и снабжается очень интересным комментарием.

Карамзин достаточно четко различает значение отмены Юрьева дня для разных классов и внутриклассовых прослоек: «крестьяне жалели о древней свободе», — пишет он. «Богатые владельцы, — продолжает автор, — имея не мало земель пустых, лишались выгоды населять оные хлебопашцами вольными, коих они сманивали от других вотчинников или помещиков», т. е. тоже были недовольны отменой Юрьева дня. «Тем усерднее, — как полагает автор, — могли благодарить Годунова владельцы менее избыточные, ибо уже не страшились запустения ни деревень, ни полей своих от ухода жителей и работников»⁴. Реформа, стало быть, по мнению Карамзина, была произведена исключительно в интересах мелкого и средней руки землевладельца, каковым прежде всего являлся служилый человек — помещик.

Но уже в то время, когда Карамзин писал процитированные мною строки (том X написан им в 1823 г.), действовало распоряжение министра народного просвещения от 1818 г. о том, чтобы в журналах и отдельных сочинениях ничего не печаталось ни в защиту, ни в опровержение крепостного права. Запрещение это повторялось несколько раз и действовало до конца 50-х годов, т. е. до того момента, когда само правительство убедилось в невозможности дальнейшего сохранения крепостного права⁵.

Строго говоря, только с этого момента началась систематическая разработка вопроса. Совершенно понятно, почему в самой его постановке мы можем ясно различать стороны дела, интересующие и тех, кто разрабатывал практические меры по проведению крестьянской реформы, и тех, кто должен был расстаться с правом распоряжаться личностью и трудом крестьянина.

² Н. М. Карамзин. Ист. гос. Росс., т. X, стр. 120.

³ Там же, примечания к т. X, № 352.

⁴ Там же, т. X, стр. 120—121.

⁵ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб., 1888, стр. XIX и сл.

Все это очень понятно: ведь поставлен был вопрос об отмене режима, существовавшего во всей Европе больше тысячи лет.

Сквозь прорвавшуюся плотину бурным потоком хлынули статьи за статьей представителей различных направлений научной и общественно-политической мысли. В течение 1858—1859 гг. появились в печати работы И. Д. Беляева, К. П. Победоносцева, М. П. Погодина, Н. И. Костомарова, К. С. Аксакова, Б. Н. Чичерина.

Всех этих авторов волновала предстоящая крестьянская реформа и прежде всего вопросы, как будут освобождены крестьяне, каково будет положение крестьянина и дворянина после реформы. В далеком прошлом названные авторы искали оправдания своему отношению к самому злободневному и острому вопросу дня. Естественно, по мере углубления в прошлое они сталкивались с Юрьевым днем, в котором все они видели доказательство крестьянской свободы в древности.

Аксаков, Погодин и Победоносцев не приняли татищевских и карамзинских соображений о законодательной отмене Юрьева дня в 1592 г. Аксаков настаивал на том, что и до 1592 г. были беглые крестьяне. Это крестьяне, вышедшие со своих мест без соблюдения правил Судебника.

По мнению Аксакова, права перехода, т. е. Юрьева дня, никто у крестьянина ни в 1592 г., ни позднее в XVII в. не отнимал. В писцовой книге 1632 г. Аксаков видит существование крестьянских свободных переходов. Он полагает, что «до Петра помещицы и вотчинные крестьяне были люди свободные и полноправные». «Крепостное состояние есть дело преобразованной России... *барин* не известен в древней России. *Барин* — есть также произведение преобразований Петровской России». Вместо барина употреблялось слово государь, что по мнению Аксакова обозначает государственные юридические отношения между крестьянином и землевладельцем⁶.

М. П. Погодин в статье «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?» — тоже отрицает существование закона об отмене Юрьева дня и вообще участие власти в создании крепостнических отношений на Руси. По мнению Погодина, крепостное право на Руси создано благодаря «обстоятельствам». Закон только по отдельным поводам вмешивался в этот процесс и ограничивал иногда свободу переходов. Наконец, он замолк совсем, предоставив естественному ходу вещей довести крестьян до Петровской ревизии, откуда и пошло

---

⁶ К. С. Аксаков. По поводу «Белевской вивлиофики», изданной Н. А. Елагиним. Полн. собр. соч., т. I, стр. 515—516.

крепостное право. «Рабство закралось к нам исподтишка»: виноват не Борис Годунов..., а больше всего народный характер»⁷.

Очень близок к этой трактовке предмета и К. П. Победоносцев. Он тоже считал, что власть помещика над крестьянином «образовалась сама особою помимо юридических определений» и хотя прикрепленный к земле по «государственным» соображениям крестьянин не был законом превращен в собственность помещика, но на этой почве владение людьми сделалось фактом уже после Петра в XVIII в.⁸

Б. Н. Чичерин создал внешне стройную теорию государственного закрепощения не только крестьян, а всех сословий на Руси. «Вообще, — пишет он, — с образованием государства возникает мысль, что каждый подданный должен нести на своем месте налоговое на него государственное тягло, мысль, которая лежит в основании укрепления крестьян»⁹, которое произошло «по воле власти» в 1592 или 1593 г. Напомню, что образование государства Чичерин относил ко второй половине XV в.¹⁰

И. Д. Беляев примыкает к той группе ученых, которые до конца XVI в. считают крестьян свободными и полноправными, но решительно расходятся с теми, кто не признавал закона об отмене Юрьева дня в 90-х годах XVI в. На эту меру, по его мнению, власть решилась вследствие экстренных обстоятельств. «Крайне расстроенное положение финансовых дел и отягощение народа, наконец, вызвали московское правительство к новой, доселе небывалой мере — к общему прикреплению свободных крестьян к земле, мере, совершенно изменившей жизнь русских крестьян» и произведшей «страшный переворот, небывалый в русском государстве». Когда именно, в котором году произошло это прикрепление, Беляев не знает, но твердо верит в существование царского указа о прикреплении, который «пока еще не отыскан»¹¹. Беляев устанавливает только *terminus ante quem*: «должно согласиться, что прикрепление последовало не раньше 1590 года, ибо в одной уставной грамоте этого года признается еще вольный переход крестьян на прежних основаниях». Здесь Беляев ссылается на патриаршую грамоту Новинскому монастырю¹². «Со всей вероятностью можно

⁷ М. П. Погодин. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? «Русск. беседа», 1858, кн. IV, стр. 120 и др.

⁸ К. П. Победоносцев. Заметки для истории крепостного права в России, «Русск. вестник», 1858, № 11, стр. 211.

⁹ Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 191.

¹⁰ Там же, стр. 223.

¹¹ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 97.

¹² Там же, стр. 98, примечание. (Автор имеет в виду патриаршую грамоту Новинскому монастырю. Но эта грамота написана «по прежней жаловальной Макария, митрополита всея Руси грамоте» и заключает в себе несомненные анахронизмы. Вр. ОИДР, № 2, Смесь, стр. 17.)

допустить, что указ сей последовал в первые годы царствования царя Федора Ивановича»¹³. Стало быть, Беляев относит указ ко времени между 1590 и 1592 гг. Указ о прикреплении произвел разделение крестьян на два разряда: 1) крестьян дворцовых и черных и 2) владельческих.

Беляев убежден, что эта мера была «крайне отяготительной» как для крестьян, так и для землевладельцев. Крестьяне-де были недовольны потерей права переменять место и землевладельцев, а эти последние — недозволением «отпускать неудобных крестьян и принимать удобных». «Явно, что новый порядок пока нравился только одной казне, которая при нем находила более средств собирать бездоимочно подати: землевладельцы старались обойти его и вообще тяготились им; и это продолжалось не год, не два, а более ста лет; в продолжение всего XVII в. и даже в начале XVIII в. правительство должно было поддерживать этот порядок силою и преследовать беглых крестьян и землевладельцев, принимавших их, как ослушников закона»¹⁴.

Колебания правительства в конце XVI и самом начале XVII в. в крестьянском вопросе Беляев объясняет сильным нерасположением общества к новому порядку. Только времена самозванщины изменили общественное мнение: «Московские бояре и землевладельцы, сблизившись с польскими панями, приехавшими к самозванцу, изменили свое мнение о прикреплении крестьян и стали на сторону нового порядка»¹⁵. Новый порядок стал утверждаться.

Еще резче и обстоятельнее против Погодина выступил Н. И. Костомаров. Он решительно возражает против положения Погодина, что якобы государственная власть не играла никакой решающей роли в деле установления крепостного права в России. Костомаров так формулирует мысль Погодина по этому предмету: «г. Погодин не только оправдывает Бориса пред судом истории, но доказывает, что личное крепостное право не возникло юридически, а образовалось само собой, вытекая из обстоятельств народной жизни, подобно многим учреждениям в английской истории, о которых напрасно было бы доискиваться, когда именно они возникали»¹⁶, «распоряжения о переходе крестьян делались ежегодно»¹⁷. Костомаров совсем иначе смотрит на дело. Он больше склонен защищать старую точку зрения, высказанную еще Татищевым и Карамзиным, но поскольку Погодин привлекал новые источники и сделал попытку

¹³ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 98.

¹⁴ Там же, стр. 99—100.

¹⁵ Там же, стр. 102.

¹⁶ Архив истор. и практ. сведений, кн. II, 1859, стр. 1.

¹⁷ Там же, стр. 5. Автор делает такое заключение из указа 1602 г.

новой их интерпретации, Костомаров делает серьезный пересмотр аргументов своего противника.

Исходя из знаменитого указа 24 ноября 1597 г., который Костомаров понимает в смысле требования возвращения на старые места крестьян, бежавших за 5 лет до 1597 г., и разрешения оставаться на новых местах вышедших до этого срока¹⁸, Костомаров вслед за Татищевым и Карамзиным считает, что за 5 лет до 1597 г., т. е. в 1592 или 1593 г., были отменены правила Судебников о крестьянском отказе и таким образом положено начало закрепощению крестьян. Костомаров не только не видит никаких противоречий в показаниях источников такому именно пониманию указа 1597 г., но подчеркивает подтверждение этой точки зрения в ряде документов и, между прочим, в известном указе Василия Шуйского 1607 г., с которым Погодин отказывался считаться, как с якобы подложным. Костомаров также берет под свою защиту подлинность этого указа и старается уничтожить все аргументы, выдвинутые Погодиным в доказательство его подложности. Нужно отдать справедливость Костомарову, — это удалось ему сделать с большой убедительностью.

Попутно Костомаров касается и статьи Аксакова в томе III «Русской Беседы» 1858 г., написанной по поводу вышедшей в «Белевской Вивлиофике» писцовая книга времен Михаила Федоровича, где Аксаков обращает внимание на выражения относительно крестьян, оставивших места своих жительство: *сошли*, *вышли* и *сбежали*. Аксаков, не отрицая факта прикрепления и отражения его в содержании порядных, но требуя для выяснения этого предмета дополнительных «больших исследований», делает, однако, вывод, что и в XVII в. еще действовало право перехода («*сошли*, *вышли*»); беглыми Аксаков называет крестьян, не исполнивших условий перехода по порядной записи.

Костомаров не совсем согласен с Аксаковым. Он понимает термины «*сошли*» и «*вышли*» как выход крестьян с разрешения своего владельца и при наличии отмены Юрьева дня. Запрещение царя Бориса отказывать и возить крестьян он толкует как запрещение помещикам вступать по этому предмету в соглашения непосредственно с самими крестьянами других помещиков, минуя землевладельцев. Сами же помещики имели полное

---

¹⁸ «Смысл указа 1597 года ноября 24 тот, чтобы в имениях помещиков и вотчинников возвращаемые *беглые*, которые *убежали* за 5 лет перед тем, тех же, которые *удалялись* с места жительства ранее, оставить на новых местах свободно» (Курсив мой. — *Б. Г.*). Архив истор. и практ. сведений, кн. II, 1859; Н. Костомаров. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?, стр. 1.

право распоряжаться, судьбой своих крестьян по своему усмотрению¹⁹.

Итак, по мнению Костомарова, Борис отменил Юрьев день; в XVII в. этого права уже не существовало. Таков окончательный вывод Костомарова.

Так рассматривался вопрос о Юрьеве дне в самый острый момент, накануне крестьянской реформы, когда подводилось теоретическое обоснование различным ее вариантам.

В годы реформ не появлялось по этому вопросу ничего существенного. И только спустя лет 20 после реформы снова оживился научный интерес к этой проблеме.

В 1884 г. вышла книга юрьевского профессора Энгельмана «Die Leibeigenschaft in Russland»²⁰, автор которой выдвинул новое объяснение возникновения крепостного права в России. Он полностью отрицает мнение Татищева — Карамзина об отмене Юрьева дня в 1592 или 1593 г. В 1592—1593 гг. составлены были писцовые книги. Этими книгами воспользовалось правительство в 1597 г., когда введена была пятилетняя давность исков на беглых крестьян и, как думает Энгельман, предоставлено владельцам право искать беглых по писцовым книгам.

Отсюда автор делает свой окончательный вывод, что «особого указа, которым право свободного перехода крестьян было бы уничтожено прямо и открыто, никогда не существовало, что отмена этого права была лишь косвенным следствием... указа 1597 года».

Сделав это заключение, Энгельман сам пришел в состояние недоумения: «Как ни странно и маловероятно это последнее предположение, — пишет он, — оно вполне соответствует истинному ходу дел»²¹. Несмотря на действительно малую вероятность такого решения сложного вопроса, оно имело в нашей науке некоторый успех.

М. Ф. Владимирский-Буданов, например, высказался о мнении Энгельмана в достаточной мере положительно²² и повел свое собственное объяснение возникновения крепостного права на Руси в том же направлении, хотя аргументировал его иначе. Владимирского-Буданова убеждают не только доводы Энгельмана, но и аналогии с историей крестьян Западной России, «где, как известно, — пишет Владимирский-Буданов, —

¹⁹ Архив истор. и практ. сведений, 1859, кн. II, стр. 25.

²⁰ Переведена на русский язык в 1900 г.

²¹ И. Э н г е л ь м а н. История крепостного права в России, 1900, стр. 37.

²² «В 1884 г. проф. Энгельман примкнул к воззрению Погодина и присоединил к нему несколько новых веских соображений» (М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Обзор, стр. 303).

никогда не было издано закона об общем прикреплении, между тем в XVI веке оно стало повсеместным; закон (статут) определил, что крестьянин, просидевший на земле одного владельца 10 лет, теряет право выхода. Нового в этом законе было только назначение 10-летнего срока давности... Устав о волоках, т. е. об описании и измерении земель середины XVI в., вполне соответствующий московским писцовым книгам, рассматривает крестьянина, севшего на волоку, как ...вечного колона, не имеющего права уйти, разве найдется охотник сесть на его место». «Юридическое основание прикрепления есть только *давность*»²³. Запись в писцовую книгу фиксировала эту давность. В конце XVI в. предстояло не отнимать свободу у крестьян, давно уже отнятую, а ограничивать произвол землевладельцев. Правительство и определило сроки давности владения крестьянами и установило срок исковой давности о беглых крестьянах (закон 1597 г., интерпретируемый автором по Энгельману)²⁴.

Другим путем и иначе понимая сущность крепостного права, но к тем же основным выводам относительно судьбы Юрьева дня пришел и В. О. Ключевский.

Под крепостным правом автор понимает право распоряжения личностью зависимого человека, а поскольку В. О. Ключевскому известно, что рабство было первой формой полной зависимости лица от лица, он и считает холопское право древней Руси первичной формой крепостного права в России. Историю крепостного права в России он понимает как процесс прививки древнерусского холопского права к крестьянству и в связи с этой пересадкой «на новую, чуждую ему почву» — процесс перерождения этого права²⁵. По его мнению, первые крепостные — это рабы. Отсюда вывод: «крепостное право возникло прежде, чем крестьяне стали крепостными, и выражалось именно в различных видах холопства»²⁶.

Стало быть, у В. О. Ключевского два этапа в истории крепостного права: 1) холопское крепостное право и 2) крестьянское

²³ М. Ф. Владимирский - Буданов. Обзор, стр. 303—304.

²⁴ Там же, стр. 148.

²⁵ В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России. Опыты и исследования, сб. 1, стр. 193.

²⁶ Там же, стр. 193. «С конца XV в. развивается мысль, что и условия службы делают холопом, как скоро слуга временно или навсегда лишается права или возможности прекратить ее» (указ. соч., стр. 221). Так понимает В. О. Ключевский правовое положение кабальных людей конца XV и первой половины XVI в., несмотря на то, что документы совершенно ясно говорят о том, что: 1) кабальный человек этого периода не холоп, 2) он имеет право прекратить свою работу у хозяина даже и раньше условленного договором срока. Наконец, степень возможности осуществления права несколько не характеризует самого права.

крепостное право. Второе родилось из первого путем пересадки и перерождения первого.

Как в представлении автора происходила эта метаморфоза, видно из дальнейших его рассуждений, осмысление которых дает основание догадываться, что автор мыслит правовые отношения живущими сами по себе, своей собственной жизнью и входящими друг с другом в разнообразные сочетания.

«Холопство полное и кабальное, — пишет В. О. Ключевский, — должно считать основными первичными видами крепостного состояния в древней Руси. Из различных сочетаний юридических элементов, входивших в состав того и другого холопства, развились новые, производные виды, и это развитие отличалось такою юридической строгостью и последовательностью, какой не найдем в других процессах нашей юридической жизни...». Можно продемонстрировать это положение примером: В. О. Ключевский совершенно резонно замечает, что в «удельное время» было два вида сельского ключничества: 1) ключник вольный на срок, 2) ключник-холоп. Первые рядились с землевладельцем, вторые продавали ему себя. Дальнейшая судьба этих двух видов ключничества рисуется В. О. Ключевскому так: «оба вида ключничества сблизились друг с другом, обменявшись условиями...: ключничество купленное сообщало вольному характер холопства, заимствовав у него срочность службы»²⁷.

Главное внимание Ключевский обращает на кабальное холопство и сближает положение кабального холопа с положением задолжавшего крестьянина. С половины XVI в. задолженность крестьян чрезвычайно увеличилась, создалась долговая зависимость крестьянина от землевладельца, вследствие чего крестьянин потерял *возможность* «выхода». Потеря возможности повлекла за собой и потерю права. Законодательство не оказывало своего воздействия на этот процесс. Оно только признало факт сближения задолжавшего крестьянина с кабальным холопом и в государственных интересах следило за тем, чтобы «тяглый крестьянин, став крепостным, не переставал быть тяглым и способным к тяглу. Крепостное право в России создано не государством, а только при некотором участии государства». «Не внося в крестьянские отношения неожиданных переворотов, предоставляя этим отношениям развиваться согласно с действовавшим привычным правом, законодательство только устанавливало границы, которые они не должны были переступать в своем развитии»²⁸.

---

²⁷ В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России, стр. 202, 221.

²⁸ Там же, стр. 245.

Оригинальная теория, изображенная рукою талантливейшего мастера слова, имела огромный отголосок в историографии.

У Ключевского оказались столь же яркие последователи, как и противники. За Ключевским пошли крупный из специалистов по истории сельского населения Московской Руси М. А. Дьяконов и П. Н. Милюков. Против теории Ключевского выступил историк-юрист, специалист по истории русского права В. И. Сергеевич и некоторые из его учеников.

Завязалась большая и длительная полемика, имеющая некоторые отголоски даже и сейчас, несмотря на то, что новые источники и новые методы повели разрешение проблемы по иному пути.

М. А. Дьяконов использовал прежде всего мотив крестьянской задолженности. Задолженность крестьян он положил в основу происхождения старожильства, а старожильцев сделал первыми крепостными²⁹. Таким образом, возникновение крепостного права на крестьян М. А. Дьяконов отодвинул в более раннее время, но объяснил не следствием классовой борьбы, не участием в его создании государственной власти, а исключительно экономическими причинами.

Отсутствие по этому предмету законодательных формулировок М. А. Дьяконов объясняет тем, что-де Русскому государству в XVI в. была вообще чужда идея законодательного творчества и что поэтому тут «всегда наблюдается бедность формулированных общих правил. Указы, уставы и законодательные сборники Московской эпохи не объемлют всего действовавшего права; значительная его часть попадает в уставы или указы гораздо позднее своего возникновения: каждой юридической норме, до ее письменной формулировки, предшествует длинная практика»³⁰.

Мнение в старой исторической литературе весьма распространенное, но, как это не трудно доказать, мало обоснованное.

П. Н. Милюков согласился с основными положениями М. А. Дьяконова: прикрепление к тяглу, старожильство и задолженность — на этих трех «элементах» возникло крепостное право гораздо раньше конца XVI в. без всякого вмешательства государства³¹.

Все соображения авторов, устранявших роль государства в установлении крепостного права, несколько не убедили В. И. Сергеевича. Он продолжал стоять на другой точке зрения. Он настаивает на том, что закон Судебника о Юрьеве дне

---

²⁹ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 350.

³⁰ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 9.

³¹ П. Н. Милюков. Крестьяне, Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 32, стр. 679.

действовал в течение большей части XVI в., что на основании этого закона крестьяне, нарушившие его, т. е. вышедшие «не по сроку, и без отказа и беспощинно», возвращались по Судебнику. Уже один этот факт говорит о том, что государство не могло быть и не было нейтральным в вопросе об отношениях между крестьянами и землевладельцами.

Далее В. И. Сергеевич отмечает, что в источниках XVII в. все «вышедшие» крестьяне называются «беглыми», независимо от срока выхода и отказа. «Такое понятие беглого, — делает заключение автор, — совершенно новое. Оно имеет свой источник не в правилах Судебников о Юрьеве дне, а в отмене Юрьева дня». «Не может подлежать никакому сомнению, что в конце XVI века последовало общее распоряжение, отменившее крестьянский выход». «Самый указ, которым крестьяне были лишены своей исконной свободы, до нас не дошел». Относительно времени издания этого указа Сергеевич несколько отходит от высказанных до него Татищевым, Костомаровым, Чичериным, Беляевым предположений о дате 1592—1593 гг. Сергеевич на основании указа 1597 г. считает возможным эту дату обозначить приблизительно 1585—1586 гг. «Таким образом, общее прикрепление крестьян надо относить к первому или второму году царствования Федора Ивановича»³². В. И. Сергеевич не верит в отсутствие в «Московском государстве» законодательной творческой инициативы.

Никто, конечно, сейчас не станет отрицать того, что надстройка, в частности государство, существует не для того, чтобы равнодушно взирать на протекающие в базисе процессы. «Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться...»³³.

Законы всякого государства, и Русского в частности, не возникают вдруг в головах законодателей: они вызываются запросами самой жизни. Но ведь жизнь очень сложна и, что самое главное, в ней много противоречий и много борьбы. Законодатель не может стать вне этой борьбы, не может ее игнорировать. У законодателя никогда не бывают завязаны глаза, как у богини Фемиды, которая тоже, надо думать, далеко не редко снимала свою повязку. В «идее законодательного творчества» Русскому государству, как и всякому другому, отказать во всяком случае невозможно.

Создание великокняжеского Судебника, внесившего во всю жизнь Русского государства единство принципов государственного права, судоустройства, судопроизводства и других

³² В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 248—254.

³³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 7.

сторон правовой жизни страны, — говорит не только об активной роли надстройки, но и об изменениях в связи с требованиями базиса в самой надстройке. Перед государством стояла большая задача ликвидировать старую пестроту правовой жизни отдельных областей, сейчас объединенных единой властью, и создать для всей страны единое право.

Такие большие вопросы, как вопрос об учреждении опричнины, отмене тарханов, губная и земская реформа, отмена права кабального человека выплачивать свой «долг», введение 5-летней давности исков на беглых крестьян, расширение этого срока до 9—10—15 лет и, наконец, полная отмена этих сроков, постановления Стоглава и многое другое, — разве это не «законодательное творчество»?

Среди буржуазных историков и историков права В. И. Сергеевич лучше своих современников понимал роль законодательной инициативы в Русском государстве. «Отменой Юрьева дня, как и естественно, — пишет он, — мелкие владельцы немедленно воспользовались для увеличения крестьянских повинностей»³⁴

Мы сказали бы иначе: отмена Юрьева дня сделана была в интересах этой прослойки землевладельцев в целях укрепления материального их положения.

Отмена Юрьева дня была вызвана усилением, а затем и победой барщины.

Большой удар по теории М. А. Дьяконова нанес П. Е. Михайлов, очень убедительно показавший, что старожильцы — не задолжавшие бедняки, а самые «прожиточные», «семьянистые», «добрые», «домовитые» крестьяне. «Им нет надобности рисковать собою и переходить с места на место. Они застаревают именно потому, что хозяйство у них в исправности. Долговые обязательства тут решительно не при чем»³⁵.

Но если с автором в этом пункте нельзя не согласиться, то его объяснение причин, целей и процесса образования крепостного права не может не вызвать решительных возражений. Сторонник глубоко реакционной, идеалистической «психологической теории» права Петражицкого, он уверен, что прикрепление старожильцев, как самой хозяйственно крепкой прослойки крестьян (процесс начался, по мнению автора, с XIII в.), происходило не в интересах землевладельцев, а в интересах «народнохозяйственного общественного право-

34

В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 252.

35

П. Е. Михайлов. Обычный институт старожильства в процессе образования крепостного права, ЖМНП, 1912, январь, отд. 2, стр. 89—90, 102, 111. См. его же. Происхождение земельного старожильства, СПб., 1910.

порядка»³⁶, как мера против бродяжничества населения, склонности его к неусидчивости, порождавших «неуклонное расстройство всего *народного* хозяйства, разразившееся, наконец, в XVI веке настоящим кризисом». «Рабочие руки старожильцев были наиболее сильны и надежны для спасения гибнущего от анархии *народного* хозяйства» (курсив автора). Прикрепление старожильцев имело «культурно-воспитательное» значение: оно насаждало и укрепляло в крестьянах-старожильцах склонность к усидчивости, привязанности к земле и владельцам, привычку к бережливости и благоустройству хозяйства. Оно «дрессировало хозяйственно-дельный, социально-заботливый характер народа».

Автор уверен, что «сердце такого крестьянина» именно так и устроено, чтобы лишение своей свободы счесть за благо. В сознании крестьянина «мало-по-малу складывается представление о нормальности этой фактической «вековой связи» и получается безотчетное правовое переживание связанности по отношению к владельцам, сознание обязательности своего поведения»³⁷.

В заключение своей ультра-оригинальной статьи автор, сознавая, что читатели будут крайне удивлены его объяснением, просит верить, что он далек от проповеди крепостнических идей и защиты кнута и констатирует огорчающий его факт, что общее мнение ученых игнорирует такое его «научно-психологическое социально-культурное» понимание права³⁸.

В эту разногласию научных мнений ворвались в конце XIX в. новые материалы, вызвавшие еще большее оживление в обсуждении имевшего уже большую давность вопроса. Имею в виду документы о «заповедных годах».

Первый раз о них в печати в 1895 г. заговорил С. А. Адрианов, остановивший свое внимание на напечатанной в т. XIV «Русской Исторической Библиотеки» грамоте 1592 г. о сыске бежавших из вотчины Николаевского Корельского монастыря искони вечных крестьян и о возвращении их в покинутые деревни с семействами и с животами. Высказав по этому поводу несколько предположений, автор, однако, не рискнул на основании только одного бывшего в его распоряжении документа, упоминающего «заповедные годы», сделать какой-либо определенный вывод³⁹.

---

³⁶ П. Е. Михайлов. Обычный институт старожильства в процессе образования крепостного права, ЖМНП, 1912, янв., отд. 2, стр. 113.

³⁷ Там же, стр. 110—111.

³⁸ Там же, стр. 118—119.

³⁹ С. А. Адрианов. К вопросу о крестьянском прикреплении, ЖМНП, 1895, январь, стр. 239—251.

Но во всяком случае С. А. Адрианов уже почувствовал неизбежность пересмотра этого спорного и важного вопроса.

Не мог не встревожиться по этому поводу и М. А. Дьяконов, так как «заповедные годы» угрожали разрушением всего научного здания, которое он воздвигал с таким большим усердием. Опасность была самая реальная, так как в 1902 г. появился еще один документ, совершенно недвусмысленно упоминавший «заповедные годы». Это Торопецкая уставная грамота царя Федора Ивановича 1590—1591 гг.⁴⁰

В 1904 г. М. А. Дьяконов по этому вопросу написал первую свою статью. Оба документа он разобрал в отдельности и из каждого сделал особый вывод. В Торопецкой грамоте он видит установление числа лет, в течение которых разрешалось вывозить вышедших старожильцев на прежние места жительства. Из грамоты о крестьянах Корельского монастыря он вывел заключение об установлении некоторого срока, в течение которого запрещается вывозить монастырских крестьян в черные волости. Вопрос остался нерешенным. Никакого обобщающего суждения о значении «заповедных лет» М. А. Дьяконов не высказал.

Его в 1908 г. дал человек, не связанный с традицией, установившейся среди значительного числа историков России. В «Журнале Министерства юстиции» появилась специальная статья Одынца, где автор совершенно определенно высказал мнение, идущее вразрез со всеми рассуждениями Ключевского и Дьяконова, Михайлова и их предшественников. Он признал, что «заповедные годы» введены распоряжением власти и обозначают запрещение крестьянского выхода. «Бытовое прикрепление крестьян, — писал Одынец, — совершенно несовместимо с понятием заповедных лет»⁴¹.

Следующий после выхода в свет статьи Одынца год ознаменовался появлением уже значительного количества материалов, касающихся «заповедных годов». Имею в виду второй том «Архивного материала» Д. Я. Самоквасова. Эти новые документы убедительно показывают, что заповедным годом был уже 7090 год, т. е. время с 1 сентября 1581 по 1 сентября 1582 г., заповедными были и последующие годы до 1586 г. включительно. Другие, уже не самоквасовские, документы позволяют признать заповедными и годы 1591, 1592 и 1596. Отсюда можно было сделать заключение, что заповедные годы действовали до известных указов Бориса Годунова 1601—1602 гг. Д. Я. Самоквасов на основании новых документов пересмотрел весь вопрос в целом и сделал несколько выводов. Если не все из них

⁴⁰ Чт. ОИДР, 1902, кн. II, стр. 359.

⁴¹ Д. М. Одынец. К истории прикрепления владельческих крестьян, ЖМЮ, 1908, № 1.

доказаны, а некоторые его догадки просто маловероятны, то во всяком случае это было первое построение истории русских крестьян с древнейших времен до XVII в., порвавшее с традиционным представлением об исконной свободе крестьян.

«Как на Западе научные поиски общих законов о прикреплении крестьян, — пишет Д. Я. Самоквасов, — не имели успеха, так и в России поиски такого закона со времени Татищева и до наших дней были безуспешны. Таких законов и не было, потому что в завоевательных государствах землевладельческие общины прикреплялись к тяглой земле не законами о прикреплении, а обложением завоеванных общин определенной данью от сохи (рала, плуга) и двора (дыма) в пользу завоевателя». «Со времени завоевания (Самоквасов считает Русь государством «завоевательным», т. е. возникшим в результате завоевания. — Б. Г.), покоренное народонаселение является прикрепленным к земле завоевателя, к сохам и дворам, составляющим его собственность, наравне с тяглыми людьми, — владельцами таких сох и дворов».

«В Московском государстве средством прикрепления податных людей к тяглой земле служили писцовые, переписные и отказные книги. Статьи Судебника о крестьянском отказе касаются только вольных людей. Жалованные поместные грамоты «представляют нам раздачу поместий в эпоху действия Судебника 1497 года в такой юридической обстановке, с такими правами и обязанностями помещиков и крестьян, при которых немислимо право крестьян отказываться от своих жеребьев тяглой земли, с которых поместья платили обожную дань и несли пососную службу». Правила Судебников о праве перехода вольных людей вносили много осложнений в практической жизни.

Особенно заметным явлением во второй половине XVI в. Д. Я. Самоквасов считает насильный и незаконный вывоз крестьян. «Для прекращения выходов и вывозов крестьян и бесконечных споров между соседними владельцами по этому поводу, Иван Грозный, приступая к общей переписи государственного народонаселения и реформе податного обложения, воспретил наказом писцам выход и вывоз на каких бы то ни было условиях крестьян, означенных в писцовых, переписных и отказных книгах. Этот закон Ивана Грозного в новооткрытых архивных документах именуется указом о «заповедных годах» (курсив автора). «За два года до смерти Ивана Грозного был воспрещен законом выход и вывоз крестьян в юрьевский срок Судебников»⁴².

Как бы мы ни относились к исследовательским приемам Самоквасова (М. А. Дьяконов даже заявил, будто «из домыслов

⁴² Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, стр. 14—15, 43, 45, 47.

Самоквасова о «заповедных годах» нельзя почерпнуть никакого положительного вывода»⁴³), ясно одно, что напечатанные под его редакцией документы положили грань в истории вопроса, заставляли пересмотреть заново старые теории и гипотезы.

Но и после выхода в свет новых источников не все авторы старых теорий согласились признать свои взгляды устаревшими. Оборонительную позицию заняли М. А. Дьяконов и П. Е. Михайлов.

В 1919 г. М. А. Дьяконов выпустил свою статью «Заповедные и выходные лета», в которой, возражая Самоквасову, признал важность новых материалов, но отказался считать указ о «заповедных годах» законом, отменяющим Юрьев день. В доказательство он приводит следующие соображения: 1) правила Судебников, по его мнению, действуют и в 90-х годах XVI в.; 2) «заповедные годы» отменяли действие Судебников только для отдельных лиц по особым пожалованиям и для отдельных местностей; 3) «заповедные годы» были мерой срочной.

Отсюда М. А. Дьяконов и делает свое решительное заключение: «Столь важного и желанного для сторонников указаго прикрепления крестьян» открытия с опубликованием материалов о заповедных годах не произошло.

Автор оставался верным себе до самой смерти. В последней своей статье, предназначенной для сборника в честь проф. Постникова, М. А. Дьяконов уже не касается специально «заповедных годов», но не отказывается найти решение вопроса о возникновении крепостного права помимо проблемы «заповедных годов». Он сосредоточил свое внимание на изучении положения крестьян в поместьях и показал, что помещики, заинтересованные в том, чтобы на их земле жили крестьяне, пользуются иногда и незаконно различными приемами для удержания и привлечения крестьянских рабочих рук. Разделы крестьянских дворов, отрыв крестьян от дворов, переводы крестьян из одних дворов в другие, полюбовные соглашения о крестьянах, т. е. сделки на них, поселение их в помещичьих дворах, отпуски «вон», т. е. на свободу и притом за денежную компенсацию, произвольный вывоз крестьян, — все эти явления, прекрасно отмеченные автором, конечно, показывают, «в какую сторону шло закрепощение крестьян на поместных землях и как далеко зашла эта практика еще в досмутную пору»⁴⁴. Все это совершенно бесспорно, но решительно не устраняет государственных мероприятий по крестьянскому вопросу.

---

⁴³ М. А. Дьяконов. Заповедные и выходные лета. Изв. Петрогр. политехн. инст., т. XXIV, стр. 5.

⁴⁴ М. А. Дьяконов. Поместье и крестьянская крепость (сборник, для которого написана статья, не вышел; имеются отписки статьи).

Большое внимание поместью-вотчинному режиму, как одному из важных факторов образования крепостного права, уделили П. И. Беляев, С. Тхоржевский, И. И. Полосин.

П. И. Беляев в своей статье «Древнерусская сеньярия и крестьянское закрепощение», напечатанной в 1916 г., в изложении вопроса о возникновении крепостного права ни разу даже не упомянул о «заповедных годах». И, конечно, не случайно, его основная мысль заключается в том, что сеньярия сама по себе является «ячейкой крепостного права». Сеньярия расцвела в XV—XVI вв. «на почве исконной вотчинной власти». Вотчинник-сеньер имел значительные права над населением вотчины (право обложения оброками и пошлинами, право суда, право административное). «Крестьянская крепость была по существу исконным явлением и означала собою принадлежность земледельца к составу населения территориальной единицы, где «государем» был землевладелец. Крестьянин был прикреплен не к земле и не к господину, а к сеньярии так же, как подданный к своему государю. Последующая история модифицировала это исконное явление, увеличив власть помещика над крестьянином и его имуществом». Прикрепленные крестьяне — это и есть старожильцы, иначе вековые, природные, искони вечные.

В период феодальной раздробленности, как, в период централизованного Русского государства, далеко не все население было в сеньяриальной зависимости от землевладельцев. Свободными были вольноотпущенники, крестьяне, «отказавшиеся» от своего сеньера, крестьяне, над которыми сеньер потерял власть, пропустив урочные годы для предъявления иска, своеземцы⁴⁵.

С. Тхоржевский в своей специальной статье «Поместье и крестьянская крепость» считает «заповедные годы» существующими уже в 70-х годах XVI в., «укрепление и развитие этой практики» он связывает с ростом поместной системы. По идее «заповедные годы» были мерой временной и местной, она действовала только в связи с писцовыми книгами, поскольку свобода крестьянина уже стеснялась фактом внесения его в писцовую книгу. Автор допускает, что к 90-м годам XVI в. «заповедные годы» распространились на большую часть государства⁴⁶.

И. И. Полосин тоже считает поместье одним из весьма важных условий образования крепостного права, но он в то же время не уклоняется и от трактовки вопроса о «заповедных годах», которые он считает актом вмешательства государственной власти в процесс крестьянского закрепощения. Он, однако, не склонен придавать этому акту значение меры, распространяемой

⁴⁵ П. И. Беляев. Древнерусская сеньярия и крестьянское закрепощение, ЖМЮ, 1916, октябрь, стр. 152—153, 173—175 и др.

⁴⁶ С. Тхоржевский. Поместье и крестьянская крепость. Труд в России, 1924, вып. 1, стр. 87—88 и др.

на все Русское государство, ограничивая действие этого закона Новгородской землей и даже еще уже — Шелонской пятиной, и считает меру эту временной⁴⁷.

Совсем по другому пути пошел П. Е. Михайлов. Он остался верным «психологической» теории права и с этих позиций подошел и к «заповедным годам». Он не видит в заповедных годах никакой новости. И власти и населению эти годы «известны давно. Народ в своем сознании давно признал за благо отмену переходов и ассоциировал эту осознанную им самим меру с действием государственной власти. Отсюда «государевы заповедные годы» (курсив автора). «Заповедные годы» стали известны населению не из только что вышедшего всеобщего указа, а непосредственно из практики жизни. Царского указа для всей Руси о «заповедных годах» не было. Они касались старожильцев, давно уже потерявших право свободного перехода. Заповедь стала возможной лишь тогда, когда сложился «обычный институт старожильства», правнофиксировавший сознание привязанности к ряду их владельцев». Никакого закона о заповедных годах не существовало, ибо «заповедные лета лишь фактическое следствие потери обычным путем крестьянами старожильцами их права перехода»⁴⁸.

С. Ф. Платонов отнесся к новым документам, как факту, способному вызвать большой поворот в решении вопроса о прикреплении крестьян. «Цель дальнейших изысканий по вопросу о времени и мерах прикрепления крестьян, — писал он в 1922 г., — заключается в том, чтобы дознаться, когда и в какой форме провело московское правительство свое распоряжение о заповедных годах. Как Татищев и его продолжатели искали закон об общем прикреплении крестьян к земле, так мы теперь должны искать «государеву заповедь» о невыходе и невывозе крестьян в «урочные» «заповедные годы». Это главнейшая очередная задача в интересующем нас вопросе»⁴⁹.

⁴⁷ I. Polosin. Le servage russe et son origine, «Revue internationale de sociologie», 1928; его же. Поместье и крестьянская крепость. Уч. зап. Инст. истории РАН ИОН, вып. VI, 1929.

⁴⁸ П. Е. Михайлов. Новооткрытые документы и «заповедные лета», ЖМНП, 1911, № 2, стр. 399, 410 и др.

⁴⁹ С. Ф. Платонов. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси, Архив истории труда в России, кн. III, стр. 22. Эти же мысли, но в менее четком виде, были изложены тем же автором в его книге «Борис Годунов» (1921 г.). В рецензии на эту книгу В. Г. Гейман писал: «увлекательная гипотеза, выставленная академиком Платоновым, должна будет претвориться в неоспоримый исторический факт или, наоборот, поблекнуть, в зависимости от дальнейших находок и опубликования касающихся этой гипотезы материалов». (В. Г. Гейман. Новое освещение вопроса о прикреплении крестьян, Русск. истор. журн., кн. 8, 1922, стр. 294.) Как видно из дальнейшего, новые находки материалов и их изучение привели к утверждению «неоспоримого исторического факта».

Именно такое восприятие новых документов С. Ф. Платоновым было обусловлено тем, что он и раньше не стоял целиком на платформе Ключевского—Дьяконова. В своих «Лекциях по русской истории» он отмечал активное участие государственной власти в разрешении крестьянской проблемы и, между прочим, останавливался на «уложении Ивана Грозного по вопросу о крестьянском выходе», упомянутом в жалобе на дьяка Шерефединова: «Что это за «уложение»,— читаем там,— сказать трудно, во всяком случае московское правительство пришло к необходимости вмешаться в дело крестьянского перевоза для охраны своего интереса и интересов мелких служилых владельцев»⁵⁰.

Поэтому совершенно понятно, почему С. Ф. Платонов согласился и с моей специальной статьей, вышедшей в 1926 г. («Юрьев день и заповедные годы») и со статьей С. Б. Веселовского, вышедшей в том же году несколько позже («Из истории закрепощения крестьян. Отмена Юрьева дня»), где обосновывалась точка зрения на указ о «заповедных годах», как на закон, на время отменявший Юрьев день (временность эта, однако, растянулась на 2¹/₂ с лишком века).

С. Ф. Платонов пришел к выводу: «В последние годы царствования Ивана Грозного, вероятно осенью 1581 г., но во всяком случае не ранее 1580 года, выход и вывоз крестьян были временно запрещены. Указ об этом, вероятно, был бессрочный, т. е. должен был действовать впредь до нового указа. Годы, когда выход был запрещен, назывались заповедными годами. Течение их прерывалось выходными годами, когда особым указом выход разрешался по старым правилам Судебника». «После указа 1607 года царя Василия выходных лет больше не было». С. Ф. Платонова удовлетворило и мое объяснение конкретных условий, при которых произошла отмена (хотя первоначально только временная) Юрьева дня⁵¹.

Но если для С. Ф. Платонова, С. Б. Веселовского и меня вопрос о заповедных годах представляется разгаданным, то нельзя, однако, умолчать о том, что в специальной литературе, как мы это и видели, имеются труды, иначе трактующие этот сюжет.

В краткой справке о состоянии вопроса в литературе я не мог останавливаться на системе доказательства каждого из многочисленных по этому предмету мнений.

Насколько позволит форма рассмотрения этого важного

⁵⁰ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории, СПб., 1904, стр. 167.

⁵¹ S. F. Platonow. Der gegenwärtige Stand der Frage nach der Entstehung der Leibeigenschaft in Russland, Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, 1931, Band V, Heft I, S. 10.

вопроса по существу, я постараюсь этот пробел наверстать. Но основная моя задача не в этом. Мне хочется привлечь подлинный материал с целью выяснить ход процесса, приведшего к изданию закона о «заповедных годах», и понять настоящий его смысл и значение.

Первые сведения об указной регламентации условий выхода относятся к середине XV в. и имеют в виду не тех крестьян, которые прочно жили на своих участках за землевладельцами, а другую часть сельского населения, более подвижную, живущую за своими хозяевами недавно и не имеющую намерения оставаться за ними надолго, тем менее навсегда.

Имею в виду всем хорошо известные грамоты белозерского князя Михаила Андреевича и вел. князя московского Василия Васильевича. Белозерский князь Михаил Андреевич по жалобе Ферапонтова монастыря дал распоряжение приказчику своей соседней с монастырскими владениями вотчины, чтобы он не принимал к себе монастырских половников-серебренников «в серебре межень лета и всегда» и с рассрочкой выплаты серебра, как он практиковал до сих пор, по распоряжению того же князя, а принимал бы монастырских серебряников только в один срок в году, в Юрьев день осенний, при условии, что эти выходцы заплатят предварительно серебро старому своему хозяину — монастырю. Рассрочка в выплате серебра отменялась.

Одновременно тот же князь дал распоряжение и Ферапонтову монастырю, в котором он, удовлетворяя челобитье монастыря, разрешает ему не выпускать своих серебряников иначе, как за две недели до Юрьева дня и неделю по Юрьеве дне (дается, стало быть, *три* недели). Распоряжение имело и обратную силу: оно касалось и тех серебряников, которые вышли до этого «в серебре», и не в срок. Такие серебряники, во-первых, должны дать на себя поруку в выплате серебра ближайшей осенью (вероятнее всего, что это серебро будет платить их новый хозяин), кроме того, они обязаны «дело доделывать на то серебро». Как это могло быть осуществлено технически, если серебряники уже жили у нового хозяина, догадаться трудно⁵².

---

⁵² По этому предмету в науке высказано несколько мнений. В. И. Сергеевич считает серебро ростовым. (Рус. юрид. древн., т. I, стр. 241.) Н. П. Павлов-Сильванский видит «в деле», которое обязаны серебряники «доделывать», барщинную работу, отбываемую в виде процентов за долг. (Люди кабальные и докладные «государевы служилые люди», 1909, стр. 227.) После опубликования В. Г. Гейманом издельных кабал, на отсутствие коих жаловался Павлов-Сильванский, можно утверждать, что тут имеется в виду именно *издельная* кабала. (В. Г. Гейман. Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения, Сборник Росс. публ. библ., т. II, вып. 1, 1924.)

Не лишено вероятности предположение, что под этим недоделанным делом разумеются повинности, которые ушедший от своего хозяина серебряник мог выполнить и после формального ухода, например, возить повоз, упоминаемый в Псковской Судной Грамоте в качестве обязанности «старого изорника»⁵³. Поскольку, по моему мнению, «изорник» — тот же серебряник, а «старый изорник» — это изорник, только что покинувший своего хозяина, естественно предположить, что изорник этот, обязанный «возы возить на государя», в сущности, доделывает дело на старого хозяина.

Аналогичное распоряжение и по аналогичному поводу в то же время тот же князь дал и Кириллову монастырю. Кириллов монастырь, имея свои владения не только в Белозерском княжестве, но и в Московском, и в Вологодском, сумел получить точно такие же грамоты и от московского вел. князя⁵⁴, и от вологодского⁵⁵.

Кириллов монастырь обращался и к сыну Василия Васильевича, вел. кн. московскому Ивану Васильевичу⁵⁶. К Ивану Васильевичу обращался по тому же вопросу и Троице-Сергиев монастырь⁵⁷. Это только случайно дошедшие до нас документы. Их было в свое время, несомненно, больше.

Итак, монастыри — Кириллов, Ферапонтов, Троицкий и несомненно другие, нам пока неизвестные землевладельцы, в середине XV в. били челом и белозерскому князю, и вологодскому, и московскому и другим князьям, под властью которых находились владения челобитчиков, с жалобами на княжеских слуг, детей боярских, посельских и т. п., которые стали проявлять особенно сильно тенденцию сманивать из соседних чужих сел людей.

Увеличившийся спрос на рабочие руки и был причиной, побуждавшей землевладельцев изощряться в средствах, дозволенных и недозволенных, для перезывания к себе серебряников.

Само собой разумеется, что владельцы переманиваемых крестьян не оставались в долгу, не были безгласными и пробовали защищаться.

В жалобах, обращенных к государственной власти, они, как мы уже видели, указывают на недостаточность обеспечения их интересы постановлений власти и на неза-

---

⁵³ Псковская Судная Грамота, ст. 75.

⁵⁴ ААЗ, т. I, № 48—49.

⁵⁵ ДАИ, т. I, № 198.

⁵⁶ ААЗ, т. I, № 73.

⁵⁷ Там же, № 83; Памятники соц.-экон. истории Московск. государства XIV—XVII вв., 1929, стр. 98—99, № 137.

конные действия своих обидчиков, отказывающихся у них людей, не считаясь ни с их долгами, ни со сроками.

Особенно бесперемонными в этом отношении оказались управляющие княжескими имениями, надеявшиеся на полную свою безнаказанность.

Нам очень важно внимательно присмотреться к терминологии дошедших до нас жалоб, чтобы избежать столь часто допускаемых здесь досадных ошибок в определении категории тех людей, на незаконный вывод которых жалуются землевладельцы.

Имеющиеся в нашем распоряжении грамоты называют «половников», «серебреников и половников и рядовых людей и юрьевских», «серебреников и половников и слободных людей», «людей монастырских и серебреников», «людей монастырских всех и серебреников», «людей монастырских с дворца и из деревень». Один раз названы здесь и «крестьяне»⁵⁸.

Как не трудно убедиться, терминология очень разнообразна, между тем как речь идет, строго говоря, об одной прослойке главным образом сельского населения, которую землевладельцы привлекали к себе путем найма, облеченного в феодальную оболочку, стремились удержать за собой и защитить от всяческих покушений со стороны.

Этих примеров достаточно, чтобы показать, какой осторожности требует расшифровка терминологии наших актов. Только благодаря вышепродланному анализу актов материала, мы получаем некоторую возможность сколько-нибудь ориентироваться в сложности и разнообразии социальной природы работающего на монастырских дворах и в монастырских деревнях населения.

Как мы видели, серебреники могут быть разными, половники до некоторой степени тоже нам понятны, рядовые — это, повидимому, люди, поступившие в монастырь по ряду, т. е. по договору. Юрьевские, вероятно, те, кто принят в монастырь в Юрьев день, может быть, на годичный срок (от Юрьева дня до Юрьева дня). Рядовых и юрьевских княжеская грамота называет людьми «слободными».

В деталях разобраться здесь невозможно уже по одному тому, что наиболее полный перечень основан не на едином принципе.

Несомненно лишь одно, что здесь мы имеем дело прежде всего с серебрениками, т. е. людьми, связанными со своими хозяевами денежными обязательствами с вытекающими отсюда спедифическими последствиями. К ним и относится

⁵⁸ ААЭ, т. I, № 73.

запрещение отказа без выплаты «долга», причем имеется в виду, что инициатива отказа исходит в данном случае от работников⁵⁹.

Как мы могли убедиться, среди серебряников очень много не крестьян, если понимать под серебряниками (что единственно и возможно) не непосредственных производителей, владеющих орудиями производства, а лиц, уже раньше освобожденных от орудий производства и экономической необходимостью приведенных в зависимость от своих хозяев.

Перед нами в данный момент решается в первую очередь вопрос о людях, поступивших на работу и взявших у своих хозяев деньги в той или иной форме по разным побуждениям и с различными вытекающими отсюда следствиями. Решался он, как мы видели, в интересах землевладельцев, с одной стороны, стремящихся привлечь через деньги к себе рабочую силу, с другой — старающихся либо сохранить за собой эту рабочую силу, либо гарантировать, по крайней мере, возврат тех денег, которые на этот предмет были затрачены. Тот же землевладелец одинаково был заинтересован и в том, чтобы удержать у себя и крестьян, давно живших на его земле.

Исследователь землевладения в Шелонской пятине на рубеже XV и XVI вв. утверждает, что целый ряд деревень и волостей после присоединения Новгорода к Москве и разгрома новгородского боярства перешел к новым московским владельцам с «крестьянскими долгами», сделанными еще старым новгородским боярам.

Его наблюдения привели к заключению, что кредиторами «крестьян» являлись одни из самых богатых бояр, крупных землевладельцев новгородских: Офоносов Олферий, Тучин Григорий, Козонский Дмитрий, Есипов Богдан, Бердедев Михаил, Кузьмин Василий⁶⁰. И это не случайность. Давать ссуды и тем привлекать и удерживать за собой население могли лишь тот землевладелец, у кого были деньги. Мы только к этим долгам должны отнестись с полной осторожностью, зная, как много разновидностей часто скрывается под широким термином «серебро». Не меньшую осторожность мы должны проявлять и к употреблению нашими источниками терминов «крестьянин» и «люди»⁶¹.

⁵⁹ «... а после Юрьева дни отказа от серебряника нет» (ААЭ, т. I, № 48). «Отказ от тебя (кабального человека) Михаилу (хозяину) был ли?». «Отказу... от меня какому быти» (АЮ, № 22).

⁶⁰ В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятин в конце XV и XVI вв., ЖМЮ, 1909, октябрь-ноябрь.

⁶¹ «Бил ми челом игумен Троицкой Сергиева монастыря з братъею о том, что деи у них отказывае *люди* в мою отчину в Ярославль межи Юрьева дни... и яз князь велики их пожаловал — *людей* есми им из их села... не о Юрьеве дни отпущати не велел... А вы бы у них тех их *людей* межи

Под «людьми» и «крестьянами» в вышеприведенных грамотах можно разумеать и крестьян-новопорядчиков и различные виды серебреничества, в том числе и деревенских кабальных людей⁶², очень возможно, что и крестьян-старожильцев.

Из этого свободного словоупотребления грамот можно сделать вывод о том, что в глазах современников между этими разновидностями сельского населения в некотором отношении была какая-то общность. Все эти люди, какие бы юридические и экономические признаки их ни разделяли, приблизительно с середины XV в. оказались в более строгой зависимости от своих господ (ограничение переходов одним сроком в году, все они при выходе должны были выплачивать своим хозяевам «серебро»). Во-вторых, землевладельцы несомненно стремились к тому, чтобы по крайней мере в одном отношении нивелировать положение различных видов населения своих владений, — в отношении удержания за собой рабочих рук в самую горячую пору земледельческих работ. Они этого и достигли.

В середине XV в. мы видели оживленную деятельность землевладельцев в этом направлении. Любопытно то, что в служилых деревенских кабалах XVI в., изданных В. Г. Гейманом, обязательство жить «до сроку», т. е. условие, которого так добивались землевладельцы 100 лет тому назад, вносится в кабальную запись, как условие, ставшее уже твердым правилом⁶³. Именно это нововведение и интересовало главным образом землевладельцев. Испытывавших острую нужду в рабочих руках.

Но нельзя забывать, что если землевладелец для удержания деревенского кабального человека имел поддержку в новом законе, за выполнением которого следила государственная власть (отказ не в срок — «не в отказ», посылка пристава для возвращения нарушивших условия выхода «по старым местом»)⁶⁴, то тем внимательнее власть должна была следить за крестьянином-тяглецом — старожилом, у которого были еще обязательства и по отношению к государству, за исправное отбывание которых отвечал и землевладелец⁶⁵.

Юрьева дни не отказывали... и вы бы у них отказывали о Юрьеве дни? неделя до Юрьева дни да неделя по Юрьеве дни, в две недели...» (Памятники соц.-экон. истории Московск. государства XIV—XVII вв., 1929, стр. 98—99, № 137).

⁶² В 25 деревенских кабалах (1552—1595 гг.), изданных В. Г. Гейманом, 18 заключены от Юрьева до Юрьева дня осеннего (Сборник Росс. публ. библ., т. II, вып. 1, 1924).

⁶³ В. Г. Гейман. Указ. соч., № 11, 14.

⁶⁴ ДАИ, т. I, № 198; ААЭ, т. I, № 83.

⁶⁵ С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточн. Руси XIV—XVI вв., стр. 43. Монастыри в середине XVI в. жаловались, что они, «оплачивая по многие годы» запустевшие крестьянские усадьбы, охудали

Эту разницу между серебrenиком и крестьянином-тяглом забывать нельзя.

Отдельные пожалования, устанавливающие срок отказа в Юрьев день осенний, начали превращаться в общегосударственное правило.

Иван III изданием Судебника, обязательного для всего государства, предпринял меру, важность которой не всегда достаточно учитывается. В какой степени удалось осуществить это намерение власти, — другое дело (повидимому, удалось далеко не вполне), но для наших целей достаточно и того, что в ее намерения входило введение единого срока для выходов зависимого сельского населения во всей стране. Но возникает вопрос: для всех ли категорий частновладельческих крестьян?

Крупнейший знаток источников по истории сельского населения и автор многих работ по этому предмету М. А. Дьяконов замечает: «Судебник царский (стало быть, и великокняжеский. — *Б. Г.*) не говорит ничего специально о тяглых крестьянах, и это молчание Судебника подало повод к заключению, что право отказа предоставлено всяким крестьянам без различия тяглых и нетяглых». Тут автор ссылается на Ф. И. Леонтовича и В. И. Сергеевича⁶⁶.

Сам М. А. Дьяконов далеко в этом не уверен. Он прямо говорит, что правило Судебника еще «подлежит растолкованию»⁶⁷. Дальнейшие его размышления сводятся к выводу, что в XV в. и в первой половине XVI в. крестьяне-старожильцы правом перехода пользуются⁶⁸, со второй половины XVI в. тяглые люди «рассматриваются крепкими тяглу и правом перехода не пользуются». «Такое правило, однако, — по признанию автора, — не было формулировано в течение всего XVI века», потому что это была эпоха, «не знакомая с идеей законодательного творчества»⁶⁹.

Относительно великокняжеского Судебника М. А. Дьяконов делает существенную оговорку, обнаруживая склонность ограничить широту применения статьи о крестьянском отказе: напомнив о том, что Троицкий монастырь в середине XV в. получил право не выпускать своих крестьян из Бежецких и Углицких вотчин⁷⁰, М. А. Дьяконов говорит: «...нет оснований

и одолжали и истратили всю свою монастырскую казну. Это обстоятельство, по мнению автора, «подготовляло лишение крестьян права отказа и выхода и полное их закрепощение».

⁶⁶ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения, стр. 2.

⁶⁷ Там же, стр. 10, прим. 1.

⁶⁸ Там же, стр. 7—9.

⁶⁹ Там же, стр. 9.

⁷⁰ Там же, стр. 1.

думать, что монастырь потерял эту льготу с издания Судебника 1497 года»⁷¹.

Б. Н. Чичерин тоже держался такого же мнения: «со времен Ивана Васильевича Грозного мы видим уже укрепление тяглых людей», вообще «со второй половины XVI века с тяглыми людьми обращаются, как с крепостными», «...в XVI веке тяглые люди считались уже крепостными»⁷².

Д. Я. Самоквасов в этом отношении пошел еще дальше своих предшественников. В 1910 г. он писал: «Постановления Русской Правды, Псковской Судной Грамоты и княжеских жалованных, духовных и договорных грамот о ролейных закупах, изорниках, исполовниках, огородниках, кочетниках, серебряниках и вольных переходжих крестьянах относятся к вольным людям... Статья Судебника 1497 г. о крестьянском отказе только повторила закон Псковской Судной Грамоты об отрубке закупов из вольных людей, заменив срок Филиппова заговенья Юрьевским сроком». Крестьяне, записанные в тягло, правом перехода не пользуются»⁷³.

Нельзя не согласиться с М. А. Дьяконовым, что правило Судебника «подлежит растолкованию». Он имеет в виду Судебник 1550 г., но так как никакой принципиальной разницы между первым и вторым Судебником по данному вопросу нет, то естественно мнение Дьяконова распространить на оба Судебника.

Действительно, в 57 статье Судебника 1497 г. нет никаких оговорок об отдельных прослойках крестьянства. С первого взгляда может показаться, что эта статья не касается крестьян-старожильцев, потому что прямо после установления срока отказов идет: «Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за кем год..., а два годы поживет..., а три годы поживет..., а четыре годы поживет...» «Дворы пожилые» это не вообще крестьянские дворы, а те дворы, в которых селятся крестьяне-новопорядчики и другие категории сельского населения, не всегда собирающиеся очень надолго обосновываться в данном месте за данным хозяином.

Отсюда и «пожилое» — как будто плата за право временного пребывания в этом дворе. С первого взгляда, действительно, можно подумать, что если бы речь шла вообще о всяком крестьянском дворе, то незачем было бы определять его особым термином.

⁷¹ Там же.

⁷² Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 190.

⁷³ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, стр. 21—22:

М. А. Дьяконов тоже обратил на это внимание, но понимает двор Судебника иначе. По этому поводу он замечает: «пожилое взималось, конечно, в тех случаях, когда крестьянин *поселялся* в готовом дворе» (курсив мой.— Б. Г.). Не забудем, что М. А. Дьяконов считает *всех* крестьян, и старожильцев и новопорядчиков, арендаторами.

Вопрос о том, к каким крестьянам относится правило Судебника о пожилых, М. А. Дьяконов решает по признаку качества двора, в котором поселяется крестьянин: в заранее уже готовом или в построенном новоприходцем для себя вновь. В первом случае он должен платить при уходе пожилые, во втором как будто бы нет⁷⁴.

Решение вопроса о том, на какие категории крестьянства распространялись правила Судебников, затрудняется еще и тем, что по поводу точности текста статьи Судебников о крестьянском отказе у нас имеются некоторые сомнения.

В нашем распоряжении две уставные грамоты: одна 1556 г. крестьянам царских подклетных сел Переславского уезда⁷⁵, вторая — 1561 г. крестьянам Замосковной Вохонской волости удельного князя Владимира Андреевича⁷⁶. Грамоты сами по себе очень интересны, так как они являются опытом осуществления губной реформы применительно к отдельным крупным волостям.

Владимир Андреевич Старицкий в вводной части своего устава, обращаясь к крестьянам своей Вохонской волости, пишет: «от суда волостелина и от ловчего и от их пошлинных людей *оставил*; а быти у них в судьях... крестьяном, которых они себе излюбят всеми крестьяны». Таким излюбленным крестьянином оказался Данилко Степанов. У него предполагаются целовальники. Он и обязуется «судить по сей... грамоте», текст коей тут же и приводится.

Совершенно то же делает и сам царь Иван Васильевич по отношению к своим подклетным селам Переславского уезда. В вводной части грамоты читаем: «от ключнича и от посельчанича суда и от их пошлинных людей *оставил*; а быти у них в судьях тех же сел крестьяном, которых они выбрали всеми крестьяны тех сел».

Выбранный Иванко Тимофеев сын Сусло с целовальниками должен выполнять обязанности судьи: «А судити им по сей нашей грамоте».

Обе грамоты очень похожи одна на другую и являются кратким пересказом (иногда цитатами) из Судебника 1550 г.

⁷⁴ М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя, стр. 339.

⁷⁵ АИ, т. I, № 165.

⁷⁶ ААЭ, т. I, № 257.

Тут, между прочим, цитируется и статья 88 (только начало ее) о крестьянском отказе, но с некоторыми смысловыми изменениями.

Татищевский список
Судебника

А крестьяном отказыватися из волости в волость, из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дня осеннего, или неделю по Юрьеве дни осеннем; а за дворы пожилые платят в полях за двор рубль 6 копеек, а в лесе, где за десять верст хоромного леса довольно, за двор полтина и 6 копеек.

Цитата в уставных
грамотах⁷⁷

А крестьяном отказыватися из города в волость и из волости в город⁷⁸ один срок в году, за неделю⁷⁹ Юрьева дни осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят в полях за двор⁸⁰ рубль⁸¹ два алтына, в лесех, где⁸² хоромного лесу десять верст, за двор полтина да два алтына.

Здесь неизбежно возникает вопрос, какому из двух текстов больше верить?

Нельзя ли объяснить смысловые изменения, внесенные в статью 88 Судебника, особым назначением грамот: ведь они должны были лечь в основу правовой жизни каждой из двух волостей в отдельности. Переход данных крестьян из волости в волость тут не предусмотрен. Может быть, говорить и о переходе из села в село, поскольку села входили в состав волости, было не нужно. Таким образом и получился здесь выход из волости в город, из города в волость.

Какие же крестьяне имеются здесь в виду, тяглые или нетяглые, старожильцы или, по терминологии западно-русского права, «похожие», либо, может быть, и те и другие?

Что это за крестьянин, который живет в городе и идет из города в волость? Конечно, это человек, которому не повезло в городе и который ищет пристанища в деревне. Из волости в город идет тот, кому не сиделось в деревне. Едва ли это крестьяне-старожильцы.

Но данные грамоты во всяком случае имеют местное назначение и широких выводов из них делать нельзя.

Нам надо понять смысл общегосударственного закона.

Несомненно, Судебник очень много уделяет внимания той прослойке сельского населения, которой были присущи некоторые черты подвижности. И понятно почему: именно эта часть

⁷⁷ В основу положен текст из грамоты 1561 г. ААЭ, т. I, № 257, стр. 281.

⁷⁸ Город упоминается и в Стоглаве: «Которые хрстьяне похотят итти в город на посады или в села жити, и тем людем итти... вольно о сроке о Юрьеве дни с отказом по нашему царскому указу». Стоглав, Казань, 1862, стр. 412—414.

⁷⁹ В тексте 1556 г. вставлено «до».

⁸⁰ В тексте 1556 г. — «за двор в полях».

⁸¹ В тексте 1556 г. вставлено «да».

⁸² В тексте 1556 г. вставлено «до».

сельского населения больше всего беспокоила и землевладельцев, и власть, стоявшую на страже их интересов. Об этой прошлойке стали энергично бить челом властям монастыри (конечно, и другие землевладельцы) уже с середины XV в. Эту категорию населения имеют в виду дошедшие до нас документы XV в., когда говорят о Юрьеве дне. Как мы уже видели, именно эта категория сельского населения заставляет литовско-русских землевладельцев специально собираться на совещания, чтобы выработать меры к удержанию ее за собой.

Тяглые («непохожие»), занесенные в писцовые книги, или в жалованные поместные грамоты, люди-старожильцы сидели на своих земельных участках за своими землевладельцами более или менее прочно, иногда даже совсем прочно (относительно некоторых вотчин у нас имеются точные данные)⁸³.

Но было бы странно думать, что Судебник, вводя Юрьев день, как единый срок выходов, забыл бы упомянуть о том, что это право распространяется не на всех крестьян, а только на новоприходцев и серебреников. Статья 57 великокняжеского Судебника и 88 Царского начинаются с общей формулы: «А христианом отказыватися из волости [в волость], из села в село один срок в году...». В главе о старожильцах я уже высказал мысль о том, что последующая часть этих статей («А дворы пожилые платят...») детализирует общее положение применительно к крестьянам-новопорядчикам, особое положение которых требовало разъяснений закона.

Генрих Штаден, пробывший в России 12 лет, имевший полную возможность наблюдать русскую жизнь во всех деталях, циничный в повествованиях о своих «подвигах» и в то же время точный в своих показаниях, совершенно категорически замечает: «Все (курсив мой. — В. Г.) крестьяне страны имеют в Юрьев день свободный выход. Они принадлежат тому, кому захотят». Что это не обмолвка, видно из дальнейших показаний Штадена. Во время бурь опричнины крестьяне массами переходили к новым владельцам, между прочим и от иностранцев, как отмечает Штаден, крестьяне часто уходили все поголовно, и их поместья «пустели в день св. Юрия». Царь в таких случаях давал иноземцам до трех раз новые поместья, «в которых бы жили крестьяне». «Теперь (разумеется время хозяйственного разорения. —

---

⁸³ Троице-Сергиев монастырь получил право не выпускать своих крестьян из села Присек и из своих Угличских владений в середине XV в. (АЮБ, т. I, № 37; АИ, т. I, № 59). В Уставной Важской грамоте 1552 г. имеется пункт: «Старых... своих тяглецов хрестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно и беспошлинно и сажати их по старым деревням, где кто в которой деревне жил прежде того» (ААЭ, т. I, № 234). Уставная грамота Моревской слободы 1530 г. требует возвращения назад вышедших тяглецов (ДАИ, т. I, № 26).

Б. Г.) с великим трудом и то однажды иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина — в большей своей части страна заустела»⁸⁴. У Штадена по вопросу о том, все ли крестьяне имеют право выхода, нет ни малейших колебаний. А ведь он и сам владел поместьем и ошибиться в этом вопросе не мог.

Не трудно заметить, что эти показания Штадена, которым у нас нет никаких оснований не верить, расходятся с мнениями других крупных специалистов — Б. Н. Чичерина и М. А. Дьяконова.

Последний, пытавшийся лучше своего предшественника аргументировать свои мысли, для решения вопроса о значении Юрьева дня старался исходить из практики крестьянских переходов (что сделать очень трудно, хотя и весьма полезно) в том убеждении, что законодательные памятники в этом отношении могут помочь значительно меньше. М. А. Дьяконов поэтому и к Судебникам относится более чем осторожно: он последовательный сторонник теории, устраняющей роль государства в истории крестьян и, в частности, в установлении крепостного права. Правило о невыходе старожильцев, как он сам замечает, «не было формулировано в течение всего XVI века»⁸⁵.

В доказательство своей мысли о невмешательстве закона в дело прикрепления крестьян М. А. Дьяконов приводит больше десятка документов от начала XVI в. до 80-х годов, запрещающих «звать», «призывать», «называть» крестьян-тяглецов и разрешающих «называть... на льготу крестьян от отцов детей, и от братьев братью, и от дядь племянников, и от сосед захребетников» или «кого ни буди из заволостных»⁸⁶.

Однако тут надо иметь в виду, что Судебники в ст. ст. 57 и 88 говорят не о «призывании» или «назывании» людей, а о «крестьянском отказе». Отказы и вывоз предполагают обычаем и законом определенную процедуру, соглашение с землевладельцем, ответственным за правильность отбывания крестьянами тягла, между тем как «призывание» — это очень старая практика, особенно усилившаяся в период феодальной раздробленности, далеко не всегда связанная с формальным отказом: детей и племянников от тяглых отцов и дядьев не надо было в это время и отказывать, так как они были свободны распоряжаться своей судьбой и без всякого соглашения с землевладельцем. Их можно было просто «звать».

Отказывание крестьян сопровождалось не очень простой

---

⁸⁴ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, М., 1925, стр. 123.

⁸⁵ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 9.

⁸⁶ Там же, стр. 8, прим. 2.

процедурой. Вот, например, грамота новгородским дьякам Федору Сыркову и Казарину Дубровскому 1555 г. о содействии в вывозе крестьян.

К царю Ивану Васильевичу обратились с жалобой выборные головы Пустой Ржевы на ржевских, псковских и луцких детей боярских—помещиков, которые сами «вывозят» из пусто-ржевских черных деревень крестьян даже не по сроку и беспошлинно, а когда к ним «изо Ржевских... деревень приедут отк а з щ и к и с о т к а з о м в срок хрестьян из-за них о т к а з ы в а т и...», которые крестьяне похотят ити жити в те... черные деревни, а те деи дети боярские тех о т к а з щ и к о в бьют и в железа куют, а хрестьян деи из-за себя не вышущают, да поймав деи мучат и грабят и в железа куют, а пожилое деи на них емлют не по Судебнику... и о т к а з а т и де им хрестьянина из-за тех детей боярских не мочно». Царь ответил, что если поступят на этих детей боярских жалобы на их нежелание выпускать из-за себя крестьян «за их о т к а з о м в срок», то пусть подьячий или кто пригоже вмешается в это дело и заставит этих детей боярских подчиниться закону⁸⁷. (Разрядка везде моя. — Б. Г.). Полная аналогия с тем, чего домогалась в 1444 г. галичская шляхта, т. е. наказания тех земледельцев, которые не хотели выпускать из-за себя крестьян.

Отказчик официально с соблюдением закона должен вести переговоры и с самим тяглым крестьянином и с его хозяином, между тем как «называть», очевидно, приходилось только тех, кто был свободен и от тягла, и от хозяина, т. е. обычно либо молодежь, еще не успевшую осесть на тяглый участок, либо людей, живших за чужим тяглым хребтом, наконец, людей, не имеющих пристанища. Если отказывание и призывание— вещи не тождественные, то многочисленные факты, приведенные М. А. Дьяконовым о запрещении «призывать» тяглых людей, не могут поколебать положения о праве на выход всех категорий частновладельческого сельского населения в течение первых трех четвертей XVI в.

Тут возникает еще два вопроса: 1) насколько удалось власти осуществить свою задачу, насколько полно Судебники вошли в жизнь, и 2) какое влияние имели правила Судебника об отказе на те категории населения, или, вернее, на те вотчины, крестьяне которых до издания Судебника это право, как мы могли убедиться, потеряли.

Что Судебник входил в жизнь туго, что крупнейшие землевладельцы были им недовольны, об этом можно догадаться по ряду косвенных соображений и имеющихся в нашем распоряжении фактов. Богатые землевладельцы, имевшие все воз-

⁸⁷ ДАИ, т. I, № 56.

возможности собственными средствами удерживать за собой крестьян, не могли быть довольны, когда на их территории появлялись «отказчики», иногда в сопровождении пристава, с целью вывезти из их вотчины крестьян. Судебник не нравился им и по другим мотивам и прежде всего потому, что он клал предел произволу отдельных еще многочисленных тогда «государей».

Не удивительно, что очень скоро появился новый Судебник, до нас не дошедший, Судебник вел. князя Василия Ивановича. Иван Грозный в 1551 г. якобы говорил на Стоглавом соборе речь, в которой между прочим сказал: «В преидущее лето... благословился есми у вас... Судебник исправити по старине и утвердити...» Строев и Калайдович считают, что тут идет речь об исправлении не Судебника Ивана III, а Судебника Василия Ивановича, до нас не дошедшего⁸⁸. Строев и Калайдович делают свой вывод на основании дополнительного к Судебнику Ивана Грозного указа, помещенного в издании Башилова, где значится: «А что изстари по уложению великого князя Ивана Васильевича всея Русии и по уложенью великого князя Василия Ивановича всея Русии во Твери, и в Микулине... мимо тех городов людем вотчин не продавати и по душам в монастыри без доклада не давати...»⁸⁹ (курсив мой. — Б. Г.).

Владимирский-Буданов полностью признал наличие Судебника Василия Ивановича («сын Иоанна III — в. кн. Василий дополнил законы отца; Судебник Вас. Иоанновича не дошел до нас») ⁹⁰. Упоминается какой-то Судебник, предшествующий Судебнику 1550 г. — Судебник 1538—1539 гг., и в наказе переписчикам города Тотьмы с уездом 1646 г.: «А в Судебниках блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, что присланы из розных приказов 47 и 58 году написано»⁹¹.

⁸⁸ «За сими узаконениями времен Иоанновых (автор имеет в виду Судебник 1497 г. и постановления церковного собора 1503 г. — Б. Г.) в истории нашего законодательства следует уложение сына его, вел. князя Василия Иоанновича. К сожалению, оно потеряно; только малые следы свидетельствуют об его существовании, но нет сомнения, что это были показанные законы отца его, им исправленные». (Законы в. кн. Иоанна Васильевича и Судебник царя и в. кн. Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные К. Калайдовичем и П. Строевым, М., 1819. Предисловие, стр. XVI—XVII.)

⁸⁹ С. Башилов. Судебник, 1768, Указы дополнительные Судебнику, стр. 22.

⁹⁰ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 223—224.

⁹¹ П. П. Смирнов, встретив в наказе переписчикам города Тотьмы с уездом (1646 г.) ссылку на Судебник 1538—1539 гг., отнесся к этой ссылке тоже с доверием: «Что касается Судебника 47 года, — пишет он, — изданного при боярах и, вероятно, непосредственно после смерти Елены Глинской (3 апреля 46 года, т. е. 1538 года) в малолетство Ивана Васильевича, то наказ переписчикам 1646 года содержит едва ли не единственное указание на его существование». (Челобитные дворян и детей боярских, Чт. ОИДР, 1915, кн. III, стр. 12; в дальнейшем цит. «Челобитные дворян».)

Конечно, Судебник 47 года, если только здесь не описка, не Судебник Василия Ивановича. Но все же мы здесь имеем подтверждение того, что между Судебниками 1497 и 1550 гг. мог быть еще один Судебник. Если это так, то, стало быть, первый Судебник не удовлетворял те слои общества, которые стали у власти в начале царствования Грозного⁹².

Время было очень бурное. Классовая борьба достигла высокого напряжения. Власть, создавшая первый общегосударственный свод законов, внесла в него много общеобязательных для всего государства норм, которым вотчинники-феодалы не могли сочувствовать. Не приходится удивляться, что сделана была попытка изменить курс, взятый Иваном III.

Как бы мы ни относились к тексту, помещенному в Хрущовской Степенной книге⁹³, у нас все же имеются основания утверждать, что перед Стоглавым собором царь не раз совещался по вопросу о составлении Судебника.

По известному рассказу «Продолжения хронографа 1512 г.», царь счел необходимым в свои царские палаты пригласить митрополита Макария, «весь освященный собор» и Боярскую думу и здесь настаивал на «примирении» высшего духовенства и боярства с служилой массой помещиков. Смысл его выступления заключался в следующем: в период ранней молодости царя от бояр и высшего духовенства детям боярским и крестьянам «чинились силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в иных обидных делах». Царь требует, чтобы сильные люди «вперед так не чинили, детям бы боярским и крестьянам... силы и продажи и обиды во всяких делах не было никоторые». «А кто вперед, — заключил царь, — кому учинит силу или продажу или обиду какую, и тем от меня, царя и в. князя, бити в опале, и в казни»⁹⁴.

Принимая во внимание всю сложную политическую обстановку первых лет княжения и царствования Ивана Грозного, а также характер последующих событий, мы должны понимать это сообщение совершенно конкретно. Дети боярские, т. е. основное ядро армии, служившие Ивану III и его сыну опорой в его борьбе с феодальной раздробленностью и феодальным сепаратизмом знати и несомненно пользовавшиеся вниманием обоих этих великих князей, после смерти Василия Ивановича,

⁹² Вопрос о существовании Судебника Василия III остается спорным. И. И. Смирнов, например, отрицает наличие такого Судебника. См. И. И. Смирнов. Судебник 1550 года, «Истор. записки», т. 24, стр. 270—275.

⁹³ После разысканий С. Ф. Платонова, заметившего вклейку в книгу страницы, содержащей текст речи Грозного на «соборе» 1550 г., к речи в целом не может не быть крайне осторожного отношения. (С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории, т. I, СПб., 1912, стр. 201—205.)

⁹⁴ ПСРЛ, т. XXII, стр. 528—529.

когда знать сделала попытку вернуть былое значение, оказались в трудном положении. Феодалы сделали попытку отодвинуть на второй план служилую массу. Иван IV решительно начал восстановление дедовского режима и, как показало ближайшее будущее, весьма успешно. Дети боярские нашли в нем опору.

На Стоглавом соборе Иван Грозный стоял на тех же позициях, что и на совещании. На Соборе он напомнил, что тогда, по его предложению, произошло примирение знати с детьми боярскими, и что тогда же царь получил одобрение своему намерению Судебник «*исправить по старине*» (курсив мой. — Б. Г.). На Соборе царь уже мог сказать, что работа эта по направлению Судебника им выполнена: «Се и Судебник пред вами... прочтите и рассудите...»⁹⁵.

Мне кажется, что слова «исправить по старине» можно понимать буквально. Надо было исправить Судебник, предшествующий Судебнику 1550г., приняв за основу Судебник Ивана III. Это и была «старина», по которой рекомендовалось равняться. В этом новом Судебнике должно быть устранено то, что внесли от себя, или пытались внести, бояре после смерти Василия Ивановича: «...а которые обычаи и в прежние времена после отца нашего в. князя Василия Ивановича всяя Руссии и до сего настоящего времени поиспатались или в самовластии учинено что по своим волям или *прежние законы которые порушены* (курсив мой. — Б. Г.) или ослабло дело... и о всяких земских строениях... о сем всем... посоветуйте...»⁹⁶.

Делу составления Судебника, как мы видим, придано было широкое общественно-политическое значение. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в составлении нового Судебника, иначе в восстановлении в обновленном виде Судебника Ивана III, принимала большое участие прежде всего та группа лиц, окружавших Ивана Грозного, которая и была тогда руководителем общественной мысли. Она, эта группа, как мы уже видели, не была очень радикальной. Она не стремилась к большому переустройству существующих общественных отношений, но она с ними и не мирилась. Стоит только напомнить те большие задачи, которые намечались в этой среде и частично были осуществлены властью.

Составление нового обобщающего труда по русской истории (так называемая Никоновская летопись), Четвх-Миней, Степенной книги, созыв Стоглавого собора, а потом и Земского,

⁹⁵ Рукопись Волоколамского монастыря. В других текстах Стоглава несколько иначе. Лондонское изд., стр. 16; Кожанчикова, стр. 39. И. И. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора, Соч., т. I, стр. 172).

⁹⁶ Стоглав, Лондонское изд., стр. 16—17.

заведение типографии и др., — ведь все это связано с задачей поднять самосознание передовых слоев господствующего класса, разъяснить новое положение Руси среди европейских и азиатских государств, оправдать мероприятия самодержавной власти, показать преимущество нового строя перед старым периода феодальной раздробленности, разбить местную враждебную центральной власти идеологию, за которую держались многие слои местной знати, одним словом, внедрить в общественную среду новые политические мысли, соответствующие новому положению Руси.

Не будем забывать, что еще так недавно в каждом удельном княжестве писалась своя собственная история, часто враждебная Москве, составлялись жития святых, в которых иногда резко осуждалась объединительная политика Москвы, прославлялись местные «святые» и игнорировались московские. Даже при дворе московского великого князя недавние суверенные владетели продолжали кичиться своими титулами, отнюдь не будучи склонны считать их только символами прошлого. Не часто русское общество переживало столь большую тревогу и оживление.

Как сообщает Никоновская летопись, «вниде в слух благочестивому царю», что тревожно положение и в деревне. Слух этот шел от самих крестьян, конечно, не частновладельческих, а государевых черных. Эти крестьяне били челом царю о том, что у них в волостях многие села и деревни разбойники разбивают и животы грабят и села и деревни жгут. А иные многие «люди у них в волостях этих самых разбойников у себя держат»⁹⁷. Согласимся, что «разбойники» эти не совсем обычные, если какая-то часть населения держит их у себя. Речь идет, несомненно, о движениях крестьянских или холопских, подобных тем, которые тоже под псевдонимом «разбоя» несколько позднее возникли под главенством Хлопка и Косолапа⁹⁸.

Судебник восстанавливался в обстановке бурной и несомненно предназначен был сыграть большую роль в жизни русского общества. Я не собираюсь пересматривать большой и интерес-

⁹⁷ Губная Каргопольская грамота 28 октября 1539 г., ДАИ, т. I, № 31; Губная Белозерская грамота, ААЭ, т. I, № 187, 23 октября 1539 г.; Губная Сольвыгодская грамота, ААЭ, т. I, № 192, 31 августа 1540 г.

⁹⁸ В описи дел Посольского приказа отмечен «столп 112 году о задорех и о разбойниках, о Косолапе с товарищи» (Н. М. Карамзин. Ист. гос. Росс., т. XI, прим. 188). В разрядной книге записано о посылке дворян против разбойников: «Во Владимир на Волок-Лямской, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев и Коломну» (А. И. Маркевич. История местничества в Московском государстве, Одесса, 1888, стр. XIII). У кн. Щербатова (Соч., т. VII, ч. 1, 1904, стр. 235—238) имеется ссылка на разрядную книгу, где под 1603 г. тоже говорится о посылке войск против разбойников (Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — нач. XVII вв. «Истор. записки», т. 15, стр. 91—92).

ный вопрос о составлении Судебника 1550 г. Мне этим небольшим отступлением хотелось лишь подчеркнуть, в каких условиях составлялся закон о крестьянах.

Он не был мертворожденным.

Однако в специальной исторической литературе высказывались иногда мнения совсем другие. Д. Я. Самоквасов, например, по этому поводу писал: «Статья Судебников о крестьянском «отказе» также не имела того значения, в каком ее понимала теория свободы крестьян в древней Руси, — не давала крестьянам права «отказываться» по своей воле от одних землевладельцев и переходить к другим»⁹⁹. Если Самоквасов делает логическое ударение на волю крестьянина, то он отчасти прав. «Отказ» зависел, конечно, не только от одной воли крестьянина, но и от соглашения его с хозяином, который, однако, должен был исполнять закон и при соблюдении всех его требований не имел права удерживать у себя крестьянина.

П. И. Беляев высказывается не менее решительно. По его мнению, «право на отказ было эфемерным явлением в истории крестьянского права»¹⁰⁰.

Эти утверждения разрушаются при первом же соприкосновении с фактами, свидетельствующими о применении правил Судебников о крестьянском отказе. Правда, убедительные факты поступили в научный обиход очень недавно. В изобилии они имеются, например, в приходе-расходных монастырских книгах.

По своей полноте и сохранности книги Иосифова Волоколамского монастыря нужно поставить среди них на первое место. Благодаря полноте и сохранности приходе-расходных книг Волоколамского монастыря мы можем получить даже хороший цифровой материал. В книге 1573—1574 г. зарегистрировано, например, 50 случаев «выходов», в книге 1575—1576 г. — 25, в книге 1579—1580 г. — 96 случаев. Из 50 случаев 1573—1574 г. — 24 выхода из-за монастыря, столько же — входы в монастырь, 2 перехода в пределах монастырских владений. Из 96 случаев 1579—1580 г. — 76 выходов из-за монастыря, 20 входов в монастырь. В 1581 г. выходов уже нет. Соблюдается закон Судебников и относительно размеров пожилого в зависимости от срока пребывания крестьянина у своего хозяина и от размеров занимаемой им жилищной площади (доля двора).

По Судебнику 1550 г. полагается пожилое в размере: в полях за двор рубль и 2 алт., в лесных местах — полтина да 2 алт.¹⁰¹.

⁹⁹ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, стр. 9.

¹⁰⁰ П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия; ЖМЮ, 1916, ноябрь, стр. 138.

¹⁰¹ «А которой христианин за кем живет год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два годы поживет, и он платит полдвора; а три годы поживет, и он платит три четверти двора, а четыре годы поживет, и он

Очень много волоколамских крестьян уходило из-за монастыря, прожив в нем все 4 года, а может быть, и больше. По данным приходной книги 1579 г., из 76 выходов из-за монастыря 30 выходов заплатили полное пожилое. Остальные платили кто три четверти (один случай), половину — 12 случаев (правда, может быть, тут имеются иногда в виду и дворы в лесных местах), есть крестьяне, прожившие за монастырем только один год. Монастырские власти эти полполтины даже не называют пожилым, а, подчеркивая кратковременность пребывания за монастырем крестьянина, говорят о «перебылом».

Почти все крестьяне, переведенные на жительство в монастырь, переходят с помощью монастырских денег, т. е. садятся на монастырскую землю должниками. Об этом часто так и говорится в приходо-расходных книгах монастыря: «Дано Трызновскому крестьянину Купре Тереховскому *на выход в заем рубль денег*. Да Раменскому крестьянину Ивану Яковлеву *сыну в дер. в Рамановская на выход же дано полтина денег в заем*. А пошли те крестьяне Купря и Иван за монастырь из-за Ивана из-за Головленцова. Да Трызновскому ж крестьянину Ивану Юпе дано *на выход в заем полтина денег*» (курсив мой. — Б. Г.).

Тут же обозначено: «Иван полтину заплатил». О погашении долгов говорят и записи другого стиля: июня 7-го (1573) «взято у Ондreja Мохова (приказчика с. Спасского) *выходных денег 2 рубля, что давали ивановским крестьяном на выход займы*». 30 июня «взято у старца ж Венедихта *полтина денег, что он взял у Лествицыне на крестьянине з деревни с Омельфина, что ему давали на выход займы*». 12 июля «взято на Туровском крестьянине на Васье на Коняшине *полтина, что ему дано было займы на выход*». 13 декабря 1573 г. «взято на Курьяновском приказнике на Ортемье *рубль, что он dopravил* (курсив мой. — Б. Г.) в селе Курьянове на Федоре, а имал он тее деньги *на выход, платил за нево тее деньги Истома Курбатов*»¹⁰². В последней записи употреблен термин «*доставил*», говорящий о том, что приказчику Ортемью для взыскания долга с крестьянина Федора пришлось прибегнуть к некоторому нажиму¹⁰³.

платит весь двор—рубль и два алтына. А пожилое имати с ворот» (ст. 88 Судебника 1550 г.).

¹⁰² Приходо-расходн. книга Волоколамского монастыря 1579 г., лл. 145—145 об. (Истор. архив, т. II, стр. 68—69, 84).

¹⁰³ Необходимо указать, что часть упомянутых здесь крестьян переходила из одной деревни в другую в пределах владений того же Волоколамского монастыря. Внутривотчинные операции по передвижке крестьян практикуются часто и в различных видах. В 1576 г. 16 февраля у соборного старца взято 22 алтына. Он «*перепуцал крестьян* из волости в волость». 31 февраля (так!) было взято на Кондратовском крестьянине на Иванке Распопе *рубль денег, менялися* долями с Окунинским с Некрасом (там же, стр. 69, 76).

На примере Волоколамского монастыря мы видим передвижения крестьян с наглядностью, какой до сих пор в нашей научной практике не встречалось. За неделю до Юрьева дня монастырь дает своим старцам-приказчикам деньги на крестьянские «выходы»¹⁰⁴. С совершенной определенностью мы видим, что деньги эти трагятся точно по назначению. 23 ноября было «дано крестьянину Афанасью Матвееву сыну на выход рубль денег, а взял на него те деньги приказчик Степан Катеринин»...¹⁰⁵. В приходной книге Новгородского Софийского Дома 1576 г. тоже записано: «взято у Михаила у Волкова да у Онтона Онаньина 4 руб. 30 алт. А даны были им те деньги при прежнем казначее при Григорье при Грызлове в нынешнем же 85 году на крестьянские отказы о Егорьеве дни в Тесово»¹⁰⁶. Подтверждается здесь полностью хорошо известный нам факт, что бедный крестьянин не мог переходить в прямом смысле слова и становился объектом перевозов, определенной ценностью в азартной спекуляции различных групп землевладельцев.

Из записей в этих книгах мы можем, однако, видеть, что иногда и крестьянин, по крайней мере некоторой долей своих сбережений, участвовал в процессе перехода на новое место. Трудно иначе понять многочисленные факты возврата пожилых денег именно крестьянам, а не перевезшим их землевладельцам, что бывало в случае возвращения крестьян на старые свои места к прежним хозяевам, либо в случае незаконно взятых пожилых денег в большем, чем полагалось по Судебнику, размере. В самом деле, как истолковать, например, такие факты: 11 июля 1579 г. «отдано Ангиловскому крестьянину¹⁰⁷ Матюшке половина старой пожилы — 20 алтын, выходил за Чюдов монастырь»¹⁰⁸, 29 мая 1579 г. было «отдано Пятровым крестьянам Мижуева Спирьку, да Лукьянку, да Алешке 24 алт., что перенял на них на выходе приказчик Суханя»¹⁰⁹, или 24 декабря того же года было «отдано Белковскому¹¹⁰ крестьянину Матюшке дер. Обатурова старова выходу 24 алтына»¹¹¹.

Впрочем, эти факты довольно редки: гораздо чаще подлинные контрагенты сделок на крестьян в случае недоразумений

¹⁰⁴ 22 ноября 1579 г. «дано старцу Данилу на крестьянские выходы 2 р. 15 алт. 2 д.». На ту же цель 1 р. в июне получил и другой приказчик Степан Катеринин (Н. Тимофеев. Крестьянские выходы конца XVI в. Истор. архив, т. II, стр. 83).

¹⁰⁵ Истор. архив, т. II, стр. 83.

¹⁰⁶ Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, рукопись СПб. Духовной академии, № 1548.

¹⁰⁷ Ангилово — село Волоколамского монастыря.

¹⁰⁸ Истор. архив, т. II, стр. 83.

¹⁰⁹ Там же, стр. 82.

¹¹⁰ Белково — село Волоколамского монастыря.

¹¹¹ Истор. архив, т. II, стр. 83.

сами между собой рассчитываются: 19 июля 1579 г. «отдано Андрееву приказчику Нагова Ивану Абалдуеву рубль, што перенял Белковский приказик Данила Карлов на выходе»¹¹².

В других монастырях также отмечаются крестьянские выходы по правилам Судебников, только в более лаконической форме. В приходной книге Корнильева монастыря 1576 г., например, записано: «На выходцах Кругляковских на Тонком да на Илейке да на Останинском на Иванке от Николы да другого Останина на Грише — на всех четырех выходу и отвозных 80 алт.». «На выходе на Беляйке Желоменском взял выход и оброк годовой полтина»¹¹³. Эти краткие записи делаются вполне понятными при сопоставлении их с обстоятельными записями в волоколамских приходо-расходных книгах.

Законность свободных выходов крестьян прекрасно подтверждают и факты возвращения вышедших крестьян на свои старые места.

За «выход» крестьянина никак не наказывают, а лишь поощряют возвращение его на старое место возвратом суммы пожилого, взятой с него при выходе. Подобных примеров можно привести много. Вот Ангилловскому крестьянину Матюшке в июле 1579 г. возвращена «половина старой пожилы 20 алт., выходил за Чюдов монастырь». 24 декабря того же года «отдано Белковскому крестьянину Матюшке деревни Обатурова старова выходу 24 алтына»¹¹⁴.

Перед нами раскрывается картина, полная жизни. Тут мы видим и крупного землевладельца, оснащенного всевозможными средствами для привлечения к себе крестьян, энергию и инициативу хозяина, вынужденного, однако, считаться с законом Судебника, видим и крестьян то как предмет сделки между землевладельцами, то распоряжающихся самостоятельно своей судьбой, делающих долги и иногда достаточно состоятельных, чтобы с ними расплатиться. Из записей в тех же книгах узнаем о том, что приказчики монастырские старались удерживать желающих от них уходить крестьян, и что одним из средств задерживания крестьян было увеличение размеров пожилого. Делается совершенно понятной оговорка, очень важная для стороны, перевозящей к себе крестьянина, во втором Судебнике: «опричь того (т. е. указанного в Судебнике пожилого) на нем (уходящем крестьянине) пошлин нет».

В соблюдении этого закона заинтересованы были и землевладелец, перевозивший к себе крестьянина, и сам перевозимый крестьянин, так как незаконно насчитанная сумма пожи-

¹¹² Истор. архив, т. II, стр. 83.

¹¹³ ЛЗАК, вып. V, стр. 15.

¹¹⁴ Истор. архив, т. II, стр. 83.

лого была по карману нового его хозяина-землевладельца и увеличивала в то же время размеры долга, ложившегося на крестьянина, который не всегда, повидимому, сознавал трудность своего положения и иногда верил в возможность освободиться от своих долгов.

Конечно, для тех землевладельцев, которым грозила опасность лишиться крестьянина, незаконное увеличение пожилого служило одним из средств удержания за собой крестьян.

До поступления в научный оборот материалов Волоколамского монастыря у исследователей были скудные сведения о крестьянских переходах от одного владельца к другому и совсем не было данных для суждения о переходах внутривотчинных.

Между тем, несомненно, и это самое невинное, казалось бы, с точки зрения интересов землевладельца передвижение крестьян обставлялось процедурой взимания пожилого по статье Судебника о крестьянском отказе. В приходо-расходных книгах Иосифова Волоколамского монастыря за 1573—1579 гг. мы имеем прекрасную иллюстрацию этому положению.

С конца ноября и особенно в декабре монастырские поселские старцы-приказчики, каждый в своей волости, собирали это пожилое, или, иначе, по местному выражению, «пожилъ», не только с крестьян, уходивших из монастыря, но и с тех из них, кто, оставаясь в пределах власти одного и того же хозяина, переменил лишь свое место жительства, переходил из волости в волость, из деревни в деревню¹¹⁵. 26 ноября 1573 г., т. е. в Юрьев день, было взято на крестьянине Иосифова Волоколамского монастыря Марке Борисове сыне «пожили, (пожилое) полтина и 2 алтына, что он перешол из Литвиновской волости з деревни з Золева в Рогушинскую волость в деревню на Любятино с трети выти на штину»¹¹⁶. Запись того же характера имеется и от 9 декабря: «взято на мамошинском крестьянине на Степанке Исакове полтина денег, что он перешол из деревни из Буланина в село Мамошино». Против этой записи на поле стоит пометка «пожилое». Рагушинская волость и Литвиновская волость, равно как и село Мамошино — это все владения Иосифова монастыря.

Кроме того, здесь же неоднократно встречаются записи о погашении крестьянами долга, сделанного «на выход». Из

---

¹¹⁵ В Судебнике 1497 г. ст. 57 «О христианском отказе» формулирует это место так: «А христианом отказыватися из волости, из села в село один срок в году». Судебник 1550 г.: «Из волости в волость и из села в село» (ст. 88) и Судебник 1989 г.: «Из волости в волость, из деревни в деревню» (ст. 178).

¹¹⁶ Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря 1573—1574 гг., Истор. архив, т. II, стр. 69.

приведенных записей можно сделать вывод, что эти ссуды крестьянам на выход давались монастырем, конечно, не в тех случаях, когда крестьянин покидал монастырь совсем, а только тогда, когда он переменил место жительства в пределах монастырского же владения. Вот примеры: июня 7-го «взято у Ондreja Мохова выходных денег 2 рубля, что давали Ивановским крестьяном на выход займы». 30 июня «взято у старца... Венедихта полтина денег, что он взял в Лествицыне на крестьянине з деревни с Омельфина, что ему давали на выход займы». 12 июля «взято на Туровском крестьянине на Ваське на Кояншине полтина, что ему дано было займы на выход». 13 декабря «взято на Курьяновском приказнике на Ортемье рубль, что он доправил в селе в Курьянове на Федоре, а имал он тее деньги на выход, платил за нево тее деньги Истома Курбатов»¹¹⁷.

Все эти крестьяне продолжают жить за тем же монастырем и, может быть, даже погашают сделанные для перехода из одной деревни в другую долги. В таких переходах мог быть заинтересован не только крестьянин, но и монастырь: иначе трудно объяснить поведение монастырских властей, поощряющих эти крестьянские переходы.

Из наблюдений над крестьянскими выходами в Волоколамском монастыре видно, что действительно крестьянские выходы живут параллельно с крестьянскими вывозами. Выходы-вывозы как будто не только исчезают, а даже растут.

Однако необходимо иметь в виду, что хотя между выходом и вывозом есть несомненное различие (при вывозе не крестьянин, а землевладелец играет активную роль), но как выход, так и вывоз основаны на законе Судебников о крестьянском отказе: именно этот закон дает право и выхода и вывоза.

Для наших целей подчеркнуть это обстоятельство необходимо, так как в вывозе заинтересован вывозящий крестьянина землевладелец, и естественно, что в интересах землевладельца, устраивающего свое хозяйство, было сохранение этой статьи закона. Выход, в котором был заинтересован преимущественно сам крестьянин, наносил ущерб землевладельцу, от которого уходили работники, но в то же время был выгоден тому землевладельцу, к которому переходил данный крестьянин.

Материалы Волоколамского монастыря, весьма интересные по своему содержанию, важны еще и тем, что они сохранились за сравнительно очень значительный период XVI в., мало освещенный документами, и позволяют рассматривать ряд явлений в истории феодальной вотчины в их историческом развитии. Исходя из массовых наблюдений по приходо-расходным

¹¹⁷ Истор. архив, т. II, стр. 68—69.

книгам этого монастыря, мы можем с достаточной уверенностью оценивать и разрозненные аналогичные факты других монастырей.

Итак, крестьяне уходят и возвращаются, наконец, их вывозят; все это делается на самом законном основании. В этом не остается никаких сомнений. Правила Судебника о крестьянском отказе все больше и больше становятся ясными. Эти правила, несомненно, выполнялись точно.

На второй из вышепоставленных вопросов: какое влияние имели правила Судебника об отказе на тех крестьян, которым до Судебника было запрещено уходить от своих землевладельцев, ответить тоже как будто нетрудно.

Если закон о крестьянских отказах был законом действующим и имел общегосударственное значение, то, конечно, он должен был быть распространен на всех крестьян и на всех вотчинников и помещиков. Стало быть, те землевладельцы, которым удалось в свое время выпросить себе право не выпускать своих крестьян, должны были с этим своим правом распрощаться.

Как мы увидим дальше, такое разрешение крестьянского вопроса не надолго удовлетворило даже помещиков, для которых оно и было сделано. Грядущие и уже близкие события подготовляли его пересмотр. Имею в виду как общие для всех феодальных стран Европы условия, так и конкретную обстановку в России в последней четверти XVI века. По мере разрастания хозяйственной разрухи 70—80-х годов, количество крестьянских переходов росло. Средней руки и мелкие служилые люди оказались в очень затруднительном положении: для приобретения новых рабочих рук у них не было средств, а не выпускать своих крестьян запрещал закон.

Если прибавить к этому общее понижение прожиточного уровня во всей стране, то нам станет ясно, что служилая масса не могла оставаться спокойной. Не могла молчать и власть помещичьего государства. Радикальное и немедленное решение крестьянского вопроса делалось неизбежным.

Волоколамские приходо-расходные книги дают нам великолепную тому иллюстрацию (цифры приведены на стр. 291) и весьма убедительно говорят, что 1580 г. был последним годом крестьянских переходов в XVI в. В 1581 г. в книгах Волоколамского монастыря о переходах ничего не говорится ¹¹⁸.

---

¹¹⁸ Только под 7 сентября 1581 г. имеется одинокая запись «привез из Мамошина приказчик Степан Катеринин полтину денег — взял выходу на крестьянине на Степане Овдокимове». Повидимому, эти деньги остались от прошлого года. Деньги он привез к началу нового отчетного года (ЦГАДА, Волокол. книга № 4, л. 31 об.).

Последним выходным годом 1580 г. отмечен и в известной писцовой книге вотчины Семена Бекбулатовича¹¹⁹.

Подтверждение этого положения мы видим и в судебной практике, и в свидетельстве Генриха Штадена¹²⁰.

Еще в 1577 и 1580 гг. при разборе дела о беглых крестьянах суд интересуется, соблюдены ли при выходе правила Судебника: «те крестьяне вышли ли в Юрьеве дни и с отказом или без отказа и беспошлинно»¹²¹, тогда как в 1588 г. суд уже спрашивает о другом: «из-за князя... Кропоткина крестьяни его в *заповедные годы* вышли ли, и в котором году, и кто именем вышел, и за кого которой крестьянин вышел?». Обыкновенные люди отвечают точно: «слух, господине, наш есть: в 92-м году да в 93-м году да в 94-м году да в 95-м году» (далее идет поименный перечень вышедших крестьян с указанием, куда кто вышел и за кем живет).

«А вси тие крестьяни, — заключают свои показания обыкновенные люди, — вышли в *заповедные годы* и[з]-за князя Богдана и[з]-за Кропоткина с тяглых деревень»¹²².

О правилах Судебника суд уже не вспоминает и руководствуется другим законом. Каким именно? Конечно, новым, несомненно, имеющим в виду «*заповедные годы*»: иначе суд не имел бы никаких оснований пользоваться этим термином.

Старцы Волоколамского монастыря очень хорошо знали этот новый закон. В приложении к приходной книге монастыря 1593—1594 г. под заголовком «Приговоры старца Мисаила Безниа» помещен наказ, как «деньги давати... *взаимы кабалы имати*». Тут мы встречаем совершенно явное указание на временно отмененный государевым указом выход и о возможности его восстановления. Вот это место «Наказа»: «...а которые деньги даваны крестьяном на выть по 3 руб., и кабалы на них в тех деньгах взяты в казну в монастырскую, и по тем кабалам денег на крестьянех не имати, которые учнут за монастырем жити. А *будет государь изволит крестьяном выходу быть*, и которые крестьяне пойдут из-за монастыря, и на тех крестьянех по тем кабалам деньги имати по 3 руб. в казну монастырскую. И которые крестьяне *побежат*, и на тех крестьянех по тому ж имати по тем кабалам деньги» (курсив везде мой. — Б. Г.)¹²³.

¹¹⁹ Московские писцовые книги, ч. I, отд. II. Описание вотчины Симеона Бекбулатовича.

¹²⁰ Генрих Штаден покинул Россию в 1576 г., когда, как он пишет, правила Судебника были в полной силе.

¹²¹ М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. II, № 27. Описание актов собрания гр. Уварова, № 53.

¹²² Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, стр. 451—452.

¹²³ Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма, стр. 156.

Из этого наказа прежде всего совершенно ясно вытекает заключение, что в 1593—1594 гг. у крестьян «выхода» уже не было, но что его восстановление считалось в любой момент возможным и ожидаемым. Этот факт неизбежно связывается у нас с прекращением записей крестьянских выходов в приходных книгах того же монастыря, начиная с 1581 г. Никаких не может быть сомнений в том, что мы имеем перед собой закон о «заповедных годах», введенный в действие не навсегда, а на время.

Известный указ Бориса Годунова от 28 ноября 1601 г. совсем недвусмысленно говорит о том, что царь и его сын пожаловали «во всем своем государстве от налога и от продаж велели крестьяном давати выход». Стало быть, до этого указа во всем государстве выхода крестьянам не было.

Казалось бы, что приведенных показаний источников достаточно, чтобы признать введение в действие нового временного закона о заповедных годах, отменяющего Юрьев день, обязательного для всего государства.

Однако, как мы могли в этом убедиться, много было потрачено хитроумия, чтобы ясное сделать неясным.

А так как в этом направлении действовали крупные и весьма знающие свой предмет люди, я считаю совершенно необходимым разобрать их аргументацию. Самым серьезным противником именно такого понимания значения «заповедных годов» и защитником теории Ключевского является бесспорно М. А. Дьяконов.

Он решительно возражает против понимания указа о заповедных годах, как закона, отменяющего Юрьев день. «Такой вывод, — пишет он, — не может быть принят, так как он стоит в прямом противоречии с рядом документальных свидетельств о продолжающемся действии постановлений Судебника 2-го о крестьянском переходе в Юрьев день».

Эти «документальные свидетельства» автор сводит к следующим:

1. «В царской грамоте 24 февраля 1580 г. дворцовому приказчику Юрьевского уезда стоит предписание: «а вперед бы есте из-за монастырской вотчины крестьян не возили не по сроку и без отказу и беспошлинно и не по их хотенью».

2. «В Судебнике 1589 г. воспроизводится статья Судебника 1550 г. о крестьянском переходе с незначительными изменениями».

3. В уставной грамоте 1590 г. патриарха Иова Новинскому монастырю еще раз вспоминается правило о крестьянском отказе в Юрьев день: «а которой крестьянин выйдет за волость по сроку с отказом и та выть пахати того села крестьяном, а тягль царя и в. князя и монастырские подати давати всякие и дело делати».

4. Царская грамота двинскому земскому судейке от 14 апреля 1592 г. по жалобе властей Никольского Корельского монастыря о выбежавших крестьянах со ссылкой на нарушение крестьянами правила о переходе говорит о том, что в глазах монастыря это правило продолжает сохранять силу и в 1592 г.¹²⁴

Попробуем ближе присмотреться к этим аргументам.

1. Первый аргумент М. А. Дьяконова должен отпасть, так как грамота 24 февраля 1580 г. относится ко времени до издания закона о заповедных годах. Очевидно, намерения власти, сформулированные на церковном соборе 15 января 1580 г., не были приведены в исполнение еще и в 20-х числах февраля. Запоздание естественное и обычное.

2. Второй аргумент, опирающийся на Судебник Федора Ивановича 1589 г., не убедителен потому, что формально никто статьи 88 царского Судебника не отменял. Ее действие было лишь приостановлено на некоторый, как многим, может быть, казалось, весьма короткий срок. И поэтому никто не взял бы на себя смелость вносить в закон изменения без специального на этот предмет указания власти. К тому же Судебник 1589 г. не официальный свод законов, а работа юриста Устьянских северных волостей, сделавшего попытку приспособить царский Судебник к условиям общественной жизни Севера, т. е. территории свободного независимого крестьянства, меньше всего заинтересованного в вопросе о судьбе частновладельческих крестьян. Провинциальный юрист не имел никаких оснований считать ст. 88 отмененной. Мы имеем все основания думать, что в не дошедшем до нас указе о заповедных годах была оговорена временность этой меры. Иначе совершенно непонятным будет и содержание «Наказа» волоколамской монастырской администрации, помещенного выше, и неоднократные ссылки на эту временность в порядных, заключенных после 1581 г. В порядных крестьяне часто стали писать о своем невыходе только «до государева указа», «до государевых выходных лет». Старцы Волоколамского монастыря были уверены, что заповедные годы скоро будут отменены. Наконец, на каком бы ином основании суд мог делать вполне официально назидание старцам Корельского монастыря впредь крестьян не вывозить в заповедные годы до царского указа?¹²⁵

3. Уставная грамота Новинскому монастырю действительно содержит в себе цитированное М. А. Дьяконовым место, но едва ли все-таки справедливы те выводы, какие из этой фразы делает автор.

---

¹²⁴ М. А. Дьяконов. Заповедные и выходные лета, 1915, стр. 9—10. Оттиск из «Известий Петрогр. политехн. института», т. XXIV.

¹²⁵ РИБ, т. XIV, стб. 137.

Грамота уставная, т. е. имеющая назначение регулировать жизнь монастыря на значительный срок. Грамота писалась по графарету «по прежней жаловальной Макария митрополита всея Руси грамоте»¹²⁶. Такие грамоты обычно повторяют старый текст с прибавлением по мере необходимости нового. В данном случае вычеркивать старые следы Судебника не было оснований. Патриарх лучше, чем кто-либо другой, знал, что «заповедные годы» — это мера временная, продиктованная известными обстоятельствами, что «заповедные годы» родились в той же обстановке, как и отмена тарханов, «покаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением». Патриарх не мог не знать, что в 1590 г. земля уже значительно «поустроилась», и имел основание надеяться на ближайшую отмену нового временного закона. При таких видах вносить в текст уставной грамоты новости и зачеркивать то, что не было законом отменено, представлялось совершенно ненужным и даже недопустимым.

Патриарх и дождался выходных годов в 1601—1604 гг., но они не коснулись патриарших крестьян. Не предвидел патриарх и того, что отмены крестьянских выходов будут добиваться землевладельцы и в начале XVII в. и, наконец, достигнут своей цели. Мало ли грамот пишется с неоправданным расчетом на их жизненность? Все течет, и поток времени уносит с собой отжившее.

4. Последний аргумент М. А. Дьяконова опровергнут тут же на суде в 1592 г. Игумен далекого северного Никольско Корельского монастыря¹²⁷ в 1592 году бил челом царю о том, что два «искони вечные» монастырских крестьянина выбежали с монастырских земель «без откazu и беспоплибно со всеми животы и статки». Игумен захолустного монастыря состряпал старомодную жалобу, что сейчас же и было отмечено и исправлено правительственным учреждением. Суд распорядился, если жалоба окажется соответствующей действительности, вернуть беглых крестьян обратно, и сделал очень важную приписку о нарушении впрямь не старого, а нового закона: «Да и впрямь бы есть из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в черные деревни не вывозили»¹²⁸.

Игумен и правительство говорят об одном и том же, но на разных языках: игумен пользуется терминами Судебника, правительство — терминами и понятиями нового закона. М. А. Дьяконов не хочет считаться с прямым смыслом заключительных слов судебного решения («да и впрямь»), что, конечно,

¹²⁶ Вр. ОИДР, кн. 2, 1849, Смесь, стр. 17.

¹²⁷ Николо-Корельский монастырь лежал в 35 верстах к западу от Архангельска, в юго-восточной части Двинской губы.

¹²⁸ РИБ, т. XIV, № LXXII.

имеет в виду не только будущее, но несомненно и настоящее. М. А. Дьяконов вопреки ясной фразе полагает, что в 1592 г. впервые для Никольско Корельского монастыря вводятся заповедные годы, тем самым, как заявляет автор, «правило (о заповедных годах. — Б. Г.) не было общим законом». Это мнение М. А. Дьяконова иногда, правда редко, повторяется и сейчас.

Но это уже особый вопрос, который я рассматриваю ниже.

Итак, ни один из аргументов М. А. Дьяконова в защиту его положений не может быть признан убедительным.

В распоряжении М. А. Дьяконова была и известная Торопецкая уставная грамота 1590—1591 гг. В ней написано (привожу с соблюдением расставленных редактором Побойниным знаков препинания): «...И на пустые им (торопчанам. — Б. Г.) места старинных своих тяглецов из-за князей и из-за детей боярских из-за монастырей и из волостей, которые у них с посаду разошлись (так!), в заповедные лета вывозить назад на старинные их места, где хто жил наперед того, безоброчно и беспощинно»¹²⁹. С такой же расстановкой знаков препинания помещен этот же документ в издании уставных грамот Московского университета 1909 г.¹³⁰ и М. А. Дьяконов был убежден, что текст передан совершенно правильно.

Все это говорит о том, что подлинный смысл заповедных годов был в 1909 г. его издателю неясен. У М. А. Дьяконова были свои основания держаться именно такой трактовки текста. Для того чтобы сохранить в торопецкой грамоте смысл, поддерживающий всю его концепцию, М. А. Дьяконов, вопреки точному смыслу термина, предлагает здесь понимать «заповедь» как «разрешение», а не «запрещение», и расстановку знаков препинания, сделанную Побойниным, считает правильной. Речь идет, правда, только об одной запятой, которая, однако, радикально меняет смысл всего текста. Запятая стоит тут не после слов «в заповедные лета», а перед ними. Отсюда получается: «...старинных тяглецов..., которые... разошлись, в заповедные лета вывозить назад». М. А. Дьяконов удовлетворен и по этому случаю заявляет: «По прямому смыслу приведенного правила под ними (заповедными годами. — Б. Г.) надо разуметь установленное, хотя в грамоте и не указанное, число лет, в течение которых разрешалось вывозить вышедших старинных тяглецов на прежние места жительства. Совершенно ясный смысл права не допускает никакого другого толкования» (курсив мой. — Б. Г.)¹³¹.

¹²⁹ Чт. ОИДР, 1902, кн. II, стр. 359.

¹³⁰ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, М., 1909, стр. 147.

¹³¹ М. А. Дьяконов. Заповедные лета и старина. Сборник статей, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову, стр. 110—111. Тут

Смысл грамоты действительно ясен, но он совсем не тот, в который так крепко верил М. А. Дьяконов.

После вышеприведенных доказательств с привлечением большого количества источников не может оставаться ни малейшего сомнения в том, что текст Торопецкой грамоты должен читаться иначе: запятая должна стоять после слов «в заповедные лета» («старинных тяглецов..., которые... разошлись в заповедные годы, вывозить назад»). Только такое чтение не будет противоречить источникам.

Нетрудно доказать и то, что закон о заповедных годах появился в 1580 г. и что первым заповедным годом был 1581 г.

Против этого положения высказывался в 1924 г. С. И. Тхоржевский, ссылаясь на документ, к данному вопросу не имеющий никакого отношения. По мнению С. И. Тхоржевского, заповедные годы явились результатом предварительного в течение нескольких лет применения на практике «заповедей крестьянского выхода»¹³². Основанием для такого заключения автору служит «обыск» в поместье Юрия Нелединского 26 января 1571 г.¹³³. Этот «обыск» должен был выяснить размеры поместья и «хто имяны дети боярские ис того Юрьевского поместья из деревень крестьян за себя в свои поместные деревни вывез и о кою пору, о сроци ли о Урьеви дни, с отказом ли или без отказу после сроку сильно, и Юрия Нелединского сколь давно государь царь и в. князь взял к собі в свою государскую опришнюю, в коем году и о кою пору».

Опрошенные крестьяне ответили о своем помещике следующее: «А про Юрья... про Ондриева сына Нелединского ведомо нам, как из Новгорода привезли заповедную грамоту и высылную в великие говино в леты 7070 осьмого году, а велели опришных высылать из жемщины, а до тое мы грамоте про Юрья не видали, потому что Юрьи жил не в нашем погосте...». О крестьянах они же сказали: «а которые... крестьяне ис того Юрьевского поместья в нашем погосте выходили за детей боярских сее осени в лето 7079 году о сроце и после сроку, и ни отказу и выходу не платили, потому что Юрьева прикащика о ти поры у нас не было, а вышел из нашего погоста Юрьев прикащик в лете 7078 году...» Многих крестьян из этого поместья вывезли землевладельцы «сильно без отказу и без пошлин», «без выходу».

Комиссия, производившая «обыск», отписала поместье на

же несколькими строчками ниже в грамоте 1592 г. Двинскому земскому судейке М. А. Дьяконов «заповедь» понимает уже иначе. В этой последней грамоте «заповедь» имеет, по словам автора, значение «запрещения». «Заповедь» никогда не имеет смысла разрешения, прибавлю от себя. Для чего понадобилось это допущение М. А. Дьяконову, догадаться нетрудно.

¹³² С. И. Т х о р ж е в с к и й. Поместье и крестьянская крепость. Архив истории труда в России, т. I, стр. 85—86.

¹³³ Д. Я. С а м о к в а с о в. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 48.

государя (Юрий Нелединский в качестве царского опричника, вероятно, получил новое поместье). Относительно же незаконно вышедших и вывезенных крестьян комиссия распорядилась «вывести опять назад... в их дворы с женами и з детьми и з животы»¹³⁴.

В документе нет никаких оснований для заключения о том, что здесь якобы разумеется «заповедь крестьянам Нелединского выходить, а окрестным детям боярским — вывозить их за себя».

Непонятно также, почему С. И. Тхоржевский считает, что здесь речь идет о двух грамотах, «высылной» и «заповедной». В показании крестьян ясно сказано, что грамота «высылная и заповедная» одна, а не две: «а до *тое* мы грамоты (единственное число), — говорят крестьяне, — про Юрья не видали». Тут же крестьяне дают намек и на содержание грамоты, через которую «велели опришных высылать из жемщины».

Мне представляется дело в следующем виде: царь потребовал из земщины опричников, а поместья, оставшиеся на территории земщины и в отсутствие их хозяев подвергавшиеся большому риску разорения, заповедал охранять (из писцовой книги 1571 г. видно, что поместья опричников, оставшиеся в земщине, стояли пустыми¹³⁵).

Это распоряжение власти не касалось реформы крестьянских выходов и потому не может быть оценено как свидетельство о существовании заповедных годов до 1581 г.

Ясный намек на наличие какого-то «Уложения» Ивана Грозного, запрещающего крестьянам выходы, мы имеем в судном деле рязанского помещика Шиловского с дьяком Шерефединовым 1584 г.

Шиловский жаловался на дьяка Андрея Шерефедина в насильственном захвате его вотчины. Во время суда истец указывал и на другие правонарушения того же дьяка и, между прочим, указал на то, что дьяк «государевы поместные земли и вотчины пашет и крестьян насильством твоих государевых дворцовых сел и из-за детей боярских *возит мимо отца твоего, а нашего государя, уложения*»¹³⁶ (курсив мой. — Б. Г.).

В литературе имеется, кажется, совсем одинокое мнение И. М. Кулишера о том, что под упоминаемым здесь «уложением» надо разуметь Судебник 1550 г.¹³⁷

Против такого понимания термина в данном источнике говорят следующие соображения: 1) в деле Судебник упоминается

¹³⁴ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II. ч. 2, стр. 50, 54.

¹³⁵ Труд в России, 1924, т. I, стр. 85—86.

¹³⁶ А. Юшков. Акты, стр. 206.

¹³⁷ И. М. Кулишер. Несвободное состояние крестьян в 16—17 ст., Труд в России, т. I, стр. 198.

и называется Судебником: «в государеве указе в Судебнике написано...»¹³⁸; 2) обычно, когда дело идет о нарушении ст. 88 Судебника (о крестьянском отказе), акты говорят о вывозе крестьян «беспощинно», «не по сроку», «без отказу» и т. п., не ссылаясь ни на какое уложение. В деле же Шиловского имеем несколько упоминаний о незаконном вывозе крестьян и ни разу ни истец, ни ответчик не вспомнили условий отказа по Судебнику. Значит, нарушены были не правила Судебника, а какой-то другой закон.

Мне кажется, что наиболее правильным будет заключение о том, что под «уложением» Грозного здесь разумеется указ о запрещении крестьянских выходов, указ о заповедных годах¹³⁹.

В главе «Разорение 70—80-х годов» уже шла речь о той обстановке, которая создалась к моменту прекращения военных действий и которая поставила перед государством много вопросов, требовавших немедленного решения, в том числе и вопрос об обеспечении рабочими руками воинских людей — помещиков.

Сейчас необходимо еще раз вспомнить это сложное и тяжелое положение, в каком находилась Россия в эти годы, и нам станет понятным, почему именно в это время правительство и церковь принимают ряд экстренных мер.

На церковном соборе в январе 1580 г. было решено, что церковь тоже должна пойти в этом направлении на некоторые уступки. Собор 1584 г. только дополнил постановление предшествующего собора. Церковь и государственная власть выступали согласованно, имея в виду одну и ту же цель.

Церковь была лишь призвана дополнить со своей стороны мероприятия правительства. Мы действительно знаем, что царь с Боярской думой приговорил «о землях, которые за монастыри», что была написана какая-то «уложенная грамота», и Поместный приказ получил распоряжение действовать «по той грамоте и по уложению». Все земли, заложенные в монастыри и другие церковные учреждения, предназначены к отобранию на государя; запрещено было отдавать в монастыри земли по душе.

---

¹³⁸ А. Юшков. Акты, стр. 230.

¹³⁹ Такого же мнения и С. Ф. Платонов (Иван Грозный, 1923, стр. 144) и С. Б. Веселовский (Из истории закрепощения крестьян, Уч. зап. Ипст. истории РАНИОН, т. V, стр. 207 и 216). С. Б. Веселовский, правда, проявляет большую осторожность, когда говорит: «имел ли указ общегосударственное или местное значение, остается пока под вопросом. Возможно допустить, что заповедные указы в первое время распространялись не на все государство» (стр. 207). Но и С. Б. Веселовский согласен с тем, что этот закон «быстро, если не с самого начала, захватил большой район». Из дальнейшего изложения видно, что С. Б. Веселовский признает заповедные указы мерой общегосударственной.

Все эти меры связаны между собой внутренней связью и с законом о заповедных годах.

До сих пор удалось разыскать указания источников на следующие несомненно заповедные годы: 1581—1586, 1590, 1591, 1592, 1594. Здесь кстати напомнить «наказ» волоколамского старца Мисаила Безнина, записанный в книгу 1593—1594 гг. Из «наказа» видно, что во всяком случае ближайшие годы к 1593—1594 гг. были все заповедными и что старец только считал возможным их отмену в будущем.

Этот наказ ценен нам и потому, что помогает разрешить вопрос о масштабе действия указа о заповедных годах. Если самоквасовские материалы делают вопрос бесспорным для Новгородской области, если судное дело Шиловского — Шеремединова включает сюда область Рязанскую, то наказ старца Мисаила совершенно ясно говорит об области Московской. Не следует пренебрегать и показаниями порядных записей и служилых деревенских кабал, в которых крестьяне и кабальные деревенские люди (серебренники) в различных частях государства пишут о невыходе «до государевых выходных лет». Как на пример, можно указать на кабалы Спасо-Прилуцкого Вологодского монастыря, изданные В. Г. Гейманом¹⁴⁰, и на документы, изданные М. А. Дьяконовым¹⁴¹.

Мы имеем бесспорное доказательство распространения закона на всю Россию и в известном указе Бориса Годунова 28 ноября 1601 г., отменяющем на этот год действие закона о заповедных годах. Там написано, что царь и его сын «пожаловали во всем своем государстве от налог и продаж велели крестьянам давати выход». То же повторено и в указе 30 ноября 1602 г.¹⁴². Следовательно, запрещение выходов тоже касалось *всего* государства.

Следует принять во внимание и изменения в понимании терминов «выйти» и «выбежать», которые после опубликования акта о заповедных годах делаются синонимами не в каком-либо одном месте, а в различных частях государственной территории.

В обысках 80-х годов мы имеем безразличное употребление терминов «выйти» и «выбежать» («из-за Ивана ... Непейцына... в заповедные годы... *збежали*...», «а вси тии крестьяне *вышли* ли в заповедные годы...»)¹⁴³.

---

¹⁴⁰ В. Г. Гейман. Несколько новых документов. Сборник Росс. публ. библи., т. II, вып. 1, 1924, № 24.

¹⁴¹ М. А. Дьяконов. Акты тяглового населения, вып. II, № 28 и др.

¹⁴² ААЭ, т. II, № 20 и 24.

¹⁴³ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, № 16, 18, 20.

Когда в 1592 г. братия Корельского монастыря подала в суд жалобу о беглых крестьянах и попробовала сослаться на правила Судебника, суд их поправил и в назидание присовокупил: «да и впредь бы есть из Никольские вотчины крестьян в заповедные годы до нашего указу... не вывозили»¹⁴⁴.

Наконец, в нашем распоряжении имеется во многих отношениях замечательный указ 1607 г., найденный и подготовленный к печати В. Н. Татищевым и изданный Г. Ф. Миллером после смерти Татищева.

Заподозренный еще Карамзиным в подлинности, он до недавнего времени мало привлекался к решению вопроса об отмене Юрьева дня. Происходило это отчасти и потому, что указ, будучи принят в качестве полноценного источника, разрушал бы построение Чичерина — Ключевского — Дьяконова. Формальная возможность опорочить силу показаний этого документа позволяла иногда обходить его молчанием или не придавать ему решающего значения.

Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что документ уже понят, как следует, и реабилитирован.

Для моих целей важен не столько самый указ, сколько «доклад», т. е. вводная часть указа, переданная Татищевым вольно, но с соблюдением точности содержания¹⁴⁵. Основной смысл «доклада» заключается в исторической справке о мерах, предшествующих указу 1607 г. Этим «доклад» и замечателен. Здесь сказано, что при царе Иване Васильевиче крестьяне, конечно, все «выход имели вольный; а царь Федор Иоаннович по наговору Бориса Годунова... выход крестьяном заказал, и у кого коликто тогда крестьян было, книги учинил, и после от того начались многие вражды, кромолы и тяжи. Царь Борис Федорович, видя в народе волнение велие, те книги оставил, и переход крестьяном дал, да не совсем, что судьи не знали, како по тому суду вершити, и ныне великие в том учинились распри и насилия, и многим разорения и убивства смертныи и многие разбои и попутем грабления содеяшесе и содеваются»¹⁴⁶.

Тут все интересно и важно. Но пока я хочу подчеркнуть лишь одну сторону этого «доклада». Речь всюду идет не об отдельных районах государства, а о всей стране в целом.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что как закон Судебников, так и законы о заповедных годах и указы Бориса Годунова и Василия Шуйского относились ко всему государству.

---

¹⁴⁴ РИБ, т. XIV, стб. 135—137.

¹⁴⁵ Б. Д. Греков. Происхождение крепостного права в России, Крепостная Россия, 1930, стр. 78—83.

¹⁴⁶ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 241.

Осторожность в определении масштаба действительности указа о заповедных годах, очень понятная, делается как будто сейчас уже излишней. На основании этого закона стал действовать суд по делам о беглых крестьянах. Условие о заповедных годах с этого времени стало иногда включаться даже в уставные грамоты. Но самая мера безусловно считалась временной, как это видно и из крестьянских порядных, и из наказа волоколамского старца Мисаила, и из мечаний и жалоб крестьян.

У нас в руках нет закона «о заповедных годах», поэтому и оперировать с ним мы не можем. Однако ряд косвенных данных, которые мы не имеем права игнорировать, позволяют нам делать заключения по крайней мере об основном содержании этого важного указа.

На некоторые вполне законные вопросы мы, к сожалению, ответить не имеем возможности. К числу их относится и вопрос, недавно поставленный И. И. Смирновым, нет ли таких категорий крестьян, на которых закон о «заповедных годах» не распространялся¹⁴⁷. На эту мысль натолкнул автора факт из жизни патриаршей вотчины. «Новоприходец» Петрушка Онисимов прибыл в патриаршее село Старый Двор в 1598 г., т. е. 17 лет спустя после закона о заповедных годах. Этот новоприходец уверен в том, что он имеет право распоряжаться собой в выборе одного из двух патриарших помещиков, за которыми он должен жить. Патриарх не только не возражает против этого, но даже поручает спросить Петрушку, «за кого он сперва пришел и ныне за кем хочет жить».

Следует ли отсюда, что Петр Онисимов сохранил за собой право перехода? Для ответа на этот вопрос надо иметь в виду, что, во-первых, мы здесь имеем случай, когда новоприходец остается патриаршим и только имеет право выбирать одного из двух (речь идет только о двух) патриарших же помещиков; во-вторых, в нашем распоряжении имеются другие факты, способные сильно поколебать предположение о сохранении Петром Онисимовым права перехода.

Дело в том, что после указа о заповедных годах при отводе поместий отводчики делают «новоприходцев» совершенно так же, как и крестьян-старожильцев. Например, в отдельной 1586 г. среди крестьян, выделенных в поместье, значатся: «во дв. Иванко приходец... во дв. Сенька приходец». Тут же другому помещику вместе с крестьянами достался и «во дв. Семак приходец»¹⁴⁸. Помещик в целях удержания за собой беглой из

¹⁴⁷ И. И. Смирнов. Из истории крестьян в Московском государстве в конце XVI века, Уч. зап. Ленингр. гос. ун-в., № 32, серия истор., вып. 2.

¹⁴⁸ Арзамасские поместные акты, собранные С. Б. Веселовским, стр. 19; то же и на стр. 27, 28.

Троице-Сергиева монастыря крестьянки выдает ее замуж за «прихожего» человека¹⁴⁹.

Как это произошло, что новоприходцы попали в одинаковое положение с крестьянами-старожильцами, сказать трудно. Тут возможно два предположения: либо эти новоприходцы отсидели льготные годы, вошли в состав тягловцев и только по старой памяти числятся новоприходцами, либо, что гораздо правдоподобнее, это действительно следствие «заповедных годов». С уверенностью во всяком случае мы можем говорить о том, что сами землевладельцы немедленно после указа о заповедных годах постарались распространить его действие на тех, кто заключал с ними договор поряда, заставляя новопорядчиков вписывать в текст договора условие о невыходе «до государевых выходных лет». Было бы странно думать, что такие новопорядчики продолжали сохранять право перехода.

На тех же из новоприходцев, которые не давали на себя записей и жили «добровольно», закон о заповедных годах едва ли распространялся.

Мы также хорошо знаем, что землевладельцы спешили использовать заповедные годы и в другом направлении: в практику начали входить сделки на крестьян и другие формы распоряжения ими. В 1598 г., например, старец Голутвина монастыря Гурий помирился без суда с помещиком Пятым Григорьевым в тяжбе о крестьянах следующим образом: старец в монастырскую вотчину взял часть помещиковых крестьян с женами, детьми и имуществом. Одну семью при этом договорившиеся стороны поделили пополам с животами, женами и детьми. Старец Гурий «поступился» в пользу помещика крестьянами Данилой Тарасовым и Федором Степановым тоже с женами, детьми и имуществом¹⁵⁰.

Заповедные годы, несомненно, весьма активно действовали на пространстве всего государства, становясь в свою очередь базой для дальнейшего развития до сих пор в скрытом виде живших тенденций.

Итак, проблема заповедных годов потеряла уже прежнюю остроту. Ее решение стало прочным завоеванием нашей науки.

Тем, кто сомневается, что закон о заповедных годах был издан в 1580 г. и первым заповедным годом был год 1581, тем, кто допускал действие заповедных годов только на определенной территории, остается отбросить свои сомнения и окончательно признать, что заповедные годы не миф или случайное, мало заметное общественное явление, а крупный поворот в

¹⁴⁹ Памятники хоз. и соц. истории Московского государства под ред. А. И. Яковлева и С. Б. Веселовского, т. II (рукопись).

¹⁵⁰ М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. II, № 33.

жизни русского общества на территории всего Русского государства, может быть, лишь за исключением колоний, историю которых в этом отношении до сих пор проследить не удалось.

Несомненно также и то, что на эту общегосударственную меру крестьяне во всем государстве ответили протестом, вылившимся в конечном счете в крестьянскую войну под предводительством Ивана Болотникова.

3. ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛОЖЕНИИ НАЕМНЫХ И КАБАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ (80-е годы XVI в.)

Если правое положение крестьян в начале 80-х годов заметно изменилось в весьма определенном смысле, то а priori можно сказать, — не могло не измениться и положение других групп сельского и несельского населения, обслуживавшего своим трудом нужды землевладельческого класса. Получив право не выпускать из-за себя крестьян, помещик одержал несомненно большую победу, но это совсем не значило, что у него не осталось больше никаких желаний в том же направлении. Он не прекращал энергично добиваться дальнейших улучшений и упрочения своего материального положения. Проблема рабочих рук, куда ингредиентом входил и вопрос о некрестьянских категориях так или иначе зависимого от господ населения, оставалась очередной, и помещик пользовался всяким случаем, чтобы напомнить власти о своих нуждах и требованиях.

Стал на очередь вопрос о так называемых вольных людях, поступавших на службу к господам «добровольно», и о кабальных людях, работавших у своих господ по служилой кабале. Разница между первыми и вторыми, как мы уже видели, заключалась в том, что вторые оформляли свое положение через «служилую кабалу», а первые жили без оформления.

Как мы уже знаем, закон 11 октября 1555 г. защищал наемного слугу от крепостнических покушений хозяина. Наемный человек-слуга мог не давать на себя никаких крепостей и жить у хозяина сколько угодно, мог уходить от хозяина «с отказом и без отказа» и даже обвинение бывшим хозяином ушедшего наймита в краже закон рассматривает, как один из незаконных способов удержать за собой работника насильно, и с такими исками борется¹.

¹ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 143. С. Башпилов. Судебник, 1768, Указы дополнительные Судебнику. Татищев датирует его 11 октября, Башпилов — 20 октября, (стр. 9—10). Между двумя текстами очень небольшая разница, не меняющая смысла. Текст приведен здесь по Башпилову; он же под 11 октября напечатан в Указной книге ведомства казначеев (М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, 1908, стр. 4).

Необходимо напомнить, что почти одновременно Судебник 1550 г. слугу, оформившего свое положение через служилую кабалу, называет серебряником и, запрещая писать в кабале сумму сверх 15 рублей, имеет в виду отчасти и ту же самую цель, что и закон 1555 г., т. е. защищает кабального человека от закрепостительных тенденций хозяина.

Такая солидарность двух почти одновременных законов совершенно понятна. Основная мысль закона ясна и вполне соответствует духу времени. Ведь частновладельческий крестьянин в это время тоже имел вольный выход. Поэтому трудно согласиться с мнением некоторых ученых, которые видят в законе 1555 г. свидетельство отрицательного отношения власти к добровольной службе.

М. А. Дьяконов понимает этот закон в том смысле, что правительство «отказалось ограждать интересы господ от возможных посягательств добровольных слуг». Конечно, верно, что правительство отказалось ограждать интересы крепостников в этом вопросе, но какие «посягательства добровольных слуг» видит здесь М. А. Дьяконов совсем не ясно, так как закон имеет в виду только свободный уход слуги от своего хозяина. Ни о каких других «посягательствах» тут нет ни речи, ни скрытой мысли².

М. Ф. Владимирский-Буданов видит в этом указе «отказ закона от поддержки добровольного холопства исковым правом». Тем не менее добровольная служба продолжалась: для господ она была удобна, так как хозяину не приходилось платить пошлин при заключении крепости, а для «холопов» она была удобна тем, что «бегство их может остаться безнаказанным».

У Владимирского-Буданова здесь очень много произвольных допущений: во-первых, указ ни о каких «холопах» не говорит, а говорит о свободных слугах, которые «служат добровольно без крепостей»; во-вторых, о бегстве тут тоже нет и намека: речь идет о совершенно законном уходе от хозяина. Сам Владимирский-Буданов вынужден признать, что «о бегстве, т. е. о произвольном оставлении господина без отпускнуой, акты ничего не говорят»³.

В. О. Ключевский трактует этот закон просто, ясно и, как мне кажется, совершенно правильно: «По закону 1555 года, — пишет он, — добровольный слуга, сколько бы ни служил, мог уйти, когда хотел; и хозяин не имел даже права искать на нем сноса»⁴. Тут и мысль автора, и его терминология не вызывают никаких возражений, так как они строго соответствуют документу.

² М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 397.

³ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 672—673.

⁴ В. О. Ключевский. Происхожд. крепостного права в России, Опыты и исследования, сб. 1, стр. 209.

А. И. Яковлев понимает указ 11 октября 1555 г. как отказ власти «в иске на снос людям, державшим *холопов* без кабал»⁵, между тем как документ говорит не о холопах, а о людях добровольных, или, как их называет указ 25 апреля 1597 г., «вольных людях», людях, противопологаемых холопам.

Приходится еще раз напомнить совершенно справедливое замечание Н. П. Павлова-Сильванского о необходимости в истории кабальных людей (как и добровольных. — Б. Г.) строго различать два периода: первоначальный, когда они холопами не были, и позднейший, когда они стали холопами. Весь вопрос в том, почему и когда эта метаморфоза произошла.

В указе от 25 апреля 1597 г. есть ссылка на закон 1586 г., до нас не дошедший⁶, однако давно уже отмеченный в нашей науке. О нем наши специалисты высказывались не раз.

К. А. Неволин в 1851 г. высказал мысль, что указ 1597 г., «состоящий в связи с другими законами, тогда же изданными» (разумеется время после Судебника. — Б. Г.), запретил кабальному человеку уплачивать свой долг и выйти из «холопства»⁷.

В. И. Сергеевич писал: «С 1586 г. возник... новый вид служилых кабал, которые стали называться «докладными», потому что писались с доклада Холопью суду. Есть основание думать, что тогда же произведено было и важное изменение в юридическом положении «докладных» кабальных людей: они были объявлены крепкими своим кредиторам до их (кредиторов) смерти и лишены... права прекращать свое зависимое состояние уплатой долга, на что кабальные по старым кабалам имели еще право»⁸.

М. А. Дьяконов был такого же мнения: «По указам 1586 и 1597 гг. кабальное холопство получило характер личной крепости закабаленных до смерть их господина»⁹.

Такого же мнения и А. Н. Филиппов: «По указам 1586 и 1597 гг., — пишет он, — кабальное холопство превращается

⁵ А. И. Яковлев. Холопство и холопы, 1943, стр. 49.

⁶ «А которые люди, до государева ц. и в. к. Федора Ивановича всея Руси уложенья, в прошлых годах, до лета 7094 июня до 1 числа, били челом в службу... и кабалы служилые на себя давали, а в книги тогда, в приказе Холопья суда, те служилые кабалы не писаны; и которые люди с государева... уложенья, лета 7094 году июня с 1 числа били челом в службу... и кабалы служилые на себя давали... и в записных... кабальных книгах... те служилые кабалы записаны до нынешнего государева нового уложенья... и тем всем людем, и женам и детям, которые жены и дети в тех служилых кабалах писаны... быти в холопстве...» (М. Ф. В л а д и м и р с к и й-Б у д а н о в. Христоматия, вып. III, стр. 78).

⁷ К. А. Неволин. История рос. гражд. законов, т. III, стр. 200.

⁸ В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 157—158.

⁹ М. А. Дьяконов. Очерки по истории обществ. и госуд. строя. стр. 398.

из временного (до уплаты долга) в пожизненное в том смысле, что оно длится по жизнь кредитора и прекращается лишь с его смертью¹⁰.

Очень близкое к этим выводам заключение делает и Н. Н. Дебольский¹¹.

М. Ф. Владимирский-Буданов с этим не согласен. Он считает, что только закон 1597 г. дает освобождение кабальным людям после смерти их господ, а закон 1586 г. этого вопроса не касался: иначе указ 1597 г. был бы ненужным повторением закона 1586 г. Указ 1586 г. «установил только доклад кабал у установленных для того властей»¹².

А. И. Яковлев подошел к разрешению загадки совсем с другой стороны. Исходя из общей тенденции указа от 25 апреля 1597 г. воспретить ликвидацию зависимости по служилой кабале путем уплаты долга, А. И. Яковлев полагает, «что в исчезнувших указах (1586 и 1593 гг., на которые ссылается указ 25 апреля 1597 г. — Б. Г.) содержалось именно *разрешение* (курсив автора. — Б. Г.) ликвидировать зависимость по кабале»¹³. Но зачем же «разрешать» то, что было уже давно разрешено и давно практиковалось? Закон 1586 г., я думаю, должен был говорить о другом.

Разногласия в научной литературе вполне понятны: указ 1586 г. до нас не дошел, о нем приходится высказывать только догадки.

И мне не остается ничего иного, как вступить в эту область предположений.

Считаю необходимым учесть обстановку, в которой составлялся закон 1586 г. Мы знаем, что 80-е годы XVI в. в жизни Русского государства проходят под знаком борьбы с хозяйственной разрухой, усиленного внимания со стороны государства к служилым людям — помещикам. Мы знаем, что государственная власть в это время энергично отстаивала интересы именно помещиков и делала все то, что было полезно для восстановления их разрушенных хозяйств.

В этих целях церковь должна была временно пойти на уступки и отказаться впредь до восстановления хозяйства страны от некоторых своих привилегий. В этих же целях был отменен пока на время Юрьев день и введены «заповедные годы», т. е. приняты меры к обеспечению помещиков рабочими руками. Было бы в высшей степени странно, если бы правительство в этот ответственный момент делало одной рукой то, что отме-

¹⁰ А. Н. Филиппов. Учебник истории русск. права, 1914, стр. 490.

¹¹ Н. Н. Дебольский. Гражд. дееспособность, стр. 77—79.

¹² М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 670.

¹³ А. И. Яковлев. Холопство и холопы, стр. 50.

няло другой. Трудно допустить, чтобы одна разновидность рабочих рук закреплялась за помещиком, а другая получала разрешение на свободу или точнее оставалась свободной по-прежнему. Ведь вопрос о рабочих руках решался в сторону усиления их зависимости от своих хозяев-господ.

Поэтому совершенно естественно думать, что если в 1586 г. понадобился новый закон о кабальных людях деревенских и городских, то он не мог расходиться с тем курсом, который был взят правительством. Это раз.

Во-вторых, закон 1586 г. разрешал какую-то немаловажную проблему, так как апрельский указ 1597 г. считается с «удожением» 1586 г. как с законом, полагающим какую-то серьезную грань в жизни кабальных людей. Едва ли тут речь шла только о внесении кабал в соответствующие вновь введенные книги, так как какая-то (нам точно неизвестная) регистрация кабал велась и раньше.

Отсюда, мне кажется, вытекает, что гораздо более правы именно те исследователи (В. И. Сергеевич, М. А. Дьяконов, К. А. Неводин), которые видят в законе 1586 г. меру, лишаящую кабальных людей их прежних прав в угоду землевладельцам, чем те, кто либо не придают указам 1586 и 1597 гг. никакого изменяющего положение кабальных людей значения (В. И. Веретенников)¹⁴, либо недооценивают его значения (М. Ф. Владимирский-Буданов), либо приписывают ему тенденцию, идущую вразрез с политическим курсом власти (А. И. Яковлев).

80-е годы XVI в. и для крестьян, и для кабальных людей, и для добровольных слуг были одинаково роковыми. Именно в эти годы землевладельцы всех категорий добились расширения своей власти над всеми видами работавшего на них населения.

4. 1597 год

Совершенно не случайно в апреле и ноябре одного и того же года вышло два указа, один о кабальных людях, другой о крестьянах. Имея свою специфику, каждый из них в сущности разрешал осложнившийся вопрос о рабочих руках, необходимых землевладельцам всех категорий.

От момента, максимально тяжелого для всей Руси, прошло 17 лет. Земля заметно «поустроилась», хотя и не достигла уровня 50-х годов. Помещики умело использовали закон о заповедных летах и успели достаточно привыкнуть к нему.

---

¹⁴ В. И. Веретенников. К истории кабального холопства, ЛЗАК, вып. 34, стр. 169—170.

Имея уверенность в том, что крестьянин от них не уйдет, они продолжали усиливать эксплуатацию своих крестьян и холопов, не опасаясь, что ближайший Юрьев день принесет им хлопоты и неприятности. Отношения между землевладельцем и крестьянином изменялись в худшую для крестьянина сторону. Если в середине XVI в., например, новгородский архиепископ в жалованных грамотах своим помещикам писал, обращаясь к крестьянам: «и вы бы, крестьяне... давали есте ему (помещику) дань, хлеб и деньги и все пошлины по старине, а он вас судит и ведает во всем»¹, то в 80-х годах появляются в этом же тексте грамот характерные изменения: «и вы бы, крестьяне и бобыли... своего помещика чтили и слушали во всем и пашиню на него пахали и оброк ему всякой платили, чем он изоброчит, а он вас ведает и судит»² (курсив везде мой. — Б. Г.).

Совершенно то же мы видим и в жалованных грамотах государевым помещикам. Крестьянам государевых помещиков вменялось в обязанность своего помещика «слушать, пашиню его пахать, где себе учинит, и оброк платить, чем их (крестьян. — Б. Г.) он изоброчит» (курсив мой. — Б. Г.).

И. И. Полосин по этому поводу замечает, что с 70-х годов «поместные грамоты... принимают иную и совершенно ясно сформулированную редакцию». Эту новость автор совершенно правильно объясняет новым усиленным нажимом на крестьян³.

Эти изменения в формуляре жалованных поместных грамот отражают, конечно, перемены, происшедшие в это время в хозяйстве как вотчинника, так и помещика, и новые возможности землевладельцев по собственному усмотрению эксплуатировать крестьянский труд.

С. Б. Веселовский в предисловии к «Арзамасским поместным актам» отмечает еще некоторые новости: 1) в писцовых книгах второй половины XVI в. отсутствуют перечни крестьянских повинностей в пользу своих господ; 2) служилый человек все больше и больше «осваивает поместье», появляются внутренне противоречивые выражения «родовое поместье», «отца и деда выслуга», которые столетием раньше показались бы и приказным, и помещикам нелепостью⁴.

¹ Б. Д. Греков. Монастырское хозяйство, Л., 1924, стр. 148, грамота 1559 г.

² Архив Института истории АН СССР. Актовые книги Новг. Соф. Дома № 63, л. 77, об.; Б. Д. Греков. Хозяйство новгородских помещиков в XVI—XVII вв. Уч. зап. Инст. истории РАНИОН, т. VI.

³ И. И. Полосин. Поместное право и крестьянская крепость. Уч. зап. Инст. истории РАНИОН, т. IV, стр. 29—34.

⁴ С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты, стр. XV.

В писцовых книгах второй половины XVI в. помещичья пашня уже отчетливо отмечается⁵. В писцовых книгах Новгородского Софийского Дома наблюдается то же явление⁶. Крестьяне обязуются на софийских помещиков «всякое дворовое дело делать и пашню пахать». В Софийской писцовой книге 1592 года можно наблюдать энергичную деятельность софийских помещиков по собиранию в свои поместья рабочей силы, запахиванию пустошей, заведению починков. Их собственная запашка растет. Некоторые из помещиков даже устраивают свои усадьбы на пустошах, в полной уверенности, что пустошь эту они сумеют оживить, конечно, путем приглашения сюда новых жильцов-крестьян, бобылей или деревенских кабалных людей.

То, что мы видим у софийских помещиков, оказывается характерным и для помещиков государевых.

В главах I и II четвертой части книги были рассмотрены те серьезные изменения в жизни вотчины и поместья, которые вызывались переменами в положении сельского хозяйства в очень значительной части Европы: рост внутреннего рынка, роль хлеба на внутреннем и внешнем рынках, усиление интереса землевладельцев к земле, расширение собственной запашки, обострение вопроса о рабочих руках, особенно в связи с хозяйственным потрясением 70—80-х годов XVI в.

Все это, вместе взятое, прекрасно объясняет нам новые стремления землевладельца.

Но нельзя упрощать вопрос, нельзя представлять себе дело так, что все землевладельцы жили одной жизнью, руководствовались одними стремлениями, имели одну программу. Землевладельцы были разные, и то, что было выгодно одним, могло быть невыгодным и даже опасным для других. В таких случаях делается неизбежным их столкновение, принимающее форму политической борьбы.

Так и было на самом деле. Не случайно Иван Пересветов называл крупных собственников-бояр «ленивыми богатынями», которые, забываясь только о себе, «о кормлении и о городах и о наместничестве, яко гладные псы, хытяся на кровь и на слезы рода христианского», «измытарили» все царство и довели «воинников» (служилых людей) до оскудения и обнищания. По мнению Пересветова, «все царство заложилось за вельмож», и это есть причина той «особной брани», которая «в царстве учинилась». Мудрый царь Константин (псевдоним, которым пользуется Пересветов в своих рассуждениях) поступил справедливо и разумно, когда стал на сторону своих «воинников» и особой заботой о них «возвеселил вся войска

⁵ ЦГАДА. Книга по Олонцу, № 1, лл. 84 и др.

⁶ Актовая книга Новг. Соф. Дома, № 37, лл. 99 и др.

«своя»⁷. Резкость, с какой Пересветов противопоставляет знать войнству, вполне понятна. В среде землевладельцев совершенно четко обрисовались два враждебные друг другу слоя. Помещик-воинник, выдвинутый жизнью в противовес старому боярству, стал оплотом растущего самодержавия. В этой среде зародилось и росло убеждение, выраженное в писаниях Грозного, что русские самодержцы «изначала владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи», идеологом которых явился кн. Андрей Курбский, запоздавший со своей проповедью, но несомненно имевший горячих сторонников в среде старой знати.

Не следует забывать, что эта знать, несмотря на большой удар, нанесенный ей Грозным, еще представляла значительную силу, вынужденную к отступлению, но не потерявшую надежд на восстановление своего значения.

Эта знать пользуется всяким удобным случаем, чтобы замять о себе.

Вот почему положение правительств Федора Ивановича и Годунова было очень не легким. Веда главную политическую линию в интересах служилой прослойки землевладельцев, иначе говоря, основного ядра армии, вынужденная, впрочем, иногда сходить с этого пути, власть неизбежно сталкивалась с необходимостью учитывать отношение этого слоя землевладельцев к старой знати и к магнатам церкви. Не могло правительство не считаться и с усилившимся протестом крестьян против усиления барщины, против растущего произвола землевладельцев, слишком энергично пользовавшихся правом заповедных годов. Протест выражался в форме крестьянских волнений и в форме нарушения закона о заповедных годах.

Крестьянские выступления никем не регистрировались. Только случайно дошли до нас некоторые факты. Так, например, старец — казначей Волоколамского монастыря — под 1594 г. занес в приходную книгу поступление штрафов, наложенных на крестьян, обнаруживших неповиновение монастырским властям. Старец тут же и объяснил, в чем собственно дело. Оказывается, что «крестьяне монастырские не почели слушати приказщиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити и солодов ростити и даней монастырских давати». Представители центральной власти «велели крестьяном всякие монастырские дела делати. И крестьян за то велели смиряти,

---

⁷ В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов — публицист XVI века. Чт. ОИДР, 1908, кн. 1.

что оне не слушают, и пени на них имати». Крестьяне не уни-
мались и «почели пущее не слушати и приказчиков и ключ-
ников учели бити и дел монастырских не почели делати и об-
рочных денег не учели давати и вина почели держати и леса
монастырские заповедные почели сечи. И старец Мисайла Без-
нин про то велел крестьян острастити и смирити. И которые
крестьяне прожиточные сами воровали и научали всех воро-
вать, и старец Мисайла велел на тех пени имати. И от того
крестьяне унесли воровати и почели во всем слушати»⁸.

Как видно, события в монастыре разыгрались довольно
серьезные.

Что это не единичный случай, а явление для данного вре-
мени весьма распространенное, видно из нескольких заме-
чаний обобщающего характера, разбросанных в различных
источниках.

Борис Годунов в 1601 г. мотивирует указ о выходных го-
дах тем, что крестьянство страдает «от налог и продаж». А в докладе поместной избы 1607 г., где дается историческая
справка, сказано прямо, что царь Борис Федорович, «*видя в
народе волнение велие... переход крестьянам дал*»⁹ (курсив
мой. — Б. Г.). Докладчик тут же сообщил и то, что всем тог-
да хорошо было известно: «распри и насилия и многим разо-
рения и убийства смертные и многие разбои и по пути граб-
ления содеяшася и содеваются»¹⁰.

Усиленное бегство крестьян было второй весьма рас-
пространенной формой крестьянского протеста. Чем тяже-
лее становилась зависимость крестьян, тем чаще крестьянин
прибегал к бегству как средству улучшить свои условия
жизни.

Чаще всего беглых принимали к себе наиболее богатые и
предприимчивые землевладельцы, достаточно сильные, что-
бы не считаться с законом, и имевшие достаточно средств,
чтобы замести следы своих правонарушений; они не только
принимали беглых, но и переманивали к себе крестьян, не стес-
няясь запрещением, а переманив, принимали меры явные и
тайные к удержанию за собой незаконно принятых или же
ими сманенных. Чем богаче и могущественнее был землевла-
делец, тем труднее было его контролировать, тем менее он был
уязвим. Если от богатого землевладельца даже бежали
крестьяне, он имел все средства к их разысканию; для этого у

---

⁸ Б. Д. Греков. Главнейшие этапы в истории крепостного права
в России, М.—Л., 1940, стр. 96—97.

⁹ Память царя Бориса Годунова окольниковому В. П. Морозову 28 ноя-
бря 1601 г. ААЭ, т. II, № 20.

¹⁰ Уложение о крестьянах и холопах Василия Шуйского (В. Н. Та-
т и щ е в. Судебник, ст. 241).

него имелся аппарат. Троицкий монастырь, например, мог поставить у себя эту часть образцово. Монастырские власти успешно и умело следили за каждым бежавшим от них крестьянином. Они были прекрасно осведомлены не только о том, когда именно, куда и откуда сбежал их крестьянин, но и могли следить за его биографией после бегства. Им известно было, например, что беглую из приселка Тумы монастырскую крестьянку, вдову Зиновия Первушина, новый ее хозяин, «хотя тою Троицкою крестьянкою завладеть, дал [замуж] за прихожего человека за Ивашка Сергеева, прозвище Девулютова, четвертой год» известно было, что монастырский крестьянин Тимофей Чюпыш из приселка Кольчева, «своровав, збежал, покиня жену свою Ульянку, да женился на иной жене у сына боярского у Демида Петраковского, а из-за того Демида ныне живет за Григорьем... А выбежал из-за Троицкого монастыря 9 годов»¹¹.

Для мелкого или среднего землевладельца борьба с крестьянскими побегам была затруднительна по многим причинам: служилый человек часто отсутствовал из своего поместья по служебным обязанностям, он не имел средств организовать охрану зависимых от него людей вследствие своей малой материальной обеспеченности, наконец, по той же причине он ничем не мог содействовать властям в поисках бежавшего крестьянина. Он часто не успевал даже во-время подать челобитье властям о своем беглом, так как, будучи в походах, просто не знал, в каком положении находится его хозяйство, а когда возвращался домой, то нередко заставал тут картину настолько безнадежную, что трудно было найти выход из положения.

Надо иметь в виду, что и аппарат государственной власти был далеко не достаточен, чтобы поспевать с рассмотрением бесчисленных челобитных, которые сыпались с разных сторон от служилого люда.

В такой обстановке появился известный указ от 24 ноября 1597 г. Этим указом устанавливалась пятилетняя давность исков на беглых крестьян. Землевладельцы, у которых бежали крестьяне за 5 лет до 1597 г. и которые успели в этот срок подать челобитье о сыске своих беглых, имели право рассчитывать на содействие государственной власти в розыске и возвращении их беглых. Таким землевладельцам, — говорит указ, — «давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил». А относительно крестьян, бежавших за

---

¹¹ Памятники хоз. и соц. истории Московского государства, под ред. А. И. Яковлева и С. Б. Веселовского, т. II (рукопись).

5, 7, 10 и больше лет до 1597 г. и относительно которых в течение этого срока от их господ не было челобитья, «суда не давати и назад их, где кто жил, не возити».

Закон о заповедных годах породил усиленное бегство крестьян, а это последнее вызвало закон 1597 г.

В русской историографии этот закон подвергался сживленному толкованию с различных сторон: интересовало прежде всего, конечно, его по-разному понимаемое содержание; было важно также выяснить, чем вызван этот закон, и каковы его следствия. Интересовал он исследователей и с точки зрения возможности осветить, хотя бы косвенно, тогда еще темный вопрос об отмене Юрьева дня и установлении крепостного режима.

Не удивительно, что закон этот привлек к себе столь много внимания: он действительно интересен, как один из немаловажных законов в истории крестьянства; во-вторых, он долго был единственным документом, позволявшим делать выводы о положении крестьян в конце XVI в.

Больше всего ученые задумывались над вопросом о том, почему установлен был именно пятилетний срок исков, что послужило основанием для пятилетней давности. Не трудно было, отсчитав пять лет назад, остановиться на 1592 г. как годе, могущем, как казалось многим исследователям, ответить на интригующий вопрос, не произошла ли в этом году отмена Юрьева дня.

Обзор литературных мнений по этому предмету сделан в главе «Юрьев день и заповедные годы». Наметились два главных направления: одно — признающее участие государства в деле усиления крестьянской зависимости и тем самым наличие указа об отмене Юрьева дня, другое — не видящее в указе 1597 г. никаких намеков на законодательную отмену права крестьянских выходов.

М. М. Сперанский высказал особое мнение о том, что указ 1597 г. имел в виду лишь упорядочение судебного разбирательства дел о беглых крестьянах, запутавшегося вследствие усиления крестьянских побегов. «Истинный смысл сего указа, — писал М. М. Сперанский, — состоял в том, чтоб возвратить беглых, т. е. тех, кои оставили прежнее их жительство или не в положенный срок или не разделавшись с владельцами земли установленным в Судебнике порядком... Легко себе представить, сколь они (иски) были многочисленны и сколь разбор их был многосложен и затруднителен. Дабы положить предел сим беспорядкам и уменьшить количество дел сего рода, указ 1597 г. отсек и прекратил все иски, возникшие за 5 лет перед тем, и дал ход тем только из них, кои были не старше сего срока. К постановлению сего срока принято было то

основание, что в 1593 г. учреждены были переписные книги»¹².

М. М. Сперанский прав только отчасти. Действительно, накопилось очень много неразобранных дел о беглых, действительно, судебные учреждения оказались в затруднительном положении, действительно, закон поставил границы судебной практике по этим делам, быть может, даже руководствуясь тем, что в 1592—1593 гг. была произведена перепись. Но законодатель не мог ограничиться учетом одних затруднений в судебных учреждениях, не мог закрыть глаза на состояние самого общества, на перемены, происшедшие в экономической жизни всей страны, на требование помещиков, предьявлявшееся государству. Вот этой стороны дела и «не заметил» М. М. Сперанский.

Наконец, закон не «отсек все иски, возникшие за 5 лет перед тем», так как он прямо говорит об исках, уже возникших независимо от срока их возбуждения, которые должны быть рассмотрены. Закон имел в виду не только установить границы судебной практики, а и ввел 5-летнюю давность исков на беглых крестьян на будущее время.

В этом, по крайней мере, нисколько не сомневался ни И. Д. Беляев¹³, ни М. Ф. Владимирский-Буданов. Последний писал об этом очень определенно: «в 1597 г. ...издан *общий закон о давности исков о крестьянах*; давность установлена 5-летняя»¹⁴. Так же понимали назначение этого указа и М. А. Дьяконов¹⁵, и В. И. Сергеевич¹⁶, и А. С. Лапшо-Данилевский¹⁷, и С. Ф. Платонов¹⁸.

Но совсем иначе отнесся к этому указу В. О. Ключевский. По его мнению, закон только упорядочивает сроки разбора дел о беглых крестьянах, имеет в виду прошлое, но не будущее. «Закон 1597 г. не устанавливает пятилетней давности для исков о беглых. То, что установил закон, можно назвать давностью, но только временной и обратной: она простиралась лишь назад, не устанавливая постоянного срока на будущее время»¹⁹.

¹² М. М. Сперанский. Историч. обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян. Архив истор. и практ. сведений Н. Калачева, кн. 2, стр. 35.

¹³ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 100.

¹⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 148 (курсив автора).

¹⁵ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 358.

¹⁶ В. И. Сергеевич. Рус. юрид. древн., т. I, стр. 254.

¹⁷ А. С. Лапшо-Данилевский. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России, сб. «Крестьянский строй», т. I, стр. 63.

¹⁸ С. Ф. Платонов. Борис Годунов, стр. 77.

¹⁹ В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России. Опыты и исследования, сб. 1, стр. 225.

Согласиться с этим пониманием закона невозможно и по соображениям теоретическим, и потому, что мы имеем несколько документальных свидетельств, подтверждающих установление 5-летней давности исков. Так, боярский приговор от 1 февраля 1606 г. говорит ясно: «А на беглых крестьян *по старому приговору* дале 5-ти лет суда не давати»²⁰. Бежавших от помещика мурзы Шейдякова крестьян («от литовского разорения и от воровской войны разбрелись») в 1614 г. царской грамотой велено было разыскивать, «сколь давно они... вышли и много ль за тем живут, за кого вышли: *больши ль 5-ти лет или меньше*». В первом случае крестьяне остаются на своих новых местах, во втором — велено отдавать их мурзе, «сыскаивая допряма накрепко»²¹. В 1637 г. дети боярские в своем челобитье просят царя отменить «урочные годы — пять лет»²².

Не может быть ни малейшего сомнения ни в установлении пятилетней давности, ни в ее большой роли в отношениях между землевладельцами и крестьянами и различными прослойками землевладельцев между собой.

Нельзя забывать и другую сторону дела, на которую обратил внимание С. Б. Веселовский: беглый крестьянин, пробывший некоторое время на новом месте, успевал обзавестись новым хозяйством и становился годным для внесения в качестве тягльца в писцовую книгу. Государственный интерес и заключался в том, чтобы зарегистрировать тягльца на новом месте, а не отрывать его от налаженного хозяйства для возвращения на старый, уже запустевший его участок. С. Б. Веселовский, на мой взгляд, даже слишком резко подчеркивает свою правильную мысль. «Этими обстоятельствами и были вызваны указы об урочных летах для предъявления исков, начиная с первого указа 1597 года»²³. Государственная власть руководствовалась в данном вопросе не только этими соображениями, но не могла, конечно, игнорировать и их.

Итак, указ 1597 г. установил пятилетнюю давность исков на беглых крестьян, хотя сформулировал это положение недостаточно четко.

Закон явно компромиссного характера. Государственная власть признала себя бессильной справиться с наплывом челобитных о беглых, т. е. с усилившимся бегством крестьян, и подобно тому, как было при Грозном в 1550 г., когда он боярам «заповедал со всеми хрестьяны царствия своего *в през-*

²⁰ ААЭ, т. II, № 40.

²¹ ЦГАДА. Татарские дела, кор. 1, стб. 1—2.

²² П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 38, 39.

²³ С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 147.

них во всяких делах помириться на срок», и бояре и все приказные люди и кормленщики со всеми землями «помирились во всех делах», т. е. аннулировали начатые дела, так и сейчас сын Грозного решил призвать status quo, узаконить содеянные в свое время беззакония с тем, чтобы не разрушать уже налаженных на новых местах крестьянских хозяйств и тем самым поддержать потенциальных плательщиков податей и облегчить деятельность власти в будущем. Механически сброшен был груз, мешавший власти выполнять стоявшую перед нею задачу борьбы с протестующим против закрепощения крестьянством.

Как всякий компромисс, закон этот полностью не удовлетворял никого. Но все же можно сказать, что указ 1597 г. был выгоден тем, кто до сих пор находился под страхом суда, т. е. тем, кто незаконно переманил или принял к себе чужого крестьянина и прятал его от агентуры власти. А так как крестьян чаще всего сманивали люди богатые, о чем у нас имеются свидетельства, так как богатые землевладельцы имели к тому же и возможность укрывать у себя беглых, то, естественно, закон этот оказался выгодным именно богатым, знатым и сильным в ущерб служилой мелкоте. Последняя и не скрывала своего недовольства властью, пошедшей на компромисс в столь важном для служилого человека вопросе.

В одном, однако, пункте закон действовал без колебаний и компромиссов. Он твердо стоял на том, что крестьянин не должен покидать своего землевладельца. Ни разу закон не вспоминает Судебника с его Юрьевым днем и систематически говорит лишь о беглых, которых по суду и сыску надлежит возить назад, где кто жил «с женами и с детьми и со всеми животы». Крестьянин оставался в прежнем тяжелом положении, попрежнему рассматривался лишь как объект, из-за которого шла борьба. Не удивительно, что в крестьянской среде нарастало чувство все более усиливавшегося протеста, проявлявшееся в самых разнообразных формах.

Указ о беглых крестьянах и пятилетней давности исков на них вышел глубокой осенью (24 ноября). А за несколько месяцев перед ним (25 апреля) появился другой указ, сыгравший крупную роль в истории кабальных людей и слуг добровольных.

Еще раз мы можем убедиться в том, что крестьянский вопрос разрешался параллельно с холопским, что оба эти вопроса являлись лишь двумя сторонами одной стоявшей перед государственной властью задачи: укрепить за привилегированными классами право на принудительную рабочую силу.

Указ 25 апреля 1597 г. стоит в тесной связи с указом 1586 г.

Несколько выше мы имели возможность видеть состояние в научной литературе вопроса об указе 1 июня 1586 г. Вполне понятно, что, поскольку закон этот до нас не дошел, о нем не может быть вполне точного, исчерпывающего суждения.

В ином состоянии находится изучение закона 25 апреля 1597 г. Указ в наших руках. Суть его достаточно ясна, и расхождений в трактовке по крайней мере основной его мысли нет. Указ утверждает новое положение кабальных людей и добровольных слуг. Его главные положения сводятся к следующим пунктам:

1. Кабальные люди именуются здесь холопами.

2. Кабальные люди лишаются права ухода от своих господ через выплату своего долга («денег по служилым кабалам у холопей не имати»).

3. Кабальные холопы обязуются жить у своих господ до смерти этих последних.

4. После смерти господ кабальные холопы уходят на волю безденежно.

5. Кабальные холопы после смерти их господ уходят с женами и детьми²⁴.

Устанавливаемая таким образом зависимость кабального холопа есть зависимость временная и сильно отличается от рабства не только своей временностью, но и тем, что господин кабального холопа не имеет права распоряжаться его личностью. Господин не может его ни продать, ни подарить, ни завещать. Власть над кабальным человеком не переходит к наследникам господина²⁵.

Тут явно проводится тенденция укрепить кабального человека за его хозяином, но не превращать его в полного холопа — раба. Если это так (а закон говорит об этом достаточно ясно), тогда возникает вопрос о том, как надо понимать то место указа, где говорится о кабальных людях, которые «учнут на себя полные и докладные давати». Закон требует «тех кабальных людей отсылати с памятьми и с кабалами к постельничему и к наместнику Трети Московские к Истому Осиповичу Безобразову, и которые постельничие впредь будут».

Для чего? На этот вопрос специалисты отвечают по-разному.

²⁴ Указная книга Приказа Холопьяго суда (М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Христоматия, вып. III, стр. 75—81).

²⁵ Кабальный человек, таким образом, и после 1597 г. не стал рабом. Если мы его называем холопом, поскольку и указ его так именует, то под термином «холоп» разумеем совсем не то, что обозначает слово «раб», иначе полный холоп. Кабальный холоп только может стать полным холопом при известных условиях. Кабальный холоп по закону 1597 г.—это крепостной слуга. В таком смысле я и пользуюсь этим термином в дальнейшем изложении.

М. Ф. Владимирский-Буданов полагает, что «правительство принимало меры против перехода кабальных холопов в полные, для чего установлена была специальная форма укрепления их у постельничего; было воспрещено брать кабалу на отца и сына вместе, и также на брата с братом и дядю с племянником, чтобы таким образом фактически кабальное холопство не обращалось в вечное, полное»²⁶. В примечании к этому тексту указа тот же автор говорит несколько осторожнее: «Почему именно дела об *обращении кабальных холопов в вечных* (курсив автора) поручаются постельничим (а не Холопье-му Приказу), решить трудно; быть может, для ограждения прав кабальных холопов, которые подвергаются такому тяжкому риску вследствие их зависимости от господина, нашли нужным отдать их под покровительство самого доверенного и близкого к царю лица, каковы были постельничие. Здесь последнее прямое указание на право продавать себя в полное холопство; Уложение царя Алексея Михайловича знает уже только поступление в кабальное холопство»²⁷.

М. А. Дьяконов так же смотрит на этот вопрос. Указом 1597 г., говорит он, «под особый контроль поставлен переход из кабального холопства в полное»²⁸.

А. И. Яковлев понимает вышеприведенную фразу указа 1597 г. в смысле *разрешения* перевода кабальных холопов в полные и докладные, исходя из предположения, что указ 1597 г. разрешал то, что было запрещено предыдущими, недосшедшими до нас указами 1586 и 1593 гг., на которые ссылается указ 1597 г. Как мы видели, А. И. Яковлев считает, что указы 1586 и 1593 гг. *воспрещали* переводить кабальных холопов в полные и докладные²⁹ (см. стр. 313).

Но у нас нет никаких оснований предполагать, что указы 1586 и 1593 гг. запрещали переходы из кабального холопства в полное. Ведь это только предположение А. И. Яковлева, которое он, быть может, и сам не склонен был защищать во что бы то ни стало. Трудно подчеркивать и разрешение указом 1597 г. перехода из кабального состояния в полное холопство, потому что мы не имеем никаких данных о том, что этот переход до 1597 г. был запрещен. Тут тоже могут быть одни догадки.

Этим я отнюдь не собираюсь отказываться от научных предположений или осуждать их как один из приемов исследования: гипотезы в науке вообще и в частности в исторической науке

²⁶ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 411.

²⁷ М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, стр. 80, прим. 15.

²⁸ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 384.

²⁹ А. И. Яковлев. Холопство и холопы, стр. 50—51.

оправдали себя полностью. Мне думается только, что историко-научные гипотезы должны составляться не отвлеченно, путем хотя бы и совершенно безукоризненных логических построений, а непременно с учетом возможно широкого охвата реальной обстановки, в которой протекает процесс и рождаются те явления, которые за отсутствием точных данных могут освещаться только предположительно.

Для решения только что затронутых сложных вопросов, очень мало освещенных источниками, необходимо иметь в виду картину общественных отношений рассматриваемого времени. Необходимо учитывать и интересы различных прослоек землевладельцев, нуждавшихся в рабочих руках, и их борьбу за рабочие руки. Нельзя тут игнорировать и положения различных категорий сельского населения в момент, когда, строго говоря, решалась их общая судьба. Необходимо учитывать и социальную природу на данном этапе государственной власти и ее политический курс.

В самом деле, мог ли землевладелец, добывающийся укрепления за собой крестьян, оставаться равнодушным к вопросу о положении своих деревенских кабальных людей. Ведь переманивание кабальных такой же известный факт, как и переманивание крестьян. Если правительство в 80-х годах пошло навстречу помещикам в деле отмены Юрьева дня для крестьян, какие соображения могли остановить его в вопросе об установлении более прочной зависимости кабальных людей?

Ведь это же две стороны одной и той же важнейшей проблемы.

С. Б. Веселовский в своей рецензии на книгу А. И. Яковлева подошел к вопросу с иной стороны. «Нетрудно понять, — пишет он, — что право крестьянина продаться с пашни в холопы было несовместимо с заповедным указом, лишившим его права покинуть тягло. С небольшим опозданием это было замечено правительством и устранено указом 1586 г. об обязательной регистрации всех крепостей о «холопстве»³⁰.

М. А. Дьяконов ясно высказал свое понимание основной мысли законодателя, вмешавшегося в отношения между землевладельцем, которого он почему-то решил называть рабовладельцем, и кабальным человеком, хотя в то же время упорно отказывался признать такое же участие государства в решении крестьянского вопроса, предоставляя решение крестьянской участи пресловутой «задолженности». «Отмена (конечно, законодательная.— Б. Г.) права выкупа кабального, —

---

³⁰ С. Б. Веселовский. Критический разбор книги А. И. Яковлева. «Истор. журн.», 1944, № 10—11, стр. 119.

пишет М. А. Дьяконов, — состоялась в интересах рабовладельцев, не желавших допускать переманивания кабальных»³¹.

Думаю, что мы нисколько не ошибемся, если допустим, что, начиная с 80-х годов, идет одна линия законодательных мероприятий по отношению к крестьянам, кабальным людям и другим категориям зависимого сельского населения, один курс, взятый на обеспечение рабочими руками землевладельцев, который мы имеем все основания считать закрепительным.

Совершенно недвусмысленно и в том же направлении указ 25 апреля 1597 г. разрешил вопрос и относительно добровольных слуг.

«А о вольных людех приговорил государь со всеми бояры: которые люди на Москве и по городам служат у кого добровольно, и Михаилу Ивановичю и дьяку Пятому тех вольных людей велети ставити перед собою с теми людьми, кто у кого служит добровольно, да тех вольных людей рспрашивати, сколь давно кто у кого служит добровольно и кабалу на себя дает ли. И которые люди вольные прослужили у кого недель 5—6, а кабал на себя дати не похотят, и тех людей отпущати на волю. А кто скажет послужил у кого добровольно с полгода и больше, а кабалы на себя дати не похочет..., и на тех вольных холопей служилые кабалы давати... и того добровольного холопа однолично никому мимо того государя никак не приимати. А кто того добровольного холопа мимо *нынешнее новое* (курсив мой. — Б. Г.) государево цареве... уложение примет, и тех добровольных холопей, сыскав, отдавати совсем старым их государем, у кого кто служил добровольно, а в сносе давати суд и управа...»³².

Важно обратить внимание на то, что закон сам себя называет «новым» и что он не позабыл упомянуть о «сносе». Ведь это не что иное, как отмена закона 11 октября 1555 г., разрешавшего добровольную службу и отказывавшего истцу-хозяину в иске «о сносе», как замаскированном поводе закрепить за собой работника. За 40 лет многое переменилось на Руси.

В апрельском указе 1597 г. был пункт, касающийся и полного «старинного» холопства. Это распоряжение о выдаче новых крепостных актов на тех из холопов, на которых утерялись документы. В указе 1597 г. по этому предмету сказано: «и тем людям на тех своих крепостных и на всяких старинных людей... имати в *службе* (курсив мой. — Б. Г.) новые крепостн».

³¹ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 397.

³² АИ, т. I, № 221/II.

На термин «в службе» обратил внимание Н. Новомбергский, считая, что этот термин говорит о служилой кабале³³.

Е. Н. Кушева сделала в этом направлении несколько ценных наблюдений в кабальных книгах по Новгороду Великому. За 6 дней декабря 1597 г., по ее подсчетам, были записаны 38 служилых кабал на старинных людях с женами и детьми (всего 92 человека). «Можно представить себе, — пишет она, — какое огромное количество старинных холопов перешло на несравненно более легкое положение кабальных холопов в результате применения этого пункта указа 1597 года по всему Московскому государству»³⁴.

Несомненно, что служилая кабала во многих случаях торжествовала над полной грамотой. Об этом совершенно ясно говорят и наблюдения С. Н. Валка.

С. Н. Валк в своей интересной статье «Грамоты полные» на основании изучения истории акта («полная грамота») пришел к важному выводу о том, что существование полной грамоты длится до конца XVI в., после этой даты полные уже не встречаются³⁵. Полное холопство окончательно было вытеснено кабальным.

Итак, 1597 год внес в жизнь землевладельцев, крестьян, добровольных слуг, кабальных людей и полных холопов ряд серьезных перемен.

Крестьяне убедились, что временные заповедные годы продолжают существовать, и что об их отмене в общественных верхах никто серьезно не думает. Часть беглых или сманенных крестьян, именно те, кто бежал или был переманен за 5 лет до указа 1597 г., получили уверенность в своей неприкосновенности. Богатые землевладельцы несколько успокоились. Помещик средней руки был недоволен пятилетним сроком исков: при данной ситуации он предпочел бы, чтобы никаких сроков вообще не было, а крестьянин был бы ему крепок при любых обстоятельствах.

Если в жизнь крестьянина этот закон, строго говоря, мало вносил нового, осложняя лишь вопрос о возвращении беглых и отодвигая на неопределенное время осуществление крестьянских надежд на отмену заповедных годов, то «добровольные» слуги в основной своей массе и кабальные люди не могли не заметить значительного изменения в своем правовом положении. На них тоже был надет крепостной комут.

---

³³ Н. Новомбергский. Вымученные кабалы в Московской Руси XVII ст., ЖМЮ, 1915, № 15, стр. 303.

³⁴ Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — нач. XVII в., «Истор. записки», т. XV, стр. 89.

³⁵ С. Н. Валк. Грамоты полные. Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову, П., 1922, стр. 118.

Закон, введший пятилетнюю давность исков на беглых крестьян, не мог не вызвать во внутриклассовых отношениях между землевладельцами, с одной стороны, и землевладельцами и крестьянами, с другой, ряд явлений либо в обход закону, либо в виде поправок к нему.

В ст. 8 XI главы Уложения Алексея Михайловича мы имеем некоторые указания по этому предмету. «А у которых вотчинников и помещиков в прошлых годах о беглых крестьянех и о бобылях суд был, и с суда кому в таких беглых крестьянех до сего государева указу отказано прежним указом блаженные памяти великого государя ц. и в. кн. Михаила Федоровича всея Руси *указными летами* и велено тем беглым крестьяном и бобылям жить за теми людьми, за которыми они *указные лета зажили*, или у которых помещиков и у вотчинников о беглых крестьянех и бобылях в прошлых годах до сего государева указу была *полюбовная зделка* и по полюбовной зделке кто кому *своих крестьян поступилися* и записью укрепились или *челобитные мировые подали*, — и тем всем делам быть по тому, как те дела вершены до сего государева указу, а вновь тех дел не всчинать и не переговаривать» (курсив везде мой. — Б. Г.).

Уложение здесь узаконило практику предшествовавшего времени, практику, вызванную условиями, в которых землевладелец боролся за сохранение своих крестьянских и бобыльских рабочих рук.

А эти условия создавались: 1) тяжелым положением зависимого сельского населения, побуждавшим крестьян и бобылей к бегству; 2) введением исковых сроков на беглых; 3) частными мерами землевладельцев, либо недовольных судебным решением о беглых, либо не желавших по тем или иным причинам обращаться в суд.

В данной главе нас интересует именно это прошлое, с которым вынужден был серьезно считаться и Земский собор 1648—1649 гг.

Совершенно ясно, что, не будь усиленного бегства крестьян и чрезмерного увеличения исков по делам о беглых, не понадобилось бы вводить сроки для этих исков, а если бы не было сроков, то суду не пришлось бы отказывать истцам ссылкой на «указные лета», а если бы не было этих отказов, то землевладельцы не стремились бы обойтись без суда путем «полюбовных сделок». Это несомненно логически обоснованная цепь причин и следствий.

До нас дошли эти полюбовные сделки, начиная с 1597—1598 гг. И весьма вероятно, что раньше этого срока, по крайней мере подобных дошедшей, и не было. Имею в виду поступку 1597—1598 гг., напечатанную М. А. Дьяконовым.

В ней старец Коломенского Голутвинского монастыря Гурій, искавший на подьячем Пятом Григорьеве монастырских крестьян, заключил с ним, не ходя в суд, полюбовную сделку, «поступился по сыску», двумя монастырскими крестьянами с женами, детьми и их имуществом ³⁶. XVII в. знает поступные записи как явление весьма распространенное.

Поступную запись, на основании дошедших до нас актов этого рода, их исследователь называет «мировой». Акты самой своей терминологией говорят об этом: «не ходя в суд, договорились», «поговоря промеж себя, помирились», «не дожидаясь... на себя челобитья, учинил сделку — поступился»³⁷.

Для нас сейчас важно подчеркнуть, что заключают «мировую» между собой землевладельцы, что объектом их соглашения являются беглые крестьяне, что стороны не обращаются в суд, а проявляют частную инициативу.

Конечно, проявление частной инициативы и склонность к полюбовному разрешению исков о беглых могла проявляться и несомненно проявлялась и до введения 5-летней давности. Но также несомненно и то, что новый закон, стеснявший многих землевладельцев, должен был участить попытки обойтись без суда или же перерешить дело по-своему после суда.

Об этом и вспоминает статья 8 XI главы Уложения.

А практика поступных, где объектом являлся крестьянин, создавала прецеденты распоряжения личностью крестьянина. Так подготавливалась вакханалия торговли крестьянами без земли.

Уверенный в своей силе крупный землевладелец, имеющий средства и возможности использовать в своих выгодах новый закон о 5-летней давности исков на беглых крестьян, неизбежно становился предметом постоянных опасений и недовольства мелкого землевладельца-помещика, 5-летним сроком поставленного во всяком случае в невыгодное положение.

Важно здесь отметить, что и при заключении мировых соглашений о беглых богатый и знатный землевладелец имел преимущества. Среди лиц, которые «поступаются крестьянами» (не будет большого греха, если мы заменим это слово другим — «продают», так как при заключении подобных мировых сделок очень часто потерпевшая сторона получала за своих крестьян компенсацию, иногда денежную), — в большинстве случаев встречаются люди, занимающие крупное положение в обществе: стольники, дьяки, бояре; между тем как среди

---

³⁶ М. А. Дьяконов. Акты тяглового населения, вып. II, № 33; там же, № 50, 52, 63, вып. I, № 49.

³⁷ А. А. Шолов. Поступные записи. Сборник статей, посвященный А. С. Лаппо-Данилевскому, Пгр., 1916, стр. 304.

лиц, поступавшихся крестьянами (т. е. фактически продававших их), люди с видным социальным положением очень редки³⁸.

Зависимое крестьянство, кабальные люди и недавние вольные слуги, превращенные в пожизненных холопов, разногласий не имели. Их объединяло общее стремление освободиться от растущего гнета, развязать себе руки и, если не добыть себе свободу, то, по крайней мере, вернуть то положение, какое у них было в середине века, т. е. Юрьев день, а также право ликвидировать зависимость по служилой кабале.

Отсюда намечается и линия дальнейшего поведения различных слоев землевладельцев, с одной стороны, и сельского зависимого населения, с другой.

Ближайшее будущее показало, что классовая и внутриклассовая борьба развернулась в направлении, намеченном именно этими предпосылками. Помещик ждал первой возможности, чтобы выступить против живучей и притязательной землевладельческой знати, крестьянин и холоп — против крепостнического гнета, от кого бы он ни исходил.

Наличие противоречий в среде землевладельцев было отмечено и В. Н. Татищевым, и Н. М. Карамзиным.

Татищев об этом предмете рассуждал совершенно ясно. Он видел наличие противоречий между различными группами землевладельцев. Объясняя указ Бориса Годунова 1601 г. о выходных годах, Татищев сделал такое примечание: «Сей закон о вольности по прежнему крестьян он учинил против своего рассуждения и первого о неволе их узаконения, надеясь тем ласканием более духовным и вельможам угодить и себя на престоле утвердить, а роптание и многие тяжбы пресечь; но вскоре услыша большее о сем негодование и ропот, что духовные и вельможи, имеющие множество пустых земель, от малоземельных дворян крестьян к себе перезвали, принужден паки вскоре переменить, и не токмо крестьян, но и холопей невольными сделал, из чего великая беда приключилась, и большею частию чрез то престол с жизнью всея своей фамилии потерял, а государство великое разорение претерпело, как о том монах Иосиф описал»³⁹.

В этом примечании непонятно, какой указ имел в виду его автор, когда писал, что Борис Годунов принужден был указы 1601—1603 гг. «паки вскоре переменить и не токмо крестьян, но и холопей невольными сделал», но совершенно четко автор выявил свое понимание связи дальнейших событий «Смуты» с законами о крестьянах и холопах.

³⁸ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 223—224.

³⁹ Там же, стр. 279.

Карамзин несколько отстывает от татищевской оценки этих мероприятий, но и он не чужд представлению, как бы мы сказали сейчас, о внутриклассовых и классовых противоречиях, обнаружившихся в связи с новыми законами о крестьянах, кабальных людях и «добровольных» слугах. Карамзин различает отношение двух слоев землевладельческого класса к вопросу об отмене Юрьева дня и к изменению в положении кабальных и «добровольных» людей: против первой реформы знать резко возражала, второй — была очень довольна, зато первая, по его мнению, была близка интересам средней руки помещиков.

Говоря об отмене Юрьева дня, что Карамзин относил к 1592 г., он задавал вопрос, «что ж было следствием», и отвечал так: «негодование знатной (т. е. большей. — *Б. Г.*) части народа и многих владельцев богатых; ...богатые владельцы, имея не мало земель пустых, лишались выгоды населять оные хлебопашцами вольными, коих они сманивали от других вотчинников или помещиков. Тем усерднее могли благодарить Годунова владельцы менее избыточные, ибо уже не страшились запустения ни деревень, ни полей своих от жителей и работников». И далее: «...законодатель, предвидев, вероятно, удовольствие одних и неудовольствие других, не предвидел однако ж всех важных следствий сего нового устава».

О том, как воспринимала эти законы закрепощаемая часть населения (крестьяне, вольные слуги, кабальные люди), у Карамзина не было сомнений. О крестьянах он писал: «крестьяне жалели о древней свободе». Относительно вольных слуг и кабальных он выражался не менее ясно: «законодатель желал угодить господам, не боясь оскорбить ни бедных слуг, ни справедливости»⁴⁰. И в другом месте тот же автор писал не менее вразумительно: «закон, изданный в Федорово время, единственно в угодность знатному дворянству об укреплении всех людей, служащих господам не менее шести месяцев, совершенно прекратил род вольных слуг в нашем отечестве и наполнил дома боярские рабами...: закон недостойной сего имени своею явною несправедливостью»⁴¹.

Я привел эти мнения ученых конца XVIII и начала XIX вв. с тем, чтобы показать, что им не чужда была точка зрения на классовую (в своеобразном ее понимании) сущность этого закона, от чего отошли некоторые историки более позднего времени. С. Ф. Платонов, например, колеблется между двумя точками зрения на предмет. С одной стороны, он старается дока-

---

⁴⁰ Н. М. Карамзин. Ист. гос. Росс., т. X, стр. 120—121. Изд. Эйнерлинга.

⁴¹ Там же, т. XI, стр. 69.

зять, что Борис Годунов в этом вопросе чужд классовой политики, что он, преследуя государственные цели, якобы отказывался от служения частным или классовым интересам, с другой — чутье исторической правды склоняет его повернуть на другой путь.

«Несомненно, — читаем у С. Ф. Платонова в книге «Борис Годунов», — он (Борис) действовал в пользу средних классов московского общества и против знати и крепостной массы» и далее: «средние слои московского общества еще не были организованы и не сознавали своей относительной социальной силы. Они не могли спасти Бориса и его семьи от бед и гибели, когда на Годуновых ополчились верх и низ московского общества: старая знать, руководимая давнею враждою к Борису и его роду, и крепостная масса, влекомая ненавистью к московскому общественному порядку вообще». «Вожделения и нужды трудовой массы, уходившей от крепостного ярма, Борис приносил в жертву государственным пользам, которые в данном случае он объединял с хозяйственными нуждами служилого класса»⁴².

Но и это большой шаг вперед от суждений по этому предмету С. М. Соловьева, который писал: «Нигде мы не видим, чтобы крестьяне под знаменами самозванцев восставали как крестьяне в защиту своих сословных прав и интересов»⁴³.

Я не собираюсь приводить здесь все мнения ученых о роли крестьянского и холопского движения в «Смуте». Мне важно тут подчеркнуть, что крестьянство и холопство всем предшествующим ходом своей истории было подготовлено к выступлению в грозный период истории России, известный под условным названием «Смуты». «Смуту» нельзя свести к одной крестьянской войне, как это пытался сделать М. Н. Покровский, но, несомненно, выступление крестьян и закрепощенных слуг есть одна из важнейших сторон этого сложного общественного движения.

VI. ВЫСТУПЛЕНИЕ ХОЛОПОВ И КРЕСТЬЯН НА РУБЕЖЕ XVI И XVII вв.

Ценою нового утеснения правового положения крестьян, кабальных людей и вольных слуг государство стремилось поддержать экономически массу военного служилого люда. Лишь некоторая уступка в пользу знати была сделана в 1597 г.

⁴² С. Ф. Платонов. Борис Годунов, стр. 79, 83—84, 92. Но тут же, на стр. 83, автор все-таки пишет: «Борис не служил никакому частному или классовому интересу».

⁴³ С. М. Соловьев. История России, кн. II, стб. 731.

Помещики—служилые люди, знать, сама власть мало задумывались о том, в какой мере можно рассчитывать на терпение народной массы. Правда, едва ли в Москве не знали, что было в Германии в 1525 г. и позднее. В писаниях Ермолая-Еразма, во всяком случае, имеются мысли о необходимости пересмотреть политику по отношению к народным массам и в частности по отношению к крестьянству. Если Ермолай-Еразм находил положение крестьян в первой половине XVI в., когда у них был Юрьев день, тяжелым и требовал для них облегчения, то что бы он сказал сейчас, в конце XVI в., когда для крестьянина закрыты были все легальные пути к улучшению своего правового и экономического положения?

Не удивительно, что усиливалось бегство крестьян не только к другим землевладельцам, но и туда, где крестьянин надеялся обойтись без всякого землевладельца и жить так, как ему казалось нужным. Не удивительно, что благодаря большому скоплению «холопов»¹ в городах, где они в условиях городской жизни имели возможность общаться друг с другом, они при удобном случае выступают со своими требованиями от общего имени. Не удивительно, что сама власть, наконец, начала прозревать и вынуждена была в особо острые моменты идти на уступки именно холопам прежде всего.

Все это, вместе взятое, указывало на резкое обострение социальных противоречий.

Над Борисом Годуновым сгущались тучи. Боярство давно было против него. Польские послы в 1608 г. вспоминали, что при Борисе «тяжело было боярам». Польская шляхта давно уже строила на этом свои планы вторжения в Россию. Современник Бориса Исаак Масса писал, что Борис употреблял всевозможные средства, чтобы «лишить страну высшего дворянства»². Флетчер был такого же мнения: Годунов-де старался «всеми мерами истребить или увязить все знатнейшее и древнейшее дворянство»³. Так же отзывался о политике Бориса Годунова и русский человек Авраамий Палицын: «Домы... великих бояр сосланных вся истощив, и принесе в царские палаты»⁴.

Никакие мелкие уступки, сделанные знати, не могли привлечь ее на сторону Бориса, которого она привыкла считать своим врагом.

¹ Под «холопами» здесь разумеются все виды закрепощенных слуг, а закрепощенные «кабальные» люди и добровольные слуги прежде всего (конечно, и доживающие свой век полные холопы).

² И с а а к М а с с а. Краткое известие о Московии в нач. XVII в., М., 1937, стр. 53.

³ Д. Ф л е т ч е р. О государстве Русском, 1905, стр. 32.

⁴ Сказание Авраамия Палицына, СПб., 1909, стр. 16.

Служилому люду он старался угождать, но делать это он мог прежде всего за счет крестьянской и холопской массы, которая скоро показала, что она далеко не бессловесна и не невесома в общем ходе жизни Руси. Каждая уступка крестьянству или холопству неизбежно вызывала недовольство служилых людей — помещиков. А не делать этих уступок правительству Бориса не могло.

Отношения запутались и обострились. Мы имеем ряд свидетельств о том, что правительство Бориса Годунова было вынуждено предпринять шаги к некоторому облегчению положения крестьян, холопов и бедняков. Об этом говорит Авраамий Палицын: «Царь... Борис... о бедных и о нищих крепче промышляше, и милость к таковым велика от него бываше»⁵.

Михаил Шиле, гонец, посланный 9 июля 1598 г. немецким императором Рудольфом II к только что вступившему на престол Борису Годунову, в своем донесении о поездке в Москву делает очень интересное сообщение: «Крестьяне и бедные люди, которые жили за боярами или дворянами, и до этого, при прежних великих князьях, рассматривались своими господами как крепостные, теперь получили милость от государя, распорядившегося, чтобы каждый дворянин, имеющий подданных или крестьян, определил, что именно и в каком объеме они обязаны давать ему в год, так что теперь каждое село или поселение знает размер своих повинностей»⁶.

К сожалению, подтвердить точными фактами это столь ясное сообщение мы пока не можем: от времени Бориса Годунова вообще дошло до нас слишком мало документов. Но к сообщению Шиле мы должны отнестись с полной серьезностью, так как оно говорит о вещах конкретных, которые выдумать было трудно. К тому же мы имеем одно, хотя и косвенное, подтверждение этого сообщения среди рукописей Кирилловского монастыря, хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Из этого документа видно, что по указу царя Бориса Годунова в Кириллов монастырь в июле 1601 г. прибыл Михаил Васильевич Молчанов с дьяком Василием Нелюбовым для выяснения состояния монастырского хозяйства и урегулирования

⁵ Там же, стр. 13—14.

⁶ «Die Pauern und armen Leuth, so unter den Bojarn oder Edelleuthen ihre Wohe haben, und zuvor bey andern Grossfürsten von ihren Herren für leibeigen gehalten worden, seindt auch von ihre Grossm. begnadet und einem, jeden Edelmann, so Untersassen oder Pauern hat jährlichen ein Ordnung gemacht, wie viel und was ihme seine Unterthanen zu geben, zu dienen schuldig, und weiss jezo ein jede Dorfschaft oder Wohnung, wie hoch sie ihrer Obrigkeit verpflichtet seyen». (Н. Н. Карамзин. Ист. гос. Росс., т. XI, прим. 28; Чт. ОИДР, 1875, кн. II, отд. IV, стр. 17.)

в некоторых пунктах монастырской хозяйственной практики. Комиссия должна была выяснить, «сколько где на монастырь пашни пахут и сена косят и что с которого села каких доходов денежных и хлебных и столовых в год емлют», т. е. выяснить точный размер крестьянской барщины и оброков. Этой же комиссии было поручено урегулировать барщину на будущее время: «А в которых селех пашни монастырские есть, и в тех селех велено учинити крестьяном пашни пахати на монастырь по 2 десятины на выть». Пашня на монастырь должна быть поблизости от крестьянских дворов.

Очень интересно сообщение комиссии о том, что она старалась исполнить распоряжение Бориса Годунова в точности: «А что в селех остались пустые земли у десятин, а роздати было крестьяном в десятины нельзя для того, что те села от их же сел отдалели, и те пустые земли в селех розданы слугам монастырским». На крестьян, свободных от барщины, наложены были в определенных размерах «посошной хлеб, денежные оброки и столовые запасы»⁷.

Эта попытка регулировать обязанности крестьян по отношению к их хозяевам шла, как мы видим, от имени Бориса Годунова и более чем вероятно связана с указом, о котором говорит Шиле.

Необходимость считаться с настроением, вернее с поведением народной массы, сказалась и в указах царя Бориса 1601—1603 гг.

Мы уже имели случай видеть движение крестьян в Волоколамском монастыре 1594 г. У нас имеются все основания утверждать, что это не единственный пример крестьянских выступлений на защиту своих прав. В этом нас убеждают, во-первых, слова указа Бориса Годунова 28 ноября 1601 г., где говорится о том, что указ последовал в ответ на притеснения крестьян («от налог и продаж»).

Термины «налоги и продажи» отчасти расшифровывает один из документов Троице-Сергиева монастыря 1614 г. Лица, не желавшие возвращать незаконно присвоенных ими крестьян, этих крестьян «не проца их впредь себе, всякими налогами... утесняют и продажи непомерные чинят и розными муками их мучат»⁸.

В докладе дьяка Боярской Думе 9 марта 1607 г. события, о которых сейчас идет речь, квалифицируются с достаточной определенностью: после отмены права крестьянского выхода «начались (при Борисе Годунове) многие вражды, крамолы и

⁷ Рукопись Кирилл. библ. № 70—1309, л. 2 об. Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, вып. II, стр. 69—70.

⁸ Памятники хоз. истории Троице-Сергиевой лавры, под ред. А. И. Яковлева и С. Б. Веселовского, т. II, стр. 11—12, 29.

тажи», «в народе волнение велие». Годунов в целях успокоения народной массы решил дать крестьянам выход, но не рискнул разрубить гордые узел, а пошел по пути половинчатых мер: «дал да не совсем» говорится в докладе. Судьи растерялись, а народ продолжал волноваться: не прекращались, говорится в докладе, распри, насилия, разорения, убийства, разбои и грабежи.

Дело разбиралось при царе Шуйском. О Борисе говорили без соблюдения почтительности и вещи называли своими именами. То, о чем сам Борис говорил намеками, после его смерти при Шуйском дьяки изобразили откровеннее.

О тревожном состоянии общества и в частности о насильственном нарушении запрета крестьянских переходов говорит и сама дата издания компромиссных законов Бориса 1601 и 1602 гг. Указ 1601 г. дан окольниковому Морозову в Москве 28 ноября с тем, чтобы Морозов разослал его дальше. Указ 1602 г. подписан 24 ноября в Москве и направлен в Новгород, где он мог быть получен дней через пять. А для того, чтобы довести его до мест, которые должны знать этот указ, понадобится еще несколько дней. Правительство Годунова не могло не знать этого самого простого расчета времени. Указ доходил до мест с очень большим запозданием, если считаться с Юрьевым днем (26 ноября), о котором указы и упоминают. Ясно, что власть не готовилась заранее дать крестьянам желанный для них Юрьев день, а дала его уже тогда, когда крестьяне и землевладельцы помимо закона стали им пользоваться самовольно.

Об этом довольно ясно намекает указ 1602 г.: «а из-за которых людей учнут крестьян отказывати, и те б люди крестьян из-за себя выпускали со всеми животы безо всякие зацепки; и во крестьянской бы возке промеж всех людей боев и грабежей не было, и *ильно б дети боярские крестьян за собою не держали* и продаж им некоторых не делали; а кто учнет *крестьян грабити и из-за себя не выпускати*, и тем от него, царя и в. к. Бориса Федоровича... быти в великой опале. А однолично пятиконецким старостам о том велети биричу кликати, чтоб во крестьянском отказе и в вывозке ни у кого ни с кем *зацепок и задоров и боев не было*»⁹ (курсив везде мой. — Б. Г.).

Не трудно догадаться, чем навеян этот тщательный перечень различных видов экспессов, сопровождающих доселе запрещенный и ныне разрешаемый выход крестьян. Зацепки, задоры, бои, грабежи, продажи, насильственное задержание вывозимых и уходящих крестьян, — ведь это картина с натуры. Однако и возвращая Юрьев день, указ, несомненно, имел в виду интересы прежде всего служилой массы. Богатые зем-

⁹ ААЭ, т. II, № 24.

левладельцы из числа лиц, получивших разрешение вывоза крестьян, хотя и с оговоркой «промеж себя», были изъятые: «патриаршим и митрополичьим и архиепископским и владычным и монастырским и бояр наших и дворян больших и приказных людей и дьячим приказщиком промеж себя крестьян отказывать и возити не велено».

Больше чем вероятно, что и в следующем, 1603 г. правительство не в силах было справиться со стихией. Об этом говорят некоторые факты: 1) в указе Лжедмитрия 1606 г. выделены голодные годы 1601—1603 в особую категорию; 2) в отдельных на поместья книгах 1603—1606 гг. находим много легальных выводов крестьян за 1601—1603 гг.; 3) Троицкий монастырь получил в 1614 г. право возвращать беглых крестьян, начиная с 1 сентября 1604 г.¹⁰; монастырь это право использовал в точности; 4) в отводной книге на владения Александро-Свирского монастыря в Обонежской пятине Пиркинского погоста записаны случаи законного выхода крестьян в 1603—1604 гг.¹¹.

Только в 1606 г. правительство Самозванца задним числом решило разобраться в вопросе о нарушении права выхода по существу. В указе 1 февраля 1606 г. различаются крестьяне, выбежавшие от своих хозяев от голода, и крестьяне, выбежавшие не от голода. Первым разрешается оставаться у своих новых хозяев, вторых возвращают обратно. Указ имеет в виду время между 1601 и 1604 гг.¹².

Итак, есть основания считать, что в продолжение трех-четырех голодных лет правительство Бориса Годунова предоставляло крестьянам выход, но не всем. Но тут мы видим, что речь идет не только о крестьянах, как таковых, а главным образом о различных категориях землевладельцев, к которым власть относилась по-разному.

Хотя в указе 28 ноября 1601 г. и говорится, что царь Борис и его сын Федор «от налога и от продаж велели *крестьяном* давати выход», но из дальнейшего изложения основной

¹⁰ Памятники хоз. истории Троице-Сергиевой лавры, т. II, стр. 6 и 50; М. А. Дьяконов. Заповедные и выходные лета, стр. 16—18.

¹¹ «Да по сказке волостных людей ис тое деревни в 111 году *вышел* крестьянин... Андришка Долгой с зятьями с Левкою да с Сенькою в Гедевской погост в Нюбиничи за Федора Лодыгина, да во 112-м году с тое деревни *вышел* крестьянин Андришка Яковлев с братом с Сергушкою в Ымоченской погост в Шириницы за Григорья Белеутова» (Актовые книги Александро-Свирского монастыря 1606 г.). Тут же попадаются ушедшие в 1604 г. крестьяне, о которых говорится «шол» без указания, за кого именно (Архив Инст. истории АН СССР).

¹² ААЭ, т. II, № 40. Разбор этого указа см.: И. И. Смирнов. К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I, Уч. зап. Ленингр. гос. ун-в., 1938, № 19.

мысли указа явствует, что речь идет больше о владельцах крестьян, чем о самих крестьянах.

«А отказывати и возити крестьян дворяном, которые служат из выбору, и жильцом, которые у государя царя и в. князя..., и детям боярским городовым, и городовым приказщиком всех же городов, и иноземцом всяким, и Большого Дворца дворовым людям всех чинов: ключником, стряпчим, ситником, подключником, конюшенного приказу приказщиком и конюхом стремянным и стряпчим, Ловчего пути охотником и конным псарем, Сокольничья пути кречетником и сокольником и ястребником, трубником и сурначеем, и государыни царицы... детям боярским, и всех приказов подьячим и стрелецкого приказу сотником стрелецким и головам казачьим, и Посольского приказу переводчиком и толмачем, и патриаршим и митрополичьим и архиепископым и епископым приказным людям, детям боярским промеж себя».

Этот большой перечень сделан для того, чтобы подчеркнуть границы действия закона. Кто в этот список не попал, тот «отказывать и возить крестьян» не получает права.

Составитель указа, впрочем, счел полезным об этом сказать еще точнее и прибавил: «А в дворцовые села и в черные волости и за патриарха и за митрополиты и за архиепископы и за владыки и за монастыри и за бояр и за окольных и за дворян больших и за приказных людей и за дьяков и за стольников и за стряпчих и за голов стрелецких и из-за них в нынешнем во 110 году крестьян возити не велети». Московский уезд исключен из этого права полностью.

Наконец, и тем, кто получил право возить крестьян, поставлены строгие рамки: разрешалось возить «одного или дву, а 3-х или 4-х одному из-за одного никому не возити»¹³.

Не столько крестьянские чаяния удовлетворял этот закон, сколько нужды мелких и средних помещиков, на хозяйстве которых не могли не отразиться голод и крестьянские волнения конца XVI и начала XVII в.

Знаменательны и меры Бориса Годунова по отношению к кабальным холопам. 16 августа 1603 г. царь Борис велел «кликать» в Москве и городах, чтобы холопы, ушедшие от господ своих вследствие голода и не получившие от господ отпускных, шли бы в Холопий приказ, где им будут даны отпускные помимо воли господ¹⁴.

Это распоряжение Бориса очень интересно во многих отношениях. Прежде всего оно находится в самой тесной связи

¹³ ААЭ, т. II, № 20.

¹⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, стр. 85—86.

с указами того же царя в отношении вывоза крестьян. Тяжелое положение крестьян, безусловно, сыграло известную роль в предоставлении им выхода «от налог и продаж». Относительно холопов царь Борис Федорович и его сын Федор Борисович высказались гораздо решительнее, но побудительный мотив к изданию закона остался тот же — тяжелое положение холопов. Тут целая драма: «бояре и дворяне и приказные люди и дети боярские и гости и всякие служилые и торговые люди» в голодные годы своих холопей выгоняли от себя, не давая им, однако, отпускных, с намерением по миновании голодных годов вернуть их обратно, если, конечно, эти холопы не умрут от голода.

Указ написан в очень энергичном тоне и заканчивается общим распоряжением по всему государству: «да и в городех про тех холопей велети кликать, не по один день, чтоб те боярские и всяких людей холопи для отпускных приходили в приказ Холопья Суда».

Что это распоряжение власти не было мертвой буквой, видно из того, что в напечатанных кабальных книгах за последние месяцы 1603 г. и за 1604 г. имеется серия отпускных, выданных холопам при жизни их господ в противоположность обычным актам этого рода, выдававшимся холопам после смерти их господина¹⁵.

Этот указ интересен и тем, что он, как и указ о крестьянской возке, был вызван «волнением велиим» в народе, в частности выступлением холопов. Указ дан 16 августа 1603 г., а И. Ф. Басманов, посланный на усмирение Хлопка и Косолапа, был в сражении с ними убит в сентябре того же года¹⁶. Следовательно, указ об облегчении положения холопов был дан в разгар холопского движения.

Очень интересна более поздняя интерпретация этого указа (и событий, как сопровождавших его издание, так и последующих). В XX томе «Древней Российской Вивлиофики» помещен «Послужной список старинных бояр и дворецких, окольничих и некоторых других придворных чинов с 6970 по 7184 год» и комментарий к нему Новикова: «Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России», где § 48 посвящен «холопам и крестьянам». Тут, между прочим, написано: «Царь Борис и царь Василий Иванович Шуйской издали было указы о вольности холопей. Но сии, получа свободу, употребили оную в крайний государству вред, почему скоро по издании оных

¹⁵ Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII вв., «Истор. записки», т. XV, стр. 92.

¹⁶ И с а к М а с с а. Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 71—72. Обстоятельный разбор хронологии этих событий см. указ. соч. Е. Н. Кушевой, стр. 91—92.

указов обоими сими государями паки оные уничтожены. Потом помещики захотели было кабальных сравнить с полными холопами; но сии, собравшись, подали царю Василию Ивановичу Шуйскому на таковое притеснение прав своих челобитную, а сей государь и подтвердил старинные их права»¹⁷.

Очень важное сообщение, на которое уже было обращено внимание в нашей исторической литературе. Последняя работа, разъясняющая происхождение этого загадочного текста, принадлежит Е. Н. Кушевой¹⁸. Она убедительно доказывает, что этот текст Новикова имеет свою историю: он через И. Болтина восходит к Татищеву.

У И. Болтина мы встречаем эти фразы почти дословно, у В. Н. Татищева — совпадающие основные мысли.

Мы привели уже выше примечание Татищева к указу 21 ноября 1601 г. «Сей закон, — писал Татищев, — о вольности по прежнему крестьян (как мы видели, трактовка указа Бориса Годунова у Татищева не верна. — *Б. Г.*) он (Борис. — *Б. Г.*) учинил против своего рассуждения и первого о неволе их узаконения, надеясь тем ласканием более духовным и вельможам угодить, и себя на престоле утвердить, а роптание и многие тяжбы пресечь; но вскоре услыша... о сем негодовании и ропот... не токмо крестьян, но и холопей невольными сделал, из чего великая беда приключилась, и большею частию чрез то престол с жизнью всяе своей фамилии потерял, а государство великое разорение претерпело, как о том монах Иосиф описал»¹⁹.

Первое о неволе узаконение — это, очевидно, отмена Юрьева дня, последовавшая, по мнению Татищева, в 1592 г. Оно вызвало «негодование и ропот». Годунов крестьян и слуг сделал невольными, очевидно, в 1597 г. (указ 25 апреля).

В комментарии к ст. 88 Судебника Татищев, между прочим, пишет, что вольность крестьян и слуг, имеющаяся в наличии «во всех европейских государствах», «с нашею формою правления монаршеского не согласует, и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно, как то при царе Борисе и Василии от учинения холопей вольными приключилось»²⁰.

Итак, Татищев сообщает факты, повторенные последовательно Болтиным и Новиковым.

Е. Н. Кушева, заметив это, естественно остановилась на вопросе о том, откуда почерпнул свои сведения Татищев. По

¹⁷ Древняя Российская Вивлиофика, т. XX, М., 1791, стр. 255—256.

¹⁸ Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII вв., «Истор. записки», т. XV, стр. 70—96.

¹⁹ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 124—125.

²⁰ Там же, стр. 113.

ее наблюдениям оказалось, что в библиотеке Татищева имелась недошедшая до нас рукопись «Иосифа история о разорении русском». Это произведение, поскольку можно о нем судить по девяти на нее ссылкам, сделанным Татищевым в своей «Истории Российской», было произведением оригинальным, дающим много нового по сравнению с другими дошедшими до нас повествовательными источниками.

Труд Иосифа до нас не дошел, но правдивость его сообщения доказывается повествованием Авраамия Палицына и дошедшими до нас законами Бориса Годунова от 16 августа 1603 г., Лжедмитрия I и Василия Шуйского от 7 января 1606 г., 7 марта 1607 г. и 9 марта 1608 г.

У Авраамия Палицына есть особая глава: «О начале разбойничества и ворах во всей России». Тут автор уделил очень большое внимание холопам, изобразил их тяжелое положение во время голода и злоупотребления их господ. «Во время же великого глада сего озревшеся вси, яко не мощно питати многую челядть, и начаша рабов на волю отпускати, инии убо истинно, инии же лицемерством: истинствующие с написанием и за утверждением руки своя (отпускные. — Б. Г.), лицемерницы же тако, ино такмо из дому изгонить. И аще х кому прибегнет, той зле продаваем бываше и много снос и убыток платяше, инии же ради воровства нигде не приемлемы бываху... Бяше же и се зло во многих: лето убо все тружאותся, зиму же и главы не имеют где подклонить...». Между прочим, автор тут же сообщает о и бегстве холопов в «украинные городы, паче же Польские и Северские», где холопов, умеющих владеть оружием на конях («иже на конех играющем»), собралось «более 20 тысяч». Авраамий Палицын называет их «ворами», т. е. политическими преступниками, которые соединились в Калуге и Туле со «старыми ворами»²¹. Это, стало быть, по тому времени войско, имеющее тенденцию расти главным образом за счет недовольных *крепостных крестьян и холопов*, и, стало быть, большая и опасная для помещичьего государства сила.

В указах Бориса Годунова мы, конечно, не найдем столь красочных и конкретных сообщений, но мы и в них можем почувствовать всю сложность и напряженность общественно-политической обстановки.

Поведение Шуйского представляет в этом отношении особый интерес, так как политическая ситуация этого времени приобрела исключительно острый характер. Василий сидел в Москве, а его соперник, второй самозванец, поддерживаемый Польшей, признанный казацкой массой и сумевший привлечь

²¹ Сказание Авраамия Палицына, изд. Археогр. ком., стр. 18—20.

на свою сторону значительную часть восставших крестьян и холопов, укрепились в нескольких километрах от столицы, в Тушине. Между двумя лагерями шла война. Сражались не только оружием; пускали в ход прокламации, обещания; сманивали людей чинами, деньгами и землями; прибегали и к другим средствам, рассчитанным на ослабление противника и усиление своих собственных позиций. При сложившейся обстановке от поведения выступивших крестьян и холопов зависело очень много. И, пожалуй, холопов тут надо поставить на первое место, потому что среди них было много обученных военному делу людей, не раз воевавших в отрядах своих господ²². Нельзя забывать также и того, что среди кабальных людей были и сыновья детей боярских, с ранних лет приспособленные к военной службе.

Понятно, почему оба лагеря принимали меры к привлечению на свою сторону холопов. Понятно также и то, что ни Шуйский, ни Польша, руководившая действиями самозванца, никогда не думали давать свободу холопам навсегда. Тяжелая обстановка борьбы заставляла их идти лишь на временные уступки. Это очень скоро и обнаружилось с полной очевидностью. Но мы не можем игнорировать этого периода заигрывания власти с холопской массой: это факт сам по себе очень интересный, кроме того, он помогает нам лучше понять характер общественных отношений на Руси этого знаменательного времени.

Уже в свое время М. Ф. Владимирскому-Буданову бросилось в глаза, что «законы, изданные им (Шуйским), отличаются признаками произвола, отступления от принятых начал законодательства и потому колебаний и шатости».²³ Владимирский-Буданов правильно подметил факт, но не дал его объяснения.

Шуйский, находившийся между двух огней, едва ли мог держаться «принятых начал законодательства»: бояре и купцы, посадившие на престол Шуйского, тянули его в свою сторону, конкретная обстановка заставляла делать не то, что он сам и его сторонники хотели, а как раз то, чего они совсем не хотели и чего больше всего боялись.

Действительно, если признать Царский Судебник за государственную программу, по которой должно было строиться помещичье государство, то уже с конца XVI в. мы легко

---

²² Нельзя не признать тут справедливость некоторых наблюдений А. И. Яковлева, несмотря на несомненное преувеличение роли холопов в русском войске вообще (А. И. Яковлев. Холопство и холопы, стр. 31).

²³ М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, стр. 88, прим. 31.

обнаружим очень заметные отступления от основ этой программы.

Ведь Царский Судебник в свое время подчеркивал право кабального человека на уход от своего хозяина по уплате долга, независимо от того, кто этот долг будет платить фактически, и запрещал кабалить человека на всю жизнь. Закон 1555 г., как мы уже видели, стоял на той же позиции.

Сошли с нее первый раз, повидимому, в 1586 г. и совершенно ясно и резко ввели новостъ в положение кабального человека в 1597 г. В 1603 г. пришлось бить отбой: холопы, ушедшие от своих господ вследствие голода, получали волю помимо своих господ, непосредственно от государства. В 1606 г. Лжедмитрий подтверждает запрещение записывать кабального человека одновременно за двумя родственниками во избежание превращения кабальной зависимости в потомственную. При нарушении этого правила кабальный человек освобождался полностью ²⁴.

В следующем, 1607 году 7 марта подтверждается и расширяется уже забытое старое правило о «добровольной службе»: проработавший «полгода или год или больше» слуга, не желающий давать на себя кабалу, остается свободным. Кабалы на себя дают только те добровольные слуги, кто этого сам пожелает ²⁵. Через год, 9 марта 1608 г., Шуйский в этом направлении пошел еще дальше. Он решительно возвращается к Судебнику 1550 г.

Василий Шуйский Холопьюму приказу указал: «которые люди всяких чинов учнут приносить... в Холопей приказ к записке записи на вольных людей, что тем вольным всяким людям у тех людей служити по тем записям до своего живота, и тех записей на тех вольных людей государь царь и в. кн. Василий Иванович... в холопы записные книги записывать не велел по тому: по первому указу и по Судебнику на вольных людей таких записей... имати не велено...». Царь Василий Шуйский восстанавливает старый закон и настаивает, чтобы таких вольных людей истцам не выдавать, «а имати записи на вольных людей... на урочные годы по прежнему уложению». Царь распорядился, чтобы этот его указ «написати к прежним указом прежних государей, государя царя и в. кн. Ивана Васильевича всеа Руси и государя царя и в. к. Федора Ивановича всеа Руси»²⁶.

---

²⁴ Указ 7 января 1606 г. Указная книга приказа Холопьяго суда (М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, стр. 86—87).

²⁵ Там же, стр. 87—88.

²⁶ Там же, стр. 91—92.

Шуйский, минуя Бориса Годунова, стремится связать свою деятельность с именами последних Рюриковичей.

Этот указ 9 марта 1608 г. вызвал удивление у М. Ф. Владимирского-Буданова. «Трудно догадаться, — пишет он, — почему *служилые кабалы нельзя писать на всю жизнь* (курсив автора), когда и обычай и закон признали уже, что холопство, возникающее из них, всегда пожизненно». Тут автор ссылается на указ от 25 апреля 1597 г.²⁷

А ведь смысл указа 1608 г. и заключался в том, чтобы отменить пожизненность кабального холопства. Мотивы власти не трудно понять, если представить себе во всей конкретности условия, при которых Шуйский отважился на столь решительный шаг.

Шуйский издал еще один закон, на который имеется ссылка в указе 21 мая 1609 г.: «которые дворяне и дети боярские и всякие люди держат у себя людей по отцов своих крепостям, по кабалам и по докладным, *а отцов их не стало* (курсив мой. — Б. Г.), и тех людей велел государь, по пржнему своему государеву указу отпущати на волю»²⁸. М. Ф. Владимирский-Буданов замечает, что такого указа царя Василия Шуйского мы не имеем. Конечно, это так. Мы имеем его только в ссылке, но во всяком случае по духу этот закон тесно примыкает к указу 9 марта 1608 г.

Характерно, что эти указы царь издавал без Боярской Думы. Мы можем догадаться, почему: царь был уверен, что бояре будут решительно протестовать против такой меры. Некоторую потребность «говорить с бояры» царь проявил лишь в мае 1609 г., когда пришлось решать вопрос о тех людях, которые живут у господ без всяких крепостных документов по 10 и больше лет и не думают себя кабалить. Царь этот вопрос решил временно и компромиссно. Таких людей он приказал оставить в покое до своего государева указа, т. е. сохранил *status quo*, но «о том рекся... говорить с бояры»²⁹. Царь разбирал этот вопрос, вероятно, по челобитной холопов. По крайней мере, на это намекает Татищев со ссылкой на тот же свой повествовательный источник (История Иосифа, или что то же, патриарха Иова): «... хотя наши переводчики письма святого служитель и раб за едино приняли, но оное наш патриарх Иев в Истории по причине челобитья холопей, чтоб не быть рабами, изъяснил, и царь Василий Иванович

---

²⁷ Указ 7 января 1606 г. Указная книга приказа Холопьяго суда (М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, стр. 92, прим. 11).

²⁸ Там же, стр. 92.

²⁹ Там же, стр. 93.

Шуйский, для утишения великого в холопах смятения закон учинил, что пленным токмо рабами быть, доколе свободу получат, а холопей в прежней верности оставил служить по кабале и по летной».

Е. Н. Кушева делает попытку разобрать, что тут принадлежит документу, а что — домыслу Татищева³⁰.

Меня в данном случае интересует упоминание о холопьем челобитной, поданной во время «великого в холопах смятения».

Слишком много у нас данных для того, чтобы счесть это сообщение Татищева, откуда бы он его ни взял, соответствующим действительности.

Если бы мы смогли проследить по дням и месяцам все события 1606—1609 гг. и сопоставить их с внутренней политикой быстро сменяющихся правительств в Москве за это время, то нам бы стало совершенно ясно, что вся эта политика была обусловлена ходом обостренной классовой и внутриклассовой борьбы, а также вмешательства в русские дела Польши и Швеции.

Такую попытку сделал С. Ф. Платонов. Но только с его объяснением указов Шуйского по крестьянскому и холопью вопросу согласиться трудно. Основная мысль С. Ф. Платонова заключается в том, что Шуйский, понимая социальную подкладку движения, восставал против добровольного холопства, запрещал крестьянский выход, назначал наказание за прием беглых владельческих людей, стремился к тому, чтобы «укрепить на месте и подвергнуть регистрации и надзору тот общественный слой, который производил смуту и искал перемен». Иными словами, Шуйский, по мнению С. Ф. Платонова, вел свою линию без компромиссов. «Крепостной порядок не только оставался в прежней силе, но получал в законе еще большую определенность и непреложность»³¹.

С таким пониманием рассмотренных указов Шуйского согласиться нельзя уже по одному тому, что в этих указах вообще нет никакой прямой линии. М. Ф. Владимирский-Буданов совершенно правильно отметил в них «колебания и шатость». Наконец, содержание указов Шуйского о холопах является несомненным отклонением, а иногда очень резким, от «принятых начал законодательства», как выражается тот же М. Ф. Владимирский-Буданов. Можно сказать больше: отклонения эти растут по мере углубления народного движения и прекращаются в тот момент, когда правительство начинает ощущать в себе силу с ним справиться.

---

³⁰ Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII вв. «Истор. записки», т. XV, стр. 78 и сл.

³¹ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты, СПб., 1901, стр. 268—269.

Если считать 50-е годы XVI в. временем наиболее благоприятным для существования института кабальной и добровольной службы, то последующее законодательство идет в сторону его стеснения вплоть до 1597 г., сменяясь, начиная с 1603 г., рядом мер, облегчающих положение добровольных и кабальных слуг, и заканчивается указом 9 марта 1608 г., восстанавливающим Судебник 1550 г. и указ 1555 г.

С. Ф. Платонов не заметил подлинной связи между народным движением и законодательством этого бурного периода истории Руси.

А. И. Яковлев очень бегло, но достаточно ясно подчеркивает мысль о том, что «в годы обострения социальной борьбы («Смуты». — Б. Г.), когда государство должно было считаться не только со вкусами господ, но и с настроением холопов, произошла попытка реставрации 1586 и 1593 гг.» (в понимании их автором, о чем см. стр. 313)³².

Поскольку об указах 1586 и 1593 гг. мы знаем очень мало, я бы предпочел заменить эти годы другими — 1550 и 1555 гг., чем не только нисколько не искажается мысль автора, а делается более убедительной, так как положения Судебника и указа 1555 г. нам хорошо известны и так как 12 сентября 1609 г. сама Боярская Дума упоминает в этом смысле Судебник.

Признавая наличие непосредственной связи между народным движением конца XVI и начала XVII в. и отдельными мероприятиями власти по отношению к крестьянам и холопам, мы все же должны сознаться, что не всегда можем точно объяснить ее поведение. Тем не менее у нас нет ни малейшего сомнения в том, чего собственно хотела в конечном счете власть. Здесь вполне уместно подчеркнуть, что «крепостной порядок не только оставался в прежней силе, но получал в законе еще большую определенность и непреложность». Я только отношу это замечание С. Ф. Платонова не ко всей деятельности власти в период «Смуты», а к последним заключительным ее шагам, относящимся к тому периоду («Смуты»), когда движение народной массы уже потеряло прежнюю остроту.

Можно, наконец, отнести это замечание к намерениям правительства, однако таким намерениям, которые оно не всегда решалось выполнять. Об этом говорит, например, знаменитое Уложение Шуйского от 9 марта 1607 г., изданное два дня спустя после компромиссного указа 7 марта 1607 г. о добровольных слугах. В Уложении этом главное внимание уделено крестьянам. Но попутно новый закон вспоминает и холопов. «А которые после сего уложения крестьяне, или холопы, или раба

---

³² А. И. Яковлев. Холопство и холопы, стр. 52.

побежит... и государю искати своего холопа, и рабу и крестьянина в пятнадцать летех от побега, а за пятнадцать лет не искати». «А примут чьего холопа, или крестьянина, или рабу...»³³. Но мы уже видели, что от этих намерений власть вынуждена была в отношении холопов делать отступления. Впрочем, только до момента, когда власть снова почувствовала в своих руках силу.

В 1609 г., когда Тушинский лагерь уже успел потерять свое значение, положение Шуйского значительно окрепло. Победы Скопина и Шереметева, выступление северного свободного крестьянства на борьбу против иноземных захватчиков, ликвидация движения в Новгороде и Пскове, союз со Швецией, — все это, вместе взятое, изменило положение правительства Шуйского, дало ему возможность прекратить политику компромиссов и раскрыть свою подлинную классовую сущность.

На первый план снова выплывал служилый человек — помещик. Черное северное крестьянство, не знавшее крепостничества, выступившее против тушинского вора в защиту Шуйского, обращаясь к жителям гор. Романова, писало: «вы смущаетесь для того, будто дворян и детей боярских черные люди побивают и дома их разоряют; а здесе, господа, черные люди дворян и детей боярских чтят, и позору им никоторого нет»³⁴.

Эти перемены объясняют нам резкий поворот правительства и в вопросе о каменных и добровольных слугах.

12 сентября 1609 г., т. е. 4 месяца спустя после указа 12 мая того же года, изданного без участия Боярской Думы, собралась Дума и покончила с шатостью поведения Шуйского. Холопий приказ 12 сентября докладывал Боярской Думе о «холопье статье, что о добровольных холопах в прошлом во 115 году в Судебник приписана» (по распоряжению Шуйского. — *Б. Г.*). «И бояре все тот прежний приговор 115 году указали отставить, а приговорили: о добровольном холопстве быти той статье по государеву прежнему указу, как уложено и в Судебник приписано блаженные памяти при государе царе и в. кн. Федоре Ивановиче всеа Русии 105 году»³⁵.

Так рухнули все надежды добровольных и каменных слуг на улучшение их правового положения. Для них вернулось старое, самое тяжелое время, время указа 25 апреля 1597 г.

По отношению к крестьянам правительства Лжедмитрия I и Шуйского вели более прямую линию. Временное и частич-

³³ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 245—246.

³⁴ АИ, т. II, № 150; С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты, 1901, стр. 290.

³⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, стр. 88—89.

ное разрешение возки крестьян, данное Годуновым в голодные годы, было ликвидировано, вероятно, самим Годуновым перед его смертью, либо предано было забвению при Василии Шуйском. Во всяком случае Лжедмитрий I в указе от 7 января 1606 г. трактует частновладельческих крестьян крепкими своим господам.

Крестьяне, бежавшие от своих господ за год до голодных лет (1601—1602), должны быть возвращены на свои старые места к «старым помещикам». Крестьяне, бежавшие в голодные годы, тоже возвращаются старым вотчинникам и помещикам, если не будет доказано, что они ушли, спасаясь от голодной смерти. Крестьянин, давший в голодное время на себя кабалу, остается за новым своим хозяином³⁶. Очень интересна мотивировка последней мысли законодателя. Он не сомневается, что крестьянин дает на себя кабалу только в крайнем случае, при очень тяжелых обстоятельствах, приравниваемых в данном случае к спасению себя от голодной смерти: «а не от самые бы иужи в холощи он (крестьянин.— *В. I.*) пошел». Этим же законом подтверждается и пятилетняя давность исков на беглых крестьян. О заповедных годах здесь нет ни звука. Из временной меры они, очевидно, превратились в постоянную.

Совершенно тех же принципов держится и Шуйский в своем указе 9 марта 1607 г. Этот указ интересен во многих отношениях.

Он рассматривался в Боярской Думе и составлен в целях борьбы с крестьянским движением, вызванным якобы половипчатými мерами Бориса Годунова. «И ныне,— читаем в докладе Боярской Думе,— великие в том учинились распри и насилия, и многим разорения и убивства смертные и многие разбой и по путем грабления содеяшася и содеваются. Сего ради приговорили есми и уложили...».

Без всякой шатости новый указ объявляет всех частновладельческих крестьян, записанных за своими господами в писцовые книги 1592 г., крепкими: крестьяне должны «быть за теми, за кем писаны».

Далее тот же закон устанавливает: 1) на беглых крестьян и холопов 15-летний срок исков; 2) вводит 10-рублевый штраф за принятие к себе беглого; 3) увеличивает «пожилое» до 3 рублей в год, вкладывая в этот термин новый смысл: теперь это уже не плата хозяину при выходе крестьянина, а штраф за держание у себя беглого; 4) разрешает нанимать чужих крестьян на временную работу только с ведома господина, которому принадлежит крестьянин; 5) устанавливает обязательный сыск беглых крестьян³⁷.

³⁶ ААЭ, т. II, № 40.

³⁷ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 240—246.

Согласно общему смыслу этого закона крестьянин находится в крепкой зависимости от своего господина и трактуется вместе с холопом: «А которые после сего Уложения крестьяне, или холопы, или раба побегит...», «А примут чьего холопа, или крестьянина, или рабу...», «А государю искати своего холопа, и рабу и крестьянина в 15 летех от побега...»³⁸ и т. п.

Этот закон действовал очень недолго. Он как законодательный акт канул в вечность вместе с падением Шуйского, но дух его был жив. Он не умирал и не мог умереть, поскольку землевладельцы требовали дальнейшего укрепления за ними рабочих рук и поскольку власть находилась в руках землевладельцев.

Уложение Шуйского для нас имеет огромное познавательное значение. Мы тут ясно видим, в каком направлении трактовался крестьянский вопрос в это бурное время.

Если тот же Шуйский за два дня до этого указа вынужден был подписать указ о разрешении добровольной службы, т. е. пойти на отмену закона 25 апреля 1597 г., то по отношению к крестьянам мы в действиях правительства не видим никаких послаблений.

Надо, впрочем, сказать, что несмотря на достаточно определенный курс, взятый правительством по отношению к крестьянам, несмотря на ясную формулировку Уложения Шуйского, в котором крестьяне считаются крепкими по записи в писцовые книги 1592 г. без всяких ссылок на «заповедные лета», в отдельных случаях на практике мы встречаемся со старым представлением о временном лишении крестьянина права выхода.

Так, в 1608 г. Казанский Зилантов монастырь просил царя Василия Шуйского переписать на его имя старую монастырскую грамоту от 1574 г. Грамоту переписали, но то место, где говорилось о крестьянских переходах по Судебнику 1550 г., было изменено согласно создававшемуся новому положению крестьян. В грамоте 1574 г. было написано: «А коли лучится за монастырь крестьянину пойти из-за кого ни буди, и вы б с тех крестьян пошлин и пожилого велели иметь... по Судебнику». В той же грамоте, переписанной на имя царя Василия, это место читается уже иначе: «которому крестьянину случитца пойти за монастырь из-за кого ни буди в *выход в незаповедные лета*»³⁹.

Очевидно, что аппарат царя Василия не всегда был тверд в убеждении, что новые законы незыблемы. Уложение Василия Шуйского во всяком случае целиком шло навстречу

³⁸ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 245—246.

³⁹ АИ, т. I, № 191; Г. З. Кунцевич. Грамоты Казанского Зилантова монастыря, 1901, стр. 15.

служилым людям. Помещик — служилый человек должен был быть вполне удовлетворен тем, что государство признало его право на крестьянина, дало помещику достаточный срок для разыскания беглых, ввело наказание за прием беглого и обязало органы власти разыскивать беглецов.

Курс на поддержку помещиков держался крепко.

Если говорить о нуждах холопов, на которые обратил внимание закон, то это распоряжение о том, чтобы с холопами обоего пола господин обращался несколько более гуманно, чем до сих пор: указ предписывает девок после 18 лет выдавать замуж, а вдов после смерти мужа — спустя 2 года, парней женить в 20 лет. Невыполнение этого постановления влечет освобождение холопов от власти их господ.

Татищев эту статью считает «благорассудной, справедливой и к пользе государства узаконенной». Он жалеет, что этот закон не привился: «сколько бо видим таких неразумных господ, которые, не разумея ни закона божия, ни своей собственной пользы, держат служителей безбрачных, якобы для лучшей услуги, но сколько от того блуда, сквернодеяния, болезней и блудно прижитым детям убивств происходит, того их ум не постигает: я бы мог точно о некоторой отчине показать, где госпожа девок держит для шитья, но каждогодно по два и более ребят мертвых в оной находит». Нужно сказать, что и весь этот указ Татищеву очень нравится. Относясь довольно отрицательно к личности Шуйского, Татищев высказывает удивление, «что царь Василий столько в сем многотрудном деле смысла имел». Татищев готов этот закон восстановить: «и ныне ежели пожелают о беглых обстоятельной закон сочинить, то сей всех доднесь изданных в рассуждении не отстанет»⁴⁰.

По данному вопросу Татищев, несомненно, имел единомышленников и в помещичьей среде, современной Шуйскому, горячо откликавшихся на решение столь обостренной социальной проблемы.

Когда мы сравниваем отношение власти в период «Смуты» к частновладельческим крестьянам, кабальным холопам и добровольным слугам, нам не может не броситься в глаза некоторая разница. Сомневаться не приходится, что крепостнические тенденции никогда не покидали законодателя, но ему несомненно приходилось лавировать среди разбушевавшейся стихии и против своей воли делать уступки там, где в более мирной обстановке никаких колебаний и не предполагалось.

Почему же этих вынужденных уступок по отношению к крестьянам делалось гораздо меньше, чем в отношении добровольных слуг и кабальных людей?

⁴⁰ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 247—248.

Ответ, мне кажется, мы можем найти в современных со- бытиям источниках.

Вот перед нами глава Сказания Авраамия Палицына «О за- чале разбойничества во всей России». Она начинается с указа- ния на то, что Борис Годунов в отношениях своих к «воинскому чину» был последователем Ивана Грозного и особенно стремился увеличить количество служилых людей в украинских городах, в частности в Польской и Северной Украинах.

Именно тут, благодаря мероприятиям Грозного и Годунова, собралось большое количество беспокойных элементов, вербо- вавшихся из людей мало надежных («злодействующих» и осу- жденных на смерть).

Далее автор разъясняет, откуда вербовались люди, приняв- шие участие в «разбойничестве». Ни разу автор не вспоминает крестьян и очень много говорит о холопах. «Мнози от вельмож, не токмо род его, но и блюдомии ими, многих человек в неволю к себе введше служити... и не от простых токмо ради нарочита рукоделия или какова хитра художества, но и от честнейших издавна многим имением и з селы и с вотчины, наипаче же из- бранных меченосцев и крепких во оружии». Знать и их вассалы успели привлечь к себе на службу не только многих ремеслен- ников, но больше всего опытных в военном деле людей, причем брали у них «силою и муками» «написание служивое», т. е. вы- мучивали служилые кабалы.

Во время голода эти вельможи и их вассалы, не в состоя- нии будучи прокормить свою «челядь», начали «рабов своих на волю отпущати»; одни оформили освобождение отпускными грамотами, другие просто изгоняли своих холопов. Среди гос- под репутация этих изгнанных холопов была невысокой, так что их боялись к себе принимать как бунтовщиков («ради во- ровства»). Положение этих отпущенных и изгнанных холопов стало безвыходным: работы они не находили, многие умирали, другие озлоблялись и становились в ряды борцов с существую- щим строем («в сичевых же озлоблениях велико зло сотворися во всяких местех»). Вся дворня опальных бояр распускалась («вси раби распущены быша») с волчьим паспортом («заповедь же о них везде положена бысть, еже не примати тех опальных бояр слуг никому же»). Некоторые из этих слуг сознательно становились на сторону своих пострадавших господ, него- довали на царя и в озлоблении ждали случая к выступлению против него. А те, для кого военное дело было привычным, организовывались в настоящее войско, исчисляемое тыся- чами: «более 20 тысящ» прибыло их к Калуге и Туле и здесь объединилось с местными недовольными элементами ⁴¹.

⁴¹ Сказание Авраамия Палицына, 1909, стр. 84—87.

Вспоминает Авраамий Палицын и Ивана Болотникова, подчеркивая, что он тоже был холоп, «заводчик всей беде»⁴².

Едва ли могло быть случайностью, что Авраамий Палицын в этой ответственной по теме главе остановил свое внимание именно на кабальных холопах. Кабальные холопы, сосредоточенные, как правило, в дворах, особенно больших и богатых, часто в городских, навербованные из довольно разнообразных слоев бедняков, среди которых было много людей годных к военной службе (недаром Судебник разрешал давать служилые кабалы только тем детям боярским, «которых государь от службы отставит»⁴³), а, как уверяет Палицын, и обученных военному делу, очевидно, имели больше возможности устраивать организованные выступления, были более ориентированы в обстановке и яснее понимали свои интересы, чем распыленная на огромных пространствах крестьянская масса.

Этим сопоставлением я отнюдь не собираюсь отрицать выступление крестьян. Мы могли видеть их поведение: они бегут от своих господ, иногда отказывают им в повиновении, немало крестьян-беглецов оказалось на «украинах» среди казаков. Все это факты несомненные. Но все-таки господа и помещичье государство боялись восставших и организованных холопов больше, чем крестьян. Это объясняет нам разницу в законодательных мероприятиях, принимаемых властью по отношению к крестьянам и холопам в период обострения классовой борьбы и интервенции.

События развивались. Крестьянский и холопский вопросы не снимались с очереди и решались каждый раз в новой обстановке.

Если первый Самозванец, а за ним и Шуйский не вспоминали о временности заповедных годов, считая крестьян крепостными, то после падения Тушина, когда в надежде на умиротворение страны тушинцы обратились к Сигизмунду с просьбой дать им в пари своего сына Владислава, землевладельцы обнаруживают опасение, как бы новая власть не вернулась к старой практике и, в частности, не восстановила бы Юрьев день. Опасение достаточно неосновательное, так как и Польша в это время была страной вполне крепостнической.

В договоре 4 февраля 1610 г., заключенном под Смоленском тушинской делегацией с королем Сигизмундом, введена специальная статья о том, что в отношении общественного строя новая власть гарантирует крепостной порядок. За земле-

⁴² Сказание Авраамия Палицына, стр. 104.

⁴³ Царский Судебник, стр. 81.

Владельцами остается право на землю, на крестьян и на холопов:

«16. Мужиком хрестьяном до Литвы з Руси, а з Литвы до Руси и на Руси всяких станов людем русским промеж себе выходу не кажет король его милость допушати.

17. Холопов невольников боярских заховывати рачит его королевская милость при давных звычайех, абы бояром альбо паном своим служили по первшому; а вольности им господарь его милость давати не будет рачить»⁴⁴.

Статья 16 изложена несколько туманно, но смысл ее проясняется при сопоставлении с аналогичной статьей договора с Сигизмундом 17 августа того же года. Там смысл этой статьи раскрыт полностью: «Торговым и пашенным хрестьяном в Литву з Руси и з Литвы на Русь выходу не быть; также и на Руси промеж себя хрестьяном выходу не быти. Бояром и дворяном и всем чыном держати крепостных людеи по прежнему обычаю по крепостям»⁴⁵.

Помня недавнюю практику Василия Шуйского, тушинская делегация вставляет в договор особую оговорку о том, что вольности крестьянам и холопам-невольникам государь давать не будет. Владислав, насколько можно судить по скудным источникам, как будто держался золотой середины: он не давал вольности крестьянам, но и не отнимал у них надежды на облегчение их положения. В наказе 1610 г. от имени королевича Владислава С. Левшину для управления Чухломой предписывалось крестьян «беречи... от продаж и от насильств и крестьян из-за государя никуды не выпускать и самому не возить ни от кого *до государева указу*»⁴⁶.

В той части России, которая в это тяжелое время подпала под власть шведов, мы видим то же самое. Новгородское правительство, поставленное с согласия шведов, дает наказ Вельяшову для управления дворцовыми волостями. Тут указывается «крестьян из тех погостов никуды не выпущати и возити их из-за государя никому не давати, а за государя в те погосты крестьян *до государева указу* ни из-за кого не возити ж, опроче вольных людеи»⁴⁷.

После низложения Шуйского (7 июля 1610 г.), когда от имени Сигизмунда III в переговорах с Русью выступил Станислав Жолкевский, был заключен 17 августа 1610 г. новый договор, в котором, как указано выше, повторена та же основная мысль⁴⁸.

⁴⁴ АЗР, т. IV, № 180, стр. 317.

⁴⁵ СГГид, т. II, № 199, стр. 396; № 200, стр. 404.

⁴⁶ Древн. Росс. Вивл., изд. 2, т. XI, стр. 368—369.

⁴⁷ ДАИ, т. I, № 167, стр. 296.

⁴⁸ СГГид, т. II, № 190 и 200.

От 15 мая 1611 г. мы имеем жалованную грамоту Сигизмунда Якову Маржерету на вотчину. В этой грамоте, между прочим, написано: «ему капитану тою вотчиною владети, а крестьяном его слушати во всем, пашню на него пахати и доход ему всякий платити, да *крестьяном* же из-за него за бояр наших, и за окольных, и за дворян и за детей боярских, и за патриарха, и за монастыри, *не выводити* и ниному их не вывозити. А будет крестьяне учнут из-за него за кого выводити, или кто их учнет вывозити, и бояром нашим и воеводам и всяким нашим приказным людям тех крестьян сыскивати, а сыскав, велеть за ними жити по прежнему»⁴⁹.

Собравшись на собор под Москву вместе с казаками в самую критическую минуту 30 июня 1611 г., когда сформировалось первое ополчение, служилые люди составили приговор, в котором наметили основы правительственной деятельности.

«Всею землею» выбраны были воеводы-начальники — Ляпунов, Трубечкой и Зарупкий. Им поручено было «строить землю и всяким и ратным делом промышлять». Власть их была ограничена Советом «всея земли», т. е. Земским собором. Была восстановлена часть самых необходимых приказов. Сделана была попытка урегулировать запутавшийся вопрос о землевладении вотчинном и поместном, при этом нельзя было обойти молчанием и вопроса о рабочих руках, столь необходимых землевладельцам, в значительной своей части разорившимся во время «Смуты». Решено было отобрать поместья у тех, кто не служил в войске, и отобрать излишки поместной земли сверх оклада, за исключением тех служилых людей, которые даны были Скопиным-Шуйским на поход из Новгорода к Москве; отобранные земли отдать неимущим и разоренным служилым людям, находящимся в войске («для их бедности и разорения»); оставить поместья у жен и детей дворян, задержанных Сигизмундом в Польше, у вдов и сирот убитых на службе. Разрешено было давать поместья и казакам. «А которые атаманы и казаки служат старо, а ныне похотят верстатися поместными и денежными оклады и служить с городы, за их службы поместными и денежными оклады поверстать, смотря по их отечеству и по службе».

Относительно крестьян и холопов приговор, составленный в интересах служилых людей — помещиков, распорядился в достаточной степени радикально: «А которые дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в разоренье вывозили у своей же братьи, у дворян и детей боярских, крестьян и людей, и которые, от них выбежав, живут по городом по по-

⁴⁹ АЗР, т. IV, стр. 409—410.

садом, и про то по их челобитью сыскивати, а по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам»⁵⁰.

Нетрудно заметить, что здесь крестьяне и люди тракуются как объект права и только. Помещики во время разрухи сами нарушали интересы своей же братьи. Закон старается защитить пострадавших помещиков.

Между тем совсем недавно, именно тогда, когда собиралась рать под Москвой для большого патриотического дела, та же временная власть стояла как будто на других позициях. Она звала беглых людей в ряды своего войска, обещая им не только полную безнаказанность, но и свое жалованье.

В апреле 1611 г. бояре, воеводы и служилые люди, собравшиеся близ Москвы, были довольно близки к тому, чтобы признать беглых холопов свободными гражданами. В своем обращении к массам вожди ополчения, между прочим, говорили: «а которые боярские люди крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты им от бояр и воевод и ото все земли приговору своего дадут»⁵¹.

С. Ф. Платонов давно уже обратил внимание на противоречие между этим многообещающим призывом от апреля 1611 г. и приговором 30 июня того же года. Платонов считает, что призыв «не сулил свободы всем боярским людям, которые оставили бы своих господ для службы в земской рати под Москвой»; иначе это был бы «социальный переворот». Грамота земских воевод будто бы разумела лишь тех боярских людей, которые с «иными казаками» уже жили на воле «старо» и могли явиться под Москву «в составе казачьих станиц».

Конечно, о «социальном перевороте» говорить не приходится. Призыв имел в виду не разрешение холопам покидать своих господ, а лишь амнистию успевшим бежать раньше во время всех сложных перипетий «Смуты». Но само собой разумеется, что и этот призыв был очень «рискованным», так как будил надежды и у тех, на кого это обещание и не распространялось⁵².

Приговор 30 июня во всяком случае не мог не вызвать недовольства в среде крестьян и холопов, и, что оказалось самым опасным для дела ополчения, в среде казаков, ряды которых пополнялись значительным числом беглых крестьян и холопов. Это недовольство не замедлило сказаться в самой резкой форме: Ляпунов, которого казаки считали автором приговора, и его защитники поплатились жизнью. В лагере ополчения начался раскол.

⁵⁰ Н. М. Карамзин. Ист. гос. Росс., т. XII, прим. 793.

⁵¹ СГГД, т. II, № 251, стр. 537.

⁵² С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты, стр. 379—380.

Победа над поляками, освобождение Москвы, созыв нового Земского собора и избрание на престол Михаила Федоровича Романова укрепили государство помещиков и этим самым решен был и крестьянско-холопский вопрос.

Крестьянская крепость заметно устанавливалась. Сколько опасностей грозило наемному человеку, желавшему сохранить свою свободу, мы видим в одной из дошедших до нас порядных 1640 г., стало быть, за 8 лет до Уложения Алексея Михайловича. Вольный человек порягается на изделие и желает при этом сохранить свою вольность. Другими словами, он нанимается на земледельческую работу. Но он прекрасно знает, что его подстерегает на этом поприще, и потому в своей порядной делает важную оговорку: его хозяин должен обещать «не называть (его, порядчика) старым своим крепостным крестьянином, ни поместным, ни купленным, ни поступным, ни вымененным, ни закладным, ни найденышем своим, ни вскормленным своим»; «во крестьяне ни в холопи (его, порядчика) не крепить, ни на сени не брать, ни в приданые, ни в даные, ни в поступные, ни продавать, ни променивать, ни в заклад закладывать», «сильно... не крепить и не кабалить и в книги не записывать», «не требовать лишнего изделия» и никаких «наметов... не прибавлять и столового запасу... не иметь». Хозяин должен его, порядчика, «от сторон оберегать, никому в обиду не давать». Порядчик обязуется быть своему хозяину «во всем подручну и послушну»⁵³. Эту порядную заключил некий Василий Дворяшенок с боярином Ординым Нащокиным на Псковской территории 8 декабря 1640 г.

О заповедных годах уже никто официально не вспоминал, если не считать за официальные документы те порядные, на которые обратил внимание М. А. Дьяконов. В этих порядных крестьяне не забывают о временности заповедных годов, лелеют надежду на их отмену и пишут в порядных по старине условие жить за своими землевладельцами «до государевых выходных лет».

Псковская приказная изба не протестовала против этих формулировок, так как, повидимому, не было никакого специального указа о том, что надеяться на государевы выходные годы запрещено. Власть во всяком случае разговоров на эту тему с осуждением правительства, не дающего выходных годов, не поощряла⁵⁴. Едва ли мог воскреснуть Юрьев день, если общие условия жизни России, экономические и социальные, решительно складывались не в пользу крестьян и холопов.

⁵³ Рукопись Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁵⁴ М. А. Дьяконов. Заповедные и выходные лета. Изв. Петрогр. политехн. института, т. XXIV, стр. 19—20; Н. Новомбергский. Слово и дело государевы, т. I, стр. 71, 198, 249.

В тот момент, когда Россия решала сложный вопрос о дальнейшей судьбе своих крестьян и кабальных людей, тот же вопрос уже был решен во всей Европе на восток от Лабы (Эльбы) не в пользу крестьян.

Во втором десятилетии XVII в., когда хозяйственное разорение в России достигло значительно больших размеров, чем в 70—80-е годы XVI в., вопрос о материальном обеспечении служилого человека, иначе армии, стал еще острее, чем тогда, а политическое положение помещика выросло.

Знакомая уже нам картина: сокращение пашни, рост перелого, уменьшение количества населения и, стало быть, тягловцов, ослабление тяглоспособности крестьянина, умножение числа бобылей за счет крестьян, и в то же время крайняя нужда государства в средствах для залечивания ран и защиты от внешних врагов⁵⁵.

Правда, хозяйственное потрясение ликвидировалось заметными темпами, войско крепло количественно и качественно, разрешались довольно благополучно внешнеполитические задачи. Но землевладелец, получивший в свое распоряжение крестьянские и холопские рабочие руки, не только не склонен был в какой бы то ни было мере от них отказываться, но обнаружил явную тенденцию к дальнейшему расширению на них своих прав.

VII. БОРЬБА ПОМЕЩИКА ЗА ОСВОЕНИЕ ПОМЕСТЬЯ И ОТМЕНУ «УРОЧНЫХ ЛЕТ» И УЛОЖЕНИЕ 1649 г.

Потрясение, пережитое Русской землей в первые два десятилетия XVII в., и ликвидация его последствий, падающая на 20—30-е годы того же века, весьма заметно отразились на судьбах различных видов землевладения.

Землевладение дворцовое значительно сократилось, черные земли, там, где они могли быть использованы в целях испомещения армии, почти исчезли, рост земельных приобретений церковью приостановился, увеличилось землевладение служилое. Это итоги. Процесс, приведший к ним, был сложным и достаточно длительным.

В период «Смуты» большое количество земель, числившихся в составе служилых, стало порожим либо вследствие смерти помещиков, либо вследствие их выбытия. В центре государства

⁵⁵ После обстоятельной работы Ю. В. Готье «Замосковский край в XVII веке», где рассмотрен вопрос о хозяйственном разорении страны в период «Смуты», нет нужды останавливаться подробно на этом сюжете.

процент порозжих поместных земель Ю. В. Готье изображает в следующей таблице ¹.

		%
Боровский	уезд	10,2
Зубцовский	»	10,9
Московский	»	27,6
Ржевский	»	59
Новоторжский	»	70

Использовать этот пустой и разоренный поместный фонд для новых раздач было трудно именно потому, что эти недавние поместья лежали в полном смысле слова впусе. Вполне понятно, почему власть, в целях укрепления армии, в первую очередь использовала земли дворцовые и черные и лишь потом, когда этих земель уже стало нехватать, обратилось к порозжим поместным землям.

Первое достижение служилых людей — дворян выразилось в освоении ими поместных земель, т. е. в превращении поместья в вотчину. Условность владения помещьем, постоянные опасения, что земля от помещика или его семьи может быть отобрана и возвращена в государственный фонд, ставили перед служилым человеком задачу добиться превращения поместья в вотчину, т. е. превращения условного владения в собственность.

Вотчинное землевладение — явление очень старое. Пожалование земли в вотчину практиковалось с давних времен. Эти пожалования усилились в связи с освобождением страны от интервентов: 1612—1613 г. ознаменовались большой раздачей земель в вотчину тем лицам, которые участвовали в освобождении Русской земли. Подобные раздачи земель в вотчину практиковались в значительных размерах и позднее, особенно в 1619—1620 гг. Превращение поместья в вотчину делалось и при помощи покупки: с разрешения государства можно было поместье или порозжую землю купить в вотчину.

Процесс разрастания вотчинного землевладения, как более удовлетворявшего служилого человека, за счет поместного неуклонно развивался в течение всего XVII в. В 1684 г. было повелено все поместья умершего, сколь бы они велики ни были, справлять за сыновьями покойного. Государство перестало оберегать поместье как таковое, как землю, обеспечивающую несение военной службы, с тех пор как между вотчинником и помещиком в отношении службы исчезла всякая разница. Окончательно и формально этот длительный процесс освоения помещиком поместной земли завершен был петровским указом 23 марта 1714 г. о единонаследии, где поместья и вотчины объединяются под общим названием недвижимых имуществ. Для

¹ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, М., 1906, стр. 379.

всех таких имуществ установлено было одинаковое право распоряжения, и все они подчинены одинаковому праву наследия².

Это несомненный и большой успех помещика — служилого человека. Между боярином-вотчинником и служилым человеком — помещиком исчезла принципиальная разница. Подготовлено было слияние этих прослоек землевладельцев в сословие шляхетское, или иначе дворянство. Этим, однако, притязания помещиков — служилых людей не исчерпывались. Помещик был заинтересован и в том, чтобы окончательно закрепить за собой рабочие руки. На пути к достижению этой цели стояли так называемые «урочные годы», т. е. сроки, ограничивающие право помещика на разыскивание беглых крестьян.

Как мы уже знаем, сроки эти впервые установлены были указом 24 ноября 1597 г., когда введена была исковая 5-летняя давность. Уложение Василия Шуйского 9 марта 1607 г. расширило в угоду помещикам этот срок до 15 лет. Но этот закон, как принадлежащий авторству низверженного царя, предан был забвению. Указ о заповедных годах несомненно трактовал временное закрепощение крестьян без урочных лет, т. е. без всяких ограничений исковых сроков на беглых. Беглого можно было возвращать в любой момент, когда бы ни нашел его хозяин. Такой порядок вполне мог бы удовлетворить помещика, если бы этот порядок оставался в силе. Но дело именно в том, что он существовал недолго, и пятилетняя давность исков снова воскресла, очевидно, в ходе «Смуты».

Во всяком случае дети боярские в 1637 г. изображали дело так, что беглые крестьяне находят себе прием у «сильных людей всяких чинов», которые в целях их сокрытия в течение урочных лет «отвозят беглых крестьянишек... в дальние свои поместья и в вотчины, надеючись на... государевы на указные годы на 5 лет». «И как твои государевы указные годы выйдут, — пишут помещики, — и они возят тех... беглых крестьян и людшек в ближние свои поместья и в вотчины, которые их поместья с нами... смежно..., и достальных наших крестьянишек... подговаривают. И обида и продажа великая нам, холопом твоим, от них в их больших поклепных исках...»³.

В этом изображении бедственного своего положения челобитчики говорили сузую правду. Мы можем в этом убедиться по изданным документам боярина Б. И. Морозова.

Прежде всего здесь бросается в глаза несоответствие между показной стороной дела и подлинной практикой. Мы бы сделали очень большую ошибку, если бы поверили тому, что писал Б. И. Морозов официально.

² К. А. Неволин. История рос. гражд. законов, т. II, стр. 255.

³ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 38, 39, 42.

В наказе приказчику, иначе в уставной грамоте по управлению вотчиной, в числе обязанностей приказчика стоит совершенно недвусмысленное предписание: «Да будя в вотчину мою... учнут приходить крестьяня из-за дворян и из-за детей боярских, хотя из дальних городов (их легче укрыть.— *Б. Г.*), а называтца станут вольными и не крепостными..., отнюдь их не принимать, ссоры в том не чинить»⁴.

На деле же происходило совсем не то. Б. И. Морозов, очевидно, устно, а иногда и письменно, но секретно, давал своим приказчикам совсем другие наставления, и приказчики не только принимали беглых, но, повидимому, и сманивали их, как об этом и пишут в своих челобитных дворяне и дети боярские. Очень показательное поведение Б. И. Морозова в процессе по возвращению обратно беглых крестьян и кабальных людей, незаконно принятых морозовскими приказчиками, конечно, с ведома и благословения их хозяина.

Обычно в таких случаях потерпевшая сторона обращается в суд. К Борису Ивановичу Морозову обращались потерпевшие непосредственно («...которые дворяне и дети боярские били челом *мне* о крестьянской отдаче»). Б. И. Морозов от себя посылает со своей грамотой человека к приказчику той вотчины, где живут разыскиваемые беглые. Посылаемый боярином Морозовым уполномоченный едет вместе с разыскивающими своих крестьян дворянами и детьми боярскими. Он снабжен вполне корректной официальной инструкцией и перечнем как дворян и детей боярских, которые едут вместе с ним, так и подлежащих выдаче крестьян и кабальных людей.

Но эта корректность — только внешняя. В грамоте, которой снабжается морозовский уполномоченный, есть ссылка на другую секретную грамоту, посланную в ту же вотчину несколько раньше. Именно этой грамотой и рекомендует Морозов своему приказчику руководствоваться.

Эта секретная грамота по своей откровенности великолепна. 14 июля 1648 г. Б. И. Морозов писал приказчику села Богородского Арзамасской вотчины и давал ему инструкцию, как вести себя по отношению к детям боярским, разыскивающим в морозовских вотчинах своих беглых крестьян.

Морозов прекрасно знает, что он сильно повинен в приеме, а вернее всего и в сманивании к себе чужих крестьян. Он также хорошо знает, что дворянство и дети боярские ненавидят его, Морозова, и недавно требовали его смерти, от которой он спасся хитростью и заступничеством самого царя. Но Б. И. Морозов нисколько не раскаивается в своих преступлениях. Он только

---

⁴ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., вып. 1, 1933, стр. 115.

стремится скрыть их следы и по возможности больше оставить за собой незаконно полученных беглых крестьян и кабальных людей. Своим приказчикам он секретно сообщает свои планы и рекомендует определенные действия. Он даже упрекает своих приказчиков в том, что они поспешили исполнить закон и выдали таких беглых, которых можно было при известной ловкости удержать за собой⁵.

Он разрешает выдавать только тех беглых, на которых есть челобитья и предъявленные совершенно точные документы и которые пришли в его вотчину «в недавних летех». «И вам бы,— советует он,— хто крепостей не положит, за тех мошно и постоять». Советует он также прятать беглых на время пребывания в его вотчине детей боярских, разыскивающих своих крестьян («а иных бы крестьян на то время мошно и поприхоронить, чтобы было незнатно, а им дворяном и детем боярским неведомо»). Морозов учит своих приказчиков, как надо врать при встрече с дворянами и детьми боярскими («а и то вам им, дворяном и детем боярским, мошно говорить: которые крестьяне в вотчине моей и попристали, а послышавше зарушное челобитье, они и разошлись»).

Другая инструкция приказчику Тверской вотчины от 11 июля 1648 г. еще более красочна и откровенна: «И как к вам ся моя память придет, а дворяне и дети боярские с ним, Анисимом (уполномоченный Морозова.— *Б. Г.*), приедут, и вы б с ними дворяны и с детьми боярскими зделку и крестьянскую отдачу чинили по прежнему моему указу и по наказной памяти, как к тебе преж сего указано. А буде которой челобитчик бьет челом лет за 11 или за 12 или за 15, и вы б с ними говорили, что по ся места челобитья вашего не бывало (ссылка на урочные годы.— *Б. Г.*), и за тех бы вам и постоять. А буде заупрямитца, и ты б отдал (Морозов учитывает бурную обстановку, для него неблагоприятную.— *Б. Г.*). А их бы, крестьян, роспрашивал по чему им крепки, по писцовым ли книгам или по иным каким крепостям. И буде каторой в писцовых книгах не написан, и ты б тем и говорил, что вступаесть за посмех, какое видя безвременье над государем моим. А буде хто скажет дворян по чему ему крестьянин крепок, и он бы так и в отпись написал, буде не заупрямитца, что взял он своего крестьянина, а крепок ему по тому-то». Рукопись тут обрывается: утрачен целый сстав. А далее читаем: «...буде нарочитой крестьянин и семьянист и всем заводен и не вор, и тебе б за нево и постоять, буде мошно, и на то время и поухоронить, а крестьяном накрепко заказать, чтоб отнюдь про нево никто ни-

---

⁵ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., вып. 1, Л., 1933, стр. 15.

чего не сказывал. А будет ево так не мощно укрыть, ино сказать, что и был тем именем крестьянин, твой или не твой, а сведав отдачу, и он из боярской вотчины вышел. Да и о том бы тебе дворяном говорить, которым крестьян лучитца отдать, а иным бы они никому ничего ни про что не сказывали и вотчины б боярской ничем не оглашали»⁶.

Морозов боится за репутацию свою, боится и дворян и детей боярских, поэтому и советует своим приказчикам обращаться с ними вежливо и даже гостеприимно: «да велеть бы вам в моем хлебе пиво сварить, и которые дворяне и дети боярские в вотчину мою для крестьян з грамоты моими учнут приезжать, и их бы потчивать, и ни в чем их не безчестить и честь им воздавать, а о зделке говорить им покладным обычаем». Морозов велит приказчикам дать приказание крестьянам, чтобы они «отнюдь в ту пору не шаталися и шуму б никакова не заводили»⁷.

Совершенно понятно, почему Морозов и принятые им беглые крестьяне действуют заодно: и тот, и другие — правонарушители. Крестьяне нарушили закон тем, что бежали, Морозов — тем, что противозаконно принял беглых, а может быть, и сманил. Поэтому не удивительно, что он через своих приказчиков успокаивает крестьян, незаконно у него живущих: «а крестьяном бы говорить, чтоб жили за мною попрежнему, о отдаче не сумневалися, об иных и челобитья нет». Морозов надеется удержать за собой даже и тех, о ком уже есть челобитье⁸.

Беглого крестьянина Федосейку Микифорова сына Легошова, о котором, очевидно, уже возникло дело, Морозов посылает в свою Тверскую вотчину и наказывает приказчику: «И как к тебе ся моя грамота придет, а он Федосейко приедет, и ты б, Смирной (приказчик. — *Б. Г.*) велел ему Федосейку жить в вотчине моей в селе в Городке попрежнему на тяглом его жеребью, а об отдаче бы он Федосейко и с женою своею Дашкою не сумневались». Далее в подлиннике зачеркнуто: «буде лучитца отдать ему Семену Желнинскому (истец. — *Б. Г.*), ино отдать по вдове Окулинке Овдокимка Иванова, а не ево Федосейка, а буде Овдокимка доведетца отдать, тогда с ним Семеном Желнинским и указ к тебе Смирному будет»⁹.

Сколько тут разнообразия в обходах закона! Морозову хочется Федосейку оставить за собой во что бы то ни стало. Морозов не уверен, удастся ли ему это, но не склонен складывать оружие. Трудно было среднему или мелкому служилому

⁶ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., вып. 1, Л., 1933, стр. 143.

⁷ Там же, стр. 16.

⁸ Там же, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 142.

человеку тягаться с Морозовым. А таких Морозовых было много. Против них-то и поднялись дворяне и дети боярские.

Они поставили себе целью добиться уничтожения пятилетнего срока исков. Имея возможность встречаться и обмениваться своими думами на смотрах, куда созывалось большое число служилого люда, помещики составляли челобитные и обращались с ними к власти.

В 1637 г. дети боярские просят царя отменить «урочные годы — пять лет» и пожаловать их «вечным» государевым жалованьем, «как было при прежних государех». В челобитье 1641 г. они писали так: «в прежних-де годех и при прежних государех в тех беглых крестьянех урочных лет не бывало»¹⁰. В другом варианте того же челобитья к этой фразе сделано существенное добавление: «крепки им крестьяне были по поместным дачем и по писцовым книгам и по выписям, кому кто старее в дачех»¹¹. Восстановления этого порядка помещики и хотели. Об этом они и писали в своих челобитных: чтобы «урочные лета... отставить, а тех... их беглых крестьян отдавати по поместным их дачем и по писцовым книгам и по выписям, кому кто чем крепок»¹².

Ясно из этих заявлений и то, кто и почему не возражал против существующего порядка разыскания беглых. Это богатые землевладельцы, у которых были, как мы видим, возможности и сманить, а главное, удержать за собой беглого крестьянина. Эта знать, обновленная в период «Смуты» в своем составе и успешная в царствование Михаила Федоровича занять видное политическое положение, оттеснив тех, кто еще недавно был хозяином положения и возводил на престол новую династию, ловко пользовалась старым законом. Дети боярские прекрасно это видели и, вполне естественно, изыскивали средства самозащиты.

Этих средств было немного, в данной обстановке, пожалуй, одно — обращение к царю с челобитными, в которых дети боярские в ярких чертах изображали свое бедственное положение, стараясь разжалобить власть: они-де «от служб обедняли и одолжали великими долги и коньми опали и поместья их и вотчины опустели, и дома их оскудели и разорены без остатку от войны и от сильных людей»¹³.

Но уже самая возможность составления и подачи царю челобитной от огромного коллектива, возможность общего предварительного обсуждения своих нужд и сговора относительно своего по отношению к власти поведения — уже это

¹⁰ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 42.

¹¹ АИ, т. III, № 92.

¹² П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 43.

¹³ Там же, стр. 47.

должно было, с одной стороны, сообщать детям боярским некоторые надежды на успех их дела, и с другой — создавать настороженное состояние власти.

О количестве собираемых ежегодно в одном месте служилых людей мы можем судить по точным данным. 17 сентября 1639 г., например, по государеву указу было отпущено из Тулы 13 634 человека московских и городских служилых людей и 2089 человек стрельцов. Эти цифры имели тенденцию расти.

С каждым из помещиков ехали его «люди», вооруженная челядь. Прежде чем собраться в Туле, куда съезжались дворяне и дети боярские на южную границу из замосковских городов, они успевали побывать в Москве, где каждую весну собирались около 20—30 тысяч служилых людей. Иногда их и оставляли тут же, как это было в 1647 и весной 1648 гг.¹⁴. Дальнейшие события показали, что дети боярские, сплоченно продолжая свои выступления, перешли от тактики жалобных просьб к угрозам и, наконец, в 1648 г. взяли за оружие, после чего все их желания были удовлетворены.

Требования об отмене урочных лет делались все настойчивее по мере того, как положение помещика становилось сложнее и затруднительнее, а политический момент для него более благоприятным.

Дело в том, что с того времени как крестьянские переходы были формально запрещены, стало очень трудно «называть» себе крестьян, а без них земля теряла всякую ценность. Обеспечением службы помещика становится уже не столько земля, сколько рабочие крестьянские руки, «крестьянские дворы». Вопрос о доходности поместья сводился к вопросу о его населенности и делался до чрезвычайности острым.

Уже с конца XVI в. главное внимание отделищников помещной земли было обращено на наличие и количество крестьянских и бобыльских дворов, с перечисления которых и начинаются «отдельные книги», и только после этого уже отмечается количество отделяемой в поместье земли; раздел земли стал второстепенной операцией по сравнению с разделом крестьянских и бобыльских дворов.

В связи с этими изменениями в отношениях землевладельцев к земле и к обрабатывающим ее людям стоит и введение в 20-х годах XVII в. в практику так называемой «живущей четверти», заключавшейся в том, что при описании земель платная податная единица стала исчисляться по количеству крестьянских и бобыльских дворов. С 20-х годов в разное время для разных городов правительство издавало указы, «почему крестьян и бобылей в живущую пашню на четь класть».

---

¹⁴ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 4—5.

Затруднения в привлечении на землю рабочих рук, усиление нужды в них создали новый критерий в определении хозяйственной ценности имения. В 1625 г., например, вологодские помещики жаловались: «а дачи за нами... небольшие и в оклады нам не сполнено: на 100 четвертей доставалось всего по 4 крестьянина, а на 80 — по 3 крестьянина, а на 50 — по 2 крестьянина»¹⁵. В 1627—1628 гг. бил челом помещик В. Шайдуров по поводу того, что в его отсутствие отделищик отделил другим помещикам «наперед лутчих крестьян выбором с семьями и сыновьями» и отнял у него усадебный двор с крестьянином и четырьмя взрослыми сыновьями, которые до этого его, помещика, «поили и кормили и на службу помогали»¹⁶. Помещики довольно определенно становятся на ту точку зрения, что они служат с крестьян, а не с земли, и правительство с ними соглашается: в 1633 г. перед отправлением в Смоленский поход служилые люди обратились к царю с просьбой выдать им жалованье, так как они бедны, и им с наличного количества крестьян «подняться и на службе быть не мочно».

На эту просьбу последовало решение: «выдать государева жалованья беспоместным и пустопоместным — по 25 рублей; у кого до 15 крестьян — 20 рублей, а за кем больше 15 крестьянинов, и тем жалованья не давать»¹⁷.

Так сама жизнь подготавливала переход исчисления достатка землевладельца с количества земли на цифру крестьянских душ.

При этих обстоятельствах совершенно понятно, что служилые люди проявляют большую нервозность в вопросе о беглых крестьянах.

Нельзя забывать, что отсутствие помещика из поместья, а это для служилого человека XVII в. было явлением обычным, — очень удобное условие для крестьянских побегов и большое затруднение для разыскания беглых.

Исследователь дворянских челобитных, конечно, не мог не заметить, что «дворян и детей боярских разных городов занимал в сущности один вопрос — крестьянский»¹⁸.

Иначе и быть не могло, когда, по словам дворян, «сильные люди всяких чинов тем их беглым людям и крестьянам на пустых местах слободы строят» или же «отвозят... в дальние свои поместья и в вотчины», надеясь по истечении пятилетнего срока владеть полученной нелегально рабочей силой уже на самом

---

¹⁵ Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому у. в XVII в., собр. В. Н. Сторожевым, вып. 1, стр. 34—38.

¹⁶ Там же, стр. 90.

¹⁷ ААЭ, т. III, № 238; С. И. Т х о р ж е в с к и й. Поместье и крестьянская крепость, «Груд в России», 1924, № 1, стр. 96.

¹⁸ П. П. С м и р н о в. Челобитные дворян, стр. 7.

законном основании. Пятилетний срок исков делает детей боярских беспомощными в возвращении своих беглых: «в пять лет мы, — пишут они в своих челобитных, — тех своих крестьян и людшек за твою государевою беспрестанною службою и за московскою волокитою проведать не можем, а на них (сильных и богатых) не можем и суда добитца. А кто и суда добьетца, и мы... волочимся за судными делами на Москве и в приказах лет по 5 и по 10 и больши», а «беглые наши крестьяне из лет выходят», т. е. легализуются на новых местах, куда они выбежали, за теми, кто их незаконно переманил или принял ¹⁹.

Дело розыска беглых было нелегким, а для помещика малосостоятельного — даже недоступным. Истец должен был указать место, где и у кого скрывается беглый. Простой заявки о побеге крестьянина было недостаточно ²⁰. Отсюда и уловки богатых землевладельцев, на поведение которых жаловались дворяне и дети боярские. Богатые люди в своих отдаленных имениях скрывали беглецов в течение 5 лет так, что потерпевший не мог узнать, где находится бежавший от него крестьянин. Между тем бежавший за это время успевал обзавестись хозяйством и на своем новом месте уже мог быть записан в писцовую книгу, т. е. в тягло. Государственная власть должна была задуматься, что целесообразнее: легализовать ли нового тяглеца или, оторвав его от хозяйства, возвращать старому хозяину.

Само собой разумеется, что потерпевший помещик, если он был вообще не богат, был кровно заинтересован в возвращении ему беглеца, но у небогатого помещика не было никаких возможностей раздобыть все необходимые сведения о своем беглом. Совсем в другом положении находился землевладелец богатый. Он организовывал наблюдение над своими крестьянами для определения их настроений и намерений. В вотчине боярина Бориса Ивановича Морозова, например, заметили, что крестьянин Никита Иванов ненадежен, «живет непрошно». Обнаружилось, что старый хлеб свой он продал, сено скосил и тоже продал. Отсюда сделали вывод, что он собирается бежать и побег предупредили ²¹.

Как мы видели, богатейший Троице-Сергиев монастырь мог поставить у себя образцово дело разведки. Он это и осуществлял. Монастырь не только прекрасно знал, когда, куда и откуда сбежал его крестьянин, но и имел возможность следить за биографией беглого крестьянина в период нахождения его в бегах (см. стр. 319).

---

¹⁹ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 39, 42.

²⁰ С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 147.

²¹ Хозяйство крупного феодала-крепостника, вып. 1, стр. 85.

Чтобы наблюдать, собирать эти сведения и их записывать и хранить, нужна была солидная организация, совсем недоступная провинциальному сыну боярскому.

Не удивительно, что богатейший Троицкий монастырь в самый разгар хозяйственной разрухи, лишь только установилась власть, к которой можно было обратиться с челобитьем, обращается с просьбой к царю Михаилу Федоровичу о разрешении сыскивать беглых своих крестьян не в пятилетний, а в девятилетний срок. 22 февраля 1614 г. монастырь получил просимое. К челобитью монастырь приложил обстоятельную справку о всех своих беглых — «имянные росписи за Троецкого Сергиева монастыря келарскою печатью», на основании которых Большой приказ, которому было поручено это дело, составил свои интереснейшие свозные книги.

В этих свозных книгах имеются: 1) поименный перечень беглых троицких крестьян; 2) данные предварительного сыска, произведенного силами самого монастыря; 3) результаты деятельности государственных свозчиков. Свозные книги охватывают девять лет (1605—1614 гг.).

Эти свозные книги подверглись обследованию А. Г. Манькова, который свел материал в таблицы и сделал из них несколько ценных выводов.

Оказывается, что 1605 г. дал наибольшее количество беглых—28%. Этот процент к 1613—1614 гг. систематически и очень значительно понижался²².

Наблюдения А. Г. Манькова прекрасно раскрывают всю ту большую работу, которую должен был проделать землевладелец, если он хотел серьезно рассчитывать на успех в деле возвращения своих беглых.

Но даже и этому привилегированному, заслуженному (стойкость во время осады поляками) и могущественному землевладельцу нелегко было осуществить свою задачу.

Вопрос в государственных учреждениях принципиально решен был в пользу монастыря. А на практике оказалось так много препятствий, что монастырю пришлось вторично обратиться к власти с просьбой о принятии мер к побуждению тех, кто не выполнял царского указа. А не выполняли его и

---

²² Автор объясняет это снижение процента «хозяйственной стабилизацией, усилением контроля над крепостным населением, а равно усилением сыска беглых крестьян, который в 1614—1615 гг. вылился в целую кампанию». Факт, установленный автором, очень важен, но с объяснением его согласиться не всегда можно: хозяйственной стабилизации в 1614 г. еще не было; это было время максимальной разрухи; усиление сыска падает тоже на 1614—1615 гг., между тем как уже в 1613 г. процент беглых снизился до 1 (А. Г. Маньков. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в 1-й четверти XVII в., Уч. зап. Лен. гос. унив., серия истор. наук, вып. 10, стр. 51.)

чиновники, которым это было поручено, и землевладельцы, за которыми сидели монастырские беглые. В своем втором челобитьи монастырь указывал на то, что в прошлом году некоторые из командированных для «свозки» беглых монастырских крестьян «дворяне и дети боярские, поймав наказы», вместо того, чтобы ехать на места, где жили монастырские беглые крестьяне, разехались по домам, «а крестьян троицких не свозили». Другие из дворян и детей боярских, получившие предписание разыскивать монастырских беглых крестьян, оказались исполнительнее, побывали у землевладельцев, незаконно владевших беглыми монастырскими крестьянами, но результат их визитов оказался очень невелик: многие богатые землевладельцы «учинились сильны, тех... крестьян вывозить им за себя не дали, а которые были вывезены, и они тем крестьянам хлеба не дали, и те крестьяне к ним к хлебу опять выбежали, а иных к себе насильством поймали»²³.

По этому новому челобитью царь поручил дело монастыря уездным воеводам, дьякам и приказным людям. Розыск пошел лучше, но далеко не блестяще. Одни из землевладельцев отвечали свозчикам вежливо. Думный дворянин Кузьма Минин, например, свозчикам заявил: «мне-де тех троицких крестьян без государева указу не отдавать, потому что теми крестьяны государь пожаловал меня». Другие поступали иначе: князь Роман Петрович Пожарский «учинился силен» и, «скопяся против государева указу великим скопом, да свозчика... и троицких крестьян, которые с ним (свозчиком) приеждяли, хотели побити до смерти и впредь к себе для тех троицких крестьян въездяти не велел: государева-де мне указу не слушати»²⁴.

Несмотря на то, что такие случаи свозчики аккуратно регистрировали и неукоснительно «о том писано бывало государю», они повторялись часто.

Несомненно, возка троицких крестьян, выбегавших в течение последних 9 лет, затрагивала интересы многих землевладельцев и беглых крестьян. К царю посыпались жалобы от дворян и детей боярских «многих» на то, что в троицкие вотчины «возят их старинных крестьян, которые жили за ними двадцать лет и больше»²⁵. Все больше и больше обнаруживалась запутанность дела о возвращении беглых. Против действий монастыря нарастало сильное недовольство.

Служилые люди в своем челобитьи царю 1641 г. в перечень людей и учреждений, причиняющих им большие огорчения

---

²³ А. Г. Маньков. Побег крестьян..., стр. 22. Указ 18 февраля 1615 г.

²⁴ Памятники хоз. истории Троице-Сергиева монастыря, т. II, стр. 44.

²⁵ ААЭ, т. III, № 66.

(бояре, митрополит, архиепископы, епископы, монастыри), включили по имени только один Троице-Сергиев монастырь²⁶.

Царь обещал издать какой-то новый указ относительно съезда троицких крестьян, но почему-то этого не сделал.

Все это показывает большую сложность и трудность разрешения запутанного вопроса о беглых крестьянах, особенно в обстановке, насыщенной отголосками еще недавно бушевавшей бури. Бросаются в глаза факты своеволия богатых и знатных людей, не желавших считаться с велениями царской власти²⁷.

Монастырь, однако, не отчаивался и продолжал начатое дело сыска беглых крестьян. Среднему же служилому человеку оно было решительно не по плечу. Служилые люди были сильны только своей сплоченностью. Они продолжали писать коллективные челобитья, в которых начинали звучать нотки раздражения.

Они добивались отмены урочных лет. По тактическим соображениям они начали со скромной просьбы уравнять их в праве сыскивать своих беглых с Троицким монастырем.

Служилые люди замосковных и украинских городов воспользовались тем, что им предписано было к Рождеству 1637 г. обратиться «для государева и земского дела». Предполагалось обсудить острый вопрос об отношениях с Турцией и татарами из-за Азова. Казаки в это время уже осаждали Азов, а осенью татары громили московские украинны²⁸.

Собравшись в столицу, служилые люди решили воспользоваться случаем и обратиться к правительству с челобитьем о своих нуждах. Основной мотив здесь — жалобы на сильных людей, насильно вывозящих их крестьян и принимающих к себе беглых, на московскую судебную волокиту и стеснительные для них сроки суда²⁹.

---

²⁶ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 42.

²⁷ Здесь уместно вспомнить поведение новгородского митрополита Киприана, не скрывавшего своего враждебного отношения к отцу царя, патриарху Филарету. Друг митрополита Киприана, воевода Юрий Яншевич Сулшов, дрожал у себя в канцелярии при одном воспоминании о том, как митрополит за столом «сбрендил» в своем отзыве о патриархе. Все это гонорит о том, что новый, избранный собором царь еще не успел приобрести необходимый авторитет. А. Н. Зерцалов. О неправдах и непригожих речах Новгородского митрополита Киприана, Чт. ОИДР, 1896, кн. 1).

²⁸ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 7.

²⁹ Там же, стр. 38—40. П. П. Смирнов (там же, стр. 7 и 16) полагает, что дворян и детей боярских волновал «выход и вывоз крестьян». Автор, очевидно, не считает с тем, что в это время никакого «выхода» у крестьян не было. В челобитных всегда говорится только о бег-

Дети боярские указывают на те нелегальные средства, к каким прибегают эти сильные люди: 1) скрывание беглых в отдаленных своих владениях в течение урочных годов; 2) в случаях передачи дел о возвращении беглых организация при помощи денег «волокуты» в приказах; 3) незаконное внесение беглых в писцовые книги; 4) выдача сманиваемым крестьянам ссуд и совершение заочных сделок, вписывание в заемные грамоты (номинально) непомерно больших ссуд; 5) использование беглых, успевших отжить «урочные годы», в качестве агентов для сманивания других крестьян.

Это последнее средство челобитчики изображают так: отсидевшие в медвежьих углах урочные годы беглые, а по миновании урочных годов получившие право оставаться уже легально на новом месте крестьяне переводятся новым хозяином на места, смежные с владениями челобитчиков, детей боярских, с тем чтобы при их помощи сманивать и других крестьян. «Дружка» своим новым хозяевам, эти беглые, устроившиеся на новых местах крестьяне, не без успеха агитируют и сманивают своих старых соседей «достальных» крестьян служилого человека, прибегая даже к насилию.

Вслед за детьми боярскими аналогичное челобитье подали и служилые люди — иноземцы.

20 февраля 1637 г. просьба служилых людей была удовлетворена. Они приравнены к Троице-Сергиеву монастырю: было велено «в беглых крестьянех суд давати им, будет доведца, и по сыску и по книгам, за сколько лет отдают в Троицын Сергиев монастырь»³⁰. Отменены были и стеснительные для служилых людей сроки суда.

В 1641 г. от собранных в Туле дворян и детей боярских «всех городов» было подано новое челобитье на старую тему. Результат получился не очень большой: указом 9 марта 1642 г. срок исков на беглых крестьян был доведен до 10 лет и распространен на всех землевладельцев вообще³¹.

Указ 1642 г. различает две разновидности нарушения права на крестьян: 1) прием беглого и 2) насильственный вывоз

лых крестьянах или насильно вывезенных. Один раз в челобитной 1645 г. употреблено выражение «крестьяны выходят», но тут же совершенно недвусмысленно эти вышедшие неоднократно называются беглыми. В это время действовали заповедные годы, и всякий выход, естественно, считался бегством. Трудно согласиться с П. П. Смирновым, когда он отмену урочных лет для сыска беглых считает уничтожением самой возможности ухода и вывоза крестьян. Отмена урочных лет облегчала борьбу с бегством, но не могла уничтожить возможности ухода и вывоза, которая уже была объявлена незаконной указом о заповедных годах.

³⁰ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 41.

³¹ Там же, стр. 45.

крестьянина. Беглые подлежат возвращению за 10 лет, а вывозной — за 15 лет. Тут же прибавлено и правоучение или, вернее, мотивировка этого различия: «не называй беглого крестьянина вывозным».

«Вывоз» подразумевается насильственный («А которые люди людей и крестьян вывели насильством, и про то сыскивать и за 15 лет, а беглых крестьян за 10 лет») ³² и расценивается как правонарушение более серьезное, чем прием беглого. Поэтому и срок исков определен больший. Истцу, конечно, было выгодно беглого выдавать за вывозного, чтобы таким образом расширить срок для возвращения по иску своих беглых. Борьба за рабочие руки продолжалась.

1645 г. принес новые осложнения. Ожидали нашествия татар. Собирали войско. Место сбора назначено было под Тулой. Армией командовал кн. Яков Куденетович Черкасский. 12 июля 1645 г. умер царь Михаил Федорович. Вступление на престол его сына Алексея Михайловича осложнилось наличием другого кандидата и придворными интригами, в которых Б. И. Морозов играл большую роль. Войско присягало новому царю не дружно. Крестьяне возымели несбывшуюся надежду, что молодой царь отменит заповедные годы ³³.

В 1645 г. служилые люди, собранные под Тулой под начальством кн. Черкасского, не удовлетворенные указом 1642 г., подали уже молодому царю челобитье, где они снова заявляют, что «от служеб обедняли и одолжали великими долги, и коньми опали и поместья их и вотчины опустели, и дома их оскудели и разорены без остатку от войны и от сильных людей» (курсив мой.— Б. Г.). Служилые люди еще и еще раз требуют «урочные лета отставить» ³⁴.

Ответ последовал отрицательный: «той статье о крестьянах быть по уложению прежних государей и, как учинено при его государеве отце,... царе и в. кн. Михаиле Федоровиче..., во 149 году, что перед уложением прежних государей прибавлено пять лет и учинено вдвое 10 лет» ³⁵.

Едва ли такое решение могло способствовать успокоению встревоженной служилой массы. Правительству, несомненно, было известно настроение и народа и служилых людей.

³² П. А. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 45.

³³ В розыске по делу мурзы Федота Чердишова, обвиняемого в «государеве слове», имеется допрос Стеньки Коновалова, который сказал: «был-де он у Федота мурзы Чердишова во дворе весною и учел он, Стенька, ему, Федоту, говорить: «дал-де нам бог государя царя и в. кн. Алексея Михайловича всеа Руси молодого. Любо-де он, государь, пожалует — даст им, крестьяном, выход». И Федот-де мурза молвил: «до смерти-де вам, крестьяном, выходу не будет...» (там же, стр. 70).

³⁴ Там же, стр. 48.

³⁵ Там же, стр. 49.

Участник этого движения, нижегородский сын боярский Прохор Колбецкий в письме своему отцу 15 июля 1641 г. изображает подачу челобитья 1641 г. как серьезное выступление против правительства: «земля стала», «смешенье стало великое», шла «мирская молва» про бояр, что «боярам от земли быть побитым»³⁶. В 1645 г., как мы уже видели, обстановка была несколько не спокойнее. Правительство, очевидно, колебалось и надеялось обойтись одними обещаниями.

В 1646 г. писцам, отправлявшимся для составления переписи населения, дана была инструкция: «А где наедут пустые дворы, и учнут им помещики и вотчинники сказывать, что от них из тех дворов крестьяне и бобыли побежали, и им о том распрашивать подлинно и писать тех крестьян и бобылей, и их детей, и братья и племянников с отцы и с прозвищи, и кто в котором году выбежал в указыные 10 лет, а дале 10 лет не писать..., а как крестьян и бобылей и дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники *будут крепки и без урочных лет*»³⁷.

Власть обещала удовлетворить требование служилых людей после составления новой переписи, но самая перепись составлялась еще по старым правилам с соблюдением 10-летнего срока исков.

У нас нет уверенности в том, насколько серьезно было обещание правительства. Скорее можно думать, что это был один из приемов, рассчитанных на успокоение волнующихся детей боярских. Нам известно, что и дворяне и дети боярские этому обещанию не поверили, и в 1648 г. дворяне и дети боярские снова поставили наболевший вопрос: вместе с жильцами московскими они обратились с повторным челобитьем к царю, подкрепляя его бряцанием оружия.

В челобитье, составленном в значительно более резких тонах, чем предыдущие, они указывали на то, что, бывая на царских службах «по вся годы», они лишены возможности в течение 10-летнего срока бороться с сильными людьми в деле возвращения своих беглых. Еще и еще раз они рассказывали свою повесть о своих злоключениях и настойчиво требовали: 1) полной отмены урочных лет; 2) запрещения принимать беглых и достойного наказания за нарушение запрещения; 3) пытки для убежавших под чужим именем крестьян («... впредь бы беглых крестьян принимать никому не велети; а кто учнет чужих крестьян и бобылей вперед за себя примати, и нам бы (царю.— Б. Г.) велети тем людям за то учинити наказание, чтобы в нашем Московском государстве промеж всяких чинов в том

³⁶ Там же, стр. 12.

³⁷ ААЭ, т. IV, № 14, стр. 26.

ссора и продаж не было; а которые-де крестьяне, оттягиваясь от писцовых книг, имена свои переменяют, и дети отцов своих отпираются, и тех бы крестьянских детей указали мы во крестьянстве пытать»³⁸.

В обстановке, созданной Московским восстанием в июне 1648 г., правительство, наконец, пошло на уступки. Был созван Земский собор. При каких обстоятельствах собирался Земский собор 1648—1649 гг., в какой степени возбуждения находилась тогда страна, — можно здесь не говорить. События эти в значительной степени освещены в статье С. В. Бахрушина³⁹. На соборе было составлено новое Уложение, где XI глава посвящена специально вопросам, поднятым дворянскими челобитными. Она даже текстуально иногда с ними совпадает.

Так как в своих челобитных дворяне и дети боярские исходили из того положения, что крестьяне выхода не имеют, и этот порядок считали достаточно упроченным, то и в Уложении мы не найдем закона, который бы формулировал лишение крестьян права выхода. Но из всех постановлений Уложения о крестьянах вытекает наличие крестьянской крепости, установленной уже раньше. Тут мы должны вспомнить заповедные годы и успешную борьбу землевладельцев за их сохранение во время «Смуты». О том, что дворянам и детям боярским удалось в этом отношении достигнуть успеха, совершенно ясно говорит не только молчание в их челобитных о запрещении выходов, но и вполне точные факты, отмеченные в крестьянских порядных: начиная с 80-х годов XVI в. и до Уложения Алексея Михайловича в крестьянские порядные вставляется оговорка о невыходе «до государевых выходных лет». Последняя подобная оговорка имеется в актах, собранных М. А. Дьяконовым, от 1643 г. Вольный человек Ивашко Семенов в своей крестьянской порядной, данной псковскому помещику Нефеду Бедринскому, обязуется «до государевых до выходных лет не сбежати и ни за кого не выйти». «А будет яз Иван, — написано в той же порядной, —... с тое деревни до государевых выходных лет сбежу или... за кого выду... да я ж Иван ему государю своему впрядь по сей записи во крестьянстве крепок»⁴⁰. Еще в 1645 г. крестьяне мечтали, что молодой царь даст им выход. В вопросе о том, действовали ли заповедные годы в это время, крестьяне ошибиться не могли. На высказанные крестьянином вслух надежды служилый человек уверенно отвечал: «до смерти-де вам, крестьяном, выходу не будет».

³⁸ АИ, т. IV, № 30.

³⁹ Сборник статей в честь М. К. Любавского, Пгр., 1917, стр. 709—774.

⁴⁰ М. А. Дьяконов. Акты тяглового населения, вып. 1, № 31.

Дворяне и дети боярские в массе были такого же мнения. Они знали заповедные годы, как факт, и не верили в их отмену. Иначе бы они несомненно в своих челобитных по этому предмету высказались. На данном этапе дворянам и детям боярским надо было добиться облегчения в возвращении беглых, и они этого добились.

Ст. 2 главы XI об этом говорит совершенно четко: «... будет хто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянх и о бобылях, и скажут, что их крестьяне и бобыли, выбежав из-за них, живут в государевых в дворцовых селех и в черных волостях, или на посадах в посадских людех, или в стрельцах, или в казаках, или в пушкарях или в иных каких-нибудь служилых людех в замосковных и в украйных городех, или за патриархом ли за митрополитом» (идет подробный перечень землевладельцев) «... и за всякими вотчинники и помещики, — и тех крестьян и бобылей по сыску отдавати по писцовым книгам, которые книги писцы в Поместной приказ отдали после московского пожару прошлого 134 году, *будет те их беглые крестьяне или тех их беглых крестьян отцы в тех писцовых книгах* за ними написаны или после тех писцовых книг те же крестьяне или их дети по новым дачам написаны за кем в *отдельных* или в *отказных* книгах. А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям *без урочных лет*»⁴¹. Крестьян и бобылей надо отдавать «з женами и з детьми и со всеми их животы и с хлебом стоячим и с молочным»⁴². «А которые крестьянские дети от отцов своих и от матерей учнут отпиратися, и тех пытати»⁴³.

Исключение сделано для вышедших замуж во время нахождения их родителей или родственников в бегах девип, «потому что, — написано в законе, — о том по нынешний государев указ государевы заповеди не было, что никому за себя крестьян не примати, а указаны были беглым крестьяном урочные годы, да и потому, что после писцов во многие годы вотчины и поместья за многими вотчинники и помещики переменилися»⁴⁴.

Если последняя часть мотивировки данного исключения вполне понятна, так как никакой суд не мог разобраться в запутанных отношениях, создавшихся в «Смуту» и в процессе ее ликвидации, то первая часть у некоторых исследователей вызвала удивление и недоверие. Казалось бы, удивляться особенно нечему: ведь это прямой ответ на челобитье дворян и детей боярских 1648 г., где стоит требование: «а кто учнет

⁴¹ Уложение, XI, 2.

⁴² Уложение, XI, 3.

⁴³ Уложение, XI, 22.

⁴⁴ Уложение, XI, 3.

чужих крестьян и бобылей вперед за себя примати, и нам бы [царю] велети тем людям за то учинити наказанье».

Но историкам было известно, что запрещение принимать к себе беглых было ясно сформулировано в законе Василия Шуйского 9 марта 1607 г. По этому закону был установлен новый срок исков на беглых крестьян, именно 15-летний, и положен штраф в размере 10 рублей за прием беглого с соответствующей мотивировкой «не принимай чужого»⁴⁵. Отсюда М. А. Дьяконов и заключил, что «ссылка Уложения, будто до его издания не было установлено государевой заповеди о неприеме беглых крестьян, совершенно неправильно»⁴⁶. Однако трудно допустить, чтобы редакционная комиссия сделала столь грубую ошибку. Не могли также дворяне и дети боярские так упорно требовать того, что у них уже было, не могла и власть, к которой они обращались с этим требованием, в конечном счете удовлетворить его, если бы такой закон уже существовал.

Надо искать другое объяснение этому тексту Уложения.

Если мы вспомним судьбу указа 9 марта 1607 г., который потерял свое значение закона вместе с низложением его автора, то не будем удивиться тому, что служилым людям после «Смуты» при новой династии, не думавшей восстановить закон сомнительного царя, тем не менее пришлось начинать сызнова борьбу и за отмену урочных лет, и за признание приема беглых

⁴⁵ В. Н. Татищев. Судебник, стр. 240—246.

⁴⁶ М. А. Дьяконов. Очерки по истории обществ. и госуд. строя, стр. 361. М. А. Дьяконов здесь, как и во многих других случаях, идет за В. О. Ключевским, который считает позицию Уложения по отношению к крестьянам «фальшивой». В доказательство он приводит ту же ст. 3 главы XI. Автор убежден, что ссылкой на указ 1641 г., где сказано «не принимай чужих крестьян и бобылей», можно доказать его тезис. Между тем, это не совсем так. Стоит рассмотреть указ 1641 г. более внимательно, и дело примет другой оборот. В указе 1641 г. читаем: «А которые всяких чинов люди, хотя беглых чужих крестьян за собою укрепить, имали на них кабалы и записи во многой ссуде, и будет которые беглые крестьяне и бобыли кому доведутца отдати, а те люди учнут по тем ссудным записям и кабалам на тех людех, кому те крестьяне отданы будут искать, и тем людем в том отказати: не принимай чужих крестьян и бобылей и не давай им ссуды». Эта часть указа почти дословно повторена в наказе переписчикам города Тотьмы с уездом 1646 г. Прежде всего бросается здесь в глаза, что землевладельцы не рассчитывают на запрещение принимать беглых, а стараются укрепить за собой беглых путем ссудных записей и кабал. Истеп, возбуждающий иск о своих беглых, конечно, в исковой срок (10 лет) может получить своих беглых, невзирая на кабалы и ссудные записи. Указ далее делает поучительное замечание: «Не принимай... не давай ссуды». Это — совет, а не закон. Смысл совета ясен: не рискуй, а рискнул, пеняй на себя. Совершенно то же, что и в законе 11 октября 1555 г. о добровольной службе без крепости, где сказано: «... Что чего пропало, то у себя сам потерял того ддя, что вольному человеку верил и у себя держал без крепости» (В. Н. Татищев. Судебник, стр. 143; В. О. Ключевский. Курс, 1908, ч. III, стр. 229; П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 44, 49).

деянием наказуемым, т. е. до некоторой степени за восстановление закона Шуйского.

Если мы вспомним также и то, как упорно велась эта борьба, как неохотно власть, оказавшаяся в это время в руках знати, откликалась на челобитные дворян и детей боярских, либо отказывая им совсем, либо ограничиваясь неисполняемыми обещаниями, тогда нам слова Уложения будут совершенно понятны.

Указ 23 июня 1641 г. сформулирован не совсем так, как хотели этого дворяне и дети боярские. Этот указ только внес различие в сроке исков на беглых крестьян вывезенных и на беглых крестьян принятых, отнесся более снисходительно к искам о крестьянах вывезенных⁴⁷.

Дворяне и дети боярские требовали большего, и наконец, получили желаемое. По Уложению (XI, ст. 9): «впредь отнюд никому чужих крестьян не приимати и за собою не держать». Ловкие и сильные люди, однако, умели обходить и этот закон, в чем мы могли убедиться по поведению боярина В. И. Морозова (см. стр. 361—362).

Заподозривать Уложение в допущении ошибки нет никаких оснований.

Общий смысл постановлений Уложения о крестьянах ясен. Уложение удовлетворило вождения дворян и детей боярских. А чего хотели они, нам совершенно понятно: если отбросить детали, то самое существенное, чего они требовали в челобитной 1637 г., чтобы беглых крестьян возвращали «по писцовым и по отдельным книгам и по выписем и по... крепостям»⁴⁸, чтобы восстановлен был старый порядок, когда «крепки им крестьяне были по поместным дачем и по писцовым книгам и по выписям» (челобитье 1641 г.)⁴⁹.

В наказе писцам 1646 г. правительство в ответ на просьбы дворян и детей боярских ответило обещанием, что по составлении переписных книг по этим книгам «крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки и без урочных лет»⁵⁰. Никаких сомнений не было в том, чего именно требуют дворяне и дети боярские.

Уложение Алексея Михайловича именно это и исполнило и не могло не исполнить, потому что на Земском соборе 1648—1649 гг. большинство принадлежало служилым и посадским людям (73,6%); только служилых людей из городов было 48,6%. Между тем М. А. Дьяконов, верный своему убеждению, что крепостное право «произошло вследствие злоупотреблений со

⁴⁷ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 45.

⁴⁸ Там же, стр. 39.

⁴⁹ Там же, стр. 42.

⁵⁰ ААЭ, т. IV, стр. 26.

стороны землевладельцев и вопреки прямым намерениям правительства»⁵¹, настаивает на том, что правила гл. XI Уложения об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян и о взыскании штрафа за прием беглых «не могут считаться общим действительным законом о прикреплении крестьян»⁵². В доказательство своей мысли автор приводит следующие соображения:

1. Уничтожение исковой давности на беглых крестьян не касалось всех крестьян, между прочим и старинных.

2. Отмена урочных лет была не полной; они возродились после Уложения.

3. Наложение наказания за прием беглых «не умалило бегства крестьян».

4. Уложение своими мерами не «завершило» развития крепостного права; это развитие продолжалось и после Уложения.

М. А. Дьяконов находит недочеты и в формальной стороне закона, и в его применении. Но если мы ближе всмотримся в аргументацию автора, она не покажется нам убедительной.

М. А. Дьяконов прав в том отношении, что в Уложении действительно нет закона о прикреплении крестьян, потому что в этом не было никакой нужды, поскольку крестьяне были «прикреплены» законом о заповедных годах.

Против других соображений М. А. Дьяконова можно выдвинуть следующие возражения:

1. Может быть, что исковая давность касалась и не *всех* крестьян, но на крестьян, записанных в писцовые книги и давших на себя своему хозяину какую-либо крепость, безусловно этот закон распространялся. Он коснулся огромной массы зависимого крестьянства. Если даже допустить справедливость замечания В. О. Ключевского, как это делает М. А. Дьяконов, что до Уложения «на старинных беглых крестьян, повидимому, не простиралась давность побега», то Уложение здесь не причем: оно устанавливает новое правило на будущее по настоячивому требованию служилых людей.

2. Факты, приводимые М. А. Дьяконовым для доказательства, что отмена урочных лет была не полной, и что они «воскресли» после Уложения, несколько не доказывают этого положения, потому что они относятся совсем к другому сюжету.

М. А. Дьяконов ссылается на ст. 5 главы XIX Уложения. Эта статья говорит об отобрании подмосковных слобод перковных, боярских, думных и всяких чинов людей на государя (по челобитью посадских людей). Если окажется, что указанные владельцы слобод успели навезти в них своих старинных крестьян, то этих крестьян надлежит вернуть в те вотчины и

⁵¹ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 374.

⁵² Там же, стр. 366.

поместья, откуда они были переведены в слободы. Конфискуются только слободы, а крестьяне возвращаются их владельцам. М. А. Дьяконов при этом указывает, что Уложение для данного случая не установило никакого срока. Но «урочные годы» здесь, вообще, не причем. Указ 17 декабря 1684 г. о том, что крестьянам и бобылям, пришедшим после Уложения и записанным в переписные книги 1678—1679 гг., разрешается оставаться на посадах, тоже не говорит о «воскресении урочных годов», а является законом, упорядочивающим жизнь городов.

3. Что отмена «урочных лет» по сыску беглых крестьян и введение наказания за прием беглых не уменьшили крестьянских побегов, совершенно верно. Это М. А. Дьяконов точно подметил. Но ведь закон об отмене «урочных лет» преследовал цель облегчить возвращение беглых, и этой цели несомненно достиг. Что же касается бегства крестьян, то никакими законами его прекратить было невозможно, как невозможно было предупредить и другие виды протеста, к какому прибегали всегда и везде угнетенные массы.

4. Совершенно верно утверждает М. А. Дьяконов, что Уложение «не завершило развития крепостного права», что оно продолжало развиваться и после 1649 г. Возражать против этого не приходится. Нужно только сказать, что это замечание никаким аргументом в пользу защищаемого автором взгляда на роль Уложения в истории крепостного права в России служить не может.

Ни один закон никогда не останавливает дальнейшего развития тех сторон жизни, которые он регламентирует. Все течет, и остановить процесс развития не во власти человека.

Нам важно выяснить, какое значение имела XI глава Уложения в истории русского крестьянства, и ничего больше.

Понятно, что Уложение было не первым случаем вмешательства государства в отношения между землевладельцем и земледельцем. Интересовалась этими отношениями и Русская Правда, и Вислицкий статут, и Псковская и Новгородская Судные грамоты, и Судебники. Нам известны и отдельные указы, дополняющие или отменяющие отдельные статьи действующего закона. Все это так бесспорно, так очевидно, что об этом и говорить бы даже не следовало, если бы не оказалась живучей теория Погодина — Ключевского — Дьяконова о нейтралитете государства при разрешении столь важного вопроса, затрагивающего кровные интересы господствующего класса. XI глава Уложения Алексея Михайловича может служить самым убедительным доказательством того, что государственная власть, с некоторого времени после «Смуты» и до движения 1648 г. очутившаяся в руках знати и естественно защищавшая ее интересы, в результате выступления служилых людей выну-

ждена была пойти на уступки и стать на защиту интересов мелких и средних землевладельцев. Именно выступление этих слоев служилых людей, подготовляемое исподволь, полностью определило поведение государственной власти по ряду вопросов и в том числе по вопросу крестьянскому. Последний был решен так, как этого требовали дворяне и дети боярские. А что через несколько лет те же дети боярские очутились перед новыми задачами, поставленными течением жизни, то это несколько не может умалять значения закона, возникшего, как и всякий закон, в определенной конкретной обстановке и предназначенного отвечать на вопрос, актуальный именно для данного времени.

Очень скоро дворяне и дети боярские действительно стали требовать новых дополнительных узаконений по вопросу о возвращении беглых. Им хотелось, чтобы правила Уложения получили и обратную силу.

Уложение требует, чтобы при приеме новоприходцев соблюдалась осторожность. Если в вотчину или поместье придут люди, желающие поступить в крестьяне, и заявят, что они вольные, вотчинники и помещики должны тщательно их расспрашивать, «какие они вольные люди, и где их родина, и за кем жили и откуда пришли, и не беглые ли чьи люди и крестьяне и бобыли, и есть ли у них отпускные». После расспросов вотчинник и помещик, желающие оставить этих людей у себя, должны представить их в Москве в Поместный приказ (казанцы в Казани, новгородцы в Новгороде, псковичи в Пскове). В Приказе и в городах воеводы еще раз расспрашивают этих людей и речи их записывают. Отдают этих людей вотчинникам или помещикам под расписку⁵³.

Что тут нового, решить не так просто. В распоряжении М. А. Дьяконова было несколько псковских приказных записных книг, куда вносились крестьянские порядные и служилые кабалы, причем эти книги датируются от 1626 до 1659 г.⁵⁴ Стало быть, и до Уложения крестьянские порядные записывались в государственных учреждениях.

Весьма вероятно, что Уложение, имея в виду введение большего контроля над крестьянами и кабальными людьми, официально потребовало исполнения тех правил, которые, быть может, соблюдались не всегда.

Приходится об этом говорить осторожно и предположительно, потому что никаких строго определенных доказательств у нас нет.

В литературе по этому вопросу есть разные мнения.

⁵³ Уложение, XI, 20.

⁵⁴ М. А. Дьяконов. Акты тяглового населения, вып. 1, стр. V—VII.

И. Д. Беляев занял очень оригинальную позицию. С одной стороны, он признает решительное воздействие Уложения на судьбу крестьян, а с другой — делает такую массу оговорок к этому своему утверждению, что сводит его на нет.

Уложение 1649 г., по словам И. Д. Беляева, «признало порядок *первого* прикрепления крестьян к земле, узаконенный в конце XVI столетия, и отменило все уклонения от сего порядка, бывшие до сего времени, и одним росчерком пера уничтожило не только свободу, но и возможность крестьянского перехода с одной земли на другую..., ни один землевладелец уже ничем не мог извиниться в принятии беглого крестьянина»⁵⁵.

А дальше начинаются оговорки: прикрепление крестьян к земле было чисто финансовою мерою, нисколько не касаясь прав крестьян, крестьяне отнюдь не сделались крепостными, землевладельцы не могли продавать крестьян отдельно от земли: «в Уложении даже нет и намеков о возможности таковой продажи крестьян». Крестьяне остались «свободными и полноправными членами русского общества»⁵⁶. «Порядные, писанные при свободном крестьянском переходе, и порядные по прикреплении крестьян и после Уложения 1649 года, совершенно одинаковы, и вся разница состоит только в том, что по прикреплении стали писать — «а с той земли мне не сойти и ни за кого не порядиться и не задаться», но и это условие, требуемое Уложением, не было постоянным»⁵⁷.

Согласно общей своей концепции, не склонен придавать большого значения Уложению и В. О. Ключевский. Он убежден, что крестьяне «сами навсегда отказались (курсив мой.— Б. Г.) от права выхода, и неустойку, погашавшую обязательства договора, превращали в пеню за побег, не возвращавшую им этого права и не уничтожавшую договора»⁵⁸.

Такое заключение автор делает из наблюдения над содержанием порядных XVII в., где действительно вставляется условие о невыходе, т. е. о пребывании в крестьянстве «впредь». Только надо здесь ясно себе представлять, что крестьянин писал эти обязательства не добровольно, не по своей инициативе, а под нажимом своего хозяина. Ключевский считает, что подобные обязательства появились «не ранее второго десятилетия XVII в.» и скоро стали «общим заключительным условием ссудных записей». Все это, по мнению автора, происходит на почве частноправовых сделок. Уложение-де тут не при чем:

⁵⁵ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 134, 142.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 156.

⁵⁸ В. О. Ключевский. Курс русской истории, 1908, ч. III, стр. 220; его же. Происхождение крепостного права в России. Опыты и исследования, сб. 1, стр. 248.

оно⁵⁹ «отнеслось к крепостным крестьянам поверхностно, даже прямо фальшиво»⁵⁹.

Обязательства о невыходе до государевых выходных лет появились, как мы уже видели, немедленно после издания закона о заповедных годах, т. е. после 1581 г., а не «не ранее второго десятилетия XVII в.». А в Уложении по крестьянскому вопросу не заметно ни поверхностности, ни тем более фальши: Уложение сделало для детей боярских именно то, чего они от власти требовали.

Энгельман проводил резкую черту между временем до 1646 г. (п Уложения) и после. Указом 1597 г., по его мнению, установлена была неразрывность *договоров* между крестьянами и землевладельцами. «Крестьянское прикрепление являлось все еще частно-гражданской сделкой. Напротив, в писцовом наказе договор оставлен «совершенно в стороне, решающее значение получил факт внесения в переписные книги», т. е. в основу крестьянского прикрепления был положен *государственный акт*» (курсив мой.— Б. Г.). Крестьяне были прикреплены в государственных интересах, а не в интересах частных лиц. Но так как, по убеждению автора, на разные лады повторяемому, Русское государство руководствовалось в своей практике не заботой об ограждении права, а временными расчетами, казенные выгоды ставило выше идеи права, то «поземельное прикрепление крестьян стало равносильным отдаче крестьян на полный производ землевладельцев». Крестьянская порядная потеряла прежний смысл⁶⁰.

В. И. Сергеевич не согласен ни с И. Д. Беляевым, ни с В. О. Ключевским. Он настаивает на том, что Уложение внесло в правовое положение крестьянина существенные изменения. «Что же мешало до сих пор крестьянской крепости?»— задает вопрос Сергеевич и отвечает на него так: «Не вольный переход и не Юрьев день, которых уже давным давно нет, а урочные годы. Они отменяются Уложением и писцовым наказом 1646 г. После отмены «урочных лет» порядная во крестьяне «остаток старшны, факт переживания, не более... Уложение вводит иной способ поступления в крестьянство: записку в крестьяне в Поместном приказе». «Порядные с этого времени уже не нужны»⁶¹.

По вопросу об изменении способа поступления в крестьянство М. А. Дьяконов находит мнение И. Д. Беляева, с одной стороны, и мнения Энгельмана и Сергеевича — с другой — одинаково крайними и, желая избежать крайности, предлагает свое решение вопроса: «Уложение, действительно, вводит

⁵⁹ В. О. Ключевский. Курс, 1908, ч. III, стр. 229.

⁶⁰ И. Энгельман. История крепостного права в России, стр. 59, 63—64.

⁶¹ В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 257.

новый порядок поступления в крестьяне», но этот порядок «плохо прививался». «Порядные записи в течение XVII в., как до Уложения, так и после него, заключаются между крестьянами и землевладельцами», но в содержании порядных М. А. Дьяконов видит происшедшую в XVII в. перемену, хотя автор непосредственно с Уложением этой перемены не связывает.

Основная мысль автора сводится к тому, что в XVII в., особенно во второй его половине, ссудная крестьянская запись делается господствующей формой поступления в крестьяне вместо старой крестьянской порядной записи.

М. А. Дьяконов в этих договорах земледельца с землевладельцем усматривает принципиальную разницу: «в крестьянской порядной,— пишет он,— как бы соединены два договора: аренда участка земли (*locatio conductio rei*) и найма личных услуг (*locatio conductio operarum*). К этим двум основным сделкам присоединялись нередко и другие побочные условия о льготе, о подмоге и т. д. Ссудная же запись носит совершенно (курсив мой. — Б. Г.) другой характер. Порядчик по ссудной записи прежде всего заемщик». «Крестьянство по ссудной записи возникает из займа и является вечной и потомственной крестьянской страдой за самый долг или за долг с процентами. В этом отношении ссудная запись самым тесным образом примыкает к служилой кабале»⁶².

Попробуем сравнить оба документа.

Выше, на стр. 177, напечатана порядная 1576 г. Микифора Яковлева сына и Софонтия Афанасьева, которые порядились в Вяжицкий монастырь на $\frac{1}{6}$ обжи. «А взяли есмя,— пишут они в порядной,— подмоге 2 рубля московскую да льготы на два годы». «А за ту подмогу нам и за льготу деревня роспахати и поля огородити и старые хоромы почивити и новые поставити, два хлеба да мыльня» По истечении льготных лет названные крестьяне обязуются давать в монастырь оброк, на дело монастырское ходить, «как иные крестьяне ходят»⁶³.

Возьмем ссудную запись 1655 г. из актов, собранных М. А. Дьяконовым: «Се яз Матвей Фомин сын Бизяков да яз Агафон Дорофеев... порядилися есим жити... за Иверским монастырем в вотчине в Московском уезде в селе Бурцове во крестьянех. А ссуды мы монастырской взяли по 10 рублей на хлеб и на животицу. А живучи нам в том селе, пашня пахать и всякое изделие делати и подати платити с своею братиею вместе со крестьяны... и не збежать и ссуды не снести... А ссудную писал Ивановской площадной подьячей... лета 7164 году октября в 13 день»⁶⁴.

⁶² М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 372—373.

⁶³ АЮ, № 178.

⁶⁴ М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. 1, № 56.

В других ссудных условие о ссуде ставится на первое место. Например: «Се яз выходец Смоленского уезду из Духовщины Павелко Фролов сын с женою своею Устинкою... да с братом своим с Янкою Фроловым сыном взяли есми на ссуду Тверского уезда... Воинишского монастыря у игумена Варлама да у казначея... на лошади и на коровы и на дворовое строенье и на всякую мелкую животиноу и на всякую дворовую посуду 12 рублей денег. А за тое ссуду мне, Павелку, с братом с Янкою и с женою своею и с детьми жити за тем монастырем на деревне Антонове во крестьянех и из-за того монастыри никуды не сбежати и ни за кого не заложитца... и той их монастырской ссуды не снести... лета 7172 июня в 5 день»⁶⁵.

В некоторых ссудных порядных имеются разъяснения: Потап Иванов сын взял ссуду хлебом 20 четвертей, лошадь, корову, овец и «всякой животины» да 15 рублей денег на дворовое строение. «А жити мне, Потапку, — пишет он в своей ссудной порядной, — у государыни своей..., потому что взял у государыни своей ссуду денег и хлеба и животиноу и за ту ссуду мне у государыни своей... служить и всякую работу работать»⁶⁶.

Разница между документами XVI и XVII вв., конечно, есть. Прежде всего в терминологии. Несомненно, в течение 100 лет в жизни крестьян произошли большие перемены. В XVI в. до «заповедных годов» новоприходец (а речь здесь идет только о новоприходах; их необходимо строго отличать от тягловцев старинных) мог, прожив известное число лет, уйти от своего хозяина в любой Юрьев день. После указа о «заповедных годах» новопорядчик стал иногда приписывать в порядной то, что и само собой разумелось, но хозяину казалось небесполезным: «до государевых до выходных лет ни за кого не выдти и не сбежать» (порядная 1638 г.)⁶⁷. Начались подобные вставки вскоре после 1581 г.⁶⁸ и вызваны были введением в действие государевых заповедных годов. В этом не может быть ни малейшего сомнения.

Но изменилась ли «совершенно» природа новопорядчика в своем существе? Правда ли, что в XVI в. новопорядчик был арендатором, а в XVII в. стал должником?

Если начать руководствоваться системой договоров, существующих в капиталистическом обществе, и пытаться найти

⁶⁵ М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. 1, № 58. Эта грамота по всем правилам была зарегистрирована в Старинной съезжей избе перед воеводой Толмачевым, о чем на обороте грамоты имеется отметка.

⁶⁶ Там же, № 55.

⁶⁷ Там же, № 25. То же и в № 26 того же года, в № 28 1640 г., в № 29 1642 г., в № 31 1643 г.

⁶⁸ В. Г. Гейман. Несколько новых документов. Сборник Росс. публ. библ., т. II, вып. 1, стр. 293. Автор приводит рядную запись 1584 г., где уже стоят слова: «не выдти нигде до государева указу».

отдельные их элементы в крестьянских порядных, то, конечно, придется согласиться с М. А. Дьяконовым, что в порядной XVI в. есть элементы не только аренды и личных услуг, но и элементы займа. В ссудных порядных мы можем встретить те же элементы, только расположенные иногда в другом порядке.

Можно бы согласиться с М. А. Дьяконовым и в том, что ссудная крестьянская порядная очень близка к служилой кабале, особенно деревенской (образцы их напечатаны В. Г. Гейманом)⁶⁹.

Но для нас важны эти документы не столько со стороны их формы, сколько со стороны их целевого назначения. С этой последней точки зрения между этими договорами принципиальной разницы нет: бедный человек, нуждающийся в земле, идет к землевладельцу с предложением своих услуг. Он без материальной помощи не может стать рентабельным. Это прекрасно известно и его будущему хозяину. Если этот последний заинтересован в том, чтобы его земля обрабатывалась и приносила ему доход, он находит необходимым и для себя полезным снабдить новопорядчика либо инвентарем, либо деньгами на приобретение инвентаря. Но делает он это в уверенности, что крестьянин-новопорядчик возместит работой произведенные на него затраты. Так было в XVI в., так продолжало оставаться и в XVII в.

Существенная разница лишь в том, что до закона о заповедных годах землевладелец рисковал, после этого закона риск уменьшился, а когда этот закон стал прочным, землевладелец действовал уже без всякого риска.

Наконец, ссудная порядная запись, известная нам уже с 20-х годов XVII в., не вытеснила обычного типа крестьянской порядной. М. А. Дьяконов в своем перечне напечатанных у него порядных и ссудных за время 1649—1699 гг. приводит 15 порядных в крестьяне и 14 ссудных порядных в крестьяне. Ссудные порядные бывают и не в крестьяне, а и в бобыли и в за дворные люди⁷⁰. Это один из способов закрепления за землевладельцем рабочей силы.

Ссудные записи как документ, закрепляющий новопорядчика, хорошо известны Уложению⁷¹. И порядная XVI в. и ссудная

---

⁶⁹ В. Г. Гейман. Несколько новых документов. Сборн. Росспубл. библ., т. II, вып. 1, стр. 293.

⁷⁰ М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. 1, стр. 82—85.

⁷¹ «А будет чьи крестьяне и бобыли учнут наймоватися на работу, и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов людей наймоватися на работу по записям и без записей повольно. А тем людем, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не имати и ничем их себе не крепити, а как от них те наймиты отработаются, и им отпущать их от себя безо всякого задержания». (Уложение, XI, 32; XVIII, 40.)

порядная XVII в.—это договор о поступлении в крестьянство, в зависимое состояние от своего хозяина. Степень этой зависимости в разные периоды времени разная и определялась в значительной мере ходом классовой борьбы между крестьянином и землевладельцем. А поскольку феодальное государство есть государство крепостников, то понятно, что оно не могло быть нейтральным в этой борьбе и защищало интересы землевладельцев.

Насколько больших успехов достигли дворяне и дети боярские в 1648 г., видно и из того, что Уложение: 1) признало законными сделки на крестьян, совершенные до Уложения, тем самым признав их законность и на будущее; 2) разрешило по полюбовным сделкам распоряжаться поместной землей так же, как и вотчиной; 3) распространило действие XI главы не только на крестьян-дворохозяев, но и на подчиненных им членов семьи.

О признании законными старых сделок на крестьян говорит статья 8 главы XI: «у которых помещиков и у вотчинников о беглых же крестьянех и бобылях в прошлых годах до сего государева указу была *полюбовная зделка и по полюбовной зделке кто кому своих крестьян поступил*ся и записью укрепился или челобитные мировые подали, и тем всем делам быть по тому, как те дела вершены до сего государева указу, а вновь тех дел не всчинать и не переговаривать»⁷². Этим постановлением было санкционировано право распоряжения личностью крестьянина и бобыля.

Поступных грамот дошло до нас вполне достаточно, чтобы составить о них ясное представление. В поступной 1619—1620 г. помещик Писарев отказывается в пользу Троицкого монастыря от своих прав на два крестьянских семейства, бежавших из поместья Писарева, и обязуется в них не вступаться впредь, «потому что... за тех крестьян у троицких властей... взял 50 рублей денег»⁷³. В других поступных этот момент излагается не с такой откровенностью, но все же дается понять, что «поступка»— акт далеко не бескорыстный: то монастырь «из закладу выкупил» монастырскими деньгами жену беглого крестьянина⁷⁴, то хозяин беглых крестьян отказывается от своих прав на них потому, что он не может выплатить тому же монастырю ссудные деньги, выданные этим беглым крестьянам троицкими властями в то время, когда беглые жили за монастырем⁷⁵.

---

⁷² Уложение, XI, 8.

⁷³ М. А. Дьяконов. Акты тяглого населения, вып. II, № 42.

⁷⁴ Там же, № 60.

⁷⁵ Там же, № 65.

М. А. Дьяконов считает, что поступная запись на крестьян есть та же купчая ⁷⁶.

А. А. Шилов такого же мнения: текст поступных «позволяет видеть... замаскированную купчую на крестьян, проданных... без земли», — пишет он в своем исследовании, специально посвященном этому предмету ⁷⁷.

Признание законом поступных на крестьян вытекает из взгляда на крестьянина как на объект права, и имеет аналогию и в других постановлениях Уложения. В главе XXI в ст. 71 написано: «А убьет сын боярский или сын его или племянник или прикащик чьего крестьянина... и у того сына боярского из его поместья взять лутчего крестьянина з женою и з детьми... и со всеми животои и отдать во крестьяны тому помещику, у которого крестьянина убили». Ст. 7 главы XI имеет в виду такое право распоряжения крестьянином и его семьей: «А у которых вотчинников по суду и по сыску и по писповым книгам крестьяне взяты будут и отданы исцом ис купленных их вотчин, а купили они те вотчины у вотчинников с теми крестьяны после писпов и в купчих те крестьяне у них написаны, — и тем вотчинником вместо тех отдаточных крестьян взяти на продавцах таких же крестьян со всеми животои и с хлебом стоячим и с молоченым из ивых их вотчин». Статья защищает интересы покупателя вотчины. При мене жилых поместий или вотчин на пустые разрешалось помещикам и вотчинникам сводить своих крестьян на иные свои поместные или вотчинные земли ⁷⁸.

Ст. 4 главы XVI Уложения дала помещикам право распоряжаться поместной землей так же, как землей вотчинной: «А будет которой помещики и вотчинники поместные или вотчинные свои земли учнут меняти же которых монастырей архимаритом и игуменом и строителем з братьею на монастырские вотчинные земли, и учнут те помещики и вотчинники и архимариты и игумены и строители з братьею бити челом государю тех меновных земель об росписке, — и по их *полюбовному челобитью* и по заручным их челобитным такие земли за ними потому ж росписывати». Такое же разрешение дано и на мену вотчинной и поместной земли между вотчинниками и помещиками ⁷⁹. Разрешено при этом и переводить крестьян из поместий и вотчин и сажать их на пустые земли ⁸⁰. Но запрещено отпустить на волю крестьян из поместий («ис поместей помещиком

---

⁷⁶ М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 378 и сл.

⁷⁷ А. А. Шилов. Поступные записи. Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому, стр. 270.

⁷⁸ Уложение, XVI, 7.

⁷⁹ Уложение, XVI, 5.

⁸⁰ Уложение, XVI, 7.

крестьян на волю отпустить не указано»⁸¹. Эта мера объясняется тем, что поместья переходили в новые руки, и новые помещики обращались к властям о возвращении крестьян и бобылей, отпущенных прежним помещиком. По тем же соображениям запрещалось землевладельцам, одновременно владеющим и вотчинными, и поместными землями, переводить крестьян с поместной земли на вотчинную.

Глава XI Уложения подчеркивает власть землевладельца над всеми членами семьи крепостного крестьянина и бобыля: «А которые крестьяне и бобыли, за кем написаны в переписных книгах прошлых 154-го и 155-го годов и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах написаны, збегали или вперед учнут бегати,— тех беглых крестьян и бобылей и их братью и детей и племянников и внучат с женами и з детьми... отдавать из бегов тем людям, из-за кого они збегали по переписным книгам без урочных лет...»⁸².

В некоторых случаях и имущество крестьянина рассматривалось как имущество, на которое имеет право и землевладелец. Имеют в виду ст. 262 главы X, трактующую о землевладельце, не могущем выплатить долга. Истец в таких случаях может быть удовлетворен из имущества крестьянина безнадежно задолжавшего хозяина.

Все эти узаконения свидетельствуют об очень больших сдвигах, происшедших в правовом положении крестьянина в сторону усиления его зависимости от землевладельца. Это, конечно, не значит, что процесс окончательно завершился, и его дальнейшее течение прекратилось: XVIII в. дал в этом отношении много нового. Но мы все же не имеем права закрывать глаза на то, что уже произошло к середине XVII в. А произошло также немало нового.

Уложение царя Алексея Михайловича интересно не только тем, что оно говорит, но и тем, что оно подразумевает. Интересны те исходные пункты, от которых законодатель исходит молча.

Все законоположения о праве распоряжения личною крестьянина и членами его семьи, в некоторых случаях о праве распоряжения его имуществом, все законодательство о беглых, включая сюда и отмену урочных лет, неизбежно предполагают закрепощение крестьянина. Уложение очень часто ссылается на внесение крестьянина в переписные и писцовые книги, как на доказательство его крепости; не раз Уложение указывает на закрепостительное значение различных частных правовых договоров, но оно нигде не говорит прямо о том, что

⁸¹ Уложение, XV, 3.

⁸² Уложение, XI, 9.

лишает крестьянина права свободного выхода. Не говорит потому же, почему и дворяне и дети боярские в своих челобитных об этом молчали. Они совершенно правильно ссылаются на то, как было «в прежних годах при прежних государях», когда в «их беглых крестьянх урочных лет не бывало, крепки им крестьяне были по поместным дачем и по писцовым книгам и по выписям»⁸³. Прежние годы, когда не было урочных лет, это, конечно, время до указа 1597 г. Об этом говорят исторические справки, собранные для решения вопросов, возбужденных челобитными детей боярских и дворян. Тут так и называется закон 24 ноября 1597 г., когда «блаженной памяти царь и вел. кн. Федор Иванович» ввел пятилетнюю давность исков, вспоминается и другой закон 1637 г. о даровании 9-летнего срока; и закон 1641 г. о 10-летнем сроке⁸⁴.

Нам хорошо известно, что указ 1597 г. составлялся при наличии заповедных годов, и, конечно, дворяне и дети боярские знали этот закон лучше, чем другие законы. Как мы уже видели, эта временная мера оказалась весьма живучей, дождалась Уложения Алексея Михайловича и молчаливо, как можно думать, им признава.

Однако в нашей литературе по этому предмету нет единодушного мнения. М. Ф. Владимирский-Буданов, например, главу XI Уложения считает «общим действительным законом о прикреплении» крестьян и в доказательство приводит ссылку на статью 3 главы XI «*по нынешний государев указ государевы заповеди не было* (курсив автора), что никому за себя крестьян не приимати. А будет кто с сего государева уложения учнет беглых крестьян и бобылей, и их детей и братью и племянников принимать», тот не только должен возратить их... без урочных лет, но и уплатить 10 руб. за год»⁸⁵. Тут по недосмотру слиты две статьи в одну: «А будет кто с сего государева уложения...» Это не 3-я статья, а 10-я. Но дело не в этом недосмотре, а в содержании этих статей. Ст. 3 говорит о крестьянских дочерях, сестрах и племянницах, вышедших замуж во время нахождения их отцов, братьев и дядьев в бегах. Этих вышедших замуж закон оставляет с их мужьями и не требует возвращения их вместе с отцами, братьями и дядьями. Закон мотивирует эту меру тем, что «по нынешней государев указ государевы заповеди не было, что никому за себя крестьян не приимати, а указаны были беглым крестьяном урочные годы, да и потому, что после писцов во многие годы вотчины и поместья за многими вотчинниками и помещиками переменилися». Ст. 10 говорит о том, что

⁸³ П. П. Смирнов. Челобитные дворян, стр. 42.

⁸⁴ Там же, стр. 48.

⁸⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 149.

«с сего государева уложения» беглых нельзя держать, и вводится за незаконное держание взыскание по 10 руб. в год за всякого крестьянина «за государевы подати и помещиковы доходы», т. е. за убытки, причиненные пострадавшему помещику, который за своих беглых продолжал платить государевы подати, и, конечно, лишался своего личного дохода.

Что после опубликования Уложения Алексея Михайловича было введено в действие много нового, в этом никто и не сомневается. Спор идет о том, были ли и до Уложения крестьяне крепки своим владельцам? Как мы могли уже убедиться из вышеизложенного, дворяне и дети боярские не просили отменить Юрьев день. Они, так же как и крестьяне, знали, что он отменен, хотя и временно. Крестьяне надеялись на восстановление их старого права и несомненно этого желали, землевладельцы не желали и не верили. Уложение положило конец крестьянским надеждам и полностью оправдало требования дворян и детей боярских, но не прямо, а косвенно, путем признания испытанной временем практики заповедных годов, не подлежащей отмене.

Постановления Уложения Алексея Михайловича о крестьянах могут быть правильно поняты только с учетом той сложной и бурной обстановки, в которой создавался новый закон. Как бы ни были заметны разногласия в оценке мероприятий Уложения по крестьянскому вопросу, для всех ясно, что Уложение завершает большой период в истории сельского населения. В России происходило то же самое, что и в Литве, и в Польше, и в Прибалтике, и в Восточной Пруссии. Феодальное крепостное хозяйство утвердилось повсюду на восток от Лабы (Эльбы) и прожило до момента, когда капиталистический строй восторжествовал и в этой части Европы.

Уложение, конечно, не приостановило дальнейшего процесса углубления и расширения крепостнических отношений. Они, эти отношения, продолжали развиваться и во второй половине XVII в. и в течение всего XVIII в. Но в то же время созревали и элементы, которым предстояло разрушить крепостнический строй.

**СОКРАЩЕНИЯ,
ПРИНЯТЫЕ ПРИ УКАЗАНИЯХ НА ИСТОЧНИКЕ**

- ААЭ₄ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук, тт. I—IV, СПб., 1836.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, СПб., 1846; т. II, СПб., 1848, т. IV, СПб., 1851.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою экспедициею, т. I, СПб., 1841; т. II, СПб., 1841; т. III, СПб., 1841; т. IV, СПб., 1842.
- Арх. ЮЗР — Архив Юго-Западной России, ч. 6, т. II, Киев, 1870; ч. 7, т. II, Киев, 1890; ч. 8, т. I, Киев, 1893.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси, изд. Института истории Академии Наук СССР, т. I, М., 1952.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, изд. Института истории Академии Наук СССР, ч. 1, М., 1961.
- АЮ — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I, СПб., 1857; т. II, СПб., 1864.
- Вр. ОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских.
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою экспедициею, т. I, СПб., 1846.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., изд. Института истории Академии Наук СССР, М.—Л., 1950.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЖМЮ — Журнал Министерства юстиции.
- Изв. ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической экспедиции и Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии.
- НПК — Новгородские писцовые книги, т. I, СПб., 1859; т. II, СПб., 1862; т. IV, СПб., 1886.

- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. I, СПб., 1846; т. IV, СПб., 1846; т. VI, СПб., 1853; т. VIII, СПб., 1859; т. XI, СПб., 1897; т. XII, СПб., 1901; т. XVIII, СПб., 1913; т. XXIV, Пгр., 1921 (Ссылки на другие издания оговариваются особо).
- РИБ — Русская историческая библиотека, т. VI, изд. 2, СПб., 1908; т. XII, СПб., 1890; т. XIII, изд. 2, СПб., 1909; т. XIV, СПб., 1894; т. XV, СПб., 1894; т. XXVII, СПб., 1910.
- СГГид — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. 1, М., 1813; ч. 2, М., 1819.
- Чт. ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
-
- 1914

УКАЗАТЕЛИ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ ¹

архиеп. — архиепископ	мон. — монастырь, монастырский
архим. — архимандрит	о. — остров
бояр. — боярин	оз. — озеро
вел. кн. — великий князь, вели- кая княгиня	пог. — погост
вол. — волость	помещ. — помещик
гор. — город	пст. — пустошь
д. — деревня	р. — река
еп. — епископ	рч. — речка
иг. — игумен	с. — село
кн. — князь, княгиня	ст. — стан
кор. — король, королевский	сц. — сельцо
кр. — крестьянин, крестьянка	у. — уезд
митр. — митрополит	хол. — холоп, холопка

---

¹ Римской цифрой I обозначается первая книга, цифрой II — вторая; арабскими цифрами обозначаются страницы.

Указатели составил И. У. Будовниц.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Маркс К.— I, 71, 73, 188, 243, 325, 487—488, 513; II, 104.
- Энгельс Ф.— I, 69, 71, 73, 162, 325
- Ленин В. И.—I, 7, 10, 12—13, 171, 187, 256—257, 316, 514; II, 8, 104
- Сталин И. В. — I, 3, 5, 13, 17, 85—86, 210, 509; II, 266
-
- Абалдуев Иван — см. Иван Абалдуев
- Абрам (Оврамко) Нестеров, новгородский кр.— I, 471
- Август, римский император — I, 178
- Агафон Дорофеев, кр. Иверского мон.— II, 383
- Аграфена (Огрофена) Васильевна, жена вел. кн. рязанского Ивана Васильевича — II, 119
- Адам Климент, английский путешественник — II, 64
- Адер, дворецкий царя Соломона — I, 100
- Адрианов С. А.— II, 268—269
- Акинфьев Федор — см. Федор Акинфиев
- Аксаков К. С.— I, 10, 60—61, 63; II, 258, 261
- Аксинья (Оксинья), дьяковица — II, 119
- Акулина (Окулинка), кр. бояр. Б. И. Морозова — II, 363
- Алекса, архитектор кн. владими́ро-волинского Владимира Васильевича — I, 250
- Александр (Олександр) — II, 98
- Александр, византийский император (X в.)— I, 89
- Александр Владимирович, кн. киевский (XV в.)—I, 271
- Александр Всеволодович, кн. белзский — I, 295
- Александр Иванович, кн. нижегородский — II, 75, 87—88
- Александр Казимирович, кор. польский и вел. кн. литовский — I, 252, 297, 329, 337, 405, 408, 416, 424, 427—428, 465, 484
- Александр Михайлович, вел. кн. тверской — I, 401, 408, 477
- Александр Самсонов, новгородский землевладелец — I, 490
- Александр Ярославович Невский, вел. кн. владимирский — I, 395, 459—460
- Алексей (Олексейко), бобыль — II, 194
- Алексей (Олексей), заимодавец волоцкого кн.— II, 55
- Алексей (Алешка), кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 293
- Алексей, митр.— I, 264, 511, 528
- Алексей Бобоша, монах — II, 59
- Алексей (Олексейко) Васильевич (Васьков) Офоносов, половник— I, 415
- Алексей (Алексеец) Исакович, церковный дьяк — II, 180
- Алексей Карлов, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 173
- Алексей Кожя, землевладелец — II, 120
- Алексей Михайлович, царь — I,

- 163; II, 123, 139, 187, 207, 325, 329, 357, 372, 374, 377, 379, 388—390
- Алексей (Олешка) Терентьев, вологодский кр.— II, 191
- Алябьев, дьяк — II, 124
- Амбал, ключник Андрея Боголюбского — II, 32
- Амвросий (Орнатский) — I, 526; II, 89
- Амос (Омос) Стефанович, кр. Корельского у.— II, 173
- Андреев Костюк — см. Константин Андреев
- Андрей, галицкий землевладелец — I, 281
- Андрей, десятник — I, 338
- Андрей (Ондрюшка), наемный земледельческий работник в д. Мельница Новгородской земли — II, 50
- Андрей, немецкий поселенец в Льевской земле — I, 318
- Андрей Бибельский, галицкий землевладелец — I, 260
- Андрей Васильевич Большой, кн. звенигородский и углицкий — I, 512; II, 18, 81, 182—183
- Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский — II, 90, 106, 119, 132
- Андрей Дмитриевич, кн. белозерский — I, 512; II, 98, 133
- Андрей (Андрюшка) Долгой, новгородский кр.— II, 338
- Андрей Келб, санецкий землевладелец — I, 317
- Андрей (Ондрюша) Кузьмич, хол.— II, 174
- Андрей Мохов, приказчик Иосифова-Волоколамского мон.— II, 175, 292, 296
- Андрей Нелебкович, кор. слуга — I, 360
- Андрей (Андрейко) Страхов, ключник кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
- Андрей Харламов, новгородский гость — II, 199
- Андрей Юродивый — I, 170
- Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владимирский — I, 105—106, 239, 497—499, 508—509; II, 32
- Андрей (Андрюшка) Яковлев, новгородский кр.— II, 338
- Андрей Яковлевич, детеныш — II, 152
- Андрей (Ондрей) Ярлык, переяславский землевладелец — I, 524
- Анриан Ярлык, старец Симонова мон.— II, 100
- Андрон, великокняжеский судья — I, 523—524
- Антип (Онтипко), бобыль — II, 194
- Антон (Онтон), кр.— II, 172
- Антон (Онтушка), староста — I, 414
- Антон Онаньин, новгородский кр.— II, 293
- Антон (Онтон) Стефанович, кр. Корельского у.— II, 173
- Антонида Федотьевна, хол.— II, 174
- Антоний Печерский, основатель Киево-Печерского мон.— I, 35, 264—265
- Антоний Римлянин, иг. Антониева новгородского мон.— I, 54, 147, 153, 398
- Антонович В. Б.— I, 32, 419
- Апубксар, русский посол в Константинополь (X в.)— I, 103
- Аргунов П. А.— I, 129—130, 169, 436—438, 445—449, 451—452, 456, 514
- Аристов Н.— I, 123, 132, 156
- Аркадий, еп. новгородский — I, 480
- Арсений, иеромонах — I, 477; II, 148, 157, 160
- Артемий (Ортемей), мон. приказчик — II, 292, 295
- Артемий (Ортем), сябр — I, 462
- Артемий Оря, староста Вымоченского пог.— I, 190
- Артын, кор. слуга — I, 360
- Архип (Архипка) Горемыкин, бобыль — II, 198
- Арциховский В. А.— I, 67, 233
- Аскольд, кн. киевский — I, 66
- Афанасий (Офонасий), ключник кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
- Афанасий (Офоновско), половник — I, 415
- Афанасий (Офоновско) Иванович (Ивашков) Дядка, новгородский кр.— I, 415
- Афанасий Матвеевич, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 293.
- Афанасий Никитин, тверской купец и путешественник — II, 6
- Афанасий Прасолов, ключник — I, 477—478

- Бабич Михаил, кн.— II, 56
 Бабичев Иван, кн., новгородский землевладелец — I, 476
 Базилевич К. В.— I, 480—481, 483
 Бальцер О., польский историк — I, 276, 279, 323, 365
 Бандтке С., польский историк — I, 290, 294, 336, 341—342, 373, 376
 Барабашич Иван Иванович, кн.— II, 56
 Барановский И., польский историк — II, 216
 Барбаро Иосафат, венецианский путешественник и дипломат — II, 22
 Барсан — см. Гавриил Барсан Сильвестрович
 Басланов Василий, землевладелец — II, 177—178
 Басманов Иван Федорович, воевода — II, 340
 Баторий Стефан — см. Стефан Баторий
 Батый, хан Золотой Орды — I, 249
 Бахрушин С. В.— I, 222, 507, 514; II, 11, 31, 34, 55, 57, 374
 Бахтеяр Федорович Дубовый Нос, купец и ростовщик — II, 42, 55
 Башилов С.— II, 287, 310
 Башкин Матвей, еретик — I, 379; II, 28, 35, 219, 221—222
 Бебехов, сын боярский — II, 155
 Бедринский Нефед, псковский помещ.— II, 374
 Безин Мисаил, старец Иосифова-Волоколамского мон.— II, 83, 292, 306, 308, 318
 Безобразов Истома Осипович, наместник — II, 324
 Беклемишев Берсень Иван Никитич — I, 194
 Беклемишев Никита Васильевич, судья — I, 523
 Белеутов Александр, землевладелец — II, 29
 Белеутов Григорий, новгородский помещ.— II, 338
 Белинский В. Г.— I, 11
 Белосельский, кн., новгородский землевладелец — II, 194
 Беляев И. Д.— I, 10, 63, 70, 132—133, 166, 400, 413, 451, 453—454, 469; II, 101, 110, 115, 186, 234—235, 258—260, 266, 272, 321, 381—382
 Беляев П. И.— I, 146, 402, 436, 446—447, 451, 514; II, 74—76, 81, 103, 180—181, 291
 Беляйка Желоменский, кр. Корнильева-Комельского мон.— II, 294
 Бенешевич В. Н.— I, 92, 263, 280, 510
 Берденев Михаил, новгородский бояр.— II, 278
 Берладник Иван — см. Иван Берладник
 Берсень Беклемишев — см. Беклемишев Берсень
 Бертольд, львовский землевладелец — I, 278, 281, 333
 Бесок Игнат — см. Игнатий Бесок
 Беспута Иванович (Иванков), кр. кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
 Бестужев-Рюмин К. Н.— I, 69
 Бизяков Матвей Фомич, кр. Иверского мон.— II, 383
 Блица Клишко — см. Климент Никитич Блица
 Блуд, воевода кн. Ярополка Святославовича — I, 268
 Блюменфельд Г. Ф.— I, 69—70; II, 165
 Бобоша Алексей — см. Алексей Бобоша
 Бобыня Григорий — см. Григорий Бобыня
 Богдан Гапонович, луцкий землянин — I, 297
 Богдан Иосифович (Есапов) Дегжа, новгородский землевладелец — I, 477—478, 520; II, 278
 Богословский М. М.— I, 116, 381—383, 436—438, 445, 447—449, 451, 453, 514; II, 187, 203
 Бож, вождь аптов — I, 87
 Болеслав, сын польского князя Болеслава (XII в.)— I, 328
 Болеслав I Храбрый, кор. польский — I, 91, 135
 Болеслав II Смелый, кор. польский — I, 328
 Болеслав V Стыдливый, кор. польский — I, 258
 Болеслав II Самовитович, кн. мазовецкий — I, 332
 Болотников Иван Исаевич, предводитель крестьянской войны начала XVII в.— II, 223, 310, 353
 Болтин И. Н.— I, 166; II, 340
 Борис Александрович, вел. кн. тверской — I, 523; II, 137
 Борис Владимирович, кн.— I, 111, 173, 235—236, 496, 498

- Борис Годунов, царь — I, 9, 181; II, 21, 45—46, 52, 162, 237, 254, 257—262, 269, 273, 299, 302, 306—307, 310—314, 317—318, 321, 331—342, 349, 352
- Борис Дмитриевич, сын новгородского посадника Дмитра Мятрошкенича — I, 410
- Борис (Бориско) Иванов, псковский кр. — I, 466
- Борис (Бориско) Щока, «человек» помещ. Петра Путятина — I, 491
- Босов (Босой) Кирилл — см. Кирилл Босов
- Бошарин Михаил Родионович, полovníк — II, 141
- Бошарин Родион Иванович, полovníк — II, 141
- Братцов Михаил — см. Михаил Братцов
- Бромлей Ю. В. — I, 371
- Брыж Семен — см. Семен Брыж
- Брык Васко — см. Василий Брык
- Будовниц И. У. — II, 209, 211
- Будута — см. Будята
- Будята (Будута), богатый новгородец — I, 104
- Булгаков П. А., кн., воевода — II, 66
- Буранда, татарский военачальник — I, 250
- Бутович, черниговский кр. — I, 427—428
- Брячислав, кн. полоцкий — I, 230
- Бугурлиш Кополь Григорьевич, новгородский помещ. — I, 490
- Буюк Ф., польский историк — I, 323, 352—353, 378
- Бык, слуга мон. — II, 151
- Бюхер К., немецкий экономист — I, 486—487
- Вавдит (Валдит), новгородский землевладелец — I, 100
- Вайсконе Дзурдз, смерд-тиун — I, 289
- Валдит — см. Вавдит
- Валк С. Н. — I, 53—54, 264; II, 31, 328
- Вальков Ивашко — см. Иван Вальков
- Варлаам, иг. Воиншского мон. — II, 384
- Варлаам, митр. новгородский — II, 50
- Варлаам, сын киевского боярина — I, 150
- Варлаам Михайлович (Михалев) Хутынский, новгородец — I, 57, 106, 147, 153, 158
- Варфоломей (Валфромей) Филиппович, кр. Корельского у. — II, 173
- Васиан, иг. Троице-Сергиева мон. — II, 86
- Василий, инок Киево-Печерского мон. — I, 150, 201
- Василий (Васька), кр. Волоколамского мон. — II, 175
- Василий (Василь), кр. львовского архиеп. — I, 345—347
- Василий (Василь), львовский землевладелец — I, 317
- Василий (Васько), белозерский полovníк — II, 133
- Василий (Васько), новгородский полovníк — I, 414, 473
- Василий, протопоп, ростовщик — II, 56
- Василий (Василь), смерд Киевской земли — I, 309, 318—319
- Василий, сотный — I, 338
- Василий I Дмитриевич, вел. кн. московский — I, 269—270, 477, 483, 527, 530; II, 26, 88—89
- Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский — I, 192, 401, 405, 507, 518, 522, 530—531; II, 34, 55—56, 58, 60, 78, 82—83, 105, 111, 132, 146
- Василий III Иванович, вел. кн. московский — I, 193, 480; II, 69, 96, 114, 119, 275, 288—289
- Василий I, византийский император — I, 88
- Василий Александрович, кн. брянский (:) — I, 524
- Василий (Васько) Бпбельский, галицкий землевладелец — I, 260
- Василий (Васко) Брык, стародубский землевладелец — I, 428
- Василий (Васко) Богданович, перемышльский землевладелец — I, 288
- Василий Васильевич, кн. галицкий — II, 98
- Василий (Васька) Захарович, стрелец — II, 153—154
- Василий (Васько) Иванович (Ивашков), новгородский кр. — I, 490
- Василий Иванович Шуйский, царь — II, 114, 256, 261, 274, 276, 307, 318, 337; 340—351, 353—354, 360, 376—377

- Василий Кобылин, приказчик — II, 155
- Василий (Васька) Конашин, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 292, 295
- Василий Кузьмин, новгородский бояр. — II, 278
- Василий Михайлович, вел. кн. тверской и кн. кашинский — I, 487; II, 92
- Василий Онкудинович, кр. Корельского у.— II, 173
- Василий (Васька) Родионов, псковский кр.— I, 466
- Василий Степанович, новгородский посадник — I, 413—414
- Василий Стойков Глебовы, смерд Челмужского пог.— I, 190
- Василий (Васько) Телибанов, половник — II, 133
- Василий (Васька) Тимофеев, бо-быль — II, 201
- Василий (Васько) Федорович, новгородский кр.— I, 510
- Василий (Василь) Филиппович, кор. слуга — I, 360
- Василий (Васюк) Хотенов, торговец — I, 473
- Василий (Васюк) Чеков, новгородский помещ.— II, 41
- Василий Юрьевич, кн. суздальский — I, 518
- Василий Ярославович, вел. кн. владимирский — I, 507
- Василий Ярославович, кн. серпуховской — II, 58
- Васильев А.— I, 435
- Васильев Онисим — см. Онисим Васильев
- Васильев Посник — см. Посник Васильев
- Васильев Софотей — см. Софотей Васильев
- Василько Романович, кн. владими-ро-волынский — I, 249—250, 295—296. См. также Романовичи
- Василько Ростиславович, кн. тер-ребовльский — I, 135, 235
- Василько Юрьевич (сын Юрия Дол-горукого), кн.— I, 238, 497
- Васильчиков Якуш — см. Якуш Васильчиков
- Введенский А. А.— II, 19, 24
- Вельшов, наместник — II, 354
- Венедикт (Венедихт), старец Ио-сифова-Волоколамского мон.— II, 292, 295
- Вепрь — см. Федор Васильевич Вепрь
- Веретенников В. И. — II, 314
- Верзилос А.— I, 464
- Веселовский С. Б.— I, 508, 512, 519—520, 523—524; II, 14—16, 43, 56, 60—61, 87, 108, 126, 186, 192, 206—208, 274, 279, 305, 308—309, 315, 319, 322, 336, 367
- Ветулани А., польский историк — I, 253, 312—313
- Вешняк Чернцов, великокняже-ский кр.— II, 87
- Винавер М.— I, 285
- Винокур Г. О.— I, 178
- Виняж, польский историк — I, 357
- Виппер Р. Ю.— I, 366, 391—393; II, 6, 23, 245
- Виричев Тороп Лукьянович (Лук-ьянович), половник — II, 144
- Вислый Михаил Васильевич, кн.— II, 56
- Витовт, вел. кн. литовский — I, 309—310, 423—424
- Вихтуй, новгородский землевла-делец — I, 100
- Владимир Андреевич, кн. дорого-бужский — I, 106
- Владимир Андреевич, кн. стариц-кий — II, 282
- Владимир Андреевич Храбрый, кн. серпуховской — I, 479, 482, 507, 516—519, 522; II, 58, 89, 92
- Владимир Василькович, кн. владими-ро-волынский — I, 135, 205, 249—250, 269, 273, 298—303, 331, 361
- Владимир Володаревич, кн. га-лицкий — I, 358
- Владимир Всеволодович Мономах, кн. киевский — I, 37, 57, 92, 105, 111, 117—118, 134—135, 159—161, 165, 173—174, 179, 193—195, 202, 207, 212, 234—238, 385, 496; II, 63
- Владимир (Володимир) Григорь-ев, купец — II, 42, 55
- Владимир (Володька) Дмитриев, бо-быль — II, 197
- Владимир Мстиславович, кн. киев-ский — I, 106, 261
- Владимир Святославович, кн. киев-ский — I, 27, 55, 57, 79, 91, 100, 104, 107, 154—155, 200, 222, 268, 270, 385, 496; II, 63
- Владимирский-Буданов М. Ф.— I, 11, 36, 69—70, 90, 99, 131,

- 141—143, 146, 153, 155—156, 158, 167, 179—180, 184, 193, 197—198, 207, 214, 247—248, 255, 263—265, 272—273, 303, 306—308, 324—325, 327—330, 335—336, 338, 340, 344, 347—348, 418—419, 421, 424, 436—437, 445, 452, 456, 461—462, 500; II, 33, 41, 85, 117, 120, 123, 159, 168—169, 187, 192, 262—263, 287, 324—325, 339, 343—346, 348, 389
- Владислав, королевич — II, 353—354
- Владислав II Локеток, кор. польский — I, 321
- Владислав Ягайло (Ягелло) — см. Ягайло Владислав
- Власов Степан — см. Степан Власов
- Власьев Иван — см. Иван Власьев
- Власьев Харя — см. Харя Власьев
- Влодек, смерд Львовской земли — I, 318
- Влодек из Доброго, санецкий земле-владелец — I, 317
- Внуков Михаил Иванович, наместник — II, 327
- Внучковичи, братья, стародубские кр. — I, 428
- Водоз, кр. воеводы Ивана Ивановича Салтыка Травина — II, 107,
- Войдан, хол. — II, 29
- Войцеховский З., польский историк — I, 272
- Волдута, новгородский землевладелец — I, 100
- Волков Иван — см. Иван Волков
- Волков Михаил — см. Михаил Волков
- Володарь Ростиславович, кн. перемышльский — I, 135
- Володислав Дмитриевич, сын новгородского посадника Дмитра Мироскиничя — I, 410
- Волос, хол. — I, 153
- Волхин Ферапонт — см. Ферапонт Волхин
- Ворона Яков — см. Яков Ворона
- Воронин Н. Н. — I, 233
- Воронич Гневаш — см. Гневаш Воронич
- Воронов Иван Михайлович, бобыль — II, 193
- Воротынский Иван Михайлович, кн. — II, 56
- Воротынский Федор, кн. — I, 332
- Востоков А. X. — I, 131
- Всеволод Мстиславович, кн. новгородский — I, 54, 100, 156, 214, 216, 219, 222, 238, 263—264, 411, 510
- Всеволод Ольгович, кн. киевский и черниговский — I, 106, 203. См. также Ольговичи
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. владимирский — I, 497, 507
- Всеволод Ярославович, кн. киевский и переяславский — I, 111, 115, 496. См. также Ярославичи
- Вуефаст, посол кн. Святослава в Константинополь (X в.) — I, 95
- Вышатиц Ян — см. Ян Вышатиц
- Гавриил (Гаврило) половник — II, 142
- Гавриил (Гаврило), старец Кирилло-Белозерского мон. — II, 111
- Гавриил (Гаврила) Барсан Сильвестрович (Селиверстович), кр. — II, 172
- Гавриил (Гаврилко) Иванович (Ивашков), новгородский кр. — I, 491
- Гавриил (Гаврилко) Константинович, новгородский кр. — I, 491
- Гавриил Фсдоров, детеныш — II, 155
- Гаврилов Омельяно — см. Емельян Гаврилов
- Гаврилов Потап — см. Потап Гаврилов
- Галасий (Галасей), старец Кирилло-Белозерского мон. — II, 111
- Галгач Яков — см. Яков Галгач
- Гама Васко да, португальский путешественник — II, 6
- Гамченко С. С. — I, 32
- Ганч, санецкий землянин — I, 355
- Гедеонов С. — I, 28
- Гейза II, кор. венгерский — I, 258
- Гейман В. Г. — I, 455; II, 124, 126—127, 178, 273, 275, 279, 306, 384—385
- Гейнош В., польский историк — I, 253—256, 289—292, 342, 345—347, 354, 356—357, 360, 362
- Гельмольд, летописец XII в., автор «Chronicon Slavorum» — I, 28
- Гельцель А., польский историк права — I, 282, 285, 314, 316, 327

- Генрих, сын польского кор. Боле-
 слава — I, 328—329
 Генрих I, герцог польский и силез-
 ский — I, 329
 Генрих Латвийский, автор «Хро-
 ники Ливонии» — I, 386, 391
 Георгий, митр.— I, 142
 Герасимов Иван — см. Иван Ге-
 расимов
 Герберштейн Сигизмунд, посол
 германского императора в Мос-
 скву (XVI в.)— I, 222, 227;
 II, 30
 Геродот, древнегреческий исто-
 рик— I, 24—25, 48
 Геронтий, старец Троице-Серги-
 ева мон.— II, 126
 Геронтий Линек, монах — I, 455
 Герцен А. И. — I, 11
 Гетц Л. К., немецкий историк пра-
 ва — I, 162
 Глабан Якуш Мокеев, бобыль —
 II, 192
 Глеб Владимирович, кн.— I, 114,
 173, 235—236, 496, 498
 Глеб Всеславович, кн. минский
 и полоцкий — I, 134—136
 Глеб Святославович, кн. новгород-
 ский — I, 231, 233
 Глебов Василий Стойков — см. Ва-
 силий Стойков Глебов
 Глинская Елена Васильевна, ре-
 гентша — II, 287
 Глинский Иван Борисович, кн.,
 наместник черниговский — I,
 427—428
 Глотов Иван — см. Иван Глотов
 Гневаш Воронич, житомирский зем-
 левладелец — I, 319
 Гневушев А. М. — I, 472, 519; II,
 191
 Годунов Борис — см. Борис Го-
 дунов
 Голова Володимеров, купец — II,
 40
 Головка, ключник кн. И. Ю. Пат-
 рикеева — II, 99
 Головкины, землевладельцы — II,
 60
 Головленков Иван, помещ.— II, 292
 Голубинский Е. Е. — I, 103—105,
 107—108, 265, 527
 Голубовский П. В.— I, 105
 Горбатьи Александр Борисович,
 кн., воевода — II, 58
 Горемыкин Архипка — см. Ар-
 хип Горемыкин
- Горохов Иванко — см. Иван Горо-
 хов
 Горсей Иеремия, агент англо-рус-
 ской компании в Москве (XVI в.),
 автор ряда сочинений о России —
 II, 64
 Горчаков М. И.— I, 192, 269, 530;
 II, 189
 Гостомский, воевода, польский
 публицист XVI в.— I, 368—
 369, 378
 Готье Ю. В.— II, 23, 208, 241, 253,
 358—359
 Градианский Н. П.— I, 72
 Грачко Симон — см. Симон Грачко
 Грек Максим — см. Максим Грек
 Греков Б. Д.— I, 2, 38—39, 74,
 86, 110, 122, 129, 136, 161, 176,
 193, 371, 410, 436—439, 451, 468,
 476; II, 2, 14, 20, 36—37, 50,
 175, 191, 193, 205—206, 208,
 241—242, 274, 298, 307, 313, 315,
 318
 Григорий, архим. Юрьева новгород-
 ского мон.— I, 190, 472
 Григорий (Гришка), детеныш — II,
 155
 Григорий, землевладелец — II, 319
 Григорий, инок Киево-Печер-
 ского мон.— I, 223
 Григорий, кр. Иосифова-Волоко-
 ламского мон.— II, 176
 Григорий (Гриша), кр. Корнилье-
 ва-Комельского мон.— II, 294
 Григорий (Гринь), кр. львовского
 архиеп.— I, 346
 Григорий (Гринь), смерд Киевской
 земли — I, 318—319
 Григорий (Гришка) Архипович, бо-
 быль — II, 198
 Григорий Бобыня, купец — II, 42
 Григорий Васильевич, галицкий
 бояр.— I, 297
 Григорий (Гришка) Иосифович
 (Есипов), псковский кр.— I, 467
 Григорий (Гриш) Клишкович, га-
 лицкий землевладелец — I, 317
 Григорий (Гридька) Минин, нов-
 городский кр.— I, 415
 Григорий (Гриша) Наседка, де-
 теныш — II, 153
 Григорий (Гриша) Немчин, хол.—
 II, 128
 Григорий (Гридя) Панов, ключник
 кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
 Григорий (Гришка) Панфилович,
 новгородский кр.— II, 49

- Григорий Семенович, челмужский боярин — I, 190
- Григорий (Гридя) Страхов, ключник кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
- Григорий (Григорей) Филиппович, кр. Корельского у. — II, 173
- Григорий (Гриш) Ходоров, галицкий землевладелец — I, 317
- Григорий (Гридка) Яковлевич, сын ключника — II, 35
- Григорьев Владимир — см. Владимир Григорьев
- Григорьев Никитка — см. Никита Григорьев
- Григорьев Пятой — см. Пятой Григорьев
- Гридин Микифорик — см. Никифор Гридин
- Гридин Митя — см. Митя Гридин
- Гридин Юра — см. Юрий Гридин
- Грихно, новгородский кр. — I, 510
- Грихнов Ивашко — см. Иван Грихнов
- Грицко, перемышльский землевладелец — I, 288
- Грозный — см. Иван IV
- Громова В. И. — I, 35
- Гроссманн Ф., немецкий историк — I, 369
- Грузинские, бобыли — II, 192
- Грушевский М. С. — I, 11—12, 41—42, 95, 167, 252, 277, 291, 303—304, 332, 361—362, 429
- Грызлов Григорий, софийский казначей — II, 293
- Губе Р., польский историк — I, 20, 207, 258—259, 271—272, 276, 286, 314, 326—327
- Гурий, старец Голутвина-Коломенского мон. — II, 309, 330
- Гурылев Сенька — см. Семен Гурылев
- Гурьев Постник — см. Постник Гурьев
- Давид, дьякон — I, 512
- Давид Игоревич, кн. владимироволынский — I, 235
- Давид Святославович, кн. черниговский — I, 135
- Давид Ярославович, киевский тысяцкий — I, 92
- Давыд (Давыдко) Федоров, новгородский кр. — II, 200
- Давыдов Якуш — см. Якуш Давыдов
- Давыдовы, братья, половники — II, 138
- Дамко Яков — см. Яков Дамко
- Даниил, белый кр. — I, 338
- Даниил, ливонский землевладелец — I, 390—391
- Даниил (Данилко), мстиславский кр. — I, 425
- Даниил (Данило), саночный землевладелец — I, 317
- Даниил (Данило), старец Иосифова-Волоколамского мон. — II, 293
- Даниил Борисович, кн. нижегородский — II, 88
- Даниил Заточник — I, 116—117, 162, 182, 266; II, 32
- Даниил (Данила) Карлов, мон. приказчик — II, 294
- Даниил Романович, кн. галицкий — I, 27, 248—250, 259, 291, 295—297, 300, 331, 357. См. также Романовичи
- Даниил (Данилко) Степанов, выборный кр. — II, 282
- Даниил (Данила) Тарасов, кр. — II, 309
- Дарья (Дашка), кр. бояр. Б. И. Морозова — II, 363
- Дворянчиков Василий, псковский кр. — II, 357
- Дебольский Н. Н. — I, 123, 414, 436, 452, 455; II, 87, 90, 93, 112, 313
- Девулютов Иван (Ивашко) Сергеевич, кр. Троице-Сергиева мон. — II, 319
- Дегжа Богдан Есипов — см. Богдан Иосифович Дегжа
- Демид (Демидко) Максимов, бобыль — II, 194
- Демидов Луппа — см. Луппа Демидов
- Денижников Семен Тимофеевич — II, 120
- Денис (Дениско), захребетник — II, 35
- Денис (Денисец) Ермолаевич (Ермолков сын), половник — I, 455
- Детков Ратман — см. Ратман Детков
- Дженкинсон Антоний, английский купец и путешественник — II, 59
- Дзурдз Вайсконе — см. Вайсконе Дзурдз
- Дикер, польский историк — I, 357

- Дионисий, архиеп. суздальский — I, 177
- Дионисий (Деонисей) Антипович, послух — II, 180
- Дир, кн. киевский — I, 66
- Длугош Я., польский историк — I, 251, 277
- Дмитриев Володька — см. Владимир Дмитриев
- Дмитриев Леонтий — см. Леонтий Дмитриев
- Дмитриев Самсон — см. Самсон Дмитриев
- Дмитрий (Митрий), заимодавец волоцкого кн. — II, 55
- Дмитрий, кор. слуга — I, 354
- Дмитрий, половник — II, 142
- Дмитрий Иванович (сын Грозного), царевич — II, 23
- Дмитрий Иванович, сын Ивана III — II, 57, 119
- Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский — I, 516—518, 523—524; II, 61, 89, 98
- Дмитрий (Дмитр) Мирошкинич, посадник новгородский — I, 106, 191, 410
- Дмитрий Константинович, кн. суздальский — II, 98
- Дмитрий Тимофеевич Синий, землевладелец — II, 108
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. галицкий — I, 518, 520; II, 60
- Доброклонский А. П. — II, 148
- Добролюбов Н. А. — I, 11
- Доброслав, галицкий бояр. — I, 248, 297
- Добрыня, дядя киевского кн. Владимира Святославовича — I, 154
- Довнар-Запольский М. В. — I, 25
- Долгой Андриушка — см. Андрей Долгой
- Домажирч Лазарь — см. Лазарь Домажирч
- Доможировиць Овстрат — см. Овстрат Доможировиць
- Донской — см. Дмитрий Иванович Донской
- Дорофеев Агафон — см. Агафон Дорофеев
- Дорофей, старец Спасова-Прилуцкого мон. — II, 126
- Дорслав Бибельский, галицкий землевладелец — I, 260
- Досифей, архим. — II, 160
- Дровнин Иван, писец — I, 466
- Дубенский Д. — I, 266
- Дубкович Петрусь — см. Петр Дубкович.
- Дубовый Нос — см. Бахтеяр Федорович Дубовый Нос
- Дубровский Казарин, новгородский дьяк — II, 286
- Дудик, хол. — I, 480
- Дудоров Иван Михайлович, церковный приказчик — II, 179
- Дурносопов Иван — см. Иван Дурносопов
- Дуров Мишка — см. Михаил Дуров
- Душан — см. Стефан IV Душан
- Дьяконов М. А. — I, 11, 94, 132—133, 142, 155, 193, 216, 255, 266—267, 416, 436—437, 452, 502, 512; II, 39, 73, 77—83, 91, 103, 110, 116—118, 135—136, 138—139, 145—146, 148—149, 154—158, 161—163, 166—167, 170—174, 177, 179—180, 187—189, 191—192, 195, 197, 201, 208, 265, 267, 269—271, 274, 280—282, 285—286, 298—303, 306—307, 309, 311—312, 314, 321, 325—327, 329—330, 338, 374, 376—380, 382—387
- Дювернуа Н. Н. — I, 167, 383
- Дюлорье Э., французский ориенталист — I, 41
- Дядка Офооско Ивашков — см. Афанасий Иванович Дядка
- Евдоким (Евдокимко) Иванов, бобыль — II, 193
- Евдоким (Евдокимко) Иванов, кр. бояр. Б. И. Морозова — II, 363
- Евпраксия (Елена Ольгердовна), жена кн. Владимира Андреевича серпуховского — II, 26, 34, 58
- Евстигней, еп. владими́ро-во́льньский — I, 300
- Евфросин полоцкий — I, 178
- Евфросин (Евфросиний) Псковский, основатель Спасо-Елеазаровского псковского мон. — I, 443
- Евфросиния, жена кн. псковского Ярослава Владимировича — I, 441
- Евфросиния, жена кор. венгерского Гейзе II — I, 258
- Евфросиния (Офросинья), кн. — II, 60
- Евфросиния, полоцкая кн. — I, 105
- Екатерина II, императрица — I, 98; II, 247

Елагин Н. А. — II, 258
Елена (Олена), вдова Дмитрия Донского — II, 98
Елена Ивановна (Иванова), землевладелица — I, 455
Елчанинов Афанасий (Офонос), землевладелец волоцкого кн. — II, 55
Елчанинов Калинин Второй, сын боярский — I, 477
Емельян (Омельян), новгородский кр. — I, 489
Емельян (Омельяно) Гаврилов, новгородский кр. — I, 491
Емельян (Омельяно) Романов, псковский кр. — I, 466
Евтыков Михаил — см. Михаил Евтыков
Еремей Семёнов, послух — II, 177
Ермолай (Ермолка), слуга кн. М. К. Оболенского — I, 489
Ермолай-Еразм, публицист XVI в. — I, 379; II, 16, 42, 108, 203, 240—249, 224, 229—230, 334
Есипов Богдан — см. Богдан Иосифович Дегжа
Есипов Гришна — см. Григорий Иосифович
Есипов Петр — см. Петр Иосифович
Есюков, новгородский помещ. — II, 41
Ефим, половник — II, 146
Ефим, серебряных дел мастер — II, 37—38
Ефим (Еуфим) Харламов, коровник — II, 50
Ефименко А. Я. — I, 69; II, 133—134
Ефимов Иванко — см. Иван Ефимов
Ефрем, киевский бояр. — I, 108
Ефрем (Афремко), кр. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 176
Ефрем, митр. — I, 480, 508
Ефрем (Офромейко), наемный земледельческий работник в д. Марково Кречневского пог. Новгородской земли — II, 49
Ефрем (Офремко), «человек» ключника Якуша Давыдова — I, 476
Ефтимий, перемышльский землевладелец — I, 288

Жданов И. Н. — II, 289
Жебелев С. А. — I, 137
Желоменский Беляйка — см. Беляйка Желоменский
Жеславский Михаил, кн., витебский наместник — I, 252

Жидята Лука — см. Лука Жидята
Жолкевский Станислав, коронный гетман польский — II, 354
Жолнинский Семен, помещ. — II, 363
Жюрчевич, Иван — см. Иван Жюрчевич

Забойников Василий Евтихевич, кабальный человек — II, 125
Забойников Григорий Евтихевич, кабальный человек — II, 125
Забойников Евтихий Незнай Яковлевич, кабальный человек — II, 125
Забойников Онтومان Евтихевич, кабальный человек — II, 125
Заболоцкая Маремьяна, землевладелица — II, 150
Забродов Богдан, дьяк — II, 195
Завришин Филипп — см. Филипп Завришин
Загорский В. Ф. — I, 413, 473—474, 491, 519; II, 243, 278
Замысловский Е. Е. — II, 156
Зарубин Н. Н. — II, 32
Заруцкий Иван Мартынович, донской атаман — II, 355
Заточник Даниил — см. Даниил Заточник
Захарий (Захарко), новгородский кр. — I, 473
Захарий Иванович, землевладелец — II, 98
Зерцалов А. Н. — II, 370
Зигель Ф. Ф. — I, 276
Зиновий, кор. слуга — I, 354
Зиновий (Зинько) Гапонович, лудский землянин — I, 297
Зиновий Отенский, монах, писатель XVI в. — II, 222—223
Зиновий (Зеновей) Павлович, кр. Двинской земли — II, 179—180
Зиновий Первушин, кр. Троице-Сергиева мон. — II, 319
Зиновьев Микифор — см. Микифор Зиновьев
Злоба Ивашко — см. Иван Злоба
Зосима, основатель Соловецкого мон. — II, 160
Зубов Игнатий, писец — II, 247
Зутис Я. Я. — I, 103

Ибн-ал-Биби (Насяр-ад-дин-Яхья-ибн-Мухаммед) писатель и государственный деятель Копийского султаната XIII в. — I, 39

- Ибн-Даста — см. Ибн-Русте
 Ибн-Русте, арабский писатель
 X в. — I, 27, 39, 143
 Ибн-Хордадбе, арабский писатель
 IX в. — I, 26
 Ибн-Якуб, еврейский путеше-
 ственник и писатель X в. — I, 39
 Иван, арзамасский кр. — II, 308
 Иван (Иванко), беглый кр. львов-
 ского архиеп. — I, 346—347
 Иван (Иванко), бобыль — II, 194
 Иван, келарь Спасова-Прилуцкого
 мон. — II, 125
 Иван, кожевник, «человек» Мак-
 сима Строганова — II, 128
 Иван, кр. Корельского у. — II, 172
 Иван (Иванко), наемный земле-
 дельческий работник в д. Мар-
 ково Креченского пог. Новгород-
 ской земли — II, 49
 Иван, новгородский землевладе-
 лец — I, 100, 103
 Иван, новгородский кр. — I, 415
 Иван, представитель рода Якова Во-
 роны — II, 59
 Иван, санокский землевладелец —
 I, 317
 Иван (Иванко), скатертник — II,
 38
 Иван, смерд с о. Рожицкого —
 I, 190, 395, 459
 Иван (Ивашко), староста — I,
 345—347
 Иван I Данилович Калита, вел. кн.
 московский — I, 171, 484, 507,
 517; II, 26, 91, 119
 Иван II Иванович Красный, вел.
 кн. московский — I, 516
 Иван III Васильевич, вел. кн. мо-
 сковский — I, 102, 245, 276,
 383—384, 414—415, 470, 474—
 475, 480—483, 500, 507, 516, 521—
 522; II, 6—7, 18—19, 39, 54—57,
 67—70, 96, 107, 112, 119, 132,
 221, 233, 276, 280, 287—289
 Иван IV Васильевич Грозный,
 царь — I, 366, 516; II, 5, 15, 23,
 52, 58, 64—65, 69—70, 96, 113—
 114, 210, 212, 233, 236—238, 245,
 247—249, 253, 270, 274, 281—
 282, 285—289, 304—305, 307, 317,
 322—323, 344—345, 352
 Иван Абалдуев, приказчик — II, 294
 Иван Агафонович, псковский по-
 садник — I, 443
 Иван Андреевич, кн. белозер-
 ский — II, 93
 Иван Берладник, кн. — I, 294—295
 Иван Борисович, кн. волоцкий —
 I, 507; II, 39, 42, 55—56
 Иван (Ивашко) Вальков, новго-
 родский кр. — I, 473
 Иван Васильевич, вел. кн. рязан-
 ский — II, 119
 Иван Васильевич, кн. галицкий —
 II, 98
 Иван Владимирович, кн. серпу-
 ховской — I, 522
 Иван Власьев, рабочий человек —
 II, 200
 Иван Волков, новгородский кр. —
 II, 204
 Иван Георгиевич (Гюргевич) Ми-
 рославль внук, галицкий бояр. —
 I, 259
 Иван Герасимов, смерд Челмуж-
 ского пог. — I, 190
 Иван Глотов, слуга новгородского
 архиеп. — I, 476
 Иван (Иванко) Горохов, детеныш —
 II, 152
 Иван (Ивашко) Грихнов, новго-
 родский кр. — I, 510
 Иван Дурносопов, сын боярский —
 II, 67
 Иван (Ивашко) Емельянович,
 (Омельянов), новгородский кр. —
 I, 491
 Иван (Иванко) Ефимович, новго-
 родский кр. — II, 50
 Иван Жюрчевич, перемышльский
 землевладелец — I, 288
 Иван (Ивашко) Злоба, «человек»
 помещ. Петра Путятина — I, 491
 Иван (Иванко) Иванов, детеныш —
 II, 151
 Иван Иванов, кр. Калакинской
 вол. — II, 206
 Иван Кафтырев, помещ. — II, 88
 Иван (Ивашко) Кема Меньшой, мон.
 работник — II, 160
 Иван (Ивашко) Коршелевский,
 перемышльский землевладелец —
 I, 288
 Иван Кромкий, кор. слуга — I, 360
 Иван Малошович, кор. слуга —
 I, 360
 Иван Маронин — II, 42
 Иван Михайлов, купец — II, 40
 Иван (Ивашко) Михайлович, бо-
 быль — II, 201
 Иван Нестеров, псковский кр. —
 I, 466

- Иван (Ивашко) Олисов, новгородский кр.— I, 490
- Иван Онкудинович, кр. Корельского у.— II, 173
- Иван Остров, наемный земледельческий работник в д. Мельница Новгородской земли,— II, 50
- Иван Петров, половник — II, 143
- Иван Петрович, писец — II, 173
- Иван (Ивашко) Полугин, «человек» помещика К. Г. Бутурлина — I, 490
- Иван Распоп, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 292
- Иван (Иванко) Самойлов, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 176
- Иван (Ивашко) Семенов, псковский кр.— II, 374
- Иван (Ивашко) Семенович (Семенов), новгородский кр.— I, 478
- Иван Стефанович, кр. Корельского у.— II, 173
- Иван (Иванко) Тимофеевич Суло, выборный кр.— II, 282
- Иван Тороканов, слуга мон.— II, 150
- Иван Трофимов, новгородский помещ.— I, 491
- Иван Тылович, галицкий землевладелец — I, 317
- Иван Федоров, кр.— II, 16
- Иван (Иванко) Федотов, псковский кр.— I, 466
- Иван Харламов — II, 59
- Иван Черныга кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 176
- Иван Юпа, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 282
- Иван Юрьевич, кн. мстиславский — I, 425—427
- Иван (Иванко) Яковлевич, бобыль — II, 194
- Иван Яковлевич, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 292
- Иванко Чюдинович, «муж» кн. Олега Святославовича — I, 236
- Иванков Беспута — см. Беспута Иванович
- Иванов Бориско — см. Борис Иванов
- Иванов Григорий Федорович, хол.— II, 174
- Иванов Иван — см. Иван Иванов
- Иванов Иванко — см. Иван Иванов
- Иванов Куземка — см. Кузьма Иванов
- Иванов Овдокимко — см. Евдоким Иванов
- Иванов П.— II, 44—45; II, 137
- Иванов Первущка — см. Первой Иванов
- Иванова Елена — см. Елена Ивановна
- Ивашков Васько — см. Василий Иванович
- Ивашков Гаврилко — см. Гаврил Иванович
- Ивашков Наумко — см. Наум Иванович
- Ивашков Якушко — см. Якуш Иванович
- Ивекович, хорватский филолог — I, 176
- Ивор, посол кн. Игоря в Константинополь (X в.)— I, 95
- Иворь Молибович, откупщик соли в Галицкой земле — I, 297
- Игнатий (Игнат), мельник — II, 50
- Игнатий (Игнат) Бесок, новгородец — I, 411
- Игнатий (Игнатей) Игоча, смерд Челмужского погоста — I, 190
- Игнатий (Игнат) Семенович, кор. слуга — I, 360
- Игнатов Остакно — см. Остакно Игнатов
- Игоревич (сыновья кн. новгород-северского Игоря Святославовича Владимир, Роман и Святослав)— I, 260, 278
- Игорь, кн. киевский — I, 26, 89—91, 95—96, 100—101, 103, 151, 156, 385
- Игорь, племянник кн. киевского Игоря — I, 95
- Игорь Ольгович, кн. черниговский — I, 106—107, 203. См. также Ольговичи
- Игоча Игнатей—см. Игнатий Игоча
- Измайлов Алексей Ильич, новгородский помещ.— II, 244
- Измайлов Степан Васильевич, новгородский помещ.— II, 244
- Изяслав Мстиславович, кн. киевский — I, 53—54, 101, 106, 202—203, 216, 258, 268, 358, 509
- Изяслав Ярославович, кн. киевский — I, 27, 105, 108, 111—112, 115, 231, 264—265, 496. См. также Ярославичи
- Иконников В. С.— I, 498

- Иларион, митр.— I, 226
Иларион (Ларка), псковский ры-
болов — I, 442
Иларион (Ларион) Стефанович,
кр. Корельского у.— II, 173
Илия, архиеп. новгородский —
I, 170, 205
Илия, еп. перемышльский и сам-
борский — I, 288
Иловайский Д. И.— I, 419
Ильинский А.— II, 238
Илья (Илейка), кр. Корнилиева-
Комельского мон.— II, 294
Илья, писец Кирилло-Белозер-
ского мон.— I, 123
Илья, сябр — I, 462
Ингвар, кн. рязанский — I, 202,
511
Инглёт С., польский историк —
I, 353, 369
Иоаким (Еким), иг. Ферапонтова
мон.— II, 109, 111—112
Иоанн Альберт — см. Ян Аль-
берт
Иоасаф Скрипицын, митр.— II, 229
Иов, патриарх — II, 44—45, 345
Иона, иг. Троицкого Гledenского
мон.— II, 61, 83, 139—140
Иона, митр.— I, 332, 531; II, 83
Иосиф, архим. Константиново-
Еленинского мон.— II, 44
Иосиф (Осыка), детеныш — II, 155
Иосиф, монах — II, 331, 341—
342, 345
Иосиф Волоцкий, основатель Ио-
сифова-Волоколамского мон.,
глава «осифлян»-стяжателей — I,
194; II, 55, 68, 219, 223
Иосиф (Есип) Филиппович, кр. Ко-
рельского у.— II, 173
Иречек Г., чешский историк — I,
177
Исаия, еп. ростовский — I, 499
Исай, половник — I, 415
Исаков Степанко — см. Степан Иса-
ков
Исаковых Иван Ерофеевич (Яро-
фиев), половник — II, 144
Исидор (Сидор), митр.— I, 271
Искусеви, русский посол в Кон-
стантинополь (X в.)— I, 103
Истома, кр. Иосифова-Волоколам-
ского мон.— II, 176
Истома (Истомка) Шелаев, кр.
Иосифова-Волоколамского мон.—
II, 84
Иуда (Июдка), половник — II, 146
Иуда (Юдка) Олисов, новгород-
ский кр.— I, 490
Кавелин К. Д.— I, 10—11, 59—60
Кавчинский М., польский исто-
рик — I, 20
Казарин, «человек» Семена Строга-
нова— II, 128
Казимир, кор. польский (XI в.)—
I, 135
Казимир III Великий, кор. поль-
ский — I, 245, 253, 275—277,
279, 281, 313, 315, 321, 338, 342,
369, 376
Казимир IV, кор. польский и вел.
кн. литовский — I, 201, 278,
399—402, 405—406, 419, 424,
428, 455—456, 464, 484
Калайдович К. Ф.— II, 287
Калачев Н. В.— I, 166, 214, 266,
477; II, 195, 198
Калита — см. Иван I Данило-
вич Калита
Кампензе Альберт, автор послания
к папе Клименту VII «о делах
Московии»— II, 7
Канидар, русский посол в Констан-
тинополь (X в.)— I, 103
Каразин Н. М.— I, 9, 19, 41, 178,
499; II, 71—72, 257—258, 260—
262, 290, 307, 331—332, 336, 355
Карл V, император — II, 245
Карл Великий, император — I, 76
Карлов Алексей — см. Алексей
Карлов
Карлов Данила — см. Даниил Кар-
лов
Карп, детеныш — II, 152
Карп (Карпик) Лососев, новгород-
ский кр.— I, 478
Карпов Медведь — см. Медведь
Карпов
Карпов Софрон — см. Софрон Кар-
пов
Карповский Игнатий Алексеевич,
псковский землевладелец — I,
460
Касьян, иг. Кирилло-Белозер-
ского мон.— II, 92, 111
Катеринин Степан — см. Сте-
пан Катеринин
Катов Панкратий Михайлович —
II, 120
Каупо, ливонский старейшина —
I, 388
Кафенгауз Б. Б.— I, 436—440,
442, 451

- Кафтырев Иван — см. Иван Кафтырев
- Качмарчик З., польский историк — I, 325
- Кашин В. Н. — I, 488
- Кедрин, византийский писатель XI в. — I, 28
- Кельб Андрей — см. Андрей Кельб
- Кема Ивашко Меньшой — см. Иван Кема Меньшой
- Кетшке Р., немецкий историк — I, 321
- Кий, кн. киевский — I, 26, 66, 87
- Киприан, митр. всея Руси — I, 244, 269, 347, 483, 526—528, 531
- Кириан, митр. новгородский — II, 203, 370
- Кирик (Кирилл), автор «Кирикова Вопросания» — I, 200
- Кирилл, основатель Кирилло-Белозерского монастыря — II, 61, 97
- Кирилл Босов (Босой), купец — II, 135, 139
- Кирилл Туровский, еп. гуровский — I, 57
- Кириллов Степко — см. Степан Кириллов
- Кириа (Кирилл) Данилов, предполагаемый собиратель былин — I, 96
- Киселев С. В. — I, 233
- Китаев Дмитрий, писец — I, 483
- Клементьев Фуник — см. Фуник Клементьев
- Климент (Клим), наемный земледельческий работник в д. Мельница Новгородской земли — II, 50
- Климент, новгородец — I, 36
- Климент (Климуко), новгородский кр. — I, 473
- Климент, подьячий Ипатьевского костромского мон. — II, 247
- Климент VII, папа римский — II, 7
- Климент Адам — см. Адам Климент
- Климент (Климушка) Максимов, «человек» Богдана Есипова — I, 520
- Климент (Климуко) Никитич (Микитин сын) Блица, псковский рыболов — I, 443
- Климент Саблин, новгородский кр. — II, 204
- Климент Смолятич, митр. — I, 212, 214, 218, 220, 464
- Климент Яков (Яшка), смердтун — I, 289
- Климьята с Голых гор, галицкий землевладелец — I, 260
- Клихович Гриш — см. Григорий Клихович
- Клишка (Кличко, Клецко) Радчик, бояр. кн. Мстиславского — I, 427
- Клишкова, вдова бояр. Клишки Радчика — I, 427
- Ключевский В. О. — I, 11, 25, 40, 42—43, 45, 67—68, 143—145, 167, 183—184, 222, 224, 255—256, 362, 382—383, 402, 436, 502, 507, 513; II, 9—10, 19, 24, 28, 30—31, 34, 40, 54, 62, 72—73, 101—103, 116, 118, 122, 124, 135, 164—167, 170, 196, 236—238, 263—265, 269, 274, 299, 307, 311, 321, 376, 378—379, 381—382
- Кобылин Василий — см. Василий Кобылин
- Кобыляк Мишка — см. Михаил Семеновской Кобыляк
- Ковалевский М. М. — I, 63
- Коднянский Семьюн — см. Семьюн Коднянский
- Кожа Алексей — см. Алексей Кожа
- Козел Ермоласвич, плотник — II, 152
- Козин Тимофей Александрович, писец — II, 195
- Козонский Дмитрий, новгородский бояр. — II, 278
- Кокоскин Пятай, дьяк — II, 327
- Колбецкий Прохор, новгородский сын боярский — II, 373
- Колосов Василий (Васюк), помещ. — II, 194
- Колянковский Л., польский историк — I, 247; II, 63
- Кондаков Н. П. — I, 497
- Кондрат, кн. польский — I, 135
- Кондратий-Богдан Андреевич, кр. Двинской земли — II, 179—180
- Кондратович, стародубский кр. — I, 428
- Коновалов Степан (Степка) — II, 372
- Конон (Конанко) Константинович, новгородский кр. — I, 491
- Конрад, кн. мазовецкий — I, 314
- Конрад из Мейендорфа, ливонский землевладелец — I, 391

- Константин (Костянтин), великоустюжский протопоп — II, 141
 Константин, (Коснятин), «муж» кн. Даниила Галицкого — I, 27
 Константин (Костя), серебряных дел мастер — II, 38
 Константин (Костко) Андреев, новгородский кр. — I, 491
 Константин Багрянородный или Порфирородный, византийский император и писатель — I, 39, 96
 Контарини Амвросий, венецианский путешественник и дипломат — II, 7
 Конти Н. де, итальянский путешественник — II, 6
 Кончеев Иван Олтуфьевич, рязанский землевладелец — II, 119—120
 Конь, половник — II, 146
 Конашин Васька — см. Василий Конашин
 Конашка Митин сын, детеныш — II, 152
 Копан Никитин, послух — II, 177
 Корнилий, новгородский митр. — II, 201
 Корпелевский Ивашко — см. Иван Корпелевский
 Косой Василий — см. Патрикеев Василий Иванович
 Косой Феодосий — см. Феодосий Косой
 Коснячко, «муж» киевского кн. Изяслава Ярославича — I, 111
 Косолап, предводитель восстания в начале XVII в. — II, 290, 340
 Кост Михаил — см. Михаил Кост
 Кост Петр — см. Петр Кост
 Костко, половник — I, 414
 Костомаров Н. И. — I, 436; II, 9—10, 22, 258, 260—262, 266
 Кочия Г. Е. — I, 471
 Кошелев А. И. — I, 256
 Красинский А., польский историк — I, 322
 Красов И. — II, 200
 Крес Сидорко — см. Сидор Крес
 Кресценций, итальянский мыслитель XIII в. — II, 216
 Кривоногий Стефанко — см. Стефан Кривоногий
 Кромкий Иван — см. Иван Кромкий
 Кропоткин Богдан, кн., землевладелец — II, 298
 Кроц И., хорватский филолог — I, 176
 Кругляков, помещ. — II, 294
 Крюков Иван Михайлович, землевладелец — II, 126
 Кубенский Иван Михайлович, кн. — II, 56
 Кудатов Терентий — см. Терентий Кудатов
 Кузнецов Василий Федорович, землевладелец — II, 126
 Кузьма, монах — I, 190, 395, 459
 Кузьма, псковский помещ. — I, 466
 Кузьма (Куземка) Иванов, бобыль — II, 191
 Кузьма (Куземка) Ларивонов, бобыль — II, 191
 Кузьма Никитич, хол. — II, 174
 Кузьма (Куземка) Переход, детеныш — II, 152
 Кузьмин, новгородский помещ. — I, 415
 Кузьмин Василий — см. Василий Кузьмин
 Кузьмин Федько — см. Федор Кузьмин
 Кулишер И. М. — II, 304
 Кунцевич Г. З. — II, 350
 Куприян (Купря) Тереховский, кр. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 292
 Куприянов И. — I, 480
 Курбатов Истома — II, 292, 295
 Курбский Андрей Михайлович, кн., бояр. — II, 23, 68, 218—219, 317
 Кутшеба С., польский историк — I, 7, 272, 323, 364—365
 Кушева Е. Н. — II, 290, 328, 340—341, 346
 Лависс Э., французский историк — I, 40
 Лаврентий (Лаврент), сапоцкий землевладелец — I, 356
 Лаврентьев Никита (Микита) Иванович, новгородский землевладелец — I, 520
 Лавровский П. — I, 21
 Лагута, кузнец — II, 40
 Лазарь Домажирич, откупщик соли в Галицкой земле — I, 297
 Лазарь Саковский, галицкий землевладелец — I, 260
 Ламанский В. И. — I, 279
 Ланге Н. И. — I, 92, 216
 Лапо-Давилевский А. С. — I, 191, 416; II, 102—103, 186—187, 192,

- 198, 205, 207—208, 234, 321, 330, 387
- Лапшина Р. Г.— II, 222
- Ларивонов Кузема — см. Кузьма Ларивонов
- Ласкирев Федор, писец — II, 247
- Латкин В. Н.— I, 449
- Лев (Левко), житель Санюка — I, 289
- Лев (Левка), новгородский кр.— II, 338
- Лев VI Мудрый, византийский император — I, 39, 89
- Лев (Левка) Гаврилович, дегенъш — II, 152
- Лев Данилович, кн. галицкий — I, 250, 260, 272—273, 278—279, 296, 299—301, 333, 357
- Лев Прокофьевич (Прокшин сын Левушка), переяславский землевладелец — I, 524
- Левидский, польский историк — I, 375
- Левкий (Левкей), софийский старец — II, 51, 197, 252
- Левонов Поминик — см. Поминик Леонов
- Левшин С., наместник — II, 354
- Легишов Феодосий (Феодосейко) Никифорович, кр.— II, 363
- Лелевель И., польский историк — I, 285
- Леонтий, еп. ростовский — I, 499
- Леонтий (Левон), смерд Киевской земли— I, 318
- Леонтий Дмитриев, купец и судовладелец — II, 21, 42
- Леонтович Ф.— I, 10, 61—62, 69, 162, 253, 305, 418, 427, 446, 485; II, 280
- Лесток, кн. польский — I, 135
- Леухиных Спиридон Евстафьевич, половник — II, 142
- Лешков В.— I, 70, 166, 182—183
- Лжедмитрий I—II, 338, 342, 344, 348—349, 353
- Лжедмитрий II—II, 342—343
- Лигуй, новгородский землевладелец — I, 100, 103
- Лидул, русский посол в Константинополь (X в.)— I, 103
- Лингвень — см. Семен Лингвень
- Линде Б., польский филолог — I, 20—21, 176, 347, 485
- Линек Геронтий — см. Геронтий Линек
- Линняченко И. А.— I, 252—253, 255—256, 260—262, 271—273, 276—278, 287—293, 303, 311, 337—338, 342—343, 353, 372—374
- Липшиц Е. Э.— I, 37
- Лиске Кс.— I, 343
- Лихачев Д. С.— I, 226; II, 25
- Лихачев Н. П.— II, 147, 155, 247—248
- Лодыгин Линовь, кабальный человек — II, 126
- Лодыгин Федор, новгородский помещ.— II, 338
- Лопата Федор Васильевич, кн.— II, 56
- Лососев Карпик — см. Карп Лососев
- Лочко, смерд с о. Рожницкого — I, 190, 395, 459
- Лугин Иван, новгородский помещ.— I, 490
- Лука Жидята, еп. новгородский — I, 205, 480
- Лукаш, смерд-тиун — I, 289
- Лукьян (Лукьянко), кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 293
- Лукьянов Якуш — см. Якуш Лукьянов
- Луппа Демидов, бобыль — II, 193
- Лучицкий И.— I, 7, 315, 370—371, 392—394, 464
- Лучменев Лобан, новгородский землевладелец — II, 174
- Лысой Федор — см. Федор Лысой
- Любавский М. К.— I, 280, 297, 307—308, 325, 337, 419, 428—429, 465, 484; II, 374
- Любимов В. П.— I, 200
- Любкер Ф.— I, 178
- Любомиров П. Г.— I, 496
- Людовик, кор. польский — I, 348
- Люкк К., немецкий историк — I, 321
- Лютер Мартин, основатель лютеранской церкви — I, 370
- Лявданский А. Н.— I, 32—33, 52
- Лянунов Прокопий Петрович, вождь первого ополчения 1611 г.— II, 355—356
- Маврикий Стратег, византийский писатель VI — начала VII в.— I, 26, 39, 137, 141, 143, 151; II, 30
- Мавродин В. В.— I, 233, 238
- Магнус, кор. шведский — I, 402
- Майтпен А., немецкий историк — I, 321

- Макар, половник — II, 146
 Макарий, архиеп. вологодский и великопермский — II, 155
 Макарий, архим.— I, 110, 190
 Макарий, историк русской церкви — I, 123
 Макарий, митр.— II, 259, 288, 301
 Максим, житель Санока — I, 289
 Максим, смерд-тиун — I, 289
 Максим Грек, публицист XVI в.— II, 219, 224—226, 228—229
 Максмейко А. Н.— I, 166, 184—185, 198, 244
 Максимов Демидко — см. Демид Максимов
 Максимов Климушка — см. Климент Максимов
 Максимов Овдот — см. Овдот Максимов
 Максимов Савостьяно — см. Савастьян Максимов
 Мал Иванович, саночкий земле-владелец — I, 317
 Малафей, смерд Киевской земли — I, 318—319
 Малахий (Малахей), архим. Благовещенского нижегородского мон.— II, 87
 Малецкий А., польский филолог — I, 20
 Малк Любчанци, дед кн. киевского Владимира Святославовича — I, 154
 Малошович Иван — см. Иван Малошович
 Малуша, мать кн. киевского Владимира Святославовича — I, 104, 154
 Манандян Я. А.— I, 41
 Маньков А. Г.— II, 25, 368—369
 Маржерет Яков, начальник наемного войска в начале XVII в.— II, 355
 Мариан, основатель монастыря в Регенсбурге — I, 27
 Марин, еп.— I, 260
 Мария Ярославна, жена вел. кн. Василия II Васильевича — II, 105
 Марк Борисович, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 295
 Маркевич А. И.— II, 290
 Марков Федор — см. Федор Марков
 Мартын (Мартыно), «человек» ключника Афанасия Прасолова — I, 478
 Маслеников Никитка — см. Никита Маслеников
 Масленицкий Юрий, землемер — II, 43—44
 Масса Исаак, голландский представитель в Москве, автор книги о Русском государстве начала XVII в.— II, 254, 334, 340
 Масуди, арабский писатель X в.— I, 87
 Матвеев Федор — см. Федор Матвеев
 Матвей, архим. Константиново-Еленинского мон.— II, 44
 Матвей (Матюшка), кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 293—294
 Матвей, львовский войт — I, 278, 333
 Матвей (Матюшка), наемный земледельческий работник в д. Марково Кречневского пог. Новгородской земли — II, 49
 Матвей Башкин — см. Башкин Матвей
 Матвей Данилович. поземщик — I, 426
 Матвей (Матпас), Корвин, венгерский король — II, 6
 Матвей (Матюшка) Никитин (Микитин), слуга кн. Ивана Бабичева — I, 476
 Матвей (Матфеев) Федорович, слуга Вязицкого мон.— II, 178
 Матюнин Иван — см. Иван Матюнин
 Мацеёвский В. А., польский историк — I, 19, 28, 285, 323
 Мач, смерд Львовской земли — I, 318
 Маш, смерд-тиун — I, 289
 Медведь Карпов, детеныш — II, 152
 Межников Иван Федорович, половник — II, 141
 Мезецкий Иван Шапка, кн.— II, 56
 Мезецкий Семен, кн.— II, 56
 Мейер Д.— I, 167
 Мейнард, еп. ливонский — I, 387—388
 Мейнарт Г., немецкий историк — I, 176
 Мейчик Д. М.— I, 512; II, 133
 Менаандр, византийский писатель VI в.— I, 39
 Менгли-Гирей, хан крымский — II, 57

- Менгу-Тимур, хан Золотой Орды — I, 506
 Меркурий — II, 92
 Мешко III Старый, кн. великопольский — I, 285
 Мижув Петр, помещ. — II, 293
 Микитин Матюшка — см. Матвей Никитин
 Миклашевский И. Н. — II, 208
 Миклошич К. К. — I, 18
 Микулин, сыщик — II, 146
 Миллер Г. Ф. — II, 307
 Милюков П. Н. — I, 256; II, 10, 72, 234, 265
 Милютин В. — I, 270
 Минин Гридька — см. Григорий Минин
 Минин Кузьма, думный дворянин — II, 369
 Минин Назарий Нечай Михайлович, землевладелец — II, 120
 Мирослав, «муж» Владимира Мономаха — I, 236
 Мирослав, перемышльский землевладелец — I, 289
 Мирослав Хилич внук, галицкий бояр. — I, 259
 Мирошникчи, новгородские бояре — I, 239, 410, 412
 Мисаил, еп. смоленский — I, 332
 Мисаил (Мисайла), старец Иосифова-Волоколамского мон. — II, 107
 Митя, дворский — I, 524
 Митя (Митька), наемный земледельческий работник в д. Марково Кречневского пог. Новгородской земли — II, 49
 Митя (Митька) Архипович, бобыль — II, 298
 Митя Гридин, конюх — I, 476; II, 49
 Михаил (Михалко), бобыль — II, 194
 Михаил, землевладелец — II, 278
 Михаил, новгородский кр. — I, 489
 Михаил, новгородский посадник — I, 411
 Михаил, половник — I, 414
 Михаил, «человек» новгородского архиеп. — I, 476; II, 49
 Михаил Авдреевич, кн. верейско-белозерский — I, 164, 414, 455, 457, 525; II, 17, 19, 54, 61, 90, 92—93, 100, 111, 132—133, 145, 275
 Михаил Борисович, вел. кн. тверской — II, 87
 Михаил (Михайло) Борисович, дьякон — II, 119
 Михаил Братцов, землевладелец Волоколамского у. — II, 84
 Михаил Васильевич, санодский землевладелец — I, 317
 Михаил Волков, новгородский кр. — II, 293
 Михаил Всеволодович, кн. новгородский и черниговский — I, 191, 239, 410
 Михаил (Мишка) Дуров, мон. работник — II, 160
 Михаил Еньтяков, «человек» помещ. Ивана Лугина — I, 490
 Михаил Иванович — см. Внуков Михаил Иванович
 Михаил Иванович Шарап, московский землевладелец — II, 107
 Михаил Кост, смерд Галицкой земли — I, 289
 Михаил (Михалко) Пасынков, слуга кн. М. К. Оболенского — I, 489
 Михаил (Мишка) Семеновской Кобыляк, мон. работник — II, 160
 Михаил Федорович, царь — II, 9, 61, 188, 192, 261, 329, 357, 364, 368, 372
 Михаил Ярославович, вел. кн. тверской — I, 399, 401, 411—412
 Михайлов Иван — см. Иван Михайлов
 Михайлов Л., кр. Бешезерской вол. — II, 206
 Михайлов Нефедко — см. Нефед Михайлов
 Михайлов П. Е. — I, 436, 446, 449, 451—454; II, 77, 79—80, 239—240, 267—269, 271, 273
 Михайлов Семен — см. Семен Михайлов
 Михалко (сын Юрия Долгорукого), кн. — I, 497
 Моисей (Мосейко), наемный земледельческий работник в д. Мельница Новгородской земли — II, 50
 Моисей (Мосейко) Иванович (Ивашков), половник — I, 415
 Мокеев Глабан Якуш — см. Глабан Якуш Мокеев
 Молибоговичи, галицкие бояре — I, 297
 Молибожич Ивор — см. Ивор Молибожич

- Молчанов Михаил Васильевич — II, 335
- Молчановский Ф. Н. — I, 32
- Мольянинов Григорий, новгородский землевладелец — II, 174
- Монастырев Дмитрий Александрович, бояр — II, 61
- Монастырев Федор Константинович, бояр. — II, 61
- Монастыревы, бояре белозерских князей — II, 61
- Моимсек, галицкий землевладелец — I, 273
- Мономах — см. Владимир Всеволодович Мономах
- Морган Л., американский историк — I, 63; II, 30
- Морозов Борис Иванович, бояр. — II, 79, 360—364, 367, 372, 377
- Морозов В. П., окольный — II, 318, 337
- Морозов Григорий, писец — I, 466
- Мосий Нифонтович (Нифантович), кабальный человек — II, 125
- Мохов Ондрей — см. Андрей Мохов
- Мрочек-Дроздовский П. Н. — I, 162, 214—215, 436
- Мстислав Владимирович, кн. киевский (XII в.) — I, 105—106, 263, 385, 509
- Мстислав Владимирович, кн. черниговский (XI в.) — I, 138, 152, 230
- Мстислав Давидович, кн. смоленский — I, 421
- Мстислав Данилович, кн. галицкий — I, 269, 291, 298—302, 331
- Мстислав Мстиславович Удалой, кн. галицкий и новгородский — I, 295
- Мстислав Ростиславович, кн. ростовский — I, 507
- Мстислав Юрьевич, кн. новгородский — I, 497
- Мстиславский Иван Федорович, кн. — II, 58
- Муханов П. — I, 332, 512
- Мюннер Томас, вождь революционных плебейско-крестьянских масс во время крестьянской войны в Германии — II, 214
- Нагов Андрей, помещ. — II, 294
- Нагот, смерд Галицкой земли — I, 287
- Нажир, «муж» Владимира Мономаха — I, 236
- Назарий, хол. — II, 174
- Нанкович, смерд-тиун — I, 289
- Нарбенкова Евфросинья (Афросинья), новгородская помещ. — II, 244
- Нарушевич А. С., польский историк — I, 315
- Наседка Гриша — см. Григорий Наседка
- Насонов А. Н. — I, 500
- Наум (Наумко) Иванович (Ивашков), новгородский кр. — I, 490
- Наумов Андрей (Ондрей) Григорьевич, новгородский помещ. — I, 489
- Наумов Никитка — см. Никита Наумов
- Неволин К. А. — I, 167; II, 8, 101, 115, 136, 169, 192, 247, 312, 314, 359
- Некрас Окунинский, кр. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 292
- Некрас Семенович (Семенков), «человек» помещ. Ивана Лугина — I, 490
- Нелебкович Андрей — см. Андрей Нелебкович
- Нелединский Юрий Андреевич, новгородский помещ. — II, 303—304
- Нелюбов Василий, дяк — II, 335
- Немирович Ян — см. Ян Немирович
- Немонец, половник — I, 455
- Немчин Гриша — см. Григорий Немчин
- Непейцын Иван, помещ. — II, 306
- Нестер, кор. слуга — I, 360
- Нестер, мон. слуга — II, 152
- Нестер (Нестерко), половник — I, 415
- Нестеров Ивашко — см. Иван Нестеров
- Нестеров Оврамко — см. Абрам Нестеров
- Нестор, летописец — I, 150
- Нефед, кор. слуга — I, 360
- Нефед (Нефедко) Михайлов, псковский кр. — I, 466
- Никита (Никитко), кирпичник — II, 49
- Никита (Микита), пристав — I, 523—524
- Никита, сотный — I, 338
- Никита (Никитка) Григорьев, бо-быль — II, 203

- Никита Иванов, кр. бояр.
Б. И. Морозова — II, 367
- Никита (Никитка) Маслеников,
кр. Иосифова-Волоколамского
мон. — II, 83
- Никита (Микитка) Наумов, бо-
быль — II, 194
- Никита (Микита) Ондронов, слуга
новгородского архиеп. — I, 476
- Никита (Микита) Савин, новго-
родский землевладелец — I, 414
- Никита из Тыравы, кор. слуга —
I, 357
- Никитин Афанасий — см. Афана-
сий Никитин
- Никитин Копан — см. Копан Ни-
китин
- Никитин Онисим — см. Они-
сим Никитин
- Никитин из Сергеева, кабаль-
ный человек — II, 126
- Никитский А. И. — I, 185—186,
395, 412—413, 468—469, 486—
487; II, 47
- Никифор (Микифорко), кузнец —
II, 194
- Никифор, митр. — I, 174, 237
- Никифор, «муж» киевского кн.
Всеволода Ярославича — I, 111
- Никифор (Микифорик) Гридиц, бо-
быль, скоморох — II, 194
- Никифор (Микифорик) Зиновьев,
«человек» помещ. Ивана Луги-
на — I, 490
- Никифор Иванович, хол. — II, 174
- Никифор Яковлев, кр. Вязицкого
мон. — II, 177—178, 383
- Николай, львовский землевладе-
лец — I, 318
- Николай, львовский шляхтич —
I, 289
- Николай, смерд-тиун — I, 318
- Николай Пеняжек из Витавичей,
саноцкий землевладелец — I,
318
- Николай (Микулка) Тимофеев,
бобыль — II, 194
- Никольский В. — I, 183, 311—312
- Никольский М. Н. — I, 40
- Никольский Н. К. — I, 218; II,
60, 141, 211, 336
- Нил Сорский, глава «нестяжате-
лей» — II, 68
- Нинц, немецкий поселенец в Львов-
ской земле — I, 318
- Новиков Н. И. — II, 340—341
- Новицкий И. — I, 419, 425, 484
- Новомбергский Н. Я. — II, 328,
357
- Оболенский Александр Василь-
евич, кн., землевладелец — I, 414
- Оболенский Михаил Константи-
нович, кн., новгородский по-
мещ. — I, 488—489
- Образцов Даниил Жукович, нов-
городский помещ. — II, 224
- Образцов Ждан Жукович, новго-
родский помещ. — II, 244
- Обросим Истома Мартыанович,
кабальный человек — II, 125
- Обручева-Анциферова Г. — II, 161
- Овдокимов Степан — см. Сте-
пан Евдокимович
- Овдот Максимов, смерд Робицки-
ной вол. — I, 190, 472
- Овстрат Доможирович, новго-
родский бояр. — I, 410
- Органовский Н. — I, 43; II, 236,
239—240, 253—254
- Огибалов Постников Кузьма Ива-
нович, псковский помещ. — I,
466
- Одоевская Федора, кн., землевла-
длица — II, 150
- Одынец Д. М. — II, 269
- Окиник Яким — см. Яким Оки-
ник
- Окулов Ждан Алексеевич, полов-
ник — II, 142
- Окулов Семен Жданович — II, 142
- Окунинский Некрас — см. Нек-
рас Окунинский
- Оладья, дяк — II, 55
- Олег, кн. киевский — I, 26, 66,
89, 103, 151, 385
- Олег, кн. рязанский (XIII в.) —
I, 202, 511
- Олег Иванович, вел. кн. рязан-
ский — I, 511
- Олег Святославович, кн. черни-
говский — I, 100, 135, 236, 496,
508
- Олешко, слуга кн. М. К. Оболен-
ского — I, 489
- Олисей, смерд Киевской земли —
I, 309, 318
- Олисов Ивашко — см. Иван Оли-
сов
- Олисов Трофимко — см. Тро-
фим Олисов
- Олисов Юдка — см. Иуда Олисов
- Олферий Афанасьевич (Офоносов),
новгородский бояр. — II, 278

- Ольга, кн. киевская — I, 26, 37, 68, 74, 79—80, 90, 95—101, 104, 154, 206, 332, 499; II, 9
- Ольга Романовна, жена кн. Владимира Васильовича — I, 300, 302—304
- Ольговичи (сыновья кн. черниговского Олега Святославовича Всеволод, Игорь и Святослав) — I, 92. См. также Всеволод, Игорь и Святослав Ольговичи
- Ольстин Олексич Прохоров внук, галицкий бояр. — I, 259
- Омельянов Ивашко — см. Иван Емельянович
- Онаний (Онашка) Иванович, новгородский кр. — I, 510
- Онанин Антон — см. Антон Онанин
- Ондреев Якуш — см. Якуш Андреев
- Ондронов Микита — см. Микита Ондронов
- Ондронов Парфенко — см. Парфений Ондронов
- Онисим (Анисим), уполномоченный бояр. Б. И. Морозова — II, 362
- Онисим Васильев, кр. Николаевского Корельского мон. — II, 172
- Онисим Никитин, бобыль — II, 203
- Онисимов Петр — см. Петр Онисимов
- Онкудинов Семен — см. Семен Онкудинов
- Онуфрий Ермолаевич (Ермолков сын), половник — I, 455
- Опалев Артемий (Ортемий), новгородский земледелец — II, 174
- Опалинский К., польский сатирик XVII в. — I, 370
- Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, бояр. — II, 357
- Орлов А. С. — II, 28
- Оря — см. Артемий Оря
- Осафей Перфирьев, смерд Челмужского пог. — I, 190
- Останин, помещ. — II, 294
- Остая, дворский — I, 523—524
- Остахно Игнатов, новгородский кр. — I, 478
- Остахно Семенович (Сменов), новгородский кр. — I, 478
- Острембский Я., польский историк — I, 21
- Остров Иван — см. Иван Остров
- Офемко, половник — I, 415
- Офонов Алексей Васильевич Офонов
- Офонов Олферий — см. Олферий Афанасьевич
- Павел, смерд Киевской земли — I, 309, 318—319
- Павел (Пашка), сын Загайки, смерд-тиун — I, 289
- Павел Онкудинович, кр. Корельского у. — II, 172—173
- Павел (Полька) Симеонов, новгородский кр. — I, 473
- Павел (Павелко) Фролович, смоленский кр. — II, 384
- Павел (Палка) Чернцов, великокняжеский кр. — II, 87
- Павлов А. С. — I, 194; II, 26, 64
- Павлов Петька — см. Петр Павлов
- Павлов Тимоха — см. Тимофей Павлов
- Павлов-Сильванский Н. П. — I, 13, 70, 89, 166, 172, 184, 198, 404—405, 407—409, 436, 452, 480—481, 513—514; II, 72—73, 110, 118, 166—167, 193, 198—200, 204—206, 236, 275, 312
- Паисий, иг. Покровского углицкого мон. — II, 182
- Палицын, бобыль — II, 197
- Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева мон. — I, 181; II, 334—335, 342, 352—353
- Панов Гридя — см. Григорий Панов
- Панфил (Панфилко), коровник — II, 49
- Парамша (Парамон), ювелир — II, 57
- Парфений (Парфенко) Ондронов, новгородский кр. — I, 490
- Пассек Т. С. — I, 23—24, 41, 43—44
- Пасынков Михалко — см. Михаил Пасынков
- Патрикеев Василий (в монашестве Васьян) Иванович (Косой) — II, 85, 99
- Патрикеев Иван Иванович, кн. — II, 99
- Патрикеев Иван Юрьевич, кн., бояр. — I, 520, 523; II, 34, 99
- Патрикеева Евдокия, жена кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
- Пафнутий, священник — II, 176

- Пахом (Пахомка), новгородский кр.— I, 478
- Пашуто В. Т.— I, 247
- Пейскен И., немецкий историк — I, 18
- Пекосинский Ф., польский историк — I, 322, 324
- Пенков Иван Данилович, кн.— II, 56
- Пеняжек Николай — см. Николай Пеняжек
- Первой (Первущка) Иванов, детеныш — II, 155
- Первущин Зиновий — см. Зиновий Первущин
- Перельман И. Л.— I, 510
- Перенег, «муж» киевского кн. Святослава Ярославича — I, 111
- Пересветов Иван Семенович, публицист XVI в.— I, 379; II, 28—29, 64—66, 218—221, 316—317
- Перетякович Г.— II, 155
- Переход Куземка — см. Кузьма Переход
- Перфирьев Осафей — см. Осафей Перфирьев
- Песцов Даниил (Данилко), новгородец — I, 411—412
- Петр, митр.— I, 244, 506
- Петр, смерд-тиун — I, 289
- Петр, судья перемышльский — I, 288
- Петр I Алексеевич, император — I, 10, 98, 485, 522; II, 163, 258—259
- Петр (Петрусь) Дубкович, кор. слуга — I, 360
- Петр Иосифович (Есипов), купец — II, 40
- Петр Кост, смерд-тиун — I, 289
- Петр Михайлович, кн., берестейский землевладелец — I, 337
- Петр Онисимов, патриарший кр.— I, 308
- Петр (Петька) Павлов, псковский кр.— I, 465
- Петр Путятин, новгородский помещ.— I, 491
- Петр Сидоров, смерд Робичинской вол.— I, 190, 472
- Петр Янович, луцкий староста и маршалк волынский — I, 252
- Петражицкий Л. И.— II, 267
- Петраковский Демид, сын боярский — II, 319
- Петров В. А.— II, 148, 158, 160
- Петров Иван — см. Иван Петров
- Петров Тимофей — см. Тимофей Петров
- Петрушин Якуш — см. Якуш Петрович
- Петухов Е. В.— I, 205, 212
- Пеунов Иван (Иванко) Шарович, мон. дьячок — II, 144
- Пикин Иосиф (Есип) Иванович, землевладелец Белозерского у.— I, 512; II, 133
- Пикина Мария, землевладелица Белозерского у.— I, 512
- Пиковский, новгородский помещ.— II, 41
- Писарев, помещ.— II, 384
- Питирим, митр. новгородский — II, 193
- Пич, немецкий поселенец в Львовской земле— I, 318
- Пичета В. И.— I, 167—168, 325—326, 406, 420, 422, 424
- Платонов С. Ф.— I, 89; II, 31, 210, 236—238, 273—274, 288, 305, 321, 328, 332—333, 346—348, 356
- Плещеев Андрей, писец — I, 247, 252
- Плещеева Аксинья Ивановна, землевладелица — II, 128
- Победоносцев К. П.— II, 258—259
- Побойнин И.— II, 302
- Погодин М. П.— I, 10, 89, 132; II, 258, 260, 262, 379
- Подивников Юрий — см. Юрий Подивников
- Пожарский Роман Петрович, кн.— II, 369
- Покровский М. М.— I, 19
- Покровский М. Н.— I, 44—46, 237; II, 72, 333
- Покровский С. А.— I, 209
- Поленов Третьяк Алексеевич, послух — II, 180
- Поликарп, автор Киево-Печерского патерика — I, 223
- Полосин И. И.— II, 272—273, 315
- Полутин Ивашко — см. Иван Полутин
- Поминик (Пуменик) Леонтьевич (Леонов), новгородский кр.— II, 49
- Попов А.— II, 211
- Поршнев Б. Ф.— II, 8
- Посник Васильев, приказчик Иосифова-Волоколамского мон.— II, 176

- Посников, псковский помещ. — I, 467
- Поссевин Антоний, иезуит — II, 238, 244
- Постник Гурьев, кр. Спасского Ярославского мон. — II, 20
- Постников В. Е. — II, 271
- Постников Кузьма — см. Огибалов Постников Кузьма
- Потап (Поташ) Гаврилов, новгородский кр. — I, 473
- Пстап Иванович, кр. — II, 384
- Потканьский Ф., польский историк — I, 322
- Прасолов Афанасий — см. Афанасий Прасолов
- Предслава, дочь киевского кн. Владимира Святославовича — I, 104
- Предслава, знатная землевладелица в Киевской Руси — I, 95
- Презовский Андрей, житомирский землянин — I, 319
- Презовский Богдан Андреевич, житомирский землянин — I, 319
- Пресняков А. Е. — I, 41, 70, 72, 105, 162, 168, 170, 186, 218—219, 222, 260, 263—264, 291, 436—437, 496—497; II, 88—89
- Приселков М. Д. — I, 88, 95, 126, 173, 527
- Прозоровский Александр Иванович, кн., землевладелец — II, 14
- Прозоровский Михаил Федорович, кн., землевладелец — II, 14
- Прокопий Кесарийский, византийский писатель VI в. — I, 40, 42
- Прокопий (Прокош) Парфеньевич, новгородский кр. — I, 490
- Прокопий (Прошка) Трофимович, новгородский кр. — I, 491
- Прокшин сын Левушка — см. Лев Прокофьевич
- Прохаска А., польский историк — I, 277, 374—375
- Прохор, инок Киево-Печерского мон. — I, 235
- Пустошкин Борис Иванович, псковский землевладелец — I, 460
- Пустошкин Василий Иванович, псковский землевладелец — I, 460
- Путята, киевский тысяцкий — I, 235—236
- Путятин Петр — см. Петр Путятин
- Пушкин Игнатий Васильевич, новгородский помещ. — I, 490
- Пыпин А. Н. — I, 234
- Пыхов Федор — см. Федор Пыхов
- Пятой — см. Кокоскин Пятой
- Пятой Григорьев, подьячий — II, 309, 330
- Равдоникас В. И. — I, 27, 34—35
- Радиш, монах — I, 190, 395, 459
- Радца, мстиславский землевладелец — I, 427
- Радчик — см. Клишка Радчик
- Распоп Иван — см. Иван Распоп
- Ратибор, киевский тысяцкий — I, 236
- Ратман Детков, подьячий — II, 67
- Рафаил, архим. Константиново-Еленинского мон. — II, 45—46
- Рейц А. — I, 166
- Решников Н. И. — I, 34
- Реппель, немецкий историк — I, 321
- Ржига В. Ф. — II, 29, 66, 211—212, 220, 317
- Рогволод, кн. полоцкий — I, 155
- Рогнеда, жена киевского кн. Владимира Святославовича — I, 97, 104, 155
- Родион (Родивоник), новгородский кр. — I, 489
- Редтон (Родивон), хол. — II, 29
- Родионов Васьяка — см. Василий Родионов
- Рождественский С. В. — II, 59, 64, 66
- Рожков Н. А. — I, 25—26, 39—40, 42—43, 237; II, 24—25, 47, 148—150, 161, 191, 236, 238—240, 252, 255
- Рожкова М. К. — I, 435
- Розенкамф А. Г. — I, 266
- Роман, византийский император (X в.) — I, 89—90, 95
- Роман Владимирович (сын Мономаха), кн. — I, 236
- Роман Данилович, поземщик — I, 425
- Роман Мстиславович, кн. галицкий — I, 291, 301
- Роман С., польский историк — I, 253, 312—313
- Романов В. А. — I, 511
- Романов Омельяно — см. Емельян Романов
- Романовичи (братья Даниил и Василько Романовичи), кн. —

- I, 295. См. также Василько п
 Даниил Романович
 Ростислав Михайлович, кн. черни-
 говский — I, 249, 296
 Ростислав Мстиславович, кн. смо-
 ленский — I, 106, 125, 214, 218,
 221, 223
 Ростиславичи (сыновья кн. Ро-
 стислава Владимировича Ва-
 силько и Володарь) — I, 200. См.
 также Василько и Володарь
 Ростиславовичи
 Ротмар, брат еп. Мейнарда — I, 391
 Рубинштейн Н. Л. — I, 168
 Рудольф II, император — II, 335
 Рутковский Я., польский исто-
 рик — I, 323—324, 353, 371—
 372
 Рыбаков Б. А. — I, 33—34, 68, 86—
 87, 102
 Рыдзевская Е. А. — I, 193—194
 Рюрик, легендарный новгородский
 кн. — I, 36
- Саблин Клементий — см. Кли-
 мент Саблин
 Саватий, основатель Соловецкого
 мон. — II, 160
 Савва (Савка), кор. слуга — I, 360
 Савва (Савка), половник — I, 415
 Савин Микита — см. Ники-
 та Савин
 Савич А. А. — II, 19
 Салтык Иван Иванович — см. Тра-
 вин Иван Иванович
 Самойлов Иванко — см. Иван Са-
 мойлов
 Самоквасов Д. Я. — I, 31, 132, 184,
 436, 520; II, 73—74, 269—271, 281,
 291, 298, 303, 306
 Самсон Дмитриев, писец — II, 247
 Самсон (Самсонко) Якушев, бо-
 быль — II, 194
 Самсонов Александр — см. Але-
 ксандр Самсонов
 Сарторий Г., немецкий историк —
 I, 201
 Святоховский А., польский исто-
 рик — I, 20—21, 315, 322, 324,
 348, 353
 Свечин Петр Матвеевич, писец —
 II, 195
 Святополк Владимирович Окаян-
 ный, кн. киевский — I, 91, 230
 Святополк Изяславович, кн. ки-
 евский — I, 111, 135, 160—161,
 194, 202, 234, 236, 260
- Святослав Игоревич, кн. киев-
 ский — I, 26—27, 95, 99—100,
 138, 154, 268
 Святослав Ольгович, кн. черни-
 говский и новгородский — I,
 99—101, 103, 106—107, 132—
 133, 136, 507. См. также Ольго-
 вичи
 Святослав Ярославович, кн. ки-
 евский и черниговский — I, 27,
 53, 100, 111, 115, 202, 232—233,
 496, 504. См. также Ярославичи
 Святослав Ярославович, кн. псков-
 ский — I, 403
 Севастьян (Савостьяно) Максимов,
 «человек» помещ. Ивана Луги-
 на — I, 490
 Селиван (Селиванко), захребет-
 ник — I, 473
 Семевский В. И. — II, 257
 Семевский М. И. — II, 21
 Семен (Семак), арзамасский кр. —
 II, 308
 Семен (Сенька) арзамасский кр. —
 II, 308
 Семен (Семка), детеныш — II, 155
 Семен, кн. кемский — II, 112
 Семен (Сенька), новгородский кр. —
 II, 338
 Семен, смерд Львовской земли —
 I, 318
 Семен Борисович, бояр., посол в
 Крым — II, 57
 Семен Брыж, санецкий землевла-
 делец — I, 317
 Семен Зиновьевич, санецкий зем-
 левладелец — I, 317
 Семен Иванович Гордый, вел. кн.
 московский — I, 516
 Семен Иосифович, псковский кр. —
 I, 467
 Семен Климович, новгородский по-
 садник — I, 411
 Семен Лингвень (Лингвений, Луг-
 веный) Ольгердович, кн. мсти-
 славский — I, 425, 427
 Семен Михайлов, бобыль — II, 202
 Семен Огелькович, последний кн.
 киевский — I, 310
 Семен Онкудинов, смерд Робицин-
 ской вол. — I, 190, 472
 Семен (Сенька) Сметанка, санецкий
 землянин — I, 288, 355
 Семен (Сенька) Турылев, новго-
 родский кр. — I, 415
 Семенов Некрас — см. Некрас Се-
 менович

- Семенкович Игнат — см. Игнатий Семенович
- Семенов Еремей — см. Еремей Семенов
- Семенов Ивашко — см. Иван Семенов
- Семенов П. — I, 396
- Семенов Юшко — см. Юшко Семенов
- Семьон Кодвинский, житомирский землевладелец — I, 260
- Серапион, еп. владимирский — I, 57, 205, 212
- Сербина К. Н. — II, 14
- Сергеевич В. И. I, 11, 62—63, 129—132, 142—143, 162—163, 166, 180—181, 184—185, 204, 216, 255, 272—273, 405, 407—408, 436, 452—453, 469, 481; II, 102, 108, 110, 115, 167—168, 186—191, 198, 236, 265—267, 275, 280, 312, 314, 321, 382
- Сергей (Сергушка), новгородский кр. — II, 338
- Сергей (Сергейко) Юрьев, псковский своеземец — I, 474
- Серебрянский Н. — I, 178, 396, 465
- Сивка, «человек» помещ. Ивана Лугина — I, 490
- Сигизмунд I Старый, кор. польский и вел. кн. литовский — I, 192, 307, 342, 365
- Сигизмунд II Август, кор. польский и вел. кн. литовский — I, 326, 365
- Сигизмунд III, кор. польский и вел. кн. литовский — II, 353—355
- Сигизмунд Кейстутович, вел. кн. литовский — I, 279, 425, 427
- Сидор, митр. — см. Исидор
- Сидор, новгородский кр. — I, 510
- Сидор, священник — I, 523
- Сидор (Сидорко) Крес, псковский кр. — I, 466
- Сидоров Петр — см. Петр Сидоров
- Сидоров Федко — см. Федор Сидоров
- Сильвестр, протопоп, член Избранной рады Ивана Грозного — I, 379; II, 27—28, 38, 114, 223—224, 229—230
- Симеон, еп. тверской — I, 212
- Симеон, московский священник — II, 28, 222
- Симеон Бекбулатович, кн. — II, 67, 195, 298
- Симеонов Полька — см. Павел Симеонов
- Симон, еп. владимирский — I, 499
- Симон, митр. — II, 43—44
- Симон Грашко, саночкий землевладелец — I, 317
- Симонов Федька — см. Федор Симонов
- Синий — см. Дмитрий Тимофеевич Синий
- Сказки С. Д. — I, 7, 367
- Скарга П., польский иезуит XVI в. — I, 369
- Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, кн., воевода — II, 348, 355
- Скрипицын Иосаф — см. Иосаф Скрипицын
- Сменов Ивашко — см. Иван Семенович
- Сменов Остакко — см. Остакко Семенович
- Сметанка Сенька — см. Семен Сметанка
- Смирнов И. И. — I, 13, 38, 514; II, 83—84, 223, 242, 288, 308, 338
- Смирнов П. П. — I, 38; II, 11, 322, 360, 364—367, 370—372, 376—377, 379
- Смирнов С. И. — I, 218
- Смирной, приказчик бояр. Б. И. Морозова — II, 363
- Смолка С., польский историк — I, 285
- Свазин Тимофей — см. Тимофей Свазин
- Соболевский А. И. — I, 464
- Соколов Ю. М. — I, 56
- Соколовский П. А. — II, 235—236
- Соловьев С. М. — I, 10—11, 19, 59—62, 66, 96, 123, 166, 215, 295, 300, 502; II, 6, 9, 18, 57, 72, 84, 139, 186, 234—236, 333
- Соломон, царь иудейский — I, 100, 116
- Сорский Нил — см. Нил Сорский
- София Витовтовна, жена вел. кн. Василия I Дмитриевича — II, 78, 100, 105, 107
- Софонтий (Софонтей) Афанасьевич, кр. Вяжицкого мон. — II, 177—178, 383
- Софотей Васильев, смерд Робицкий вол. — I, 190, 472
- Софрон (Софронко) Карпов, бобыль — II, 198
- Спасович В. Д. — I, 234

- Сперавский М. М.— II, 320—321
 Спиридон (Спирька), кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 293
 Спирк, новгородский землевладелец — I, 100
 Спицын А. А.— I, 497; II, 134—135, 148
 Срезневский И. И.— I, 66, 98—100, 170, 173, 235 449, 453; II, 6
 Стадницкий А., польский историк — I, 346—347
 Станислав, львовский судья — I, 346
 Станислав, переяславский тысяцкий — I, 238
 Стани[слав], смерд Львовской земли — I, 318
 Станислав Добрый Тудкович, киевский бояр.— I, 92
 Станислав Иоани, архиеп. львовский — I, 345—346
 Сташевский Е.— II, 188
 Степан, беглый кр.— I, 338
 Степан (Степашко), бобыль — II, 194
 Степан (Степанко), конюх — II, 50
 Степан (Шеш), наемный земледельческий работник в д. Марково Кречлевского пог. Новгородской земли — II, 49
 Степан (Шешко), новгородский кр.— I, 473
 Степан (Шешко), половник — I, 414, 473
 Степан (Степанко) Власов, бобыль, скоморох — II, 194
 Степан Евдокимович (Овдокимов), кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 297
 Степан (Степанко) Исаков, кр. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 295
 Степан Катеринин, мон. приказчик — II, 293, 297
 Степан (Шешко) Кирилов, новгородский кр.— I, 473
 Степан (Шешко) Поминикович, новгородский кр.— II, 49
 Степан (Степашко) Тимофеев, новгородский кр.— II, 191
 Степанов Данилко — см. Данил Степанов
 Степанов Федор — см. Федор Степанов
 Стефан, еп. новгородский — I, 150, 480
 Стефан Баторий, кор. польский — II, 238, 249
 Стефан IV Душан, царь сербский — I, 266
 Стефан (Стефанко) Кривоногий, бобыльский староста — II, 203
 Стехно, половник — I, 414
 Стойков Глебовы Василий — см. Василий Стойков Глебовы
 Сторожев В. Н.— II, 207, 366
 Страхов Андрейко — см. Андрей Страхов
 Страхов Гридя — см. Григорий Страхов
 Страшко из Давыдова, староста самборский — I, 288
 Строганов Аника — II, 19
 Строганов Григорий — II, 183
 Строганов Максим — II, 127—130
 Строганов Никита — II, 138
 Строганов Семен — II, 127—130
 Строганов Яков — II, 183
 Строгановы, купцы, промышленники и землевладельцы — II, 19, 21, 24, 183
 Строев П. М.— II, 287
 Струве В. В.— I, 18
 Струмилин С. Г.— I, 156
 Сукин Борис, волоцкий землевладелец — II, 175
 Сулешов Юрий Еншевич (Яншевич), кн., воевода— II, 200, 370
 Сунбул — см. Федор Иванович Сунбул
 Сусло — см. Иван Тимофеевич Сусло
 Сулова, зоолог — I, 35
 Сухая, мон. приказчик — II, 293
 Сфандра, знатная землевладелица в Киевской Руси — I, 96
 Сфирк, русский посол в Константинополь (X в.)— I, 103
 Счаецкий М., польский историк — I, 325
 Сырков Федор — см. Федор Сырков
 Сыромятников Б. И.— I, 209
 Табелин, старейшина в Эстонии — I, 391
 Талбузин Семен, русский посол в Венецию — II, 6
 Танка из Белобоки, санецкий землевладелец — I, 317
 Таракацова-Белкина С. А.— I, 482
 Тарасий, иг. Снетогорского мон.— I, 462—463

- Тарасий, смерд Львовской земли — I, 318
- Тарасов Данила — см. Даниил Тарасов
- Татищев В. Н. — I, 102, 200, 227, 235, 507; II, 33, 36, 65, 68, 250, 256—258, 260—262, 266, 270, 273, 283, 307, 310, 318, 331—332, 341—342, 345—346, 348—349, 351, 376
- Твердило, новгородский посадник — I, 395, 459—460
- Твердислав Станиславич, новгородский бояр. — I, 410
- Телибанов Васко — см. Василий Телибанов
- Телперокин Тимофей — см. Тимофей Телперокин
- Теодорих, монах — I, 387
- Терентий Кудатов, псковский кр. — I, 462
- Терентий Леонтович, бобыль — II, 193, 199
- Терентьев Олешка — см. Алексей Терентьев
- Тереховский Купря — см. Куприян Тереховский
- Тимофеев Васька — см. Василий Тимофеев
- Тимофеев Микулка — см. Николай Тимофеев
- Тимофеев Н. — II, 154, 293
- Тимофеев Степашко — см. Степан Тимофеев
- Тимофей (Тимоха) Павлов, слуга Вяжицкого мон. — II, 177
- Тимофей Петров, дьяк — II, 180
- Тимофей Семенович, котельный мастер — II, 199—200
- Тимофей Сильвестрович (Селиверстович), кр. — II, 172
- Тимофей Сназин, новгородский кр. — II, 204
- Тимофей Телперокин, займодавец волоцкого кн. — II, 55
- Тимофей Чюпыш, кр. Троице-Сергиева мон. — II, 319
- Титов Иван Денисович, новгородский помещ. — II, 244
- Титов Федор Денисович, новгородский помещ. — II, 244
- Тихомиров М. Н. — I, 54, 58, 111, 143, 173—174, 236—238, 266, 395, 514; II, 11—12, 32, 39, 148, 150—151, 153—154, 242
- Толмачев, воевода — II, 384
- Толзын Иван Дмитриевич, муromский дворянин — I, 477
- Тонкий, кр. Корнильева Комельского мон. — II, 294
- Тороканов Иван — см. Иван Тороканов
- Тороканов Федор — см. Федор Тороканов
- Тохтамыш, хан Золотой Орды — II, 57
- Травин Иван Иванович Салтык, воевода — II, 106
- Транзе-Розенек А., прибалтийский историк — I, 393
- Траханиот Юрий, русский посол в Австрию — II, 6
- Третьяков П. Н. — I, 29—30, 46—47, 49, 57, 69, 86, 493—495
- Трифон, иг. Кирилло-Белозерского мон. — I, 455
- Трофим (Трешка), детеныш — II, 15—154
- Трофим (Троп), плотник — II, 51
- Трофим (Трофимко) Олисов, новгородский кр. — I, 491
- Трофимов Иван — см. Иван Трофимов
- Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, вожь первого ополчения 1611 г. — II, 355
- Трубин Елизарий Федорович, кр. Николаевского Корельского мон. — II, 172—173
- Трубин Перфилий (Перша), кр. Николаевского Корельского мон. — II, 172
- Тудкович — см. Станислав Добрый
- Тудор, новгородский землевладелец — I, 100
- Тудор, русский посол в Константинополь (X в.) — I, 103
- Тудор, хол. — I, 153
- Тупочел, тун — I, 480
- Тутень, галицкий землевладелец — I, 273
- Тучин Григорий, новгородский бояр. — II, 278
- Тхоржевский С. И. — II, 272, 303—304, 366
- Тшоппе Г., немецкий историк — I, 321, 327, 329
- Тылович Иван — см. Иван Тылович
- Тыш, кр. львовского архиеп. — I, 345—347
- Уваров А. С. — I, 57; II, 187, 192, 198

- Удалой — см. Мстислав Мстиславович Удалой
- Удальцов А. Д. — I, 25
- Узбек, хан Золотой Орды — I, 506
- Улеб, знатный землевладелец в Киевской Руси — I, 96
- Ульфелд, датский посланник в Москве — II, 238, 244
- Ульяна, дочь сапожника землевладельца Владека — I, 317
- Ульяна, кр. Троице-Сергиева мон. — II, 319
- Успенский Ф. И. — I, 28, 37
- Устинья (Устинка), смоленская кр. — II, 384
- Устрялов Ф. — I, 436, 445, 449, 456, 461
- Ухтомские, кн., землевладельцы Романовского у. — II, 60
- Ухтомский Григорий Иванович, кн. — II, 60
- Ухтомский, Даниил Данилович, кн. — II, 60
- Ухтомский Петр Александрович, кн. — II, 60
- Федор (Федорец), еп. владимирский — I, 106, 508
- Федор, инок Киево-Печерского мон. — I, 201
- Федор, кор. слуга — I, 360
- Федор, кр. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 175, 296
- Федор (Федька), наемный земледельческий работник в д. Мельница Новгородской земли — II, 50
- Федор (Федорец), писец кн. Владимира Васильковича, — I, 300
- Федор (Федька), половник — II, 146
- Федор (Федько), слуга кн. М. К. Оболенского — I, 489
- Федор, смерд Робичинской вол. — I, 190, 472
- Федор, хол. — II, 174
- Федор Акиньев, землевладелец — II, 29, 146
- Федор Борисович, кн. волоцкий — I, 512; II, 55, 81, 89
- Федор Борисович, царевич — II, 338, 340
- Федор Васильевич Вепрь, купец и ростовщик — II, 39—40, 42, 55
- Федор Денисович, кор. слуга — I, 360
- Федор Иванович, царь — II, 37, 50, 113, 121, 158, 161, 249, 254, 260, 266, 269, 300, 307, 312, 317, 323, 332, 344—345, 348, 389
- Федор Иванович Сунбул, бояр. рязанский — II, 119
- Федор Константинович, сын боярский кн. Михаила Андреевича Белозерского — II, 109
- Федор (Федька) Кузьмин, захребетник — I, 473
- Федор Лысой, монах — II, 59
- Федор Марков, приказчик Софийского дома — II, 203
- Федор Матвеев, рязанский дьяк — II, 120
- Федор Михайлович Челядня, бояр — I, 523
- Федор Пыхов, землевладелец — II, 138
- Федор (Федко) Сидоров, кр. новгородский — I, 510
- Федор (Федька) Симонов, половник — I, 474
- Федор Степанов, кр. — II, 309
- Федор Сырков, новгородский дьяк — II, 286
- Федор Тороканов, мон. слуга — II, 150
- Федор Юрьевич, кн. суздальский — I, 518
- Федор (Федорко) Юрьевич Давыдович, волынский землевладелец — I, 269
- Федоров Гаврилка — см. Гавриил Федоров
- Федоров Давыдко — см. Давыд Федоров
- Федоров Иван — см. Иван Федоров
- Федоровский А. — I, 30—31
- Федот (Федотко) Хабарь, бобыль — II, 194
- Федотов Иванко — см. Иван Федотов
- Федотов-Чеховский А. А. — I, 136
- Феогност, архим. Симонова мон. — I, 512
- Феодосий Косой, еретик — II, 221—222
- Феодосий Печерский, иг. Киево-Печерского мон. — I, 36—37, 53, 93, 108, 150
- Феоктист, иг. Кирилло-Белозерского мон. — II, 60
- Феофил, архиеп. новгородский — II, 68

- Ферапонт, основатель Ферапонтова мона.— II, 61
- Ферапонт Волхин, половник — II, 142
- Филарет, патриарх — II, 370
- Филат (Филатко) Гаврилович, новгородский кр.— I, 491
- Филипп, митр.— I, 483, 531
- Филипп (Филя), седельник — II, 40
- Филипп (Филиппко) Григорьевич (Гридин сын), бобыль — II, 194
- Филипп Завришин, слуга новгородского архиеп.— I, 476
- Филиппов А. Н.— I, 436; II, 312
- Филь (Phyl), кор. слуга — I, 356
- Фиоравенти Аристотель, архитектор — II, 6
- Флетчер Джипс, представитель англо-русской компании в Москве, автор описания Русского государства (конец XVI в.)— II, 23—24, 244—245, 334
- Флор Андронович, сын великокняжеского слуги — I, 523—524
- Фляксбергер К. А.— I, 29, 32
- Фома (Фомка), ключник — I, 415
- Фома, мон. слуга — II, 153
- Фома, смоленский пресвитер — I, 212, 218, 464
- Фома, шурин кн. А. Б. Горбатого — II, 58
- Фотий, митр.— I, 192, 483, 530; II, 89
- Фотий, патриарх константинопольский (IX в.)— I, 87
- Фридрих М., польский историк — I, 325
- Фуник Клементьев, софийский бояр.— II, 51
- Фюстель де Куланж Н. Д., французский историк — I, 62
- Харламов Андрей — см. Андрей Харламов
- Харламов Еуфим — см. Ефим Харламов
- Харламов Иван — см. Иван Харламов
- Харя (Харька), наемный земледельческий работник в д. Марково Кречневского пог. Новгородской земли — II, 49
- Харя Власьев, слуга новгородского архиеп.— I, 476
- Харя (Харька) Нинифорович (Микифорович), детеныш — II, 152
- Хвойка В. В.— I, 23, 28—29
- Хвольсон Д. А.— I, 27
- Хилков Г.— II, 122
- Хлебников Н.— I, 92, 94, 167; II, 10
- Хлопко, предводитель, восстания в начале XVII в.— II, 290, 340
- Хлопов Тимофей, писец — II, 247
- Хобаров Федор Иванович, землевладелец — II, 158
- Хобарь Федотко — см. Федот Хобарь
- Ходко Бибельский, галицкий землевладелец — I, 260, 278
- Ходор, смерд Львовской земли — I, 318
- Ходоров Гриш — см. Григорий Ходоров
- Ходыка, смерд-тиун — I, 309, 318—319
- Хоза Асан, крымский купец — II, 57
- Холесвич, стародубский кр.— I, 428
- Хомяков А. С.— I, 63
- Хорив, кн. киевский — I, 26, 87
- Хотенов Васюк — см. Василий Хотенов
- Хотеговский Ларя, помещ.— II, 87
- Хребтович Василий (Василь), галицкий землевладелец — I, 297
- Цезарь Кай Юлий — I, 330
- Чаев Н. С.— I, 190
- Чаплин Иван Иевлевич, тверской сын боярский — I, 511—512
- Чахровский из Лучинцы, галицкий землевладелец — I, 347
- Чацкий Т., польский педагог и ученый — I, 316
- Чеклевский — II, 83
- Чеков Васюк — см. Василий Чеков
- Челядня Федор Михайлович — см. Федор Михайлович Челядня
- Ченслор Ричард, английский путешественник — II, 22, 58—59
- Чердишов Федот, мураза — II, 372
- Черепнин Л. В.— I, 129, 435, 455, 461, 514, 516, 527—528; II, 43—44
- Черкасский Яков Куденетович, кн., воевода — II, 372
- Чернов С. Н.— I, 184, 191, 193, 469
- Чернцов Вешняк — см. Вешняк Чернцов

- Чернцов Павел — см. Павел Чернцов
- Чернцов Яков — см. Яков Чернцов
- Черныга Иван — см. Иван Черныга
- Черных П. Я. — I, 19
- Чернышевский Н. Г. — I, 11
- Чечулин Н. Д. — II, 10—11, 13—14
- Чичерин Б. Н. — I, 11, 132—133, 140—141, 169, 413, 436, 453, 456, 502, 517; II, 72—73, 89, 92—93, 100—101, 163, 258—259, 266, 281, 285, 307
- Чюдин, новгородский землевладелец — I, 100
- Чюпыш Тимофей — см. Тимофей Чюпыш
- Шайдуrow В., помещ. — II, 366
- Шайтан М. Э. — I, 27
- Шапка — см. Мезецкий Иван
- Шарап — см. Михаил Иванович Шарап
- Шафарик П. И., чешский историк и языковед — I, 17—18, 290
- Шахматов А. А. — I, 18, 65, 152, 154, 156, 194
- Шейдяков, мурза, помещ. — II, 322
- Шелаев Истомка — см. Истома Шелаев
- Шемяка — см. Дмитрий Юрьевич Шемяка
- Шептицкие, галицкие землевладельцы — I, 278
- Шереметев Федор Иванович, воевода — II, 348
- Шерофединoв Андрей, дьяк — II, 248, 274, 304, 306
- Шиле Михаил, гонец австрийского императора — II, 46, 335—336
- Шилов А. А. — II, 330, 387
- Шиловский Тимофей, помещ. — II, 248, 304—306
- Шишмарев, новгородский помещ. — II, 41
- Шлякин И. А. — II, 162, 210
- Шмит Г. — I, 234
- Штаден Генрих, опричник — II, 284—285, 298
- Штенцель Г., немецкий историк — I, 321, 327, 329
- Шуба, ключник кн. И. Ю. Патрикева — II, 99
- Шуйский Василий Иванович — см. Василий Иванович Шуйский
- Шульте А., немецкий историк — I, 321
- Шумаков С. А. — II, 186—187, 189, 192
- Шунков В. И. — I, 514
- Шушерин Иван, новгородский помещ. — I, 490, 531
- Шапов А. П. — II, 234
- Шек, кн. киевский — I, 26, 87
- Щербатов М. М. — II, 290
- Щока Бориско — см. Борис Щока
- Эверс И. Ф. Г. — I, 59, 80, 166
- Энгельман И. Е. — I, 63, 449, 452, 461; II, 262—263, 382
- Эразм Роттердамский, гуманист XVI в. — II, 217
- Юпа Иван — см. Иван Юпа
- Юрий, кн. галицкий — I, 288
- Юрий, кн. рязанский — I, 202, 511
- Юрий, кор. слуга — I, 354
- Юрий (Юра), кр. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 176
- Юрий, староста — I, 462
- Юрий Васильевич, кн. дмитровский — I, 483, 507; II, 55, 107
- Юрий Владимирович Долгорукий, кн. киевский и суздальский — I, 238, 258, 496—498, 507—508
- Юрий (Юра) Гридин, детеныш — II, 153
- Юрий Дмитриевич, кн. галицкий — II, 55—56
- Юрий Иванович, кн. бохтюгский — I, 526
- Юрий Иванович, кн. дмитровский — II, 17
- Юрий Лингвенеvич (Семенович), кн. мстиславский — I, 425, 427
- Юрий Львович, кн. галицкий — I, 299—302
- Юрий Педивников, кабальный человек — II, 120—121
- Юрилов, Артемий Фомич, полovníк — II, 144
- Юрьев Сергейко — см. Сергей Юрьев
- Юрно Зинькович, волынский землянин — I, 297
- Юшка, зеркальник — II, 38
- Юшко Семенов, бобыль — I, 466
- Юшков А. — II, 87—88, 119—120, 248, 304—305

Юшков С. В. — I, 70—72, 79, 129, 131, 147—149, 153, 159—160, 164, 169, 171, 176, 181—182, 187, 193, 195—196, 198, 202, 219—220, 222, 224, 238, 257, 274—275, 354, 395, 402—403, 469, 500—501, 503, 514; II, 11

Яблоновский А., польский историк — I, 247, 254

Ягайло (Ягелло) Владислав, кор. польский — I, 253, 279, 287, 294, 313, 354; II, 63

Яким (Якимец), новгородский кр. — I, 473

Яким Окиник, кр. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 83

Яков, сотный — I, 338

Яков (Яшко), «человек» ключника Афанасия Прасолова — I, 478

Яков Ворона, землевладелец — II, 59

Яков Галгач, смерд Галицкий земли — I, 347

Яков Дамко, галицкий землевладелец — I, 317

Яков Чернцов, великокняжеский кр. — II, 87

Яковкин И. И. — I, 168—170

Яковлев А. И. — I, 148—149, 151, 160, 384, 455, 461, 480, 513, 524; II, 33, 123, 174, 309, 312—314, 319, 325—326, 336, 343, 347

Яковлев Андрияшка — см. Андрей Яковлев

Яковлев Никифор — см. Никифор Яковлев

Якубовский А. Ю. — I, 39

Якун, посол племянника кн. киевского Игоря в Константинополь (X в.) — I, 95

Якуш, слуга кн. М. К. Оболенского — I, 489

Якуш Андреев (Ондреев), бобыль — II, 192

Якуш Васильчиков, гдовский кр. — I, 442

Якуш Гаврилович, новгородский кр. — I, 491

Якуш Давыдов, ключник — I, 476

Якуш (Якушко) Иванович (Ивашков), ключник — II, 35

Якуш Лукьянов, новгородский кр. — I, 473

Якуш Петрович (Петрушин), новгородский кр. — I, 473

Якуш Федосеевич, бобыль — II, 194

Якушев Самсонко — см. Самсон Якушев

Ян из Лодзиска, польский гуманист XV в. — I, 369, 375

Ян Альберт, кор. польский — I, 317, 341—343, 373—374, 376

Ян Вышатич, дружинник кн. Святослава Ярославовича — I, 202, 233

Ян Немирович, галицкий землевладелец — I, 307

Яницкий Н. Ф. — II, 240—244

Янка Фролович, смоленский кр. — II, 384

Янсон А. — I, 435

Ярлык Андриан — см. Андриан Ярлык

Ярлык Ондрей — см. Андрей Ярлык

Ярополк Владимирович, кн. киевский — I, 92

Ярополк Изяславович, кн. владимирово-волинский — I, 105—106

Ярополк Святославович, кн. киевский — I, 268

Ярослав Владимирович, кн. псковский — I, 441

Ярослав Владимирович Мудрый, кн. киевский — I, 91—92, 99—100, 104, 111—112, 114—115, 123, 128, 135, 138, 147, 152—153, 160—161, 201, 203, 220, 230, 257, 270, 280, 385, 397, 425, 496, 499

Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. галицкий — I, 295

Ярослав Ярославович, кн. тверской и вел. кн. владимирский — I, 401, 403, 408, 516

Ярославичи (сыновья Ярослава Мудрого Изяслав, Святослав и Всеволод) — I, 37, 52, 54, 68, 70, 73—76, 99, 105, 111—117, 120—121, 126, 138—140, 144, 159—161, 165, 181, 199—200, 207, 211, 213, 227, 353. См. также Всеволод, Изяслав и Святослав Ярославовичи

Ясинский М. Н. — I, 167

Яхно, новгородский кр. — I, 478

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

- Аа, р.— 1, 387, 389
 Августов, гор.— I, 300
 Австрия, I, 5—6, 353, 364, 367, 371; II, 5—6
 Адриатическое море — I, 74
 Азия — I, 3, 18, 247; II, 63, 246
 Азов, гор.— II, 6, 370
 Аиницны, в Киснемском ст. Переяславского у.— I, 524
 Александро-Свирский мон.— см. мон. Александро-Свирский
 Алжесевская, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
 Америка — I, 63
 Ангилово, с. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 293—294
 Англия — I, 5, 65, 364, 367, 429, 488; II, 5—6, 216
 Андреевский Грузинский пог. в Новгородской земле — II, 253
 Андрониковский мон.— см. мон. Андрониковский
 Антверпен, гор.— II, 5—6
 Антонова, д. в Старицком у.— II, 384
 Ануфриев мон.— см. мон. Ануфриев
 Апостолов мон.— см. мон. Апостолов
 Арзамас, гор.— II, 308, 315
 Арзамасский у.— II, 361
 Аркаж мон.— см. мон. Аркаж
 Артания, государственное образование восточных славян, предшествовавшее Древнерусскому государству — I, 87
 Артемовский ст. Переяславского у.— II, 40
 Архангельск, гор.— II, 8, 301
 Архангельский мон.— см. мон. Архангельский
 Астрахань, гор.— II, 19, 23
 Афонский мон.— см. мон. Афонский
 Ахренская вол. Устюжского у.— II, 142
 Бакунчацы, селение в Перемышльской земле — I, 359
 Балашовская вол. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 176
 Балтийское море — I, 245, 384; II, 233
 Банперовское городище (под Минском) — 1, 29
 Барское староство в Подолии — 1, 277
 Багипы, селение в Перемышльской земле — 1, 358
 Бежецкая пятина Новгородской земли — I, 476, 487; II, 12, 243—244, 247
 Бежецкий у.— II, 60, 280
 Бежица, гор.— I, 398
 Белая, вол. новгородского архиеп. в Бежецкой пятине Новгородской земли — I, 476, 487
 Белгород — I, 39
 Белз, Бельск, гор.— I, 295, 301. См. также Червенские города
 Белзская земля — I, 275—276, 304, 431—432
 Белзско-Холмская Русь — см. Белзская земля и Холмская земля
 Белково, с. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 293—294

- Белобоки, с. в Львовской земле — I, 317.
- Белое Поле, имение во Владимирской земле — I, 297
- Белозерск, гор.— I, 497; II, 17, 19, 22, 54, 69
- Белозерская земля, Белозерский у., Белозерское княжество — I, 233; II, 22, 61, 111—112, 198, 276
- Белоруссия — I, 193, 245, 305—307, 420, 433
- Белосток, гор.— I, 299
- Бельск — см. Белз
- Бельская засада, Криновицкой губы в Псковской земле — I, 443, 467
- Бельский пог. в Псковской земле — I, 474
- Бердичев, гор.— I, 32
- Бережной о., в Новгороде — II, 200
- Березники, д. в устье р. Сонохты — I, 30, 46, 86
- Березовичи, с. в Волынской земле — I, 269, 304
- Березовский ст. в Вятской земле — II, 135
- Берестейская земля, Берестейский повет — I, 292, 302, 307, 337
- Берестий, Берестье, гор. в Галицкой земле — I, 250, 299—302
- Берестово, подгородняя усадьба киевских князей — I, 104, 173, 236, 265
- Бесхо, селение в Санюцкой земле — I, 355
- Безезерская вол.— II, 206
- Бибель (ныне Быбло), с. в Галицкой земле — I, 260
- Благинино, д. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 176
- Благовещенский мон.— см. мон. Благовещенский
- Блудники, с. в Перемышльской земле — I, 289
- Боголюбов, подгородний замок владимирского кн. Андрея Боголюбского — I, 105, 239, 508
- Богородицкий пог. в Новгородской земле — II, 13
- Богородское, с. в Арзамасском у.— II, 361
- Божеский, гор. в Болоховской земле — I, 248
- Болгария — I, 28, 163
- Болгария Камская — I, 52, 230
- Болото, в Пецкой губе Псковской земли — I, 463
- Болоховская земля — I, 248
- Большие Чаечные псады, д. на берегу Чудского оз.— I, 443
- Бор, д. Михайловского пог. в Новгородской земле — II, 252
- Борисоглебский мон.— см. мон. Борисоглебский
- Борисфен — см. Днепр
- Борки, в Паозерском пог. Шелонской пятины Новгородской земли — I, 473
- Боровичи, гор.— II, 12—13
- Боровичский пог. Бежецкой пятины в Новгородской земле—II, 13
- Боровичский рядок в Бежецкой пятине Новгородской земли — II, 12—13
- Боровково, с. Троице-Сергиева мон. — II, 162
- Боровский у.— II, 359
- Борок, починок — II, 158
- Бранденбург — I, 369
- «Бретания» — см. Англия
- Брич, местность в Львовской земле — I, 318
- Буг Западный — см. Западный Буг
- Буг Южный — см. Южный Буг
- Будутино, сд.— I, 104
- Буйце, Буйцы, Буец, Буиц, с. в Новгородской земле — I, 106, 263 — 264, 268
- Буланино, д. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 295
- Бурцево, с. в Московском у.— II, 79, 383
- Бутковский пог. Водской пятины в Новгородской земле — II, 174
- Бучов, селение в Перемышльской земле — I, 358—359
- Быбло — см. Бибель
- Быславле, д. в Деревской пятине Новгородской земли — II, 35
- Быстерко, д. в Виделенской губе Псковской земли — I, 466
- Вальдия, замок на о. Эзель — I, 390
- Варварский мон.— см. мон. Варварский
- Варяжское море — см. Балтийское море
- Васильев, починок на р. Великой— II, 125
- Васильево Посниково, д. Кинельской вол.— II, 150
- Васильевский мон.— см. мон. Васильевский

- Вастечкий обод — I, 464
Вастечская земля — I, 464
Введенский пог. Обонежской пятины в Новгородской земле — II, 8
Векшино, д. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 473
Великая, р.— I, 384, 439, 441; II, 125
Великая Польша — I, 207, 275, 327, 342, 376
Великое, с. Волок-Словинской вол. Белозерского у.— II, 98
Великое княжество Литовское — I, 5—6, 13—14, 167, 193—194, 244, 247—248, 252—253, 263, 279—280, 306, 321, 326, 332, 353, 364, 381, 400—401, 403, 416—423, 428—430, 432—434, 439, 453, 464—465, 468, 471, 485, 509, 516, 519—520; II, 5, 7, 62—63, 68, 84—85, 171, 185, 218, 249, 354, 390
Великое Роткие, на Рожцком о.— I, 395
Великокурская вол., в Двинской земле—II, 179—180.
Великолукский (Луцкий) у.— II, 202
Великороссия — I, 245
Вельск, гор.— II, 183
Вельский ст. в Поморье — II, 183
Велья, псковский пригород — I, 442
Венгрия — I, 247, 249, 258, 292, 371; II, 5
Венеция, гор.— II, 6
Веприя, пог. в Рязанской земле — I, 51
Верейско-Белозерский удел — II, 61
Верхнее Поволжье — см. Поволжье
Верховина, д. Михайловского пог. в Новгородской земле — II, 252
Веряжа, р.— I, 473; II, 50
Взвядский пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 473
Виделенская губа в Псковской земле — I, 466
Византия, Византийская империя— I, 26, 28, 37, 66, 87—89, 96, 101, 103, 107, 157, 224, 229, 231
Вильно (ныне Вильнюс), гор.— I, 193
Виляжанинова, д. Строгановых — II, 129
Винница, гор.— I, 309
Висла, р.— I, 342, 372
Витебск, гор.— I, 397
Витебская земля, Витебская обл.— I, 397, 416, 431—432
Витчевский холм — I, 260
Витка, ручей в Новгородской земле — I, 53
Витовичи, с. в Львовской земле — I, 318
Витославицы, с. в Новгородской земле — I, 202, 268
Витошинцы, с. в Перемышльской земле — I, 357—358
Витча, рядок в Новгородской земле — II, 13
Витчи, д. в Новгородской земле — II, 194
Вифиния, область в Малой Азии — I, 37
Владимир на Клязьме, гор.— I, 106, 193—194, 200, 229, 496—501, 508—509, 529; II, 24, 46, 84, 290
Владимир Волинский, гор.— I, 249—250, 269, 299—300, 302, 304, 331—332
Владими́ро-Суздальская земля — см. Ростово-Суздальская земля
Владимирская земля — см. Галицко-Волинская земля
Владычно, с. в Новгородской земле — II, 197
Вогнема — II, 111
Водская пятина Новгородской земли — I, 476, 482, 488—489, 510; II, 48—49, 174, 243, 247
Вожа, р.— I, 480; II, 61
Воздвиженский мон.— см. мон. Воздвиженский
Возмицкий мон.— см. мон. Возмицкий
Вознесенский мон.— см. мон. Вознесенский
Воннишский мон.— см. мон. Воинишский
Войбут остров, в Двинской земле — II, 179
Волга, р.— I, 30, 48, 230, 233, 245, 493, 495—496, 498, 502; II, 20, 182, 245
Волдутов пог. в Новгородской земле — I, 100
Волжско-Камский бассейн, Волжско-Камский район — I, 33, 51

- Волжско-Окский бассейн, Волжско-Окский район — I, 194
- Волковыя, гор.— I, 289
- Вологда, гор.— II, 17—19, 24, 106, 111
- Вологодская земля, Вологодский у., Вологодское княжество — II, 106, 111, 191, 276, 361
- Волок, Волок Лямский, Волоколамск, гор.— I, 408; II, 290
- Волок Славинский (Волочек Славенский), вол. в Белозерском у.— II, 61, 97, 111
- Волоколамский мон.— см. мон. Иосифов-Волоколамский
- Волотовский мон.— см. мон. Волотовский
- Волоцкое княжество — II, 126
- Волхов, р.— I, 38, 52—54, 240, 264, 268, 411, 421, 476; II, 49, 252
- Волынская земля, Волынь, Волыньское княжество,— см. Галицко-Волынская земля
- Вондокурский ст. Устюжского у.— II, 141
- Вороноч, псковской пригород — I, 442
- Воронцово, д. Еглинского пог. в Деревской пятине Новгородской земли — I, 489
- Воскресенский мон.— см. мон. Воскресенский
- Воскресенский пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 473
- Воскресенский Важенский пог. в Новгородской земле — II, 251
- Восток — I, 21, 40, 498; II, 6
- Восточная Европа — I, 7, 21, 29, 47, 49, 56, 68, 87, 206, 247, 293, 369, 385, 418, 488, 492; II, 7, 20
- Восточная Пруссия — I, 193; II, 5, 390
- Восточная Римская империя — см. Византия
- Вохнская вол. в Старицком у.— II, 282
- Вохтома, р.— II, 14
- Всеволож, гор. в Волынской земле — I, 299
- Всходня, р.— II, 158
- Всходское, великокняжеское с.— II, 34
- Вудрицы, поместье в Семеновском пог. Деревской пятины Новгородской земли — I, 414
- Выбор, городище в Псковской земле — I, 441
- Вымоченская вол. в Псковской земле — I, 190
- Высоко, с. в Новгородской земле— II, 203
- Высокогорский пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 477
- Высоцкая вол. в Новгородской земле — II, 203
- Вытегорский пог. Обонежской пятины в Новгородской земле — II, 8
- Вычегдская земля — II, 21
- Вычелопок, сд. в Городенском пог. Новгородской земли — I, 490
- Вышгород, подгородний замок киевских князей — I, 79, 96—97, 99, 104, 111, 497, 499
- Вязицкий мон.— см. мон. Вязицкий
- Вязьма, гор.— II, 290
- Вятка, гор.— II, 148
- Вятская губ.— I, 193
- Вятская земля — II, 134—135, 148
- Вятское, с. в Костромском у.— II, 14
- Галицкая земля, Галицкая Русь, Галицкое княжество, Галичина — см. Галицко-Волынская земля
- Галицко-Волынская земля, Галицко-Волынская Русь, Галицко-Волыньское княжество, Галичина — I, 20, 72, 87, 101, 118, 193, 244—256, 258—259, 261—262, 270, 272, 274—283, 285—290, 292—301, 303, 306, 309—313, 316, 318—320, 328, 331—333, 335—337, 342—343, 347, 349—353, 355, 358, 361, 363, 371—377, 380, 412, 417—418, 425, 452—453, 465, 484, 506, 509, 516, 520
- Галич, гор. в Галицкой Руси — I, 229, 248—249, 275, 295, 342, 361, 373, 376
- Галич, гор. в сев.-вост. Руси — I, 497—498; II, 84
- Гамбург, гор.— I, 392
- Ганза — см. указатель предметный
- Гариопская обл. в Эстонии — I, 390

- Гарусово, д. в Заберовском пог. Новгородской земли — I, 489
- Гданск — см. Гдынь
- Гдов, гор. — I, 195, 442
- Гдынь, гор. — I, 365, 392
- Гедевской пог. в Новгородской земле — II, 338
- Германия — I, 27, 188, 193, 327, I, 330, 366, 370, 488; II, 7, 216—217, 334. См. также Германия восточная
- Германия восточная — I, 5—6, 353, 364, 367, 509
- Герр, р. — I, 24
- Гишанис — см. Южный Буг
- Гломча, селение в Саночской земле — I, 355
- Глушицкий мон. — см. мон. Глушицкий
- Голая гора, близ Звенигорода в Галицкой земле — I, 260
- Голландия — см. Нидерланды
- Головчин, с. в Киевской земле — I, 310
- Головчин, с. в Мстиславском княжестве — I, 425
- Голутвин-Коломенский мон. — см. мон. Голутвин-Коломенский
- Гольм, д. в Ливонии — I, 387
- Гомель (Гомья), гор. — I, 101
- Гомья — см. Гомель
- Гора, д. в Каменской губе Псковской земли — I, 466
- Горбово, д. в Еглинском пог. Новгородской земли — I, 489
- Горка, д. Высокогорского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 478
- Горка, д. Еглинского пог. в Деревской пятине Новгородской земли — I, 489
- Городел (Городно), с. в Вольнской земле — I, 205, 269, 302—305, 361
- Городенский пог. Деревской пятин в Новгородской земле — I, 476, 490
- Городец, гор. в Новгородской земле — I, 518
- Городец Радилев, гор. в Суздальской земле, на Волге — I, 497
- Городец, гор. в Болоховской земле — I, 248
- Городок, с. в Тверской земле — II, 363
- Гороховец, гор. — I, 497
- Готланд, о.; Готландия — I, 388, 391, 397, 421
- Грежаны, Грежаный двор, с. в Киевской земле — I, 305, 309, 318
- Греческая земля — см. Византия
- Гриневская вол. Смоленского у. — I, 32
- Гродно, гор. — I, 193
- Грушевоцкий повет — I, 375
- Губин, гор. в Болоховской земле — I, 248
- Гуляльнички, с. в Киевской земле — I, 310
- Данилов, гор. — I, 248—250
- Даровицы, селение в Перемышльской земле — I, 358
- Двинская губа — II, 301
- Двинская земля, Двинская область, Двинский край, Двинский у. — I, 193, 521; II, 17, 179
- Двинская слобода в Новгородской земле — I, 195
- Дегжа, вол. Высокогорского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 477
- Деготское, великокняжеское с. — II, 34
- Деденево, д. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 176
- Дедовичи, д. Семеновского пог. в Деревской пятине Новгородской земли — I, 414
- Дербент, гор. — I, 39—40
- Деревич, гор. в Болоховской земле — I, 248
- Деревская вол. в Киевской земле — I, 104, 106
- Деревская пятина Новгородской земли — I, 414, 476, 488; II, 12, 35, 243
- Деревская земля — см. Древлянская земля
- Деревяница, приток р. Волхова — I, 54; II, 49
- Десна, р. — I, 26, 57, 97—98
- Дмитриев мон. — см. мон. Дмитриев
- Дмитриевский Соцкий пог. в Новгородской земле — II, 51
- Дмитров, гор. — I, 497; II, 17
- Дмитровский у., Дмитровское княжество — II, 184—185
- Днепр, р. — I, 24—26, 48, 52, 57, 66, 97—98, 107, 231, 238, 240, 245, 421
- Днестр, р. — I, 24

- Добаневич, с. в Перемышльской земле — I, 273
- Добрылова, д. в Белозерской земле — II, 160
- Доброе (Dobra), с. в Санопкой земле — I, 290, 317—318, 354—355
- Домбровка Русская, селение в Санопкой земле — I, 355—356
- Дон, р. — I, 24
- Донец — см. Донцовое
- Донецкое городище (у с. Карачевки под Харьковом) — I, 30
- Донцовое, приток р. Деревяницы в Новгородской земле — I, 54
- Дорогобуж, гор. — I, 105—106, 112
- Дорпат — см. Юрьев Ливонский
- Древлянская земля — I, 26, 32, 90, 97—99, 101, 501
- Древнерусское государство — см. Киевская Русь
- Дреговский пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 473
- Дрогочин, гор. в Галицкой земле — I, 249
- Дроздово, д. в Новгородской земле — II, 194
- Дросенское, с. в Смоленском княжестве — I, 125, 214, 218
- Дубешня, с. в Коломенском у. — II, 162
- Дубня, гор. — I, 497
- Дудьков, гор. в Болоховской земле — I, 248
- Дунай, р. — I, 24, 138, 342
- Духовщина в Смоленском у. — II, 384
- Европа — I, 5—6, 13, 18, 42, 48, 78, 140, 149, 157, 177, 192, 197, 204, 210, 212—213, 247, 280, 293, 315, 350, 352—353, 362—363, 365—367, 372, 375, 379, 381, 422, 429—430, 487, 506, 513, 532; II, 5—8, 20, 46, 50, 62—63, 147, 161, 216, 231, 240, 246, 255, 258, 297, 316, 358, 390. См. также Восточная Европа и Западная Европа
- Египет — II, 214—215
- Еглинский пог. Деревской пятины в Новгородской земле — I, 488
- Егорьевский пог. Обонежской пятины в Новгородской земле — II, 130
- Екатеринослав (ныне Днепрпетровск), гор. — I, 23
- Елатама, гор. — II, 24
- Еленинско-Константиновский мон. — см. мон. Константиново-Еленинский
- Елошья, р. — II, 51
- Еремейцево, с. в Ярославском у. — II, 20
- Есиповская, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
- Ескино, с. в Романовском у. — II, 60
- Жабца, вол. в Тверской земле — I, 512
- Жидохова, р. — II, 195
- Житомир, гор. — I, 309, 319
- Житомирская земля, Житомирский повет — I, 260, 305, 318—319
- Жмудь — I, 433
- Журавка, с. в Львовской земле — I, 289, 317, 360
- Заболотье, вол. в Михайловском Ладожском пог. Новгородской земли — II, 51
- Заболотье, д. в Устюжском у. — II, 142
- Заборовский пог. Деревской пятины в Новгородской земле — I, 489
- Заборовье, д. Опоцкого пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 415
- Завальский пог. в Новгородской земле — II, 197
- Завелицкая засада в Псковской земле — I, 396, 466
- Завеличье, под Псковом — I, 441
- Заверяжье, в Паозерском пог. Шелонской пятины Новгородской земли — I, 473; II, 48, 177
- Заволочье — I, 521
- Загость, с. в Галицко-Волынской Руси — I, 328—329
- Залесская сторона, Залесский край — I, 496
- Замотье, д. в Новгородской земле — II, 177
- Замощье, д. Высокогорского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 478
- Заозерье, д. в Еглинском пог. Новгородской земли — I, 488

- Заонежские погосты, Заонежье — II, 9, 130
 Запад — I, 21, 61—62, 170, 193, 296, 364—365; II, 246, 270
 Западная Двина, р.— I, 245; II, 35
 Западная Европа — I, 12, 158, 204, 305, 322, 364, 367, 492; II, 7, 10, 214, 217
 Западный Буг, р.— I, 302, 304, 421
 Заречный ключ Кирилло-Белозерского мон.— II, 52
 Защитов, сд. в Волинской земле— I, 297
 Заячино, пог. в Рязанской земле— I, 511
 Заячков, пог. в Рязанской земле — I, 511
 Звенигород, в Галицкой земле — I, 260
 Звенигород, в сев.-вост. Руси — I, 497—498
 Звенигородский у.— II, 81
 Звоз, пристава на Шексне — II, 52
 Золово, д. Литвиновской вол. в Волоколамском у.— II, 295
 Золотая Орда — I, 5, 39, 507; II, 62, 137
 Зубцов, гор.— I, 497
 Зубцовский у.— II, 359

 Ивангород — II, 199.
 Иванково, пст. в Новгородской земле — II, 51
 Ивановское, с.— II, 155
 Иванский мон.— см. мон. Иванский
 Ивандово, в Киснемском ст. Переяславского у.— I, 524
 Ивань, пог. в Новгородской земле — I, 100
 Иверский-Богородицкий мон.— см. мон. Иверский-Богородицкий
 Иерусалим, гор.— I, 331
 Ижевский ст. Дмитровского у.— II, 194
 Изборск, гор.— I, 386—387, 442
 Изгой, с. в Псковской земле — I, 218
 Изяславль, гор. в Галицкой Руси — I, 97, 104, 249
 Инескола, дер. и замок в Ливонии — I, 387—388, 390—391
 Ильинский мон.— см. мон. Ильинский
 Ильинский пог. Водской пятины в Новгородской земле — I, 478; II, 130
 Ильмень, оз.— I, 473
 Имоченский пог. в Новгородской земле — II, 338
 Индия — II, 5—6
 Ипакирь, р.— I, 24
 Ипатьевский мон.— см. мон. Ипатьевский
 Иран — I, 18; II, 6
 Ирдама — II, 111
 Ирпень, р. в сев.-вост. Руси — I, 498
 Ислох конец, в Корельском у.— II, 173
 Испания — II, 6, 216
 Истожек, гор. в Галицкой земле — I, 250
 Италия — I, 5, 367; II, 5—6, 216
 Истр — см. Дунай

 Казанский Илантов мон.— см. мон. Илантов-Казанский
 Казань, гор. — II, 7, 23—24, 380
 Каковичи, с. Воскресенского Важенского пог. в Новгородской земле — II, 251
 Калакинская вол.— II, 206
 Калуга, гор.— II, 24, 342, 352
 Кальип луг, во владениях Строгановых — II, 129
 Каменец, гор.— I, 250, 299, 301—302
 Каменская губа в Псковской земле — I, 443, 466
 Каменский ст.— II, 40
 Канев, гор.— I, 497
 Канышево, пст. в Каменской губе Псковской земли — I, 467
 Кап-городок — II, 24
 Карачарово, с.— I, 56
 Карачевка, с. под Харьковом — I, 30
 Караш, Карашская слобода Ростовского у.— II, 15
 Каргополь, гор.— II, 290
 Карелия — I, 34
 Карзина курья, местность в Корельском у.— II, 172—173
 Карповское, в Киснемском ст. Переяславского у.— I, 524
 Каспийское море — I, 245; II, 20
 Кастилия — I, 5, 367; II, 5
 Кафа (ныне Феодосия), гор.— II, 6

- Кашино, д Турского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 415
- Кашира, гор.— II, 24
- Киев, гор.— I, 27, 53, 68, 74, 87, 89—90, 92, 97, 99, 104, 107—108, 111—112, 117, 123, 154, 165, 228—229, 231, 234—236, 238, 246, 248—249, 259, 261, 294, 397, 421, 440, 480, 496—500, 502; II, 5, 25, 236
- Киев, гор. в сев.-вост. Русн — I, 498
- Киево-Печерский мон.— см. мон. Киево-Печерский
- Киевская земля, Киевская обл., Киевщина — I, 33, 48, 245, 252 280, 308—310, 314, 319, 328
- Киевская Русь, Киевское государство — I, 11—12, 28, 37, 43, 58, 62, 70—72, 76, 85, 87, 89, 93, 95—96, 102, 115, 122, 134, 136, 140, 148, 150—151, 157, 168—169, 173, 176, 182—183, 186—187, 191—193, 197—198, 202, 209—210, 213—214, 221, 223—225, 227, 229, 239—240, 244, 246, 255—257, 266, 274, 294—295, 298, 306, 331, 361, 381, 384—387, 390, 395, 397, 410, 417, 421—423, 496, 499—502, 507—509; II, 12, 25, 30, 62, 131, 159, 167, 185
- Киевские горы — I, 385
- Киевское государство — см. Киевская Русь
- Кинельский ст. Переяславского у.— II, 59, 150
- Кипрей, сп. Троице-Сергиева мон.— II, 162
- Кирило-Белозерский мон.— см. мон. Кирило-Белозерский
- Кисмагово, с. Коломенского у.— II, 241
- Киснемский ст. Переяславского у.— I, 523
- Китай — II, 5
- Кятово, д. в Новгородской земле — II, 194
- Кяшкино, с. в Переяславском у.— II, 47
- Клементьево, с. возле Троице-Сергиева мон.— II, 15
- Клин, гор.— I, 497
- Клязьма, р.— I, 496
- Кнудовский ключ Кирилло-Белозерского мон.— II, 52
- Княжая гора (поселение XI—XII вв. на р. Роси) — I, 32
- Кобелево, с. в Углицком у.— II, 163
- Кобрин, Кобрынь, гор.— I, 269, 302, 304
- Кобудь, гор. в Болоховской земле — I, 248
- Кованицы, д. в Новгородской земле — II, 197
- Ковлинский пог. в Новгородской земле — II, 197
- Ковно (ныне Каунас), гор.— I, 193
- Ковшаровское городище в Смоленской обл.— I, 32
- Кодни, с. в Житомирской земле — I, 260
- Козельск, гор.— I, 332
- Кокорово, с. в Кременецкой земле — I, 314
- Колдомский ключ Кирилло-Белозерского мон.— II, 52
- Колесников, с. в Мстиславском княжестве — I, 425
- Колкач, д. в Белозерской земле — II, 133
- Колмов мон.— см. мон. Колмов
- Коломенский у.— II, 162 241
- Коломенское, с. под Москвой — II, 34
- Коломыйщина, Коломыйщенское поселение (район трипольской культуры) — I, 23—24
- Коломна, гор.— II, 6, 14, 24, 290
- Коломыя, гор.— I, 297
- Колычево, приселок Троице-Сергиева мон.— II, 319
- Колязин мон.— см. мон. Макарьев-Колязинский
- Комарово, д. Фроловского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 415
- Константиновский мон.— см. мон. Константино-Еленинский
- Константинополь, гор.— I, 89, 95, 101—102, 134, 498; II, 6—7
- Конюхи, имение в Волынской земле — I, 297
- Корела, гор.— II, 84
- Корнильев-Комельский мон.— см. мон. Корнильев-Комельский
- Коростень, главный город Древлянской земли — I, 26
- Короткое, в Белозерской земле — II, 42
- Косва, р.— II, 129

Косицкий пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 473
Костаровичи, Костаровцы, с. в Саноцкой земле — I, 338, 355—356
Кострома, гор.— I, 497; II, 84
Костромской у.— II, 14, 88
Котельня, с. в Житомирской земле — I, 319
Комелево, д. в Новгородской земле — II, 194
Кошкина, д. Вондокурского ст. в Устюжском у.— II, 141
Крайний север — I, 64
Краков, гор.— I, 332, 365, 375
Краковская земля — I, 341—342, 373, 376
Красностав, гор.— I, 359, 375
Красноставский повет — I, 375
Красный, гор.— I, 441—442
Красовица, д. Фроловского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 414, 473
Кременец, гор.; Кременецкий замок — I, 248—250, 314
Кречневский пог. Водской пятины в Новгородской земле — I, 476; II, 48—49, 203
Кржилов, с. в Львовской земле — I, 346
Кривоницкая губа в Псковской земле — I, 443, 467
Кричов, в Мстиславском княжестве — I, 427
Крохин, в Белозерской земле — II, 42
Крым, Крымское ханство — II, 57
Ксенофонтьевская пустынь — II, 197
Кснятин, гор. в сев.-вост. Руси — I, 498
Кудин, гор. в Болоховской земле — I, 248
Кузьминское, сд. Ипатьевского Костромского мон.— II, 247
Куликово поле — I, 226, 247, 480; II, 63
Кумакская вол. Кустанайского у. Тургайской обл. (по дореволюционному административному делению) — I, 50
Куней, вол.— II, 59
Курляндия — I, 393. См. также Латвия, Ливония и Прибалтика
Курск, гор.— I, 93, 498
Курская вол.— см. Великокурская вол.

Курский пог. Деревской пятины в Новгородской земле — I, 414
Курьяново, с. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 295
Кусетские вол. Новгородского митрополичьего дома — II, 192
Кустанай, гор.— I, 50
Кустанайский у.— I, 50
Кухоревская, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
Куявия (государственное образование восточных славян, предшествовавшее Древнерусскому государству) — I, 87

Лаба (Эльба), р.— I, 5, 310, 364, 366—367, 370, 372, 392, 422, 430, 469; II, 53, 231, 358, 390
Ладога — см. Старая Ладога
Лазоревщина, с. в Киевской земле — I, 309
Ларино, д. Троице-Сергиева мон.— II, 150
Латвия — I, 19. См. также Курляндия, Ливония, Лифляндия и Прибалтика
Лахово, в Киснемском ст. Переяславского у.— I, 524
Левкеев мон.— см. мон. Левкеев Леневарден, замок в Ливонии — I, 390
Ленинград — I, 98; II, 335
Лествицyno, в Волоколамском у.— II, 292, 295
Ливония — I, 5—6, 13, 386—388, 390, 392, 395, 439, 465; II, 5, 245. См. также Курляндия, Латвия, Лифляндия, Прибалтика и Эстония
Липовец, д. Заверяжского пог. в Новгородской земле — II, 177
Липня, р.— II, 194
Лисичий брод, в Перемышльській земле — I, 288
Литва — см. Великое княжество Литовское
Литвиновская вол. в Волоколамском у.— II, 295
Литовское, Литовско-Русское государство — см. Великое княжество Литовское
Лифляндия — I, 391—393. См. также Латвия, Ливония и Прибалтика
Ловать, р.— I, 52, 264, 473

- Ловков, с. под Житомиром — I, 319
- Лозина, Лосина (Lodzina), с. Львовского архиеп. — I, 345—346, 355—356, 358
- Локотодский пог. Деревской пятины в Новгородской земле — I, 476
- Лондон, гор. — II, 23, 216
- Лос, д. в Каменской губе Псковской земли — I, 466
- Лосина — см. Лозина
- Лотьбары, во владениях Строгановых — II, 129
- Лошешля, рядок в Новгородской земле — II, 14
- Луга, р. — I, 97—99, 101, 206
- Лужа, Лужская вол. — II, 34, 58
- Лупц, гор. — I, 249—250, 258
- Луцкая земля, Луцкий повет — I, 297, 304
- Луцкий у. — см. Великолуцкий у.
- Лучская вол. в Киевской земле — I, 104, 106
- Лыбедь, р. в Киевской земле — I, 97, 104
- Лыбедь, р. в сев.-вост. Руси — I, 498
- Львов, гор. — I, 250, 310, 333, 361
- Львовская земля — I, 250, 289, 317, 347
- Любек, гор. — II, 6
- Любеч, гор. — I, 89, 105, 203
- Любомль, гор. — I, 299—300
- Любятино, д. Рогушинской вол. в Волоколамском у. — II, 295
- Люцик, место в Новгородской земле — I, 53
- Лядская земля — см. Польша
- Ляховичи — см. Терпужский пог.
- Макарьев-Колязинский мон. — см. мон. Макарьев-Колязинский
- Македония — I, 37
- Маковед, с. кн. И. Ю. Патрикева — II, 99
- Максимово, д. Михайловского Тервинского пог. в Новгородской земле — II, 247
- Малая Азия — I, 37
- Малая Польша — I, 193, 275
- Малороссия — см. Украина
- Мальковицы, селение в Перемышльской земле — I, 358
- Мамошино, с. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 295, 297
- Марково, д. (потом сельдо) Кречневского пог. в Новгородской земле — I, 476; II, 48—49, 51, 197
- Мачковицы, селение в Перемышльской земле — I, 358
- Медвежья Голова (Оденпе), гор. — I, 385—386, 441
- Медики, с. в Перемышльской земле — I, 358—359
- Медна, с. в Новоторжском у. — II, 15
- Медынь, гор. — II, 290
- Мелетовская засада Пецкой губы в Псковской земле — I, 466
- Мельгачевская, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
- Мельница, в Киснемском ст. Переяславского у. — I, 524
- Мельница, в Новгородской земле — см. Новая Мельница и Старая Мельница
- Мериново, в Киснемском ст. Переяславского у. — I, 524
- Микулин, гор. — II, 69, 287
- Мининское, с. в Суздальском у. — II, 98
- Минск, гор. — I, 29, 134
- Михайловский мон. — см. мон. Михайловский
- Михайловский пог. в Новгородской земле — II, 252
- Михайловский Ладожский пог. в Новгородской земле — II, 51
- Михайловский Тервинский пог. Обонежской пятины в Новгородской земле — II, 247
- Млево, рядок в Бежецкой пятине Новгородской земли — I, 12, 190
- Моденово, с. кн. И. Ю. Патрикева — II, 99
- Можайск, гор. — II, 14, 290
- Можайский у. — II, 67
- Мойшинская земля в Смоленском княжестве — I, 125
- Молога, р. — II, 14
- Моложва, д. в Пецкой губе Псковской земли — I, 463
- Моложва, исад в Псковской земле — I, 396
- Моложево, с. на берегу Псковского оз. — I, 396
- Моложевская межа в Псковской земле — I, 395
- Молоково, д. в Псковской земле — I, 465

- Молочкова, д. в Пецкой губе Псковской земли — I, 460
- Монастыри:
- Александро-Свирский — II, 338
- Андрониковский московский — II, 17
- Ануфриев в Мстиславском княжестве — I, 425
- Апостолов в Вольнской земле — I, 268, 304
- Аржаж новгородский — I, 509
- Афонский — II, 224
- Архангельский — II, 138
- Благовещенский нижегородский — II, 44, 75, 82, 86—88
- Борисоглебский — I, 268, 528; II, 17, 103
- Варварский псковский — I, 442
- Васильевский в Суздальском у. — II, 98
- Воздвиженский псковский — I, 442
- Возмицкий — II, 55
- Вознесенский девичий — II, 160
- Воиницкий в Тверском у. — II, 384
- Вологовский под Новгородом — II, 204
- Воскресенский девичий — II, 202
- Воскресенский череповецкий (череповский) — II, 17, 156
- Вяжицкий в Новгородской земле — II, 177—178, 383
- Голутвин - Коломенский — II, 309, 330
- Глушицкий — I, 526
- Димитриев митрополичий в Суздале — I, 508
- Иванский (Иоанна Предтечи) женский в Завеличье (под Псковом) — I, 441
- Иверский - Богородицкий — II, 191, 383
- Илантов казанский — II, 155, 350
- Ильинский псковский — I, 441
- Иосифов - Волоколамский — II, 32, 38, 55, 83—84, 107, 147, 150—151, 175, 177, 179, 184, 242, 289, 291—293, 295—298, 300, 317, 336
- Ипатьевский - Костромской — II, 147, 155, 247
- Киево-Печерский — I, 52, 93, 108, 136, 150, 158, 201, 223, 234—235, 264, 499, 508—509
- Кирилло-Белозерский — I, 123, 164, 413, 455, 512, 526; II, 16—18, 46, 52, 60—61, 90, 92, 110—112, 132—133, 141, 158, 160, 190, 276, 335—336
- Колмов под Новгородом — II, 193
- Константино - Еленинский — I, 268, 526—531; II, 17, 43—45, 85—86
- Корнильев-Комельский в Вологодской земле — II, 294
- Левкеев — II, 55
- Макарьев-Колязинский — I, 511—512; II, 17, 87
- Михайловский московский — I, 511
- Николаевский - Корельский — II, 172, 268—269, 300—302, 307
- Новинский — II, 259, 299—300
- Новодевичий московский — II, 67
- Ольгов рязанский — I, 202, 511
- Опоцкий — II, 192
- Отроч тверской — I, 484; II, 91, 137
- Палеостровский — I, 400
- Пантелеймонов новгородский — I, 53, 202, 268, 398
- Песношский — I, 413; II, 17
- Печерский, в Псковской земле — I, 465; II, 161
- Покровский углецкий — II, 17, 82
- Пустынский — II, 17
- Савво-Сторожевский звенигородский — I, 512; II, 81
- Селижаров — II, 55
- Симонов московский — I, 512; II, 14, 17, 81, 89, 100
- Снегогорский псковский — I, 460, 462—463
- Сновидский митрополичий — II, 44
- Соловецкий — I, 223; II, 19, 160
- Солотчинский, в Рязанской земле — II, 148, 160
- Спасо-Евфимьев — II, 98
- Спасо-Прилуцкий под Вологодой — II, 125—126, 138, 306
- Спасо-Хутынский новгородский — I, 57, 106, 158, 398; II, 197
- Спасский арзамасский — II, 156
- Спасский звадский — II, 196
- Спасский ярославский — II, 20

- Телегов в Устюжском у.— II, 138
- Троице-Сергиев — I, 477, 523—524; II, 15—18, 47, 56, 59—60, 67, 82, 86, 92, 98—99, 108, 111, 126, 148, 150, 157—162, 180, 184, 194, 229, 241, 276, 278, 280, 284, 309, 319, 336, 338, 367—371, 386
- Троицкий Гледенский в Устюге Великом — II, 61, 138—140, 142, 144
- Успенский вятский — II, 135
- Успенский тихвинский — II, 14
- Ферапонтов — I, 414; II, 17, 42, 61, 93, 109—112, 275—276
- Чудов московский—II, 160, 293—294
- Юрьев новгородский — I, 54, 106, 110, 190, 263—264, 398, 472, 484, 509—510; II, 91
- Монэ, замок в Ливонии — I, 390
- Моревская слобода — II, 86, 92, 284
- Моринский пог. в Новгородской земле — II, 197
- Мордкино, д. в Водской пятине Новгородской земли — I, 491
- Москва, гор.— I, 157, 171, 184, 194, 226, 332, 402—404, 409, 412, 440—442, 453, 463, 467, 475, 482, 487, 497—498, 506—508, 518, 520, 522; II, 5—7, 9, 22—23, 27, 41, 54, 57—59, 62—63, 68, 84, 88, 91, 107, 160, 183, 191, 224, 236, 238, 245, 278, 285, 290, 327, 334—335, 337, 339, 342, 346, 355—357, 365, 367, 380
- Московская земля, Московская обл., Московское княжество — I, 402, 519; II, 12, 17, 22, 107, 276, 306
- Московская Русь — см. Русское централизованное государство
- Московский у.— II, 150, 158, 162, 247, 253, 339, 359, 383
- Московское государство, Московское царство — см. Русское централизованное государство
- Мста, р.— I, 97—99, 101, 206; II, 12—13, 197
- Муром, гор.— I, 496; II, 24
- Муромцово, с. Троице-Сергиева мон.— II, 162
- Мыслино, д. Михайловского пог. в Новгородской земле — II, 252
- Мячино, в Новгородской земле — I, 264
- Наволоч Большой, д. в Водской пятине Новгородской земли — I, 510
- На волоке, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
- Назаровское, сд. в Московском у.— II, 158
- Нарва, гор.— II, 244—245
- Нарова, р.— I, 384, 439
- Наумово, д. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 473
- Небльская (Небольская) вол. в Киевской земле — I, 104, 106
- Неверцова (Сворцово), д. Троице-Сергиева мон.— II, 150
- Негребка, с. в Перемышльской земле — I, 358
- Неман, р.— I, 421
- Нерехотское, с.— II, 99
- Неро, оз.— I, 495
- Несуши, д. в Водской пятине Новгородской земли — I, 490
- Нешава, гор. в Малой Польше — I, 377
- Нидерланды — I, 5; II, 5, 254
- Нижегородское княжество — II, 88—89
- Нижний-Новгород (ныне Горький)— I, 497; II, 24
- Нижняя Слобода, с. кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
- Низанковицкий повет в Галицкой земле — I, 260
- Никитино, с. в Романовском у.— II, 60
- Николаевский-Корельский мон.— см. мон. Николаевский-Корельский
- Никольский пог. Бежецкой пятины в Новгородской земле — I, 476, 487; II, 192
- Никольское — см. Никоново
- Никоново (Никольское), сд. в Московском у.— II, 158
- Никитино, д. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 176
- Нимгерские оз. в Смоленском княжестве — I, 125
- Новая Мельница, д. в Новгородской земле — II, 48—51
- Новгород Великий — I, 33, 53, 68, 77, 88, 91—92, 97—98, 100, 103—104, 112, 154—155, 157—

- 158, 172, 185—186, 189, 191, 194, 196, 201, 205, 207, 216, 218, 229—234, 238—239, 246, 264, 268, 274, 310, 383—385, 390, 395, 397—404, 407—413, 415—418, 433—434, 440—441, 453, 456—457, 459, 465, 467, 470—472, 474, 480, 482—483, 486—487, 492, 498—501, 509—510, 516, 518, 521; II, 6, 12, 15, 20, 23, 27, 47, 67—68, 84—85, 188, 190—191, 199—201, 203, 238, 241—242, 246, 278, 303, 328, 337, 348, 355, 380
- Новгородская земля. Новгородская феодальная республика — I, 12, 26, 37—38, 44, 48, 70, 97—98, 100, 102—103, 182—183, 185, 193, 234, 239, 259, 268, 309—310, 381—382, 385—386, 395, 397, 399, 404—408, 410—411, 433, 439, 456, 459, 465, 468, 470—472, 484, 486, 492—493, 495—496, 502, 504, 509, 516, 518—520; II, 5, 17, 20, 22, 41, 47, 68, 137, 191, 200, 238, 240—241, 243, 247, 273, 306
- Новгородская Русь — см. Новгородская земля
- Новинский мон.— см. мон. Новинский
- Новоград-Волыньск, гор.— I, 289
- Новодевичий мон.— см. мон. Новодевичий
- Новое, с.— II, 195
- Новосельцы, селение в Саноцкой земле — I, 355
- Новоторжский у.— II, 15, 359
- Новый Торг — см. Торжок
- Нудольца, рч.— II, 194
- Нунилица, д. Пречистенского пог. в Новгородской земле — II, 130
- Нюбиничи в Гедевском пог. Новгородской земли — II, 338
- Обатурово, д. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 293—294
- Обер-Лаузиц (Верхняя Лужаця)— I, 321
- Оболенск, гор.— II, 69
- Обонежская пятна Новгородской земли — II, 8, 192—193, 243; 247, 338
- Обонежский край — см. Онежская земля
- Одене — см. Медвежья Голова
- Озерцкое, с. в Галицком у.— II, 98
- Ока, р.— I, 48, 57, 421, 494, 496, 525
- Оковский лес — I, 245
- Окудовы, селище в Волоцкой земле — I, 512
- Ольгов мон.— см. мон. Ольгов
- Ольжичи, с. кн. Ольги в Киевской земле — I, 96—98, 101, 104
- Ольховцы, селение в Саноцкой земле — I, 355
- Омельфино, д. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 292, 295
- Онаньинская, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
- Ондрейновская пустынь в Углицком у.— II, 163
- Ондрьевская (Полосова), д. Михайловского Тервинского пог. в Новгородской земле — II, 247
- Онежская земля — I, 100, 190, 478
- Онежья гора, под Псковом — I, 441
- Онутьцкое, великокняжеское с.— II, 34
- Онуфриево, пст. в Заверьяже Шелонской пятины Новгородской земли — I, 473
- Опоцкий мон.— см. мон. Опоцкий
- Опоцкий пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 415
- Опочка, гор.— I, 441—442
- Опский, область в Малой Азии — I, 37
- Орда — см. Золотая Орда
- Оредеж, р.— I, 476
- Орск, гор.— I, 50
- Осеньевское, великокняжеское с.— II, 34
- Осташков, гор.— II, 202
- Остров, гор.— I, 442
- Отроч мон.— см. мон. Отроч
- Ощеркино, д. Кинельской вол.— II, 150
- Оять, р.— II, 8
- Павловская, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
- Пагоничи — см. Самбор
- Палеостров в Обонежском крае — I, 190
- Палеостровский мон.— см. мон. Палеостровский
- Пантелеймонов мон.— см. мон. Пантелеймонов
- Пантикап, р.— I, 24

- Паозерский пог., Паозерье Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 473; II, 197
 Перемышль, гор.; Перемышльский замок — I, 249, 259, 275, 296, 310, 333, 357. См. также Червенские города
 Перемышльская земля — I, 249, 273, 296, 304, 342
 Перерва, р. в Псковской земле — I, 460, 462—463
 Переславец на Дунае, гор. — I, 138
 Пересопница, гор. — I, 497
 Переяславль Залесский, гор. — I, 498; II, 84, 159, 244
 Переяславль Рязанский — см. Рязань
 Переяславль Южный (ныне Переяслав-Хмельницкий), гор. — I, 89—90, 107, 496—498
 Переяславская земля, Переяславский у. — I, 250, 523; II, 40, 159, 162, 282
 Пермь, гор. — II, 192
 Песношский мон. — см. мон. Песношский
 Песочна, пог. в Рязанской земле — I, 511
 Пецкая губа в Псковской земле — I, 396, 460, 463, 466, 468
 Печевская, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
 Печерский мон. — см. мон. Печерский
 Пидебский пог. Водской пятины в Новгородской земле — II, 48
 Пимогино, с. кн. И. Ю. Патрикева — II, 99
 Пиренейские горы — I, 18
 Пирогинский пог. Обонежской пятины в Новгородской земле — II, 338
 Пискупицкий пог. в Новгородской земле — II, 197
 Плесо, гор. — II, 84
 Плещеево, оз. — I, 495
 Плата, д. Высокогорского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 478
 Поволжье — I, 496; II, 155. См. также Поволжье Верхнее
 Поволжье Верхнее — I, 25, 30, 193, 493—495
 Поволховье — I, 57, 80, 417, 499, 501—502, 508
 Погоновичи, местность в Смоленском княжестве — I, 125
 Погост, селение — II, 195
 Поддубье, д. Курское пог. в Деревской пятине Новгородской земли — I, 414
 Подлесье, д. Фроловского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 415
 Подляшье — I, 297, 465
 Подмогиле, в Каменской губе Псковской земли — I, 466
 Поднепровье — I, 23, 25, 28, 80, 231, 238, 397, 417, 494—496, 498—499, 501—502, 508. См. также Поднепровье Среднее, Поднепровье Южное
 Поднепровье Среднее — I, 25, 28—29, 58, 494
 Поднепровье Южное — I, 58
 Поднепровье — I, 23
 Подолия, Подольская земля — I, 193, 248, 251, 277, 297, 465
 Подомыки, с. в Киевской земле — I, 310
 Подымское, в Киснемском ст. Переяславского у. — I, 524
 Пожарище, д. Ахренщинской вол. в Устюжском у. — II, 142
 Познать — I, 193
 Поколосовцы, с. в Перемышльской земле — I, 288
 Покровский мон. — см. мон. Покровский
 Полесье — I, 305—306
 Полипа, маленькая средневековая республика на побережье Адриатического моря — I, 72, 74, 76, 122, 290, 374; II, 36
 Полосова — см. Ондриевская
 Полоцк, гор. — I, 89, 105, 229, 385, 397, 405—406, 416, 484, 498; II, 245, 249
 Полоцкая земля, Полоцкое княжество — I, 386, 397, 406; II, 67
 Полутово, сп. в Каменской губе Псковской земли — I, 467
 Польша — I, 5—7, 13, 21, 80, 118, 153, 194, 234, 247—248, 250—252, 254—258, 261—263, 271—272, 275—276, 278, 280—286, 294, 306, 310—312, 315, 318, 320—327, 330—335, 337, 342, 344, 348—350, 352—353, 362, 364—367, 369—373, 375, 377—380, 403, 406, 417, 471, 516,

- 519—520; II, 5, 7, 62, 85, 93, 202, 216, 245, 249, 342—343, 346, 353, 355, 390. См. также Великая Польша, Малая Польша
- Полянская вол. Тесовского Климецкого пог. в Новгородской земле — II, 52, 197
- Полянская земля — I, 501
- Поляны, в Новгородской земле — II, 48
- Поморье (польское) — I, 275
- Понт-море — см. Черное море
- Поп, местность в Львовской земле — I, 318
- Попадьянка, р. — I, 494
- Поречье, с. Троицкого ст. Дмитровского у. — II, 195
- Порохово, с. в Волоколамском у. — II, 84
- Португалия — I, 5, 367; II, 5
- Потерпелицы, рядок в Боровичском пог. Бежецкой пятины Новгородской земли — II, 13
- Похонице — см. Самбор
- Похтокурья, в Корельском у. — II, 173
- Почайна, р. в сев.-вост. Руси — I, 498
- Поческая вол. — II, 206
- Почуйково, с. в Киевской земле — I, 310
- Предславино, сд. — I, 104
- Пречистенский пог. в Новгородской земле — II, 130
- Прибалтика — I, 18, 353, 367, 381, 384—393; II, 390. См. также Курляндия, Латвия, Ливония, Лифляндия и Эстония
- Прибужский пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — II, 174
- Приднепровье — см. Поднепровье
- Присеки, Присецкое, с. в Бежецком у. — II, 60, 86, 92, 284
- Протасовское, с. кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
- Пруссия — I, 40, 377, 429. См. также Восточная Пруссия
- Псеполе, местность в Галицко-Волынской Руси — I, 329
- Псков, гор. — I, 53, 97—98, 157, 185—186, 194, 208, 264, 268, 381—386, 395—397, 400—403, 410, 412—413, 416, 418, 434—443, 448, 451, 453, 456—457, 459—460, 463—468, 470, 472, 474, 500, 509, 516; II, 5, 23, 67, 84—85, 130, 168, 249, 348, 380
- Псковская земля, Псковская феодальная республика — I, 12, 70, 178, 183, 186, 192—193, 381—384, 386, 396—397, 411, 417, 434—436, 443, 458—460, 464—471, 474, 477; II, 357
- Псковское оз. — I, 190, 396, 439, 443
- Пусторжевский у. — II, 247, 285
- Пустынский мон. — см. мон. Пустынский
- Путьвьль, гор. — I, 106, 123
- Рагушинская (Рогушинская) вол. в Волоколамском у. — II, 295
- Радонеж, гор. — II, 15, 18
- Рай, имение кн. Владимира Васильковича в Вольнянской земле — I, 299
- Рай, киевская подгородняя усадьба Юрия Долгорукого — I, 238
- Рай, оз. — I, 299
- Райгород, местечко под Белостоком — I, 299
- Райки — см. Райковецкое городище
- Райковецкое городище (под гор. Бердичевом) — I, 32
- Рамановская, д. Иосифова-Волоколамского мон. — II, 292
- Регенсбург, гор. — I, 27
- Рейн, р. — I, 188
- Рекома, подгородняя усадьба новгородских князей — I, 104
- Речь Посполитая — см. Польша
- Ржев, гор. — I, 497; II, 40, 56, 174, 290
- Ржевская земля, Ржевский у. — I, 406, 512; II, 174, 359
- Рига, гор. — I, 390, 393, 397, 421
- Римская империя, Римское государство — I, 150
- Робичинская вол. в Новгородской земле — I, 110, 190—191, 472
- Рогатинский повет в Галицкой земле — I, 260
- Рожаницы, с. в Берестейской земле — I, 337
- Рожичский пог. Пецкой губы в Псковской земле — I, 463
- Рожичский о. на Псковском оз. — I, 190, 396
- Рожнова, д. в Мурманском у. — I, 477
- Рожок, в Ржевской земле — I, 512

- Романов, гор.— II, 348
 Романовский у.— II, 60
 Россия — I, 3, 5—7, 10—13, 19, 25, 32, 42, 45—47, 59—63, 66, 80, 85—86, 123, 143—145, 162, 166—168, 184, 187, 191, 194, 248, 254—256, 270, 295, 300, 364, 366—367, 383, 393, 396, 419, 446, 502, 514, 532; II, 6—10, 18—19, 22—24, 26, 30, 36, 44, 54, 57, 71—73, 75, 77, 84, 89, 102—103, 116, 129, 139, 161, 164, 169, 186, 196, 210, 214, 216—219, 224, 233—234, 236—237, 239, 242, 244, 247, 254, 256—260, 262—264, 269—270, 274, 297—298, 305—307, 311, 318, 321, 333—334, 340, 342, 352, 354, 358, 379, 381, 390. См. также Русская земля, Русское централизованное государство
 Ростов Великий, гор.— I, 89, 229, 232, 495—498, 501; II, 84
 Ростово-Суздальская земля — I, 36, 99, 105—106, 191, 194, 205, 211, 231—232, 234, 274, 494—495, 497—504, 507, 518
 Ростовская земля, Ростовская обл., Ростовский край — см. Ростово-Суздальская земля
 Ростовский у.— II, 15
 Рось, р.— I, 32, 138, 147, 153, 309
 Рудницкая губа в Псковской земле — I, 445
 Рудницкий пог. в Псковской земле — I, 445
 Руза, гор.— II, 40, 56
 Русская земля, Русь — I, 2, 4—8, 10—14, 19, 21—23, 25—26, 28, 40, 42—44, 47, 54, 56, 58—60, 64, 66—67, 69—70, 72, 85, 88—89, 94—95, 99, 101, 106—107, 110—111, 118, 123, 132—134, 138, 140, 142, 144, 146—147, 149—150, 152, 154, 156, 158, 161, 166, 168, 172, 181, 184—185, 187, 189, 191—192, 197—198, 202—203, 209—210, 213—214, 216, 224—226, 228—231, 234—235, 238, 245—249, 251—252, 255—257, 259, 261—263, 265, 270—272, 274—275, 277—278, 280, 282—283, 292—296, 305—307, 310, 321, 332, 337, 342—343, 350, 352—353, 362, 367, 378—382, 384, 386—387, 408—409, 417, 420—422, 439, 446, 451—453, 459, 481—482, 492, 494, 496—499, 501—502, 506—507, 513—514; II, 2, 5, 8, 11—12, 20, 25, 29—30, 35, 44—45, 50, 53, 57, 59, 61—65, 69—74, 76, 80—81, 84, 88, 93, 101, 110, 115—116, 130, 146, 163, 165, 167, 186, 202, 215, 217, 231, 233—235, 240—241, 244—246, 249—250, 254—255, 258—260, 262—264, 270, 273, 287, 289—291, 301, 314, 321, 329, 335, 343—344, 347—348, 354, 358—359, 372, 381. См. также Россия, Русское централизованное государство, северо-восточная Русь, северо-западная Русь
 Русское централизованное государство — I, 5, 7, 11, 21, 38, 44, 110, 148, 171, 192, 205, 244, 248, 276, 344, 367, 379, 382—383, 403, 416, 434, 460, 467—468, 480—481, 493, 515—516; II, 7, 9—11, 13—14, 20—25, 33, 41—42, 46—47, 78—79, 94, 96, 98, 132, 134—135, 149—150, 159, 170—171, 175, 183, 188, 207—210, 218, 233—234, 236—238, 240, 243—244, 247, 249, 252, 254, 265—267, 270, 272—273, 276, 290, 308—310, 313, 319, 328, 334, 340, 382. См. также Россия, Русская земля, северо-восточная Русь, северо-западная Русь
 Русь — см. Русская земля
 Рязанская земля — II, 306
 Рязань, гор.— I, 498; II, 12, 24, 69
 Сабельский пог. Водской пятины в Новгородской земле — I, 491
 Сабурово, с. Коломенского у.— II, 241
 Савво-Сторожевский мон. — см. мон. Савво-Сторожевский
 Садовое, с. в Волынской земле — I, 269, 304
 Саков, гор. в Переяславской земле (ныне с. Сальков) — I, 260
 Саковая, р.— II, 50
 Сальков — см. Саков
 Самбор, гор.— I, 288
 Самборская земля, Самборское староство — I, 293

- Сан, р.— I, 358
 Сангария, р. в Малой Азии — I, 37
 Сандомир, гор.— I, 372
 Сандомирская земля — I, 342, 376
 Саноки, гор.; Саноцкий замок — I, 290, 310, 354—356
 Саноцкая земля — I, 290, 354, 361
 Саноцек, селение в Саноцкой земле — I, 355
 Сапогов, с. в Киевской земле — I, 309
 Сара, р.— I, 495
 Сарское городище, на р. Саре под Ростовом Великим — I, 495
 Сафроновка, д. Егорьевского пог. Новгородской земли — II, 130
 Свирь, р.— II, 252
 Сворцово — см. Неверцова
 Свудица, с. в Новгородской земле — I, 57
 Себеж, гор.— I, 442
 Себежская вол. в Псковской земле — I, 192
 Северный Кавказ — II, 245
 Северо-восточная Русь — I, 205, 228, 244, 378, 414, 483, 493, 497—499, 501—506, 508—509, 513, 516—517, 519—520, 523, 526; II, 5, 9, 15, 61, 84, 95, 166, 279, 322, 367
 Северо-западная Русь — I, 194, 421, 423, 505
 Северская земля — I, 105
 Селижаров мон.— см. мон. Селижаров
 Селитицы, в Каменской губе Псковской земли — I, 467
 Семеновский пог. Деревской пятины в Новгородской земле — I, 414
 Семеновское, с. в Белозерской земле — II, 160
 Семеновское, с. в Романовском у.— II, 60
 Серадзская земля в Польше — I, 378
 Сердобольская вол. Ильинского пог. Новгородской земли — II, 130
 Средний город, в Пецкой губе Псковской земли — I, 463
 Сермакская вол. в Новгородской земле — II, 209
 Сертякино, поместье в Виделенской губе Псковской земли — I, 466
 Сесюнина гора, во владениях Строгановых — II, 129
 Сибирь — II, 20, 234, 254
 Сидоровское, с. кн. И. Ю. Патрикеева — II, 99
 Силезия — I, 193, 275, 321
 Симонов мон.— см. мон. Симонов
 Скифия — I, 24
 Скочишев, с. в Киевской земле — I, 310
 Скуйский пог. в Новгородской земле — II, 200
 Славия (государственное образование восточных славян, предшествовавшее Древнерусскому государству) — I, 87, 384
 Слободка Тумолчина, с. в Переяславском у.— II, 162
 Слюдца, пст. в Пецкой губе Псковской земли — I, 460
 Смерд, Смерды, с. в Новгородской земле — I, 202, 268
 Смоленск, гор.— I, 29, 69, 125, 229, 385, 397, 480, 498; II, 12, 20, 245, 353
 Смоленская губ.— I, 32—33, 52
 Смоленская земля, Смоленское княжество, Смоленский у., Смоленщина — I, 32, 105, 397; II, 384
 Смолино, сц. в Черниговском повете — I, 427
 Снеготорский мон.— см. мон. Снеготорский
 Сновидский мон.— см. мон. Сновидский
 Соколчо, с. в Киевской земле — I, 310
 Сокольники, с. в Львовской земле — I, 289
 Соловецкий мон.— см. мон. Соловецкий
 Солонка, с. в Львовской земле — I, 289, 318, 360
 Солотчинский мон.— см. мон. Солотчинский
 Сольвычгодск, Соль Вычегодская, гор.— II, 21, 61, 92, 290
 Сомино, с. в Вольнской земле — I, 269, 304
 Сонохта, р.— I, 29, 494
 Сосновое поле, д. Ясенского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 415
 Спасо-Евфимьев мон.— см. мон. Спасо-Евфимьев
 Спасо-Прилуцкий мон.— см. мон. Спасо-Прилуцкий

- Спасо-Хутынский мон.— см. мон.
 Спасо-Хутынский
 Спасский мон.— см. мон. Спасский
 Спасский пог. Водской пятины в Новгородской земле — I, 476
 Спасское, с. в Волоколамском у.— II, 292
 Спасское, с. в Московском княжестве — II, 107
 Среднее Поднепровье — см. Поднепровье
 Средняя Азия — I, 39—40
 Средняя Верховина, д. Михайловского пог. в Новгородской земле — II, 252
 Сретикины, поместье в Каменской губе Псковской земли — I, 467
 Ставчаны, с. львовского архиеп.— I, 345—346
 Старая Ладога, гор.— I, 27, 34—35, 51, 411; II, 12
 Старая Мельница, д. в Новгородской земле — II, 48—51, 197
 Старая Руса, гор.— II, 190
 Старицкий у.— II, 241, 253, 384
 Стародуб на Клязьме, гор.— I, 497—498
 Стародубская земля, Стародубский повет — I, 428
 Старый Двор, патриаршее с.— II, 308
 Степанчиково, с. Ижевского ст. Дмитровского у.— II, 194—195
 Стержкова, пожня в Новгородской земле — II, 197
 Стефановское, с.— II, 155
 Столбово, д. близ Тихвина — II, 199
 Сторожевский мон.— см. мон. Савво-Сторожевский
 Стрелковицы, с. под Самбором — I, 288
 Стуга, урочище на Украине — I, 32
 Суздаль, гор.— I, 191, 195, 229—230, 232, 403, 496—499, 501, 508, 518; II, 84
 Суздальская земля, Суздальский край, Суздальщина — см. Ростово-Суздальская земля
 Супруновщина, с. в Киевской земле — I, 309
 Сухона, р.— II, 139
 Сущево, д. в Белозерской земле — II, 133
 Сытва, гор.— II, 129
 Сытва, р.— II, 129
 Сыроменец, оз.— I, 512
 Сысоева, д. в Воскресенском Важенском пог. Новгородской земли — II, 251
 Сясь, р.— II, 192
 Талавск, исад на Псковском оз.— I, 443
 Талавск, о. на Псковском оз.— I, 443
 Талица, д. в Белозерской земле — I, 512; II, 133
 Танаис — см. Дон
 Тарту — см. Юрьев Ливонский
 Тверская земля, Тверское княжество, Тверской у.— I, 401, 403, 408, 456; II, 17, 22, 35, 384
 Тверь (ныне Калинин), гор.— I, 193, 403, 408, 456, 477, 497; II, 6, 15, 69, 88, 287
 Телегов мон.— см. мон. Телегов
 Тененичи, софийская вотчина в Новгородской земле — II, 51
 Терехуни, д. Косицкого пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 473
 Терпилов пог. в Новгородской земле — I, 195, 399—400, 472
 Терпсеев, с. на р. Рось — I, 309
 Терпужский пог. Ляховичи в Новгородской земле — I, 264, 269, 510
 Тесово, д. в Новгородской земле — II, 293
 Тесовский Климецкий пог. в Новгородской земле — II, 52
 Тиминская, д. в Белозерской земле — II, 198
 Тирас — см. Днестр
 Тихвин, гор.— II, 14
 Тихвинский Большой мон.— см. мон. Успенский тихвинский
 Тихвинский у.— II, 247
 Токарево, д. в Новгородской земле — II, 192
 Токата, гор.— II, 6
 Топольница, с. под Самбором — I, 288
 Торейда, обл. в Ливонии на р. Аа — I, 387, 389
 Торжок, гор.— I, 398, 408; II, 15, 69, 202
 Торки, селение в Перемышльской земле — I, 358—359
 Торопец, гор.— II, 202
 Торуса, гор.— II, 106

- Тотемский у.— II, 287
 Тотьма, гор.— II, 287, 376
 Трибесовщина, имение в Киевской земле — I, 319
 Троице-Сергиев мон.— см. мон. Троице-Сергиев
 Троицк, гор.— I, 50
 Троицкий мон.— см. мон. Троице-Сергиев
 Троицкий ст. Дмитровского у.— II, 195
 Трубеж, р. в Киевской земле — I, 498
 Трубеж, р. в сев.-вост. Руси — I, 498
 Тудоров пог. в Новгородской земле — I, 100
 Тула, гор.— II, 342, 352, 365, 371—372
 Тума, приселок} Троице-Сергиева мон.— II, 319
 Тургайская обл. (по дореволюционному административному делению) — I, 49—50
 Туров, гор.— I, 235, 497
 Турово, с. Иосифова-Волоколамского мон.— II, 176
 Турский пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 415
 Туруптаево, с. в Вологодском у.— II, 191
 Турция — II, 6, 370
 Тушино, под Москвой — II, 343, 348, 353
 Тырава Сольная, селение в Саноцкой земле — I, 355, 357

 Уветичи, гор.— I, 135
 Угла, р.— II, 111
 Углицкий у., Углицкое княжество — II, 163, 183, 280, 284
 Углич, гор.— I, 498; II, 18
 Углы, вол.— II, 17
 Угол, д. в Каменской губе Псковской земли — I, 467
 Угореск, гор. в Галицко-Волынской Руси — I, 249
 Уда, р.— I, 31
 Удомля, слобода и рядок в Бежецкой пятине Новгородской земли — I, 520; II, 12, 14
 Ужинский пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 473
 Украина — I, 11, 32, 42, 167—168, 177, 187, 244—245, 303—307, 332, 361, 433, 464

 Улич, селение в Саноцкой земле — I, 354—355
 Унганвия, обл. в Эстонии — I, 390—391
 Унжа, гор.— I, 497
 Урал — I, 3, 496
 Уральские горы — II, 234
 Урагу, государство в Закавказье — I, 150
 Уржунова, д.— II, 198
 Усолка, р.— II, 129
 Успенский мон.— см. мон. Успенский
 Устьянские вол. на Севере — II, 300
 Устюг Великий, гор.— I, 497, II, 17, 19, 24, 61, 141
 Ухтома, р.— II, 60
 Ушина, гор. в Галицкой земле — I, 295, 304
 Ушково поле (Ушкова ораница) в Новгородской земле — I, 53, 268

 Федосьин городок — II, 111
 Ферапонтов мон.— см. мон. Ферапонтов
 Филянова, д. Высокогорского пог. в Шелонской пятине Новгородской земли — I, 478
 Филипповщина, с. в Киевской земле — I, 309
 Финский залив — II, 245
 Фландрия — I, 364
 Франция — I, 5, 316, 367, 429, 488; II, 5—6, 216
 Фроловский пог. Шелонской пятины в Новгородской земле — I, 414, 473

 Харьков, гор.— I, 30—31
 Хвальское море — см. Каспийское море
 Ходорково, с. в Киевской земле — I, 310
 Холино, сц. Троице-Сергиева мон.— II, 162
 Холм, гор.— I, 248—250, 275, 331
 Холмская земля, Холмский повет, Холмщина — I, 193, 275—276, 375, 377—378, 412
 Холохольна, пог. в Рязанской земле — I, 511
 Холынский пог. Деревской пятины в Новгородской земле — I, 414
 Хорватия — I, 371

- Храбро, Храбрио, с. в Галицко-Волынской Руси — I, 328—329
- Хутынский мон.— см. мон. Спасо-Хутынский
- Царьград — см. Константинополь
- Центральное междуречье — см. Волжско-Окский бассейн
- Церквица, с. в Великой Польше — I, 377
- Цыдилино, д. в Виделенской губе Псковской земли — I, 466
- Чадовища, д. в Городенском пог. Новгородской земли — I, 490
- Чаплино, с. в Тверской земле — I, 512
- Челмужский пог. в Двинской земле — I, 190
- Червенские города (Червень, Белз, Перемышль и др.) — I, 138, 153
- Червень, гор.— I, 295, 301. См. также Червенские города
- Червоная Русь — см. Галицко-Волынская земля
- Череповецкая земля — II, 111
- Черкизово, с. Троице-Сергиева мон.— II, 162
- Чернигов, гор.— I, 69, 89—90, 105, 191, 239, 410, 498; II, 12
- Черниговская земля, Черниговский повет — I, 427, 464
- Черницкая вол. Андреевского Грузинского пог. в Новгородской земле — II, 203, 253
- Черное море — I, 18, 32, 245
- Чехия — I, 258
- Чечерино, д. в Водской пятине Новгородской земли — I, 490
- Чуднов, гор.— I, 305, 309
- Чудов мон.— см. мон. Чудов
- Чудская земля, Чудь, Чюдь — I, 231—232, 386—387. См. также Эстония
- Чудское оз.— I, 384, 439, 443
- Чусовая, гор.— II, 129
- Чусовая, р.— II, 129
- Чухлома, гор.— I, 497; II, 354
- Чютцкое, д. в Педкой губе Псковской земли — I, 460
- Шаменичи, с. Воскресенского Важенского пог. в Новгородской земле — II, 251
- Шаргородское городище — см. Шарковское городище
- Шарковское (Шаргородское) го-
родище, в Среднем Поднепровье — I, 29
- Швеция — II, 5—6, 8, 199, 346, 348
- Шексна, р.— I, 30, 233; II, 52
- Шелонская пятина Новгородской земли — I, 413—414, 473—474, 476—477, 491, 519; II, 48, 174, 186, 193, 243, 273, 278
- Шенкурск, гор.— II, 183
- Шептицкое, имение в Галицкой земле — I, 278
- Шерепово, с. в Московском княжестве — II, 107
- Шешня, гор.— I, 497
- Шилово, с.— II, 248
- Шириницы, в Имоченском пог. Новгородской земли — II, 338
- Ширшемская кошка в Корельском у.— II, 173
- Штеттин — см. Щецин
- Шустовая, д. в Устюжском у.— II, 142
- Шухобалово, с. в Суздальском у.— II, 18
- Щебрешинский повет — I, 375
- Щецин, гор.— I, 392
- Эльба — см. Лаба
- Эстония — I, 390, 393. См. также Ливония, Прибалтика и Чудская земля
- Юг, р.— II, 139
- Юго-западная Русь — см. Галицко-Волынская земля
- Югра, северная часть Европейской России и Западной Сибири вдоль побережья Северного Ледовитого океана — I, 191, 196
- Южное Поднепровье — см. Поднепровье
- Южный Буг, р.— I, 24—25
- Юрьев мон.— см. мон. Юрьев
- Юрьев Ливонский (ныне Тарту), гор.— I, 385—386, 390—391
- Юрьев Польский, гор.— I, 498; II, 84
- Юрьевская граница (Юрьевский межчик) в Новгородской земле — I, 53
- Юрьевская рель в Новгородской земле — I, 53
- Юрьевский у.— I, 531; II, 299
- Юрьевское, великокняжеское с.— II, 34

Яйва, р.— II, 129
Якимовская, д. в Водской пятине
Новгородской земли — I, 490
Ярославль, гор. в Галицко-Волын-
ской Руси — I, 249, 333
Ярославль на Волге, гор.— I, 36,
193, 504; II, 22—23
Ярославское княжество — II, 278

Ясенский пог. Шелонской пятины
в Новгородской земле — I, 415
Ясенское, с. в Смоленском княже-
стве — I, 125, 218
Яснище, с. в Львовской земле —
I, 358
Яхны, д. в Еглинском пог. Новго-
родской земли — I, 489

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ¹

- Аллод (наследственное владение, находящееся в полной собственности феодала) — I, 275, 283
- Аренда, арендатор, арендная плата — I, 45, 328, 436, 438—439, 446—447, 449, 451, 453, 456—457, 502, 513; II, 16, 73, 76—81, 101—102, 110, 113, 136—137, 139, 145, 149, 164—166, 168, 170, 173, 179—181, 188, 190, 282, 383—385
- Атаман — см. тиун (представитель общины)
- Барал (штраф, а также побор в пользу феодала) — I, 347, 423
- Бараш (княжеский слуга) — I, 479, 481, 522
- Барская запашка, барское хозяйство — I, 47, 108, 113, 125—126, 139, 176—177, 179, 240, 243, 245, 307, 312, 328, 348, 367, 370—371, 380, 392, 421, 430, 433, 458, 486, 489, 491—492, 514, 525, 529—530; II, 3, 43, 47—48, 53, 106, 108—109, 119, 125, 147, 149, 161—163, 196—197, 201, 204, 218, 242, 316
- Барщина — I, 6—7, 13, 136, 161, 175, 188, 211, 213, 245, 302—303, 307—308, 310—312, 315—316, 320, 323, 328, 334, 353, 357, 366—372, 377, 380, 392—394, 404, 419, 430, 434, 471, 488, 492, 529, 532; II, 3, 43—45, 47, 52, 79, 86, 100—103, 107, 110, 144—145, 149, 171, 178, 195, 199—201, 204, 217—218, 230—232, 246, 267, 276, 317, 336, 357, 383.
- См. также рента отработочная
- Беглые грамоты — см. грамоты беглые
- Беглый, побег крестьян и холопов — I, 8, 134, 158, 174, 191, 201, 207—209, 239, 290—291, 327, 338—339, 341—346, 349, 370, 378—380, 400, 404, 410, 412—415, 417, 424, 434, 447, 455—457, 464—465, 468, 480; II, 75—76, 85, 229—230, 233, 236—237, 256—258, 260—263, 266, 298, 301, 306—308, 311, 318—323, 328—330, 334, 338, 342, 346—351, 353, 356, 360—364, 366—376, 378—380, 384, 386, 388—390
- Безатщина (оставшееся после покойника имущество при отсутствии прямых, особенно мужских, наследников) — I, 203—204, 220
- Белка (подать) — I, 305, 528
- Белозерская таможенная грамота 1497 г. — II, 17, 22
- Белщик, бельщик (сборщик белки) — I, 528
- Бенефиций (земля, пожалованная в условное владение) — I, 274—275, 283, 354, 391; II, 94

¹ В указатель не включены такие слова, как «крестьяне», «феодалные отношения» и т. п., встречающиеся на протяжении всей книги.

Бобыль (феодално-зависимый человек, освобожденный до указов 1620—1632 гг. о живущей четверти от государства тягла) — I, 163, 466—467, 473; II, 13, 51—52, 124, 138, 148—149, 156—157, 175, 181, 185—209, 315—316, 329, 358, 365, 373, 375—376, 379—380, 385—386, 388—389

Большая семья — см. община семейная

Большие люди (полноценные крестьяне Константино-Еленинского мон., имеющие лошадей) — I, 529

Бояре земские — см. старцы

Боярин, боярство — I, 4, 10, 19, 80, 89—97, 101—103, 105, 108—112, 115—116, 118, 124—126, 128, 132, 142, 149—151, 154, 157, 161—162, 182, 188, 195—196, 200—205, 211, 220, 222, 229, 238, 240, 247—251, 255, 257—262, 274—275, 278—281, 285, 294—299, 301, 331—332, 350, 354, 367, 386, 397—399, 402, 404—412, 417, 419, 422, 424, 427, 443, 454, 459, 468, 470—471, 475—476, 478—486, 497, 504, 507, 509, 511, 515—520, 522—523, 525, 529; II, 15—16, 26—27, 32, 36, 39, 51, 53—54, 57, 59, 61, 64—65, 67—70, 72, 74, 81, 85—88, 90, 92, 94—96, 97, 99, 113—114, 123, 133, 164—169, 194, 200, 204, 212, 215, 218—219, 221, 237, 248, 250, 255, 260, 278, 287, 302, 316—317, 322—323, 330, 332, 334—335, 338—340, 343, 345, 352, 354—356, 360—361, 363, 367, 370, 373, 378

Боярщина — см. вотчина

Брак групповой — I, 65, 69. См. также брак парный, моногамная семья, полигамная семья

Брак парный — I, 65. См. также брак групповой, моногамная семья, полигамная семья

Бродяжничество крестьян — см. теория бродяжничества крестьян

Вассал (свободный человек, обычно феодал, являющийся подданным более крупного феодала), вассалитет — I, 274, 391, 478, 489; II, 19, 352

Ватаман — см. тиун (представитель общины)

Вдач (зависимый человек, разновидность рядовича; термин — условный) — I, 73, 126, 149, 153, 157, 164, 180—181, 223

Великие панове — см. шляхта

Великое переселение народов — I, 29

Вено вотское (подать в Новгородской земле) — I, 263

Верьв (сельская, соседская община) — I, 61, 69—78, 114—115, 283, 285, 485. См. также град, губа, мир, община, община сельская, община семейная, погост, потуг, сотня

«Весна», «заложить весну» (имеется в виду предусмотренный Псковской Судной Грамотой случай, когда рыболов-издольщик пропустит весенний улов) — I, 452, 454—455

Вече — I, 20, 92, 102, 229, 239, 268, 383, 408, 411, 415, 470—472, 492

Взгон (крестьянская повинность, отбываемая скопом, «взгоном», на господском поле) — I, 529

Виллан (лично свободный, но обязанный некоторыми повинностями в пользу феодала средневековый крестьянин Западной Европы) — I, 429

Вира (в смысле общины) — см. община

Вира, вирное (штраф за убийство свободного человека) — I, 71—72, 75, 99—100, 106, 113—114, 125, 159, 172, 185, 207, 214, 221, 225, 263, 500.

Вира дикая — см. дикая вира

Вирник (сборщик податей и штрафов) — I, 35, 99

Вирное — см. вира

Вислицкий Статут (Судебник Казимира Великого, переведенный между 1423 и 1433 гг. на русско-украинский язык и приспособленный к условиям жизни Галицкой Руси) — I, 20, 194, 245—246, 253—254, 276, 279, 281, 286—287, 294, 297, 310—317, 320, 329, 335, 337—338, 340, 342, 344—345, 349—351, 376—377; II, 379

Внешний рынок — см. рынок внешний

- Внутренний рынок — см. рынок
внутренний
- Воевода — I, 202, 368, 378, 432,
477; II, 40, 58, 215, 355—356,
369—370, 380
- Войны феодальные — I, 5, 135,
230; II, 65, 85
- Войт (организатор поселений на
немецком праве), войтовство —
I, 317, 325, 328, 333—334, 519.
См. также солтыс
- Воловик (детеныш, работающий
на волах) — II, 158, 160
- Волость (княжеский, владичный
или монастырский приказчик,
управляющий волостью) — I,
220, 475, 483, 511, 517; II, 40,
89, 282
- Волостные земли — см. земли чер-
ные
- Волостные люди — см. тяглец
- Волочная реформа, волочная си-
стема (реформа вел. кн. литов-
ского Сигизмунда-Августа 1557 г.,
согласно которой все велико-
княжеские земли были разбиты
на волоки площадью около 20 га,
с которых начислялись по-
винности крестьян — оброки и
барщина на одновременно устро-
енных повсеместно фольварках) —
I, 353, 363, 419
- Волхв (языческий жрец) — I, 36,
229—234, 504
- Вольвоотпущенник — I, 145, 219—
220, 227, 464; II, 98, 123, 272
- Вольные слуги — см. слуги воль-
ные
- «Вопрошание Кириково» (церков-
ный памятник XII в.) — I, 39,
170, 200
- Воскресенская летопись — см. ле-
топись Воскресенская
- Восьмичное (торговая пошлина) —
II, 17
- Вотчина, вотчина-сеньерия, вот-
чинник, сеньер — I, 4—6, 37,
52, 73, 79, 82, 99—100, 109—
118, 120—121, 124—126, 138—
139, 159—161, 163, 195—196,
199—200, 202—204, 211, 213,
220—223, 226, 239—241, 243,
246—247, 260, 262, 269, 272,
274—275, 277, 285—286, 306,
312, 315, 362—363, 367—368,
398, 402, 406—407, 428, 443,
445—448, 451, 472, 477, 481—
482, 486, 502, 504, 511, 513—
515, 517, 519—521, 525—528,
530, 532; II, 11, 16, 19, 27, 35,
41, 45, 47, 50, 53, 58—59, 61,
65, 68—69, 71, 74—77, 79, 82,
84, 86—88, 92—96, 99, 103, 135,
138, 143, 149—150, 158, 160—
161, 164, 166—169, 175, 180,
182—183, 187, 200—201, 203,
207, 209, 215, 242, 248, 250, 253,
256—258, 261, 272, 275, 278,
284, 286—288, 291, 295—299,
301, 304, 307—308, 315—316,
329, 332, 349, 352, 355,
359—364, 366, 368—369, 372—
373, 375, 378, 380, 383, 386—
389. См. также лен и фео-
д
- Вотчич (зависимый крестьянин) —
I, 17
- Вывод, вывоз крестьян — I, 8, 343,
373; II, 178, 193, 195, 270—271,
273—274, 277, 285, 296, 305, 337—
339, 349, 355, 370—372, 377
- Вывоз крестьян — см. вывод кре-
стьян
- Выряд (аннулирование ряда, вы-
ход из зависимого состояния,
созданного рядом) — I, 164
- Вить (единица обложения) — I,
512; II, 44—47, 52, 87, 107, 126,
176, 180, 183, 295, 298—299, 336
- Выход (право выхода крестьян от
землевладельца) — I, 8, 45, 318,
329, 335—337, 342—349, 360,
372, 378, 403, 415, 417, 428—
429, 431—432, 522; II, 33, 45,
78, 85, 91—92, 94, 97, 154, 171,
175—178, 184, 206—207, 249,
256, 261, 263—264, 266, 269—
270, 274—275, 280, 285, 291—
301, 303—307, 309, 311, 336—
338, 340, 346, 349—350, 354—
355, 370—372, 381—382, 389. См.
также люди похожие, люди не-
похожие, отказ, отрок, переходы
крестьянские
- Выход татарский (дань Золотой
Орде) — I, 528
- Выходные лета (годы, когда кре-
стьяне имели право выхода) —
II, 271, 274, 279, 284, 298, 300—
301, 306, 309, 318, 331, 338, 357,
374, 382, 384
- Галицкая, Галицко-Волынская ле-
топись — см. летопись Галицко-
Волынская

- Ганза (объединение немецких городов в средние века) — I, 201
- Гмина — см. община
- Годы заповедные — см. заповедные годы
- Голтяи (безземельные крестьяне в Киевской земле, напоминающие московских бобылей) — I, 309, 318
- Голышня (детский приют в Кирилло-Белозерском мон., откуда черпалась рабочая сила) — II, 160
- Гонение следа (преследование преступника в пределах соседской общины) — I, 72, 284, 287—289
- Гость (купец) — I, 19, 66, 90, 464
- Град (городской округ, общинная организация) — I, 74, 80. См. также вервь, губа, мир, община, община сельская, община семейная, погост, потуг, сотня
- Грамоты:
  - беглые (документы о возвращении по суду беглого холопа его владельцу) — II, 28, 222
  - дерноватые — см. грамоты полные
  - докладные (фиксировавшие продажу в холопство с «доклада» властям) — II, 29, 32, 345
  - иммунитетные — II, 86, 250
  - нарядные — II, 28, 222
  - полетные (о сроках выплаты денег) — II, 109
  - полные (документы, оформляющие продажу в полное холопство) — I, 522; II, 28—29, 31—32, 122, 222, 324, 328
  - поступные (документы, по которым один землевладелец уступает другому свои права на крестьянина) — II, 329—330, 386—387
  - тарханские — см. грамоты иммунитетные
- Гридин, гридь (княжеский дружинник) — I, 91, 214, 354. См. также дружина
- Губа (общинная организация в Новгородской и Псковской землях) — I, 70, 485. См. также вервь, град, мир, община, община сельская, община семейная, погост, потуг, сотня
- Губная Каргопольская грамота 1539 г. — II, 290
- Губная реформа (проведенная при Иване Грозном реформа местного управления, ограничившая судебные функции «кормленщиков» в пользу дворянства) — II, 282
- Губная Сольвычегодская грамота 1539 г. — II, 290
- Данник, даньщик (крестьянин, выплачивающий подать, дань) — см. день и тяглец
- Дань (подать, а также разновидность ренты) — I, 26—27, 33, 37, 69, 74, 94, 97—100, 125, 171, 183—185, 191, 196, 206, 211, 225, 251, 263—264, 269, 302, 305, 307—309, 318—319, 331, 364, 385—386, 390, 405, 407, 410, 420, 425, 427—428, 432, 474, 486, 505, 511, 521—523, 528, 530; II, 73—74, 77, 82—83, 86—87, 90, 92, 138—139, 141, 172, 179—180, 183, 222, 249, 270, 317
- Даньщик, данник (сборщик дани) — I, 511, 528
- Дача (деньги, взятые зависимым человеком в момент заключения договора с господином) — I, 181. См. также купа, милость и покрута
- Дача (фактически полученное служилым человеком количество поместной земли) — II, 66, 96, 366, 375, 377, 389
- Дворецкий — I, 100, 297, 523—524. См. также доможирец, огнишанин
- Дворище (совокупность нескольких домов, податная единица обложения XV в. в Галицко-Волынской Руси) — I, 306
- Дворня — I, 489, 521
- Дворский (административное лицо княжеских сел, имевшее в своем ведении «слуг под дворским» и другие категории зависимого населения) — I, 482, 522—524; II, 92
- Дворянин, дворянство — I, 5—6, 9, 91, 156, 256, 266, 366—367, 375, 393—394, 398, 406—408, 412, 424, 481—482, 485, 516; II, 8, 58, 65, 210, 218, 239, 250, 256, 258, 322, 331—332, 334—335, 338—340, 345, 348,

- 354—355, 359—361, 364—367, 369—377, 380, 386, 389—390.
См. также дети боярские, помещики и служилые люди
- Двухпольная система земледелия, двухполка — I, 38, 51
- Дедич (славянский термин; первоначально обозначал зависимо-го человека, а потом — господина, землевладельца) — I, 21
- Декабристы — I, 9
- Дело — см. барщина
- Деловые люди — см. холоп
- Делюй (княжеский слуга) — I, 479, 481, 522
- Демократы революционные — см. революционные демократы
- Дерноватый — см. холоп полный
- Десятина (перковая подать) — I, 28, 33, 79, 100, 103, 105, 125, 394
- Десятский — I, 91, 369
- Детеныш монастырский (категория зависимо-го от монастыря сельского населения) — I, 477; II, 38, 83, 125—126, 147—163, 177, 181
- Дети боярские — I, 5—6, 10, 258, 366, 459, 477, 525; II, 21, 45, 50, 65—67, 69, 99, 106, 109, 113, 123, 151, 160, 184, 218, 248, 276, 286—289, 303—304, 322, 337, 339—340, 343, 345, 348, 353, 355, 360, 362—371, 373—377, 380, 382, 386—387, 389—390.
См. также дворянин, помещик, служилые люди
- Детский (младший дружинник) — I, 261, 284. См. также дружина, кмет, муж, отрок, рыцарь
- Дикая вира (сообщество людей, помогающих друг другу в платеже штрафов) — I, 71—72, 76—77
- Дмитрие в день (26 октября по ст. ст., срок крестьянского отказа) — II, 94, 155
- Доводчик (мелкий агент-исполнитель наместника или волостеля) — II, 94
- Дозорные книги (содержат исправления и дополнения к писцовым книгам) — II, 192, 201
- Докладные грамоты — см. грамоты докладные
- Долобский съезд (совещание князей у Долобского оз. в 1103 г.) — I, 37, 194, 202, 510
- Домен (вотчина, принадлежащая лично государю) — I, 159, 182, 184—186, 196, 199, 201, 206, 227, 261, 263—264, 268—269, 271, 278, 292, 298, 303, 312, 347, 350—351, 353—354, 360—364, 372, 424, 507; II, 87, 92—93
- Домовные люди — см. люди домовные
- Доможирец, доможириц (дворецкий) — I, 100, 297, 478. См. также дворецкий, огнищанин
- Домострой — I, 379; II, 27—28, 223—224
- Дружина, дружинник — I, 57, 77, 91—94, 97, 102, 105—107, 109, 136, 141, 149, 188, 194, 202—204, 211, 216, 225, 227, 233, 236, 257, 259, 261, 267—268, 274, 354, 391, 481, 507, 525; II, 72, 164—165. См. также детский, кмет, муж, отрок, рыцарь
- Дым (единица обложения) — I, 27, 69, 81, 211, 283, 303, 305—307, 309—310, 319, 422; II, 73, 270
- Дым (очаг, двор, индивидуальное хозяйство, особая хозяйственная единица) — I, 26—27, 33, 306, 422; II, 46
- Дякло (ежегодный сбор сельскохозяйственных продуктов в пользу феодала в вел. княжестве Литовском) — I, 308, 423. См. также рента денежная и рента натуральная
- Ездовой — см. подъездной
- Емца (подать) — I, 305
- Ереси, еретики — I, 439; II, 219, 221—223, 230
- Есачники (разряд зависимых людей на Киевщине) — I, 309
- Живущая четверть (исчисление податной единицы по количеству крестьянских и бояльских дворов) — II, 207—208, 265
- Жилая запись (договор о найме) — II, 161, 184—185
- Жильцы старые — см. старожилец
- Житьи люди (верхи торгово-промышленного городского населения и землевладельцы средней руки в Новгородской земле) — I, 400, 471, 475, 479
- Жупа — см. община

- Загородник (крестьянин, владеющий лишь домом и огородом, иногда еще мелким участком земли) — I, 372
- Задруга — см. община
- Задушные люди — см. люди задушные
- Заказчик монастырский (приказчик, управляющий селом) — I, 475, 479
- Закладень, закладник, закладчик (человек, поступивший в феодальную зависимость к определенному лицу), заклад, закладничество — I, 167, 189, 398—399, 404—409, 411, 417, 456, 474, 517—518, 528; II, 188, 198—199, 201, 384. См. также коммендация
- Заклячъ (объявление на торгу о пропавшей вещи, скота или челядина) — I, 446, 454—455
- Закон русский (древнейший свод русского права, предшествовавший Русской Правде) — I, 90, 156, 217
- Закон судный людем (популярный на Руси болгарский правовой сборник) — I, 121, 152, 154, 163
- Закрепощение крестьян — I, 3, 6, 11, 149, 210, 238, 272, 324, 342, 353, 368, 372, 374, 380, 418—419, 424, 430—432, 434, 446—447, 451, 501, 514; II, 170, 221, 234, 235—238, 256, 259—261, 263, 265—266, 268—272, 274, 280, 305, 314, 323, 326—327, 332, 334, 360, 376, 378, 381—382, 388—389. См. также крепостной, крепостнические отношения, крепостничество, крепостное право
- Закуп (феодално-зависимый человек, вступающий в зависимость через договор, сопровождаемый выдачей господином за купу денег, кун), закупничество — I, 17, 78, 119—120, 126, 128—131, 134, 147, 149, 157, 160, 164—166, 168, 177, 179—180, 182—184, 198, 206—209, 211, 216, 223, 227, 230—231, 237, 245, 303—304, 308, 327, 361, 408, 425, 428—430, 432, 436, 445, 458, 504; II, 33, 104, 117, 119, 164—165, 281. См. также закуп ролейный, люди заставные, человек в (у) пенязех
- Закуп ролейный (работающий на господской пашне), ролейное закупничество — I, 118, 166—167, 169, 175—176, 179, 198, 395; II, 80, 281
- Закупные люди — см. закуп
- Закупный наймит — см. закуп
- Залежная система земледелия, залежь — I, 44—49, 50—51
- Запашка барская — см. барская запашка
- Заповедные годы (годы, в течение которых по указу 1580 г. крестьяне были лишены права выхода) — I, 8; II, 45, 175—176, 184—185, 256, 268—275, 298—309, 313—314, 317, 320, 328, 338, 349—350, 353, 357, 360, 371—372, 374—375, 378, 382, 384, 389—390
- Заставные люди — см. люди заставные
- Заступные люди — см. закладень
- Захребетник (безземельный крестьянин, живущий в чужом дворе) — I, 473, 485; II, 35, 186, 192, 198, 285—286
- Земец, земянин (мелкий и средний землевладелец) — I, 131, 193, 195, 280, 288, 297—298, 319, 351, 354—355, 358, 363, 431, 471, 474, 490—491; II, 11, 75, 272
- Земледелие пашенное, сошное — I, 30—31, 33, 36, 38, 42—43, 51—53, 57, 59, 68, 86, 386, 388, 492
- Земледелие подсечное — I, 30—31, 33—34, 36, 40, 44, 47—49, 51—52, 55—58, 386, 494
- «Земледельческий закон» (византийский законодательный сборник VIII в., представляющий собой запись обычного права, регулирующего частнопроводные отношения внутри крестьянской общины) — I, 37
- Земли волостные — см. земли черные
- Земли данные (получаемые слугами от феодала в собственность) — I, 517
- Земли служные (получаемые слугами от феодала в условное держание) — I, 517; II, 358. См. также бенефиций, помещик, поместье

Земли черные, черносошные (общинные земли, не освоенные феодалами) — I, 517; II, 78, 168, 205—207, 267, 286, 301, 339, 358—359, 375

Земские бояре — см. старцы

Землянин — см. земец

Изгой (вольноотпущенник, бывший раб, посаженный на землю в виде крепостного) — I, 17, 73, 125—126, 144—145, 156, 212—224, 227, 464, 504; II, 159, 189

Изгойство (взимание денег за выкуп раба сверх его цены) — I, 219

Изделье — см. барщина

Издельник, издельщик (серебренник, обязавшийся за полученное «серебро» давать господину «изделье» — обрабатывать барское поле) — II, 78, 100—102, 105—106, 109, 131. См. также серебренник

Издолщик — см. половник

Изорник (лишенный земли крестьянин Псковской земли, вынужденный работать у хозяев), изорничество — I, 17, 121, 164, 172, 184, 208, 414, 434, 436—441, 444—445, 447—455, 457—458, 465, 468, 474, 485; II, 41, 80, 95, 125, 254, 276, 281

Имение — см. помещик

Иммунитет (сосредоточение в руках крупного землевладельца-феодала административных, судебных, фискальных, военных и других политических функций) — I, 527; II, 86, 249—250, 267, 301

Ипатьевская летопись — см. летопись Ипатьевская

Исполовник, «исполовник у государя», исполовничество — см. половник

Кабала, кабальная запись (долговое обязательство, а также запись о поступлении в феодальную зависимость) — I, 157, 165—166, 171, 181, 244, 379, 437—438, 458—459, 504; II, 28, 33, 42, 65, 98—99, 104, 108, 112—128, 130—132, 143, 173—174, 178, 181, 202, 222, 227, 254, 276, 279, 298, 306, 310—314, 324—

325, 327—328, 330, 340, 345—346, 349, 352—353, 376, 380, 383, 385. См. также люди кабальные

Кабальные люди — см. люди кабальные

Казак (свободный наемный человек), казачество — I, 378; II, 13, 37, 39, 121, 124, 127, 129, 150, 156, 174

Калевала (карельский эпос) — I, 55

Ключник (управляющий хозяйством), ключничество — I, 153—154, 157, 163, 165, 172, 383, 415, 476—477, 481, 521—523; II, 18, 26, 31—32, 49, 99, 142, 144—145, 264, 282, 317—318, 339

Кмет (славянский термин; первоначально обозначал свободного человека, потом — селянина, смерда или же представителя знати, господина, землевладельца) — I, 20—21

Кмет (господин, землевладелец) — I, 20, 91. См. также детские, дружина, муж, отрок, рыцарь

Кмет (селянин, смерд) — I, 17, 20, 122, 279, 281—282, 289—290, 297, 310—314, 318, 320, 324, 335—339, 341, 344, 354—356, 358, 360, 373—374, 376—377, 402, 430—431

Книга прав — см. Польская Правда

Книги дозорные — см. дозорные книги

Книги переписные — см. переписные книги

Книги приправочные — см. приправочные книги

Книги свозные — см. свозные книги

Княжата (потомки удельных князей) — II, 64

Княж муж — см. муж

Коланные — см. слуги королевские

Колон (определенная категория средневековых крепостных крестьян в Западной Европе) — I, 327, 429; II, 263

Коммендация (передача себя в подчинение феодального института или отдельного феодала более крупному феодальному институту или феодалу — патрону) — I, 477. См. также закладень

- Кормилец, кормилица (княжеские слуги) — I, 118, 159—160, 207, 353
- Кормленщик (наместник или волость, получавший содержание — «корм» — от населения), кормления — II, 213, 316, 323
- Кормчая книга (церковно-правовой сборник) — I, 121—122, 266
- Котечник — см. кочетник
- Кочетник, кочетник, четник (зависимый крестьянин Псковской земли, пользующийся рыболовными угодьями господина) — I, 434—436, 440, 444—445, 451—455, 457, 469; II, 80, 281
- Крепостной, крепостнические отношения, крепостничество, крепостное право — I, 6, 8—11, 45—47, 63, 116, 124—126, 138, 143, 145, 149, 152, 158, 160, 162—163, 169, 187—188, 197—198, 203, 206, 208, 210—211, 214, 217, 219—222, 224, 240, 256, 315, 318—319, 325, 327—328, 343, 346—349, 353—357, 359—361, 363—364, 366—369, 371, 374—375, 379—380, 391—393, 395, 403—404, 419—421, 424—425, 428—429, 431, 433, 436—437, 491—492, 521—522, 525, 532; II, 3, 26, 30, 33—36, 50, 72—75, 77, 79, 92, 102—103, 106, 109, 115—117, 134—135, 140, 149, 156—157, 164, 166, 171, 191, 196, 209, 218, 220, 231—233, 235—237, 240, 258—265, 267—268, 271—272, 273—274, 280—281, 285, 303, 307, 310—312, 318, 320—321, 324, 326—328, 331, 333, 335, 342, 346—349, 351, 353—354, 356—357, 361—362, 364, 366, 368, 373—374, 377—379, 381—382, 385—386, 388—390. См. также закрепощение крестьян
- Крестьяне искони вечные — см. старожилец
- Крестьяне пошлые — см. старожилец
- Крестьяне старинные — см. старожилец
- Крестьянская война в Германии — II, 217
- Крестьянская война начала XVII в. в России — I, 8; II, 160, 237, 241, 253, 271, 310, 322, 331, 333, 346—348, 351, 355—356, 358, 360, 364, 374—376, 379
- Крестьянская реформа 1861 г. — I, 9, 59, 392—394; II, 235, 257, 262
- Куликовская битва — II, 7
- Культура трипольская — см. трипольская культура
- Куничики — см. слуги королевские
- Купа (сумма денег, взятая закупом в момент заключения договора с господином) — I, 119, 168, 175, 178—179, 181. См. также дача, милость и покрута
- Куча — см. община
- Лаврентьевская летопись — см. летопись Лаврентьевская
- Ланник (представитель сельского населения, участвующий в суде войта) — I, 334
- Лен (наследственное феодальное владение), ленник — I, 94, 354, 394, 513. См. также вотчина и феод
- Летописи:
- Воскресенская — I, 102, 194, 510—511; II, 68
- Галицко-Волынская — I, 246, 249, 259, 278, 282, 294—295, 297, 352, 358. См. также летопись Ипатьевская
- Ипатьевская — I, 27, 35, 90, 92, 97, 99, 101, 104—107, 132—133, 135—136, 138, 153, 173, 200, 202, 206, 234—236, 238, 248—250, 258—260, 269, 279, 289, 291, 294, 296—300, 302, 305, 331—332, 351—352, 358, 508. См. также летопись Галицко-Волынская
- Лаврентьевская — I, 26—27, 37, 39, 55, 65, 74, 89—90, 97, 99, 104—106, 134—135, 138, 152—153, 206, 230, 260, 264, 268, 507—508
- Начальная — см. Повесть временных лет
- Начальный свод (90-х годов XI в.) — I, 224—225
- Никоновская — I, 102, 138, 153, 191, 193, 200, 410, 511; II, 119, 289—290
- Новгородская первая — I, 20, 77, 97—98, 104, 106—107, 121, 152, 154, 163, 191, 196, 201,

207, 214, 225, 234, 238, 397, 410—411, 508
 Новгородская вторая — I, 150, 480
 Новгородская третья — I, 150
 Новгородская четвертая — I, 99, 234, 499, 525
 Переяславль-Суздальская — I, 332
 Повесть временных лет — I, 26, 64—67, 79, 87—88, 98—99, 104, 152, 156, 229—233, 267—268, 294, 305, 384—386, 397, 496, 504, 508
 Псковские — I, 195, 218, 381, 396; II, 185, 192
 Симеоновская — I, 332
 Софийские — I, 271, 332, 521
 Типографская — I, 102
 Либертин — см. вольноотпущенник
 Ливонская война 1558—1583 гг. — I, 460; II, 8, 50, 235, 245, 249, 251
 Литовские статуты — I, 20, 167—168, 245, 253, 280, 282, 406, 419—422, 425, 430, 432—433; II, 263
 Ловчее (натуральная и денежная повинность) — I, 302
 Лук (единица обложения) — II, 20
 Любечский съезд (совещание князей в Любече в 1097 г.) — I, 235
 Люблинская уния 1569 г. — I, 252
 Люди вечные — см. люди непохожие
 Люди волостные — см. тяглец
 Люди в (у) пенязех (закупы в великом княжестве Литовском) — I, 167. См. также закуп и люди заставные
 Люди выгнанные — см. тяглец
 Люди грамотные — см. холоп
 Люди данные — см. тяглец
 Люди дворовые (люди под дворским) — I, 517; II, 71, 127—128, 130, 339
 Люди деловые — см. издельник
 Люди деловые — см. холоп
 Люди докладные (вступившие в феодальную зависимость с «доклада» властям) — II, 109, 111, 118
 Люди домовные (принадлежащие архиерейским домам) — I, 220
 Люди задворные (безземельные крестьяне, живущие в чужом дворе) — II, 204, 385

Люди задушные (холопы, отпущенные на волю по духовному завещанию и отданные в монастырь в качестве вклада за душу покойного) — I, 217—218, 221—222; II, 159
 Люди закупные! — см. закуп
 Люди заставные (закупы в великом княжестве Литовском) — I, 167. См. также закуп и человек в (у) пенязех
 Люди заступные — см. закладень
 Люди извечные — см. люди непохожие
 Люди кабальные — I, 171, 174—175, 430, 453, 458, 469, 478, 526; II, 75, 95, 101—104, 112—117, 119, 121—128, 130, 132, 145, 174, 188, 206, 218, 220, 227, 263, 267, 276, 278—279, 306, 310—312, 314, 316, 323—324, 326—327, 331—334, 343—344, 358, 361—362, 380
 Люди коланые — см. слуги королевские
 Люди неотхожие — см. люди непохожие
 Люди непоходячие — см. люди непохожие
 Люди непохожие, неотхожие, непоходячие; вечные, данные, извечные, отчинные, селянитые (крепостные крестьяне, потерявшие право выхода) — I, 14, 403, 413—414, 418, 420, 423—425, 427—429, 432—434, 468, 474; II, 171, 284. См. также старожилец
 Люди новопорядные — см. новопорядчик
 Люди новоприходные — см. новопорядчик
 Люди новые — см. новопорядчик
 Люди окупленные (крестьяне, за которых перебивающая сторона заплатила деньги) — II, 92
 Люди отхожие — см. люди похожие
 Люди отчинные — см. люди непохожие
 Люди перехожие — см. люди похожие
 Люди письменные — см. тяглец
 Люди под дворским — см. люди дворовые
 Люди походячие — см. люди похожие
 Люди похожие, отхожие, перехожие, прихожие, пришлые, схо-

- жие, ходячие, походячие, приходни — I, 420, 423, 425, 427—434, 469, 474; II, 85, 174, 281, 283. См. также выход, люди непохожие, отказ, отрок, переходы крестьянские
- Люди пошлые — см. старожилец
- Люди прихожие — см. люди похожие
- Люди пришлые — см. люди похожие
- Люди рядовые — см. рядович
- Люди селянитые — см. люди непохожие
- Люди служилые — см. служилые люди
- Люди сотные — см. слуги королевские
- Люди становые — см. старожилец
- Люди схожие — см. люди похожие
- Люди тяглые — см. тяглец
- Люди ходячие — см. люди похожие
- Люди черные — см. черные люди
- Люди юрьевские (заключившие договор на срок от Юрьева и до Юрьева дня) — I, 164, 439, 456, 485, 526; II, 75, 111—112, 218, 277
- Магдебургское право — см. право магдебургское
- Магнат, магнатство — I, 431
- Марка — см. община сельская
- Мертвая рука — см. право мертвой руки
- Метельник (судебный исполнитель) — I, 143
- Мечник (княжеский слуга, исполняющий судебные функции) — I, 114, 201, 214, 353
- Милостинник (зависимый княжеский человек, получивший от князя «милость» в виде коней, оружия, а вероятно, и землю) — I, 266
- Милость (полученные зависимым человеком хлеб или деньги, которые он должен отработать) — I, 181. См. также дача, купа и покрута
- Мир (общинная организация) — I, 70, 72—74, 76, 78—80, 114—115, 283, 285. См. также вервь, град, губа, община, община сельская, община семейная, погост, потуг, сотня
- Мирянин (крестьянин, смерд) — I, 17, 21, 195—196, 399, 464. См. также кмет-смерд, сирота и смерд
- Моногамная семья — I, 65. См. также брак групповой, брак парный, полигамная семья
- Мор, моровое поветрие (чума) — II, 59, 84, 88, 235, 238, 243
- Морданица — см. смерд
- Муж, княж муж, муж нарочитый (господин, землевладелец, представитель знати) — I, 19—20, 77—80, 88, 90—92, 226, 261, 264—265, 358, 385, 401, 408. См. также детские, дружина, кмет, отрок, рыцарь
- Мыт (проезжая пошлина) — I, 265, 269, 302; II, 18
- Мытчик (взимающий мыт) — II, 18
- Мюнстерская коммуна (правление анабаптистов в немецком городе Мюнстере в 1534—1535 гг.) — II, 214
- Найма закупный — см. закуп
- Наместник — I, 156, 172, 212, 252, 405, 474, 484; II, 18, 40, 45, 87, 324
- Народники — I, 17
- Нарочитые люди — см. бояре
- Нарядные грамоты — см. грамоты нарядные
- Начальная летопись — см. летописи
- Немецкое право — см. право немецкое
- Неподъезжачие годы (в которые епископ не объезжал своих владений для сбора налогов) — II, 48
- Нестязатели (сторонники секуляризации монастырских земель) — II, 68, 225, 229
- Николин день (6 декабря по ст. ст., срок крестьянского отказа) — II, 94
- Никоновская летопись — см. летопись Никоновская
- Новгородская первая, вторая, третья, четвертая летопись — см. летопись Новгородская первая, вторая, третья, четвертая
- Новгородская Судная Грамота (новгородский правовой сборник XV в.) — I, 245, 286, 470, 474, 479—480, 484, 492, 522; II, 379

- Новик — см. новопорядчик
- Новсходец — см. новопорядчик
- Новопорядные люди — см. новопорядчик
- Новопорядчик, новик, новоходец, новоприходец, люди новопорядные, новоприходные, новые (крестьянин, поражавшийся на работу к землевладельцу по порядной грамоте) — I, 309, 319, 427, 430, 469, 473, 526; II, 41, 78, 80, 82, 85, 90, 94—95, 97, 99, 126—127, 132, 146, 157, 163, 166, 170—174, 176—179, 181—182, 184—185, 233, 254, 279, 281—282, 284, 308—309, 357, 380, 383—385. См. также порядная
- Новоприходец — см. новопорядчик
- Новые люди — см. новопорядчик
- Обель, обельный холоп — см. холоп полный
- Обжа (единица обложения) — I, 473—474, 476—478, 487—491, 519; II, 20, 35, 41, 49, 51—52, 141, 177, 194, 196—197, 252—253, 270, 383
- Оброк (натуральные или денежные взносы крестьян в пользу землевладельца-феодала) — I, 6—7, 28, 45, 97—98, 100, 124—125, 169, 188, 206, 223, 246, 310—312, 315—316, 318, 320, 323—324, 328, 333—335, 344, 347, 366—367, 370—372, 392, 404, 419, 422—423, 425, 435, 442—443, 452, 455, 458, 471, 474, 483, 486—489, 491—492, 515, 517—518, 528—529, 531; II, 34, 41, 44—48, 53, 71, 90, 93, 113, 134—136, 141, 148, 151, 157, 170, 176—180, 187—189, 191—193, 195—197, 200—201, 203—204, 205, 207, 213, 217, 229—230, 232, 240—241, 257, 272, 294, 302, 315, 318, 336, 383. См. также барщина, дякло, рента земельная докпиталистическая, рента денежная, рента натуральная.
- Оброк (заработная плата работников монастыря) — II, 151, 154
- Оброчник (крестьянин, обязанный платить господину оброк) — I, 20, 308, 312, 316, 324, 425, 517; II, 34
- Община, общинник, общинное землевладение, общинные отношения — I, 3, 11, 22, 46—47, 58—75, 77—79, 81—82, 86, 89, 93—94, 110, 161, 184, 188—190, 192, 197, 203, 206, 213, 215, 217, 226—227, 229, 234, 240, 261, 263, 271—272, 280, 282—285, 287—294, 298, 306, 313, 325, 330—331, 334—337, 348—349, 355, 361, 386, 390, 394—395, 397, 399, 417, 422, 429, 454, 459, 462, 464, 469, 475, 485—486, 494, 505, 509, 526; II, 11, 95, 148, 165—168, 270. См. также вервь, град, губа, мир, община сельская, община семейная, погост, потуг, сотня
- Община сельская, соседская — I, 46, 59, 64, 67, 69—73, 81, 94, 114—115, 177, 180, 215, 217, 282—285, 287—288, 313, 328, 386, 434, 446, 469, 494. См. также вервь, град, губа, мир, община, община семейная, погост, потуг, сотня
- Община семейная, домашняя, патриархальная или большая семья (организация некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семейной общины) — I, 47, 62—64, 66—69, 71, 74—75, 78, 81, 137; II, 73, 80. См. также вервь, град, губа, мир, община, община сельская, погост, потуг, сотня
- Огневица — см. челядь
- Огнищанин (управляющий княжеским доменом) — I, 72, 75—76, 94, 99—100, 112—115, 201, 227, 353. См. также дворецкий, доможирец
- Огородник (обычно обезземеленный крестьянин Псковской земли, обработавший по договору огороды псковских горожан) — I, 434, 436, 440, 442, 444—445, 451—455, 457, 468—469, 485; II, 80, 281
- Одерень, одерноватый — см. холоп полный
- Оклад (определенный размер местной земли, предназначавшейся служилому человеку) — II, 66, 96—97, 355, 366
- Ополе — см. община

- Опричина Ивана Грозного — II, 2:8, 243, 245, 267, 284, 303—304
- Ордынцы — см. слуги королевские
- Освобождение крестьян — см. крестьянская реформа 1861 г.
- Осифляне (приверженцы Иосифа Волоцкого, сторонники неприкосновенности монастырских земель) — II, 68, 225, 228
- Отарица (участок земли, выделенный господином в пользование закупу) — I, 177—179; II, 165
- Отчество — см. вотчина
- Отказ крестьянский, право отказа — I, 342, 373, 376; II, 33, 36, 41, 75—76, 88, 93, 96—97, 101, 121, 175, 184—185, 226, 230, 256, 261, 266, 270, 272, 277—278, 280—286, 291, 293, 295—299, 301, 303, 305, 309, 337, 339. См. также выход, люди непохожие, люди похожие, отрок, переходы крестьянские
- Отказчик (агент по вербовке крестьян, желавших переменить хозяина) — II, 33, 97—98, 175, 178, 285—287
- Отрок (младший дружинник) — I, 105, 117, 261, 353—354, 361, 446. См. также детские, дружина, кмет, муж, рыцарь
- Отрбк (уход крестьянина от землевладельцев Псковской земли) — I, 444, 449, 451, 454, 457; II, 281. См. также выход, люди непохожие, люди похожие, отказ, переходы крестьянские
- Отчич (крестьянин, потерявший право перехода) — I, 423
- Парабок (холоп или зависимый человек в великом княжестве Литовском) — I, 484
- Пашенное земледелие — см. земледелие пашенное
- Перебылое — см. пожилое
- Перелог — см. залежная система земледелия
- Переписные книги (фиксировали поименно всех лиц, входивших в состав населения описываемой местности с указанием возраста) — II, 156, 172, 270, 321, 377, 379, 382, 388
- Переселение народов — см. великое переселение народов
- Переходы крестьянские — I, 9, 336, 338, 373, 402, 423—425, 430—432, 434; II, 71—72, 77—79, 95, 118, 171, 175, 184—185, 196, 230, 235, 257—259, 261, 267, 273, 279, 281, 283, 285, 291, 295—297, 299—300, 307—309, 318, 325, 337, 350, 365, 381—382. См. также выход, люди непохожие, люди похожие, отказ, отрок
- Переяславль-Суздальская летопись — см. летопись Переяславль-Суздальская
- Пешеходцы (бедные безлошадные крестьяне Константино-Еленинского мон.) — I, 529
- Писцовые книги (фиксировали данные описания земель) — I, 124, 263, 308—309, 396, 404, 413—415, 442, 460, 467, 469, 471—478, 482, 484, 486—487, 489—490, 492—493, 510, 519; II, 12—13, 35, 41, 49, 150, 158—159, 161—163, 172—173, 180, 190—194, 198—199, 201, 229, 234, 237—241, 243—247, 251—252, 258, 261—263, 270, 272, 284, 298, 304, 315—316, 322, 349—350, 362, 364, 367, 371, 374—375, 377—378, 387—389
- Писчая белка, писчее (подать) — I, 305, 530
- Племенной союз — см. союз племен
- Племенщина (родовая, наследственная вотчина; термин Полоцкого статута) — I, 75
- Плуг, плуговое (единица обложения) — I, 27—28, 39, 69, 81, 211, 283, 388, 506—507; II, 73, 137, 270
- Побеги крестьян и холопов — см. беглый
- Побор (натуральная и денежная повинность) — I, 305
- Повесть временных лет — см. летописи
- Повинности:
  - городная, городное, городовое дело; «города рубить» (повинность по постройке и ремонту укреплений) — I, 81, 303, 305, 530
  - дорожная — I, 81

- мостовая — I, 218
 повозная, повоз (доставка крестьянином продуктов сельского хозяйства на барский двор или по указанию феодала в другое место; обычно выполнялась после установления саиного пути) — I, 283, 285, 457, 491; II, 41, 276
 подводная — I, 81, 252, 423, 530—531; II, 83
 посошная (обязанность выставить для армии определенное количество людей от каждой сохи) — II, 180, 270
 ямская — I, 512, 528, 530—531; II, 213, 216
 Повост — см. погост
 Погост (общинная организация в Новгородской и Псковской землях) — I, 69—70, 97—98, 100—101, 103, 125—126, 189, 196, 202, 206, 271, 398—400, 414, 417, 463, 466, 472—473, 476, 485, 490—491, 504, 511; II, 243, 303. См. также вервь, град, губа, мир, община, община сельская, община семейная, потуг, сотня
 Подать — I, 189, 192, 228, 239, 293, 307, 348, 358, 386, 390, 415—416, 419, 450, 468, 475, 492, 511, 516, 522, 530; II, 13, 20, 40, 52—53, 61, 74, 86, 94, 136—138, 140—141, 143, 147, 161, 163, 177, 183, 185, 187—188, 196, 199, 204, 209, 213—214, 229—230, 235, 250, 260, 270, 299, 317, 323, 390
 Подать подушная — I, 143, 522
 Подводная повинность — см. повинность подводная
 Подворница (участок земли около дома; термин Полицкого статута) — I, 76
 Подключник — I, 162
 Подмога (деньги, продукты или орудия производства, взятые рядовичем при заключении ряда с господином) — I, 438, 445, 449—450, 458; II, 83, 142—145, 156, 165, 170, 177—178, 189, 383
 Подсека подсеяное земледелие — см. земледелие подсеяное
 Подсуседник (бсземельный крестьянин, живший в чужом дворе) — I, 485; II, 209
 Подушная подать — см. подать подушная
 Подъезд (объезд епископом со свитой своих владений для сбора доходов) — I, 113; II, 48
 Подъездной, подъездной княж (сборщик причитавшихся князю всевозможных поступлений) — I, 112—113, 115, 227, 353
 Подъездчик — см. подъездной
 Подъезжачие годы (в которые епископ объезжал свои владения для сбора доходов) — II, 48
 Подымное, подымщина — см. дым (единица обложения)
 Поединок судебный — см. поле
 Пожилое, пожиль (сумма, уплачивавшаяся крестьянином при уходе от землевладельца за пользование постройками) — I, 343; II, 78, 97, 175, 225, 228, 230, 281—284, 286, 291—295, 349—350
 Позем (оброк, уплачивавшийся поземщиком) — I, 406, 425, 443, 511; II, 188, 190—191
 Поземщик (временно зависимый от феодала-землевладельца человек) — I, 473; II, 190—191
 Поклоп — см. пожитое
 Покров (1 октября по ст.ст., срок крестьянского отказа) — II, 94, 151—152
 Покрута (деньги, продукты или орудия производства, взятые псковским рядовичем при заключении ряда с господином) — I, 164, 437—438, 445—447, 449—451, 454—455, 457—458; II, 170. См. также дача, купа и милость
 Поле (судебный поединок) — I, 284
 Полигамная семья — I, 65. См. также брак групповой, брак парный, моногамная семья
 Полицкий статут (правовой сборник в Полицкой республике) — I, 61, 69, 72, 74—76, 122, 288; II, 36—37
 Полные грамоты — см. грамоты полные
 Полный холоп, полное холопство — см. холоп полный
 Половник (работавший на господина из части урожая) — I, 17, 121, 164, 184—185, 401—402, 412—418, 427, 435, 439, 452—457, 468, 473—474, 483—485,

- 512, 526; II, 52, 75—76, 80, 95, 103, 109—113, 126, 132—147, 170, 181, 275, 277, 281
- Половщина (побор в пользу феодала в великом княжестве Литовском) — I, 423
- Поляничные деньги (сбор на выкуп пленных) — II, 229
- Польская Правда, Księga Praw (правовой сборник, записанный немцами для нужд немецкого управления в определенной части Польши) — I, 20, 72, 77, 204, 282—284, 286, 288, 311—314, 316, 320, 327
- Польское право — см. право польское
- Полюдь (спорадический сбор подати в Киевском государстве, впоследствии превратившийся в регулярную подать, а также разновидность ренты) — I, 56, 263, 305, 309, 422
- Померное (торговая пошлина) — II, 17
- Поместная система — см. помещик
- Поместье — см. помещик
- Помещик, поместье, поместная система — I, 6, 8—11, 163, 171, 187, 272, 325, 379, 394, 415, 443, 460, 466—467, 474, 480—483, 485, 489—492, 517; II, 12, 16, 41, 52, 59, 64—67, 69—70, 77, 81, 95—96, 100—101, 104, 123, 149—150, 157, 183—184, 192, 207—209, 218—219, 225, 230, 232—233, 235, 238—241, 243, 248, 250, 255—259, 270—273, 284—285, 288, 297, 303—305, 308—310, 313—317, 319, 321—322, 326, 328—332, 334—335, 338—339, 341—343, 348—349, 351, 353, 355—360, 364—367, 372—375, 379—380, 386—390. См. также дети боярские и служилые люди
- Поплужное — см. плуг
- Поральное, поралье — см. рало
- Порядная, порядная запись (письменное обязательство о вступлении во временную феодальную зависимость с перечислением условий работы на господина), порядок — I, 438; II, 98, 102, 127—128, 145, 161, 164—166, 169—174, 176—181, 184—185, 188, 191, 193, 195—196, 199—201, 204, 207, 261, 306, 308—309, 357, 374, 380—385
- Порядчик — см. порядная
- Посадник — I, 91, 106, 191, 195, 395, 410—411, 413, 443, 459, 462
- Посельский, поселник (управляющий селом, приказчик) — I, 472, 475, 479, 484, 523; II, 20, 192, 276, 295
- Послужилец (вольный слуга боярина) — I, 480—483, 493; II, 121, 123
- Посоха — см. повинность пососная
- Посошное — см. соха
- Поступные грамоты, поступные записи — см. грамоты поступные
- Потуг (общинная организация) — I, 194, 196, 399—400
- Поучение Владимира Мономаха — I, 105, 117, 134, 193, 195
- Правеж (принудительное взыскание долга, часто сопровождавшееся битьем батогами по ногам) — II, 227
- Право валашское (в Галицко-Волынской Руси) — I, 292—293, 306, 337
- Право выхода — см. выход
- Право магдебургское (самоуправление и особые привилегии немецких купцов и ремесленников в городах Восточной Германии, Польши, Литвы и др.) — I, 332—333, 403, 435
- Право мертвой руки (переход к господину имущества умерших зависимых людей при отсутствии прямых наследников) — I, 203, 282, 314—315, 318, 320, 369
- Право немецкое (в Галицко-Волынской Руси; термин условный) — I, 252, 263, 306, 311, 317—318, 321—327, 329—331, 333—345, 347—349, 352, 356, 419; II, 85
- Право отказа — см. отказ
- Право перехода — см. переходы крестьянские
- Право польское (в Галицко-Волынской Руси) — I, 251—252, 259, 285, 290, 294, 306, 318, 326, 331, 335—337, 339—344, 348—349, 353, 373—376
- Право римское — I, 437

- Право русское (в Галицко-Волынской Руси) — I, 72, 210, 252—254, 259, 285, 289—290, 292—293, 306, 318, 335—337, 341—345, 347, 349—350, 353, 356, 359, 361—363
- Право рыцарское (право вечно владеть полученной землей и передавать ее по наследству) — I, 258, 260, 392, 394
- Правосудие митрополитичье (правовой сборник XIII—XIV вв.) — I, 92, 128—131, 158, 171—172, 174, 500
- Право тевтонское — см. право немецкое
- Прага (арендная плата за землю) — II, 179—180
- Прекарный (участок земли, отданный земледельцем в собственность феодалу и полученный им обратно в наследственное или пожизненное пользование), прекарис, прекарное право, прекарные отношения — I, 168
- Престация (повинность) — I, 251
- Приправочные книги (фиксировали изменения, происшедшие за известный промежуток времени в данных писцовых книг) — II, 161
- Пристав — I, 379, 446—447; II, 28, 287
- Приходни — см. люди прихожие
- Пришлые люди — см. люди похожие
- Продажа (штраф в пользу князя за все правонарушения, исключая убийство свободного человека, за которое взималась вира) — I, 76, 99—100, 106, 120, 126, 159, 182, 185, 197, 221, 225, 263, 286; II, 45, 299, 306, 318, 336—338, 340, 354, 374
- Прощеник, прощеник божий (зависимый от церкви человек) — I, 125, 221—224. См. также пушеник
- Псковская Правда — см. Псковская Судная Грамота
- Псковская Судная Грамота (Псковский правовой сборник XV в.) — I, 121, 164, 172, 185, 208, 245, 381—384, 413—415, 434—435, 437, 439—440, 442, 444—452, 454—461, 463, 468—470, 484, 514; II, 37, 41, 80, 132, 276, 281, 379
- Псковские летописи — см. летописи Псковские
- Пунулуальная семья — см. брак групповой
- Пустовщина — см. право мертвой руки
- Пушеник (зависимый от церкви человек) — I, 217—218, 221—223; II, 159. См. также прощеник
- Раб, рабство, рабовладение — I, 18, 66, 68, 82, 87, 93, 116, 118—122, 124, 128, 131—136, 139—165, 172, 174, 178—181, 183—184, 188, 199, 200—201, 206—207, 209—210, 212, 214, 219, 224, 227, 229, 240, 256—257, 307—308, 310, 327—329, 361—362, 367, 379, 383, 386, 400—402, 416, 419, 429, 433, 456, 464, 478, 480—481, 484, 493, 504, 521, 524; II, 23, 26—29, 31—35, 39, 74, 78, 114, 117, 120—121, 125, 132, 149, 164, 220, 222—223, 225—228, 231, 245, 259, 263, 273, 324, 327, 332, 342, 345—348, 350, 352. См. также холоп полный
- Раздробленность феодальная — I, 4—5, 7—8, 86, 387, 518; II, 63, 91, 185, 255, 272, 285, 288, 290
- Рало (единица обложения) — I, 27, 39, 69, 81, 195, 283, 472, 507; II, 73, 270
- Революционные демократы — I, 11
- Рента денежная докапиталистическая — I, 307, 310, 316, 320, 325, 333, 367, 430, 486—488, 492; II, 100, 107—109, 131, 213, 217, 229—230, 240. См. также барщина, дякло, оброк, рента земельная докапиталистическая, рента натуральная, рента отработочная, чинш
- Рента земельная докапиталистическая — I, 4, 6, 69, 83, 109—110, 120, 124, 145, 147, 180, 211, 213, 240—241, 243, 303, 307, 310, 316—317, 320, 325, 328, 333, 367, 371, 422, 486—488, 492, 513, 515, 530, 532; II, 100, 107—109, 182, 213—215, 217, 229—230, 240—241. См. также барщина, дякло, оброк, рента денежная, рента натуральная,

рента, отработочная, рента земельная капиталистическая, чинш
Рента земельная капиталистическая — II, 137

Рента натуральная или продуктовая — I, 4, 6, 211, 213, 241, 243, 307, 310, 316—317, 320, 325, 333, 417, 422, 430, 486—488, 492, 530, 532; II, 108, 214—215, 217, 229—230, 240—241. См. также барщина, дякло, оброк, рента земельная докапиталистическая, рента денежная, рента отработочная, чинш

Рента отработочная (примитивная) — I, 83, 120, 124, 180, 211, 240, 243, 303, 316—317, 328, 367, 422, 487. См. также барщина, дякло, оброк, рента земельная докапиталистическая, рента земельная капиталистическая, рента натуральная чинш

Реформа крестьянская — см. крестьянская реформа 1861 г.

Реформация, реформационное движение — II, 217

Роба — см. раб

Род, родовой строй — I, 46, 51, 59—61, 64—69, 71—73, 80—81, 86, 90, 94, 101, 214—217, 224, 386

Родовая теория — см. теория родового быта

Ролейный закуп — см. закуп ролейный

Русская Правда (свод права древней Руси) — I, 11—12, 20, 31, 35—37, 39, 52—55, 61, 68—70, 72—80, 88, 90, 93, 99, 101, 105, 109, 111—121, 124—134, 136—144, 146—151, 153—177, 179—188, 197—201, 203—205, 207—211, 213—217, 220, 226—227, 236—238, 240, 244—246, 252—254, 257, 259, 281—290, 292—294, 303, 305, 308, 311—314, 316, 318, 320, 327, 351, 353—354, 358, 361—363, 381—384, 395—397, 413, 419, 421—422, 429, 433, 446, 454, 484, 499—502, 504, 516; II, 12, 31, 33, 35, 79, 164, 183, 281, 379

Русское право — см. право русское

Рынок внешний — I, 7, 42, 240, 365—366, 392, 430; II, 8, 11, 53, 316

Рынок внутренний — I, 6—7, 42—43, 120, 240, 364—366, 430, 530; II, 3, 5, 8—9, 11, 14, 16, 20, 22—23, 43, 57, 62, 95, 122, 131, 185, 316

Рыцарское право — см. право рыцарское

Рыцарь, рыцарство — I, 6, 77—78, 80, 194, 256, 260, 296, 364—365, 370, 377, 386—387, 390—395, 424. См. также детские, дружина, кмст, муж, отрок

Рядная запись — см. порядная запись

Рядович, рядовые люди (феодално-зависимый человек, вступающий в зависимость через договор, ряд) — I, 17, 73, 112, 114, 117, 119—121, 126, 139—140, 142, 157, 159, 162—164, 180, 199, 203, 206—207, 227, 245, 304, 308, 353, 383, 395, 398, 422, 439, 456, 469, 485, 526; II, 12, 75—76, 104, 111—112, 218, 277

Рядович (княжеский исполнитель) — I, 117—118, 162, 211, 213

Рядович (обитатель рядка) — II, 12—13

Рядовые люди — см. рядович

Рядок (торговое поселение) — II, 12—14

Салическая Правда, салический закон, Lex salica (запись обычного права салических франков) — I, 204, 217

Самодержавие, самодержавная власть — I, 5, 8—11, 493; II, 23, 210, 219, 221, 250, 290, 317

Саранча — II, 88

Свобода — см. слобода

Своеземец — см. земец

Свозные книги (фиксировали беглых крестьян и ход их розыска и возвращения владельцам) — II, 368

Свозчик (агент гос. власти, разыскивавший беглых крестьян) — II, 368—369

Сделье — см. барщина

Секуляризация церковных земель — I, 194; II, 26, 64, 68, 70

Семенов день (1 сентября и 18 декабря по ст.ст., сроки крестьянского отказа) — II, 94, 179

- Семья моногамная — см. моногамная семья
- Семья полигамная — см. полигамная семья
- Сеньер, сеньерия — см. вотчина
- Серв (средневековый раб Западной Европы, превращенный в крепостного), серваж — I, 126, 147, 158, 160, 172, 208, 429; II, 35
- Серебренник (феодално-зависимый человек, зависимость которого устанавливалась через «серебро», т. е. деньги, выдававшиеся ему вперед под условием уплаты их с процентами — «серебро ростовое» — или же работы за проценты — «серебро издельное»), серебряничество — I, 164, 166, 436, 438—439, 452—456, 469, 474, 483, 485, 492, 504, 526; II, 27, 61, 75—76, 78, 80, 83, 98, 100—106, 110—111, 113—114, 121—122, 131—132, 145, 171, 183, 206, 218, 275—276, 278, 280—281, 284, 306, 311. См. также издельник
- Серебро (деньги, выдававшиеся вперед феодално-зависимому человеку под условием уплаты их с процентами — «серебро ростовое» — или же работы за проценты — «серебро издельное») — I, 164, 414, 453, 455, 457, 523; II, 27, 78, 97—114, 126, 130—132, 163, 171, 226, 275, 277—279
- Серебро головное — см. серебро кабальное
- Серебро кабальное (полученное по служилой кабале) — II, 100, 127
- Серебро летнее (погашавшееся по «летам», в расщочку) — II, 100
- Симеоновская летопись — см. летопись Симеоновская
- Сирота (крестьянин) — I, 17, 21, 194—196, 204—206, 212, 221, 227, 399, 472, 485, 502—504, 507, 510, 517, 525, 530—531; II, 92, 137, 143, 223. См. также кмет-смерд, мирянин и смерд
- Славянофилы — I, 10, 61, 63
- Слобода, слободка (устраивавшиеся феодалами поселения, свободные от податей) — I, 105—106, 195, 406—407, 409, 441, 508, 516, 519—520; II, 10—11, 16, 21, 366, 378—379
- Слободчик (организатор слободы) — I, 519—520; II, 92
- Слово о полку Игореве — I, 57, 226
- Слуги военные — I, 475, 477—478, 482—483, 485; II, 34
- Слуги вольные — I, 258, 274, 482—483, 522—525; II, 32, 331
- Слуги дворовые, слуги под дворским (люди вольные, владевшие собственным хозяйством, и холопы) — I, 482, 522; II, 92
- Слуги королевские (в Галицко-Волынской Руси) — I, 290, 292, 309, 351, 354—355, 358, 364
- Слуги под дворским — см. слуги дворовые
- Служилые люди — I, 5, 8, 370, 475, 481, 483; II, 22, 59, 63, 65—67, 70, 114, 118, 133, 150, 169, 175, 210, 216, 218, 220, 234, 237—239, 248—250, 255, 257, 274—276, 288—289, 297, 313, 315—316, 319, 323, 333—335, 337, 348, 351—352, 355, 358—360, 363—366, 369—380. См. также дворянин, дети боярские, помещик
- Служки монастырские — I, 477
- Смерд (крестьянин в киевский и докиевский период) — I, ~~109, 112~~, 114, 117—121, 125—126, 128, ~~132~~, 135—136, 139—140, 147, 157, 159—~~163~~, 165, 171—172, 179—213, ~~220—221~~, 227—228, 232—234, ~~237—240~~, 244—246, 249, 255, 281—282, 285—286, 289—290, 297—298, 303—305, 308, 310—314, 318, 320, 336—337, 341, 344, 353—354, 361, 383, 386, 395—404, 406, 410—411, 416—419, 421—422, 429, 433—434, 436, 438—439, 443, 450—451, 456, 458—460, 462—466, 468—470, 475, 485, 492, 497, 502—505, 509—511, 513; II, 73, 77—78, 80—81, 85, 95, 104, 164, 166, 168
- Смоленская война 1632—1634 гг. — II, 8, 366
- «Смута» — см. крестьянская война начала XVII в. в России
- Собственность феодалная — I, 13, 43, 85, 262, 273—274, 303, 471, 509; II, 74, 95

- Солтыс (организатор поселений на немецком праве), солтыство — I, 317, 328, 334. См. также войт
- Сотник, сотскпй — I, 91, 162, 236, 462, 482; II, 92
- Сотные люди, сотные — см. слуги королевские
- Сотня — см. сто
- Соха (единица обложения), сошная система — I, 306, 408, 415, 422, 460, 463, 507, 521; II, 20, 40, 73—74, 137, 185, 208, 270
- Сочинки (разряд зависимых людей на Киевщине) — I, 309
- Сошное земледелие — см. земледелие сошное
- Союз племен — I, 64
- Ссуда — см. подмога
- Становщик (ведал черными людьми в пределах стана) — II, 89, 92
- Старейшина, старшина родовой — I, 90, 101, 388
- Старожилец, крестьяне старинные, искони вечные, пошлыс, становые люди, старые жильцы (крепостные тяглые крестьяне, потерявшие право выхода), старожильство — I, 14, 382, 427, 468, 512, 526, 531; II, 75—97, 109, 146, 171—172, 174, 181—185, 240, 265, 267—269, 272—273, 279—285, 301, 308—309. См. также люди непохожие
- Староста — I, 201, 325, 336, 353, 462, 479, 521; II, 139, 203
- Староста ратайный (наблюдающий за пашней вотчины) — I, 113, 139, 159—160, 207
- Староста сельский (исполнитель распоряжений вотчинной администрации, наблюдал за населением вотчины) — I, 113, 139, 159—160, 207
- Старци, старцы, старейшие (представители туземной знати) — I, 91—92
- Старые жильцы — см. старожилец
- Статуы литовские — см. литовские статуы
- Стации (побор в пользу феодала в великом княжестве Литовском) — I, 423
- Ста (городская купеческая организация) — I, 189, 194, 474
- Сто, сотня (общинная организация) — I, 69—70, 291—292, 301—302, 306, 337, 398. См. также вервь, град, губа, мир, община, община сельская, община семейная, погост, потуг
- Стоглавый собор 1551 г. — II, 228—229, 250, 267, 283, 287—289
- Столбовский мир 1617 г. — II, 199
- Страдник (холоп, посаженный на землю и превращенный в крепостного) — I, 525; II, 27, 34
- Стяжатели (сторонники неприкосновенности монастырских земель) — II, 227. См. также осифляне
- Судебник Василия III — II, 288
- Судебник Ивана III 1497 г. — I, 245, 276, 347, 383—384, 500; II, 31—32, 34, 88, 96, 113—115, 174—175, 178, 183—184, 220—221, 224, 226, 230, 258, 261, 265—266, 270—271, 280—282, 284—289, 291, 295—296, 307, 379
- Судебник Ивана IV 1550 г. — I, 383; II, 31—33, 36—37, 41, 65, 78, 96, 99, 113—117, 120, 122, 174—175, 220—221, 230, 250, 256—258, 261, 265—266, 270—271, 274, 280—301, 304—305, 307, 310—312, 318, 320, 323, 331, 341, 343—344, 347—351, 353, 376, 379
- Судебник Казимира Великого — см. Вислицкий статут
- Судебник царя Федора Ивановича — II, 37, 113, 121, 295, 299—300
- Судебный поединок — см. поле
- Схожие люди — см. люди похожие
- Сын боярский — см. дети боярские
- Сюзерен (верховный владетель в феодальном государстве) — I, 204, 261, 274, 298, 489
- Сябр (свободный крестьянин, независимый смерд) — I, 17, 204, 208, 212, 220, 436, 460—464, 469, 475, 480
- Тарханы — см. иммунитет
- Татарский погром, татарское иго — I, 5, 244, 246—250, 281, 299, 309, 352, 387, 421, 434; II, 25
- Татарщина (побор в пользу татар) — I, 269, 303

- «Теория бродяжничества крестьян» — I, 46—47, 81—82, 192, 502
- Теория родового быта — I, 59—61, 67
- Типографская летопись — см. летопись Типографская
- Тиун (княжеский слуга, приказчик, управляющий хозяйством), тиунство — I, 113—115, 117—118, 123, 138, 146, 153, 157, 159, 162—163, 165, 200—201, 203, 350, 432, 480, 483—484, 523; II, 26, 31—32, 87
- Тиун (представитель крестьянских общин) — I, 289—290, 305, 309—310, 318—319, 336—337, 353, 358, 360; II, 141—142
- Толока (крестьянская повинность, отбывавшаяся скопом на господском поле) — I, 310. См. также взгон
- Торунский мир 1466 г. — I, 365, 371
- Третник — см. половник
- Трехпольная система земледелия, трехполка — I, 38, 44—51, 323, 386
- Трипольская культура — I, 23—24, 28
- Трудники (монашеские работники) — II, 160
- Тысяцкий (начальник древнерусского местного ополчения) — I, 92, 195, 235—236
- Тяглец, тяглые люди, тягло, тяглое состояние — I, 184, 196, 206, 244, 273, 297, 302—303, 306—307, 309, 318, 320, 399, 405, 407, 415—417, 422, 427, 440, 450—451, 460, 463, 465, 467, 473—474, 483—485, 518, 522, 524, 526, 528, 530—532; II, 12, 72—74, 77, 82, 89—92, 94—95, 113, 125—128, 131—132, 134—138, 147—148, 161, 163, 165, 171, 173, 178—180, 182—183, 185—187, 189, 192—193, 195—196, 198—199, 201—202, 204—208, 230, 243, 247, 254, 264—265, 270, 279—281, 283—286, 298—299, 302—303, 306, 309, 322, 326, 330, 358, 363, 367, 374, 380, 383—386. См. также данник, дань
- Уветический съезд (совещание князей в Уветичах в 1100 г.) — I, 135
- Уложение Алексея Михайловича 1649 г. — I, 163; II, 115, 123, 187, 207, 325, 329—330, 357—358, 374—383, 385—390
- Уложение Василия III (запрещение жителям ряда городов и некоторым северо-восточным князьям давать вотчины в монастыри без доклада великому князю) — II, 69
- Уморщина — см. право мертвой руки
- Уроки (повинности, пошлыны) — I, 97, 99—100, 120, 128, 148, 159, 172, 182, 185, 197; II, 90. См. также повинности
- Урочные годы (в течение которых феодалы имели право разыскивать и возвращать себе беглых крестьян) — II, 272—273, 322, 344, 358, 360, 362, 370—373, 375—379, 382, 388—389
- Уставные грамоты:
Белозерская 1488 г. — I, 347; II, 17, 40
Важская 1552 г. — II, 184, 284
Двинская 1397 г. — I, 142, 156, 172, 245, 500
крестьянам Артемовского ст. Переяславского у. 1506 г. — II, 40
крестьянам Вохонской вол. кн. Владимира Андреевича Старшского 1561 г. — II, 282—283
крестьянам Моревской слободы 1530 г. — II, 92, 284
крестьянам Новинского мон. патриарха Иова 1590 г. — II, 299
крестьянам Троице-Сергиева мон. — II, 47
крестьянам царских подклетных сел Переяславского у. 1556 г. — II, 282—283
Торопецкая 1590/91 г. — II, 302—303
- «Уставная и наказная грамота об общежитии монастырском» 1500 г. — II, 112
- Феод (наследственное феодальное владение) — I, 274—275, 283, 482; II, 95. См. также вотчина и лен
- Феодальная собственность — см. собственность феодальная
- Феодальная раздробленность — см. раздробленность феодальная

Феодалные войны — см. войны феодалные

Филиппов день, Филиппово заговенье (14 ноября по ст. ст., срок крестьянского отката) — I, 444, 451, 457; II, 94, 128, 130, 152, 199, 281

Фольварк, фольварочное хозяйство (барская запашка в Польше и великом княжестве Литовском) — I, 345—346, 352, 359, 364, 368, 371—372, 380, 420, 430. См. также барская запашка

Хлоп (польский крестьянин) — I, 20, 297, 315, 348, 353, 377

Холоп, холопство — I, 9, 78—79, 82, 112, 114, 117—118, 120—121, 125—126, 128—132, 135—136, 138—151, 153—154, 156—161, 163—167, 170—174, 179—180, 182, 193, 195, 198—202, 207—209, 211, 213—214, 218—220, 222—224, 237, 286, 304, 308, 318, 327, 353, 361, 382—384, 386, 395, 398, 400—402, 404, 408—410, 412—413, 415—416, 418—419, 422, 428, 446—447, 456, 464—465, 468, 475, 477—485, 489, 491—493, 497, 504, 511, 517—518, 521—526, 532; II, 11, 16, 26—29, 31—36, 38, 59, 65, 71, 75—76, 78, 103, 106, 108, 114—121, 124—125, 127, 130—132, 148—150, 166, 174, 218, 220—221, 224, 227, 263—264, 276, 288, 290, 311—315, 318, 323—328, 331, 333—335, 339—358. См. также холоп добровольный, холоп докладной, холоп кабальный, холоп полный, холоп служилый

Холоп добровольный — I, 131—132, 157; II, 35—36, 174, 220, 311, 327, 346—348, 351

Холоп докладной (продавшийся в холопство с «доклада» властям по «докладной грамоте») — II, 108, 276, 325

Холоп кабальный (вступивший в зависимое состояние по кабальной записи) — I, 166, 174; II, 33, 75, 103, 106, 108, 115—118, 131, 174, 218, 264, 312, 314, 324—325, 328, 339, 341, 345, 347—348, 351, 353

Холоп полный, обельный; холоп-

ство полное, обельное (раб, рабство) — I, 9, 128—132, 138, 144, 147, 151, 153, 157—158, 163, 170—172, 327, 416, 482, 521—522; II, 26, 31, 33—35, 106, 108, 116—120, 131, 264, 324—325, 327—328, 334, 341. См. также раб

Холоп служилый (взявший по кабале обязательство служить заимодавцу за проценты) — II, 115

Царский судебник — см. Судебник Ивана IV

Целовальник (выборное должностное лицо, целовавшее крест, т. е. принесшее присягу) — II, 188, 282

Цензуал, или цензитарий (феодално-зависимый человек средневековой Западной Европы. выплачивавший собственнику земли ценз, т. е. продуктовый или денежный оброк) — I, 325

Челядин наймит — см. закуп

Челядин полный — см. холоп полный

Челядь (совокупность работавшего на вотчинника населения) — I, 4, 36—37, 66, 68, 79, 82, 101, 106—107, 117, 119—121, 125—140, 142—144, 150, 158, 160—161, 164—165, 171, 174, 176, 180, 199—200, 203—204, 206—207, 213, 226, 240, 246, 286, 297, 303, 307, 309, 348, 397—398, 429, 515, 532; II, 11, 27, 164, 342, 352, 365. См. также челядь невольная

Челядь дерноватая — см. холоп полный

Челядь невольная (группа населения в великом княжестве Литовском, работавшая на вотчинном дворе в качестве ремесленников, иногда сажавшаяся на землю) — I, 273, 423, 425, 432, 434

Черные земли — см. земли черные

Черные люди (некрепостные крестьяне, населявшие общинные земли) — I, 184, 399, 470, 516, 519; II, 10, 70, 89—90, 92, 136, 164, 180, 206, 260, 290, 348

Черные люди посадские (основная трудящаяся масса древнерусских городов) — II, 10

Черный бор (поголовный сбор в пользу татар) — I, 407—408, 415; II, 137

Четник — см. кочетник

Чинш (оброк в Галицко-Волынской Руси) — I, 307, 309—310, 312, 334, 338—340, 343, 349, 359, 364—365, 371, 425. См. также оброк

Чиншевик — см. оброчник

Шелонская битва 1571 г. — II, 63

Шляхта, шляхтич — I, 251—252, 258—259, 276—277, 279—280, 289, 294, 306, 319—320, 322, 327, 334, 342—343, 348—349, 353, 358—359, 362—363, 365—366, 368—370, 373—378, 380, 419, 424, 431; II, 286, 334

Эмфитевзис (длительная или наследственная аренда под условием платежа оброка) — I, 169

Юнкер (крупный землевладелец-дворянин в Пруссии и других восточных областях быв. Германской империи) — I, 366, 370

Юрьев день весенний (23 апреля по ст. ст., день крестьянского отказа) — II, 94

Юрьев день осенний (26 ноября по ст. ст., срок крестьянского отказа) — I, 8—9, 379, 452, 455, 531; II, 94, 97, 109, 112, 125, 132, 141, 175, 178—179, 181, 184, 220, 256—259, 261—263, 265—267, 270—271, 274—275, 278—281, 283—285, 293, 295, 298—299, 307, 313—314, 320, 323, 326, 331—332, 334, 337, 341, 353, 382, 384, 390

Юрьевские люди — см. люди юрьевские

Ябетник (княжеский исполнитель) — I, 214

Яжелбицкий мир 1456 г. — I, 415

Ямская повинность — см. повинность ямская

Ярлык ханский — I, 506—507

Ярыжка (чернорабочий) — II, 39, 155

Abdicatio — см. отказ

Adscripti (разряд зависимых людей в Галицко-Волынской Руси) — I, 326—327

Advocatia — см. войт и солтыс

Annona ducalis — см. дякло

Armigeri — см. боярин

Ascripticii (разряд зависимых людей в Галицко-Волынской Руси) — I, 326—327

Capitulare de villis (хозяйственные инструкции Карла Великого об управлении поместьями) — I, 76

Curia — см. дым

Cywan — см. тиун (представитель сельской общины)

Dominium, jus dominii (совокупность прав князя по отношению к земле и сидящему на ней населению) — I, 271

Domus — см. дым

Dworzystwo — см. дым

Exceptio — см. пожилое

Exitus — см. выход

Familia — см. община семейная

Fumus — см. дым

Gegenote — см. община

Grod — см. град

Nomines liberi (разряд относительно свободных крестьян в Галицко-Волынской Руси) — I, 326—327, 329

Nomines pertinentes (зависимые люди) — I, 196

Nomines proprii — см. крепостной

Nomines regales — см. слуги королевские

Nomo sotny — см. слуги королевские

Jus declinationis — см. отказ

Jus dominii — см. dominium

Jus ducale — (право государя пожаловать землю в качестве ее верховного владельца) — I, 263

Jus feudale (пожалование земли в условное владение) — I, 277

Jus haereditarium (право передавать полученную землю в наследство) — I, 258, 278

Jus militare — см. право рыцарское

Jus theutonicum — см. право немецкое

Kmetho sotny — см. слуги королевские

- Księga Praw — см. Польская Правда
- Kurmede (зависимый человек в средневековой Германии) — I, 172
- Lex salica — см. Салический закон
- Main-mortables — см. право мертвой руки
- Majores natu — см. старцы
- Majores personae — см. шляхта
- Migrans (вновь принятый в средневековую германскую общину поселенец) — I, 217
- Miles — см. рыцарь и шляхта
- Miles creatus — см. шляхта
- Miles famosus — см. шляхта
- Mordanicae, mordonicae, mordinicae — см. кмет (смерд)
- Obnoxii (разряд зависимых людей в Галицко-Волынской Руси) — I, 326
- Obnoxii ab servitia (разряд зависимых людей в Галицко-Волынской Руси) — I, 326
- Opole — см. община
- Pecunia recessionales — см. пожитое
- Piętnadziesta (штраф за нарушение закона о беглых по Вислицкому статуту) — I, 344
- Potentiores personae — см. шляхта
- Reclinatio — см. отказ
- Rutini regales (крестьяне Галицко-Волынской Руси, жившие на русском праве) — I, 350
- Scabinus — см. ланник
- Scartabellus (мелкий шляхтич) — I, 279—280
- Sculetia — см. войт и солтыс
- Senatores terrae — см. старцы
- Seniores, seniores natu — см. старцы
- Serf de corps (средневековый крепостной во Франции, находившийся в полной власти господина и не имевший права выхода) — I, 429
- Serf de main morte (средневековый зависимый человек во Франции, имевший ограниченное право выхода и не имевший права распоряжения своим участком земли) — I, 429. См. также право мертвой руки
- Servi glebae (разряд зависимых людей в Галицко-Волынской Руси) — I, 326
- Servitores — см. слуги королевские
- Terrigena — см. земец
- Watmann, vattmann — см. тхув (представитель общины)
-

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвертая

Рост внутреннего рынка. Изменения в сельском хозяйстве. Барское хозяйство, крестьянская барщина и крепостное право

I. Народное хозяйство во второй половине XV в. и первой половине XVI в.	5
1. Предварительные замечания	5
2. Рост внутреннего рынка	8
3. Сокращение применения рабского труда. Крепостной и наемный труд	26
II. Феодалы-землевладельцы в конце XV и первой половине XVI в.	43
1. Рост барской запашки	43
2. Разорение боярства	53
3. Вопрос о земле и новых кадрах землевладельцев	62
III. Феодално-зависимое сельское население в XV—XVI вв.	71
1. Предварительные замечания	71
2. Крестьяне-старожилыцы	76
3. «Серебро» и серебряники	98
4. Кабальные люди	113
5. Половники	132
6. Монастырские детеныши	147
7. Крестьяне-новопорядчики	163
8. Деревенские бобыли	185
IV. Крестьянский вопрос в публицистике XVI в.	209
V. Крестьянская барщина и крепостное право	231
1. Разорение 70—80-х годов XVI в.	233
2. «Юрьев день» и «заповедные годы»	256
3. Перемены в положении наемных и кабальных людей (80-е годы XVI в.)	310
4. 1597 год	314
	469

VI. Выступление холопов и крестьян на рубеже XVI и XVII вв.	333
VII. Борьба помещика за освоение поместья и отмену «урочных лет» и Уложение 1649 г.	358
Сокращения, принятые при указаниях на источники	391
У к а з а т е л и	393
Именной	395
Географический	426
Предметный	447
